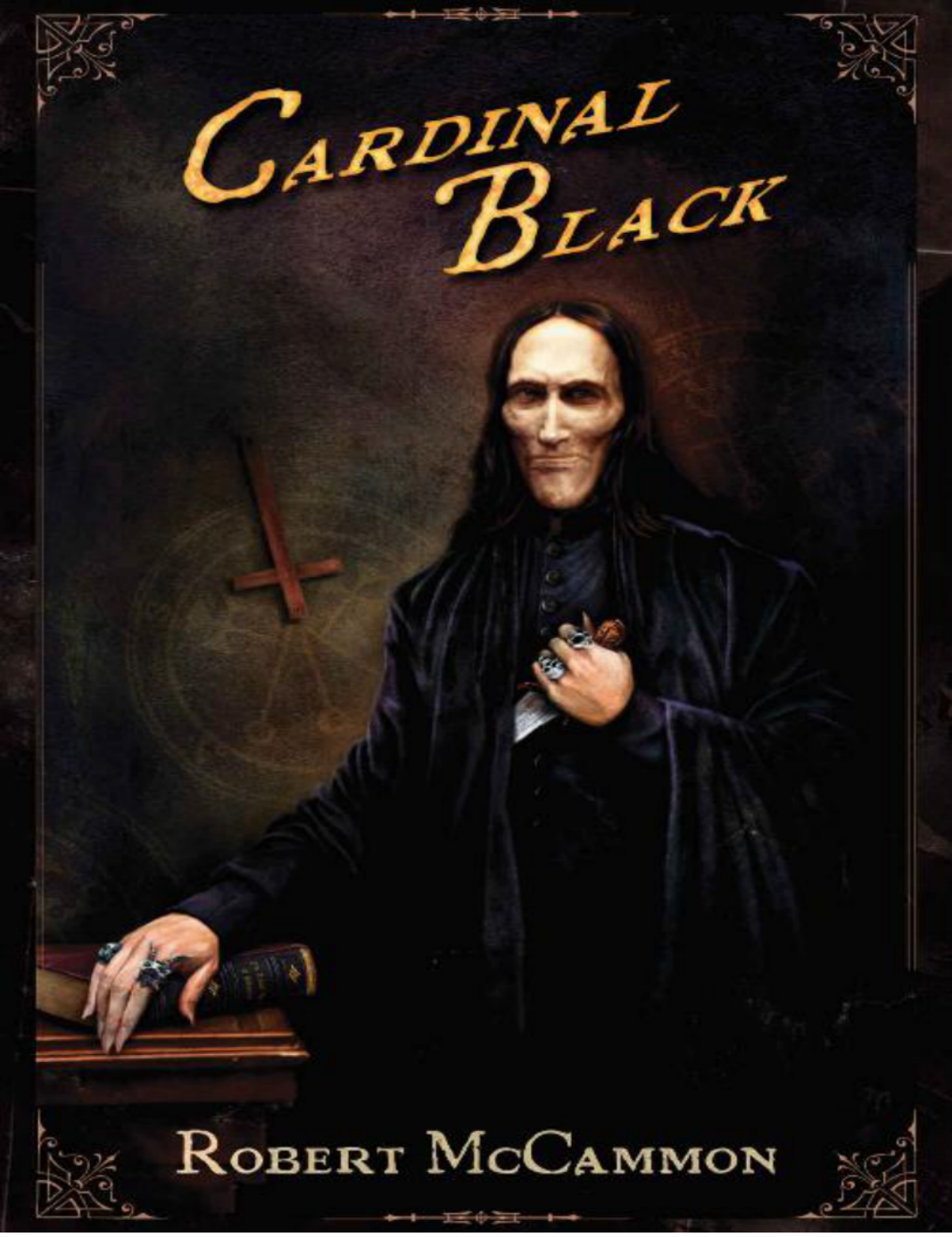
CARDINAL BLACK
ROBERT MCCAMMON

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спасти любимую… Вызволить из плена друга… Заключить союз с врагом… Успеть или умереть, пытаясь… Начавшееся в колонии Каролина приключение Мэтью Корбетта привело его в логово Профессора Фэлла, откуда теперь он вынужден начать новое опасное путешествие. Злой шуткой судьбы Мэтью пришлось заключить со своим давним врагом договор и отправиться по следам нового, не менее опасного противника Кардинала Блэка, чтобы вернуть украденную им книгу ядов и спасти от неминуемого безумия свою возлюбленную Берри Григсби. Время работает против Мэтью, а единственным его союзником становится приспешник Профессора Фэлла Джулиан Девейн. Но можно ли ему доверять? Смогут ли они совместными усилиями выполнить эту миссию, или же угодят прямо в лапы смерти? Читайте в новом романе Роберта МакКаммона «Кардинал Блэк».

- Роберт МакКаммон
- Часть первая. Сквозь бурю
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- Часть вторая. Зов Лондона
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
- Часть третья. Зловещая семерка
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая

    - Глава двадцать третья
- Часть четвертая. Кошки-мышки.
    - Глава двадцать четвертая
    - Глава двадцать пятая
    - Глава двадцать шестая
    - Глава двадцать седьмая
    - Глава двадцать восьмая
    - Глава двадцать девятая
    - Глава тридцатая
    - Глава тридцать первая
    - Глава тридцать вторая
- Часть пятая. Откровение
    - Глава тридцать третья
    - Глава тридцать четвертая
    - Глава тридцать пятая
    - Глава тридцать шестая
    - Глава тридцать седьмая
- От издательства
- От переводчиков
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

Роберт МакКаммон
Кардинал Блэк

«Кардинал Блэк»
Издательство Cemetery Dance
Балтимор, Мэриленд
2019 год

Copyright © Роберт МакКаммон

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме, на любых электронных или механических носителях, включая системы хранения и поиска информации, без письменного разрешения издателя, за исключением рецензента, который может цитировать краткие отрывки книги для рецензии.

Cemetery Dance Publications
132Б, Индастриал Лейн, строение 7
Форест Хилл, Мэриленд 21050
http://www.cemeterydance.com

Персонажи и события данной книги являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является случайным и не было запланировано автором.

ISBN-13: 978-1-58767-729-8
Обложка © 2019, Винсент Чонг
Дизайн обложки от Desert Isle Design, LLC
Цифровой дизайн Дэна Хокера

Часть первая. Сквозь бурю

Глава первая

— Выслушай меня внимательно, — сказал Гарднер Лиллехорн, одетый в блистательное пальто оттенка павлиньего оперения с закатанными манжетами цвета голубиной крови. На голове его красовалась синяя треуголка, из-под красной ленты которой торчало белое голубиное перо. Как говорили в народе, он был *одет с иголочки*.

Его тонкие черные усики чуть подергивались над столь же тонкой верхней губой, в то время как идеально подстриженная козлиная бородка указывала вертикально вниз.

— Итак, — продолжил он. Его маленькие черные глазки сверкнули в слабом свете клонящегося к закату декабрьского дня. — Я почтенный помощник главного констебля. Поэтому имею полное право обрушить на тебя всю силу закона, как двухтонную пушку на мышку весом в пенни, если ты не сделаешь то, что я сказал. У меня нет ни времени, ни терпения на твое молчание, поэтому я спрошу еще раз — и всего лишь раз — прежде чем буду вынужден перейти к действиям. Так ты это сделаешь или нет?

— Но… сэр, — пролепетал десятилетний мальчик, чья серая одежда и впрямь была мышиного цвета. Тем не менее, ее было вполне достаточно, чтобы выдержать если не вес тяжелой двухтонной пушки, то хотя бы холод падавших снежинок, что кружили на улицах, в переулках, во дворах и садах и ложились на крыши промозглого шумного Лондона. — Всего пять пенсов! — продолжал причитать юный продавец, пока ветер трепал его одежду, а снег ложился на черную шерстяную шапку. — Сэр, вы ведь можете себе позволить потратить…

— Проблема не в том, что я могу или не могу себе позволить. Я…

— Это *не твое дело*! — внезапно вместе с брызгами слюны исторг рот помощника Лиллехорна, пухлощекого Диппена Нэка. Он держался позади своего хозяина, как и подобает верному псу.

— Нэк! Я буду говорить за себя сам, спасибо! — прорычал Лиллехорн. В его тоне послышался резкий упрек, и его двуногий пес немного втянул шею в плечи.

Несмотря на свое приземистое телосложение, под пурпурной треуголкой Нэк носил богатый, аккуратно завитый и напудренный белый парик, создававший иллюзию, что он ростом доходит до плеч Лиллехорна.

Лиллехорн вновь обратил внимание на мальчика, который, как он решил, не собирался убегать, но продолжал игнорировать

его требование. Похоже, это становилось делом принципа. Лиллехорн приподнял свою трость из черного дерева, держа ее за серебряный набалдашник в виде львиной головы. Он водрузил кончик этой трости на правое плечо мальчика — аккурат туда, где его пересекала лямка кожаной сумки, в которой лежал вожделенный предмет.

— Отдай мне этот последний оставшийся экземпляр «Булавки Лорда Паффери», — пробасил Лиллехорн. — Я *приказываю*.

— Это *приказ*! — пролаял Диппен Нэк, не сильно понимая, что происходит. Нэк не слыл особенно дальновидным малым: он даже не понимал, что то пальто, которое ему продали как отделанный бобровым мехом шедевр, на деле было подбито шерстью мертвой дворняги. Его ангельские пухлые щечки на хулиганском лице, казалось, начали пульсировать от удовольствия, которое он получал от этой перепалки с малолетним продавцом газет.

Впрочем, эта вспышка ярости Нэка, сколь бы агрессивной она ни казалась, заставила мальчика лишь медленно моргнуть, а многоуважаемого помощника главного констебля выдать в ответ смиренный вздох.

— Я настаиваю, — заговорил Лиллехорн более спокойным тоном, продолжая при этом поглядывать на предмет своего интереса, — что *уже* заплатил за этот экземпляр «Булавки». Своей *работой*. Другими словами, учитывая мой авторитет и, конечно же, *ответственность*, возложенную на мои плечи, я рассчитываю, что некоторые предметы моего интереса в этом городе должны становиться моими по первому требованию. Причем, без оплаты, и с воодушевлением дарителя. Эта газета должна быть одним из этих предметов.

— И почему же так должно быть, сэр? — осмелился спросить мальчик, дерзко вздернув подбородок.

— Просто *потому что*, — был ответ. Лиллехорн тут же понял, насколько несуразно он прозвучал, и предпочел добавить: — Потому что без надлежащей защиты со стороны служителей закона лорд Паффери может обнаружить, что его «Булавки» прямо у самой двери типографии крадут хулиганы. Если, конечно, сама типография к тому моменту не будет сожжена дотла. Мы — *я* — есть крепкая стена правопорядка, на которую могут положиться все в этом городе. Я — преграда между дверью лорда Паффери — и каждой дверью, которую ты видишь на этой улице — и злыми щупальцами хаоса. Я полагаю, ты понимаешь, как много это…

— Ах! Наконец-то я нашел «Булавку»! Держите пять пенсов, молодой человек! — Дородный джентльмен в коричневом пальто

и треуголке того же цвета поверх кудрявого парика, внезапно ворвался в это театральное действо, вывернув из-за угла Фаррингтон- и Стоункаттер-Стрит в нескольких кварталах к западу от Олд Бейли. Как раз оттуда Лиллехорн и Нэк — напыщенные и наполненные если не пламенем справедливости, то уж точно тлеющими угольками алчности — пришли буквально недавно.

Новое действующее лицо держало в одной руке серебряные монетки и протягивало их продавцу. Вторая же его рука уже тянулась к газетным листам, торчавшим из сумки мальчика.

— Стойте! Стойте! — неожиданно воскликнул Лиллехорн, и голос его едва не сорвался на истерический писк. Казалось, отыскать сегодня эту «Булавку» ему и впрямь пришлось в стоге сена.

— Он сказал *стоять!* — гаркнул в подтверждение Нэк, выхватив свою черную дубинку — его любимое орудие злодейства. Не дожидаясь команды, Нэк, словно дьявольский трезубец, метнулся вперед, мимо Лиллехорна, и приставил кончик дубинки прямо к подбородку незнакомого мужчины. — Ты ее не получишь! — прорычал он. — Она уже *занята!*

Джентльмен невольно отшатнулся на своих полированных каблуках.

— Это… это возмутительно! — воскликнул он, переводя взгляд с Лиллехорна на его подручного. Оба они сейчас выглядели для него не привлекательнее грязных ногтей на ногах бродяги. — У вас нет прав на эту газету! Где ваши деньги, сэр? Вы за нее заплатили?

— Я тебе сейчас покажу *оплату!* — Нэк снова ткнул дубинкой в подбородок джентльмена, на этот раз гораздо ощутимее. — Крепкую такую, хорошую оплату, понял?

— Это возмутительное хулиганство! Я позову служителей закона. Я уверен, что рядом есть констебль!

— Конечно, есть! — проскрипел Нэк с кривой ухмылкой, обнажившей его стертые и местами сколотые зубы. — Ты на одного из них смотришь. А рядом сам помощник главного констебля, так что утрись и проваливай, понял?

— Люди, да вы обезумели, — растерянно пробормотал джентльмен. — Такие хамы — и констебли? Куда катится этот мир?

— Не знаю насчет мира, а вот ты близок к тому, чтобы скатиться в сточную канаву. Проваливай, кому сказал!

— Это возмутительно! Полный беспредел! — закричал мужчина, однако во имя собственной сохранности отступил в вихрь дрейфующих снежинок, а после слился с движущейся

людской массой Лондона, оставив весь этот абсурд позади.

— Никуда ты не пойдешь! — Лиллехорн резко протянул свободную руку, чтобы ухватить мальчишку за плечо, поскольку тот отступил на шаг. Вернее, он лишь повернул голову, изучая пути отступления, а ноги его остались на месте. — Забери газету, Нэк, — приказал Лиллехорн.

Указание было исполнено.

— Мой управляющий выпорет меня за это! Он пересчитывает все заработанное и сверит с числом копий, — жалобно запротестовал мальчик.

— Позволь дать тебе совет. — Лиллехорн отпустил плечо мальчишки и провел кончиком трости по его щеке. — Скажи своему управляющему, что он обсчитался и изначально положил тебе на одну копию меньше. Посмотри ему прямо в глаза, когда будешь это говорить, и поверь в это сам. Поверь в это так сильно, как ни во что никогда не верил, и это станет правдой. У тебя будет значительно меньше проблем в жизни, если ты научишься так делать.

Мальчик молча на него уставился. Затем его брови поползли вверх — слегка насмешливо — и он сказал:

— Ээ… спасибо?

— На здоровье. А теперь беги. — Лиллехорн слегка похлопал его кончиком трости по щеке, и мальчик побежал прочь, унося с собой едва ли не самый ценный урок того, как быть искусным лжецом. Лиллехорн же выхватил «Булавку» из рук Нэка, прежде чем тот успел прочесть хоть слово.

Уставившись на газету с победным выражением, Лиллехорн почти нараспев произнес:

— Наведаемся в кофейню мистера Чомли. Он уже понимает важность бесплатной чашки кофе для трудолюбивого служителя закона.

— *Двух* трудолюбивых служителей закона, — осмелился поправить его Нэк, неуверенно хихикнув.

— Хм, — неопределенно буркнул Лиллехорн в ответ. Выражение его лица застыло.

Они шли бок о бок. Один следовал за другим уже несколько лет, начиная с Нью-Йорка и вот теперь — в Лондоне. Пока они брели вдоль Стоункаттер-Стрит к заведению мистера Чомли, расположенному на Норвич-Стрит, Лиллехорн размышлял о том, что, похоже, в этот декабрьский день 1703 года все шесть сотен тысяч жителей города выбрались на улицу, чтобы пообщаться и поделиться новостями. В воздухе витал ядовитый душок их ворчания, поводов для коего у них всегда набиралась целая телега. Причем, разговоры эти были такими, будто каждый

житель успел подержать «Булавку Лорда Паффери» в своих перчатках. О, сколько пафоса было в речах этих причудливых лондонских пижонов! И все они шныряли из стороны в сторону, демонстрируя свои новомодные щегольские зимние наряды, новые шляпы и дорогие напудренные парики. Напыщенные снаружи, они не стеснялись показывать грубость своих характеров: шли, бесцеремонно толкаясь локтями, задевая друг друга и прорываясь в таверны, желая отведать горячих запеченных в тесте яблок. Они приветливо кивали и улыбались фальшивыми улыбками, в глазах их блестела сталь, а зубы готовы были перегрызть глотки соседским детям, если это поспособствует их процветанию в этом городе.

Он знал их. Знал, что они думали о нем, когда искоса поглядывали на него, словно на кучу лошадиного навоза, оставленного посреди улицы. Казалось, они боятся *наступить* на него своими начищенными ботинками. Да, он знал их. И он ненавидел их — за мысли, за фальшь, за внешность. В последнее время Лиллехорн с особой тоской осознал, что он здесь чужак. Он больше не был истинным английским подданным — на нем остался отпечаток нью-йоркской неотесанности, и он носил ее на себе, словно воровское клеймо. Он оборачивал себя в такие же новомодные одежды, что и они, но нью-йоркский дух просачивался наружу, как бы Лиллехорн ни пытался его скрыть. Его суть — точнее, ее призрак — словно витал вокруг нынешнего помощника главного констебля с целью предать его. На последнем званом ужине, где Лиллехорну довелось присутствовать, он почувствовал тяжелый груз позора на себе, вертясь, словно уж на сковороде, в попытках остроумно отшутиться от собственного незнания: он понятия не имел, какую вилку нужно использовать для блюда из запеченного сала. Он боялся, что утратил всю свою изящность за годы, проведенные на другом берегу Атлантики. Ощущал, что прежние остроумные английские шутки теперь кажутся ему грубыми замечаниями, призванными унизить и обидеть колонистов. И все эти колкости *истинные* англичане произносили сквозь плотно стиснутые зубы.

Будь его воля, Лиллехорн бросил бы все и отбыл на первом же корабле, отправляющемся в колонии, но… у него здесь было видное положение. Его жена Принцесса вцепилась в этот город, словно хищный моллюск в добычу. Ее угнетающий — по крайней мере, для Лиллехорна — отец и столь же неприятная мать заплатили за очень хорошее жилье для своей дочери и ее мужа. Они купили им всю мебель и даже двух лошадей, предназначенных для езды в купленном ими же экипаже, поэтому…

Поэтому встречайте Гарднера Лиллехорна, помощника главного констебля, счастливейшего жителя величайшего города из городов — Лондона — и бывшего колониста из Нью-Йорка, куда он, по-видимому, больше никогда не вернется.

Но правда заключалась в том, что только там, за океаном, он чувствовал себя действительно значимым. У него была там важная работа, и он пользовался всеобщим уважением. Ну… или *почти* всеобщим. Здесь же у него был высокий титул, но, по сути своей, он был никем, просто грязью под чужими ногами. Над ним стояло много более высоких титулов и чинов!

— Черт, как же здесь людно! — бросил он в воздух, не обращаясь ни к кому конкретно, пока наравне с Нэком продирался через толпу под порывами холодного ветра. Снег яростно летел прямо в лицо. Низкие серые облака в небе причудливо переплетались с черными потоками коптящего дыма, поднимавшегося из промышленных дымоходов, которые возвышались даже над самыми респектабельными районами города. Эта картина служила неким напоминанием населению, что всего один неверный шаг и неудачное стечение обстоятельств может превратить любого из прекрасной лондонской элиты в покрытого грязью рабочего, прикованного к каторжному труду — подбрасывать новое топливо в прожорливую пасть Лондона.

Через несколько минут вывеска с синими буквами, гласящая «Кофейный Зал Чомли», появилась в поле зрения, принеся путникам огромное облегчение. Лиллехорн — в компании Нэка, следовавшего за ним по пятам — с радостью вырвался из бесконечного людского потока Лондона и вошел в кофейню. Угольная печь и кирпичный камин насыщали помещение приятным теплом, а висящие фонари рассеивали мрак. Хотя в зале — к огорчению Лиллехорна — уже было довольно много посетителей, он все же решился здесь остановиться и вместе со своим компаньоном направился к пустующему столику в дальнем конце помещения. Сняв пальто, он грузно опустился на стул с высокой спинкой, стоящий под пыльным масляным портретом сурового джентльмена, лицо которого имело весьма хмурый вид. Этот джентльмен, казалось, сердито взирал на новое поколение лондонцев, осуждающе рассматривая его из своего убежища в Вечности.

— Кофе, конечно же! — сказал Лиллехорн молодой девушке, подошедшей, чтобы принять заказ. Он уже начал разворачивать перед собой «Булавку». — Два! — выкрикнул он, опомнившись, прежде чем Нэк успел разинуть свой зубастый рот и напугать девушку. — Черный, слегка подслащенный, — продолжил он, не потрудившись осведомиться, устроит ли это Нэка. — О… и,

кстати, — пробормотал Лиллехорн шелковым голосом, поскольку сейчас его обслуживала не та девушка, что три дня назад, во время его последнего визита, — напомните мистеру Чомли, что это заказ специально для Гарднера Лиллехорна, эсквайра[1]. Ему известны мои имя и должность, поэтому со счетом проблем не возникнет.

Когда девушка ушла, он обратил внимание на новостные сводки в газете, на которые как раз падал мерцающий свет настенного фонаря, висевшего рядом с масляным портретом покойного недовольного джентльмена.

— Господи Боже! — воскликнул Лиллехорн, заметив крупный заголовок в верхней части листа.

— Читайте же! Читайте! — Нэк облокотился о стол, его щеки раскраснелись от волнения.

Лиллехорн прочел:

— *«Альбион и Плимутский Монстр Все еще на Свободе»*. — Внизу имелась приписка более мелким шрифтом, но не менее решительным тоном: «*Констебли опасаются возобновления убийственного веселья*». А еще ниже: «*Остерегайтесь смертоносного клинка Альбиона и Злой Руки Мэтью Корбетта*».

Зачитав все это Нэку, Лиллехорн повторил свою первую реакцию, но теперь выдал ее гораздо тише:

— Господи Боже…

— Я знал, что этот чертов Корбетт — гнилое яблочко! — безапелляционно заявил Нэк, стукнув ладонью по столу. — Вот не сиделось ему спокойно в Нью-Йорке. Не-ет, его потянуло сюда, чтобы стать занозой у нас в заднице! Черт, надо было мне прибить его, пока был шанс. — Он сурово нахмурился. — А что за «убийственное веселье»? Что-то вроде попойки?

— Скорее уж, все это заявление тянет на блевотную лужу *после* попойки, — покачал головой Лиллехорн. — Черт побери, что за чушь! Насколько я знаю, мы не опасаемся ни новых убийств, ни веселья, ни попоек, ни чего бы то ни было вообще. По крайней мере, не от Альбиона с Корбеттом. Я должен сказать, Нэк… для меня это ставит жирную точку на моей вере в «Булавку». Конечно, многие из ее статей изначально фантастичны — например, об обезьяне, устроившей бунт в Парламенте — но я думал, что в большинстве из них все же есть доля правды.

— *Что*? — Нэк выглядел потрясенным до глубины души. — Значит, леди Эверласт не рожала двуглавого ребенка?

— Занимательно, но сомнительно. А эта заметка об Альбионе и Корбетте… ну, я не спорю, что они каким-то образом связаны, но… — Лиллехорн замолчал на полуслове, позволив своей мысли зависнуть в воздухе.

Убийца в золотой маске — призрак лондонских ночей — действительно освободил Корбетта из охраняемого экипажа, который вез нью-йоркскую занозу в заднице Лиллехорна в тюрьму Хаундсвич. Это было почти три недели назад. После этого Альбион и Корбетт, казалось, исчезли с лица Земли. Затем в Олд Бейли появился Хадсон Грейтхауз и эта раздражающая особа Григсби. Они желали знать, где находится Корбетт. И что Лиллехорн мог им на это сказать? Ничего, кроме правды! И, черт возьми, если Мэтью Корбетт и был еще жив, он находился в лапах маньяка в маске, который уже успел своим клинком отправить шестерых человек на встречу с праотцами.

К тому же, теперь Лиллехорн не имел ни малейшего понятия, что случилось с Грейтхаузом. И какие бесы привели сюда девчонку Григсби в компании этого неотесанного мужлана? Почему она прибыла в Лондон? Может, потому что была влюблена в Корбетта? Лиллехорн ожидал, что эти двое снова появятся в Олд Бейли, чтобы своим присутствием оказывать давление на него и на констеблей, но его опасения не оправдались.

Лиллехорну было очевидно, что лорд Паффери решил, будто союз Альбиона и Корбетта все еще заслуживает освещения в газете — именно этого ожидала кровожадная аудитория «Булавки». Как лорду Паффери вообще удалось раздобыть материал для первоначального освещения этой истории, легко объяснил один из охранников экипажа, везшего Корбетта в Хаундсвич. Он признался, что за несколько монет рассказал обо всем, что произошло. Впрочем… сам Лиллехорн мог бы поступить так же, если б столкнулся с Альбионом лично. Другой вопрос: *зачем* Альбиону понадобился Корбетт, и где они оба теперь находятся?

В этот момент принесли чашки горячего кофе.

— Мистер Чомли говорит, что со счетом все улажено, — проворковала неслышно подошедшая девушка. — Он сказал, что ему не нужны никакие проблемы с законом.

— Их и не будет, — заверил Лиллехорн. Он не отказал себе в удовольствии дотронуться тростью до пышных бедер девушки, когда та повернулась, чтобы уйти. Пока Лиллехорн отвлекся, Нэк жадно схватил «Булавку» и прищурился: огромное количество печатных букв заплясало перед его глазами в желтом свете настенного фонаря.

— Это было странное время, — произнес Лиллехорн, решивший выпить кофе и чуть отдохнуть от успевших набить оскомину имен Альбиона и Корбетта. — Судья Арчер все еще отсутствует, ты же в курсе? В «Газетт» писали, что его похитили

ночью прямо из больницы на Кейбл-Стрит в Уайтчепеле и что у него было огнестрельное ранение. Но что он вообще делал в Уайтчепеле, и кто его похитил? Явно кто-то, кто затаил на него злобу. А затем клерк — Стивен Джессли — не явился на работу однажды утром. Его начали искать, но, похоже, адрес, который он указывал в документах, необходимых для работы, был ложным. Теперь его вообще никто не может найти. И в этом ведь нет никакого смысла! — Лиллехорн прищурился. — Нэк, ты меня слушаешь?

Очевидно, Нэк не слушал.

— Здесь пишут, что стена на Юнион-Стрит была разрушена, и под ней нашли старый морской сундук с десятью засушенными головами. Можете себе представить?

— Это ниже моего достоинства, — отмахнулся Лиллехорн. — Я больше не могу доверять лорду Паффери.

— А вот этому поверите? — Нэк начал неуклюже читать: — «*До нас дошли слухи… эээ… что пропавшая итальянская оперная дива… мадам Алисия Кандольери… была похищена своим любовником… и доставлена в его тайное убежище… эээ… в Райской Бухте… Продолжение следует*». — Нэк поднял глаза и ухмыльнулся, явив собеседнику устрашающее зрелище. — Разве разыскать ее — не часть вашей работы? — Его ухмылка тут же сползла с лица, когда в голову пришла новая мысль: — Эй! Может быть, она *сама* сбежала с этим пиратом и *не хочет*, чтобы ее нашли?

— Я не уверен, что она желала, чтобы ее сопровождающий и возница экипажа были убиты, — напомнил Лиллехорн. Он сделал еще один глоток крепкого кофе. В городе было более двух тысяч кофеен, и часть разума помощника главного констебля была занята вопросом, где *еще* можно раздобыть бесплатную чашечку. — Ситуация с мадам Кандольери меня действительно беспокоит, но пока не появится достоверных сведений, мы с уличными констеблями будем продолжать теряться в догадках.

— Поэтому я решил обратиться к вам с просьбой, — сказал Нэк. — Мне нужен завтра вечером выходной.

— Завтра вечером? Зачем? Я хотел бы обратить твое внимание на то, что на этой неделе ты работал всего три ночи, и у тебя очень короткий маршрут для патруля — в разумные часы и в безопасном районе. Мне пришлось подергать за много ниточек, чтобы тебе достался этот участок. Для констебля-новичка это редкая удача.

— Новичок или нет, меня позвали играть в кости в «Шакал», и я хочу быть там. Поэтому мне нужно, чтобы вы отпустили меня завтра вечером. — Нэк склонил голову в ожидании

положительного ответа.

Лиллехорн беспокойно поерзал на стуле. Если б только Нэк не знал о ста фунтах, которые он украл из нью-йоркской казны, а также о некой городской даме, на которую ушла б*о*льшая часть этих денег, Лиллехорн отклонил бы эту его просьбу. Так же как не позволил бы Нэку отправиться в Лондон. Но нужно было подумать о жене и ее родителях и — да поможет Бог его бедной душе — не допустить нагнетания обстановки.

Нэк, конечно же, отправился бы к родителям Принцессы при первой же возможности, и создал бы кучу проблем — стоило только перестать баловать его деньгами.

— Ну хорошо, — неохотно согласился Лиллехорн. — Однако я подозреваю, что эта связь с гнусными кретинами из «Шакала» не доведет тебя до добра.

— Я могу за себя постоять. — Даже сидя, Нэк умудрился раздуть свою грудь до неимоверных размеров, чтобы она вместила весь объем его негодования и самоуверенности. — В любом случае, все они знают, что я констебль, и на моей стороне сила закона. Никто не решится доставить мне там проблем. — Нэк сделал глоток своего кофе и продолжил изучать «Булавку». — Ах! — воскликнул он так громко, что двое посетителей за соседним столом чуть не повыскакивали из-под своих париков. — А вот и кое-что для вас! Давайте я прочитаю: «*Публичное Послание Лондонским Законникам. О чем оно?*» — Он снова ухмыльнулся, подняв глаза.

Лицо Лиллехорна оставалось непроницаемым.

— Продолжай, — попросил он, понимая, что Нэк наслаждается затянувшейся тишиной, полной предвкушения.

Нэк кивнул и снова начал читать с запинками:

— «*До нашего вни… внимания дошла инфо… информа-ция, что так называемые судебные чиновники… нашего великого города… закрыли глаза на не… несколько преступлений, большинство из которых могли бы вас шо… шо-ки-ро-вать. Последним из них стало… мас… массовое убийство…*»

— А ну дай сюда! — Лиллехорн почти вырвал газету из лап Нэка. Он повернул ее так, чтобы благоприятный свет настенного фонаря хорошо освещал текст, и принялся читать вслух: «*Массовое убийство в Уайтчепеле. Две недели назад произошло нападение на девушек и юношей, известных своей причастностью к группе под названием «Черноглазое Семейство». Об этой резне подробно рассказывалось в наших предыдущих выпусках. И хотя мы, конечно же, не потворствуем деятельности подобных групп, само по себе преступление законников Лондона заключается в том, что это особенно ужасное, словно благословленное демонами,*

массовое убийство было попросту проигнорировано. В наши дни убийства среди подобных групп становятся обыденностью — но вовсе не благодаря нашим чиновникам, которые, похоже, напуганы этими организациями не меньше обычных жителей. При этом некоторые представители теневой жизни Лондона даже используют эти группы в своих злых целях». — Лиллехорн поморщился, однако продолжил читать: — «*И да, мы осмелимся назвать их имена, среди которых Профессор Фэлл, полковник Файбс и Маккавей ДиКей. Как знать, какое бесчеловечное зло против нашего общества замышляется прямо сейчас, воодушевленное невниманием — можно смело сказать пренебрежением — наших ТАК НАЗЫВАЕМЫХ служителей закона*».

Нэк улучил этот момент, чтобы прочистить горло и издать неясный звук. Лиллехорн воспринял это как насмешку и бросил быстрый пронзительный взгляд своих темных глаз на Нэка. Тот притворился, будто рассматривает какое-то несуществующее пятно на своих ногтях.

— Угомонись, — строго сказал Лиллехорн, после чего вернулся к последнему абзацу этого отвратительного публичного послания: — «*Поэтому наша газета больше не стремится побудить этих спящих законников к действию. Вместо этого мы хотим поощрить рядовых законопослушных трудящихся граждан этого великого города. Если вы готовы действовать, можете в случае необходимости брать Олд Бейли штурмом, чтобы вырвать этих высокооплачиваемых троглодитов из их сна! Мы предлагаем жителям объединиться и потребовать свершения правосудия! Или пусть наш Парламент собственноручно полностью вычистит этот чиновничий улей, освободит засидевшихся лентяев от их постов, сбросит их с постелей и пнет их прочь, чтобы они более не оккупировали Олд Бейли. Государство не обязано платить им за работу, которая не выполняется! С уважением, лорд Паффери*».

— Как вам это? — спросил грузный джентльмен за соседним столом, склонивший голову в сторону Лиллехорна, чтобы послушать, как он читает, хотя его собственная копия «Булавки» была разложена прямо на столе. — Сильные слова, а? И вовремя, я бы сказал. Что вы думаете?

Лицо Лиллехорна задрожало, словно ему дали оплеуху. Челюсти плотно сжались. Он почувствовал на себе взгляд Нэка: тот наблюдал за ним, словно грязный хищный кот за извивающейся пойманной мышью.

Лиллехорн клацнул зубами.

— Я тоже думаю… что весьма вовремя, — ответил он, и мужчина кивнул, вернувшись к своей «Булавке». Он нарочито

ткнул пальцем в какое-то место в тексте, будто собирался что-то уточнить. Однако вопросов не последовало, и он вернулся к кофе и к разговору, который вел со своим соседом.

— Ничего не говори, — прошипел Лиллехорн Нэку, прежде чем его паршивый рот исторг хоть слово. Нэк демонстративно сделал глоток кофе, издав шум похожий на звон волочащейся по мокрому каменному полу цепи. — Ну… — продолжил Лиллехорн, старательно понизив голос после паузы, во время которой он расправил плечи и поднял подбородок так высоко, что тот стал указывать в потолок. — Теперь я знаю, почему главный констебль Паттерсон пребывал в столь мрачном настроении сегодня днем. Должно быть, он купил «Булавку» раньше, и та больно его уколола. Но констебли же не могут быть везде! К тому же… в Уайтчепеле их ненавидят! Последний из нас, кто побывал там, был найден избитым до смерти. Его затолкали в бочку с дождевой водой. Чего же тогда ждут люди? Какой может быть закон, если жители этого района сами не хотят порядка и борются с ним? Согласен… да, эта резня была ужасной… выколотые глаза в бутылке… и дьявольские кресты на лбу… да, можно сказать, что это действо было вдохновлено демонами, но мы, будучи людьми закона, не боимся иметь дело с такими преступниками! Вопрос лишь в том, как выкурить их из норы! Нет, мы не боимся их! Ничуть! И со стороны лорда Паффери нечестно утверждать эту ложь! — Лиллехорн сделал лихорадочный глоток и осушил чашку. — Ложь! — прошипел он Нэку через стол. — Ты слышишь? Это *абсолютная* ложь!

— Я слышу, — ответил Нэк тихим голосом. — Но я, черт побери, не собираюсь лезть на рожон и выкуривать кого бы то ни было из нор. — Он помедлил и предпочел уточнить: — Я ведь всего лишь *новичок*.

— К черту это все! — Лиллехорн начал яростно комкать газету и вдруг наткнулся на нечто, зацепившее его взгляд. — В этой газете только одна колонка достойна прочтения! Прогноз погоды предсказывает, что нас ждет сезон штормов. Ха! Как будто можно ожидать летнего зноя зимой. И кто только мог сделать такой прогноз? Лорд Паффери, должно быть, взял на себя эту задачу, как и задачу по подстрекательству Парламента к тому, чтобы снять главного констебля с поста. И меня это, разумеется, тоже зацепит! О, тогда я могу быть прогнозистом не хуже него и предсказать, какая погода завтра будет в Олд Бейли!

— Мне нужен выходной завтра вечером, — сказал Нэк. Его тон был таким равнодушным и будничным, словно иного ничего важного за этим столом не обсуждалось с тех пор, как он впервые упомянул об этом. — Вы дали мне *слово*. А вы ведь человек слова,

не так ли?

Лиллехорн не ответил. Он просто сидел, сердито глядя на Нэка, пока маленький рыжеволосый хулиган не взял со стола свою дубинку. Затем он поднялся и сказал:

— Мне пора домой. Сегодня я буду патрулировать и пройду по своему маршруту, как и полагается.

— Я на это рассчитываю, — был ответ.

— В таком случае, с вашего позволения, — бросил Нэк, подняв меховой воротник своего пальто. Он быстро и неуклюже слегка поклонился своему начальнику и направился к двери.

В помещение с улицы из вечерних сумерек влетели снежные вихри. Темнота постепенно накрывала город, температура падала. Синий декабрьский вечер был усеян огнями проезжающих мимо экипажей и дилижансов, а также витрин магазинов, чьи двери допоздна оставались открытыми для покупателей, завлекая поредевшую толпу своими товарами и возможностью отогреться.

Нэк сунул свободную левую руку в карман, прижал свою вездесущую дубинку к боку и зашагал против холодного ветра к своей лачуге, что стояла в миле к северу от Эррол-Стрит. Он держал голову опущенной и думал о том, как пережить такую холодную ночь, будучи при исполнении служебных обязанностей, хотя его маршрут и занимал всего полмили. Все, что ему нужно было сделать, это пройтись по кругу и поразмахивать фонарем в районе, который в основном состоял из парковой зоны. Большое ли дело? Ему повезло, что за шесть часов работы он прошел мимо двух таверн, открытых до самого утра, и сегодня в одной из них он намеревался отогреться и выпить пару кружек теплого эля.

Вскоре его разум погрузился в мысли об игре в кости, что намечалась на завтрашний вечер в «Шакале», его любимой таверне и месте, где его все знали и были явно под впечатлением от присутствия констебля. Будучи погруженным в свои мысли, он не заметил угольную повозку, что следовала за ним попятам с того момента, как он покинул кофейню Чомли.

Свернув в пустынный узкий переулок Фоллстафф, чтобы, как обычно, срезать путь, он также не заметил человека, который подошел к нему сзади и одним ударом обернутого в кожу куска свинца прямо по голове заставил его растянуться на неровной каменистой мостовой. Треуголка Нэка отлетела в сторону, а его декоративный парик съехал на одно плечо. Он издал булькающий звук и попытался подняться на колени, но нападавший ударил снова — более решительно — и Нэк после этого больше не пошевелился.

— Вот дерьмо! — сказал второй человек, спустившийся с повозки, держа под уздцы двух лошадей в самом начале переулка

Фоллстафф. — Ты его укокошил?

Первый мужчина присел на корточки, чтобы проверить сердцебиение жертвы.

— Живехонек, — был ответ.

— Тем хуже для него! Мы должны доставить *двоих* — кровь из носу, обязаны!

— Этот даже не похож на гребаного констебля. Ты уверен насчет него?

— Уверен. Я уже говорил, его зовут Нэк, и его самодовольная констебльская задница частенько светилась в «Шакале».

— Ну тогда ладно. Давай, грузи его! Мы и так кучу времени потратили, пока ждали его у этой чертовой кофейни. Нас могут тут застукать в любую минуту.

— Могут, — кивнул возница. — Но что они нам сделают? Позовут констебля?

Они засмеялись над этой остроумной шуткой.

— К счастью, я видел, как он спускался по ступенькам Бейли, — сказал возница, пока они с подельником поднимали тело Нэка и несли его к черной куче угля. — Я еще подумал, что этот констебль мне знаком. Так или иначе, он упростил нам задачу.

Они забросили Нэка в повозку, и тот, кто нанес удар, поднялся наверх и взялся за лопату, чтобы как можно быстрее прикрыть тело углем. В конце он старался действовать осторожно и оставил свободное пространство вокруг ноздрей, чтобы обеспечить доступ воздуха. Когда дело было сделано, он сел рядом с возницей и сдвинул воротник пальто до самого подбородка. Картину дополняла серая шерстяная шапка, укрывавшая верхнюю часть лица и натянутая почти до носа.

— Холодает, — пожаловался он, поднимая свое изможденное лицо к темному небу. — Зато снег идет. Он нам на руку, скроет все следы.

— В «Булавке» пишут, грядет сезон бурь, — напомнил возница.

— Не зря, значит, пишут, — ответил другой. — Отлично. Едем дальше, нам осталось найти еще одного.

Возница щелкнул поводьями, лошади фыркнули и зашагали по дороге, утомленные колеса повозки заскрипели на повороте, а рядом с белым париком и пурпурной треуголкой на заснеженных камнях переулка Фоллстафф осталась валяться черная дубинка.

Глава вторая

— Да, — кивнул Хадсон Грейтхауз, — пожалуй, я выпью еще чашечку чая.

— Хорошо, сэр. — Девушка наклонила к его чашке носик белого чайничка, украшенного зелеными и желтыми цветами. — Это моя любимая смесь, — добавила она, а затем по ее лицу пробежала тень. — То есть… мне так сказали.

— Сказали?

— Да, сэр. Моя мама.

— Хм, — нахмурился Хадсон, держа изящную чашку в руках, более привыкших к грубым деревянным кружкам с элем. Он приподнял густые пепельно-серые брови; левая была рассечена рваным шрамом от чашки, брошенной бывшей женой в порыве гнева. Этот инцидент из прошлого стал одной из причин его отвращения к чашкам и слабому чайному раствору, что оставлял на губах лишь сладкое послевкусие. — А разве вы сами не помните, что она ваша любимая?

— Нашей дочери всегда нравилась эта смесь, — вмешался в разговор мужчина, сидевший с ними в комнате. Его голос прозвучал резче, чем он хотел. У него были седые волосы, зачесанные назад, и тяжелый подбородок. Одет он был в темно-синий костюм, пиджак был украшен четырьмя серебряными пуговицами. Справа, у линии волос, виднелась гипсовая повязка, кожа вокруг которой вздулась и покраснела. — И еще она любит добавить побольше лимона, — продолжил он. — Не так ли, Мэри Линн?

Ответ прозвучал через несколько секунд, и Хадсон снова увидел, как по лицу девушки пробегает тень, хотя это легко можно было принять за обман зрения.

— Да, отец, — сказала она, — это правда.

— Хм… — Хадсон натянуто улыбнулся ей, на большее он был просто не способен. — Расскажите мне, что еще вам нравится.

Мужчина вновь вмешался:

— Мэри Линн любит…

— Прошу прощения, сэр. Я бы хотел услышать это от вашей очаровательной дочери. — Улыбка не сходила с лица Хадсона, но взгляд смолянисто-черных глаз давал понять, что ему ничего не стоит разнести весь этот дом к чертовой матери. Он снова посмотрел на девушку. — Так что же? — подтолкнул он ее.

— Ну, — начала так называемая Мэри Линн, широко улыбнувшись, — мне очень нравится… — Тут она вдруг

замолчала, улыбка ее померкла, а голубые глаза на усеянном веснушками лице затуманились, превратившись в подобие ледяных озер. Девушка посмотрела на своего фальшивого отца, затем снова на Хадсона, а после перевела взгляд на свою чашку, как будто ответы на вопросы — и воспоминания, что постепенно покидали ее разум, — находились именно там.

— Ездить верхом, — подсказал Фредерик Нэш. — Тебе всегда это нравилось.

— Прекрасное увлечение, — похвалил Хадсон, не сводя глаз с девушки. — Скажите… и когда же вы в последний раз ездили верхом?

Повисло молчание.

Берри Григсби — ныне известная в этом доме, да и во всей этой грязной деревне, где Профессор Фэлл проводил свои эксперименты с наркотиками, как Мэри Линн Нэш — сделала глоток чая. Ее рука слегка подрагивала, а глаза, обычно искрящиеся жизнью, теперь выглядели мертвыми, как лица кукол, которые она разрисовывала и напудривала когда-то в далеком детстве. Весь ее облик — тело, облаченное в розовое, чересчур маленькое для нее платье, каштановый парик с кудрявыми локонами, похожий на оползень, скрывающий медно-рыжие блики ее собственных волос, покрытое толстым слоем пудры и румян лицо и глаза, запавшие в фиолетовые провалы кругов, — приводил Хадсона в ярость и нагонял на него печаль. Всего за шиллинг — а то и за чашку чая, которую держал в руках, — он готов был разорвать Нэша на куски, а потом разнести весь этот дом зла на отдельные кирпичики.

Похожим образом ему пришлось поступить, чтобы попасть сюда: до того, как ему разрешили проведать Берри, Хадсон в порыве ярости разрушил всю мебель в выделенном ему коттедже и выбросил ее на улицу. Это привлекло достаточно внимания, и вскоре к нему явился опасный на вид незнакомец, представившийся именем Сталкер, и сказал, что ему дозволено увидеть «девчонку». Так Хадсон попал в дом Фредерика Нэша. Его жена Памела — «мать» Мэри Линн — на встрече не присутствовала. Нэш сказал, что она плохо себя чувствует, и рано легла спать, однако Хадсон в это не поверил. Он счел, что эта женщина с помутившимся рассудком, попросту не желает видеть никого, кто знал Берри в ее прошлой жизни.

Кулаки Хадсона буквально чесались, и ему стоило огромных трудов сдерживать желание избить всех, кто превратил Берри в тень самой себя, до потери сознания — включая женщину, что пряталась в соседней комнате. Он сдерживал свой гнев лишь по причине того, что у него оставалось слишком много вопросов,

ответы на которые были ему так нужны. Он должен был выяснить, что происходит, и где находится молодой человек,ради поисков которого они с Берри пересекли Атлантику, явившись сюда из самого Нью-Йорка. К несчастью, пока никто из жителей этого жуткого места — *Прекрасного Бедда,* как его называли обитатели — не удосужился утолить его интерес.

— В последний раз? — переспросила Берри, взгляд которой оставался все таким же пустым. — Я думаю… я припоминаю… кажется, это было…

— У меня был очень надежный конь по кличке Мэтью Корбетт, — сообщил Хадсон. — Сейчас я пытаюсь разузнать, где он может быть…

— Вас же *предупреждали!* — перебил его Нэш и положил руку на пистолет, лежавший на столе справа от него. — Не несите бред, сэр!

— А разве *все это* — не бред? — взвелся Хадсон. — Да пошло оно к чертовой матери! — прорычал он и бросил быстрый угрожающий взгляд на пистолет. — Предупреждаю: вы даже навести на меня эту игрушку не успеете, как вылетите в окно, так что уберите руку!

Нэш немного замешкался, прежде чем повиноваться.

— Угрозы ни к чему, — наконец ответил он. — Наша дочь обеспечена всем необходимым, у нас есть для нее все удобства. Не так ли, Мэри Линн?

Берри сделала очередной глоток чая. Она выглядела так, будто не была свидетельницей странной сцены, развернувшейся на ее глазах несколько мгновений назад. Когда чашка вернулась на блюдце, она, чуть нахмурившись, посмотрела на гостя.

— Странное имя для лошади, — пролепетала она с легкой кривоватой улыбкой на накрашенных губах.

— Это, скорее, осел, нежели лошадь, так что… — Хадсон пожал плечами.

Он решил, что больше не может этого выдерживать. Здесь он не получит никакой стоящей информации, разве что заработает бессонницу или кошмары на всю предстоящую ночь. Он поднялся со своего места, краем глаза уловив, как от его порыва вздрогнул Нэш, словно опасаясь нападения.

Хадсон вздохнул.

— Спасибо, что уделили мне время… и спасибо за чай, — кивнул он Берри.

Сможет ли он удержаться и не высказать ей все то, что буквально разрывало его изнутри и стремилось сорваться с губ? Это была трудная битва, но исход ее был предрешен заранее.

— Я уверен, что мы еще увидимся, к моей великой радости,

— выдавил он.

— С удовольствием, сэр. — Она тоже встала и присела в реверансе. Хадсону в этот момент показалось, что над ней парит какой-то невидимый демон, манипулирующий ею с помощью нитей, словно марионеткой.

Нэш махнул рукой в сторону двери.

— Уверен, выход вы найдете сами.

— Именно его я и собираюсь найти. И не только для себя.

Хадсон с такой силой рванул с крючка коричневое вельветовое пальто, что крепление, на котором оно висело, отлетело в сторону и со звоном упало на пол. Он натянул пальто поверх одной из фланелевых рубашек, которые ему подарили вместе с пиджаком и двумя парами бриджей — его собственную одежду сняли с него в первые полчаса пребывания в этой проклятой деревне и, вероятно, бросили в огонь. По крайней мере, ему вернули его ботинки, что, определенно, можно было счесть положительным моментом.

У самой двери дома Нэшей Хадсон, привыкший к теплу камина, заранее поежился, приготовившись к встрече с уличным холодом. Не удостоив взглядом ни фальшивого отца, ни «невменяемую» дочь, он приосанился и вышел на Конгер-Стрит, где в опустившихся голубых сумерках его поджидали четверо мужчин с факелами, пистолетами и клинками.

Один из них — на вид полный тупица — схватил Хадсона за плечо и повлек за собой.

Сделав всего пару шагов, Хадсон резко остановился. Из его ноздрей повалил пар.

— Если хочешь сохранить эту руку, отпусти меня.

— Угрожать вздумал? Мы не потерпим от тебя этого дерьма! — рявкнул другой и приставил острие рапиры к небритому подбородку Хадсона.

Хадсон Грейтхауз рассмеялся. Это хоть как-то помогло ему снять накопившееся напряжение и вместе с тем высказать свою реакцию на весь бред, творящийся вокруг. Кажется, именно *бредом* это назвал Фредерик Нэш — так называемый мэр этого проклятого места?

Впрочем, с виду трудно было охарактеризовать Прекрасный Бедд таким эпитетом.

Вокруг Хадсона раскидывалась деревня с маленькими домиками и ухоженными улицами, которые вкупе могли бы представлять собой одно из самых очаровательных мест в стране, если б не нескольких строений, превратившихся по какой-то причине в руины — лишь они портили всю картину. К слову, Хадсону до сих пор отказывались объяснить причину сих

разрушений.

Из дымоходов кухонь и гостиных близлежащих домов поднимался дымок, в окнах весело горели фонари, люди в зимних костюмах прогуливались по улицам, словно направляясь на обед или в театр в лучших кварталах Лондона. К слову, вчера вечером на главной площади состоялся концерт скрипача и аккордеониста, на котором присутствовало около сорока жителей, согреваемых щедрым теплом костра.

Все здесь держались вычурно вежливо и дружелюбно, и Хадсон не мог понять, как это могло сочетаться с тем, что ему приставляют клинок к горлу прямо посреди улицы, а Берри Григсби безвольной марионеткой прозябает в доме Фредерика и Памелы Нэш. И ведь никому не было до этого никакого дела! Как не было дела и до множества пятен крови, которые Хадсон обнаружил в стыках между камнями площади. Он не представлял себе, откуда они там взялись, но понимал, что событие, оставившее после себя такие следы, должно было быть поистине ужасным.

Хадсон оглянулся на дом Нэша и увидел одинокую фигуру, стоявшую у окна. В руке она держала подсвечник с единственной горящей свечой. Хадсон подумал, что это могла быть Берри, но не брался утверждать это наверняка, потому что стекло покрывал иней. Миг спустя еще одна фигура — Нэш? Или его жена? — появилась позади первой, обняла ее за плечи и увлекла за собой в темные закоулки дома.

— *Шевелись*, — рыкнул мужчина с клинком.

Хадсон отвернулся от дома и зашагал к коттеджу на Блюфиш-Лейн, который ему предоставили. За время своего пребывания здесь он успел отметить, что все местные улицы названы в честь каких-нибудь морских тварей. Это казалось ему очередной жалкой попыткой уподобить Прекрасный Бедд настоящей деревне, тогда как на самом деле это место было чем-то средним между фортом и тюрьмой. Хадсон сделал еще четыре шага по Конгер-Стрит, прежде чем вся чудовищность и трагичность того, что случилось с Берри, обрушилась на него, как десятиколесный лесовоз. Широкоплечий, крепкий, ростом в шесть футов и три дюйма — он вдруг сжался, задрожал и пошатнулся. На глаза навернулись жгучие слезы бессилия. Он чувствовал, что вот-вот лишится сил и упадет в обморок. Остатки его воли уходили лишь на то, чтобы не позволить себе этого сделать, поэтому, когда мужчина за его спиной грубо толкнул его, Хадсон снес этот оскорбительный тычок, как последний хлюпик. В присутствии Берри он еще мог сдержаться, но теперь шок от увиденного начал овладевать им, превращаясь в странное *ползущее* ощущение на

руках и кистях. Теперь это не имело ничего общего с желанием почесать кулаки в хорошей драке — нет, это ощущение было настоящим, и, поднеся свои руки к свету факелов, Хадсон увидел на них десятки больших черных пауков, снующих меж пальцев.

На лице выступил пот. Захотелось закричать… и Хадсон закричал бы, если б более хладнокровная часть его мозга не подсказала ему, что страшная галлюцинация была остаточным эффектом от наркотика, которым его накачали по прибытии в этот маленький уголок ада. Тем временем иллюзии продолжали атаковать его. Языки пламени факелов прямо на глазах превратились в сущий кошмар: как хлысты, они начали стегать Хадсона, и в них маячили искаженные и изуродованные лица мертвых людей, которых он видел на поле битвы давным-давно, когда был английским солдатом в последние годы франко-голландской войны. Пламя обвило кисти рук, словно вознамерилось вырвать его из Прекрасного Бедда и бросить рядом с измученными душами на берег, откуда никто никогда не возвращался.

Хадсон зажмурился и крикнул во всю мощь своих легких:

— УБИРАЙТЕСЬ!

Этот крик был таким отчаянным и громким, что заставил конвоиров натолкнуться друг на друга в попытке шарахнуться от своего пленника прочь. В испуге они навели на него пистолеты и острия своих клинков. Руки каждого из них заметно дрожали — и дрожали так сильно, что едва ли им удалось бы попасть даже в дикого быка с шести шагов. Впрочем, разъяренный дикий бык сейчас казался им более безопасной мишенью, нежели человек, стоявший перед ними.

— *Тише,* — сказал кто-то, успокаивающим тоном.

Хадсон открыл глаза. Впереди в свете пламени факелов, которое вновь приобрело привычные черты и более не напоминало огненные руки мертвецов с выжженными глазами, стоял жилистый мужчина, известный под именем Сталкер.

— Что за переполох? — Голос Сталкера звучал по-прежнему тихо. Сложением он был вполовину меньше Хадсона, но нечто в его лице с острым подбородком, в холодных умных глазах и плавных движениях наводило на мысль, что убивать под покровом ночи этому человеку было не впервой. Хадсон даже был уверен, что убийство являлось неотъемлемой частью природы этого опасного типа.

Сталкер кутался в тяжелую дубленку, лысую голову от холода защищала черная шапка, руки он держал в карманах и старался вести себя непринужденно, словно простой прохожий, вышедший на прогулку подышать вечерним воздухом.

— Ах! — понимающе вздохнул он, обернувшись к остальным. — У него всего лишь произошел *инцидент*. Не бойтесь, мальчики. Он уже приходит в себя.

Сталкер не ошибся: Хадсон как раз наблюдал, как последние несколько пауков испаряются с его рук, рассеиваясь клубами черного дыма. Он провел подрагивающей рукой по вспотевшему лицу и обратился к Сталкеру, цедя каждое слово сквозь плотно стиснутые челюсти:

— Будь ты проклят!

— Полагаю, ты хорошо провел время с девчонкой. — Это было утверждением, а не вопросом.

Хадсон протестующе сплюнул на землю, и плевок угодил аккурат меж кожаных сапог Сталкера.

— Стало быть, не так уж хорошо. Что ж, мне нет до этого дела, — произнес тот. — И мне все равно, что с тобой станется. Мне просто велено найти тебя и сопроводить на ужин.

— На ужин? *В смысле?*

— *Он* хочет, чтобы ты присоединился к нему за ужином.

Объяснения были излишни: Хадсон точно знал, кто его зовет.

— Скажи Профессору, что он может пойти…

— У тебя есть вопросы, на которые никто не ответит, — перебил Сталкер. — Всем запрещено это делать. Профессор поручил мне сказать тебе, что пришло время получить ответы — от него самого.

— Я не голоден.

— И ты так просто откажешься от информации, которую так искал? Ну же, Хадсон! Ты же хочешь узнать, где Корбетт, верно?

Хадсон не ответил.

— Пора ужинать, — с деланным энтузиазмом сказал Сталкер.

Хадсон молча последовал за ним вдоль Конгер-Стрит. Четверо конвоиров устремились следом. Поднялся ветер, порывом пронесшийся над крепостными валами форта, неся с собой соленый запах моря. В конце улицы высилось каменное сооружение, похожее на небольшой замок, с множеством витражных окон и балконом, опоясывающим верхний этаж. Хадсон уже видел этот дом издали и не сомневался в том, кому он принадлежит. Зеленые, синие и красные узоры окон изнутри подсвечивались лампами. Дом стоял на небольшом склоне. За распахнутыми железными воротами виднелась гравийная дорожка, обрывавшаяся у парадных ступенек и украшенная маленькими деревьями, которые морской ветер превратил в искривленные фигуры.

— Ждите здесь, — приказал Сталкер конвоирам и жестом пригласил Хадсона следовать за ним.

Несколько минут спустя Хадсон и Сталкер стояли в обеденном зале с темно-красными обоями и плотными черными шторами на окнах. Хадсон заметил, что ножки обеденного стола вырезаны в форме резвящихся дельфинов, а с потолка свисает черная чугунная люстра с шестью горящими свечами. На столе горели еще четыре свечи — по две на каждом конце рядом с серебряными блюдами и столовыми приборами. Взгляд Хадсона отметил, что в обеих сервировках присутствуют ножи, и оба выглядят очень острыми. Это особенно его заинтересовало, поскольку прежде ему не разрешали воспользоваться даже бритвой, а здесь лежали лезвия, способные перерезать человеку горло по первому желанию.

— Я возьму твое пальто, — сказал Сталкер и подождал, пока Хадсон снимет его. — Ты сядешь там. — Он указал по стул с высокой спинкой, стоявший напротив другого такого же. Отличие было лишь в том, что на другом конце стола имелся маленький серебряный колокольчик — голос хозяина. Хадсон повиновался, а Сталкер меж тем пальцем коснулся ножа. — Вижу, у тебя уже слюнки текут. На твоем месте я был бы вежливым гостем. Нож не даст тебе ответов. Кроме того, он может понадобиться тебе для еды. Профессор? — крикнул он в сторону лестницы, мимо которой они прошли ранее. — Мне остаться?

— Нет.

В дальнем углу комнаты, погруженном во тьму, шевельнулась тень, хотя Хадсон ожидал увидеть ее со стороны лестницы. Прямо на глазах эта тень приобрела очертания человека.

— Спасибо, Сталкер, — кивнул Профессор Фэлл, — но я уверен, что мистер Грейтхауз будет вежливым гостем. Просто повесь его пальто в коридоре, когда будешь уходить. И отправляйся перекусить в таверну, улов сегодня хороший.

— Да, сэр.

Сталкера, покидавшего комнату, Хадсон провожать взглядом не стал — все его внимание было приковано к знаменитому могущественному человеку, чья дурная слава бежала вперед него. К Профессору Фэллу…

Внешний вид этого человека вовсе не внушал ужас. Скорее, наоборот. На первый взгляд это был просто старик лет шестидесяти — хрупкий, усталый, сонливый и совершенно безобидный.

— Приветствую вас, — произнес Фэлл, слегка кивнув. На нем был пурпурный шелковый халат, отделанный золотом, и тюбетейка в тон. — Рад видеть, что вам уже лучше.

— Рады? — презрительно фыркнул Хадсон. — Разве не вашими стараниями я оказался в таком положении?

Как только они прибыли сюда в экипаже в компании вооруженной охраны — как давно это было? — их с Берри разделили. Примерно полдюжины рослых мужчин были вынуждены удерживать рвущегося Хадсона, пока еще один человек заставлял его дышать через какую-то горько пахнущую тряпку. Дальше он помнил, как выплыл из тумана и почувствовал иглу, вонзившуюся в выступающую вену на правой руке, после чего вся жизнь превратилась в непрекращающийся мучительный кошмар. В те жуткие дни ему казалось, что ядовитые пауки не просто ползают по его коже, но и растут прямо внутри него. Все тело пылало огнем, сжигавшим его до костей — и это чувство было таким реальным, что отрешиться от него было невозможно. Как только призрачный огонь превращал его в обугленный скелет, яд приносил иллюзию, что плоть восстанавливается… только для того, чтобы подвергнуться этой страшной пытке вновь. Если в те дни кто-то пытался позвать его по имени, Хадсону казалось, что мстительный, жестокий бог приговаривает его к еще более мучительной смерти. Никогда — никогда прежде! — он не ощущал такого нестерпимого ужаса.

— Эксперименты — одна из моих маленьких страстей, — пожал плечами Профессор. — Надеюсь, вы не станете держать на меня зла?

— Какое там зло? — На лице Хадсона показалась недобрая усмешка. — Будь моя воля, я бы просто с радостью перерезал вам горло. Вот *этим*. — Свет свечей заплясал на лезвии, когда Хадсон поднял его и направил на Фэлла.

— Ваша воля? — качнул головой Профессор. — Не она ли привела сюда вас и мисс Григсби? Похоже, ваша воля приносит не так уж много успешных результатов. — Он сел, аккуратно развернул красную салфетку и положил ее себе на колени.

Хадсон промолчал. В свете свечей он не отрывал взгляда от Фэлла, пытаясь рассмотреть поподробнее человека, принесшего столько разрушений и погубившего столько людей по всему Старому и Новому Свету.

Профессор Фэлл был мулатом, но светлокожим. Его лицо с длинным, вытянутым подбородком и высокими скулами можно было бы назвать изможденным… но это, пожалуй, было слишком выразительное слово, которого он *не заслужил*. Хадсону подумалось, что все свершенные злодеяния, наконец, настигли Профессора — ярость внутренних бурь скрючила его кости наподобие того, как ветер, дующий с моря, исказил силуэты деревьев на улице. По обе стороны пурпурной тюбетейки торчали тугие белые локоны, напоминавшие крылья снежной совы. Синие вены выступали и переплетались на тыльных сторонах его

ладоней. Если приглядеться, можно было заметить, что руки его слегка подрагивают, словно после перенесенного паралича. Впрочем, всему виной могла быть лишь игра света.

Фэлл улыбнулся, и Хадсон увидел, как блеснули его зубы. В затаившихся во впалых глазницах глазах необычного янтарного оттенка что-то сверкнуло — и, как показалось Хадсону, это был не тусклый, едва тлеющий огонек, а нечто животное, наводившее на мысль о царе зверей, достигшем своего положения с помощью ума и хитрости. Такой зверь не обладал грубой силой, но прекрасно знал, как использовать чужую, творя руками других кровавую и жестокую расправу. В этом была его истинная суть. Это прослеживалось даже в том, как Профессор разглядывал Хадсона прямо сейчас. Изучал его. Хадсон подумал, что за морщинистым лицом Фэлла в этот самый момент вращаются механические шестеренки, причем движутся они с такой скоростью, что от трения скоро задымятся, этот дым медленно проплывет над столом и окутает голову Хадсона тонкой паутиной…

Фэлл облокотился на стол и сцепил пальцы в замок. Он сидел с таким видом, что, какие бы мысли ни заполняли сейчас его голову, решение он уже принял. По крайней мере, Хадсон был в этом уверен.

— Насколько я понимаю, — начал Фэлл, — прошлой ночью вы устроили скандал и уничтожили б***о***льшую часть мебели в выделенном вам доме, выбросив обломки на улицу.

— Верно.

— Нетерпеливость редко доводит до добра, Хадсон. Я ведь могу вас так называть? — Он продолжил, не дожидаясь ответа: — Вам все равно разрешили бы сегодня увидеться с мисс Григсби. Разница лишь в том, что теперь вам придется спать на холодном полу.

— Ничего, мне не впервой.

— Не сомневаюсь. — Янтарные глаза смотрели одновременно пронзительно и завораживающе. — Вы совсем меня не боитесь, не так ли?

— Я изорвал свою рубашку страха в клочья, — ответил Хадсон. — Благодаря вам и тому наркотику, что мне вкололи ваши люди.

— Хм, — Фэлл слегка склонил голову набок. — Как же это интересно, не находите? То, что после выздоровления от препарата, *усиливающего* страх, субъект становится к нему невосприимчивым. Видите ли, Хадсон, вы, возможно, оказали услугу человечеству.

— А какую услугу оказывает Берри? В чем смысл того, что

умная молодая женщина стала безмозглой куклой?

Фэлл не ответил. На его лице не отразилось никаких эмоций. Некоторое время он просто сидел молча, глядя в глаза Хадсона. Наконец, он поднял серебряный колокольчик и позвонил.

— Давайте начнем, вы же не против? — поинтересовался он.

Полная женщина в фартуке с тугим пучком каштановых волос вошла через другую дверь, в дальней части комнаты. Она принесла серебряный поднос и поставила сначала перед Профессором, а потом и перед Хадсоном зеленые керамические тарелки с кремовым супом.

— Спасибо, Норин, — кивнул Фэлл. — Подай вино, будь любезна.

Когда женщина вышла из комнаты, Фэлл поднял свою суповую ложку и возвестил более спокойным голосом:

— Должен отметить, Норин — хоть и опытная, но далеко не такая хорошая прислуга, как та, что служила здесь до нее. К тому же мой прежний повар получил ранение во время небольшого инцидента, который имел место буквально недавно, поэтому новый повар еще осваивается. Но можете не беспокоиться, Хадсон, и есть без опасений. Смею заверить: это всего лишь суп из каракатиц. Ничего экзотического в нем нет.

Хадсон зачерпнул ложку и с подозрением принюхался: суп был достаточно свежий, без постороннего лекарственного запаха или сомнительных примесей. Однако это еще ни о чем не говорит...

Хотя какое это имеет значение? Страха Хадсон не испытывал. Возможно, Профессор был прав — после пережитого кошмара напугать его чем-то стало намного труднее. Так или иначе, запах супа разбудил аппетит, Хадсон почувствовал, как сильно проголодался, и на этом его внутренние дебаты завершились. Он отправил в рот первую ложку и нашел суп очень вкусным.

— Я ожидал, что Матушка Диар присоединится к нам за ужином, — сказал он.

— Два дня назад Матушка Диар сама стала ужином, — ответил Фэлл. — Акулы, которые рыщут в нашей гавани у подножия утеса, вдоволь полакомились кусками ее тела.

Хадсон замер с ложкой на полпути ко рту.

— Похоже, я многое пропустил.

— И в самом деле, — кивнул Профессор. — О, прекрасно, вот и наше вино! Изысканное мягкое белое станет прекрасным дополнением к нашему запеченному палтусу.

Появилась Норин — из кухни, как предположил Хадсон, — и принесла еще один поднос. Она расставила бокалы для вина сначала перед Хадсоном, затем перед Профессором, и принялась

откупоривать бутылку. Наполнив оба бокала наполовину, она оставила бутылку на столе и, не говоря ни слова, вернулась в кухню.

Фэлл пригубил вино и кивнул.

— Чудесно, как всегда! К сожалению, это моя последняя бутылка: недавний урон, нанесенный дому, вызвал обвал в моем подвале.

— Понятно, — отозвался Хадсон. Он опустил ложку в суп и оставил ее там. — Я, конечно, ценю ужин и все это джентльменское поведение, но где, черт возьми, Мэтью Корбетт?

— Не здесь, — последовал ответ. — Он уехал три дня назад с одним из моих людей, Джулианом Девейном. Мэтью добровольно вызвался выполнить задание, и я искренне надеюсь, что к этому времени он еще не погиб, пытаясь исполнить его.

— Продолжайте. — Хадсон почувствовал, как внутри него все сжалось, и причиной был не суп и не испытываемый голод, а переживания. Какие еще злоключения должны были свалиться на Мэтью?

— Моя деревня, — начал рассказ Профессор, не отвлекаясь от трапезы, — была атакована с моря кораблем, вооруженным минометом. Вот, откуда взялись те разрушения, которые, полагаю, не укрылись от вашего внимания. К сожалению, нападение велось не только снаружи, но и изнутри. Группа предателей под предводительством Матушки Диар устроила здесь настоящий переполох. Должен отметить, сама Матушка Диар находилась под влиянием человека, называющего себя Кардинал Блэк. Именно в его компании она явилась за книгой ядов, составленной моим бывшим химиком доктором Джонатаном Джентри. Вероятно, вы были знакомы с ним в Нью-Йорке?

— Да, был. Мэтью рассказывал, что на одном из ваших званых обедов он… гм… *потерял голову*.

— Боюсь, сейчас вас должна волновать более важная потеря, чем голова доктора Джентри, — парировал Фэлл. — Видите ли, книга, созданная гением этого человека, куда ценнее. Без нее, как и без химика, способного расшифровать содержащиеся в ней формулы, надежды на выздоровление мисс Григсби нет. — Он позволил этому известию на миг повиснуть в воздухе. — Я, конечно, могу ошибаться, но примерно представляю, какова сила яда, поразившего разум мисс Григсби. По моей оценке, она будет продолжать постепенно деградировать. Если не дать ей курс противоядия, чете Нэш скоро придется менять ей пеленки. По временны*м* прикидкам, процесс может быть обратим в течение… я бы сказал, двадцати одного дня.

Хадсон сидел неподвижно. Он не пошевелился, даже когда Норин вышла из кухни с тарелками палтуса, в качестве гарнира к которому шли жареные кукурузные лепешки, яблочное пюре и засахаренный батат.

Наконец, он разжал стиснутые зубы.

— Зачем, вообще, — выдавил он с усилием, — было одурманивать ее этой дрянью?! Что она вам сделала?

— Она — ничего. Сделал *Мэтью*. Именно за то, что он натворил, и во имя всего, чего мне это стоило, мисс Григсби подверглась этому испытанию. — Фэлл покрутил вино в бокале и задумчиво воззрился на него. Свет свечей отражался от хрусталя и заставлял блики играть в его янтарных глазах. — Я хотел, чтобы он видел, как разрушается ее разум… и как вы погибаете под гнетом истинного ужаса. — Он оторвал взгляд от бокала и посмотрел на Хадсона. — Надеюсь, вы собираетесь резать этим лезвием кукурузную лепешку, — тихо заметил он, — потому что для палтуса достаточно вилки.

Хадсон понял, что действительно удерживает в руке нож и сжимает рукоять так, что от напряжения у него побелели костяшки пальцев. Судя по тому, как он его держал, резать он им собирался явно не рыбу.

— Итак, — продолжил Фэлл, слегка пожав плечами, словно оружие в руках Хадсона было лишь миражом, — Мэтью и Джулиан отправились на поиски Кардинала Блэка, чтобы вернуть книгу и найти химика. Они начнут свои поиски с деревни Аддерлейн, что лежит в шести-семи милях к северо-западу вдоль побережья. Нам удалось выяснить, что люди Блэка использовали ее в качестве опорного плацдарма. Мы сами, к слову, находимся в Уэльсе, милях в двадцати от Суонси.

Хадсон медленно опустил нож. Пронзать сердце собеседника не имело смысла по двум причинам: во-первых, у Профессора Фэлла не было сердца, во-вторых, за этим бы последовала его собственная смерть — мгновенная и столь же бессмысленная. В любом случае… он все еще был голоден и собирался заставить себя поесть. Это единственное, что он сейчас мог сделать. В остальном — оставалось только ждать.

— Хотите сказать, — спросил он с пересохшим горлом, — что на это задание отправились только Мэтью и еще один человек? А сколько людей у Блэка?

— Много. Мы убили нескольких и еще нескольких поймали. Но… я подозреваю, что это лишь капля в море.

— Прошло три дня? И ни слова?

— Я не жду скорых известий, — сказал Фэлл. — Почта здесь ненадежная.

Пульс Хадсона снова участился. Ему захотелось с разъяренным криком вскочить со своего места и рывком опрокинуть стол. От волнения тело вмиг покрылось потом, и, бросив случайный взгляд на руки, Хадсон вновь увидел на них нескольких черных пауков.

— Мы с ним договорились, — сообщил Фэлл. — Я согласился отпустить Мэтью за книгой, а он в свою очередь согласился найти для меня человека, которого я искал уже много лет. Я предполагаю, что этот человек находится где-то в Италии. Скажу сразу: кто он и что я хочу от него получить, вас не касается. — Фэлл слегка вздернул подбородок, словно бросая вызов Хадсону, прежде чем тот успел возразить или задать вопрос. — Я искренне надеюсь, что Мэтью действительно найдет Кардинала Блэка, и они с Джулианом смогут вырвать у него эту книгу и привезти химика, чтобы тот изготовил противоядие для мисс Григсби. Когда — *если* — это случится, я соглашусь вернуть вас и юную леди в Нью-Йорк, и Мэтью будет волен приступить к своей части сделки.

— Прекрасный план! — саркастически воскликнул Хадсон. — Что, вообще, известно об этом Кардинале Блэке?

— Он — настоящий демон и уже убил несколько десятков человек. Его фирменная метка — вырезанный дьявольский крест на лбу жертв.

— И *это* все? Разве Мэтью под силу такая задача? — Хадсон встряхнул руками, стараясь заставить иллюзорных пауков исчезнуть. — Безумие! — Его голос почти сорвался на крик. — Мальчик не в своем уме, раз взялся за такое, не иначе!

— *Неужели*? — Фэлл коротко и резко рассмеялся, хотя выражение его лица оставалось мрачным и серьезным. — Этот *мальчик*, как вы выразились, разгромил банду людей, которых я послал в Нью-Йорк, чтобы создать школу по взращиванию будущих талантов; он стал причиной смерти Тирануса Слотера; он прикончил братьев Тэккер и разрушил мой дом и б***о***льшую часть Острова Маятника; он украл у меня очень ценную Минкс Каттер, и одному дьяволу известно, что еще он сделал… а вы говорите, что мальчик не сравнится с этим Кардиналом Блэком? Прикусите язык, сэр! Вы слышали? Прикусите. Ваш. Язык.

К собственному удивлению, Хадсон услышал в голосе Фэлла нервную дрожь. Похоже, Профессору было жизненно важно, чтобы Мэтью вернулся. Настолько же важно, насколько для самого Мэтью — найти противоядие для Берри. Ее жизнь и рассудок Фэлла, разумеется, не интересовали, его волновало нечто иное. Хадсон понял: раз этот Черный Кардинал умудрился настроить против Профессора одну из его самых верных соратниц Матушку

Диар, после чего нанес ему прямой удар, значит, и другие акулы преступного мира почуяли кровь. Старик слабел, и его авторитет с каждым днем таял.

Впрочем, озвучивать свои выводы Хадсон пока не спешил. Ослабевший или нет, но здесь и сейчас командовал Фэлл.

Хадсон одним глотком осушил бокал.

— Что мне делать, пока мы ждем Мэтью?

— Следите за своими манерами и ведите себя хорошо, — бросил ему Фэлл. — Мы займем вас работами по восстановлению поврежденных зданий, если вы не против. Такой труд обеспечит вам приличную постель и некоторые привилегии, которые я еще не решился вам дать до сих пор.

— А как же Берри? Откуда мне знать, что эти двое не воспользуются ее состоянием?

— Жена Нэша нуждалась в замене своей почившей дочери, — ответил Фэлл. — Я считаю, что все это очень полезно для ее собственного душевного здоровья. Я также могу заверить вас, что Фредерик может быть кем угодно, но он не сделает того, о чем вы думаете. Я уже обсудил с ним этот вопрос и сказал ему, что — мэр он этой деревни или нет — он лишится головы, если я только почувствую намек на неприличие. Я также поручил нескольким своим людям присматривать за ней, так что насчет девушки можете быть спокойны.

— Не думаю, что в сложившихся обстоятельствах я на какой бы то ни было счет могу быть спокоен, — ответил Хадсон со всей свирепостью, на которую только был способен.

— Что ж, я предполагал, что мои слова для вас не представляют особой ценности. — Фэлл сунул руку во внутренний карман халата и вытащил две маленькие карточки. Он поднял их так, чтобы Хадсон увидел на них отпечатки пальцев, выполненные засохшей кровью. — Вы же знаете, что это такое? Я в этом не сомневаюсь, вы ведь работали с Кэтрин Герральд. Как я уже сказал Мэтью, я намеревался отослать их двум людям, которых вы оба знаете — Гарднеру Лиллехорну и Минкс Каттер — за их преступления против меня. Дело в том, что сейчас у меня нет ни одного посыльного, чтобы отправить их — как вы видите, меня занимают более важные дела. Поэтому, в качестве жеста доброй воли… — Он не закончил фразу, а вместо этого подержал сначала одну карточку, а затем другую над пламенем ближайшей свечи. Когда пламя поглотило карточки с кровавыми метками и почти добралось до пальцев, он бросил обугленные остатки в суповую тарелку, где они зашипели, словно маленькие змеи.

— Что скажете? — спросил Фэлл.

Хадсон на мгновение задумался.

Он молил Бога, чтобы тот не оставил Мэтью без помощи в какой-то глуши с одним из убийц Фэлла в качестве напарника. Время Берри было на исходе, и Хадсон не мог вообразить, как, черт возьми, мальчику — то есть, *молодому человеку* — удастся вернуть книгу ядов, да еще и найти химика прямо под носом у убийцы. И не просто убийцы — у демонического *сатаниста*, который держит целую банду смертоносных единомышленников!

Черт, — подумал он. Задача была настолько сложной, что казалась заранее проигранным делом.

Но к данному моменту и к данным обстоятельствам подходило только одно высказывание.

Хадсон поднял свой бокал и сказал:

— Передайте сюда бутылку!

Глава третья

Тремя днями ранее…

Вдалеке, на расстоянии многих миль, возвышались голубоватые силуэты гор. На несколько сотен ярдов вокруг деревни Фэлла земля представляла собой неприглядное болото с темно-серыми, коричневыми и желтыми прожилками тропинок, заросших высокой травой, в которой, вероятнее всего, скрывалась трясина. По пути встречались потрепанные ветром деревья, словно вымаливающие милосердия у этого сурового края. Дорога тянулась с юго-востока на северо-запад, и распознать ее временами было непросто. Впереди на пути двух всадников возвышался лес.

Они прошли совсем небольшое расстояние, когда Девейн пришпорил свою лошадь и заставил ее встать на пути коня Мэтью, преградив ему дорогу.

Фиолетовый синяк над правым глазом Девейна чуть побледнел, но на левой скуле несколько ушибов сплавились в один уродливый кровоподтек. Рот его неприязненно искривился, и он заговорил:

— Ты понимаешь, что это самоубийственная миссия, да?

— Я понимаю, что это *миссия*, — ответил Мэтью. — И я не считаю ее самоубийственной.

— Тогда ты куда больший идиот, чем я предполагал. И вот ты втянул в это *меня*! — Он скользнул рукой в черной перчатке под плащ, вытащил четырехзарядный пистолет с четырьмя стволами — два сверху, два снизу — и двумя спусковыми крючками. — Может, стоит убить тебя прямо сейчас? Или чуть позже? А Профессору сказать, что это все было глупой затеей?

— Лучше чуть позже, — спокойно отозвался Мэтью. — Охранники на стене могут запросто услышать звук выстрела с этого расстояния.

Девейн было направил свою лошадь вперед, но подождал, пока Мэтью поравняется с ним и поедет рядом. Железный лист облаков надвигался на них.

— Слушай сюда, Корбетт, — процедил Девейн, — ты мне не нравишься, мне не нравится эта чертова ситуация, в которую ты меня втянул, и если каким-то образом мне удастся выжить, я заставлю тебя заплатить. Но пока что я буду делать все возможное, чтобы выполнить задание, потому что таков мой принцип, и от него я не отступаю. А потом… — он осекся. — Я убивал множество раз и большинством смертей я наслаждался.

Если мне придется убить тебя, я это сделаю. И это тоже будет делом принципа. Ты понял?

— Без сомнения, — кивнул Мэтью.

— Я плохой человек, — сказал Девейн. — Просто, чтобы ты знал.

И снова — без сомнения, — подумал Мэтью, но предпочел сохранить молчание.

Затем Девейн убрал пистолет и рысью направил свою лошадь на северо-запад. Мэтью последовал за ним, щелкнув поводьями, понимая, что пойдет на все, чтобы спасти женщину, которую любит и заставить убийцу, учинившего расправу над «Черноглазым Семейством», заплатить за это злодеяние, потому что он пообещал это своему погибшему другу.

Они продолжали двигаться вперед — хороший человек и плохой человек — без оглядки и без сомнения сквозь этот уродливый пейзаж.

Сосредоточиться на предстоящей задаче было нелегко — мешало постоянное грызущее беспокойство за состояние Берри. Ирония заключалась в том, что именно ввиду ее состояния Мэтью и *должен* был заставить себя сосредоточиться. Будь его воля, он бы давно пустил лошадь галопом, чтобы добраться до пункта назначения как можно быстрее, но логика подсказывала ему, что так можно запросто прискакать в ловушку или прямиком на свидание со Смертью. Если он глупо обнаружит себя перед Кардиналом Блэком, это никак не поможет вернуть Берри из ее забытья.

Рациональный ум легко слушался здравого смысла, а вот унять сердце, то и дело норовившее пуститься вскачь, было намного труднее.

Стараясь заглушить беспокойство, Мэтью задумался о том, что ждет его впереди. Их с Девейном пункт назначения он знал с того момента, как Черный Кардинал сказал Матушке Диар: *я встречу тебя в башне*. Он произнес это перед тем, как завещать души Мэтью и Уильяма Атертона Арчера дьяволу. Затем один из пойманных во время налета людей Блэка сообщил дополнительные сведения: похоже, речь шла о средневековой сторожевой башне в лесу, примерно в полумиле от Аддерлейна. Человек сказал, что это место было своеобразным темным святилищем: там Блэк общался с сатаной.

Мэтью попытался поудобнее устроиться в седле, потому что с приближением к демоническому логову Блэка ему все труднее сиделось на месте, и конь, улавливая его настроение, нервничал под удилами. Пришлось напрячься в попытке взять себя в руки и обуздать капризное животное. Мэтью плотнее закутался в свой

серый плащ: как только солнце скрылось за горизонтом, воздух заметно остыл.

С каждым шагом в разуме все яснее проступало осознание, что бесполезно размышлять о грядущем, если миссия потерпит крах — нужно было сосредоточиться не на иллюзорных будущих проблемах, а на насущных.

Взять хотя бы Джулиана Девейна. Мэтью было любопытно, как такого сообразительного человека угораздило оказаться в кругу приспешников профессора Дантона Идриса Фэлла.

— Может, хоть расскажешь о себе? Что у тебя за история? — спросил Мэтью, нарушая тягучее молчание. Впрочем, он знал, что ответ, который он получит, будет холоднее пронизывающего декабрьского ветра. Ожидания его оправдались.

— Не твое собачье дело, — буркнул Девейн.

— Я подумал, что было бы полезно узнать поближе человека, который стал моим напарником.

— Одного дурака объединили с другим, вот и вся история, — огрызнулся Девейн. — А теперь закрой свой рот и оставь меня в покое.

Мир, — подумал Мэтью, — *пожалуй, единственное, что этот человек никогда не сможет найти.*

Он снова пригляделся к своему вынужденному спутнику. В Джулиане Девейне удивительным образом уживались преступные замашки и аристократические манеры. По одному тому, как он держался в седле, можно было сделать выводы о его происхождении и образовании. Мэтью был уверен в своих наблюдениях и готов был биться об заклад, что Джулиан Девейн — явно не выходец из трущоб. Под этой темно-зеленой треуголкой, лихо накренившейся набок, скрывался мозг — и не рядовой, а очень даже незаурядный, настолько, что его приметил Профессор Фэлл. И, похоже, этот злой гений преступного мира имел далеко идущие планы на Девейна. Мэтью был уверен, что в будущем его нынешнему спутнику светит место почившей Матушки Диар. Из всех своих прихвостней Фэлл явно выделял именно его, и это лишний раз заставляло задуматься, что же за история кроется за плечами этого человека.

Девейну на вид около двадцати шести или двадцати семи лет от роду. Всего-то на два-три года старше самого Мэтью, которому в мае исполнилось двадцать четыре.

Сейчас, накануне 1704 года, собственный двадцать четвертый день рождения казался Мэтью недостижимо далеким.

Время, минувшее с того дня, непросто было назвать безоблачным. С его злоключений в колонии Каролина на Реке Духов утекло не так много воды, однако последовавшие за этим

события завертелись беспокойным вихрем и забросили Мэтью в Лондон. Тогда, в течение недолгого времени он не помнил, кто он такой. Очнулся он на корабле, направлявшемся в Англию, и обнаружил себя в роли «слуги» отвратительного прусского фехтовальщика графа Антона Маннергейма Дальгрена. На деле же Мэтью был его пленником. Ему удалось избавиться от своего похитителя, и, должно быть теперь сам дьявол сетует на то, что Дальгрен угодил в его адское логово. Так или иначе, убийство графа привело Мэтью в тюрьму Ньюгейт, после которой он связался с «Черноглазым Семейством» и мстителем Альбионом. А теперь…

Теперь *это*.

Мэтью смотрел, как приближается лесополоса — продуваемые ветрами болота и пожелтевшая трава постепенно уступали ей место. Ничего не оставалось, кроме как позволить лошади протаптывать себе путь в прежнем темпе.

Демоническое логово Блэка было все ближе, но эта мысль почему-то не вызывала страха. Мэтью не пугали ни возможные опасности, ни то, что ждало его впереди. Будучи работником агентства «Геррaльд» в Нью-Йорке и решателем проблем, он уже пережил множество опасностей, и именно они привели его сюда, в это место.

Мэтью был высоким и стройным молодым человеком с тонкими чертами вытянутого лица и холодными серыми глазами, в которых изредка появлялись голубоватые блики. Его жесткие густые черные волосы были защищены от ветра темно-синей треуголкой, которой снарядил его Профессор Фэлл. Другим подарком стал пистолет и полная пороховница в кобуре на поясе. Также он взял с собой кинжал с рукоятью из слоновой кости, некогда принадлежавший Альбиону. Кожа Мэтью была бледной, что говорило о его склонности к интеллектуальной деятельности, а не к физическому труду. Его природные таланты и развитая логика позволили ему достигнуть впечатляющих высот в образовании, начавшемся еще в детстве, которое он провел в приюте Нью-Йорка. Одним из следов его злоключений в течение сложной и, безусловно, наполненной опасностями жизни был шрам в виде полумесяца, изгибавшийся чуть выше правой брови и уходящий под линию роста волос. Этот шрам был напоминанием о его встрече с медведем четыре года тому назад — встрече, едва не закончившейся фатально.

В нескольких футах впереди него шагом продвигалась лошадь Девейна, которую он изредка подгонял с помощью миниатюрных острых шпор начищенных черных ботинок. Черный плащ, развевающийся за его спиной, неумолимо напоминал

императорскую накидку. Бросающаяся в глаза величественность, выправка и стать — Мэтью невольно задумался, было ли это очередной маской Девейна, которую он изобрел, будучи преступником, или же она тянулась за ним из далекого прошлого? Чем дольше Мэтью изучал Девейна, тем яснее понимал, что у него, без сомнения, очень сложная история, и, какой бы она ни была, очевидно, он намеревался защищать ее с яростью хищника.

Девейн был красивым светловолосым мужчиной с аккуратными чертами лица. И когда маска злодейства, тщеславия и надменности пряталась вглубь, он мог быть по-мальчишески обаятельным — это Мэтью выяснил еще с первой встречи. Тем не менее, похоже, к этой маске Девейн привык и носил ее не менее свободно, чем зеленую треуголку.

Лошади продолжали неспешно идти вперед. Пронизывающий ветер трепал плащи всадников. Дорога — вернее тропинка в траве, огибающая зыбучие болота, — извивалась и вела к скалам, возвышавшимся над бурным морем, а затем уходила в темные леса.

Под скрюченными ветвями переплетенных деревьев двое всадников продолжили свой путь, в то время как и без того скудный солнечный свет переродился в серую дымку. Где-то в отдалении каркали вороны. Пожалуй, кроме изредка завывающего ветра и мерного перестука копыт, эти крики птиц были единственными звуками в лесном затишье.

Девейн направил свою лошадь вперед, мрачный лес сомкнулся вокруг них, и Мэтью вновь пришлось бороться с грызущим ощущением уходящего времени. Оно, увы, не играло им на руку, оно было их врагом, равно как и Кардинал Блэк.

По прошествии почти двух часов — этого времени вполне хватило, чтобы копчик Мэтью начал капризно ныть от верховой езды — солнце сместилось на небосводе, и от света остался лишь жалкий мазок у самого горизонта. В этот момент Девейн вдруг остановил свою лошадь и тихо сказал:

— Там.

Он указал на узкий просвет меж деревьями. Мэтью пригляделся и на фоне величественных мрачных облаков заметил каменную сторожевую башню высотой около шестидесяти футов, стоявшую на лесистом каменном гребне, который местами достигал пятидесяти футов.

— До основания хребта где-то миля. А потом, примерно, еще полмили пути, — подсчитал Девейн. Не говоря ни слова, он вновь пришпорил лошадь и пустил ее шагом. Мэтью щелкнул поводьями и последовал за ним.

Время от времени он замечал мелькающие очертания башни меж плотно жавшимися друг к другу деревьями. Ее крыша была отделана черным деревом и имела коническую форму, а в каменных стенах на различной высоте виднелись небольшие бойницы, из которых можно было выпускать стрелы или стрелять с помощью древних ручных пушек. Мэтью показалось, что часть крыши прогнулась, а некоторые камни стенной кладки примерно на высоте сорока футов обвалились. Но в остальном эту башню все еще можно было назвать грозным оборонительным сооружением. Признаков жизни башня не подавала, и это, как ни странно, тревожило Мэтью больше, чем могли бы потревожить солдаты Блэка, готовящиеся к нападению.

Лошади попутчиков свернули с лесной тропы и направились вверх по крутому склону. Сторожевая башня теперь вырисовывалась ближе. Мэтью отметил, что Девейн извлек свой четырехствольный пистолет из-под плаща и положил его поперек седла перед собой, накрыв рукой. Он обращался с этим уродливым оружием удивительно благоговейно, словно священник, кладущий руку на лоб дитя для благословения. Мэтью не сомневался, что этот пистолет не раз спасал Джулиану Девейну жизнь.

Вскоре они приблизились к грубой каменной стене высотой около пяти футов. Время не пощадило ее: она была изборождена трещинами и почти скрыта бурой травой и колючими зарослями. Всадники были уже почти у самой сторожевой башни, но никаких признаков активности так и не уловили, кроме метнувшихся прочь зайцев и прошествовавших мимо оленей.

В стене обнаружилось отверстие. Оно было достаточно широким, чтобы человек мог пройти через него, но только пешком — не на лошади.

Девейн спешился первым, держа в руках пистолет.

— Зайдем здесь, — сообщил он и полез в седельную сумку, где хранил боеприпасы, кремни, запас сушеной соленой рыбы и вяленой говядины в вощеной бумаге. Миг спустя наружу показалась подзорная труба. Девейн открыл ее и привел в оптимальное положение для лучшей видимости, тут же приступив к изучению башни. Вскоре он опустил трубу, продолжая держать ее в руке. — Привяжи свою лошадь, — сказал он. И добавил: — И приготовь пистолет. Он может тебе понадобиться.

Девейн замолчал. Мэтью поспешил без единого вопроса исполнить его инструкции и был готов в считанные секунды.

Они постарались как можно надежнее и незаметнее привязать лошадей в чаще. Вооружившись пистолетом, Мэтью

последовал за Девейном через отверстие в стене. По другую ее сторону также обнаружилась тропа, ведущая прямо к башне — почти невидимая и заросшая травой. Кое-где валялись груды каменных обломков. Мэтью заметил одну единственную плиту с наполовину стертой надписью, объяснявшей, *что* это когда-то было за место, однако, как ни старался, он ничего не смог разобрать.

— Тихо! — предупреждающе шикнул Девейн. Впрочем, Мэтью и сам не планировал шуметь.

Они осторожно пробирались через руины, поднимаясь вверх по склону. Вскоре они достигли вершины, представлявшей собой довольно ровный участок земли, усеянный многочисленными камнями, упавшими со стен обветшалой башни. Вдалеке зияла открытая пасть дверного проема.

— Хорошо, — сказал Девейн, словно разговаривая со своим духом-защитником, которого Мэтью не видел. Он вошел в башню первым, Мэтью держался на пару шагов позади него.

В темном помещении они разглядели лестницу, по ступеням которой когда-то сновали туда-сюда средневековые солдаты. Девейн и Мэтью начали подниматься все выше и выше, по ходу миновав несколько площадок, на которых располагались защитные ниши и бойницы. Ветер выл в зияющих в стенах дырах, что находились на высоте сорока футов и были достаточно большими, чтобы вместить карету, в которую можно было запрягать пегасов[2] и лететь.

В самом конце их восхождения им встретились черные лучи опор конусовидной крыши, а затем они увидели дыру, из которой открывался вид на дорогу. Достигнув верха, они огляделись. Здесь была круглая комната с большим количеством оборонных бойниц в стенах. Мэтью и Девейн оказались настолько поражены, что не смогли вымолвить ни слова, потому что оказались не единственными человеческими существами в этом царстве сатаны.

Но единственными *живыми* человеческими существами.

Здесь был ребенок — быть может, лет шести. Светловолосый белокожий мальчик, раздетый догола. Карие глаза его были все еще раскрыты, в них застыло выражение шока, а руки и ноги были связаны бечевкой. В груди зияла огромная рана, края которой уже посинели. На лбу ребенка виднелся еще один порез: перевернутый дьявольский крест, который Черный Кардинал так любил оставлять на телах своих жертв. На полу засохла лужа крови, рядом с которой стояла глубокая чаща. Внутри нее находилось то, что Мэтью опознал как остатки сердца мальчика. Вокруг чаши осталось несколько огарков свечей, прикрепленных к

полу воском. А на стенах…

— Хм, — выдохнул Девейн. Стены явно привлекли его внимание.

На них были начертаны странные символы. Краской же послужила кровь убитого ребенка. Похоже, это были символы, необходимые для того, чтобы Кардинал Блэк пообщался со своим повелителем.

Борясь с отвращением и тошнотой, Мэтью вдруг вспомнил внешность своего врага. Блэк был необычайно худ, а в росте достигал почти семи футов. Лицо его больше напоминало обтянутый кожей череп, а руки с неимоверно длинными пальцами венчали острые когти, как у хищного зверя. При таком росте Блэк вполне мог чертить свои символы чуть ли не под самой крышей. Мэтью взглянул туда и подтвердил свои догадки: там были тысячи символов, пересекавшихся кровавыми подтеками. Ручейки крови сбегали вниз до самого пола. Это напоминало какой-то безумный роман демонического автора. Или послание темного падшего ангела. Пожалуй, не просто так Матушка Диар называла этого человека отцом, учитывая то, кого она на самом деле им считала[3].

— Успокойся, — холодно сказал Девейн, когда Мэтью отвернулся и попытался продышаться у одной из бойниц. Сам Девейн приблизился к трупу мальчика. — Интересно, — пробормотал он, словно изучал не мертвого ребенка, а раздавленное насекомое. — Человеческая жертва во славу сатаны, — продолжил он. — Выглядит очень характерно для типа, который унес с собой книгу ядов.

— И это все, что ты можешь сказать?! — возмутился Мэтью.

— Я не оплакиваю мертвецов, Корбетт. Они уже покинули этот беспокойный мир. Если тебя это зрелище шокирует, то я — видел и похуже. Ты можешь стать таким же, прежде чем вся эта история закончится. Следующим сердцем, которое Блэк вырежет из еще живой груди, может стать *твое*.

Мэтью уже собрался ответить — правда, пока не знал, что именно, — когда вдруг понял, что из оборонной бойницы виднеется деревня, притаившаяся у подножия скал — там, у самого моря.

— Похоже, я вижу Аддерлейн, — выдавил он. Девейн заинтересованно шагнул к нему и оттолкнул его в сторону. В ход снова пошла подзорная труба.

— Ну? — поторопил Мэтью.

— Валлийская рыбацкая деревня. Вижу гавань, несколько рыбацких лодок и бедных лачуг. Ничего особенного. Никакой активности. — Он навел трубу дальше, на океан. — Минометного

корабля тоже не видно. Там вообще ничего нет. Похоже, они давно ушли.

Мэтью именно этого и боялся. Он злобно выдохнул сквозь плотно стиснутые зубы, стараясь приглушить вихрь паники, взметнувшийся внутри.

Девейн закрыл подзорную трубу резким щелчком.

— Каков план? — спросил он. Когда Мэтью не ответил, он вопрошающе прищурился. — У тебя же есть план, ведь так?

Мэтью вновь промолчал, потому что в его арсенале не имелось ничего — ни ответа, ни плана.

— Понятно, — сказал Девейн. В его голосе странным образом сочеталась мягкая шелковистость и настойчивая требовательность. — Мы проделали весь этот путь, я следовал твоим указаниям, потому что поклялся Профессору. И что в итоге? Мы зашли в тупик, и никакого дальнейшего плана у тебя нет. А ведь он был твоей прямой обязанностью, я полагаю. Мне думалось, ты сильно печешься о девушке, которой вознамерился помочь, но, выходит, я и тут ошибся. И… — Он осекся, потому что Мэтью отвернулся от Аддерлейна, щеки его раскраснелись от гнева. Похоже, сейчас его терпению настал конец.

— Мой план, — заговорил Мэтью, цепляясь за последнюю соломинку логики в своем искалеченном мозге, — это спуститься в ту деревню и выяснить, точно люди Блэка ушли, или нет. Если ушли, то *когда* и *куда*. Я собираюсь все это *выяснить,* а не строить необоснованные догадки, стоя здесь.

— Ты намереваешься отправиться навстречу собственной смерти, вот что, — парировал Девейн. — Я же говорю тебе: Кардинал Блэк и его банда ушли. В той гавани нет лодок, которые могли бы вместить больше двух-трех человек. Если ты помнишь, пойманный приспешник Блэка сказал, что его люди будут разъезжаться на каретах, лошадях и на корабле. И корабль, видимо, уже отплыл. А вместе с ним и книга, которую ты так жаждешь отыскать.

На мгновение Мэтью показалось, будто вся сторожевая башня раскачивается у него под ногами. В отчаянии он протянул руку и оперся на окровавленную стену — все было лучше, чем позволить себе рухнуть на колени.

— Жалкое зрелище, — надменно возвестил Джулиан Девейн. — А я-то думал, что ты умнее.

Мэтью поднял свои холодные серые глаза и столкнулся с безучастным взглядом Девейна.

— Я иду в ту деревню. С тобой или без тебя. Если угодно, я освобождаю тебя от твоего обещания.

— О, разумеется! Только есть одна неувязка: ты — не

Профессор, Корбетт. Так что, ты не можешь освободить меня.

— Как хочешь. Я ухожу. — Мэтью не осмелился еще раз взглянуть на труп ребенка. Он решил последовать совету Девейна и успокоиться, собрать волю в кулак для предстоящей задачи. Однако после первого же шага ему стало понятно, что его каменные намерения не настолько прочны — по крепости они, скорее, напоминали размокшую бумагу.

Он покинул круглую комнату, на негнущихся ногах спустился по лестнице и вышел из треклятой сторожевой башни. Девейн молча следовал за ним. Наконец, они дошли до привязанных лошадей, в тишине отвязали их и направились к Аддерлейну. Теперь Мэтью скакал первым, преисполнившись шаткой мрачной решимости.

Глава четвертая

Аддерлейн был небольшой деревушкой, растянутой вдоль гавани, где у причала были пришвартованы семь или восемь рыболовных судов. В настоящий момент сети — основное орудие местного промысла — висели на просушке, а паруса были аккуратно свернуты и закреплены.

Очевидно, — решил Мэтью, — *рыбацкие дела Аддерлейна прервали неожиданные посетители. Надо думать, появление Кардинала Блэка сильно испугало местных жителей.*

Когда лошади Мэтью и Девейна въехали на единственную грунтовую дорогу, пролегавшую меж некрашеных домов, к ним на встречу с большой опаской один за другим вышли несколько жителей. Большинство из них держали топоры, лопаты и тому подобный инвентарь — все, что можно было использовать в качестве подобия оружия. Пару мгновений спустя из большого здания, чем-то походившего на ратушу, появилась группа из полудюжины мужчин. Двое держали в руках мушкеты. Мэтью не преминул отметить, что один из них был глубоким старцем лет восьмидесяти, а второй — еще мальчишкой, которому нельзя было дать больше четырнадцати. Походка обоих была неуверенной, словно они едва держались на ногах.

— Не стреляйте! — скомандовал Девейн так громко, что его, должно быть, слышала вся деревня. — Мы пришли с миром! — возвестил он. И добавил: — Мы не имеем ничего общего с вашими последними посетителями.

Мушкет мальчика неуверенно опустился на несколько дюймов, а вот старик верить пришельцам на слово не спешил.

— А ну, говори, — прорычал он, — кто вы такие и какого дьявола вам здесь понадобилось!

Лицо его было таким морщинистым, что по сравнению с ним камни сторожевой башни можно было назвать гладкими. Всклокоченные седые волосы напоминали бурю в заснеженном лесу.

— Нам нужна только информация, — ответил Мэтью. — Могу я спешиться, чтобы при этом меня не пристрелили?

— Проследи за ними, Эйриг! — скомандовал один из тех, кто был вооружен вилами. Раздался одобрительный ропот, и широкоплечий мужчина с каштановой бородой шагнул вперед, чтобы забрать у мальчика оружие и взять всадников на мушку.

— Спешивайтесь! — выдал Эйриг через несколько секунд. — Без резких движений!

Мэтью повиновался. Девейн тоже, сразу заняв позицию позади своего так называемого горе-напарника.

— На вашу деревню на днях напали, ведь так? — спросил Мэтью.

— Мародерствовали и грабили, — ответили ему. — Эти люди… их даже людьми-то в привычном смысле сложно назвать.

— Особенно самый высокий, — добавил бородатый джентльмен со вторым мушкетом. Его голос напоминал скрежет зубьев пилы по граниту. — Его называли Кардинал Блэк. Одно это имя — богохульство в чистом виде!

— Согласен, — ответил Мэтью. — Дело в том, что прошлой ночью они напали еще на одну деревню в нескольких милях отсюда вдоль побережья. Оттуда мы и пришли.

— Это то загадочное место, которое охраняют, словно крепость. — Слова прозвучали как утверждение, а не вопрос. Густые седые брови Эйрига поползли вверх. — Подозреваю, что там ничего хорошего не происходит.

— Лучше и не скажешь, сэр… но есть более насущные проблемы. Скажите, когда ушел Кардинал Блэк и каким образом он это сделал.

— Почти сразу после полуночи, на большом корабле, на котором он и прибыл. Двенадцать его людей отправились с ним. Остальные шестеро уехали в двух каретах.

— А еще один корабль дальше в море на якоре не стоял? — спросил Мэтью.

Эйриг кивнул.

— Да, был еще один, такой же большой, как и первый. Он ушел в море сразу, как наступила ночь, и не вернулся. Блэк и большинство его людей тоже уехали после наступления темноты, но они оставили здесь пятерых своих с оружием, а нас всех согнали в сарай Кэффри. Потом мы услышали гром, и я решил, что это орудийные выстрелы, потому что корабль показался мне похожим на военный. Когда все закончилось, мы посмотрели вслед второму уходящему кораблю и возблагодарили Бога: он был милостив к нам — люди Блэка убили только троих.

— Убили троих? — переспросил Мэтью. — Но почему?

— В тот вечер, когда эти бандиты приехали сюда, они пригрозили нам пистолетами и выбрали троих: Бреннана Оуэна, Джона Лайлза, школьного учителя, и Кендалл Гриффин, добрую женщину, мать четверых детей. Их застрелили на причале и сбросили в море.

— Но зачем? — не унимался Мэтью.

— Чтобы нам потом пришлось вытаскивать тел***а*** и пытаться смыть с них богохульство христианскими похоронами, — был

ответ. — Этот «Кардинал» сказал, что они убьют всех, если мы окажем сопротивление, при котором пострадает хоть кто-то из его людей. — Наконец Эйриг опустил мушкет. — Некоторые не могли стоять и смотреть, но я смотрел. Я и Грегор. — Он взглянул на бородача. — Скажи им, что они сделали с телами, прежде чем их сбросили.

— Я уже знаю, — вмешался Мэтью. — Кардинал Блэк вырезал дьявольские кресты у них на лбу и, вероятно, совершил над ними какой-то ритуал. Верно?

— *Мой мальчик!* — внезапно раздался женский крик в глубине толпы. — *Мой мальчик! Господи Боже, мой мальчик!*

Через группу протолкнулась женщина примерно лет сорока. Она выглядела изможденной и как будто преждевременно постаревшей, в ее волосах уже проглядывала седина, а глаза опухли от слез — видимо сказывался образ жизни и нынешние обстоятельства.

— Мой мальчик! — вскрикнула она. — Где мой Гэвин?

Другой мужчина, примерно ее возраста и такой же потрепанный временем, шел за ней по пятам. Он попытался схватить ее за руку, но она вырвалась и бросила на Мэтью и Девейна умоляющий взгляд.

— Они забрали моего малыша! Моего Гэвина! Где мой мальчик? Пожалуйста! Верните мне его!

— Ариана, пойдем, — сказал мужчина, пытаясь успокоить ее, но она словно обезумела и не слышала его увещеваний.

— *Мой мальчик!* — вновь закричала она. По лицу ручьями полились слезы. — *О Господи, мой мальчик!*

— ЗАТКНИ ЕЕ!

Голос за спиной Мэтью принадлежал не Девейну… или, по крайней мере, не тому Джулиану Девейну, которого он знал до сих пор. Так мог кричать лишь человек, внезапно утративший присутствие духа. Девейн выкрикнул свою команду с отчаянием, причину которого Мэтью так и не смог понять. Крики убитой горем матери явно не просто раздражали его. Похоже, они нагоняли на него ужас.

— *Мой Гэвин, мой мальчик!* — продолжала пронзительно стенать женщина. — *Пожалуйста, помогите мне…*

Внезапно Девейн оттолкнул Мэтью в сторону. В вытянутой руке он держал четырехствольный пистолет.

— Заткни ее, или это сделаю я! — крикнул он срывающимся голосом, и на его бледном лице отразилась паника. Женщина мгновенно замолчала. — Брось мушкет! — скомандовал он Грегору. — Ну же, давай!

Грегор колебался. Мэтью увидел, как палец Девейна начал

сжимать один из спусковых крючков. Две пули на таком расстоянии — в летальном исходе не было сомнений.

Клинок Девейна был вложен в ножны на боку. Мэтью схватился за рукоять, вытащил его, и у него не было иного выбора, кроме как встать между Девейном и Грегором и, шагнув вперед с абсолютно глупой бравадой, приставить острие оружия к подбородку Грегора.

— Вы его слышали, — сказал Мэтью. — Давайте не будем глупить.

Мушкет упал на землю.

— *Гэвин!* — крикнула женщина. — *Мой мальчик! Вернись домой! Пожалуйста, вернись…*

— Твой мальчик лежит мертвый в сторожевой башне! — крикнул в ответ Девейн. Его голос надломился, и прошло несколько секунд, прежде чем он снова заговорил. В эти секунды Мэтью услышал, как женщина испустила вздох ужаса, и подумал, что, если он сейчас развернется и пронзит Девейна клинком, это не помешает ему крепко спать по ночам. — Он мертв! — продолжил Девейн, переведя дух. — Они забрали его и убили! Так что, если хотите сделать что-то полезное, пусть кто-нибудь из ваших отважных защитников сходит туда и принесет тело в дом этой женщины. Уяснили?

Никто не двинулся и не заговорил. Мэтью увидел, что Грегор порывается поднять мушкет, поэтому не спешил убирать клинок. Эйриг же даже не пытался поднять свое ружье. Плечи его опустились, словно груз усталости невыносимо надавил на них. Взгляд был потускневшим и затравленным.

— Что? — Голос Арианы превратился в призрачный шепот. Ветер шевелил ее волосы, и, казалось, только они двигались в этой замершей толпе. А затем прозвучал еще более мучительный стон: — *Не-е-ет!*

— Уведите ее отсюда, — приказал Девейн мужчине, стоявшему рядом с Арианой, и на этот раз ее воли не хватило на то, чтобы сопротивляться. Мужчина повлек ее прочь с улицы. Ноги Арианы заплетались, горе согнуло ее спину и сгорбило плечи.

— Вы видели тело? — спросил Эйриг, когда женщина оказалась вне зоны слышимости.

— Да, видели. А теперь мы закончим это бесполезное обсуждение, и я задам несколько вопросов, — сказал Девейн. Держа пистолет наготове, он прошел мимо Мэтью и встал лицом к лицу со стариком. Он быстро взял себя в руки, но Мэтью все еще улавливал странную дрожь в его голосе. — Эти два корабля. Какие флаги на них были подняты?

— Флаги Королевского флота. Я в состоянии узнать белый флаг Святого Георгия при любых обстоятельствах, — ответил старик.

— В каком направлении ушел корабль с Кардиналом на борту?

— На юг, — ответил Эйриг. — На нем почти не было огней, но я смог за ним проследить.

— Почему этот ублюдок убил Гэвина Джеймса? — спросил мужчина из группы деревенских. — И что вы — делали в башне?

Девейн не обратил на него внимания и продолжил дотошно допрашивать Эйрига.

— Сколько мачт было на корабле?

— Он был трехмачтовым. Когда они отплывали, все паруса были подняты.

Взгляд Девейна скользнул мимо старика к пристани. Он постучал стволами пистолета по своему подбородку, и Мэтью буквально видел, как в мозгу его напарника заработали шестеренки. Для Мэтью картина была яснее некуда: Черный Кардинал и двенадцать его приспешников направились на юг на трехмачтовом корабле под белыми знаменами Королевского военно-морского флота, и не было ни единой возможности узнать, где они находились сейчас. А еще…

Голос Девейна вырвал его из раздумий:

— Хотел бы я знать, где может вот так запросто найти якорную стоянку пара больших *краденых* кораблей, — хмыкнул он. — Сдается мне, Блэк провернул все это не в одиночку. Ему помогли. Это, конечно, звучит невероятно, но другого варианта нет: без посторонней помощи ему ни за что не удалось бы украсть с верфи эти суда. Держу пари, все это предприятие кто-то поддержал. Кто-то *высокопоставленный.*

— Дельное замечание, но сейчас оно ничем нам не поможет, — заметил Мэтью.

Девейн повернулся к нему.

— Ты игрок? — спросил он и тут же продолжил, не дожидаясь ответа: — Можешь не отвечать. Конечно, ты игрок, иначе тебя бы здесь не было. Но, Корбетт… пока ты будешь *пытаться придумать* достойный план действий, мы с тобой отправимся в морское путешествие.

Он решительно зашагал вперед, размахивая пистолетом и тем самым разгоняя зевак. Мэтью немного замешкался, не зная продолжать ли держать клинок у горла Грегора или в этом уже нет необходимости. Наконец, он забрал валявшийся мушкет и последовал за Девейном на пристань.

Темное море было беспокойным, волны бились о старые сваи,

и привязанные к ним лодки издавали тихие протестующие стоны. До Мэтью доносился запах рыбы, исходивший от сетей на деревянных сушилках. Он рассеянно огляделся по сторонам и отметил, что некоторые лодки, привязанные веревками, представляли собой огромные бочки с уключинами. Две из них, правда, выделялись и были крупнее остальных — около двенадцати футов в длину — и даже имели по одной мачте, но обе выглядели так, словно море избило их до полусмерти, оскорбленное их присутствием.

— Хлам, все до единой, — заключил Девейн, тяжело вздохнув. — Ты умеешь ходить под парусом? Хотя, не важно, я умею.

— За меня не беспокойся. Но что ты надумал?

— Блэк какое-то время ждал Матушку Диар здесь, в башне, как они и планировали. В указанный срок она не появилась, и он понял, что она не придет. Поэтому он счел, что пришло время забрать книгу, созвать людей и уйти. Южное направление уводит его прочь от Уэльса. Единственное, что ему нужно было сделать, это поднять паруса и следовать за ветром.

Мэтью кивнул. Он понял, к чему клонит Девейн. Два корабля Королевского флота будет трудно спрятать. У Блэка, должно быть, уже было приготовлено для них место — уединенная бухта или гавань, которую можно обнаружить только с моря. Это единственная возможность найти его.

Мэтью снова ощутил давление времени. Он чувствовал, что в этой игре расклад у них с Берри был проигрышный. И все же ему придется играть теми картами, что были на руках, потому что пути назад не было.

Девейн некоторое время разглядывал обе одномачтовые посудины. Затем, похоже, сделал вывод, и решительно зашагал обратно. Мэтью последовал за ним. Вскоре они возвратились к группе местных жителей, которые вышли им навстречу — теперь они держали свое импровизированное оружие опущенным. Девейн прошел мимо них, снял свою седельную сумку и огляделся в поисках чего-то. Увидев деревенский колодец, он вынул из мешка глиняную фляжку, которую за время путешествия откупоривал уже несколько раз, но ни разу не предложил Мэтью ни капли воды.

— Наполни ее, — скомандовал он и бросил фляжку Мэтью. Пока тот наполнял колодезное ведро, Девейн перекинул седельную сумку через плечо и с пистолетом в руке вернулся к старому Эйригу.

— Мы берем лодку с мумифицированным свиным рылом, прибитым к мачте, — объявил он. — Полагаю, кто-то мнит его

неким талисманом на удачу?

— Ну уж нет, вы не заберете мою лодку! — вскричал худой жилистый рыбак с коротко остриженными седыми волосами. Выражение его лица наводило на мысль об опасности, как и топор, который он держал в руках. — В ней вся моя жизнь!

— Подумайте о ее продаже, — предложил Девейн. — Наши…

— К черту вас! — Мужчина свирепо поднял топор и шагнул вперед.

Стоя у колодца, Мэтью вдруг подпрыгнул от двойного пистолетного выстрела.

Человек упал, и топор выскользнул у него из рук, когда он схватился ими за правое бедро. Кровь хлынула из раны, забрызгав нескольких мужчин, стоявших поблизости. Девейн же стоял в клубящемся голубом дыму и смотрел, как человек корчится от боли, катаясь по земле.

— Лучше позаботьтесь о нем, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Затем буднично окликнул: — Эй, Мэтью! Ты закончил?

— Вам обязательно было это делать? — нахмурился Эйриг, когда Грегор и еще двое жителей наклонились, чтобы поднять стонущего мужчину и унести его прочь. — Без этого же легко можно было обойтись!

— У меня нет времени на споры. А он был слишком глуп, чтобы понять, что мы оставляем пару прекрасных лошадей и сбрую в качестве платы за его лодку. Да и вообще, когда кто-нибудь поднимает на меня топор, — пожал плечами Девейн, — он обычно тут же прощается с жизнью, так что, если этот дурак выживет, он может считать себя счастливчиком… даже без свиного рыла.

— Как по мне, на вас падет проклятье, — мрачно произнес Эйриг. Его морщинистое лицо было таким же бесстрастным, как у Девейна.

— Как вам будет угодно. Мэтью, я жду! — Девейн окинул взглядом деревенских жителей, оставшихся на улице. Большинство из них сбились в плотную толпу позади Эйрига. — *Ты!* — крикнул Девейн. — В коричневой шапочке! Иди сюда!

— Я, сэр?

— Да, иди сюда! — Девейн указал пистолетом прямо перед собой, и перепуганный молодой человек подошел, ссутулившись, словно собака, ожидающая, что ее вот-вот больно пнут. — У тебя есть вши? — спросил Девейн.

— Сэр?

— *Вши!* У тебя есть *вши*?

— Нет, сэр!

— Уже хорошо. — Девейн сорвал с его головы коричневую шерстяную шапочку и протянул ее Мэтью, когда тот принес флягу с водой. — Надень ее под шляпу, — скомандовал он. — Она защитит тебя от морского ветра, который я намерен оседлать, как при бешеной скачке.

Мэтью взял шапку и увидел пару маленьких дырочек в тонкой шерсти, но в остальном она стала приятным дополнением к его зимнему гардеробу. Он тут же надел ее — по правде говоря, наличие или отсутствие вшей сейчас мало его беспокоило. Когда шапка скрылась под треуголкой, по ушам разлилось приятное тепло.

Некоторое время Мэтью стоял, прикованный взглядом к кровавым следам на земле, где упал раненый. Он не сразу понял, что пора поспешить за напарником, который был уже на полпути к выбранной лодке.

— Куда бы вы ни шли, — заметил Эйриг, — у вас плохая компания.

— Я оставлю мушкет на пристани, когда мы отплывем, — ответил Мэтью, не став комментировать это замечание. Он держал ружье под мышкой, а клинок Девейна все еще был у него в руке. — Лошади ст*о*ят больше этой лодки, поверьте мне.

— Скажите это жене и детям Эвана, — последовал жесткий ответ.

Мэтью нечего было на это добавить. Он попятился от Эйрига и остальных собравшихся, опасаясь массированной атаки, с которой не справились бы ни его искусство фехтовальщика, ни оружие. Но увечье, что Девейн нанес жертве, оказало свое воздействие на жителей Аддерлейна. За последние пару дней они повидали достаточно, чтобы насытиться на всю жизнь, и когда Эйриг отвернулся, остальные последовали его примеру.

Мэтью подошел к причалу, положил мушкет на его доски и, повинуясь приказу Девейна, сначала передал ему клинок, а потом отчалил. Вложив оружие в ножны, Девейн занялся осмотром паруса, который пребывал в свернутом состоянии и еще не был поднят на мачту. Мэтью бросил веревки на дно «Свиного Рыла» — пожалуй, лучшего названия для этой лодки было не придумать — и поднялся на борт. Он проследил за тем, как Девейн откидывает плащ и закрепляет пистолет на крючке, висевшем у него на поясе.

— Вставь весла в уключины и начинай грести, — распорядился Девейн, указав на две пары обветренных палок, лежавших на дне лодки.

Мэтью отметил, что уключины были вырезаны из дерева в форме буквы «U», чтобы надежно удерживать весла. Он закрепил в них весельные палки и, усевшись на дощатом сиденье ближе к

корме, начал грести, взяв курс на выход из защищенной гавани. Задача оказалась нелегкой, мышцы его рук и плеч очень скоро натужно заныли. Он обрадовался, когда Девейн взял другую пару весел, и, закрепив их в уключинах посередине лодки, расположился на втором сидении лицом к носу. Он начал грести в унисон с Мэтью, и маленькое суденышко стало бойко рассекать волны, но примерно в ста ярдах от них уже маячила более бурная вода. Мэтью рассудил, что «Свиному Рылу» и его пассажирам там придется несладко.

После нескольких ударов весел Мэтью спросил:

— Тебе обязательно было в него стрелять?

— Ты и сам прекрасно знаешь ответ на этот вопрос.

— Может, и так. Но я хочу услышать это от тебя. Так что? Обязательно?

— Посмотри на эту лодку. Это единственное мореходное судно в гавани, хотя, на мой вкус, «мореходное» — слишком громко сказано. Так или иначе, нам не хотели ее продавать, а без нее плакала бы наша миссия. Да и мы сами. Этого ответа тебе достаточно? — с вызовом выпалил Девейн. — К тому же, если б я хотел убить его, выстрелил бы этому чертовому ублюдку в голову. Считай, что сегодня ты спас ему жизнь. Поздравь себя с этим и продолжай грести!

— Мне показалось, это была излишняя крайность, — сказал Мэтью, пытаясь донести свою точку зрения.

— *Излишняя крайность*, — повторил Девейн, словно откусив лимон. — Ты мечтатель, не так ли? Живешь в своем собственном иллюзорном мирке. Ты разве не заметил, что эти люди были в одном взмахе топора от того, чтобы напасть на нас и покончить с твоей мечтой спасти разум той девушки? В любом случае, я оказал этому ублюдку услугу.

— Неужели? И какую же?

— Он был единственным, у кого хватило смелости напасть на меня. Если он выживет — пусть даже ценой потери ноги — они позаботятся о нем и его семье. Не то чтобы меня это волновало, но они, скорее всего, изберут его мэром. Так что, как видишь, — он пожал плечами, — я сегодня тоже сделал доброе дело.

— Я бы поаплодировал тебе, — сказал Мэтью, — но я гребу, и у меня заняты руки.

— К слову, приложи-ка побольше усилий, я хочу обогнуть мыс до моего следующего дня рождения.

Мыс — выступающие с обеих сторон скалы, защищавшие бухту Аддерлейна, — был достигнут примерно через пятнадцать минут, что, как решил Мэтью, не означало наступление дня рождения Девейна.

— Вынь свои весла, нам надо лечь в дрейф! — приказал Девейн и сделал то же самое. — Теперь иди на нос и держись от меня подальше.

Мэтью беспрекословно повиновался, стараясь как можно быстрее миновать напарника. Волны начали раскачивать судно. Девейн поднял парус и закрепил его, а затем устроился на корме так, чтобы можно было управлять движением паруса с гиком и одновременно держать руку на румпеле.

Ветер хлестал по залатанному парусу, который на несколько секунд провис, пока Девейн не подрегулировал и гик, и румпель. Парус издал треск, напоминавший ружейный выстрел, когда ветер наполнил его. «Свиное Рыло» рванулось вперед, словно боров с горящей задницей. Соленые брызги окатили лицо Мэтью, и он подумал, что если так пойдет и дальше, то он скоро промокнет и продрогнет до костей.

Волны, казалось, накатывали на лодку со всех сторон. «Рыло» ходило ходуном из стороны в сторону, вверх и вниз. Мэтью ничего не оставалось, кроме как съежиться, ухватиться за доску, на которой он сидел, и надеяться, что днище лодки выдержит эту водную атаку. Небольшим утешением служило то, что Девейн держал их всего в двухстах ярдах от берега, потому что назвать это судно мореходным значило примерно то же самое, что назвать тыкву каретой.

Мэтью овладело любопытство, и он стал часто оборачиваться. Делал он это не только для того, чтобы защитить лицо от брызг, но и чтобы посмотреть, как Девейн ловко управляется с парусом и румпелем. Очевидно, у этого человека был опыт мореходства, это было видно не только по тому, как он управлял лодкой, но и по тому, как он отслеживал ветер — Мэтью увидел, как его напарник наблюдает за белыми барашками на сером просторе, а затем поворачивает руль так, чтобы максимально использовать силу ветра. За все время пути их парус ни разу не провис, и не опустел, потому что Девейн, казалось, предвидел порывы ветра и встречал их, когда они меняли направление.

Не прошло и часа, как они миновали гавань «Прекрасной Могилы» и дорогу, что вела от нее вдоль скал к владениям Фэлла. Верхний балкон маленького замка Профессора и защитная стена деревни хорошо просматривались с этого ракурса. Хотя в гавани стояли рыбацкие лодки лучше той, на которой они плыли, Девейн не изменил курс, чтобы сменить судно. Похоже, он решил, что эту лодку послала им сама судьба, и по мрачной полуулыбке Девейна было понятно, что он наслаждается возможностью сразиться с морем, сидя верхом на такой жалкой «кляче».

«Рыло» шло вперед сломя голову, его полный парус был

натянут до предела. Мэтью задумался, видела ли эта лодка когда-нибудь руку настоящего капитана. По правде говоря, он сильно в этом сомневался. Девейн же мастерской рукой удерживал судно на плаву и быстро прокладывал путь по морю, которое нещадно колотило по корпусу, как будто специально стараясь замедлить их продвижение.

Они проплывали мимо нависающих скал, диких участков пляжа и редких бухточек, где либо ютились несколько ветхих домов с пришвартованными лодками, либо вовсе не было ничего, кроме зазубренных скал и скрюченных деревьев. Трехмачтовых кораблей Королевского флота в обозримом пространстве не наблюдалось.

Пока солнце клонилось к западу, «Рыло» продолжало свой путь, но Мэтью не мог сказать точно, куда именно они направляются.

— Вернись сюда! — крикнул Девейн. — Береги голову!

Мэтью с трудом поднялся на затекшие ноги и миновал гик паруса. Он дрожал от холода и больше не чувствовал своего лица — казалось, он надел маску Альбиона, но была она сделана не из кожи, а изо льда.

— Выпей воды. — Девейн кивнул в сторону седельной сумки на дне лодки.

Мэтью выполнил указание: достал небольшую глиняную флягу, откупорил ее и сделал глоток. Девейн тоже решил последовать своему совету, он отпустил румпель, выпил воды и, быстро вернув емкость Мэтью, снова взялся за руль. Его глаза изучали волны, в то время как Мэтью был занят поисками высоких мачт в малоприметных бухтах.

— Думаю, поблизости их нет, — сказал Девейн. — По-моему, они ушли далеко.

— Мы не можем сдаться, — ответил Мэтью.

— Я ничего не говорил о капитуляции. — Девейн отрегулировал парус и румпель, прежде чем снова заговорить. — Если ты действительно игрок, я хочу предложить тебе игру.

— *Игру*? С рассудком Берри на кону?

— Если мы не сыграем в эту игру, у нее не будет ни единого шанса на выздоровление. Да, я понимаю, что время имеет решающее значение, и да, эта игра потребует его затрат… но я не вижу другого выхода.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Девейн снова замолчал на несколько мгновений. Он посмотрел на заходящее солнце, затем на маленькие огоньки, что начали загораться среди домов, сгрудившихся вдоль пляжа — жители зажигали фонари, готовясь ко сну.

— Примерно в тридцати милях отсюда находится город Бристоль, — сказал Девейн. — Если ветер не стихнет, мы сможем высадиться там где-то после полуночи.

— Почему Бристоль? — поинтересовался Мэтью, понимая, что у его напарника явно было что-то на уме.

— Нам нужна информация, — последовал ответ. — Я поклялся Профессору, что сделаю *все*, что в моих силах. Как бы я ни презирал эту идею, как бы меня от нее не выворачивало, я знаю одного человека, проживающего в Бристоле, который может нам помочь.

— Одного человека? Кто он?

— Контр-адмирал Королевского военно-морского флота Гарретт Девейн, — продекламировал капитан «Рыла». Он встретился с Мэтью взглядом и выдал кривоватую улыбку. — Мой дражайший отец.

Глава пятая

— Вот и он. Дом на призрачном холме, — оповестил Девейн.

— Хочешь сказать, там действительно водятся призраки? — спросил Мэтью.

— О, да! — Темно-зеленая треуголка чуть сместилась во время кивка. — И много. — Он выдохнул, и облачко пара, образовавшееся на холодном воздухе, вполне походило на призрак.

Они стояли в конце дороги, протянувшейся на две мили от берега, где было оставлено «Свиное Рыло». Мэтью решил, что время, должно быть, около трех часов ночи: было еще темно, но низкие кучевые облака, нависающие над Бристольской гаванью, уже озарялись легким сиянием, на фоне которого с вершины холма можно было увидеть движущийся лес мачт.

В порту сновали туда-сюда корабли, раскачивались из стороны в сторону фонари, носильщики тащили на корабли груз или выгружали только что прибывший. Мэтью показалось вполне разумным, что отец Девейна расположил свой дом так, чтобы из его окон открывался вид на гавань с ее торговой жизнью, морским запахом, приходящими и уходящими судами, а также бескрайним морем, ведущим в Новый Свет.

Дом не был освещен и представлял собой грубоватый двухэтажный особняк из серого камня. Черные окна казались мертвыми. Дом был оснащен несколькими дымоходами, но ни из одного из них не шел дым.

Дорога вскоре перешла в усыпанную гравием подъездную аллею, которая змеилась к поместью, окруженному просторной лужайкой.

Мэтью решил, что задача почти выполнена, однако вынужден был столкнуться с новой проблемой, требовавшей решения: поместье ограждал черный кованый забор высотой не менее семи футов, увенчанный множеством опасных шипов. Входные ворота были заперты на замок размером с кулак Магнуса Малдуна, и, как подумал Мэтью, его запросто могли доставить сюда по заказу прямиком из тюрьмы Ньюгейт.

Он понимал, что о том, чтобы перелезть через преграду, не могло быть и речи. Одно неосторожное движение — и шип войдет прямо в живот, превратившись в не самую приятную специю к вяленой говядине, которой они с Девейном подкрепились во время морского путешествия.

Перебросив свою сумку через плечо, Девейн осмотрел

запертые ворота.

— Ну, что? Объявим о своем прибытии? — спросил он. — Отойди.

Сказав это, он извлек свой смертоносный пистолет, но избрал целью не плоть, а металл.

Мэтью отступил.

Девейн держал пистолет на вытянутой руке, приставив два ствола к замку. Вторую руку он расположил так, чтобы защитить ею лицо. Мэтью подумал, что не стоит слепнуть от искры двойного выстрела, и отвел взгляд за мгновение до того, как Девейн спустил курок.

Мэтью показалось, что этот выстрел, разорвавший ночную тишь, должен был перебудить ото сна даже жителей далекого Лондона. Он подумал, что оглушающий звук оторвал ему уши и едва не заставил его покинуть собственное тело, рухнув на землю кровавой кучей. В голове громко и неприятно загудело.

Придя в себя, в дрейфующих клубах дыма он увидел, что замок буквально сорвало с ворот. От него мало что осталось: теперь это был уродливый кусок бесформенного металла, висевший на почерневшем кольце.

Девейн обозначил завершение своей работы вальяжным пинком по воротам, которые отворились с протестующим скрипом, будто их пробудили из могилы.

Мэтью последовал за Девейном, бодро шагавшим по дороге. Вдалеке начали лаять и рычать несколько собак, однако здесь, на территории поместья, собак не наблюдалось.

В доме все еще было темно. Хотя нет… миг спустя Мэтью заметил, что в окне верхнего этажа слева вспыхнул свет. Он расцвел ярче, когда пламя перекинулось на второй и третий фитили свечей. Мэтью наблюдал, как огни движутся по окнам поместья. Скоро их определенно встретят. Вопрос в том, *как*.

Девейн, похоже, об этом не переживал. Он убрал пистолет, продолжая шагать так уверенно и отважно, будто чувствовал себя полноправным хозяином этой территории. На боку у него висел клинок, ножны которого шуршали, соприкасаясь с плащом.

Во время путешествия по Бристольскому заливу Девейн по большей части хранил молчание, когда Мэтью пытался расспросить его о контр-адмирале Гарретте Девейне. Единственный ответ, который он получил, состоял в том, что Девейн-старший был контр-адмиралом только номинально. Это звание он получил много лет назад, но оставил флот, чтобы стать начальником Бристольского порта и получить партнерство в правлении «Королевской Атлантической Компании». Он собирался доставлять товары в Новый Свет. При этом Девейн-

старший поддерживал связь со своими сослуживцами по флоту и, возможно, мог кое-что знать о пропавшем боевом корабле, который, вероятно, был похищен в течение нескольких прошедших недель с одной из близлежащих верфей.

Однако больше Девейн-младший о своем отце не сказал ни слова.

Теперь же казалось, что знакомство неизбежно, поскольку, когда сын контр-адмирала и нью-йоркский решатель проблем приблизились к особняку, входная дверь открылась, и в дверном проеме показалась фигура в длинной белой ночной сорочке с фонарем.

— Кто там? — воскликнула фигура. Тонкий голосок принадлежал мужчине и звучал пронзительно и испуганно.

— Это Джулиан, — был ответ. Затем последовала саркастичная добавка: — Я дома. Снова.

— Юный Джулиан? Почему… я… *юный Джулиан?!*

— Он самый. Как дела, Уиндом?

— Кажется… должно быть, мои глаза обманывают меня… и мои уши тоже!

Мэтью и Джулиан стояли на первых ступенях крыльца. Старик в белой ночной сорочке спустился, чтобы встретить гостей. Ноги его едва гнулись от старости. Он поднял фонарь, чтобы внимательно рассмотреть лица визитеров.

Когда он удостоверился в том, кого перед собой видит, его высушенное временем лицо вытянулось, глаза округлились, а ореол седых волос, которые трепал ветер, стал выглядеть совершенно дико.

— Господи! — выдохнул он, тут же затаив дыхание. — Юный Джулиан вернулся домой!

— Привет, Уиндом. — Джулиан протянул руку и быстро похлопал старика по плечу. В этом невинном жесте было столько любви, что Мэтью на миг оторопел. — Лучше бы нам спрятаться от этого холода в доме, не находишь?

— О… да, сэр! Да, конечно! Но… что это был за ужасный шум?

— Ничего, просто ад замерзает, — хмыкнул Джулиан. — Помнишь, я сказал, что вернусь сюда, только когда это произойдет?

— О… я… я помню это. — Уиндом, очевидно, был слугой или дворецким. И он все еще не мог поверить в то, что разговаривает с Джулианом, хотя всего лишь пару мгновений назад рассматривал его в желтом свете фонаря.

Мэтью решил, что его напарник, пожалуй, мог по праву считаться одним из призраков этого дома.

— Да, — сказал Уиндом через несколько секунд. — Здесь холодно. Пожалуйста… заходите.

Они вошли в дом, миновав дверь с большим медным молотком в форме якоря. Как только они оказались внутри, дверь за ними захлопнулась, и Уиндом принялся зажигать от фитиля своего фонаря другие светильники в комнате. Когда освещение усилилось, Мэтью увидел, что они стоят посреди вестибюля с черным лакированным полом и эбеновой бревенчатой лестницей, ведущей наверх. Всевозможные красочные сигнальные флаги висели на настенных крюках у верхних ступеней, а главной достопримечательностью этого помещения был стол с мраморной столешницей, на котором высилась замысловатая модель линейного корабля[4] с множеством парусов, бортовых портов и боевых орудий. Вся конструкция занимала около трех футов в длину.

Джулиан двинулся вперед. Похоже, не дожидаться приглашения было одной из характерных черт его натуры. Он распахнул раздвижную дубовую дверь справа и вошел в другую комнату. Рядом с ним плелся Уиндом, несший пару фонарей. Мэтью услышал, как с глухим стуком открылась и закрылась еще одна дверь — на этот раз на втором этаже. Он решил, что контр-адмирал вот-вот появится в поле зрения.

Мэтью вошел в комнату вслед за Джулианом и Уиндомом. Похоже, это помещение было отведено под библиотеку или рабочий кабинет. Огни фонарей игриво прыгали по множественным книжным полкам и большому столу с бумагами, что были сложены аккуратными стопками. Рядом стояла чернильница с запасом перьевых ручек — все под рукой. Также Мэтью заметил несколько черных кожаных кресел, обращенных лицом к столу. На его вкус, они казались, скорее, отталкивающими, чем удобными. На полу лежал темно-синий ковер, казавшийся бескрайним. Тяжелые шторы того же оттенка занавешивали окно. Серокаменный камин, в котором дотлевало несколько углей, не давал значительного тепла. На стенах висели работы маринистов в позолоченных рамах. Мэтью обратил внимание на изображение огромного корабля, несущегося по волнам сквозь бурю, а над ним грозовые тучи обрушивали на море разряды молний.

— Иисус, спаситель наш, что здесь происходит?

Это был не крик, а, скорее, рычание, исторгнутое из глубин утробы.

Джулиан повернулся к двери с застывшей на губах улыбкой.

— Доброе утро, отец, — сказал он, попутно сняв свою треуголку, отведя ее в сторону и изобразив полный фальшивой

приветливости поклон. Мэтью решил, что его спутник очень не вовремя решил подурачиться.

— Когда рядом ты, — ответил пожилой мужчина с крупным лицом и квадратным подбородком, походившим на обветренный морской утес, — ничего *доброго* быть не может.

Контр-адмирал Гарретт Девейн был облачен в длинный — в пол — плащ прямо поверх ночной сорочки. В правой руке он держал корабельный фонарь. Мэтью решил, что он, должно быть, сорвал свой плащ с манекена, стоявшего возле кровати, потому что на ткани не было ни следа помятости, которая обычно появляется во время носки. Плащ был темно-синим, с высоким воротником. Вся его грудь была украшена золотистыми узорами. На нем красовалось целых двадцать золотых пуговиц спереди и по четыре на каждой манжете в золотую полоску. Слева, над сердцем, каждый удар которого был посвящен Англии, сияли многочисленные золотые и серебряные медали разных размеров в форме морских звезд. Мэтью подумал, что если бы все высокопоставленные офицеры командования носили такие плащи, то в государственной казне не осталось бы золота для постройки кораблей, и командовать им пришлось бы чем-то вроде «Свиного Рыла».

Стало очевидным, что юный Джулиан был сыном своего отца — по крайней мере, внешне. В их лицах наблюдалось много схожих черт, цвет глаз был почти одинаковым, линия роста волос совпадала, как и их густота. Насчет их цвета сказать было трудно — Гарретт, которому, по мнению Мэтью, было глубоко за пятьдесят, был уже совсем седым. Лицо контр-адмирала, несмотря на его внешнее сходство с сыном, рассказывало яркую историю его прошлого: на нем читалось множество морских путешествий, кожа была сильно обветрена, черты заострились и стали похожи на опасные рифы. Глубокие борозды морщин на лбу и в уголках его свирепых глаз говорили о жизни, полной беспокойства. Неизвестно, что тревожило его сильнее: дальние плавания, поведение экипажа, состояние судов или же содержание оных. Так или иначе, Мэтью подумал, что этот человек не просто так цепляется за свои регалии, которые достались ему за непростую службу. Похоже, контр-адмирал считал, что носит награды по праву, и гордился этим.

Мэтью подумал, что этому человеку явно пришлось пройти через множество штормов, вроде тех, что изображены на картинах в этой комнате. И, вероятно, контр-адмирал вышел живым не из одного морского сражения.

Глаза Девейна-старшего внезапно сфокусировались на юном решателе проблем и начали вытягивать из него душу с силой

водоворота.

— А это еще кто? Один из твоих дружков-содомитов? Новый любовничек, с которым ты развлекаешься?

— Его зовут Мэтью Корбетт, — спокойным, ровным голосом ответил Джулиан. — Он деловой партнер. И вам следует знать, сэр, что половина Королевского флота в море практикует тот вид *развлечения*, который вы так рьяно презираете.

— О, ну конечно! — взгляд, которым контр-адмирал пронзал своего сына, мог запросто прожечь дыру в его коже. — Ты бы с радостью переделал мир по своему образу и подобию, не так ли?

— Нет, этого бы я делать не стал, — ответил Джулиан. — Ибо если б я это сделал, кто бы тогда меня мучил?

Несколько секунд в воздухе витало тягучее молчание, похожее на собирающийся шторм, пока контр-адмирал не накинулся на Уиндома так внезапно, что Мэтью испугался грядущего кровопролития.

— Как ты посмел впустить это отродье в мой дом?! — заорал Гарретт. — За это оскорбление будешь неделю работать бесплатно!

Все, что мог сделать Уиндом, это отступить на шаг назад, опустить плечи и уставиться в пол.

— Что ж, — буднично начал Джулиан, — мы прошли весь этот путь не для того, чтобы всего лишь разнести зам***о***к на твоих воротах, отец.

— Мой замок? — Его глаза сузились. — Ах, да, я слышал выстрел. Значит, теперь ты еще и носишь с собой пушку? Зачем? Чтобы грабить пожилых женщин и младенцев? И что ты имеешь в виду под «прошли весь этот путь»? Прошли — откуда?

— С ближайшего побережья. У меня к тебе несколько вопросов, и…

— Какая наглость! Какая спесь! Ворваться сюда в предрассветный час, чтобы допрашивать меня!

Мэтью подумал, что у этого человека сейчас пойдет пена изо рта, он упадет на четвереньки и начнет грызть ковер. Но прежде, чем это произошло, Джулиан твердо произнес:

— Прежде всего, я хочу знать, не крал ли кто в последнее время бомбардир[5] и линейный корабль с какой-нибудь верфи военно-морского флота.

Это заставило Гарретта раскрыть рот от удивления.

— Ты из ума выжил — такое спрашивать? — Его левая рука поднялась и указала прямо в лицо Мэтью. — А этот твой «деловой партнер», что, не знает, что надлежит снимать треуголку, когда находишься в доме джентльмена? Сэр! — Теперь его угрожающий взгляд замер на Мэтью, поражая своей агрессией. — Вы, что,

родились среди свиней?

— На самом деле, — ответил Мэтью, — да, сэр. Так и есть.

Он снял треуголку, а затем шерстяную шапку, что согревала его голову во время сурового путешествия по заливу.

— Боже, спаси нас от таких людей! — Гарретт воздел очи горе, обращаясь к Уиндому, который в ответ лишь сделал еще один шаг к двери. Затем контр-адмирал обратился к сыну: — Бомбардир и линейный корабль, украденные из-под носа у Королевского флота? Ты решил поиздеваться надо мной?

— Смею напомнить контр-адмиралу, — сказал Джулиан, — что в 1667 году голландцы отправили свой флот к верфи Ширнесса, захватили это место, а после использовали его в качестве опорной базы для атаки на английский флот, стоявший на реке Медуэй[6]. Так что, учитывая это событие, в моих словах нет ничего издевательского, а…

— Видимо, это все, что ты можешь выдавить из своего бесполезного военно-морского образования! Вспомнить *позор* Британии, забыв упомянуть о неблагоприятных условиях в Ширнессе, о давности этого провала, об отсутствии укреплений! Я тебе так скажу: взявшись размахивать клинком — убедись, что он заострен, а иначе…

Его негодующая речь была прервана пронзительным звоном колокольчика — один раз… затем снова. Звук шел откуда-то из недр особняка.

— Доволен? Теперь ты разбудил Пола, — произнес контр-адмирал. Мэтью показалось, что на его лице мелькнула ухмылка. — Повезло тебе. Разумеется, Пол захочет повидаться со своим прекрасным преданным братом. Уиндом, приведи моего сына, пожалуйста.

— Да, сэр. — Уиндом поставил один из фонарей на маленький столик между двумя креслами и покинул комнату. Гарретт же водрузил корабельный фонарь в центр стола и открыл занавески, чтобы впустить в помещение больше света.

— Мистер… Корбетт, не так ли? — обратился он. — Так, что там за история с украденными кораблями Королевского флота?

Мэтью решил, что должен осторожно ступать по этой зыбкой почве.

— Я могу сказать лишь одно, сэр: у нас есть основания *предполагать*, что такое похищение имело место.

— Тогда вы такой же дурак, как и существо, стоящее рядом с вами! Разве вы оба не понимаете, что *каждая* военно-морская верфь на английском острове охраняется крепостью? О, да, мы пережили это бедствие с голландцами тридцать шесть лет назад и дорого заплатили за этот урок. Теперь — у нас есть укрепления.

На каждой крепости, охраняющей верфь, стоит множество пушек, направленных в сторону моря. К тому же неукоснительно строго соблюдается свод сигналов международных флагов. Доки патрулируют охранники, вооруженные до зубов. Подъездной путь также строго охраняется, и любой корабельный рабочий должен пройти через пост часового. Теперь украсть корабль никому не под силу, и на этом точка! — Он снова обратил свое пристальное внимание на Джулиана. — И что за безумие могло заставить вас явиться в мой дом в такой час с такой ерундой?

— О, — пожал плечами Джулиан, — я просто подумал, что, возможно, ты жаворонок.

Кто-то шел к двери.

— Вместо жаворонка, — сказал Гарретт, — вот тебе раненый орел. Прошу, Пол. Повидайся с братом.

Вошел Уиндом, толкавший перед собой кресло на колесиках. И находился в нем не раненый орел, а нечто, похожее на обломки человека.

Пол Девейн был облачен в ночную сорочку, похожую на ту, что носил его отец, но все, что ниже пояса, прикрывало серовато-коричневое одеяло. Мэтью сразу распознал, что под этим одеялом не было ничего, что требовалось бы прикрывать.

Пол был старше Джулиана примерно лет на десять, а то и больше. Впрочем, трудно было сказать наверняка — кости на лице этого человека странно деформировались. Аккуратно зачесанные назад темно-каштановые волосы еще не тронула седина, а глаза, похожие на сланец, были копией глаз отца. Часть носа и рот прикрывала маска из черной ткани, которую удерживали шнурки, завязанные на затылке. На коленях у Пола стояла голубая миска, в которую, как предположил Мэтью, капала слюна из того отверстия, что зияло на месте подбородка и нижней челюсти. Маска, частично служившая промокашкой, сейчас уже намокла.

Пока Мэтью думал об увечьях Пола, тот судорожно вздохнул, попытавшись проглотить слюну. Звук напоминал бульканье утопленника, борющегося за жизнь из последних сил. Глаза Пола были налиты кровью от напряжения, которого ежеминутно требовала от него сама жизнь. Мэтью подумал, что от таких увечий вполне мог помутиться рассудок, но Пол, похоже, был в здравом уме. По крайней мере, он, определенно узнал своего брата: потянувшись, он ухватился за руку Джулиана и прижал ее к своей щеке.

— Теперь нам придется умыть тебя, прежде чем снова уложить спать, — презрительно фыркнул Гарретт.

Это был момент, когда всем показалось, будто в центр

комнаты ударила молния. Мэтью почувствовал, как громовой раскат отдается в его костях, ему почудилось, что к смраду китового жира, исходящего от фонарей, примешивается ржавый железистый запах бедствия, которое должно было вот-вот обрушиться с небес.

Но… все прошло. Мэтью подумал, что во время этой миссии им придется выдержать еще множество штормов, но здесь, в этой комнате, заключенный в слабые, но такие сердечно трогательные объятия Пола, Джулиан не позволил *плохому человеку* показаться из глубин своей души.

По крайней мере, не до конца.

Джулиан погладил брата по голове свободной рукой.

— Надзиратели в этой мрачной тюрьме хорошо с тобой обращаются? — спросил он.

Пол, вероятно, намеревался посмеяться над этим, однако вместо смеха произвел на свет очередное ужасающее бульканье. Он посмотрел на Джулиана, и Мэтью с удивлением заметил искорку веселья в его измученных глазах.

— Могу я предложить джентльменам чай, сэр? — спросил Уиндом.

— Святые небеса, конечно, нет! — взревел контр-адмирал. — Они уже уходят. Мы не потерпим здесь содомитов, оскверняющих мир Божий, верно, Пол?

Старший сын не отвечал, он лишь продолжал держать руку Джулиана прижатой к своей щеке. Его глаза закрылись, и, возможно, он скрылся от мрачной действительности в воспоминаниях о временах светлой молодости, когда Божий мир предлагал бескрайние возможности обоим братьям.

Уиндом подошел, взял синюю миску и вылил ее содержимое в большой глиняный горшок, прикрепленный к спинке колесного кресла, после чего тут же вернул ее на место. Мэтью не мог не задаться вопросом, сколько раз за день — и за ночь — Уиндом выполнял эту задачу, и сколько раз ему приходилось опустошать большой глиняный горшок.

— Ты получил ответ на свой идиотский вопрос об украденных кораблях, — прогрохотал Гарретт, который был сам похож на шторм. — Теперь убирайся.

— Минуту, — сказал Джулиан. Он легонько постучал пальцем по виску Пола, и брат посмотрел на него. — Я скучаю по нашим дням, когда мы ходили под парусом, — тихо произнес он. — Но они все еще со мной. — Теперь он постучал по своему виску. — А у тебя?

Пол снова булькнул, кивнул и проскулил нечто, напоминавшее согласие.

— Вы смотрите на героя, Корбетт, — внезапно сказал Гарретт, громко выдохнув, как будто он выпускал наружу горесть, засевшую у него в горле очень давно. — На патриота. В отличие от вашего *делового партнера*, который никогда не заботился ни о ком и ни о чем, кроме себя самого, человек, прикованный к этому креслу, отдал за свою страну *все*. Ваш *деловой партнер* может как-нибудь рассказать вам об этом. О, да, он очень хорошо знает эту историю… и эта история хотя бы дала ему шанс стать чем-то большим, чем кучка собачьего дерьма.

— Очаровательно, отец, — непринужденно бросил Джулиан, продолжая гладить брата по голове. — Вы мне льстите.

Пол содрогнулся и снова издал такой звук, словно его кто-то душил. Джулиан положил руку на плечо Пола, пытаясь как-то поддержать его. Другая рука калеки поднялась с одеяла и ухватила брата за запястье, и Мэтью заметил, что на ней всего два пальца — большой и указательный. Остальную часть, видимо, пришлось ампутировать.

— Тише, тише, — сказал Джулиан, и тело его брата слегка расслабилось. Еще через несколько секунд страшный звук спазмов смолк. Пол посмотрел на Джулиана и кивнул. Слюна продолжала капать с повязки в миску.

— Я хочу, чтобы вы оба покинули этот дом и никогда больше не возвращались, — приказал Гарретт.

— Как скажете, отец. Пока — я послушаюсь. — Джулиан одарил отца очаровательной улыбкой, которую однажды Мэтью видел в Лондоне — как раз перед тем, как угодить в ловушку. Джулиан похлопал брата по плечу и улыбнулся, глядя на его изувеченное лицо. — Я вернусь и когда-нибудь снова пойду с тобой под парусом. Я клянусь тебе. Ты…

— Не смей лгать! — огрызнулся Гарретт. — И не обнадеживай его! Он знает, в каком находится состоянии!

— И в этом состоянии ты содержишь его здесь, точно в тюрьме! Все повторяется, как тогда. Ради всего святого, выведи его на свежий воздух! Отвези его в гавань, пусть он…

— Пусть он простудится там и умрет? Увидит людей, ходящих *на двух ногах*, работающих и смеющихся и… и *целых*? О, да, ему это будет очень полезно! Уиндом, верни Пола в его комнату.

Уиндом замер, на лице его отразилась нерешительность, пока он переводил взгляд с контр-адмирала на Джулиана и обратно.

— Отвези его назад сейчас же, — приказал Гарретт угрожающе тихо. Взгляд, мечущий искры, замер на младшем сыне.

— Да, сэр, — произнес слуга и занял свое место позади

кресла, чтобы развернуть его и направить к двери. Пол издал звук, похожий на хрип, глаза его сузились от гнева, когда он посмотрел на своего отца. Было ясно, что он хочет остаться в комнате, но его мнение никого не принял в расчет.

Джулиан шагнул вслед удаляющемуся брату, положил руку ему на плечо и пошел рядом с креслом, пока Уиндом вез его к двери. У самого выхода из комнаты Пол снова ухватил Джулиана за предплечье здоровой правой рукой и искалеченной левой. Мэтью увидел, что он сжимает руку брата так, что у него белеют костяшки пальцев.

— Я вернусь за тобой, — пообещал Джулиан, после чего Пол отпустил его. Уиндом толкнул кресло вперед, колеса негромко протестующе заскрипели, двигаясь по лакированным доскам пола, но шум быстро стих, когда Уиндом со своим подопечным скрылся в задней части дома.

— Наши дела окончены, — сказал Гарретт. С каменным лицом он вывел Мэтью и Джулиана из комнаты и открыл перед ними входную дверь навстречу холодным ветрам, клонившим книзу голые деревья на противоположной стороне дороги.

Не сказав более ни слова, Джулиан надел треуголку, плотнее закутался в плащ, поправил на плече сумку и вышел из дома. Мэтью, натянув шерстяную шапку и треуголку, последовал за ним. На контрасте с теплом помещения обоим показалось, что зима, словно в одно мгновение, обрушилась на землю.

Они прошли через раскуроченные ворота и зашагали по дороге к огням гавани.

Мэтью тихо произнес:

— Если хочешь, можешь…

— Нет, — последовал ответ, прозвучавший с резкостью удара в челюсть.

Мэтью промолчал. Они прошли бок о бок еще несколько ярдов, и вдруг Джулиан резко воскликнул:

— Нечего ходить рядом со мной! Иди сзади или впереди! — Это было произнесено сквозь стиснутые зубы голосом *плохого человека*, показавшегося из глубин души.

Мэтью подумал, что стоит проклясть Джулиана, глядя ему в глаза, но его зубы, уже и так повидавшие достаточно мучений, остались плотно сомкнутыми — как минимум, чтобы их не постигла участь быть заметенными дорожной пылью. Он шел, опережая Девейна шагов на пять-шесть, опустив голову. Это был долгий день, и он чувствовал острую потребность поспать. Сонливость давила на него, утяжеляя ноги и затуманивая мысли. Но одна навязчивая мысль — та, что отмеряла утекающее сквозь пальцы время, отведенное Берри Григсби — ни на миг не

покидала его.

Глава шестая

— Юный Джулиан! Сэр, пожалуйста, подождите!

Это был голос Уиндома.

Джулиан резко остановился и обернулся, Мэтью зеркально повторил его движения. Не успели они отойти от дома и на сотню ярдов, как их нагнал Уиндом с фонарем в руке. Дворецкий немного запыхался, от зимнего холода его спасал плотный коричневый плащ поверх ночной сорочки и белая шерстяная шапка с коричневой кисточкой на макушке.

— Уиндом! — воскликнул Джулиан. — Господи, друг мой! Убирайся с этого холода!

— На пару слов, сэр. Я скажу всего пару слов и вернусь. Ваш отец поднялся наверх после вашего ухода. Он не знает, что я вышел вслед за вами.

— Не следовало тебе этого делать, — вздохнул Джулиан. — Так, в чем дело?

— Ну… ваш вопрос о двух кораблях. О минометном и линейном. — Он бросил быстрый подозрительный взгляд на Мэтью, который подошел и встал рядом с Джулианом. Сейчас молодого решателя проблем совсем не заботило, насколько старый дворецкий хочет, чтобы он держался подальше. Уиндом в нерешительности продолжил: — Странно это все, сэр… я имею в виду… ну… то, что я подслушал… то есть…

— Успокойся, — попросил Джулиан. — Хорошо? Приведи свои мысли в порядок и начни сначала.

— Да, сэр. Так вот… несколько дней назад… дня три, насколько я помню… да, точно три… к мастеру Девейну приходил человек… вы же знаете, что все вопросы касательно работы ваш отец решает дома. Это был деловой визит… это было видно по посетителю, да и мастер Девейн сказал мне взять у гостя адмиральский мундир.

— Значит, его посетил адмирал? — прищурился Джулиан. — Я уверен, что это какая-то ошибка…

— Это не такая уж редкость, сэр, потому что, в конце концов, ваш отец начальник порта и у него за плечами своя… гм… своя история. Вот только обычно ему наносят светские визиты, когда один из джентльменов в синем[7] проезжает мимо Бристоля и, как бы невзначай, наведывается в порт за припасами. Этот же господин прибыл с просьбой. Я подслушал их разговор, когда привез чайную тележку. Он хотел знать, намечается ли какое-нибудь торговое сообщение между Бристолем и Суонси. Это было

на прошлой неделе. Я имею в виду… сейчас же уже утро… речь шла не о сегодняшней ночи, а о *вчерашней*.

— Необычный вопрос, — нахмурился Джулиан. — Что еще он сказал?

— Он сказал мастеру Девейну, что ему поручено провести ночные военные маневры у побережья Уэльса между Бристолем и Суонси, и что они будут обстреливать снарядами какую-то цель в море. Очевидно, джентльмен не хотел, чтобы торговые суда находились там поблизости.

Мэтью навострил уши.

— Снарядами, говорите? Не пушечными ядрами?

— Нет, сэр. Был использован термин «снаряды». К тому же он сказал, что будет сам командовать минометным кораблем «Вулкан», — ответил Уиндом. — Мне показалось странным, что вы явились с расспросами о краже такого же корабля как раз…

— Понятно, — прервал его Джулиан напряженным голосом. — И отец сообщил адмиралу, что все будет чисто?

— Да. Он проверил счета и бухгалтерскую книгу, я сам подал ему все необходимые бумаги. Последний купец из Бристоля должен был причалить в Суонси около шести часов вечера, а еще два добраться из Суонси в Бристоль сразу после полуночи.

— Ах! — Джулиан кивнул. Он взглянул на Мэтью, многозначительно поднял брови и снова повернулся к Уиндому. — Адмирал. Как его звали?

— Я не расслышал, сэр, и, конечно же, меня ему не представили.

— Как он выглядел? — спросил Джулиан.

— Крупный мужчина, сэр. По-медвежьи крупный, я бы сказал. У него была густая черная борода до груди и длинная грива черных волос до плеч. Что касается его бороды… он подкрасил ее темно-красной и оранжевой краской так, что она стала похожа на пламя. Я мог бы сказать, что поначалу мастеру Девейну не понравился этот человек, так как он раньше не раз упоминал, что флот с подобными людьми слабеет. Но джентльмен говорил четко и по делу, и, казалось, обладал превосходными манерами, которые мастер Девейн не преминул высоко оценить. К тому же его мундир был увешан наградами.

— Я уверен, что этот адмирал позаботился о том, чтобы его награды были хорошо видны, — сказал Джулиан и нахмурился. — Я не знаю ни одного адмирала, который подходил бы под это описание. Впрочем, я уже давно не поддерживаю связь с офицерами флота.

— У меня есть вопрос, — заговорил Мэтью. — Уиндом, если *вы* нашли связь между тем, о чем мы спрашивали, и «Вулканом»,

почему ее не нашел господин вице-адмирал?

— Мы… *я*… задал неправильный вопрос, — ответил Джулиан, прежде чем слуга успел сказать хоть слово. — Я спрашивал о *краже* корабля, а не о том, что он прошел мимо Бристоля, заручившись помощью и одобрением моего отца. — Он оглянулся на дом на призрачном холме, который снова погрузился во тьму. В этот момент налетел суровый порыв ветра, заставивший Уиндома пошатнуться. Плащ и сорочка взметнулись вокруг его хрупкого тела. — Моя, скажем так, нынешняя *профессия* не соответствует стандартам моего отца, — продолжил Джулиан. — Я уверен, что он не хочет быть к ней причастным никоим образом, поэтому и ответил только на вопрос, не став ничего добавлять и додумывать.

— Сэр, — обратился Уиндом к Джулиану дрожащими губами, — я так же мало знаю о том, зачем *вы* хотите знать все это, да и полагаю, что для меня будет лучше оставаться в неведении, но все же… я подумал, что вам стоит услышать об адмирале и его «Вулкане».

— Совершенно верно, и я благодарю тебя. А теперь тебе лучше пойти и согреться. К сожалению, ты должен вернуться в дом Гарретта Девейна.

— Все не так плохо, сэр. Мастер Девейн делает то, что считает правильным, и я, как говорят матросы, повязан с ним всерьез и надолго. Я хочу спросить вас… вам нужны деньги? У меня есть кое-какие сбережения, я мог бы дать вам немного, чтобы…

— Не стоит, — покачал головой Джулиан. — На этот счет у нас с Корбеттом все в порядке. — Он положил руку на плечо слуги. — Спасибо за помощь и за информацию. А теперь возвращайся в дом и будь осторожен.

— Да, сэр. — Уиндом хотел было отвернуться, но остановился. — Вы действительно вернетесь? Я хочу сказать… Пол будет вас ждать.

— Скажи ему, что ждать осталось совсем недолго.

— Да, сэр. Значит, до скорого, — слегка поклонился Уиндом и, взглянув на Мэтью, добавил: — До свидания, сэр.

На этом, плотнее закутавшись в плащ, он повернул к дому и пошел по дорожке, освещаемой желтым светом фонаря.

Джулиан проводил его взглядом и, чуть погодя, возвестил:

— Мэтью, нам нужно найти открытую таверну. Если таковой не найдется, мы откроем ее сами, потому что мне необходимо хорошенько выпить. Ты со мной?

— Согласен на все сто, — поддержал его Мэтью, подумав, что за шанс выпить чего-нибудь горячительного этим ветреным утром

он согласился бы собственноручно выломать запертую дверь, и гори оно все огнем.

Как и подобает городу, где работа в гавани кипит круглосуточно, сразу за величественным белокаменным собором, под стенами которого темная вода плескалась о старые сваи, обнаружилась узкая улочка. Там, на радость путникам, не одна, а целых три таверны завлекали посетителей светом фонарей, лившимся сквозь закопченные окна.

— Вот эта, — сказал Джулиан, выбрав «Летящий Кливер[8]», а не «Дикого Кабана» или «Клетчатую Лошадь».

Интерьер «Кливера» пестрил морской атрибутикой — подвешенные канаты, сети и прочие снасти украшали почти все стены. Впрочем, Мэтью ожидал увидеть здесь нечто подобное. В таверне было еще пятеро посетителей — двое расположились за одним столом и трое за другим, дородный бармен в фартуке и щегольской шляпе кавалера с перьями и широкими полями неспешно занимался своими обязанностями.

— У вас есть кофе? — спросил Джулиан бармена и получил утвердительный ответ. — Тогда два кофе — черных и крепких. И кувшин медовухи. Тебя это устроит? — спросил он Мэтью, который кивнул, параллельно решив, что такое сочетание либо полностью свернет его паруса несколько часов, либо заставит поникший кливер его состояния снова расправиться.

— А деньги у вас есть? — спросил бармен, прежде чем исполнить заказ.

Джулиан снял с пояса клинок и ножны и положил их на стойку бара, что сразу же привлекло внимание других посетителей. Мэтью испуганно взглянул на оружие, приготовившись при необходимости спасать жизнь еще одному несчастному свидетелю. Джулиан тем временем невозмутимо обнажил клинок, отложил его в сторону и сунул руку в ножны. Его пальцы вытащили кожаный кошелек с восемью выемками, в каждой из которых поблескивало по золотой гинее. Он взял одну монету и подвинул ее через стойку к бармену, застывшему с открытым ртом.

— Сэр, — пробормотал он, — у меня нет сдачи с такой монеты!

— Никакой сдачи и не требуется, если у вас есть уединенное местечко со столом и парой стульев, где нас не побеспокоят, пока мы спим, скажем… часа два. И имейте в виду, что я сплю в обнимку с ножнами, и очень чутко.

— Ну… сэр… я могу предложить вам только место, где мы с женой ужинаем.

— *Продано!* — воскликнул Джулиан, вернув в ножны сначала

кошелек, а затем и клинок. Бармен непрестанно наблюдал за ним, и, поймав его взгляд, Джулиан жестом попросил его наклониться. Как только тот перегнулся через стойку, Мэтью напрягся, отметив смертоносный блеск в глазах Джулиана. Голос его зазвучал опасно, в нем сквозила неприкрытая угроза: — Слушай сюда, и заруби себе на носу: если кто-то попытается ограбить нас, я убью его на месте. Далее, я убью тебя, даже если ты не будешь виновен в этом инциденте, а после я сожгу это чертово место дотла. Если я почувствую в кофе или медовухе что-то, что мне не понравится — ты тоже покойник. Все ясно?

Бармен округлил глаза от ужаса и энергично закивал.

— Яснее некуда, — прохрипел он.

В задней комнате действительно стоял стол с двумя стульями, втиснутый между всевозможными коробками, ящиками, сломанной мебелью и другим хламом, скопившимся за годы работы «Кливера». Пара фонарей свисала со стропил, испуская грязно-желтый свет.

Бармен впустил Мэтью и Джулиана внутрь, принес кувшин медовухи и две глиняные кружки, пока варился кофе, и удалился, закрыв дверь отделявшую комнату от остальной части таверны.

— Я и не знал, что ты богат, — сказал Мэтью, когда они уселись за стол.

— Подарок Профессора, — ответил Джулиан. — Он подумал, что на это предприятие могут понадобиться деньги. Например, чтобы выпить кофе, — пояснил он, когда Мэтью потянулся за кувшином. — К слову, чистая медовуха отправит тебя в нокаут.

— Знаю. Но сейчас я в любом случае усну, даже если придется лечь на гвозди.— Тогда у тебя есть примерно пара часов, чтобы поспать. Может, меньше, — кивнул Джулиан. — А после этого, я полагаю, ты взбодришься и захочешь продолжить работу, потому что мы оба знаем, что еще далеко не закончили.

— Согласен, — сказал Мэтью. — Я *очень* заинтересован в том, чтобы найти этого таинственного адмирала, если это вообще возможно.

— К слову, искать придется не здесь. Здесь мы уже выяснили все, что могли. Теперь придется ехать в Лондон. — Джулиан продолжил говорить, предвосхитив незаданный вопрос Мэтью: — У меня есть там связи и доверенные люди, способные сообщить мне нужное имя. Ты же понимаешь, что адмирал тщательно рассчитал время атаки «Вулкана»? Он хотел убедиться, что ни одно торговое судно не увидит минометный обстрел деревни Профессора. Наверняка об этом бы сообщили либо в Бристоль, либо в Суонси и провели бы соответствующее расследование. То, что здесь произошло, Мэтью, это не кража минометного и

линейного кораблей, а вывод адмиралом Королевского флота двух кораблей из дока под предлогом военного маневра. Кем бы ни был этот человек, он, скорее всего, приспешник Блэка.

Мэтью кивнул.

— Мне кажется, вся эта операция была спланирована заранее.

— Конечно! По-другому и быть не могло. Я бы сказал, операцию планировали за несколько месяцев. — Джулиан зевнул и потянулся. Он снял треуголку, потер покрасневшие глаза и принялся перезаряжать пистолет, достав свинцовые пули из седельной сумки и начав последовательно помещать по одной в каждый из четырех стволов. — Никто не видел этого человека в Аддерлейне, — продолжил Джулиан, размышляя вслух, — потому что он не покидал корабль. Кардинал Блэк был лицом, а этот человек — мозгом операции.

Бармен принес кофе в глиняных кружках. Он бросил быстрый взгляд на четырехствольное оружие, как на нечто, извергнутое Адом, и поспешил ретироваться прочь.

Джулиан плеснул в кофе медовухи, и Мэтью последовал его примеру.

— Надо нанять экипаж, — сказал Джулиан, сделав глоток. — Отсюда до Лондона два дня пути, но мы заплатим кучеру, чтобы тот не жалел лошадей. Думаю, успеем часов за тридцать шесть.

Мэтью отхлебнул кофе с медовухой и поморщился от его крепости. В этот момент усталость, что до этого маячила на задворках сознания, навалилась на него с новой силой, и он понял, что настолько вымотался, что даже бодрящий напиток не помешает ему хоть немного поспать. Впрочем, Джулиан был прав: время поджимало, и потребность во сне беспокоила его меньше всего.

— Профессор Фэлл очень доверяет тебе, — сообщил Джулиан, закончив возиться с пистолетом. Он оставил его на столе рядом с клинком и ножнами. — Иначе он не позволил бы тебе покинуть деревню.

— Я обещал найти для него Бразио Валериани. И я намерен сдержать свое обещание.

— Не забывай, что только *поэтому* Профессор позволил тебе быть здесь. Он очень хочет найти того человека. Я не знаю почему, но знаю, что для него это жизненно важно.

Мэтью решил попробовать словить рыбку в мутной воде.

— Может дело в том, что Фэлл сильно интересуется демонологией?

— Неужели?

— Если это не так, то покупка всех экземпляров «Малого Ключа Соломона» — пустая трата времени и денег, а я

сомневаюсь, что Профессор способен тратиться впустую.

Лицо Джулиана превратилось в бесстрастную маску, что могло означать одно из двух: либо он ничего об этом не знает, либо знает слишком много.

Мэтью продолжил:

— «Малый Ключ Соломона» — это сборник о демонах, в котором описаны их способности и силы, — объяснил он. — На случай, если ты не знаешь.

Некоторое время Джулиан молчал. Он сделал еще глоток кофе и с благоговейной любовью погладил пистолет, а затем его холодные серые глаза вернулись к лицу Мэтью.

— Этот шрам у тебя на лбу. Откуда он?

— У меня была небольшая стычка с медведем.

— Неужели? Ты хочешь сказать, это сделал *медвежонок*?

— Нет, медведь был достаточно большой.

— Ты не похож на человека, который пойдет сражаться с медведями.

— Мне эту драку навязали, — буркнул Мэтью. — Могу сказать, что тогда я чуть не отдал концы.

— Но… ты выжил. — Джулиан выдал слабую полуулыбку. — Хм, вот что Профессор Фэлл увидел в тебе: инстинкт выживания. И, очевидно, способность выбираться из передряг.

— Минус один-два зуба, — ответил Мэтью, имея в виду его недавнюю встречу с сумасшедшим дантистом, состоявшим на службе у Матушки Диар, который если и не был компетентным представителем своей профессии, то уж точно был компетентным мастером пыток.

— Но, — повторил Джулиан, — *ты выжил*. И вот ты здесь, охотишься на другого медведя с бородой цвета пламени, носящего форму морского адмирала. Интересно, как до этого дошло.

— Я не ищу неприятностей, — ответствовал Мэтью.

— Ты хочешь сказать, в отличие от меня? О да, некоторые не преминули бы намекнуть, что я упиваюсь пьянящим мускусом хаоса и катастрофы! Например, мой отец думает в точности так.

Мэтью не хотел затрагивать эту тему, но момент казался подходящим, и он спросил:

— Что случилось с твоим братом?

Джулиан плеснул еще порцию медовухи в свой кофе. Он покрутил жидкость в кружке, словно Бог, повелевающий водоворотом.

— Пол, — тихо ответил Джулиан после довольно долгой паузы, — является ответом на вопрос, что орудийный залп и палуба из разлетающихся в щепки дубовых досок могут сотворить

с человеческим телом. Знаешь, причиной основных увечий во время обстрела служат не ядра, а дуб, из которого сделан корабль. Эти доски, — он чуть помедлил, — при разрыве превращаются в зазубренные клинки… в копья… которые несутся по воздуху с огромной скоростью и вращаются. Одного небольшого осколка достаточно, чтобы снести человеку голову. Человеческое тело, — он вновь сделал паузу, — плоть и мускулы… не может сравниться по прочности с кораблем, разваливающимся на части прямо под ногами команды, которая его холила и лелеяла. Эти обломки… режут и калечат людей без разбора. — Он поднял свою кружку. — Пол служил офицером на борту фрегата «Ньюпорт». Четырнадцатого июля 1696 года была битва у залива Фанди. Два корабля нашего доблестного флота против двух кораблей французов. «Ньюпорт»… ну, ты и сам видел, кому досталось больше всего от этой встречи. — Он прищурился, глядя на Мэтью. — Ты веришь в Бога?

— Да.

— А я нет. Но я верю в судьбу. Возьмем, к примеру, эту дату… четырнадцатое июля.

— А что с ней?

— Пол был ранен четырнадцатого июля 1696 года. Я родился четырнадцатого июля 1676-го, и моя мать умерла через четыре часа после моего рождения. Разве ты не видишь в этом перст судьбы?

— Я вижу ужасное стечение…

— Нет! *Судьба*! — закричал Джулиан, стукнув кулаком по столу. Кофе выплеснулся из кружки. На щеках Джулиана проступили красные пятна, и Мэтью решил, что лучше следовать здравому смыслу и держать рот на замке. Покрасневшие глаза Джулиана сейчас могли легко сойти за демонические. — Судьба, — тихо повторил он, отведя взгляд от Мэтью, словно снова вернувшись в свои внутренние потаенные покои.

Через некоторое время, Мэтью откашлялся и поинтересовался:

— Июль… Джулиан[9]. Тебя назвали в честь месяца?

— Так меня назвали медсестры, — ответил он.

С каждой секундой они вели этот разговор все с меньшей охотой. Мэтью все еще пытался цепляться рассудком за явь, но силы его истекали с катастрофической скоростью. Он снял треуголку и шерстяную шапку и положил последнюю на стол вместо подушки. Джулиан откинулся на спинку стула и, вытянув перед собой ноги, закрыл глаза, предварительно положив руку на ножны.

Мэтью прижался щекой к шапке. Не сказать, что на ней очень

удобно спалось, но это все же было лучше, чем ничего.

Почему Кардинал Блэк так хотел заполучить «Малый Ключ Соломона», я еще могу понять, — думал Мэтью, ускользая в забытье. *— Но с какой целью адмиралу Королевского флота понадобилось присоединяться к нему и обстреливать деревню Фэлла? Украсть книгу ядов Джонатана Джентри? Но для чего? Я понимаю, что операция готовилась заранее, но какова конечная цель?..*

С ответами пришлось подождать, потому что Мэтью провалился в темноту сна и, по крайней мере, на какое-то время погрузился в благословенный покой.

Разбудил его крик Джулиана. Мэтью даже не понял, сколько прошло времени. Вырвавшись из сна, он расслышал, как Джулиан вскрикивает:

— Нет!

Оторвав голову от импровизированной подушки, Мэтью уставился на своего напарника. Джулиан сидел прямо, взгляд его казался совершенно диким и был устремлен в никуда. Мэтью, может, и спросил бы его, в чем дело, но все еще был слишком уставшим, чтобы задавать вопросы. Затуманенный полудремой, он проследил за тем, как Джулиан снова придвигает свой стул к стене, закрывает измученные глаза и исчезает в царстве Сомна — если он вообще возвращался оттуда в явь.

Обессилев от этих секунд бодрствования, Мэтью позволил и себе снова провалиться в сон. Второй раз он очнулся, когда услышал скрип и скрежет. Джулиан вскочил на ноги с пистолетом в одной руке и обнаженным клинком в другой, в то время как в щель приоткрытой двери заглянул бармен. Мужчина нервно покосился на оружие и сказал:

— Простите, господа… просто проверяю, не нужно ли вам чего.

— Уединения и тишины, — рявкнул Джулиан резким, как хлыст, голосом. Бармен, попятившись, закрыл дверь, а Джулиан вернулся на свое место, приглушенно выругавшись.

Мэтью снова нащупал щекой шерстяную шапочку и позволил себе уплыть прочь, но часть его сознания осталась на страже, как и у Джулиана. Драгоценное время истекало, но отдохнуть было необходимо.

Не прошло и нескольких минут, как Мэтью почувствовал руку на своем плече и мгновенно вынырнул из дремоты.

— Пошли, — сказал Джулиан.

Мэтью отметил, что его спутник уже убрал пистолет в кобуру, клинок в ножны, а сами ножны спрятал; его седельная сумка болталась на плече, а треуголка на голове была сдвинута под

лихим углом. Темные круги под глазами свидетельствовали о том, что спал Джулиан отвратительно — если ему это вообще удалось.

Пока Мэтью пытался придать себе хотя бы видимость бодрости, Джулиан сделал последний глоток холодного кофе из своей чашки и прохрипел:

— Нам пора выдвигаться в Лондон.

Глава седьмая

Солнце едва взошло, окрасив город и гавань в несколько оттенков светло-серого. Плотные облака застилали небо, а улицы пронизывали нити холодного ветра. Меж мачтами летали чайки, а в порту надрывались рабочие, перетаскивая коробки, ящики и бочки, не смея нарушить бесконечный пульс гавани.

Мэтью и Джулиан, ежась от утреннего холода и выдыхая в воздух облачка пара, направились к конторе, в которой собирались нанять экипаж по совету хозяина таверны. Повсюду витал едва уловимый горьковатый запах старых камней. Вдалеке понемногу начинала просыпаться остальная часть Бристоля: повозки, запряженные лошадьми, лениво выкатывались на улицы; то тут, то там появлялись прохожие, все еще вооруженные фонарями, рассеивающими пред ними мрак.

Мэтью пригляделся и отметил в отдалении контору со знаком якоря в центре золотой монеты на вывеске. Надпись гласила: «*Королевская Атлантическая Компания*».

— Дело твоего отца? — спросил Мэтью, указывая на вывеску.

— Так точно, — ответил Джулиан, даже не взглянув в ту сторону.

— И какой груз он переправляет? — не унимался Мэтью.

— Рабов, — буркнул Джулиан. — Каждый раб, направляющийся в колонии, проходит через Бристоль. Их до сих пор поставляют туда сотнями. А скоро, может, будут и тысячами.

Они миновали рабскую компанию Гарретта Девейна и, с некой долей радости, потеряли ее из виду. Через две улицы к востоку от гавани находилось здание из красного кирпича, позади которого стоял амбар, а спереди виднелся огороженный загон с четырьмя лошадьми. Еще ближе к входу своих пассажиров ожидал запряженный экипаж с четверкой крепких скакунов. Пара рабочих как раз грузила вещи в задний багажный отсек, крытый парусиной.

Мэтью проследовал за Джулианом мимо экипажа и вошел внутрь конторы через дубовую дверь со вставками из матового стекла. В кабинете, где камин наполнял воздух приятным вожделенным теплом, за прилавком стоял остроносый клерк. При виде посетителей он поднял глаза от гроссбуха и прищурился.

— Чем могу помочь, господа?

— Мы хотим нанять экипаж, — ответил Джулиан. — Пункт назначения Лондон.

— Так-так, — протянул клерк, отодвинув гроссбух и

пододвинув к себе тетрадь в кожаном переплете. Он открыл ее и, окунув перо в чернильницу, занес его над бумагой. — Экипаж на двоих, стало быть? Ближайший сможет выехать завтра утром. Это будет стоить…

— Вы не поняли. — Джулиан небрежным жестом, выставив большой палец, махнул в сторону выхода. — Куда направляется *вон тот* экипаж?

— В Лондон, сэр. Но это частный наем.

— О, господи, — закатил глаза Джулиан, после чего одарил клерка лукавой улыбкой, от которой у Мэтью мороз пробежал по коже. — Мой дорогой друг… — Он вдруг извлек клинок из ножен, из-за чего рука клерка дрогнула. Кончик пера нацарапал на чистой бумаге черту, напоминавшую черную рану. Джулиан положил клинок на тетрадь, словно между прочим направив острие прямо в грудь служащего. Пока тот стоял, онемев от страха, Джулиан достал из ножен кошелек и шлепнул на прилавок монету в одну гинею. — Вот наша оплата, и я уверен, что она более чем щедрая.

— Да… но, сэр… видите ли… лорд и леди Тарленторт — наши лучшие клиенты. Я хочу сказать…

— Сказать — что? — Джулиан небрежно взялся за эфес клинка.

— Я не… не думаю, что они будут рады… разделить с кем-то экипаж. На самом деле, я *уверен*, что они точно не обрадуются.

— Они уже сели?

— Нет, сэр. — Клерк кивнул в сторону больших напольных часов, стоявших в конторе, но Мэтью отметил, что он продолжает безотрывно следить за клинком. — Они прибудут в течение часа и собираются сразу же отбыть.

— Я думаю, — обратился Джулиан к Мэтью, — что мы говорим не с тем человеком.

Он забрал с прилавка гинею и извлек из кошелька вторую, прежде чем вернуть его в ножны. Затем он направился к двери так быстро, что Мэтью с трудом успел понять, что происходит. Пришлось за ним поспешить.

— Вы возница? — Джулиан обратился к одному из мужчин, который как раз заканчивал шнуровать парусину.

— Стрелок, — последовал ответ. Стало быть, этот человек был вооруженным охранником. — Бенсон возница. — Он окинул Джулиана долгим и пристальным взглядом. — Вы не лорд Тарленторт. Тогда кто вы, черт возьми?

— Ваши новые пассажиры, — сказал Джулиан, поводя золотыми монетами перед крючковатым носом мужчины. — Мы с другом хотим сегодня отправиться в Лондон на *этом* экипаже.

Мне плевать с высокой колокольни на лордов и леди. Они могут присоединиться, если захотят. Так или иначе, сегодня мы точно уедем на этом экипаже. Ясно? — Прежде чем мужчина успел хоть что-то возразить, Джулиан крикнул: — Эй, Бенсон! Иди-ка сюда!

Стрелок не стал раздумывать слишком долго.

— Черт, какое мне дело? Не я управляю этой чертовой повозкой. — Он выхватил монету из руки Джулиана.

Мэтью стоял и наблюдал за этой сценой с небольшим смущением.

Когда Бенсон — пожилой седобородый усатый джентльмен, сутулость которого говорила о множестве проделанных поездок — взял предложенную гинею, Джулиан объяснил, что если они хотят получить еще столько же, они не должны останавливаться на ночлег в гостинице. Любая остановка будет лишь по необходимости — сменить лошадей, купить еды или питья в дорогу, сходить по нужде, а затем им снова надлежит мчать в сторону Лондона так, словно за ними гонится все адское войско.

— Это ясно? — спросил Джулиан, глядя прямо в глаза вознице.

Старик поджал губы и прикусил усы, уставившись на гинею, которая, казалось, сияла этим мрачным утром ярче солнца. В конце концов, он хрюкнул и буквально выплюнул в ответ:

— Это можно устроить.

Затем он сунул в рот черную глиняную трубку и обошел экипаж, проверяя лошадей. Двигался он при этом с вальяжностью короля Сиама.

Мэтью и Джулиан забрались в карету и заняли одно из красных кожаных сидений. Здесь таких было два — одно напротив другого. Окна были дополнительно защищены деревянными ставнями, а на вешалке над головой лежало теплое шерстяное одеяло. По обеим сторонам салона, закрепленные на специальных деревянных подвесах, стояли масляные лампы под красными стеклянными абажурами.

Ждать пришлось недолго. Через десять минут раздался призывный стук копыт и скрип колес. Джулиан открыл ставни со своей стороны, и Мэтью увидел искусно украшенную коляску с возницей в нарядной богатой форме, который правил четверкой белых лошадей. Джулиан достал пистолет и положил его на колени. До них с Мэтью донеслись какие-то глупые любезности, которыми вновь прибывшие люди обменивались с Бенсоном. Последний о новых пассажирах сообщать не спешил. Затем дверь со стороны улицы открылась, и стрелок помог женщине средних лет в высоком белом парике и платье, похожем на кремовый торт, забраться в экипаж. Ее сильно нарумяненное лицо с

подведенными глазами исказилось гримасой возмущения, когда она увидела внутри двух мужчин. Она хотела возразить, однако стрелок настойчиво толкнул ее вперед — явно грубее, чем намеревался, — и она ввалилась внутрь, рухнув на пол, словно мешок с королевским бельем. За ней последовал мужчина в белом пальто, под которым виднелась военная форма, сидевшая на нем не самым удачным образом. По символике нельзя было угадать ни его принадлежность к роду войск, ни даже страну. В салон он ввалился под стать супруге, его лицо — так же сильно нарумяненное и смотревшееся нелепо под чуть съехавшим белым париком — приняло столь же возмущенное выражение.

— Какого дьявола? — пробормотал он.

— Безошибочное попадание, — буркнул Джулиан. Он положил руку на пистолет и обезоруживающе улыбнулся. — Доброе утро вам обоим.

— Это частный экипаж! — воскликнул лорд Тарлентортт. Ноздри его мясистого носа заходили ходуном, а накрашенные брови взлетели вверх, почти достав до парика. — Возница! Возница, немедленно идите сюда! — крикнул он.

Бенсон явился и сказал:

— Тронемся в путь через мгновение, сэр. — После чего он захлопнул дверь.

— Я этого не потерплю! — Лорд потянулся к ручке двери, но рука его вмиг замерла в воздухе, когда Джулиан поднял пистолет.

— Неплохой день для поездки в Лондон, — сказал он, и, продолжая улыбаться, почесал свой небритый подбородок четырехствольным пистолетом.

— О, небеса! — воскликнула дама. — Это воры! Они явились нас ограбить!

— Вы ошибаетесь, мадам, — ответил Джулиан. — Нам всего лишь нужен транспорт, чтобы добраться до Лондона. Нам по пути, стало быть, никто не в обиде.

— Руководство компании узнает об этом и примет меры! — продолжал угрожать лорд Тарлентортт, однако Мэтью был уверен, что Джулиан чувствует себя хозяином положения. Наверняка он встречал на своем пути множество людей, скулящих о своих высоких полномочиях, но продолжающих при этом со страхом глядеть на его пистолет.

— Добавлю это в список своих грехов. — Джулиан вновь опустил оружие. Мэтью подумал, что если эта проклятая штуковина выстрелит прямо здесь, от Тарлентортов останутся только завитки париков да накладные ресницы.

— Н-но! Поехали![10] — прокричал Бенсон, протянув это с интонацией, свойственной всем возницам. Похоже, этот выкрик

перед поездкой сулил безопасную и беспрепятственную дорогу.

Резко накренившись, экипаж начал движение и быстро набрал скорость. Мэтью подумал, что Бенсон может быть и джарви[11] — обычный возница, привыкший к быстрой езде, — но золотая гинея превратила его в настоящего лихача, который может гнать коней до седьмого пота и закрывать глаза на некоторые дорожные опасности в угоду скорости.

— Боже правый, мы движемся слишком быстро! — воскликнул лорд, когда экипаж развил по-настоящему большую скорость. Над ними то и дело слышался звук хлыста, рассекающего воздух. Сам экипаж угрожающе раскачивался из стороны в сторону, деревянные колеса протестующе скрипели.

— Чем быстрее будем двигаться, тем быстрее доберемся, — пояснил Джулиан. — Успокойтесь и наслаждайтесь поездкой. — Он коснулся своей седельной сумки. — У меня с собой немного вяленой говядины и сушеной рыбы, которыми я могу с радостью поделиться, если хотите.

— Разумеется, мы откажемся! — фыркнула дама. Глаза ее увлажнились от слез. — Путешествовать с двумя… двумя неотесанными преступниками — это никак не вписывается в мое представление о поездке, которой можно *наслаждаться*! От вас обоих дурно пахнет!

Мэтью попытался чуть успокоить женщину:

— Я извиняюсь за этот фимиам, но, увы, ванна не была насущным вопросом на повестке нашего дня. Могу я поинтересоваться, зачем вы едете в Лондон?

Несколько секунд никто не отвечал, а затем леди чихнула и сказала:

— За покупками, конечно же! Все, кто хоть что-то собой представляет, совершают покупки в Лондоне и никак иначе!

— Но вряд ли *вы* об этом знали, — усмехнулся лорд.

— Верно, — согласился Джулиан. — То, что мне хочется, я предпочитаю *красть*. Однако первую строчку в моем списке удовольствий занимает *убийство*. Знаете, этим утром я уже отправил одного человека в могилу. О, больше всего мне нравится убивать сразу после завтрака. Так бодрит! — Он красноречиво воззрился на Мэтью. — Верно я говорю, *Шрам*?

Мэтью был озадачен, но все же решил подыграть:

— Всенепре… в смысле, *естесссно*.

— Они шутят, Эдгар? — спросила дама, явно ошеломленная. — Скажи, что они шутят!

— Мы никогда не шутим об убийствах, — сказал Джулиан с мрачным выражением лица. Фразу он произнес таким замогильным голосом, что она и закоренелого убийцу могла

заставить похолодеть.

Экипаж продолжал грохотать и скрежетать колесами по изрытой колеями дороге. На крышу вдруг обрушился дождь, и Мэтью представил себе, как возница и стрелок сидят, укутавшись в утепленные плащи, а с их надвинутых на лицо шляп капает вода. Невзирая на непогоду, Бенсон не снизил скорости, и Мэтью пришел к выводу, что коней и впрямь будут гнать до изнеможения, а первая остановка будет, когда те почти издохнут.

Леди Тарлентorт открыла белый кошелек и нанесла на свое дряблое горло из бутылочки несколько капель духов, пахнущих слегка подгнившими розами.

— Небритые немытые звери, — пробормотал Эдгар. — Клянусь, я разберу по кирпичику эту контору!

— О, мы не так уж плохи, — улыбнулся Джулиан. — Видели бы вы людей, которых нам пришлось убить.

— Убийство! Убийство! Убийство! — ноздри Эдгара снова стали раздуваться. — Это все, ради чего вы живете?

— Нет. Иногда я люблю съесть кусочек шоколадного торта, — осклабился Джулиан.

— Безумие! Вам двоим надлежит гнить в стенах Ньюгейта!

— Я там был, — сказал Мэтью и сразу понял, что это заявление окончательно закрепило за ним статус злодея. Выражение ужаса на лицах лорда и леди подстегнуло его: — Я, разумеется, сбежал. — Для пущей острастки он добавил: — Ни одна тюрьма не может меня удержать.

Леди Тарлентorт смотрела на него так, словно он был существом, чуждым этому миру. По крайней мере, *ее* миру.

— У вас… не лицо убийцы. Я хочу сказать… я вижу ваш шрам, но…

— Расскажи им, как получил его, — предложил Джулиан.

— Ну, — начал Мэтью, — меня чуть не…

— … чуть не повесили за убийство трех мужчин и одной женщины, — перебил его Джулиан. Голос его вновь звучал, словно из могилы. — Он стоял прямо под петлей палача. Собирался отправиться к самому дьяволу и дать ему под зад. А потом… его банда ворвалась на городскую площадь, бросилась к эшафоту с клинками и пистолетами и изрубила на куски каждого законника. — Он кивнул, тем самым придавая своим словам еще больший вес, когда глаза лорда и леди округлились от ужаса. — Так и было. Но… у самог***о*** палача вместо руки был крюк. Как только выстрел разорвал веревку, которая должна была отправить Шрама на встречу с Создателем, палач ударил его. И порезал, как вы можете видеть. Обливаясь кровью, Шрам кинулся на палача, и они упали с эшафота на пропитанную кровью землю. Они

дрались, как животные, во время этой бойне и…

— Но… — голос Эдгара Тарлентора звучал слабо и неуверенно, — руки Шрама должны были быть связаны за спиной, разве не так?

— Ну, конечно! Я как раз собирался сказать: они дрались, как животные во время этой бойни, *несмотря* на то, что у Шрама были связаны руки. И этот палач… ну, он был очень силен. Говорят, он мог голыми руками удавить человека ночью прямо посреди улицы и, я слышал, что он действительно убил подобным образом пару загулявших пьянчуг. Точнее, *одной* рукой удавил. Но ничего не могли доказать. Так что, душа этого палача тоже не была такой уж чистой.

— Совсем не чистой! — воскликнула дама.

— В самом деле, — кивнул Джулиан. — Как я и говорил, Шрам боролся за свою жизнь. И ему пришлось отбиваться от своего мучителя со связанными за спиной руками. И вот, когда палач уже собирался перерезать своим крюком Шраму горло, я выстрелил ему в затылок из пистолета, который вы сейчас видите перед собой.

Сначала никто не мог проронить ни слова. Тишину нарушал лишь скрип экипажа и стук лошадиных копыт по земле. Затем лорд Тарлентор перевел дыхание, которое он до этого задерживал.

— Черт побери! — произнес он так тихо, как будто всерьез опасался гнева мертвого палача.

Дама прочистила горло, обмахнулась облаченной в перчатку рукой, неуютно поерзала на сиденье и снова откашлялась.

— Позвольте мне задать… простой вопрос. Просто мне… любопытно… Молодой человек, а те четверо, кого вы убили, они… как бы это выразить? Может быть, в какой-то степени… они *заслуживали* такой конец?

— Без сомнения! — воодушевленно сказал Джулиан. — Они состояли в кругах отъявленных злодеев с черными сердцами. Они мучили сироток.

Мэтью немного опустил голову и уставился в пол. Джулиан никак не мог узнать, что погоня за таким вот злодеем — с самым что ни на есть черным сердцем — и привела его в Нью-Йорк из колонии Каролина в 1699 году. Именно этот случай послужил причиной его вербовки в агентство «Герральд» и положил начало его новой жизни.

— Я не одобряю самосуд, — буркнул лорд. — Тем не менее… я полагаю, эти злодеи могли запросто действовать под самым носом у слепого закона?

— Совершенно верно, — ответил Мэтью, и на этот раз душой

он не кривил. — У меня не было выбора. Я должен был поймать его сам. В смысле, поймать… *их*.

Джулиан странно на него посмотрел, словно эта история о чем-то ему напомнила, но мысль так и не смогла окончательно сформироваться в его голове. Стряхнув оцепенение, он сумел быстро сориентироваться:

— Но, увы, такая поимка злодеев никоим образом не помогла ни одной сироте. Так что… я не буду вдаваться в кровавые подробности. Достаточно сказать, что злодеи получили по заслугам, но Шрама схватили и накинули ему на шею петлю.

— Хм, — выдохнул лорд Тарленторт после минутного размышления. — А ведь палач мог быть соучастником этой черной шайки. Вы так не думаете?

— Я часто думал об этом, — ответил Джулиан. — Знаете, — он помедлил, — лорд и леди… если кто-то становится злодеем, иногда это происходит потому, что зло — просто единственный открытый путь. Остальные закрыты. И тогда — по воле Рока — человеку приходится надеть плащ злодея и носить его с некоей долей гордости, чтобы если уж представлять зло, то в самом лучшем его свете. И при этом, несмотря ни на что — несмотря на то, что сам являешься частью зла — продолжать сражаться с самыми худшими его проявлениями, самыми темными из зол. Таким образом Судьба вступает в игру и задает курс. Задала она его и для вас. То, что мы со Шрамом оказались здесь сегодня, было необходимо для того, чтобы вы услышали эту историю.

— О, согласна! — воскликнула леди. — Я хорошо понимаю, о чем вы говорите.

— Откуда-то, — Джулиан улыбнулся ей самой чарующей из своих улыбок, — я *знал*, что вы поймете.

Дождь все продолжался, но Бенсон гнал лошадей без жалости и продыху. Лорд Тарленторт открыл свое окно, почувствовал на себе дуновение штормового ветра, и тут же снова его закрыл. Свет зимнего дня стал совсем тусклым. Лорд сунул руку в карман своего пальто и извлек оттуда золотое огниво[12]. Помахав кремнем и воспламенив трут, он коснулся огнем двух масляных ламп, и те вскоре заполнили салон уютным теплым светом.

Больше Тарленторты не выказывали недовольства присутствием своих попутчиков. Лорд накрыл ладонью руку своей жены и на них, казалось, снизошло долгожданное смирение. Затем Эдгар Тарленторт осторожно обратился к попутчикам:

— Я должен спросить. Ну… поскольку мы заперты в одном пространстве, и все время мира принадлежит нам, возможно, у вас найдутся еще какие-нибудь… эээ… *эпизоды*, которые вы могли

бы нам рассказать?

— О, да! — осклабился Джулиан. Впрочем, улыбка его вновь стала мягкой и дружественной. — Приготовьтесь удивляться.

Часть вторая. Зов Лондона

Глава восьмая

Это была поистине темная ненастная ночь. Условия слегка изменились, лишь когда ночные фонари лондонских таверн прорезали темноту, послав на улицы желтые лучи, напоминавшие спасательные тросы. Эти нити света, наделенные особой силой, словно защищали своих посетителей от пришедшей в город бури, превращая ее воющий ужас в мягкие вздохи падающего снега.

Впрочем, даже несмотря на освещение, Мэтью опасался затеряться в снежной круговерти — ведь, когда налетали резкие, колкие порывы холодного ветра, срывавшего шапки налетевших сугробов и бросавшего их прямо в лицо прохожим, видимость становилась практически нулевая. Эта непрекращающаяся буря почти полностью поглощала огни таверн и грозилась вскоре скрыть под собой разбитые кирпичи и грубую булыжную мостовую нижнего города, а также величественные особняки и ухоженные парки верхнего. В этом городе разнообразных оттенков серого все неизбежно должно было стать белым.

Этой ночью сквозь завихрения с трудом пробирались две темные фигуры.

Мэтью безропотно следовал за Джулианом, не произнося ни слова жалобы, хотя холод обжигал ему щеки и нос, а снег осыпал хлопьями его и без того заиндевевшее лицо. Между ними сохранялась дистанция в несколько шагов, и даже на таком расстоянии Мэтью было тяжело не потерять напарника из виду.

Джулиан уверенно придерживался выбранного направления: похоже, у него на уме было еще какое-то место назначения — вдобавок к тем четырем тавернам, которые они уже посетили.

Буря продолжала неистовствовать, заглушая своим воем скрип колес проезжавших мимо карет или повозок, поглощая стук лошадиных копыт и превращая отрывистые выкрики сумасшедшего, что маячил на углу впереди, в едва различимые стоны. Воистину, этот снегопад был способен укротить даже фурию.

Мэтью понятия не имел, в какой части города они находятся. После того как Бенсон позволил измученной чете Тарлентортов, пошатываясь, выйти из экипажа перед величественной гостиницей «Герб Мейфэра» и выгрузил их багаж, он — предварительно выслушав четкие указания Джулиана — согласился отвезти своих нанимателей примерно на милю дальше на юго-восток, в местечко, носящее название Пепперпот-Элли. Там Джулиан заплатил Бенсону и его стрелку Хеджесу

вторую часть обещанного вознаграждения, и две золотые гинеи обрели новых хозяев. Посчитав, что дело сделано, довольные служители наемного транспорта вознамерились крепко проспать дня два. Экипаж укатил прочь, оставив своих теперь уже бывших пассажиров смотреть сквозь снежную завесу на какой-то узкий переулок. Этот невзрачный закуток города освещали лишь несколько красных фонарей, маячивших в окнах сомнительных заведений. Довольно большая вывеска гласила, что здесь находится вход в «Пещеру Хоу».

Как вскоре выяснилось, не «Пещера» была целью Джулиана.

Быстро оглядевшись по сторонам, завернувшись поплотнее в плащ и перекинув седельную сумку через плечо, он молча зашагал вперед. Следующая таверна, в которую они вошли, находилась в глубине заснеженного переулка и носила неоднозначное название «Болотное дно». После беглого осмотра она не вызвала у Джулиана особого интереса, а вот Мэтью выдвинул ультиматум, заявив, что ни шагу не сделает без порции пирога со шпинатом, который был объявлен на доске меню, а также без чашки горячего куриного бульона. С тех пор, как он в последний раз ел, миновало уже шесть часов, причем тот обед прошел впопыхах и состоял всего лишь из миски тушеных помидоров и куска кукурузного хлеба, раздобытых на постоялом дворе. Джулиану пришлось признать, что подкрепиться и впрямь не помешает. Не сговариваясь, они прошествовали в угол зала и сели за стол.

Рука Джулиана неотрывно лежала на пистолете, а глаза изучали обстановку на предмет неприятностей, которые могли бы доставить угрюмые посетители.

Мэтью сделал заказ, надеясь, что еда будет хотя бы сносной. Джулиан тоже решил подкрепиться и попросил принести ему миску говяжьего супа с рисом, буркнув себе под нос, что вместо говядины там, скорее всего, будет конина.

Они позволили себе ненадолго расслабиться, отдохнуть и обогреться.

А потом — снова бесконечные поиски.

Следующая таверна. «Мрачная усмешка мудрости»: одна минута и на выход.

— Кого мы ищем? — спросил Мэтью, когда они покинули это отвратительное место. Воистину это было мудрым решением!

— Кое-кого важного, — последовал ответ. — Сегодня вечером его не будет дома. Впрочем, как и всегда.

Таверна «Кот и мышь»: не дольше секунды, а потом их путь пролег через несколько улиц на восток, в другую россыпь бедламов, первым из которых стала дряхлая дыра с вывеской «Сад

Осьминога».

Это название, — подумал Мэтью, — *вполне заинтересовало бы даже самого Профессора Фэлла*.

Перед тем, как перешагнуть порог, Джулиан повернулся к Мэтью и сказал:

— Имей в виду, у меня на большие надежды на это заведение.

— Я просто надеюсь оказаться поближе к камину, — пробормотал Мэтью замерзшими и огрубевшими, как наждачная бумага, губами.

Они вошли.

Что ждет нас здесь? — подумал Мэтью, вспоминая все, что случилось с самого начала миссии вплоть до нынешнего момента.

Поездка из Бристоля в Лондон заняла тридцать восемь часов. За время этой бешеной гонки выдалось всего две остановки — да и те занимали минимальное время. По пути Бенсон забрался в экипаж, чтобы поспать несколько часов, пока Хеджес правил упряжкой, после чего они вновь поменялись местами.

Лорд и леди Тарлентортс сошли бы с ума от бешеного темпа, если б Джулиан не устроил целое представление, которое Мэтью счел мастерским. В раскачивающемся экипаже Джулиан Девейн отвлекал Тарлентортов от их страданий рассказами, которые, похоже, сочинял на ходу. Мэтью сомневался, что в них было хоть слово правды, а вот Тарлентортс съедали их, как леденцы.

Джулиан служил телохранителем королевы Анны и спас ей жизнь, обезвредив иностранного убийцу, который собирался добавить яд в ее послеобеденный чай. Джулиан когда-то был помощником укротителя львов в Цирке братьев Ригген — в существовании которого Мэтью тоже сомневался — и проработал в этой должности до тех пор, пока лев Силки не решил, что ему не хватает мяса, и поэтому рука неудачливого укротителя стала его ужином. Джулиан отправился в Южную Америку на поиски затонувшего корабля с легендарным изумрудом под названием «Зеленая Богиня» на борту, и хотя он не нашел драгоценного камня, его сделали почетным членом племени Тупинамба за то, что он спас тонущего мальчика. Однажды Джулиан дрался на трех дуэлях за день — до завтрака, после ланча и после обеда, — и трое его противников нашли упокоение на кладбище в Солсбери.

И так далее.

Слушая эти длинные витиеватые басни, Мэтью думал, что Джулиан вполне может предложить свои услуги «Булавке Лорда Паффери» и жить припеваючи весь остаток жизни.

Однако Джулиан ни разу не упомянул о профессоре Дантоне Идрисе Фэлле, Матушке Диар или о каком-нибудь ином злодее.

Нет, в своих рассказах он выставлял себя баловнем удачи и искателем приключений, а не прихвостнем владык преступного мира. Вероятно, примерно так Джулиан рисовал себе жизнь, о которой мечтал — которая могла бы у него быть, сложись его судьба чуть иначе. Он плел свои истории из цельного куска ткани, гораздо более чистой, чем костюм, сшитый для него неумолимым Роком.

Во время дороги и Мэтью, и Джулиан попытались урвать максимально возможное количество сна, зная, что после им еще нескоро доведется выспаться. Впрочем, «выспаться» — слишком сильно сказано. С самого начала миссии Мэтью заметил, что Джулиан вообще не позволяет себе засыпать слишком глубоко. Казалось, он всегда был готов к немедленному пробуждению — будто не спал вовсе, а просто отдыхал с закрытыми глазами. Если быть точнее, он и глаза-то до конца никогда не закрывал — они просто становились стеклянными и замирали, упираясь невидящим взглядом в никуда. Несколько раз Джулиан вздрагивал, выныривая из своего странного состояния. С его губ в эти моменты срывался мучительный шепот, в котором было не меньше боли, чем могло бы быть в отчаянном крике — видимо, этот шепот был продолжением дурного сна. Налитые кровью глаза распахивались и обводили окружающую обстановку обезумевшим взглядом. Выражение лица выдавало какой-то потаенный ужас, природу которого Мэтью постичь не мог. Рука Джулиана сжимала то пистолет, то рукоять клинка — будто он постоянно сражался на дуэлях в Солсбери своей души.

Мэтью подумал, что такова цена, которую приходится платить злодеям, которые избрали свой темный путь. Они не могут расслабиться и отдохнуть, как обычные люди — им необходимо всегда быть начеку и вскрикивать, слыша голоса призраков, тянущихся к ним из могил.

Сидя в качающемся экипаже, Мэтью боролся со своим собственным кошмаром о том, что он будет делать, если Черный Кардинал и книга ядов так и не обнаружатся. Кроме того, нужно было найти химика, способного расшифровать формулы Джентри, и доставить его в Прекрасный Бедд, прежде чем Берри минует точку невозврата на пути к необратимому слабоумию.

Вся эта поездка в Лондон могла оказаться пустой тратой времени. Кардинал Блэк с книгой могли быть где угодно. Проблема состояла в том, что никаких других зацепок не было. Мэтью пришлось довериться чутью Джулиана и признать, что сейчас именно он руководил миссией — ведь только его связи в Лондоне могли хоть сколько-нибудь сдвинуть поиски с мертвой точки. Скрипя зубами от недовольства, Мэтью пришлось признать

за собой роль пешки.

Но что, если все это напрасно?

Чем дольше Мэтью думал об том, тем сильнее страх и сомнение укоренялись в нем. Не переоценил ли он собственные силы, заявив, что способен разыскать книгу ядов в комплекте с компетентным химиком и доставить их в Прекрасный Бедд, уложившись во временные рамки?

У них с Джулианом оставалось около двадцати дней до того момента, как антидот станет бесполезным. На первый взгляд казалось, что есть все шансы успеть. Но что, если они все же потерпят неудачу? Мэтью не знал, сможет ли когда-нибудь простить себя за это. Что он будет тогда делать? Отыщет для Фэлла Бразио Валериани, как обещал, а после отправится в Нью-Йорк? Отвезет ли он Мармадьюку Григсби бренную оболочку Берри? Или же она настолько укоренится в роли дочери Фредерика и Памелы Нэш, что лучше будет позволить ей жить в этой иллюзии?

Эти вопросы опустошали Мэтью. Никогда прежде он не чувствовал себя таким беспомощным. Противоречивые эмоции разрывали его на части. Помимо состояния Берри Мэтью не мог не думать о том, чем его соглашение с Профессором Фэллом обернется для Бразио Валериани. Вряд ли Профессор собирается вести с этим человеком невинные разговоры о погоде в Италии. По правде говоря, Мэтью с трудом мог представить, что ждет Бразио после встречи с Фэллом. Ему было известно лишь, что интерес Профессора к этому человеку тесно перекликается с его увлечением демонологией. Также в деле замешан некий предмет мебели, созданный отцом Валериани Киро — ученым, который по какой-то причине сошел с ума и покончил с собой.

Голова от этого шла кругом. Все это казалось Мэтью какой-то дьявольской смесью, особой специей к которой служил Кардинал Блэк.

Как только экипаж подъехал к городу, Мэтью услышал зов Лондона. Сначала звук напоминал тихое бормотание или гудение — скорее ощутимое, чем слышимое сквозь грохот колес и стоны экипажа. Он вспомнил, что слышал то же самое, когда ехал из Плимута в Ньюгейтскую тюрьму: это был голос Лондона со всей наполнявшей его жизнью. Вдохи и выдохи человеческих легких, стук башмаков, хлопанье дверей, скрип деревянных корпусов лодок о пирсы на реке, стук вилок о тарелки, звон стаканов, музыка трактирных и уличных певцов, стук копыт по мостовым, грохот и скрип бесчисленных колес повозок, карет и экипажей, то и дело снующих из стороны в сторону — все это и еще тысяча других звуков сливались в единый глас Лондона и его

шестисоттысячного населения. Но в глубине этого голоса Мэтью слышал только один вопрос, который адресовал ему некий бесплотный дух, правящий городом: *Добьешься ли ты успеха или потерпишь неудачу?*

Также до него доносилось предупреждение, вонзавшее незримый нож в его истрепанное сердце: *Я город, пожирающий людей заживо. Однажды я почти поглотил тебя. Так что приходи ко мне снова, юный Мэтью, и попробуй пройти испытание на моих вековых каменных зубах.*

Он не мог потерпеть неудачу. *Не мог!*

Неудача будет фатальной. В случае нее вся дальнейшая жизнь обернется для Мэтью сплошной пыткой, так что вряд ли он сумеет прожить двадцать дней. И ведь даже несмотря на это… даже если горечь утраты Берри превратит его в выжженную изнутри оболочку человека, он *обязан* будет найти Бразио Валериани для профессора Дантона Идриса Фэлла, а значит, принять участие в замысле, что, вероятно, может сокрушить весь мир.

Все это пронеслось в его голосе в тот момент, когда он, следуя за Джулианом, вошел в таверну «Сад Осьминога». Внутри подвесные фонари отбрасывали на стены зеленоватые отблески. Здесь пахло плесенью; множество рук тянулось к кружкам эля, игральным костям или картам. Чего Мэтью здесь не наблюдал, так это ни осьминога, ни сада.

Умеренный гул голосов завсегдатаев заглушался возбужденным гомоном, доносившимся из дальнего конца зала. Там слышались громкие возгласы и отрывистые вскрики. Через несколько секунд Мэтью увидел там скопление из примерно дюжины мужчин, собравшихся вокруг большого стола.

— Ах! — воскликнул Джулиан, перекрикивая шум. — Кажется, я вижу наш выигрыш! — Он сделал еще несколько шагов вперед, продираясь сквозь клубы дыма, и снова повернулся к Мэтью. — Он там, — радостно сообщил Джулиан, быстро посерьезнев. — Пока я буду с ним разговаривать, стой и помалкивай. Стань невидимкой. Ясно?

— Да.

— Умница. Я пошел.

Лавируя меж небольшими столиками, они направились к одному большому, за которым собралась толпа. Под более ярким желтым фонарем на столе обнаружился круглый трек, выложенный кирпичами стык в стык. На нем Мэтью с удивлением увидел четырех довольно крупных тараканов, пытающихся добраться до куска красной бечевки, натянутой меж двумя гвоздями — финишной черты этой гонки насекомых.

Крики игроков сливались в единую какофонию:

— Давай, Голиаф, давай!

— Быстрее, Альфонсо, быстрее!

— Будь ты проклят, Джимми Джек, не медли, как Крисмас!

— Шевели своей чертовой задницей, Брискит!

В промежутках между выкриками, какие-то люди — по-видимому, владельцы этих тараканов — дули на них маленькими мехами, чтобы ускорить их продвижение к красной бечевке. Рядом с ними, чуть в стороне, стоял худой неулыбчивый мужчина, державший чашу с серебряными монетами. Голову его венчал белый парик украшенный тельцами бывших чемпионов этого причудливого спорта — либо их собратьями, поднятыми прямо с пола. Мэтью не испытывал ни малейшего желания подходить к столу ближе, поэтому он пригляделся к нему, держась на почтительном расстоянии. Он сумел рассмотреть, что блестящие черные спины сражавшихся участников испещрены пятнами краски: красной, синей, белой и желтой. Выходило, что даже владельцы не могли отличить Голиафа от Брискита без цветовой отметки.

Тем временем Джулиан подошел к высокому худощавому мужчине лет пятидесяти с грубоватым, но не лишенным привлекательности лицом. Его длинный орлиный нос прекрасно гармонировал с волнистыми седыми волосами, густыми седыми бровями, почти белыми усами и бородой — такой острой формы, что она могла бы служить ледорубом. Этот человек казался джентльменом из высшего общества, решившим провести ночь среди простолюдинов, пока в глаза не бросились заплаты на локтях его поношенного темно-синего костюма и засаленные воротник и манжеты его белой — хотя при таком освещении это было трудно утверждать наверняка — рубашки. Ярко-пурпурный галстук с узором в виде пейсли[13], повязанный вокруг горла, действительно отвлекал взгляд от бедствий остального одеяния этого человека, шокируя непривыкшие к нему глаза до бесчувствия.

Джулиан наклонился ближе к мужчине, и сквозь шум скачек Мэтью услышал, как он сказал:

— Привет, Бритт.

Мужчина обернулся, его медные глаза впились в Джулиана, а морщинистое лицо растянулось в улыбке.

— Джулиан, мальчик мой! Как я рад тебя видеть! Где ты пропадал?

— То тут, то там, — пожал плечами Джулиан. — У меня к тебе несколько вопросов.

— Я всегда в твоем распоряжении, но не сейчас, пожалуйста!

Разве ты не видишь, что перед тобой разворачивается драма?

— Я вижу бегущих тараканов.

— Присмотрись же! Альфонсо догонит моего Голиафа меньше, чем на полпути? Дуй же, дуй! — крикнул Бритт хозяину Голиафа, который и без того яростно работал мехами. — О, ты же дуешь на задницу Альфонсо! — вскричал Бритт во всю мощь своего страдания. — Боже Милостивый, неужели ты не сжалишься надо мной?

— Который из них Альфонсо? — спросил Джулиан.

— Демон с красными метками, словно прямиком из преисподней! — отозвался Бритт. — Смотри, как он несется вперед!

Джулиан наклонился к треку.

Хлоп!

И его кулак опустился точнехонько на Альфонсо.

А потом Альфонсо сделался красным, как «Булавка Лорда Паффери» — хотя, если быть точным, то все, что от него осталось, это пятно мягко-коричневого цвета.

Толпу окутал молчаливый ужас.

— Черт тебя подери! — воскликнул Бритт, и его густые брови поползли вверх.

Голос возвестил:

— И Голиаф пересекает финишную черту! Вот он, ребята, наш победитель!

В тот же миг коренастый джентльмен с бычьей грудью, ростом ниже Джулиана дюйма на четыре, но с лицом, похожим на мясницкий тесак, вырос, словно из-под земли, и зарычал:

— Ты убил мой источник доходов, ублюдок! Я оторву тебе голову…

Он осекся на полуслове, потому что четыре пистолетных ствола уперлись в обе его ноздри — крыть подобный аргумент ему было нечем.

— Я бы не стал устраивать сцену, Артур, — предупредил Бритт. — И хочу сообщить всем моим друзьям, собравшимся здесь, — он уже потянулся к чаше с деньгами, — что однажды в Солсбери этот джентльмен дрался в один день на трех дуэлях, и, как вы видите, он жив и здоров.

Джулиан устремил свой смертоносный взгляд в глаза хозяина покойного Альфонсо и медленным движением отер руку о его пиджак, оставив на нем полосу раздавленных тараканьих внутренностей.

— Устрой ему достойные похороны, — напутствовал Джулиан.

Снова послышалось бормотание и несколько нерешительных

угроз, но Бритт взял на себя смелость дать по монете владельцам Голиафа, Джимми Джека, Брискита и даже владельцу покойного Альфонсо, который заметно повеселел и направился к бару.

— Следующий забег через пять минут! — оповестил человек в парике певучим голосом, давая понять, что подобное случалось на этом треке и прежде. — Господа, выставляйте своих конкурсантов! Игроки, делайте ставки!

Мэтью держался рядом: достаточно близко, чтобы все слышать, но вне поля зрения Бритта. Он делал вид, что просто слоняется около стола и обдумывает свою следующую ставку.

— Как я рад тебя видеть, мой мальчик! — обратился Бритт к Джулиану. Его взгляд упал на седельную сумку. — Уезжаешь куда-то? И, как я вижу, все еще играешь с огнем.

— Напротив, я только приехал. И я не играю с огнем, а всего лишь немного флиртую.

— Тебе пора завязывать. Припоминаешь, я говорил, что с тобой случится, если ты будешь продолжать эту опасную прогулку над пропастью? Каждый день у тебя есть шанс начать все заново, с чистого листа.

— Да, припоминаю, — кивнул Джулиан. — И, насколько я помню, твоя собственная пропасть не менее опасна, чем моя. Что ж, я начну все сначала с завтрашнего дня. Но сейчас я должен задать тебе несколько вопросов.

— Хм? — Бритт достал из кармана пиджака красный бархатный кошелек и начал складывать в него свой выигрыш. — Касательно чего?

— Касательно того, что один адмирал Королевского флота решил бросить вызов Профессору Фэллу.

Мэтью увидел, что пальцы мужчины замерли на серебряной монете.

— Ты знаешь, о ком я, — продолжил Джулиан. — Мне нужно имя.

— Милый *мальчик*, — сказал Бритт, бросив последний шиллинг в кошелек и завязав его шнурком, — этот вопрос тебе лучше задать Матушке Диар. Она должна знать об этом гораздо больше, чем…

— Матушка Диар мертва, — отрезал Джулиан, показывая, что начинает терять терпение. — Имя адмирала. Ну же!

— Матушка Диар *мертва*? Боже мой! Это, конечно, всем новостям новость!

— Ты узнаешь новости за двенадцать часов до того, как они случаются, — напирал Джулиан. — И ты знаешь, где и что должно произойти. Вот почему я пришел сюда, чтобы встретиться с тобой лично. — Рука Джулиана потянулась к закопченному

лацкану пиджака Бритта. — Ты — король информации преступного мира. Но мне ни к чему это тебе говорить, ты и сам это знаешь, не так ли?

— Ты мне льстишь. Что я могу еще сказать?

— Ты можешь сообщить мне имя, и, пожалуйста, сделай это быстро, потому что я действительно *презираю* тараканов.

— Хм, к сожалению, я не знаю имени человека, которого ты ищешь. — Из-под поношенного джентльменского пиджака Бритт извлек оловянную табакерку. Он открыл ее и сделал понюшку каждой ноздрей, пока Джулиан ждал, что он еще скажет. Бритт приглушенно чихнул, вытер нос рукавом и продолжил: — Но я знаю о нынешнем затруднительном положении Профессора.

— Затруднительном положении? — прищурился Джулиан. — Может, уточнишь?

— Его власть слабеет. Милый мальчик, все это знают. И ты в том числе. Похоже, какой-то юноша из колоний всерьез ослабил хватку Дантона. Я не знаю его имени, но слышал, что этот выскочка не только расстроил деловые планы Профессора, но и чуть не уничтожил его остров, который он так высоко ценит. Поэтому другие акулы в нашем море почуяли кровь и уже собираются сожрать его тело. Разве это не так?

Мэтью чуть было не сказал: «*Да, так*», но промолчал и уставился на стол, наблюдая, как очередных тараканов разукрашивают краской.

— Я не собираюсь комментировать этот бред, — сказал Джулиан.

— Значит, это правда, — лукаво ухмыльнулся Бритт. — Я уверен, что скоро это станет известно общественности и, возможно, даже будет отображено на страницах «Булавки».

— Единственное, что меня сейчас интересует — это имя адмирала, которое, я уверен, у тебя есть, но которое ты почему-то отказываешься сообщить *бесплатно*. Что ж, у меня нет времени играть в дурачка: назови свою цену.

— *Мою цену?* Ох, Джулиан, не все же сводится к деньгам.

— Ха! — громко хохотнул Джулиан. Это был невеселый смех, да и в его серых глазах не было веселья. — Большей лжи мне не доводилось слышать.

— Ты ранил меня прямо в сердце, дорогой мальчик. А я думал, что научил тебя хорошим манерам. — Внимание Бритта переключилось на человека с дохлыми тараканами в парике. — Четыре шиллинга на… как зовут этого малыша?

— Монго, — последовал ответ.

— Четыре шиллинга на Монго. Он, похоже, только и ждет шанса рвануть к финишу. — Монеты Бритта отправились в чашу к

остальным, скопившимся там, а обладатель неадекватного парика, послюнявив кончик карандаша языком, сделал запись в своей потертой записной книжке. — Джулиан, — сказал Бритт, — тебе пора идти, если ты не хочешь поставить на Монго, который, по-моему, достойный претендент на выигрыш в следующем раунде. И пожалуйста, на этот раз держи кулак при себе.

— Это твое последнее слово?

— Окончательное и бесповоротное.

Внезапно рядом с Мэтью материализовалась худая женская фигура, а грязное лицо, отороченное копной черных волос на макушке, загородило ему весь обзор и осклабилось:

— Выпьешь Эля, красавчик? А потом, не желаешь ли прокатиться на пони?

— На пони? — переспросил растерявшийся Мэтью.

— Да, на пони. Меня зовут Пони.

— Н-нет, спасибо, — ответил Мэтью и отошел от стола, в то время как Джулиан и Бритт обменялись еще несколькими колкостями, которых он не смог расслышать. Толпа вокруг стола стала заметно громче, особенно когда тараканов положили в деревянный ящик, ящик закрыли, встряхнули, а затем занесли над отправной точкой трека. Мэтью прикинул, что дно ящика вот-вот будет откинуто, чтобы участники могли упасть на дорожки, но у него не было никакого желания наблюдать за марш-броском Монго.

В следующее мгновение к нему подошел Джулиан, буркнув:

— Мы здесь закончили.

Его спутник снова заговорил, лишь когда они оказались на холоде, под порывами ветра и снегопада:

— Давай перейдем улицу и немного постоим вон в том дверном проеме.

— Зачем? Разве мы здесь не закончили?

— Мы закончили в «Саду», — поправил Джулиан. — Но только не с Бриттом. Насколько я его знаю — а знаю я его очень хорошо — он никогда не отказывался от монеты, разве что ему светило еще больше. Давай дадим ему время потерять шиллинги на Монго, а потом посмотрим, что он сделает. Или, скорее… куда он пойдет.

Они затаились в темноте дверного проема, скрывшись под пеленой падающего снега. Усиливающийся холодный ветер пронизывал их своими жестокими порывами до самых костей.

В следующие десять минут около «Сада Осьминога» наблюдалась небольшая активность: несколько человек вошли и вышли, но Джулиан никак на них не отреагировал. Наконец появилась высокая фигура, закутанная в длинный плащ. Лицо

было скрыто низко надвинутой шляпой с широкими полями. Не став медлить у дверей, фигура зашагала на запад. Этот человек явно куда-то спешил, он не жалел скорости, хотя ветер нещадно хлестал его по лицу.

— Это его походка. Немного неуклюжая, словно таракан, бегущий наперегонки, не находишь? — шепнул Джулиан. — Бритт в пути. Так что тронемся и мы.

Глава девятая

Сквозь белую завесу ночи Джулиан и Мэтью следовали за человеком по имени Бритт. Они старались идти на таком расстоянии, чтобы держать добычу в поле зрения, но не настолько близко, чтобы выдать себя. Квартал за кварталом Бритт целеустремленно шагал вперед. В какой-то момент его пальто, похоже, лишилось последней пуговицы и распахнулось от ветра, начав трепетать, словно хлопающие крылья темного ангела. Попытки сомкнуть его на груди Бритт быстро оставил, он лишь продолжил придерживать одной рукой шляпу, чтобы та не стала добычей бури.

Из-за снегопада трудно было точно оценить расстояние, но Мэтью предположил, что они порядка полумили держались хвостом за Бриттом, прежде чем тот пересек улицу. Точнее, быстро перебежал ее прямо перед проезжающим экипажем, возница которого явно спешил попасть куда-то, где тепло. Не обратив на промчавшуюся карету никакого внимания, Бритт снова перешел на свой неуклюжий семенящий шаг и буквально через несколько метров спустился по узким ступенькам.

— Поторапливайся! — прошипел Джулиан, подгоняя Мэтью, хотя тот вовсе не нуждался в подстегивании и старался двигаться как можно быстрее, чтобы не превратиться в ледышку. На верхних ступенях они замерли, уставившись на дубовую дверь. Пара овальных окон окаймляла вывеску с небрежной надписью: «*Зеленое пятно*».

Это была одна из тех безвкусных таверн, которая, несмотря на даруемую снегом чистоту, невольно напомнила Мэтью Уайтчепел. Он почти погрузился в свои воспоминания о днях, проведенных в лоне «Черноглазого Семейства», когда Джулиан схватил его за плечо, тем самым возвратив его в реальность.

— Послушай меня, — строго начал он, — иди туда и выясни, с кем он встречается. Посмотри внимательно, затем вернись и опиши его… или *ее*. Бритт не видел тебя в «Саду», так что у тебя будет время осмотреться. Но только не очень долго. Это ясно?

— Вполне.

Джулиан кивнул.

— Иди. Я буду ждать за углом.

Мэтью тоже отозвался кивком и спустился по ступенькам. Едва он открыл дверь «Зеленого пятна», как его обдало едким табачным дымом, в нос ударил запах пролитого эля и вина, смешанный с вонью застарелого человеческого пота, а также со

смолистым ароматом поленьев, потрескивающих в камине напротив входа.

Мэтью вошел и позволил двери захлопнуться за ним. Не привлекая ничьего внимания, он прошел между столами, миновал барную стойку и замер как можно ближе к огню, впитывая блаженное тепло. Когда уличный мороз перестал колоть лицо, он повернулся к камину спиной, чтобы обогреть и ее, а заодно и осмотреть зал, в котором собралось около десяти или, быть может, дюжины завсегдатаев. Тараканьих бегов здесь не наблюдалось, поэтому шума было заметно меньше. Скорее всего, люди собирались в этой таверне за тихими разговорами, которые они привыкли вести за кружкой-другой эля или чаркой вина. Зал был довольно темным, рассеянные тут и там лампы давали скудное освещение, но Мэтью внезапно понял, что стоит примерно футах в восьми от стола, к которому Бритт придвинул стул, расположившись напротив какого-то мужчины.

В свете каминного огня Мэтью попытался оценить незнакомца. Это был стройный мужчина в белом костюме. Для зимы такой выбор одежды был странноват, но, похоже, незнакомца это нисколько не смущало. Комплект дополняла белая рубашка с черным галстуком на тонкой шее. На вид этому человеку было за сорок — хотя Мэтью не исключал, что уже исполнилось пятьдесят. Прядь седых волос пролегала прямо по центру его головы, остальная часть которой была гладко выбрита. Заостренная форма нижней части лица подчеркивалась козлиной бородкой, а крючковатый нос чем-то походил на птичий клюв. Однако самой захватывающей деталью внешности этого человека оказались глаза: они были очень — даже слишком — сильно навыкате, словно глазницы стремились постепенно выдавить их наружу. А цвет… золотой, как гинеи в кошельке Джулиана Девейна.

Пока Мэтью изучал свою цель, Бритт наклонился вперед, и лицо незнакомца оказалось наполовину скрыто тенью, а наполовину освещено рыжеватым пламенем камина.

И вдруг случилось *это*.

Человек с пугающе странными выпученными глазами, к которому обращался Бритт, повернул голову налево, и в момент, когда шея должна была остановиться, он просто… продолжил поворачивать голову. Сердце Мэтью пустилось вскачь: казалось, еще несколько секунд, и мужчина попросту свернет себе шею, потому что нос его уже почти указывал на лопатку.

Голова мужчины слегка дернулась. Мэтью видел, как напрягаются мышцы шеи и тут же расслабляются. Раздался тихий хруст и, к удивлению Мэтью, голова продолжила

поворачиваться… поворачиваться… поворачиваться, пока этот причудливый джентльмен не начал смотреть прямо себе за спину. А ведь его голова *все еще* поворачивалась!

Мэтью невольно отшатнулся, едва не угодив каблуками своих ботинок в горящие поленья. Тем временем человек с большими золотистыми глазами повернул голову чуть ли не до самого позвоночника. Мэтью продолжал смотреть на все это действо, не в силах оторвать глаз. Когда стало казаться, что шея вот-вот позволит голове сделать полный оборот, джентльмен вдруг начал поворачивать ее в другую сторону. Все больше… больше… и больше. Золотистые глаза мерцали в свете огня, а Бритт продолжал говорить, как будто для него это было самое естественное зрелище в мире.

Голова незнакомца, теперь повернутая вправо, снова наводила на мысль о том, что ему сломали шею. Он вновь произвел это дерганое движение — сокращение и расслабление мышц, — и диковинные кости продолжили совершать чудеса, недоступные обычному человеческому скелету.

А затем… золотистые глаза устремились прямо на Мэтью и замерли на нем. К своему ужасу, Мэтью осознал, что не может отвести взгляд.

— Вам помочь, сэр?

Чей это был голос? Этот странный человек, что, умудрился каким-то образом проникнуть в разум Мэтью?

— Может, желаете выпить, сэр?

Золотые глаза, наконец, оставили его в покое, и голова — слава богу — вернулась в свое нормальное положение. Бритт целиком и полностью завладел вниманием мужчины. Освободившись от этого оптического рабства, Мэтью перевел взгляд на девушку-подавальщицу, вышедшую из-за стойки.

— Сэр? — обратилось к нему существо, более походящее на беспризорницу, чем на работницу таверны или какого бы то ни было заведения.

— Нет, — ответил Мэтью. Он был ошеломлен и, как ни странно, его собственная шея сейчас была напряжена до предела. — Нет, — повторил он. — Я просто… нет. — Он спешно отошел от камина, прошагал мимо барной стойки, змеей прошмыгнул меж столами и выскочил за дверь «Зеленого пятна». Оказавшись на холоде и бегом поднявшись по ступенькам, он заметил Джулиана, стоявшего за углом, и подошел к нему.

— Ну? — поторопил тот.

Несколько мгновений Мэтью не мог вымолвить ни слова.

— С кем он встречался? — подтолкнул Джулиан. — Боже, да что с тобой?

— Он встречался с… это было… я хочу сказать, это был… невероятный человек! Я не понял, как он это сделал…

— Ясно, ясно. Значит, это был мужчина. А теперь говори по-английски, хватит лепетать!

— Минуту, — попросил Мэтью. Ему нужно было время, чтобы очистить свой разум. — Да, это был мужчина, — продолжил он, чувствуя, как отрезвляюще холодный снег летит ему в лицо и цепляется за ресницы. — Этот человек… он мог крутить головой. Я знаю, это звучит безумно, но он мог…

— Провернуть ее почти полностью? — закончил за него фразу Джулиан. — Так, что он смотрел прямо себе за спину? Ах, я знаю этого человека!

Мэтью встрепенулся.

— Кто он такой?

— Филин, — кивнул Джулиан. — Настоящее имя неизвестно. Прости, но сейчас я не могу не посмеяться над твоим выражением лица! Теперь я понимаю, что его особый талант действительно может заставить экипаж перевернуться.

— Лично мой, — рассеянно буркнул Мэтью, — точно перевернулся.

— Ну так берись за поводья побыстрее, потому что мы здесь не для того, чтобы валять дурака! Я хочу узнать, зачем Бритт выбрался на улицу в такую погоду, чтобы поговорить с Филином. Ты видел, как он ему заплатил?

— Кто — кому? — покачал головой Мэтью.

— Филин — Бритту.

— Нет. По крайней мере, пока я там был.

— Хм. Значит, заплатит. За информацию о том, как я его расспрашивал. Бритт, без сомнения, счел это важным, — сказал Джулиан, задумчиво постучав пальцем по подбородку. — Вопрос в том, кто платит самому Филину.

— Я все еще не совсем понимаю… — Мэтью чувствовал, что его разум продолжает застилать странный гипнотический морок, даже несмотря на лютый холод. — Кто такой этот Филин и почему он должен был заплатить Бритту за такого рода информацию?

— Филин, — терпеливо объяснил Джулиан, — специалист по безопасности. Он заботится о, скажем так, том, чтобы все было наготове и в порядке. Он работал в этом направлении последние два года. В рамках преступного мира, разумеется. А значит, мы должны узнать, что он готовит.

— Согласен, но как нам это сделать?

— Снова придется ждать. Если информация Бритта заинтересует Филина — а я уверен, что так и будет, — наш

гуттаперчевый малый скоро придет в движение, и на этот раз может навести нас на след того, кого мы *действительно* хотим встретить.

— Адмирал? — спросил Мэтью.

— Время покажет. Сначала я собираюсь перейти улицу и найти укромное место, чтобы понаблюдать за входом. Я хочу, чтобы ты перешел через улицу вон там, — Джулиан указал на запад, — чтобы ни Бритт, ни Филин с тобой не столкнулись, если они выйдут и повернут за угол. Затем расслабься и попытайся согреться. Похоже, нам придется провести здесь какое-то время.

Мэтью занял позицию, указанную Джулианом, постаравшись как можно лучше слиться с темнотой. Джулиан же зашагал на север и буквально сделался невидимым.

Мэтью сосредоточился на том, чтобы наблюдать за углом через дорогу. Одновременно он пытался вообразить, что все еще стоит перед камином, согревавшим каждый квадратный дюйм его тела. Он потер руки и понял, как благодарен за перчатки и утепленную шапку под треуголкой, которая не давала его ушам отвалиться. Если в ней и водились когда-то вши, теперь они все замерзли насмерть.

Его воображение перенесло его из помещения с камином в горячую ванну, подогреваемую разведенным под ней костром. В своем воображении он держал в руке кружку горячего яблочного эля и уже собирался сделать глоток, когда Джулиан выскочил из-за угла и прошипел:

— Быстрее! Нам нельзя его упустить!

— Кого мы преследуем? Бритта или Филина? — спросил Мэтью, то время как они припустились почти бегом в западном направлении.

— Филина. На нем все белое: белый плащ с белым капюшоном на голове. Его едва можно разглядеть на расстоянии в полквартала. Он идет быстро. А я не осмеливаюсь подступиться ближе к его вращающейся голове. Будем держать его в поле зрения, как можем.

Мэтью и в самом деле с трудом разглядел на фоне снегопада фигуру в белом, и едва он успел это сделать, как взметнулись вихри, скрыв Филина за снежной вуалью. Джулиан ускорил шаг, и Мэтью постарался от него не отставать. Он прекрасно понимал, что стоит им позволить этому человеку уйти, и они упустят последний шанс отыскать таинственного адмирала… если, конечно, допустить, что именно к нему направляется Филин.

Квартал за кварталом они продолжали слежку, иногда пересекая улицу, чтобы не попасться. Временами Мэтью страшился, что они потеряли Филина, потому что иногда на фоне

снегопада его белая фигура совершенно исчезала, но затем завеса истончалась, и Филин на несколько мгновений становился видимым, особенно в свете окон какой-нибудь таверны, прежде чем пропасть снова. Мэтью подумал, что в какой-то момент Филин может повернуть голову — почти полностью — чтобы проверить, нет ли за ним слежки. Однако уже в следующий миг он отбросил это опасение, решив, что белый капюшон в данном случае сыграет им с Джулианом на руку и не позволит этого сделать.

Они достигли района города, который был освещен множеством масляных ламп. Шатающихся пьяниц здесь стало заметно меньше, как и бушующих дебоширов. Таверны сменились более изысканными мюзик-холлами, театрами, кафе и ресторанами. Тем не менее, снегопад продолжался.

Внезапно Джулиан остановился и ухватил Мэтью за руку, потому что, оказавшись в следующем квартале, Филин остановил экипаж и быстро вскочил внутрь. Дверь захлопнулась, щелкнул кнут, и одинокая лошадь тронулась, недовольно фыркнув и выпустив облачко пара. Мэтью понял, что Филин специально пришел в более респектабельный район, чтобы поймать экипаж — в бедных кварталах их днем с огнем не сыскать.

— Черт! — воскликнул Джулиан. — Мы упустили его! Считай, все потеряно…

Однако потеряно было еще не все.

— Там! — Мэтью указал на вторую наемную карету, что неспешно двигалась вдоль фасада Мюзик-холла сэра Тодди. В следующий миг экипаж остановился, и из него вышли две пары в шерстяных и меховых пальто. Какая-то женщина засмеялась, и голос ее напоминал перезвон колокольчиков. Один из джентльменов игриво шлепнул ее по бедру, когда она направилась ко входу в мюзик-холл.

— Бегом! — скомандовал Джулиан.

Они бросились к карете.

— Желаете нанять экипаж, сэр? — спросил возница у Мэтью. Голос его доносился откуда-то из глубины утепленного пальто и заглушался потертой шапкой из бобровой шерсти.

Экипаж Филина все еще был в поле зрения и сейчас как раз собирался свернуть в сторону кольцевой развязки.

Мэтью указал:

— Следуйте за той каретой!

Джулиан уже залезал внутрь.

— О, черт! — воскликнул возница, заметно встрепенувшись. — Интрига!

Мэтью хотел удостовериться, что возница следует

правильным курсом, поэтому вместо того, чтобы забраться в салон, он ухватился за поручень и сел на к***о***злы. Кнут негромко щелкнул в холодном воздухе, конь застучал копытами, и Мэтью стал напряженно всматриваться вперед, словно борзая, идущая по лисьему следу. Или, в данном случае, как орел, летящий за более мелкой птицей.

Правда, кольцевая развязка вывела их на бульвар, где оказалось слишком много наемных экипажей. Мэтью пришлось мобилизовать все свое внимание и наблюдательность, и, невзирая на летящий в лицо снег, он упорно не сводил глаз с экипажа Филина, что маячил впереди. Джулиан тоже решил помочь. Он широко раскрыл дверь прямо на ходу, высунулся и стал наблюдать за целью.

Это трудно было назвать настоящей погоней: подводила механика. Ни экипаж Филина, ни экипаж Мэтью с Джулианом не могли набрать достаточную скорость в такую погоду, поэтому движение казалось чересчур медленным.

В какой-то момент Мэтью испугался, что его возница сейчас врежется в коляску, что впереди них совершенно внезапно отклонилась от курса, чтобы избежать другого экипажа, поворачивающего справа.

— Тпру, Гермес! — воскликнул возница, стараясь избежать столкновения. Казалось, каким-то необъяснимым образом конь откликнулся на голосовую команду так, будто почувствовал, что именно ему нужно сделать, и вовремя отклонился в нужную сторону.

Экипаж Филина повернул на север, и возница Мэтью последовал за ним. Мэтью показалось, что он слышит, как мужчина посмеивается — его, похоже, забавляла вся эта шумная суета, которая, вероятно, редко попадалась ему во время его обычной степенной ночной работы.

— Кого мы преследуем? Вора, укравшего драгоценности, или неверную жену? — поинтересовался возница. Он крикнул это прямо в ухо Мэтью, и тот вздрогнул от неожиданности.

Ответ последовал от Джулиана:

— И то, и другое! — крикнул он. Это побудило возницу снова щелкнуть поводьями, и конь по имени Гермес едва не полетел.

Еще через несколько минут они достигли района Лондона, который был так сильно удален от «Сада Осьминога» и «Зеленого Пятна», что казался частью иного мира. Колеса экипажа хрустели по снегу, стелившемуся по дороге вдоль большого парка, где заснеженные ветви деревьев напоминали сказочных лошадей. Сосны окружали беседку, освещенную разноцветными фонариками, вывешенными специально к Рождеству. Сквозь

деревья по другую сторону парка можно было увидеть дома богачей, даже в этот поздний час освещенные множеством фонарей. В окнах и на широких верандах горел свет, будто дороговизна освещения ничего не значила для этих людей. Что ж, богачи всегда были особой породой.

Экипаж Филина продолжил огибать парк, приближаясь к огромному ряду богатых поместий. За ним неустанно следовал экипаж Мэтью.

— Помедленнее! — посоветовал Джулиан. Стало очевидно, что экипаж, в котором находится Филин, начинает замедляться, в то время как изгиб дороги выравнивался перед обиталищами тех, кто мнил себя лондонскими богами. Мэтью увидел, как коляска Филина остановилась перед высокими воротами. За ними начиналась дорога, окаймленная фигурно обрезанными деревьями, которая ярдов через двадцать подходила к ступеням огромного белокаменного дома с множеством наклонных крыш, покрытых снегом. Все окна этого огромного здания были освещены лампами, а само поместье было обнесено железным забором. У ворот стоял человек, одетый в длинную темную шинель, треуголку и шерстяную маску, защищавшую лицо от холода.

Мэтью увидел, как Филин поспешно вышел из экипажа и направился к воротам. Прежде чем Джулиан успел среагировать, Мэтью распорядился:

— Проезжайте мимо дома!

— Да, сэр, как скажете.

Мэтью и Джулиан оглянулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как Филина пропустили в ворота, которые тут же закрылись, и человек в белом пальто и капюшоне зашагал к крыльцу.

— Остановитесь чуть дальше, со стороны парка, — проинструктировал Джулиан.

Возница сделал, как было велено, и заставил Гермеса остановиться.

Мэтью заметил, что экипаж, который нанял Филин, все еще стоит у ворот. С этой точки обзора было видно, как Филин воспользовался дверным молоточком, чтобы объявить о своем присутствии. Через несколько секунд дверь ему открыл какой-то человек в темно-синей униформе, но определенно не похожий на грузного медведя с ярко-рыжей пламенной бородой.

Филин вошел в дом, и дверь за ним закрылась.

— Давай прогуляемся, — сказал Джулиан. — Возница! Нам нужно, чтобы вы оставались здесь. Это принесет вам еще шесть шиллингов.

Одну гинею удалось разменять на постоялом дворе, и Мэтью был уверен, что Джулиан получит одобрение Профессора Фэлла за относительную бережливость, потому что теперь перестал разбрасываться деньгами и стал тратить их только по необходимости.

Джулиан оставил свою седельную сумку и клинок в экипаже, после чего подошел к Мэтью, и они вместе двинулись к человеку у ворот. Снегопад чуть ослаб, хотя ветер все еще изредка поднимал колкие вихри. Мэтью показалось, что температура в этом году упала до небывало низких отметок. Привратника от лютого холода, похоже, спасала лишь шерстяная маска — без нее он бы и часа тут не простоял.

Джулиан потянул руку, чтобы провести ею по боку лошади, которая привезла сюда экипаж Филина, а затем повернулся к стражнику и сказал:

— Простите, сэр! Боюсь, мы заблудились в этой непогоде. Чей это дом?

Привратник ничего не ответил. Жесткие голубые глаза в специальных прорезях бесстрастно смотрели на вопрошающего.

— Нас пригласил к себе лорд Соммерсет. Это не его дом?

Привратник продолжал молчать. Однако ответ *был дан*: мужчина нырнул рукой в перчатке в свою шинель и показал пистолетную рукоять.

— О! — воскликнул Джулиан, изображая удивление и обиду. — Простите еще раз. Вероятно, мы ошиблись адресом! Идем, *Сэмюэль*. — Он потянул Мэтью за рукав, призывая вернуться к их карете, что ждала их дальше по дороге. Прежде чем последовать за спутником, Мэтью бросил еще один взгляд на особняк и увидел на самой высокой его крыше большое мансардное окно в форме полумесяца. Как и другие, оно было освещено лампой. По другую сторону стекла на постаменте он рассмотрел корабельный штурвал, предположительно установленный на полу.

Дом адмирала, — подумал он. — *Браво, Джулиан!*

Он отвернулся, чувствуя на себе прожигающий взгляд привратника.

Глава десятая

— Подождите минутку, — попросил Джулиан, когда они вернулись к своему наемному экипажу. — А это у нас что?

Мэтью повернулся, чтобы взглянуть в указанном направлении и увидел еще одну карету, выезжающую из-за парка. Копыта запряженных в нее лошадей глухо стучали по снежному насту.

— Вы нашли того, кого искали? — поинтересовался возница Гермеса со своего места.

— Пока нет, — ответил Джулиан, с прищуром взирая на приближающийся экипаж, — но ночь же только началась.

— Думаю, дело уже близится к полуночи, — заметил возница. — Хотя, может, вы это и имели в виду под «только началась»? А я вот слишком стар, чтобы дрожать здесь всю оставшуюся жизнь!

— Подождите еще немного, пожалуйста, будьте так любезны. — Джулиан и Мэтью проследили, как вновь прибывший экипаж замедлил ход, а затем остановился прямо перед воротами. — Я смотрю, это место сегодня очень популярно, — заметил Джулиан. — Интересно, что там происходит.

Из экипажа вышли двое мужчин, и выглядели они так, будто только что сбежали из цирка. На первом была огромная шуба из шкуры белого медведя, белый шарф, закрывающий нижнюю часть лица, и ярко-красная треуголка с полудюжиной разноцветных перьев, торчавших из-под золотой ленты. Второй мужчина, выше и худее первого, щеголял в длинном пальто из какой-то темно-серой кожи — *Может, тюленьей?* — подумал Мэтью, — с желтым шнуром вместо пояса, а на его нелепом кучерявом белом парике красовалась пурпурная, как новоиспеченный синяк, треуголка. Мэтью мельком увидел его лицо, выкрашенное в мертвенно-белый цвет. Над глазами алели яркие нарисованные дуги, по-видимому, служившие бровями. Клоун, не иначе!

— В город приехал карнавал, — ухмыльнулся Джулиан. — Что ж, посмотрим, что эти двое будут делать дальше.

Вновь прибывшие подошли к воротам. Человек в медвежьей шубе полез в карман, извлек оттуда что-то и продемонстрировал привратнику, на что тот кивнул и открыл ворота. Затем странная парочка прошествовала по подъездной дорожке и поднялась на крыльцо, где Сэр Белый Медведь постучал молоточком в дверь. Через мгновение она открылась, и из-за нее выглянул все тот же человек в униформе. Оба посетителя вытянулись по стойке смирно и резко щелкнули каблуками.

— Пруссаки, — шепнул Джулиан. — У них на фраках должны быть еще военные отличительные знаки.

Пруссаки, — мысленно повторил про себя Мэтью, и невольно ощутил, как желчь обжигает ему внутренности. Единственным известным ему пруссаком был смертоносный фехтовальщик граф Антон Маннергейм Дальгрен, который в данный момент должен был уже перевариться в брюхе той атлантической акулы, которой удалось его сцапать.

Человек в униформе, стоявший в дверях, что-то сказал. Сэр Белый Медведь кивнул, а затем они с Клоуном спустились по лестнице, не изменяя своей удивительно величественной манере держаться. Дверь особняка закрылась — по-видимому, все дела были решены. Посетители вышли за ворота, и бесстрастный привратник закрыл их за ними. Подойдя к своему вознице, Сэр Белый Медведь отдал распоряжение, после чего странная парочка забралась внутрь экипажа и закрыла дверь. Щелкнул хлыст, раздался негромкий скрип, и экипаж тронулся с места, миновав Мэтью, Джулиана, их продрогшего кучера и фыркающего паром Гермеса.

— А вот это настоящая интрига! — сообщил Джулиан. — Теперь следуйте за той каретой!

— Интрига или нет, но моя задница превратилась в айсберг! — пожаловался возница, хотя все же разблокировал тормоз, когда Мэтью снова сел рядом с ним, а Джулиан занял свое место в экипаже.

С ударом хлыста по воздуху Гермес тронулся в путь, и на этот раз цель было легко не терять из виду, держась на приличном расстоянии — казалось, в этом холеном районе других экипажей сейчас попросту не было.

Через некоторое время слежка вернула их на оживленные бульвары и улицы города. Мэтью показалось, что Рождество сделало Лондон еще больше похожим на улей — количество людей на улицах поражало воображение, несмотря на поздний час. Со всех сторон навстречу им неслись наемные экипажи, сворачивая то в одну, то в другую сторону, Мэтью же не сводил глаз с того, на котором ехали два клоуна — пруссака, если верить чутью Джулиана.

Еще через десять минут они притормозили там, где Бенсон останавливал карету некоторое время назад, чтобы выпустить Тарлентортов — перед покрытыми красным ковром ступеньками под красным навесом, что защищал вход в гостиницу «Герб Мейфэра». Это было огромное элегантное здание из коричневого камня, по сравнению с которым лучшая гостиница Нью-Йорка «Док-Хаус-Инн» выглядела почти как «Сад Осьминога». Здание

было четырехэтажным, с башенками, похожими на небольшие замки, по углам и целым лесом труб, из которых неиссякаемым потоком валил дым, сливавшийся со снегопадом. Оба предположительных пруссака стали высаживаться из кареты, дверцу им радушно придерживал лакей в красной ливрее, в десятитонном белом парике и белых чулках до колен.

Когда возница Гермеса остановил экипаж позади преследуемой кареты, Мэтью увидел Сэра Белого Медведя, державшего в руках маленький коричневый саквояж. Он жестом указывал на заднюю часть экипажа, видимо, прося помочь ему распаковать вещи, что лежали под зашнурованным брезентом на багажной платформе. Лакей в свою очередь дунул в свисток, и на его зов прибежали двое других слуг, одетых в точно такую же униформу. Сэр Белый Медведь расплатился с возницей сверкающим серебром, и они с Клоуном, поднявшись по ступенькам, вошли в «Герб Мейфэра». Весь этот короткий путь их сопровождал лакей, шедший впереди них и открывавший все закрытые двери, как будто у странных гостей не было собственных рук.

Джулиан вышел из кареты с седельной сумкой наперевес и клинком в ножнах, излучая сдержанность, собранность и решимость. Он вручил Мэтью шесть шиллингов, и тот передал их кучеру, который, приподняв шляпу, сказал:

— Спасибо, сэр, и удачи вам во всех ваших интригах!

Мэтью спрыгнул с облучка на землю. Джулиан меж тем отошел чуть дальше, наблюдая за тем, как убирают багаж, принадлежавший двум объектам их слежки. Брезент уже расшнуровали, и под ним обнаружились два больших сундука, четыре чемодана поменьше и четыре шляпных коробки. Слуги с трудом потащили один из сундуков в здание.

Как только благородный Гермес скрыл доверенную ему карету в снегопаде, Джулиан возвестил:

— Я думаю, мы должны им немного помочь. *Держи!* — Он бросил один из чемоданов Мэтью, а сам взял другой.

— Эй! Эй, вы! — окликнул их возница, кормивший в это время лошадь вялым яблоком. — Что вы там делаете?

— Мы часть делегации, — ответил Джулиан, вздернув подбородок. — А последний *слуга*, который так грубо со мной разговаривал, получил клинком по почкам. — Он демонстративно положил руку на рукоять оружия.

Возница надвинул шляпу на глаза, давая понять, что не желает ничего больше видеть, после чего пожал плечами и пробормотал:

— Мне проблемы не нужны.

— Пойдем, Манфред! — небрежно позвал Джулиан.

Они поднялись по покрытым красным ковром ступеням и, пройдя через двойные дубовые двери, попали в «Герб Мейфэра».

Внутренняя обстановка произвела на Мэтью неизгладимое впечатление, но самым главным достоинством стало благословенное тепло и потрескивание поленьев в огромном камине, облицованном мраморной плиткой золотистого цвета. Картину дополняло множество элементов роскоши. В вестибюле разноцветные фонарики и ветви остролиста свисали изящными каскадами с дубовых балок высокого потолка. Трио музыкантов весьма недурно играло на двух скрипках и флейте. Несколько зон отдыха завлекали гостей мягкими кожаными креслами и диванами, стоявшими на гладких и отполированных темно-коричневых досках пола. А над всем этим — словно вишенка на торте — красовалась массивная люстра, в которой, должно быть, было не менее шестидесяти зажженных свечей.

Вдалеке Сэр Белый Медведь и Клоун стояли у стойки, за которой худощавый молодой человек в темно-синем костюме и белом парике записывал их имена в бухгалтерскую книгу. Несколько других постояльцев сидели рядом с музыкантами, наслаждаясь поздним концертом, в углу тихо тикали напольные часы, царящая атмосфера навевала мысли о спокойствии и довольстве — все казалось правильным в этом мире богачей.

Лакей поравнялся с Мэтью и Джулианом, снова направляясь к выходу, двое слуг следовали за ним по пятам. Первый сундук, а за ним и второй, были сгружены у широкой лестницы, устланной красным ковром. Деревянные статуи ангелов в человеческий рост, стоявшие по обе стороны лестницы, невозмутимо взирали на багаж, который еще предстояло затащить в комнату новоприбывших.

Джулиан протянул руку и поймал лакея за локоть, одновременно поворачиваясь спиной к стойке портье, которая находилась от него приблизительно в двадцати футах.

— Ну и как это понимать? Что за бардак у вас в *заведении*? — спросил Джулиан. Его голос был достаточно резким, чтобы выразить раздражение, но не настолько, чтобы насторожить, кого бы то ни было. — Неужели ваши гости должны сами таскать чемоданы в эту холодную ночь, и некому даже встретить их у экипажа?

— Я… Простите, сэр! Но час нынче поздний… да и из-за непогоды в моем распоряжении только эти двое слуг…

— Никаких оправданий! Это оскорбительно: мы проделали слишком долгий путь, чтобы к нам относились как к простолюдинам! Твое имя?

Пока перед ним разворачивалась вся эта сцена, Мэтью заметил, как Джулиан украдкой бросает взгляд на стойку портье, и понял, что вся эта игра была затеяна лишь для того, чтобы потянуть время, пока пруссаки не покинут вестибюль. Сэр Белый Медведь и Клоун явно торопились, потому что ключ уже был у них в руках, и клерк широким жестом указал на лестницу.

— Стойте на месте, пока я с вами разговариваю! — продолжал Джулиан, и двое несчастных слуг — оба молодые мальчишки, выглядящие ужасно неловко в своих париках и туго застегнутых мундирах, — встали позади лакея, словно ища его защиты, насколько испуганные мыши могут искать защиты у тощего пугала. — Мой помощник и я посетили много гостиниц по всей стране, да и в Европе тоже, и я просто поражен отсутствием…

Мэтью толкнул его локтем. Объекты их интереса поднимались по лестнице своей быстрой военной походкой.

— Впрочем, на свой страх и риск можете продолжать в том же духе, — бросил Джулиан своим слушателям и тут же освободил их от своего осадного поведения, двинувшись к стойке портье. Мэтью не отставал от него ни на шаг.

Добравшись до своей цели, Джулиан водрузил на стойку чемодан, который так и не выпустил из рук.

— Бронь на имя Рэндольфа Моубри, — возвестил он, — и его помощника, мистера Споттла. — Пока портье искал в гроссбухе имена, которых там не было, Джулиан добавил: — Там должен быть указан *граф* Рэндольф Моубри.

— Конечно, — ответил клерк, хмуря брови и пробегая пальцем по пометкам в своем гроссбухе. — Странно… я не вижу таких имен.

— Бронь сделал наш агент некоторое время назад! Мы прибыли в составе прусской делегации! С теми двумя джентльменами, которые разговаривали с вами только что. Мы *переводчики*, — надменно сообщил Джулиан, — и хотели бы занять комнату рядом с их номером.

— Гм… сэр… не думаю, что смогу…

— Очень красивый вестибюль, — с улыбкой перебил его Джулиан, но в его голосе все еще слышалось презрение. — Я бы сказал, что он вполне сравним с вестибюлем «Империале» в Кенигсберге. Не так ли, мистер Споттл?

— Можно и так сказать, — ответил Мэтью, недоумевая, откуда взялось это нелепое прозвище.

— Номер рядом с нашими клиентами, — потребовал Джулиан. — Мы только что сошли с корабля, нам нужно побриться и помыться — как вы, наверное, и сами видите. Видит

бог, нам хватило злоключений за эту поездку: остальной наш багаж задержали в порту из-за какой-то ошибки! — Он поднял сжатую в кулак руку повыше, чтобы показать свое раздражение. — Поэтому мы не в том настроении, чтобы терпеть еще какие-то ошибки! Номер, пожалуйста. И поживее, будьте любезны.

— Что ж… Граф Моубри… я могу предложить вам комнату на том же этаже, но… это не будет роскошный Гранд-Люкс, как у графа Пеллегара...

— Вы издеваетесь? В каком чулане, бога ради, вы вздумали нас поселить? — Он терпеливо вздохнул, делая вид, что с неимоверным трудом берет себя в руки. — Ладно, на первое время можно обойтись и обычной *комнатой*, пока вы не разберетесь со своими бумагами. Как далеко эта комната от номера графа Пеллегара? — Джулиан произнес это имя так, словно оно не сходило с его языка денно и нощно.

Портье, казалось, чуть вспотел.

— Номер двадцать шесть на втором этаже в конце коридора. Граф Пеллегар и барон Брюкс в двадцать первом. Комната подготовлена для джентльмена, который еще не прибыл, но я смогу разместить его в другом номере. К сожалению, из вашего окна будет открываться вид на кирпичную стену…

Джулиан с отвращением нахмурился.

— Ужас! Не поездка, а сплошная катастрофа! — Он вздохнул, нарочито устало потерев переносицу. — Впрочем… я полагаю, на первое время и это терпимо. Надеюсь, когда-нибудь персонал гостиниц научится предотвращать подобные ошибки бронирования.

— Да, я тоже на это надеюсь, Ваше Сиятельство. Подпишите здесь, пожалуйста. И могу ли я попросить предоплату в размере двух гиней за ночь?

— *Две гинеи*? Но ночь почти закончилась! И с таким неприглядным видом из окна и пренебрежительным отношением к нашему приезду?.. — Джулиан прервал свою возмущенную речь. — Как насчет гинеи за сегодняшнюю ночь, а завтра, когда все уладится, мы заплатим за оставшуюся часть нашего пребывания?

Клерк явно опешил от такого предложения, потому что он несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, прежде чем выдавил:

— Я не совсем понимаю, что вы имеется в виду, Ваше Сиятельство, но…

— Тогда договорились! — Джулиан уже вытаскивал клинок, что вызвало у клерка еще несколько секунд замешательства, но выражение его лица смягчилось, когда он увидел золотую гинею, которую «граф Моубри» извлек из кошелька и аккуратно положил

точно в центр раскрытой книги.

— Когда вокруг столько негодяев, осторожность не бывает излишней, — обронил Джулиан, убирая кошелек и возвращая клинок на место. — Мы сами донесем чемоданы. Не хватало еще, чтобы какая-нибудь *ошибка* вышла с нашим настрадавшимся багажом. Ключ, будьте так любезны!

Портье с тяжелым вздохом протянул ему ключ.

— *Спотпл*? — прошипел Мэтью, пока они поднимались по парадной лестнице.

— Так звали бродячую собаку, которую я взял к себе, когда был еще мальчишкой, — развел руками Джулиан. — Мне пришлось сочинять на ходу. Если интересно, человека по имени Рэндольф Моубри я прикончил лично. О, это было довольно давно, так что он не будет возражать.

Коридор второго этажа тоже был устлан красным ковром. Мэтью отметил, что на каждом этаже всего шесть комнат — по три с каждой стороны.

Отпирая дверь с номером двадцать шесть в дальнем конце коридора, Джулиан тихо сказал:

— Подождем, пока доставят их багаж и всё успокоится. Мы же не хотим, чтобы нам помешали и испортили весь праздник?

Мэтью боялся чего-то подобного, но знал, что этого не избежать. Им нужно было попасть в комнату номер двадцать один и выяснить все, что можно, а это означало, что склонность Джулиана к насилию может вырваться на свободу.

Окно их комнаты выходило на кирпичную стену, но пространства здесь было раза в три больше, чем в молочной, которую в Нью-Йорке Мэтью называл своим домом. Три керосиновые лампы, горевшие в комнате, отбрасывали веселый свет и говорили о заботе, которую «Герб Мейфэра» выказывал своим гостям, следя за тем, чтобы к приезду джентльмена, забронировавшего номер, тот был освещен. По сути, эта «комната» представляла собой целую квартиру, обставленную с хорошим вкусом: средневековый гобелен покрывал одну из стен, рядом с дубовым столом стояли черные кожаные кресла и длинный черный кожаный диван. Также здесь находилась кровать с балдахином и с резной спинкой. В комнате слабо пахло китовым жиром, но в основном очистителем кожи и свежим бельем. Расстраивал лишь вид из окна.

— Тут, наверное, даже ночной горшок с позолотой, — буркнул Джулиан, ставя украденный чемодан на пол.

Поставив свою ношу на одно из кресел, Мэтью направился к умывальнику, обнаружив около раковины небольшое зеркало на подставке, кусок мыла, полотенце и бритву.

— Источник воды, должно быть, в подвале, где денно и нощно трудятся простые смертные, — хмыкнул Джулиан. Он снял с плеча седельную сумку и бросил ее на кровать. За ней последовал и клинок.

— Возможно, — отозвался Мэтью. — Наверное, к нам скоро придем слуга с водой. — Он посмотрел на себя в зеркало и увидел усталого незнакомца с четырехдневной щетиной на лице. Выглядел ли он когда-нибудь таким старым и встревоженным?

Джулиан снял треуголку. Его светлые волосы стояли дыбом, словно копна сена, которую взрыхлили вилами. Он опустился в свободное кресло, снял с ботинок маленькие шпоры и положил ноги на стол. Зевнув, он с удовольствием потянулся, и на его плечах заметно проступили мускулы.

— Черт, будь моя воля, я уснул бы прямо сейчас и провалялся бы так до самого утра. Мечты-мечты! — Он вздохнул и встрепенулся. — Знаешь, меня сильно заинтересовал саквояж, который Пеллегар держал при себе. Как думаешь, у него там ценные документы?

— Не знаю. — Мэтью отвернулся от зеркала. — Ты ведь не собираешься сегодня никого убивать?

— Ни в коем случае! Если только меня не вынудят.

— Как насчет того, чтобы *вообще* воздержаться от убийств?

— Ах, — осклабился Джулиан, — канатоходец! Балансируешь между своими ценностями и своей целью! А что, если придется пойти на убийство ради спасения твоей Берри, и другого выхода не будет? Неужели откажешься? — Он прищурился. — Ну, что скажешь?

— Скажу, что на такой высоте мне еще не приходилось балансировать.

— Уклонение от ответа, — хмыкнул Джулиан, и глаза его снова стали жесткими, — может привести к падению.

Мэтью не нашелся, что ответить, учитывая, что даже размышлять на эту тему не хотел слишком долго. Он сел в одно из кресел, снял треуголку, шерстяную шапочку и перчатки, откинул голову назад и подумал, что тоже может проспать до утра — если не дольше — стоит только прикрыть глаза.

Через некоторое время в дверь постучали. Джулиан тут же вскочил и прошел мимо кресла Мэтью.

— Кто там? — поинтересовался он.

— Горячая вода, Ваше Сиятельство.

Это был слуга, принесший в качестве своеобразного подарка большой керамический кувшин с металлической крышкой на петлях. Из маленьких отверстий в крышке поднимался пар, а кувшин был такой горячий, что юноша для защиты рук надел

мягкие кожаные перчатки. Он открыл крышку, под которой обнаружился носик, налил воды в умывальник и поставил принесенную емкость поверх него.

— Я могу еще что-нибудь сделать для вас, господа? — спросил он. — Может, желаете еще лампу или две? Таверна «Мейфэр» закрывается через полчаса, вам нужна еда или эль?

— Сегодня нам ничего больше не понадобится, — ответил Джулиан и дал слуге пару шиллингов. — О! — воскликнул он, прежде чем тот открыл дверь, — Мы прибыли с прусскими джентльменами из двадцать первого номера. Их багаж уже принесли?

— Да сэр. Но… они говорят, что у них пропали два чемодана, и, похоже, что их забыли снять с экипажа, или… не знаю, что там еще могло случиться, сэр… иногда ошибки неизбежны...

— Действительно. И за этими джентльменами ухаживают так же, как вы ухаживаете за нами? — Джулиан смягчил тон, потому что и он, и Мэтью понимали, что слуга может удивиться такому интересу. — Нам платят за то, чтобы они чувствовали себя комфортно, — объяснил он. — Они привередливы.

— Понимаю. Да, сэр, я принес им горячую воду до того, как принес ее вам.

— И они больше ничего не попросили? Я имею в виду… на английском, в меру того, как они его знают?

— Лысый джентльмен очень переживает из-за пропавших чемоданов, но он просил обеспечить им только тишину и покой, — сказал юноша. — Больше ничего.

— Отлично. Очень приятно знать, что они устроились на ночь. Тогда спасибо и спокойной ночи.

Юноша распрощался и ушел с шиллингами в кармане.

Когда дверь снова закрылась, Джулиан повернулся к Мэтью.

— Кто-то очень скоро сложит два плюс два — или этот клерк, или его управляющий — и тогда нас начнут расспрашивать о пропавших чемоданах. Но мне кажется, они не додумаются до этого сегодня вечером.

Он пересек комнату и взялся за клинок и ножны, но передумал. Не успел Мэтью выдохнуть с облегчением, как Джулиан положил руку на свой пистолет, который сейчас был скрыт под плащом.

— Что ж, — выдохнул он, расправляя плечи, — давай встретимся с соседями и вернем им их багаж, что скажешь? И не волнуйся, Мэтью. Эти двое похожи на безобидные клубы пыли, так что я серьезно сомневаюсь, что сегодня вечером придется кого-то убивать.

— Сказал человек с четырехствольным пистолетом, —

съязвил Мэтью, вставая на ноющие ноги.

— В сопровождении человека с пистолетом и кинжалом, — парировал Джулиан. Он снова надел треуголку и наклонил ее под привычным щегольским углом. — Если кто и вырядился для убийства, так это ты. Давай же пойдем и успокоим их встревоженные прусские умы.

Глава одиннадцатая

Джулиан оглядел коридор. В поле зрения никого не наблюдалось. Он держал в руках один чемодан, а Мэтью, замерший позади него, держал второй. Джулиан кивнул напарнику, а затем направился к двери двадцать первого номера и постучал.

Прошла минута тишины. Затем из-за двери раздался голос:

— Was ist es?[14]

— Прошу простить за вторжение, — тихо произнес Джулиан, почти касаясь губами двери, — но мы с другом нашли ваш пропавший багаж.

— Gepäck? Это… *багаж?* — Дверь достаточно широко открылась, чтобы можно было разглядеть за ней лицо, блестящее от какого-то жирного косметического крема.

Это был высокий бледный угловатый человек с тонким носом, слегка свернутым вправо, крутым высоким лбом и совершенно лысой головой. Мэтью мельком заметил халат оттенка темного пурпура под заостренным подбородком мужчины. Под поредевшими пучками светлых бровей глаза на этом бледном лице были глубоко посажены и черны, словно чернила. Эти пронзительные глаза уставились на два чемодана, секунду спустя признали их, и человек воскликнул:

— Ах! Да!

— Карло! Sie haben unsere fehlenden Falle gefunden?[15] — крикнул второй человек, находившийся в глубинах номера.

— Ja! Diese beiden Manner haben sie genau hier![16]— ответил ему первый.

— Их доставили в наш номер по ошибке, — продолжил Джулиан. Он держал чемодан перед лицом пруссака левой рукой. — Вы хоть немного говорите по-английски?

— Да, я говорю. — Человек открыл дверь шире и протянул руку, чтобы забрать первый чемодан у Джулиана. — Восхитительно! Я боялся, что мы не…

— Занимательно, что вы решили использовать слово «боялся», — перебил Джулиан. Он резко опустил чемодан и явил свой устрашающий пистолет, который держал в правой руке и маскировал похищенным багажом. Четыре ствола посмотрели прямо в лоб пруссака. — Страх — мое второе имя. Руки за голову и вернитесь в номер! Пожалуйста.

Глаза мужчины, казалось, еще сильнее запали и потемнели. Тонкий рот исказился.

— Если это ограбление, вы должны знать…

Пруссак оборвался на полуслове, когда его собственный чемодан полетел ему в лицо, грубо затыкая ему рот. Он отшатнулся, потерял равновесие и, издав сдавленный возглас, повалился с высоты своего роста прямо на полированные дубовые половицы. Джулиан и Мэтью быстро вошли в номер. Мэтью закрыл дверь.

— Запри! — скомандовал Джулиан. Впрочем, Мэтью уже знал, что надо делать и исполнил это указание загодя.

Нищим не приходится выбирать, — думал он. И боялся, что в скором времени выбора у него действительно не останется.

Мужчина приподнялся с пола, лицо его было искажено гримасой ярости, разбитая нижняя губа и подбородок были измазаны кровью.

Внезапно второй пруссак — более высокий и худой — вошел в комнату из второй, что примыкала к ней. Он был одет в белую ночную рубашку с вышивкой в виде черных бриллиантов. Мэтью успел подумать, что этой сорочке не хватает только кружевного воротничка, и выйдет отличный клоунский костюм.

Когда завязалась потасовка, этот человек, похоже, смывал с себя белый грим и, испуганный шумом, прервался на половине. Левая сторона его лица была жуткого оттенка рыбьей чешуи, но над глазом все еще осталась багровая дуга брови. Голову мужчины венчала коричневая тюбетейка, из-под которой торчали уши и выбивались волосы, до этого прикрытые гигантским белым париком, ныне покоившимся на специальной подставке, установленной прямо на центральном столе комнаты. Поверх него была нахлобучена все та же треуголка, напоминавшая по раскраске свежий синяк.

Клоун бросил единственный взгляд на незваных гостей, ворвавшихся к ним в номер, и тут же метнулся в угол комнаты, где Мэтью приметил колокольчик с красным бархатным шнурком, предназначенный для вызова обслуги. Пока второй пруссак тянулся к колокольчику, Мэтью осознал, что у него нет выбора, кроме как швырнуть в него чемодан, который он все еще держал в руках. Прямого удара по голове не получилось — вышел косой по плечу, однако и его вполне хватило, чтобы сбить Клоуна с намеченного курса. Едва обретя равновесие, Клоун увидел, что пистолет Джулиана смотрит прямо на него, и вмиг обратился в соляной столп.

Джулиан замер над сидящим на полу мужчиной.

— Граф Пеллегар, я полагаю? — Ответа не последовало. — Отчего-то мне кажется, что именно вы тут главный. Граф, я ненавижу, когда люди отказываются подчиняться. Это ведет к

страшному беспорядку, если вы понимаете, о чем я.

— Du kannst meinen Arsch kussen, du Schwein![17] — выплюнул граф, отерев рот рукавом. Он не сводил с Джулиана ненавидящего взгляда своих черных глаз.

— Прозвучало не очень дипломатично. Я знаю, что вы говорите по-английски. А вот насчет барона Брюкса я не уверен. Так что? Говорите? — поинтересовался он у Клоуна.

— Antworte ihm nicht, Jendrik[18], — приказал Пеллегар.

— Боже правый! — закатил глаза Джулиан. Он искоса взглянул на Мэтью, который пристально следил за Брюксом, чтобы удостовериться, что тот снова не бросится к колокольчику. — Похоже, нам не удается наладить взаимопонимание. Но у меня есть решение. — Он направил пистолет прямо в лысую голову Пеллегара.

— Ха! — насмешливо сплюнул кровью тот. — Ты не посмеешь выстрелить здесь из этой уродливой штуковины! Половина гостиницы сбежится к этой двери и вышибет ее. И по какой-то очень маленькой, но *очень важной* причине, я уверен, что тебе бы этого не хотелось.

Мужчина говорил без намека на прусский акцент.

— Вы же англичанин, — качнул головой Джулиан. — К чему этот прусский маскарад?

— Никакого маскарада нет. Я родился в Англии. Но рос и воспитывался в Пруссии. Служил в почетной армии этой страны и был удостоен титула и поместья. А вы, я полагаю, простые воры, которые каким-то образом осквернили это заведение своим присутствием и… ох, да к черту! Я встаю.

Он поднялся, и Джулиан отступил на шаг, продолжая направлять на графа пистолет.

— Bleib einfach, — обратился Пеллегар к Брюксу тихим, почти будничным тоном. — Diese Situation ist bereits unter Kontrolle[19].

Брюкс кивнул, после чего сел в кресло, скрестил тонкие ноги и улыбнулся Джулиану и Мэтью, как будто лицезреть их было для него в удовольствие.

Пока Джулиан обдумывал свой следующий ход, Мэтью быстро изучил взглядом номер и сразу понял, что назвать его роскошным было бы большим преуменьшением. Он, минимум, в три раза превосходил размерами их собственный, а спальня располагалась отдельно от гостиной. Черная кожаная мебель была похожей, но отличалась громадными размерами, а на стенах висело куда больше светильников. Слева, под свисающим гобеленом с изображением волчьей охоты, стоял небольшой, но очень красивый клавесин на тонких изящных ножках, отделанный

позолотой и красной краской и украшенный пасторальными сценами на внутренней стороне приподнятой крышки деки. Большая голубая ваза с яблоками, клементинами и пастернаком стояла на столе рядом с креслом Брюкса. Позади барона располагалось окно, из которого открывался вид на южную часть заснеженного города. Мэтью отметил, что снегопад продолжался.

— Итак, — начал Пеллегар, пошевелив ушибленной челюстью, — вы что, пришли сюда, чтобы просто пялиться на нас, как идиоты? Что вам нужно?

— Я полагаю, вы прибыли недавно на корабле?

Граф пожал плечами.

— И вы сделали остановку у одного дома, прежде чем приехать в гостиницу? — спросил Джулиан. — Рискну предположить, что заехали вы туда *именно для того*, чтобы узнать, где вам надлежит остановиться на ночь? — Джулиан не ждал ответа, потому что знал, что Пеллегар не собирается ему помогать. — Чей это был дом?

— Какой еще дом? — криво ухмыльнулся Пеллегар.

— Нет! — неожиданно воскликнул Мэтью, заставив Джулиана подпрыгнуть от неожиданности. Он достал из-под плаща свой пистолет, потому что заметил, как Брюкс тянется к яблоку из чаши, и ничто не помешало бы ему швырнуть фрукт в лицо противникам.

Брюкс непонимающе уставился на него. Мэтью постарался вспомнить хоть что-то из странного языка, на котором разговаривал Дальгрен, и скудных запасов его памяти хватило лишь на:

— *Nein!*

Сказав это, он помахал пистолетом из стороны в сторону и продолжал это делать до тех пор, пока Брюкс не прижал руку к груди и не нахохлился, словно голубь, усевшийся на церковный выступ.

— Чей это дом? — повторил Джулиан, держа пистолет наготове.

— Я хочу сесть, потому что у меня ушиблен копчик. Не против? — Пеллегар отошел от Джулиана и уселся на диван. Устроившись поудобнее, он вытянул ноги и сложил руки на груди. — Я понятия не имею, кто вы двое такие, но, похоже, это не ограбление… или *не совсем* ограбление. Вы пришли сюда, чтобы украсть информацию, так?

— Я знаю, что это дом адмирала Королевского флота, — упорствовал Джулиан. — Мне нужно имя.

— А я хочу, чтобы передо мной появилась большая порция вайслаккера[20] и тарелка пшеничных крекеров. Но ведь не всегда

удается получить то, что хочешь. И что вы собираетесь делать теперь? Пристрелите нас ради этого имени?

Взгляд Мэтью упал на коричневый саквояж, который Пеллегар оставил на низком столике рядом с клавесином. Он сказал:

— Для начала взглянем на это, — и сделал несколько шагов к сумке. Она оказалась намного тяжелее, чем ему думалось. У нее были две металлические застежки, обе с замочными скважинами.
— Заперто, — сообщил Мэтью Джулиану, поняв, что расстегнуть застежки без помощи ключа не выйдет.

— Где ключ? — строго спросил Джулиан у Пеллегара. Тот не сдвинулся ни на дюйм со своего места, а лишь продолжал улыбаться, как и барон Брюкс.

— Я вот, что вам скажу, господа, — поучительно начал Пеллегар, — вы играете с огнем, и если вы немедленно не покинете эту комнату, я лично позабочусь о том, чтобы вы оба сгорели дотла.

— О, в самом деле? — Джулиан решительно двинулся вперед и приставил четырехствольный пистолет к губам Пеллегара. Тот даже не отклонился, продолжая улыбаться своему дознавателю.
— Я не убью вас, — примирительно сказал Джулиан. — Но если вы не отдадите мне ключ, ваш косметический крем уже вряд ли вам поможет, потому что он никак не замаскирует выбитые зубы.

Пеллегар откинул голову на несколько дюймов назад.

— Er will den Schlussel zum Koffer[21], — обратился он к барону. — Ich werde gehorchen. Mach dich bereit[22].

Брюкс ухмыльнулся и кивнул.

Пеллегар поднялся, чем заставил Джулиана отступить на пару шагов.

— Осторожнее, господа, — мягко сказал Пеллегар. — Мы не желаем кровопролития.

— Это зависит от вас.

— Действительно.

Почему-то Мэтью не понравилось, как это прозвучало. Он наблюдал, как граф поднял обе руки за голову и расстегнул застежку на шее. В следующий миг он протянул Джулиану маленькую золотую цепочку, обернутую вокруг пальцев его правой руки. В воздухе на ней болтался маленький ключик.

— Милости прошу, — сказал он. Его ушибленная челюсть гротескно исказилась.

Джулиан протянул руку, чтобы взять ключ.

Граф Пеллегар выронил его, прежде чем Джулиан успел его схватить.

В тот же миг взгляд Джулиана оторвался от лица Пеллегара,

чтобы проследить за падающим ключом, и граф бросился в атаку. Его левая рука метнулась к руке Джулиана, державшей пистолет, чтобы отвести оружие в сторону. Правая сделала сильный замах и врезалась прямо в подбородок Джулиана. Треуголка отлетела в сторону.

Примерно в то же время Брюкс схватил вазу с фруктами и запустил ее в Мэтью, который внезапно обнаружил, что его обстреливают яблоками, клементинами и пастернаком. Фрукты больно ударили его по голове и плечам. Следом за ними появился и сам Брюкс, только теперь он двигался не как сонный клоун, а как таран. Мэтью понял, что, не задумываясь, перехватил пистолет, как дубинку, потому что он не хотел никого убивать или ранить… но когда он уже собрался ударить им Брюкса по голове, тот вдруг схватил одну из своих тапочек, и она превратилась в его руках в смертоносное оружие. Ловким броском он выбил фиолетовой тапочкой пистолет из руки Мэтью, и пока тот оправлялся, Брюкс с рычанием поднял небольшой столик и запустил его в правое плечо юного решателя проблем. Мэтью вскрикнул от боли, но крик его заглушил грохот разбивающейся мебели. Дезориентированный этим неожиданным натиском, Мэтью рухнул на колени.

Столь же ошеломленный Джулиан, как только перед глазами перестали плясать разноцветные звездочки от удара кулаком в челюсть, согнулся от сокрушительного удара в центр груди. Из легких словно вышибло весь воздух, он задохнулся собственным криком и в тот же миг получил удар по левой стороне шеи. Вся левая рука мгновенно оказалась парализована. Пистолет был потерян.

Сквозь пульсирующую боль до него дошло, как и до Мэтью, что маскарадные костюмы Пеллегара и Брюкса отменно скрывали под собой сложение высококвалифицированных бойцов. А возможно, и убийц.

Облако поднятой пыли превратилось в настоящее торнадо с шипами. Не жалея ни сил, ни жестокости, граф Пеллегар ударил Джулиана коленом в корпус и, развернув его кругом, с большой силой впечатал его в ближайший столик.

Мэтью получил еще один молниеносный удар в бок, который, судя по ощущениям, запросто мог сломать ему несколько ребер. Задохнувшись от боли, он успел выставить руку и защититься от удара, что метил ему в лицо. Он попытался встать, когда Брюкс ухватил его сзади за шею и под мышку, после чего с удивительной силой толкнул на клавесин. Изящный инструмент рухнул, издав трагический стон и душераздирающий грохот. Послышался звон лопающихся струн.

Пеллегар поднял пистолет Джулиана, быстро осмотрел его с истинным исследовательским интересом, а затем пересек комнату, направившись к своему поверженному противнику — так спокойно, словно совершал прогулку по парку летним утром. Он небрежно оттолкнул в сторону обломки разрушенного столика и наклонился, чтобы приставить стволы устрашающего пистолета ко лбу Джулиана, пока тот поднимался на колени и старался прийти в себя.

Барон Брюкс вдруг взвыл от боли.

Он собирался нанести своему противнику еще один удар, который запросто мог стать смертельным, когда Мэтью вдруг развернулся на руинах клавесина и обнаружил, что под рукой у него оказалась струна, вылетевшая из сломанной деки. Судя по толщине, это когда-то была одна из низких нот, но Мэтью подумал, что теперь она послужит более высокой цели. Он рванулся вперед, взмахнул струной, словно плетью, и прочертил алую линию на бледном лбу Брюкса.

Услышав крик, Пеллегар невольно обратил внимание на источник звука. Джулиан не упустил спасительную секунду: он ухватился за руку, держащую пистолет, и отвел ее в сторону, параллельно пнув графа по правому колену, вложив в этот удар всю силу, что у него осталась.

Пеллегар взвыл и пошатнулся. Мелкие зубы сжались, чтобы приглушить боль, щеки вспыхнули, но пистолета он из руки не выпустил.

Джулиан вскочил, понимая, что если позволит боли замедлить его, он покойник. Собрав все силы в кулак, он нанес Пеллегару удар в челюсть, а затем — не дав себе ни секунды передышки — в висок. Пеллегар отлетел к стене, с отчаянием замахнувшись пистолетом с намерением сломать Джулиану ребра. Джулиан не допустил этого: он бросился на соперника и придавил пистолет всем своим весом.

Брюкс в страхе отступал от импровизированной плети Мэтью. Он пятился, пока не наткнулся на огромный парик, упавший со своего постамента на пол. Брюкс поднял парик и выставил его перед собой наподобие щита. Мэтью с прискорбием понял, что эта проклятая ватная куча может не только остановить его оружие, но и запросто задушить человека, погребя под собой его лицо.

Брюкс вновь пошел в наступление. Мэтью проследил за ним глазами и догадался, что он оценивает расстояние, готовясь бросить парик и накинуться на дезориентированного врага. Теперь отступать и просчитывать шаги пришлось Мэтью. Когда он оказался там, где хотел быть, он замер, и тут барон налетел на

него вихрем.

Мэтью бросил клавесинную струну, поднял обе руки, схватился за свисающий гобелен и обрушил его прямо на голову Брюкса. Барон слепо замахал руками. Мэтью отошел в сторону, позволяя противнику врезаться в стену, некстати оказавшуюся у него на пути. Оглядевшись, Мэтью заметил еще один предмет, способный сослужить ему хорошую службу. Он поднял отломанную ножку клавесина и ударил Брюкса по голове, прежде чем барон успел освободиться от гобелена с изображением волчьей охоты.

Джулиан и Пеллегар продолжали бороться за пистолет. Они действовали тихо, но с убийственной решимостью. Рука с вытянутыми пальцами, намеревавшимися ткнуть в глаза, метнулась к Джулиану, но он вовремя успел отклониться в сторону. В следующий миг он провел контратаку, изогнувшись и ударив локтем в лицо Пеллегара. Однако рассчитывать на падение противника не приходилось: Пеллегар оказался крепким орешком. Осознав это, Джулиан попытался как можно сильнее ударить графа коленом в пах. Удалось ему это лишь со второй попытки, и наградой стал полный боли хриплый стон Пеллегара. Колени противника подогнулись, и Джулиан сумел, наконец, завладеть пистолетом, направив все четыре ствола в голову графа. Столкнувшись с ним взглядом, он заметил, что чернильно-черные глаза будто потухли, и вся ярость из них испарилась. Он нанес три удара рукоятью пистолета по голове противника. После первого Пеллегар покачнулся, второй и третий заставили его рухнуть на колени, а затем на пол. Он начал ползти, судорожно хватаясь за остатки сознания и пытаясь отыскать хоть какое-то укрытие.

Мэтью вновь ударил Брюкса ножкой клавесина, и тот, наконец, упал и затих — все еще погребенный под гобеленом.

Пеллегар, задыхаясь, полз по полу. Сквозь пелену боли и пульсирующие ощущения в ребрах Мэтью наблюдал, как Джулиан подошел, чтобы поднять упавший парик. Что-то в его лице изменилось: оно выглядело изможденным, щеки словно впали, взгляд посуровел, хотя в глазах не было видно прежней дикой ярости, и именно это почему-то пугало Мэтью больше всего. *Плохой человек* — один из головорезов Профессора Фэлла — сейчас находился с ним в одной комнате, и вершить зло он собирался совершенно хладнокровно.

Джулиан пнул Пеллегара в бок, чтобы перевернуть его на спину. В следующий миг он оседлал его грудь и вдавил парик в лицо графа. Крепко удерживая своеобразный кляп одной рукой, второй он начал бить по лицу Пеллегара рукоятью пистолета.

Один удар… второй… затем еще, еще и еще. Когда на парике расцвело красное пятно, лицо Джулиана заблестело от пота.

— Джулиан! Не надо! — крикнул Мэтью. Собственный голос показался ему хриплым и чужим, но *плохой человек* не слушал.

Ноги Пеллегара продолжали дергаться, пока Джулиан методично его избивал, намереваясь забить до смерти. Впрочем, трудно было сказать, от чего Пеллегар погибнет быстрее: от побоев или от удушья. Когда ноги его жертвы замерли, Джулиан поднял парик, чтобы взглянуть на изуродованное лицо. Он взирал на дело своих рук совершенно бесстрастно. Затем он снова накрыл лицо Пеллегара и некоторое время продолжал избивать покойника, словно получал удовольствие от самих звуков наносимых ударов или просто надеялся, что сумеет выбить из тела остатки души и отправить их прямиком в ад.

Наконец Джулиан поднялся и, когда он подошел к Мэтью, решатель проблем из Нью-Йорка отшатнулся от него, потому что на лице его была Смерть. Джулиан стянул гобелен со стонущего барона Брюкса и опустился на колени, приготовившись разделаться с ним так же, как и с графом, однако он вдруг скривился от боли и ухватился за ушибленное плечо. Теперь, когда кураж спал, рука отказывалась снова поднимать тяжелый пистолет для ударов.

Джулиан посмотрел Мэтью в глаза и сказал:

— Возьми свой кинжал и убей его.

— Я не могу… никого убить.

— Бездарь, — закатил глаза Джулиан. Он устало отер пот со лба. — Тогда дай кинжал мне, и я это сделаю.

— Джулиан… нет, я не могу…

— Вот дерьмо! — с отвращением сплюнул Джулиан. И тут ему на глаза попалась подходящая вещица. Он потянулся к обломкам клавесина и вытащил тонкую струну, годившуюся в качестве удавки. Усевшись на спину Брюкса, пребывавшего на грани обморока, он прижал обе его руки к корпусу ногами, затем обмотал струну вокруг белого горла и начал тянуть концы, сводя их на середине.

Мэтью пришлось отвернуться. Конечно, ему и прежде доводилось быть свидетелем насильственной смерти, он не раз смотрел ей в лицо, но в хладнокровном убийстве было нечто иное. Мэтью и сам убивал — он фактически казнил графа Дальгрена — однако, то убийство было не таким. По крайней мере, ему хотелось в это верить, потому что отсечение веревки во время шторма на море не обязательно означало смертный приговор. Впрочем, трудно было вообразить, что Дальгрен рано или поздно не спустился на семь лиг в вечность. Тем не менее,

Мэтью понял, что пощадил бы даже Тирануса Слотера, если б у него был выбор. Но *это*… Эта казнь вызывала у него отвращение и заставляла его избитое тело содрогаться, когда он слышал отвратительное сиплое дыхание, вырывавшееся из раздавленного горла, и предсмертный стук ног по полу.

Казалось, это длилось целую вечность.

— Этот ублюдок, — процедил Джулиан сквозь стиснутые зубы, — не желает дохнуть. Сука, да я… — он сделал паузу, сводя концы проволоки более яростно. — Сука, да я скоро сам грохнусь в обморок, — закончил он.

Наконец, когда Мэтью уставился на пол, раздался последний грохот, ноги перестали отбивать свою предсмертную дробь, и Джулиан устало вздохнул.

— Он чуть не прикончил меня. — Встав, он поморщился, пошатнулся и привалился к стене, тяжело дыша. Взглянув на Мэтью, он поймал на себе его полный отвращения взгляд, и его лицо с покрасневшими глазами, озарилось мрачной ухмылкой. — Это необходимо было сделать, — сказал он. — Ты знаешь это не хуже меня. Но если это как-то изменит твое мнение обо мне — хотя мне на это плевать — завтра я начну с чистого листа.

Однако завтра могло и не наступить, потому что кто-то вдруг с силой забарабанил в дверь, и из коридора донесся голос:

— Простите! Простите, что у вас там происходит?

Глава двенадцатая

Указательный палец, покрасневший и распухший от долгого знакомства с проволокой, взлетел к губам Джулиана, призывая к тишине.

— Это ночной управляющий! — сообщил человек за дверью. — Откройте *немедленно!*

— Отойди подальше, — шепнул Джулиан Мэтью, а затем крикнул: — Иду, сэр!

Он приблизился к двери, но прежде, чем ответить на стук, перевел дыхание, отер рукавом лицо и, насколько смог, пригладил волосы. За дверью ожидал краснолицый коренастый мужчина в сером костюме и темно-синем галстуке, болтавшемся под тремя подбородками. За спиной ночного управляющего, почти скрытый его массивной фигурой, стоял тот самый паренек, который принес горячую воду в номер двадцать шесть.

— Что тут происходит? — требовательно спросил мужчина. Его мохнатые брови возмущенно подскочили вверх и тут же опустились. — Поступила жалоба на шум из соседнего номера. А внизу, в вестибюле уже люстра ходуном ходит!

Джулиан встал так, чтобы ночной управляющий не смог увидеть лежащее на полу тело под окровавленным париком. Он взял пример с графа Пеллегара и открыл дверь настолько, чтобы в нее могло высунуться только лицо.

— Мне очень жаль, — виновато произнес Джулиан. Голос его преисполнился ангельского смирения. — Я граф Моубри, переводчик прусской делегации. И я прошу прощения за причиненное беспокойство.

— Извинений недостаточно, сэр! Судя по звукам, кто-то крушил нашу мебель — *портил* имущество гостиницы. Будь я проклят, я думал, в вестибюле от этих буйств рухнет потолок!

— Барон Брюкс! — внезапно крикнул в комнату Джулиан. Мэтью напрягся, понимая, что напарник не может обращаться ни к кому, кроме него. Не успел он придумать, каким образом напомнить Джулиану, что барону Брюксу будет тяжеловато ответить, особенно *по-английски*, как до него донеслось: — *Бисхен каляйн штунден шпат Пеллегар вас ист дас?*[23]

Мэтью округлил глаза, не понимая, когда Джулиан выучился разговаривать на прусском языке — что бы он ни сказал, прозвучало это очень естественно, и даже интонации были в точности, как у Брюкса и Пеллегара.

Пару секунд Мэтью лихорадочно пытался найтись с ответом,

чувствуя, как на теле проступает пот, а затем, наконец, крикнул:

— Ja! — и, решив, что этого, пожалуй, недостаточно, добавил: — Bitter![24]

— Сэр, если позволите объяснить… — Джулиан выскользнул из комнаты в коридор и тихо прикрыл за собой дверь. Доверительно посмотрев на обоих работников гостиницы, он тяжело вздохнул и заговорил нарочито тяжело, как человек, вынужденный против воли выдать чужой секрет, потому что иного выхода нет: — Видите ли, граф Пеллегар страдает от припадков ночного ужаса[25]. Но сейчас приступ прошел: я только что поинтересовался у барона Брюкса, все ли хорошо, и он ответил, что да. Я уверен, вы уже сталкивались с подобными случаями, у вас же здесь бывает множество гостей.

Ночной управляющий непонимающе моргнул.

— У вас кровь идет изо рта, — сказал он.

— Ох, да! — Джулиан вытер кровь, что сочилась из уголка рта, посмотрел на красное пятно на пальцах, и нарочито печально усмехнулся. — Граф Пеллегар ударил меня. Видите, прямо в подбородок! — Он покачал головой, выражая искреннюю, но беззлобную досаду. — Утром наверняка будет жуткий синяк.

— Кто вы такой, говорите?

— Переводчик делегации, — повторил Джулиан. — Этот молодой человек в курсе, да и ваш портье тоже. Мой помощник и я вошли вслед за графом и бароном и заняли номер двадцать шесть… О, и, кстати, пропавшие чемоданы оказались вовсе не пропавшими — слуга нечаянно положил их в сундук барона.

— Ах! — Ночной управляющий кивнул, обрадованный этой информацией. — Я знал, что наши сотрудники ничего не теряли! Но… Ваше Сиятельство… в каком состоянии сейчас граф Пеллегар, и что с номером?

— К сожалению, без повреждений не обошлось. Стол сломан, а с потолка сорван прекрасный гобелен. Что касается графа Пеллегара, то сейчас он отдыхает, но его было очень нелегко уложить. Иногда он просыпается с мыслью, что снова находится на поле боя, возглавляет атаку гренадеров при осаде Буды[26]. Воюет с турками, знаете ли. Это бывает редко, но…

— Понимаю, — кивнул ночной управляющий, чей согласный тон голоса подсказал Джулиану, что этот человек совсем не знает мировой истории.

— И поэтому, — продолжил Джулиан, — граф Пеллегар выпадает из сна, желая сразиться с каждым турком на поле боя… к несчастью, каждый, кого он видит перед собой своими затуманенными глазами, для него турок. Даже я.

— Это ужасно! — воскликнул толстяк.

— У него неплохой удар. Барон Брюкс и мой помощник мистер Споттл помогли мне усмирить его, но не раньше, чем он…

— Я хотел бы сам осмотреть номер, если вы не возражаете, — перебил управляющий, решительно подобравшись.

Джулиан смиренно опустил взгляд.

— Прекрасно вас понимаю, и все же очень прошу с этим повременить. Я хочу сказать… граф Пеллегар сейчас успокоился, и мне бы не хотелось снова будить его. Его состояние сейчас очень шаткое. Понимаете? И, — вкрадчиво добавил Джулиан, прежде чем служащий успел хоть что-то ответить, — разумеется, все убытки, даже самые незначительные, будут оплачены сполна. К тому же, я уверен, что граф Пеллегар захочет заплатить вдвойне за пользование этим роскошным Гранд-Люксом, так как Его Сиятельство уже сказал мне, как сильно ему понравились эти покои. Он желает стать здесь постоянным гостем во время своих будущих визитов. — Джулиан улыбнулся, несмотря на рану во рту, три выбитых зуба и боль во всем теле. Сейчас одна лишь сила воли помогала ему держаться на ногах.

Повисло напряженное ожидание.

Наконец ночной управляющий глубоко вздохнул — должно быть, он почувствовал большое облегчение, услышав слова «заплатить вдвойне».

— Прошу прощения за столь грубый стук в дверь, сэр. Пара из соседнего номера вызвала обслугу и сказала, что, судя по звукам, здесь дерутся человек десять. — Он заговорщицки понизил голос. — Прошу не держать зла на лорда и леди Тарленторт за их впечатлительность.

— Я все понимаю, — закивал Джулиан, не переставая улыбаться.

Принеся еще несколько извинений, обменявшись с Джулианом любезностями и пожелав графу Пеллегару доброго здравия, ночной управляющий и его помощник удалились. Казалось, напряжение в коридоре рассеялось, лишь когда они пропали из виду. Подождав еще пару секунд, Джулиан вернулся в комнату, тут же закрыл дверь и запер ее. Едва сделав шаг в сторону Мэтью, он поморщился и покачнулся с резким выдохом — будто только сейчас боль обрушилась на него. Джулиан устало привалился к стене, закрыл глаза и попытался перевести дух.

Наконец, после пары минут отдыха и быстрого мысленного анализа последних событий, он вспомнил, с чего началась потасовка. *Ключ*. Джулиан с трудом оттолкнулся от стены, перешагнул через тело графа и стал осматриваться в поисках цепочки и ключа.

Измученный Мэтью все еще подпирал стену рядом с

уничтоженным клавесином, отвернувшись от тела барона Брюкса. Это хладнокровное убийство до сих пор стояло у него перед глазами, вызывая волны отвращения. Будь его воля, он незамедлительно покинул бы эту комнату.

Тем не менее, увидев, что, несмотря на травмы, Джулиан продолжает миссию, Мэтью заставил себя собрать в кулак остатки сил. Он тоже оттолкнулся от стены и ощупал самые болезненные из своих ушибов. Похоже, ребра не были сломаны, однако в том, что уже завтра все его тело будет покрыто россыпью синяков, не оставалось сомнений.

— С тобой все в порядке? — спросил Джулиан, обыскивая пол. — Выглядишь ужасно. Тебя же не вырвет?

— Со мной все в порядке. И нет, меня не вырвет.

Джулиан кивнул в сторону мертвого графа.

— Этот ублюдок чуть не мне грудь не проломил. И этот его удар в челюсть… Богом клянусь, меня еще никогда так сильного не били! Я чуть язык не проглотил. Ах! Ну, наконец-то! — Джулиан поднял ключ на цепочке, который ему удалось найти только после того, как он заглянул под левую руку трупа — видимо ключик скользнул по полу во время драки.

Разгибаясь, Джулиан поморщился, ему даже потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя после приступа головокружения.

— Зараза, — проскрипел он, собираясь с силами и восстанавливая дыхание. — Ладно… сердце бьется — уже хорошо. Давай-ка выясним, что там, в саквояже.

Мэтью проследил, как Джулиан, кривясь, поднял его с пола.

— Чертовски тяжелый! Похоже, в нем не только ценные бумаги. — Он вставил ключ, отпер оба замка и открыл застежки, после чего сел на пол напротив Мэтью, широко раскрыл саквояж и одним на удивление яростным — даже *презрительно* яростным — движением вытряхнул содержимое на половицы.

Из саквояжа вывалилось десять золотых слитков, каждый длиной с указательный палец и шириной с два. Золото приглушенно поблескивало в свете ламп, пока Мэтью и Джулиан молча взирали на него. Оба понимали, что перед ними на полу сейчас, должно быть, лежит целое состояние.

Через пару мгновений Джулиан спросил:

— Как ты думаешь, сколько они стоят?

— Понятия не имею, — ответил Мэтью. — Но думаю, что на такую сумму можно жить в этом Гранд-Люксе целый год. Возможно, этого даже хватит, чтобы снять здесь весь этаж.

Джулиан поднял саквояж и заглянул внутрь. К темно-серой кожаной подкладке было предусмотрительно пришито десять

карманов. Не найдя внутри больше ничего примечательного, он оттолкнул саквояж прочь.

— Интересно, что они привезли золотые слитки, а не монеты, — задумчиво произнес Джулиан. — Как думаешь, почему так?

У Мэтью мелькнула догадка.

— Шуба из шкуры белого медведя, — сказал он.

— *Что*?

Вместо ответа Мэтью мобилизовал остатки сил и попытался выпрямиться, не опираясь на стену. Сделав от нее всего шаг прочь, он покачнулся и едва не рухнул лицом в пол. Титаническим усилием удержав равновесие, он все же выпрямил спину и осторожно направился в спальню, где в мраморном камине мирно потрескивали поленья. Самым примечательным предметом мебели в комнате была кровать под балдахином с высоким изголовьем, украшенным резным изображением леса. Рядом с ней стояло отделанное золотом кресло, на котором и лежала та самая громоздкая белая шуба графа.

— Что бы Пеллегар ни показал стражнику у ворот, он положил это обратно в шубу! — крикнул Мэтью Джулиану, попутно попытавшись поднять ее. Он тут же задался вопросом, как графу хватало сил носить такое чудовище: оно, должно быть, весило целую тонну.

При беглом осмотре в правом кармане обнаружился только платок, а вот в левом хранилось нечто интересное. Пальцы Мэтью нащупали ключ от комнаты и небольшой лист пергамента — твердый, как поздравительная открытка. Он вытащил бумагу и стал ее изучать, краем глаза заметив, что Джулиан вошел в комнату и направился к нему.

— Можешь прочесть? — спросил Мэтью, показав ему пергамент.

Джулиан изучил несколько строк, написанных острым почерком явно на прусском языке. Мэтью выжидающе посмотрел на него.

— Так что там?

— Без понятия, — передернул плечами Джулиан.

— Значит, то, что ты сказал мне, когда пришел управляющий…

— Было сущей нелепицей, да. Просто попытался подражать пруссакам. — Он внимательнее пригляделся к начертанным строкам, и Мэтью последовал его примеру. К счастью, ниже прусской тарабарщины шли три пункта понятные и без перевода: адрес — дом четырнадцать по Эндсли-Парк-Роуд; дата и время — 20 декабря, 7.30 *Abends*[27].

— А в твоем скудном прусском лексиконе, слова «*Abends*»,

часом, не завалялось? — спросил Джулиан.

— Нет, но предполагаю, что это приглашение прийти в тот дом послезавтра в семь тридцать вечера. Сомневаюсь, что эти джентльмены встают в 7.30 утра.

— Значит, Пеллегар показал это стражнику, чтобы пройти через ворота?

— Да. Как ты и сказал, Пеллегар и Брюкс, скорее всего, прибыли на корабле и сразу отправились в тот дом, чтобы узнать, где им остановиться на ночь. Там им, видимо, сообщили, что на ближайшую ночь — да и, я думаю, на несколько ночей вперед — для них забронирован номер в этой гостинице.

— Интересно, — протянул Джулиан. Он взял бумагу из рук Мэтью и внимательно ее изучил. К тому времени Мэтью уже понял, что узнать из нее что-либо еще не удастся. — Значит, Филина наняли для обеспечения безопасности… но *чего*? Встречи пруссаков с нашим таинственным адмиралом в том доме?

— Похоже на то.

— Но… зачем нужна *охрана*? Не сомневаюсь, что тот привратник был человеком Филина и, наверняка, не единственным, просто остальных мы не видели. Вопрос только в том: зачем идти на все эти сложности ради простой деловой встречи?

Мэтью сказал первое, что пришло ему в голову:

— Все может оказаться не так уж просто. — Он вернулся в гостиную и прошел к куче золотых слитков на полу. — Они привезли слишком уж много золота для простой встречи, — тихо сказал он, задумчиво прищурившись. Джулиан присоединился к нему, все еще держа в руке приглашение. — Интересно… а вдруг пруссаки не были единственными приглашенными?

— В смысле?

— О, я не уверен… это всего лишь предположение. Но пруссаки проделали долгий и трудный путь с саквояжем, полным золотых слитков. Добавь к этому Филина, обеспечивающего безопасность, и охранника у ворот, показавшего пистолет, чтобы отогнать нас… кажется, там затевается что-то крупное.

— А какое, по-твоему, это имеет отношение к Кардиналу Блэку и книге?

Мэтью хмыкнул.

— Вот теперь ты мыслишь в верном направлении.

— Поясни, — закатил глаза Джулиан.

Мэтью повернулся к напарнику.

— Я могу ошибаться, и это может не иметь абсолютно никакого отношения к Кардиналу Блэку и книге, но… работа Джонатана Джентри представляет большой интерес и ценность

для многих фигур преступного мира, и не только в Англии. Преступники, террористы, убийцы… даже главы некоторых государств хотели бы заполучить ее. Имя Фэлла, конечно же, широко известно в этих кругах.

— Согласен, — кивнул Джулиан.

— Я думаю, пруссаки прибыли сюда, чтобы *купить* ее. Цена пока не определена, поэтому они привезли золото в слитках. Если это правда, то все должно было быть спланировано много месяцев назад. Я не знаю, сколько времени потребовалось пруссакам, чтобы добраться сюда, но этому определенно предшествовала переписка, длившаяся несколько недель, а то и месяцев — впрочем, как и приготовления. Возможно, это была задача Матушки Диар, занявшая год, или больше — она должна была подготовить все к нападению. И потом… — Мэтью покачал головой, не став договаривать. — Но я до сих пор не могу понять, как наш адмирал оказался замешан в этом деле.

— Значит, ты считаешь, что книга в том доме? — спросил Джулиан.

— Если не там, то где-то поблизости.

— И пруссаки должны прибыть в дом в половине восьмого вечера через два дня, чтобы договориться о покупке книги?

— Если мои догадки верны, то да.

Джулиан больше ничего не сказал. Взглянув на него, Мэтью увидел, как пристально он изучает тело графа Пеллегара, а затем переводит взгляд на задушенного барона Брюкса.

Мэтью вдруг оторопел и едва не ахнул: он догадался, о чем думает Джулиан.

— *Ты с ума сошел*? Это невозможно!

— А почему бы и нет? Держу пари, ни Кардинал Блэк, ни адмирал никогда не видели этих двоих. Единственный, кто видел Пеллегара, это человек за дверью. Дворецкий, или кто он там. Это был быстрый обмен репликами, и ты же видел, что лицо Пеллегара было почти полностью закрыто шарфом! Брюкса вообще только по клоунскому гриму запомнили...

— Этого недостаточно, — покачал головой Мэтью. — Они пруссаки, помнишь?

Джулиан не согласился.

— Пеллегар, вообще-то, англичанин. По-английски из этих двоих не понимал только Брюкс. А раз так, ты мог бы…

— *Я*? — прервал его Мэтью. — Легко тебе сказать!

— Я клоню к тому, что, если Брюкс говорил только по-прусски, тогда все, что тебе нужно делать, это молчать. Говорить буду я.

— Если ты обратил внимание, — заметил Мэтью, — у

Пеллегара глаза черные, как угли, и он совершенно лысый. Человек у двери наверняка запомнил эти приметы. Только слепой бы не запомнил. И если насчет глаз он еще может подумать, что неправильно рассмотрел их цвет, то копна твоих светлых волос может провалить нам всю игру. Если, конечно, *предположить* — гипотетически! — что мы возьмемся играть в нее.

— Завтра же куплю парик.

— Здорово. Тогда ты будешь еще меньше похож на графа Пеллегара.

По лицу Джулиана пробежала тень.

— Черт, — тихо сказал он. — Ты прав.

Мэтью подошел к креслу и обессиленно опустился в него, невольно бросив взгляд на тела убитых пруссаков. Он поймал себя на том, что изучает размер одежды Пеллегара и Брюкса и прикидывает, подойдет ли им с Джулианом обувь покойников.

Боже, неужели я тоже думаю, что это возможно? — ужаснулся он.

Тем не менее, его мозг продолжал работать в этом направлении.

Стиль одежды должен быть подобран весьма тщательно — равно как и макияж — не только для того, чтобы сойти за Пеллегара и Брюкса, но и для того, чтобы загримировать собственные отличительные черты. Желательно, чтобы при этом их с Джулианом все равно не разглядывали особенно долго…

Нет, это невозможно!

Или все же возможно?

— Тебе придется побрить голову, — констатировал Мэтью после еще нескольких секунд раздумий. — Мне же придется наложить плотный белый макияж. Если Кардинал Блэк будет присутствовать на этой встрече, он узнает меня… особенно, по шраму.

Джулиан не ответил, он весь обратился вслух.

— Я надену парик — тот, что высотой в милю, — продолжил Мэтью. — Мы могли бы порыться в багаже и посмотреть, что можно использовать. Думаю, нам обоим придется купить новые ботинки. И дорогие. Наши не подходят для титулованных пруссаков. Я бы надел еще перчатки, чтобы скрыть метку «Черноглазого Семейства», которую, я уверен, Кардинал Блэк тоже узнает. Если кто-нибудь в том доме будет говорить по-прусски — мы оба покойники. Любая оплошность, даже незначительная… и нам конец. Ты понимаешь это, не так ли?

Джулиан воззрился на Мэтью своими серыми глазами.

— А *ты* сам это понимаешь? Я имею в виду… осознаешь *в полной мере*?

Мэтью глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Ребра протестующе заныли.

— Да, — ответил он. — Мне кажется, другого выхода нет. На полу два трупа, получившие приглашение в дом адмирала, мы же двое живы и вполне можем занять их место. А после всех приготовлений, что нам придется пройти, должен заметить: лучше б это оказался и впрямь дом адмирала, а не просто какого-то любителя поиграть с корабельным штурвалом!

— Это была бы злая шутка судьбы, не находишь? Кстати, о судьбе: нам надо осторожнее входить в этот номер и выходить из него. Наши соседи — чета Тарлентортов.

— Замечательно! Конечно же, мы не можем рисковать тем, чтобы они нас увидели. Твое обаяние может на них больше не подействовать, и они пойдут прямо к управляющему, — нахмурился Мэтью. Он некоторое время размышлял, прежде чем снова заговорить: — Если есть хоть малейший шанс, что книга в том доме, мы должны туда пойти. Но даже если мы каким-то образом ее заполучим и выберемся оттуда, нам все равно еще предстоит найти химика, который сможет расшифровать формулы.

— Верно, — закивал Джулиан. — Но давай решать проблемы по мере их поступления.

— Согласен.

— И перво-наперво, — сказал Джулиан, — нам надо утащить эти тела куда-нибудь подальше с глаз долой. Я не хочу, чтобы мой Гранд-Люкс портил какой-то мусор на полу. Потом я планирую растянуться на диване и проспать несколько часов, как новорожденный, а ты можешь либо спать здесь, либо вернуться в двадцать шестой.

— Думаю, мне лучше воздержаться от хождения по коридору.

По правде говоря, Мэтью не столько боялся разоблачения со стороны Тарлентортов, сколько просто обессилел и не хотел больше никуда перемещаться. Плевать, что рядом с ним будут лежать два трупа, завернутые в гобелен — сегодня он будет спать на шикарной постели.

— Тогда давай приступим, — скомандовал Джулиан. — Я на грани обморока.

К тому времени, как они затащили тела в небольшую гардеробную, примыкавшую к спальне, сила окончательно покинули их. Джулиан, пошатываясь, побрел к дивану, а Мэтью забрался на постель, не удосужившись снять с себя ни единой вещи. С рытьем в сундуках и чемоданах придется подождать, потому что у Мэтью не было сил даже поднять их крышку. Осознание того, что мертвецы свернулись калачиком примерно в

десяти футах от него, никак не влияло на готовность его мозга отключиться. Он не знал, какие сны — или кошмары — явятся ему в темноте этого роскошного убежища, но это не помешало ему блаженно уснуть, будучи убаюканным потрескиванием камина.

Глава тринадцатая

— Нет!

Мэтью услышал странный звук — нечто среднее между криком и всхлипом, и это восклицание вырвало его из сна. Он лежал в кровати, глядя на балдахин и следя за низкими тенями, которые отбрасывало танцующее пламя камина. Все тело после недавней стычки с пруссаками представляло собой единый комок боли.

Неужели в гардеробной и впрямь лежат два трупа?

Да, они, без сомнения, там.

А вскоре Мэтью с Джулианом предстояло проделать большую работу, чтобы проникнуть в загадочный дом на Эндсли-Парк-Роуд, адрес которого был обозначен в пригласительной карточке.

Из полусонных тревожных размышлений Мэтью вырвал звук шагов, доносившихся из соседней комнаты. Сколько времени им с Джулианом удалось проспать? Фонари в спальне светили, как и прежде, ярко, поэтому трудно было определить, сколько китового жира успело сгореть. Мэтью казалось, что он рухнул в кровать буквально несколько минут назад — он все еще чувствовал себя разбитым, словно остов корабля, севшего на рифы и продолжавшего терпеть крушение. Джулиану досталось ничуть не меньше, да и он с жаром заявлял, что готов проспать мертвецким сном до утра, однако шаги в соседней комнате означали, что он не спал.

А этот крик… что значил *он*?

Мэтью не без усилия соскользнул с кровати — его движение трудно было описать словом «сел». Стоило ему подняться на ноги, пол под ним, казалось, накренился, как корабельная палуба во время дикого шторма, однако эта неприятная иллюзия довольно быстро рассеялась. Обретя равновесие, он направился в соседнюю комнату и застал своего напарника перед окном.

Джулиан выглядел уставшим и тяжело дышал, приложив руку к оконному стеклу. Его запавшие глаза с болезненной жадностью вглядывались в заснеженное утро. Мэтью посмотрел на улицу, но не увидел ничего такого, что могло бы привлечь внимание Джулиана. При этом он сделал вывод, что время сейчас было где-то между шестью или восемью часами утра. Снегопад, похоже, прекратился, но город за окном представлял собой обширную панораму сероватых силуэтов, покрытых налетом снега, который в этот предрассветный час мерцал оттенками синего.

Джулиан взглянул на Мэтью и снова отвернулся. Он был полностью одет, на нем были плащ и даже треуголка.

— Это ты кричал? — обратился Мэтью, нарушая тягучую тишину.

Ответ пришел не сразу.

— Я не помню.

Голос был напряженным. То, как он прозвучал, невольно заставило Мэтью вспомнить, как Джулиан отреагировал на женщину в Аддерлейне, ребенка которой принесли в жертву.

— У тебя… какие-то проблемы, о которых мне следовало бы знать?

— Нет, — резко ответил Джулиан. Его взгляд все еще был устремлен на расстилавшийся под окном город, и у Мэтью создалось впечатление, что сейчас Джулиан с некоторым испугом созерцает своего давнего врага.

— Сколько времени? Солнце хотя бы взошло?

— Сомневаюсь, что сегодня будет солнечно. — Джулиан устало вздохнул. — Думаю, недавно пробило шесть. Так что, лучше вернись и поспи еще.

— В чем дело? — нахмурился Мэтью.

— В том, что мне не спится, и я собираюсь немного прогуляться.

— Прогуляться? В такую погоду?

— Отличная погода для души, — ответил Джулиан. Его лицо исказилось натужной гримасой, которая, видимо, должна была сойти за улыбку. Он отвернулся от окна. — Полагаю, слуга утром снова принесет горячую воду. Где-то через час или около того в дверь постучат, будь готов.

— Превосходно! — Настала очередь Мэтью гримасничать, и, в отличие от Джулиана, он даже не пытался улыбаться. — И что, я должен впустить его и позволить увидеть весь этот разгром?

Мэтью уже давно приметил умывальник, располагавшийся прямо в спальне. Надо думать, в «Гранд-Люкс» горячую воду и впрямь могли доставить сразу после рассвета — обслуживание такого шикарного номера должно было быть на высшем уровне, чтобы высокопоставленные гости получали желаемое раньше, чем в этом возникала необходимость.

— Скажи ему, что в номере полно спящих красавиц, и что горячая вода понадобится нам, только когда они проснутся. Скажи, что мы позвоним в колокольчик, когда будет нужно. — Джулиан замер прямо перед дверью. — Я сказал ночному управляющему, что граф Пеллегар заплатит за номер двойную цену. Так что сомневаюсь, что кто-то придет оценивать ущерб после такого обещания. Ни у кого нет причин не верить в мою

историю о графе Пеллегаре, касательно того, что он страдает приступами ночного ужаса.

— Как и ты? — спросил Мэтью. Вопрос прозвучал резко, как удар кинжала.

— Вернусь, — отчеканил Джулиан, — когда сочту нужным. Лучше запри за мной дверь.

— О, а я думал оставить ее открытой для Тарлентортов, чтобы разделить с ними завтрак!

Проигнорировав сарказм напарника, Джулиан открыл дверь и вышел. Мэтью немедленно пересек комнату и запер за ним дверь, подумав, что если он сейчас обернется и увидит трупы Пеллегара и Брюкса, ковыляющие к нему из гардеробной, то вылетит в окно.

Поразмыслив пару секунд над дальнейшими планами, Мэтью решил, что вернуться в постель было бы разумнее всего. Однако разумно — не значит возможно. Хотя он знал, что и разум, и тело его все еще нуждаются в отдыхе, он не мог избавиться от маячивших в памяти сцен смерти графа и барона. Его преследовал этот ужас… и постоянное тиканье… тиканье… течение времени, уходящего из настоящего в прошлое. Времени, которого становится все меньше у бедной Берри, что до сих пор находится под властью наркотика в «Прекрасной Могиле» Профессора Фэлла. Одна мысль об этом угнетала Мэтью. И все же он не терял надежду, что визит Пеллегара и Брюкса в Лондон был как-то связан с книгой ядов, а значит, еще не все было потеряно.

Мэтью старался позволить этой надежде разгореться внутри себя и не подпустить к ней множественные сомнения.

Разумеется, пруссаки могли прибыть сюда по целому ряду других причин, и у Мэтью не было доказательств того, что его догадка верна. Возможно, дом на Эндсли-Парк-Роуд никак не был связан с человеком, работавшим с Кардиналом Блэком, а книга может быть уже давно на пути в другую страну, или ее мог расшифровать где-нибудь в подвале некий безумный химик, вознамерившийся отравить весь парламент…

— Хватит, — скомандовал Мэтью сам себе вслух, потому что понял, что ступает на зыбкую почву, способную поглотить его решимость.

На данный момент их с Джулианом главной задачей было сыграть роль Пеллегара и Брюкса — сколь бы безумной ни была эта затея, — и сделать это надлежало хорошо. Это потребует от них недюжинных актерских способностей и огромного вложения сил. А вот дальше существовало два варианта развития событий: либо они проникнут в тот дом и обнаружат, что местное преступное сборище не имеет с книгой ядов ничего общего, либо — опять же — они проникнут в тот дом и поймут, что оно

напрямую с нею связано.

Чтобы отвлечься, Мэтью принялся рассовывать десять золотых слитков обратно по карманам саквояжа. Ткань карманов казалась достаточно плотной, чтобы ей мог довериться богатый джентльмен — разве что какому-то грабителю посчастливится прорезать ее и украсть желаемое. Мэтью подумал, что, вероятно, явиться на встречу им предстоит с этой опасной ношей.

Вернув в карман пятый слиток, Мэтью вдруг услышал странный шелест, источник которого он не смог определить. Он заглянул в сумку, но ничего, кроме уже лежавших там пяти слитков, не обнаружил. И, тем не менее, необычный шелест донесся снова, а это означало, что где-то в недрах саквояжа скрывалось что-то еще.

Мэтью вновь вынул слитки и отложил их в сторону. Сидя на полу, он методично ощупал внутреннее пространство сумки и вскоре обнаружил в ее углах четыре металлических застежки на том, что он ранее счел кожаной подкладкой. Оказалось, это была дополнительная стенка, скрытая за карманами для слитков. Мэтью расстегнул застежки и с жадностью принялся изучать нутро саквояжа.

Наконец добыча была извлечена и заняла свое место на половицах. Перед Мэтью предстал пергамент, превосходящий по размерам таинственную пригласительную карточку. Присмотревшись, Мэтью понял, что это целый набор документов, состоявший из пяти неровно обрезанных листов. Он разложил их на полу и взял ближайший фонарь, чтобы лучше осветить свою находку.

На первом листе красовалась странная иллюстрация, которая, по мнению Мэтью, могла бы отлично вписаться в «Малый Ключ Соломона». Это было изображение дракона с четырьмя крыльями, из открытой пасти которого вырывалось пламя. Следующий лист заставил Мэтью всерьез призадуматься, поскольку на нем детально и кропотливо были прорисованы крылья, с сопутствующими размерами, нанесенными не в дюймах, а в футах. Третий лист являл голову дракона, а четвертый — тело и раздвоенный хвост со столь же тщательными замерами.

Похоже, эти планы разработал профессиональный конструктор, ведь это были не простые иллюстрации, а настоящие чертежи.

Наконец, дело дошло до пятого листа. На нем был часовой механизм, управлявший чем-то вроде большого чайника, а также клапанами, разбросанными по всему телу дракона — даже по крыльям.

Мэтью никогда не видел ничего подобного и не знал, что это

может быть. Определенно, это была какая-то машина, но каково ее прямое назначение нью-йоркский решатель проблем мог только догадываться.

Борясь с тревогой, он подсчитал, что вся конструкция должна была составлять более двадцати футов в длину, а размах крыльев выходил почти сорок футов.

Мэтью все еще был поглощен изучением чертежей, когда стук в дверь едва не заставил его подпрыгнуть и намочить штаны. Он ответил на стук, со скрипом отворив дверь, и обнаружил за ней очередного служащего гостиницы. Тот принес воду — настолько горячую, что для удержания кувшина требовались перчатки. Мэтью решил, что лучше рискнет обжечь себе пальцы, чем лишится возможности побриться и умыться. Работник предупредил его, чтобы он не брался за кувшин без перчаток, но Мэтью выдал ему заранее заготовленную ложь о спящих красавицах и забрал вожделенную емкость, тут же пожалев об этом, потому что ему показалось, что он схватил голыми руками раскаленные угли. Работник попросил его вернуть кувшин из-под горячей воды, что остался со вчерашнего дня. Мэтью исполнил его просьбу онемевшими от боли пальцами, а затем снова закрыл и запер дверь.

Пять листов пергамента он снова сложил в сумку, однако скрытый отсек закрывать не стал, намереваясь показать свою находку Джулиану.

Прежде чем приступить к бритью и умыванию, он повернул зеркало на подставке так, чтобы видеть позади себя гардеробную, где нашли пристанище мертвецы. Так он чувствовал себя чуть увереннее. Он воспользовался куском мыла и бритвой, предложенными гостиницей, а затем намочил полотенце в удивительно горячей воде и просто положил его себе на лицо. Пока он лежал на диване и наслаждался чистотой и покоем, за окном заунывно выл ветер.

Мэтью был голоден и испытывал жажду. Он был бы не против подкрепиться хоть куском хлеба и чашкой чая, но о том, чтобы спуститься в таверну, не могло быть и речи. Чтобы отвлечься от голода, он решил воспользоваться возможностью осмотреть вещи покойников и начал с самого большого сундука.

В глазах у него сразу же зарябило от пестрых костюмов, сорочек и чулок.

Странно, — подумал Мэтью. Ему казалось, что пруссаки из благородного сословия должны быть более строгими, а из цветов отдавать предпочтения серому и черному, однако почивший владелец этого модного безумства явно ни в чем себя не ограничивал. Мэтью извлек из сундука ярко-красный жакет и,

примерив его, обнаружил, что он довольно плотно облегает плечи и подходит ему по длине. И даже ширины рукава вполне хватит, чтобы пропустить через нее рукав сорочки с пышной кружевной манжетой. Мэтью подумал и натянул на себя пару желтых вельветовых бриджей. Длина их была в самый раз, но Мэтью не был уверен насчет талии. Возможно, до завтрашнего вечера придется купить другие бриджи. Сапоги также не подошли — оказались малы — проходить в них целый вечер было невозможно. Мэтью нашел в сундуке еще один огромный парик и косметичку из тикового дерева, полную баночек с белилами, различных красок и пудр, черных карандашей для глаз и аппликаторов. Все это, как он понял, принадлежало щеголеватому барону Брюксу.

Пальто из тюленьей шкуры, которое Брюкс носил прошлой ночью, Мэтью обнаружил не сразу: его покойник бросил на спинку кресла в спальне. Дойдя до пальто, Мэтью примерил его и понял, что этот безумный предмет верхней одежды непомерно тяжелый, равно как и чудовищная шуба из шкуры белого медведя. Ощупав карманы, Мэтью нашарил в одном из них синюю сумочку, похожую на кошелек. Расстегнув три пуговицы, что служили на ней застежками, он нашел горсть золотых и серебряных монет. Направив на них свет, он понял, что это золотые гинеи и соверены, а также несколько шиллингов и, видимо, какие-то прусские монеты. Мэтью понятия не имел, сколько это все стоило, но было ясно, что барон и граф явились в Англию во всеоружии, готовые к встрече с медведем. Точнее, с похожим на медведя адмиралом Королевского флота.

Мэтью все еще рылся в багаже, когда услышал новый стук в дверь. Открыв ее, он увидел Джулиана, чье свежевыбритое лицо разрумянилось от холода. Было в нем и еще одно изменение: сделав несколько шагов в комнату, он снял треуголку и продемонстрировал совершенно лысую голову.

— Запри дверь, — проинструктировал он, прежде чем Мэтью успел вымолвить хоть слово. Когда указание было исполнено, Джулиан броском отправил свою треуголку на диван. — Как тебе мой первый шаг превращения Девейна в Пеллегара?

— Восхитительно, — хмыкнул Мэтью. — Правда, полагаю, тебе было холодно так идти.

— Главное, я нашел цирюльника, который работал с утра пораньше. А что насчет тебя? Ты уже сжег трупы в камине?

— Эээ… нет, я собирался сделать это *после* того, как перекушу.

— Что ж, ни слова больше! — Джулиан нырнул в глубины своего плаща и извлек какой-то предмет, завернутый в вощеную

бумагу, после чего протянул его Мэтью. — Пекарня тоже была открыта. Это кусок пирога с изюмом. Блюдо дня.

— Премного благодарю, — сказал Мэтью, принимая довольно скудный, но все-таки завтрак. — Полагаю, ты сам уже подкрепился?

— В таверне за углом подают отличное говяжье рагу и яичницу. Я заслужил сытно поесть после того, как вынужден был обрить голову.

— И я мог бы заслужить поход в таверну за то, что нашел. Взгляни сюда. — На ходу доедая пирог, Мэтью сначала показал Джулиану денежные запасы Брюкса, а затем вытащил из саквояжа странные чертежи. — Как думаешь, что это?

— По-моему, эти планы составил какой-то сумасшедший, — покачал головой Джулиан, изучив все пять листов. — Размеры… двадцать футов в длину? А размах крыльев сорок футов? Ума не приложу, что это может быть.

— Я тоже, но, очевидно, граф и барон очень высоко ценили эти чертежи, раз так надежно их спрятали. Полагаю, они, как и золотые слитки, предназначены для той встречи, что состоится завтра вечером. А иначе… что они здесь делают?

— Согласен. Вижу, ты побрился. Ты что, впустил сюда обслугу с горячей водой?

— Я все уладил, — ответил Мэтью, а затем указал на спальню. — Ты как раз отвлек меня от изучения багажа. Могу запросто надеть жакет и сорочку Брюкса, но его бриджи и ботинки мне не подошли. Еще я нашел его косметичку. Пользоваться всем этим мне бы не хотелось, но, боюсь, выбора нет. Тебе тоже нужно просмотреть вещи Пеллегара. Возможно, ты сможешь что-то надеть.

— Ну, — протянул Джулиан, усаживаясь на диван рядом со своей треуголкой, — вот мое предложение: сначала я сделаю, как ты говоришь, а затем мы возьмем часть денег, выйдем и раздобудем тебе еды. После этого купим недостающую одежду. Уверен, в Лондоне мы легко найдем сапожника, у которого есть готовый товар под твой размер ноги. С портным и бриджами — та же история. Мне, кстати, тоже придется воспользоваться этой косметичкой и нанести грим. Одной лысой головы недостаточно.

— Хорошо. Звучит обнадеживающе.

— И далее, — продолжил Джулиан, — мы оденемся, как подобает графу и барону, и отправимся на ужин.

— *Сегодня* вечером? Зачем?

— Потому что нам нужно привыкнуть к этим костюмам. Начиная с сегодняшнего дня, как только мы все уладим, нам нельзя выходить из этой комнаты никак иначе, кроме как в образе

этих двоих. Жизненно важно, чтобы мы не просто играли роли, а *стали* графом и бароном. От этого может зависеть наша жизнь, и ты это знаешь не хуже меня.

— Да, — ответил Мэтью. — Я понимаю.

В словах Джулиана было много смысла, несмотря на то, что идея сама по себе продолжала казаться весьма странной. Мэтью счел этот выход генеральной репетицией пьесы. Чрезвычайно опасной пьесы, которую нужно было отыграть с особой бдительностью.

Через час они покинули гостиницу, закутавшись в плащи, и окунулись прямо в холод серого заснеженного дня. Джулиан обнаружил, что бриджи Пеллегара вполне ему подходят, как и треуголка с безвкусными перьями, однако жакет оказался безнадежно мал, а сапоги слишком узкими. Шуба из шкуры белого медведя, несмотря на свою монструозность, также ему подошла, и в сложившихся обстоятельствах это было весомым плюсом. Мэтью натянул на себя пальто Брюкса из тюленьей кожи — оно плотно село на его плечи, но, похоже, так и должно было быть. Далее состоялась удачная примерка диковинного парика и пурпурной треуголки. Последними напарники примерили перчатки: Джулиану подошли из страусовой кожи, Мэтью — из материала похожего на кожу крокодила.

И хотя перед ними стояло множество задач, сначала они отправились раздобыть Мэтью завтрак. Ему досталось блюдо с запеченной курицей, зеленой фасолью и сладким картофелем. Он сдобрил его кружкой горячего сидра в таверне, располагавшейся в том же квартале, где завтракал Джулиан.

Несмотря на то, что погода была холодной и негостеприимной, жители Лондона, казалось, принимали это как должное. Множество людей прогуливалось по тротуарам, а по улицам сновали вереницы колясок, повозок и карет, прокладывающих себе дорогу в снегу.

Мэтью и Джулиан покинули таверну и отправились искать сапожника. Им пришлось посетить нескольких, прежде чем они нашли готовую обувь нужных размеров из экзотических и дорогих кож, которая устроила бы прусских дворян.

Затем необходимо было найти портного, и в окрестностях «Герба Мейфэра» со всеми его кофейнями, театрами и прочими изысканными заведениями выбор оказался богат. Вторая лавка, в которую они вошли, позволила Мэтью разжиться парой бриджей в коричневую клетку. Ничего ярче в арсенале портного не нашлось. Джулиан приобрел ярко-желтый жакет, который, как объяснил портной, был сшит для одного эксцентричного дворянина. Этот господин, к сожалению, умер от сердечного приступа прежде, чем

выкупил его. Сие несчастье произошло во время ночной попойки, когда джентльмен развлекался с девочками из Уайтчепела. Для Мэтью этот район, окутанный дурной славой, казалось, находился за много миров от этой странной новой территории, которую он сейчас исследовал.

Не дав мыслям унести себя в водоворот прошлого, Мэтью купил пурпурный галстук, который сочетался с окраской треуголки Брюкса, а также с лежавшим в сундуке барона жакетом цвета блестящей коричневой глины с ярко-красной окантовкой.

Примерив галстук, Мэтью счел свой образ завершенным.

****

В семь часов вечера, когда камин в вестибюле гостиницы «Герб Мейфэра» горел так тихо, что можно было подумать, будто управляющий приручил его, множество гостей выбралось в холл, чтобы побездельничать и послушать игру приглашенного трио музыкантов, которые уже настраивали свои инструменты перед вечерним концертом. Именно в этот час двое мужчин, которые чувствовали себя так, словно родились на другой планете, спустились по лестнице.

Один из них был одет в шубу из шкуры белого медведя, красную треуголку, украшенную полудюжиной перьев разных цветов, торчавших из-под золотистой ленты, в пару серых бриджей с красными полосками, серые чулки, ошеломительно желтый жакет и лавандовую сорочку с повязанным вокруг шеи белым галстуком. На ногах его красовались зеленовато-черные сапоги из шкуры южноамериканского питона, а руки были защищены перчатками из страусовой кожи. Было очевидно, что под своей треуголкой этот джентльмен совершенно лыс. Лицо его покрывали белила и пудра, а скулы украшали красные румяна.

Второй мужчина был выше и стройнее первого. Роста ему добавлял огромный белый парик, слегка раскачивавшийся при ходьбе. Это сложное сооружение венчала треуголка, переливающаяся всеми пурпурными оттенками синяка. Данное чудо природы было обряжено в длинное пальто из тюленьей кожи, бриджи в клетку, бледно-желтые чулки, темно-бордовую сорочку и жакет цвета глины, ткань которого очаровательно поблескивала. Он также утеплился парой кожаных перчаток и сапогами. Лишь немногие опытные путешественники могли бы признать в материале его обуви слоновью кожу. Лицо этого

джентльмена являло собой белую маску от подбородка до линии волос с красными дугами бровей, визуально вытягивающими лицо.

Когда эти пришельцы столкнулись с более степенным стилем элиты Лондона, на них устремилось множество пристальных взглядов. Однако люди быстро поняли, что пялиться на иностранцев — признак дурного тона, поэтому пожали плечами и вернулись к своей светской болтовне, курению трубок и прогулкам по вестибюлю. Гости знали: если кто-то может позволить себе остановиться в «Гербе Мейфэра», он имеет право демонстрировать любые краски того мира, который он представляет.

— Ой! — тихо ахнул Мэтью, когда его лодыжка в сапоге из слоновьей кожи едва не подвернулась в гневе на то, что ее затолкали в столь плотную обувь. По правде говоря, эти сапоги требовалось довольно долго разнашивать, прежде чем их можно было бы назвать комфортными. Пока же эти вероломные произведения злого гения лондонского сапожника лишь стремились ускорить встречу своего владельца с Создателем, верно, поджидавшим его у подножья лестницы.

Джулиан пробормотал лишь уголком рта:

— Я едва могу двигаться в этом наряде, так что нечего жаловаться.

Нижняя ступенька, наконец, была покорена. Клерк, который регистрировал их вчера вечером, поднялся со стула, чтобы коротко поклониться. К ужасу и изумлению Мэтью, Джулиан направился прямо к этому человеку. Мысленно исторгнув множество ругательств, Мэтью последовал за ним, чувствуя, что вес его наряда очень скоро измотает его. Он ощущал себя циркачом, пытавшимся балансировать с целой стопкой тарелок на голове.

— Добрый вечер, граф Пеллегар, — кивнул клерк и обратил свое внимание на второго гостя: — Добрый вечер, барон Брюкс.

— Добрый вечер, — ответил Мэтью, и Джулиан метнул в его сторону взгляд, способный испепелить его парик.

Боже мой! — подумал Мэтью. Он почувствовал, как начинают потеть подмышки. Он же не должен знать английский! Впрочем… это ведь была генеральная репетиция, а не само представление. Но даже к ней следовало относиться предельно серьезно.

Тем временем клерк обратился к лжеграфу Пеллегару:

— Чем я могу…

— Ваш ночной управляющий. Я хочу поговорить с ним. — Джулиан не предпринимал никаких попыток как-то изменить свой голос, но его слова прозвучали с надменным раздражением

богатого денди, который привык тешить свое тщеславие, унижая других. Мэтью подумал, что это лучшее решение, потому что подражать голосу Пеллегара постоянно было бы крайне трудно.

— О… о, разумеется, Ваше Сиятельство. — Клерк поднял со своего стола небольшой серебряный колокольчик. Звон его разнесся, казалось, по всем сторонам света, и в следующий же миг на зов явилось трое молодых служащих. Они явно прибыли бегом.

— Джексон! — обратился клерк к первому юноше. — Сходи за мистером Бринуотером. Скажи ему, что граф Пеллегар желает поговорить с ним.

— Сэр! — звонкий голос юноши, казалось, отразился от гигантской люстры. Он убежал исполнять поручение, а остальные служащие вернулись к своим занятиям.

— Я так рад, — сказал клерк Джулиану, — что ваш пропавший багаж нашелся!

Мэтью заметил, что клерк не может сдержать изумления, находясь в непосредственной близости от столь ярко разодетых и раскрашенных особ.

— Как и я. Какой-то слуга-идиот убрал их в сундук барона. Полагаю, вы слышали.

— Я очень рад, — повторил клерк с простой, но вежливой улыбкой. Он был не вправе повторить слова графа, так как это бросило бы тень на прусского слугу, а граф мог воспринять это как оскорбление.

Джулиан высокомерно продолжил:

— Я признателен вам и вашему заведению за то, что вы нашли комнату для графа Моубри и мистера Споттла. Но я огорчен тем, что с предоставлением им жилья возникла такая досадная заминка.

Мэтью скривился от страха, решив, что Джулиан зашел слишком далеко.

— Конечно-конечно! Ах! Вот и наш мистер Бринуотер! — Это было сказано с облегчением. Клерк явно не желал, чтобы всё высокомерное недовольство иностранного гостя обрушилось на него одного.

К ним шел тяжеловесный ночной управляющий, который явился к номеру пруссаков после учиненного погрома. Как только он достиг стойки клерка, Джулиан одарил его намеком на легчайший кивок головы. Поклон же Бринуотера был более низким и искренним, хотя ему при этом заметно мешал живот.

— Во-первых, — начал Джулиан все тем же надменным тоном, из-за чего Мэтью почувствовал себя как на иголках, — мне очень жаль, что нашим партнерам не оказали радушного

гостеприимства, которое мы с бароном Брюксом получили по прибытии. Во-вторых, спешу сообщить вам, что граф Моубри допустил ошибку, не дав вам оценить, насколько серьезным оказался ущерб, нанесенный нашему номеру. К сожалению, это моя вина, хотя я и не помню этого. В-третьих, я сейчас же заплачу и за наш номер, и за тот маленький *чулан*, что вы выделили нашим партнерам. — Сказав это, он извлек синий кошелек Брюкса, открыл его и звякнул монетами. — Какова цена?

— Эээ… — Бринуотер был явно ошеломлен этим представлением, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы вернуть самообладание. — Это зависит от того, как долго вы планируете у нас оставаться, сэр.

— Как минимум, до двадцать первого. — Его рука в перчатке нервным жестом скользнула по воздуху в подобии шлепка. — Я не держу такие вещи в голове, этим занимается мой поверенный.

Бринуотер склонился над стойкой, где клерк уже проверял гроссбух.

— Ах! Номер забронирован для вас до двадцать третьего!

— Я так и думал, — недовольно бросил Джулиан.

— И… простите за напоминание, но граф Моубри сказал, что вы…

— Мне прекрасно известно, что сказал граф Моубри! Да, я заплачу за номер двойную цену. Когда мы освободим его, можете осмотреть повреждения и озвучить мне их стоимость. А пока подсчитайте, пожалуйста, сколько я должен заплатить *сейчас*. В конце концов, мы спешим.

Цена, которую назвал клерк, ошеломила Мэтью: на такие деньги он мог безбедно существовать пару лет. Золотые монеты покинули кошелек и, по правде говоря, это сильно ухудшило финансовое положение барона Брюкса. Когда деньги перекочевали в руки управляющего, Бринуотер сказал:

— Ваше Сиятельство, я был бы рад предоставить вашим партнерам номер получше…

— Чепуха! — перебил Джулиан. — Сейчас они уже устроились и в данный момент занимаются моими делами в другой части вашего города. Кенсингтон, кажется? Что касается нашего номера, попросите слугу принести нам горячую воду в десять часов. Мы намерены насладиться неторопливым ужином.

— Наша таверна располагается всего в нескольких шагах…

— Нам нужна *не таверна*, — ледяным голосом отрезал Джулиан, — а *ресторан*.

На пути к заведению, которое Бринуотер окрестил одним из лучших, Мэтью, наконец, обрел голос, который до этого, казалось, прятался где-то на уровне коленей.

— Я надеюсь, ты гордишься тем, что из-за тебя я чуть не намочил свои новые штаны?

Губы Джулиана изогнулись в улыбке.

— Я чертовски хорош, не правда ли?

Мэтью хмыкнул.

— Для *плохого человека*, — буркнул он.

Этим вечером Мэтью осознал, сколь мудрым решением была эта генеральная репетиция. Им нужно было привыкнуть к этим костюмам и носить их так, словно они в них родились. Мэтью также пришлось привыкать все время носить перчатки, и хотя они достаточно плотно облегали руки, трудностей с пользованием столовыми приборами избежать не удалось. Однако если Кардинал Блэк будет в том доме и заметит татуировку «Черноглазого Семейства», это станет концом не только маскарада, но и всей жизни — как для Мэтью, так и для Джулиана.

Они воспользовались возможностью хорошенько насытиться на деньги пруссаков, отведав блюдо из говяжьих ребрышек и костного мозга, кукурузные лепешки и разнообразные тушеные овощи, и сопроводив всю эту снедь двумя бутылками лучшего в мире эля.

Ни Мэтью, ни Джулиан не говорили о предстоящей ночи. Когда ужин подходил к концу, Мэтью подумал, что если таков будет его последний прием пищи, то все не так уж и плохо. Однако он заставил себя отбросить эту мысль, чтобы она не мешала ему. Он должен был сосредоточиться на том, чтобы отыскать книгу, каким-то образом вытащить ее из того дома — если она действительно там хранилась, — а все остальное отбросить, как ненужный психический мусор.

Ровно в десять часов слуга принес в «Гранд-Люкс» горячую воду. Мэтью и Джулиан ожидали его в своих маскарадных облачениях, сняв лишь верхнюю одежду и треуголки. Мэтью заметил, с каким ужасом гостиничный служка осмотрел погром в гостиной на пути к умывальнику. А когда он увидел обломки клавесина, то и вовсе чуть не запутался в собственных ногах. Поставив воду в отведенное место, работник предложил убрать верхнюю одежду лжеграфа и лжебарона в гардеробную, на что Джулиан ответил спокойным отказом, и Мэтью обрадовался, что к двум трупам не придется добавлять третий. Он подумал, что гостиница «Герб Мейфэра» не особо разорится, выделив средства на покупку нового клавесина. Также он надеялся, что к тому времени, когда тела пруссаков будут обнаружены или начнут нещадно смердеть, их с Джулианом и след простынет. Так что беспокоиться о погроме в номере не было абсолютно никакой

необходимости.

Когда работник гостиницы ушел, Мэтью немедленно сбросил отвратительный парик и выскользнул из сапог и блестящего жакета цвета глины. Он принялся смывать с себя личину барона Брюкса, с ужасом сознавая, что генеральная репетиция окончена. Завтра вечером ему надлежит быть одним из главных действующих лиц в смертельной пьесе, и он взмолился Богу или Судьбе, чтобы им с Джулианом позволили дожить до закрытия занавеса.

Глава четырнадцатая

— Нет!

Все повторяется, как прошлой ночью, — подумал Мэтью, лежа в кровати с балдахином.

Негромкий крик Джулиана звучал так отчаянно, будто исторгся из самых мучительных глубин кошмарного мира, в который он уносился во время сна. По правде говоря, этот мир пугал Мэтью — он совершенно не представлял себе, что там скрывается, но понимал, что ни он сам, ни даже Джулиан, не имеют над этим миром никакой власти.

Этой ночью, пока холодный ветер выл за окном, Мэтью тоже видел сон. Ему снилось, что он — конь, который бросает своего хозяина и убегает с промчавшимся мимо табуном. Мэтью подсчитал, что после отхода ко сну он засыпал и просыпался, снова засыпал и снова просыпался, раз восемь или девять. Это была одна из тех ночей, когда безжалостные часы тянулись мучительно медленно, и хотя Мэтью прекрасно понимал, что к завтрашнему дню ему нужно выспаться и набраться сил, сделать это было не так-то просто.

До него донесся тихий скрип дивана, когда Джулиан переместился на нем. Затем раздался странный звук: Джулиан резко и глубоко вздохнул, словно это был последний вздох в его жизни, выдох же сильно походил на рыдание.

Мэтью тихо встал с кровати, надел бордовую сорочку и коричневые бриджи, что были на нем накануне вечером, взял фонарь с тумбочки и направился в гостиную. Он нашел Джулиана стоящим у окна, плотно закутавшимся в плащ и, кажется, дрожащим. Лоб его бессильно упирался в холодное стекло.

— Оставь меня, — попросил он, даже не взглянув на Мэтью. Его голос был напряженным и пугающе слабым.

— Что с тобой? — спросил Мэтью.

— Я сказал, оставь меня!

— Нет.

Лысая голова Джулиана повернулась. Фонарь выхватил из темноты свирепое блестящее от пота лицо, на котором застыл яростный оскал.

— *Отойди от меня,* — выдохнул он. И, видит Бог, крик напугал бы Мэтью меньше, чем этот злобный шепот. — *Ты не знаешь…*

— Не знаю чего?

— Того, что я сделал. На что я способен. Никто не знает…

— Мне кажется, что ты не *настолько* плохой человек, насколько хочешь казаться, — осторожно произнес Мэтью. — Но может, тебе пора задуматься о том, чтобы оставить свой прежний образ жизни? Хотя бы ради того, чтобы начать высыпаться…

— *Ха!* — Джулиан хохотнул с мрачной, почти замогильной торжественностью.

В номере повисла тишина, сквозь которую был слышен пронзительный плач ветра за окном. В этот ранний утренний час лондонские фонари уже догорели в темноте, и пейзаж за стеклом казался призрачно белым.

— Прежде чем я пойду с тобой в тот дом, — нарушил молчание Мэтью, — мне кажется, я заслуживаю…

— *Заслуживаю,* — скривившись, передразнил Джулиан.

Мэтью продолжил, сделав едва заметную паузу:

— Я заслуживаю знать, что с тобой происходит. Если в том доме у тебя случится какой-то срыв или…

— Не будет у меня срыва! — прорычал Джулиан.

— Что бы тебя ни беспокоило, тебе необходимо это отпустить. Мне кажется, это не то, что стоит хранить.

— Ну, конечно! Это ведь так просто! Завтра я начну с чистого листа, и с миром будет все в порядке. — Когда Джулиан произнес это, Мэтью заметил в его глазах искру истинного мучения, однако она быстро затлела, оставив после себя лишь дымку печали.

— Что ж, — вздохнул Мэтью, — я возвращаюсь в кровать. Пожалуйста, постарайся больше не будить меня своими криками.

В глазах Джулиана появился болезненный, пугающе фанатичный блеск.

— Ты не спал. Как и я. Ты пытался понять, что ждет нас завтра. То есть, уже сегодня.

Мэтью качнул головой.

— И все равно я…

— Я ведь родился недалеко отсюда, — произнес Джулиан слабым, далеким голосом. — На улице неподалеку…

— На улице? Я думал, ты…

— Здесь я родился заново. И стал тем… кем я *стал*. *Чем* я стал, — исправился он. — Мое *второе* рождение произошло на улице недалеко отсюда.

Некоторое время Мэтью не двигался и ничего не говорил, а затем все же решил сделать шаг и поставить свой фонарь на столик. Похоже, человек, который прислуживал безумной Матушке Диар, а после стал ее палачом, был не прочь поведать продолжение своей истории.

— Разве ты не собирался вернуться в кровать? — спросил Джулиан. В его голос вернулась прежняя едкость.

— Нет, — ответил Мэтью. — Я собирался посидеть тут в кресле некоторое время.

Он и в самом деле сел, расслабился и стал ждать.

— Чего ты от меня хочешь? Сказку на ночь?

— Я хочу правды, — ответил Мэтью. — Правда может быть столь же полезной для души, как и одинокая прогулка заснеженным утром.

И снова прозвучал этот короткий торжественный смешок, хотя на этот раз не такой резкий.

— На какой улице? — подтолкнул Мэтью, когда понял, что молчание вновь начинает затягиваться.

Джулиан стоял, не спеша отвечать. Затем он вновь прислонился лбом к холодному стеклу, за которым кружились вихри снега.

— Недалеко отсюда. — Его голос снова стал слабым и далеким, в нем сквозили боль и беспокойство. — Вчера утром я видел ее из этого окна. Ох… нет, она не *настолько* близко к этой гостинице, чтобы ее постояльцы могли дойти туда пешком. Но я все равно видел ее. Она все такая же. Я *постоянно* ее вижу.

— Там… что-то произошло?

— Что-то, — передразнил Джулиан. Он снова глубоко вздохнул и прерывисто выдохнул. Казалось, перед его взором расцвел призрак. — На этой улице я совершил свое первое убийство, — сказал он. — Я убил маленького мальчика.

Аддерлейн, — вспомнил Мэтью. Перед его глазами встала жуткая картина: мертвый ребенок в башне, а затем ужасающе трагическая реакция его матери.

— Тебя это шокирует? — спросил Джулиан, продолжая стоять, прижавшись лбом к стеклу. — Наверное, ты думаешь, что я — один из самых мерзких людей на Земле?

— Я пока не знаю всей истории, — осторожно сказал Мэтью.

— Ах, истории! — хмыкнул Джулиан. — Ты говоришь так, будто что-то в этом имеет смысл. Нечто с началом и концом. Но нет ни того, ни другого. Я убил ребенка на той улице и… он не заслуживал такой смерти.

— А хоть какой-то ребенок разве заслуживает?

— Ты хочешь встать на мою защиту, Мэтью? Ну разве не забавно? Член агентства «Герральд», законопослушный хер, который верит, что миром можно управлять с помощью порядка — встает на мою защиту! Это все Судьба, Мэтью! А Судьбе известны только хаос и путаница. Хорошо, если ты хочешь сказку на ночь, я расскажу ее тебе! Историю, которая согреет твое сердце холодным зимним утром. Тебя это устроит? — Выражение его лица, когда он повернулся к Мэтью, было просто ужасным.

— У нас есть время, — ответил Мэтью.

— Время истекает, — обронил Джулиан, вздохнув. Затем он начал рассказ: — Когда-то я должен был стать офицером Королевского флота. Таков был замысел моего отца. Сделать из мальчика, который пришел в этот мир, убив его жену, высокопоставленного офицера. Я казался ему бесполезным, но должен был пойти по стопам старшего брата, чтобы хоть чего-то достичь. О, какое чудесное это было время! Он отправил меня в школу здесь, в Лондоне. Мне организовали уроки, которые вели ветераны военно-морского флота. Изо дня в день… плавание, мореходство, порядок, *дисциплина*, дисциплина и еще раз дисциплина. — Он замолчал, и Мэтью показалось, что он стиснул зубы, чтобы переждать какую-то боль. — Дисциплина, — продолжил Джулиан, вновь обретя голос. — А я *презирал* это все! Все, что делалось мне во благо. *Бедный Джулиан, непутевый мальчишка, который время от времени промышлял мелкими кражами в магазинах, дразня закон*. Да, я дразнил закон и дразнил Господа… и тех *господ*, что окончательно запрели на своих палубах. Они относились к членам своих экипажей, как к ненужному мусору, которому самое место в трущобах, на улицах. Таким же должен был стать и я. Стань я одним из них, и это открыло бы мне путь в *высшее общество*. Высшее общество, — повторил он с едкой остротой. — Как будто оно хоть когда-нибудь имело для меня значение!

Некоторое время Джулиан молчал, переводя дыхание. Мэтью не торопил его и не пытался задавать наводящих вопросов. История продолжится, когда Джулиан будет готов. Так и вышло.

— В день моих экзаменов, — тихо сказал Джулиан, — я не явился. Я просто решил, что такая жизнь не для меня. И я знал, как мне достанется за это от отца. Все то же самое, ничего нового. Поэтому я пошел в таверну и напился. Я пил целый день. Затем вышел — точнее, выбрался, с трудом передвигая ноги и спотыкаясь — и сел на прекрасную лошадь, которую на днях попросту украл. Да. *Бедный-бедный Джулиан… этот непутевый мальчишка*. — Он покачал головой из стороны в сторону, словно раненый зверь, стремящийся сбросить с себя боль. — И эта прекрасная лошадь подвела меня. Всего секунда невнимательности, резкое натяжение поводьев, неловкое движение шпорой… — Он вздохнул. — Что бы это ни было, но моя лошадь взбесилась. Я пытался обуздать ее, пытался хотя бы увести с улицы. А потом там оказался *он*. Прямо подо мной. И я сбил его. Сбил с ног, словно это был мешок с дерьмом…

На той улице, — подумал Мэтью. — *Той улице, что находится недалеко отсюда, и которая навечно поселилась в кошмарах*

Джулиана.

— Но самое худшее, — прошептал Джулиан, содрогнувшись. — *Худшее…* — Его голос, казалось, разбился на сотни осколков, как хрупкий хрусталь. — Я стоял над этим мальчиком. Это был нищий ребенок, одетый в лохмотья. Весь переломанный. Ничего нельзя было сделать. А потом… позади меня… закричала женщина. «*Мой мальчик!*», вот, что она кричала. *Мой мальчик! Я* повернулся… а она стояла там. Позади меня. Нищенка, одетая в лохмотья, как и ребенок, с грязными немытыми волосами. Она звала своего сына. Женщина, которую мой отец назвал бы отбросом общества. *Мой мальчик…* Она продолжала кричать это снова и снова. В агонии. *Я чувствовал* ее боль, а ее сын был мертв. Его череп был раздроблен. И я начал лепетать: «Мне жаль! Мне жаль! Мне так жаль! Я не хотел…» — Он вдруг моргнул, словно высвобождаясь из хватки воспоминаний. Ему потребовалось мгновение, чтобы продолжить: — Она видела, что я был пьян, потому что я едва стоял на ногах. Она упала на колени возле сына. Качала его… его голову… всю в крови. И она кричала так, словно кто-то живьем вырывал сердце у нее из груди. Этот звук… звук ее крика… — глаза Джулиана заблестели, в них отразились боль и страх, — *я не могу заставить этот звук смолкнуть!* Я слышу его… постоянно. А затем она встала, эта нищенка. На ее лице вдруг проступила ярость, потому что я отнял самое дорогое, что у нее было. И она бросила мне в лицо это слово. *Убийца.* Она сказала это тихо, пока по ее щекам текли слезы. Эта женщина… мой отец назвал бы ее оборванкой, но… в тот момент… в ней было больше достоинства, чем я видел за всю свою жизнь. *Убийца.* Она снова назвала меня так. Негромко. Сдержанно.

Джулиан замолк. Он покачнулся и судорожно вздохнул, словно это страшное слово звучало у него в ушах до сих пор.

— А потом… *потом*, — продолжил Джулиан с трудом, — они пришли за мной, призванные ее криками. Вынырнули из каждого закоулка на той улице. Приковыляли на своих костылях и культях. Они подползали ко мне, словно змеи! Они были *повсюду!* Казалось, что все нищие оборванцы этого мира вылезли из своих нор и укрытий. Они пришли на ее крик. Да. «*Убийца*», сказала она. *Да!* И они устремились ко мне со всех концов улицы, начав швырять мусор мне в лицо… в глаза… в волосы. Кто-то бросил бутылку. Первая угодила мне в бок. Вторая в голову. Я испугался и побежал, а та женщина вновь начала кричать от боли над своим погибшим ребенком. Я бежал… но армия нищих нагоняла. Везде, куда бы я ни сворачивал, они были там! Швыряли в меня грязью и кричали: «*Убийца! Убийца!*». Их крики напоминали перезвон

колоколов. Поминальный звон, который призывно разносился по всей улице. И никто не собирался щадить пьяного идиота, чья лошадь взбесилась! О, нет… насколько я понял, они собирались растерзать меня. Они хотели отомстить. Жаждали справедливости. И тогда я осознал, насколько я был далек от дома.

Джулиан прервался, тяжело вздохнув.

— Видишь, Мэтью? Для них… я стал воплощением Судьбы. Я стал смертельной болезнью… потерянным положением… сокрушенной надеждой… смертью, наступившей солнечным летним днем. Я стал для них воплощением всего несправедливого в этом мире, а они сполна познали, что такое несправедливость. Я понял это позже, но не тогда. В то время я думал лишь о том, чтобы заставить свои непослушные ноги двигаться, потому что не хотел умирать. Для чего я хотел жить, я тоже не знал, но… должно же было быть хоть что-то! — Он несколько мгновений помедлил. — В переулке, когда они почти настигли меня, я *нашел цель*. Дверь в стене открылась, и из нее вышел человек. В руках у него был топор. Он видел все из окна. «*Туда*», сказал он мне и указал на темную комнату. Он ударил двоих или троих, когда они приблизились. И они отступили. Я вошел в ту темную комнату, чтобы спасти свою жизнь. Это был единственный выбор, который предоставила мне Судьба.

Некоторое время Джулиан молчал, и это побудило Мэтью спросить:

— Этот человек работал на Матушку Диар?

— О, до этого еще далеко! — За этим заявлением последовала новая долгая пауза, в течение которой Джулиан размышлял, стоит ли продолжать свое откровение. Видимо он пришел к выводу, что стоит. — Он предложил мне защиту и работу. Немного для начала. Должность простого посыльного. Он был грубым и уродливым человеком… но *умным*. И он видел, что у меня есть доступ к местам, куда ему путь заказан. Я мог смешиваться с обществом богатеев, мог говорить с ними. Мог держать шиллинг в своей ладони так, чтобы люди видели в нем соверен. Это был мой дар — играть на людской жадности. Со временем я встретил других людей, которых заинтересовала моя персона. И у них для меня была работа иного рода. Проникнуть в комнату и украсть оттуда что-то… или применить нож… или пистолет — к чужому врагу. Свести чужие счеты. И я все это делал. Мне хорошо платили. У меня была цель. — Он одарил Мэтью мучительной улыбкой. — Я очень быстро учусь, — усмехнулся он. — Быстро совершенствую навыки.

Новая пауза растянулась еще на несколько секунд.

— И однажды, — продолжил он, — ко мне пришел мужчина, который представился помощником одной женщины. Она услышала мое имя и захотела поговорить со мной насчет будущей работы. Было озвучено, что меня хотят устроить на работу в конторе, где надо сидеть за столом и отмечать что-то в гроссбухе. Не очень похоже на убийства характерные для Матушки Диар, не так ли? Но так и было. Больше денег, власть над подчиненными, азарт охоты… все это смертельный яд, но я пил его многие годы. В конце концов, этот горький напиток стал моей водой. И что с того? Почему я должен был отказываться делать то, что мог делать? Ничто не длится вечно, я это знаю. Так почему мне было не воспользоваться своими талантами, раз уж я был ими наделен? — Он вздохнул. — Затем Матушка Диар начала… гм… *одалживать меня* Профессору Фэллу, и я присоединился к его компании. Точнее, начал *принадлежать ей*. И все еще принадлежу. Когда я делаю работу, я делаю ее в меру своих возможностей. На меня полагаются, и у меня есть репутация. В этом мире… в преступном мире я стал *кем-то*. Ты понимаешь?

Мэтью не спешил отвечать, взвешивая все, что услышал. Он надеялся, что сможет найти ответ, который не заставит разъяренного Джулиана Девейна броситься на него и разорвать в клочья за осуждение. Наконец, он сказал:

— Мне кажется, ты решил, что раз путь хорошего человека для тебя заказан, то лучше стать плохим человеком, ведь это у тебя хорошо получается. Ты назвал это решением судьбы. Возможно, ты ходячее противоречие. Но уж как есть.

Джулиан не ответил. Мэтью напрягся, готовый ко всему.

Затем Джулиан рассмеялся, и смех его прозвучал искренне.

— Да, — сказал он. — Мне это нравится.

Мэтью встал, понимая, что «сказка на ночь» подошла к концу. На небе забрезжил рассвет, хотя, похоже, грядущий день обещал снова быть серым.

Джулиан зевнул и потянулся.

— Думаю, я смогу немного поспать, — сказал он. — Я так устал… я и не понимал, насколько…

Мэтью кивнул. Он подумал, что Джулиан, вероятно, никогда прежде никому не рассказывал эту историю. А даже если и делился ею со своими друзьями из преступного мира, ни один *хороший*, «законопослушный хер» его исповеди не удостаивался. Возможно, это имело особое значение, а возможно, и нет. Так или иначе, Джулиан уже опустился на диван, положив голову на одну из подушек. Он вытянулся во весь рост и закрыл глаза. Руки его были сложены на груди так, что Мэтью подумал, что он молится.

Говорить он этого не стал, потому что хотел сохранить все оставшиеся зубы в целости.

Мэтью помнил, что в башне у Аддерлейна Джулиан сказал, что не оплакивает мертвецов.

По крайней мере, насчет одного случая он солгал.

— Мы зайдем и выйдем, — сказал Джулиан с закрытыми глазами. — Найдем книгу. Сегодня. Просто зайдем и выйдем. Заберем книгу, а потом найдем химика. Похитим, если придется. У нас получится. Сегодня вечером… у нас получится…

Джулиан постепенно ускользал в царство снов. Мэтью поднял фонарь и вернулся в спальню, где лег на красивую кровать с балдахином. В десяти футах от него в гардеробной было спрятано два трупа, а в соседней комнате спал мучимый совестью убийца.

Мэтью закрыл глаза, но понял, что рассказанная «сказка» не дает ему покоя.

Сегодня вечером. Просто зайдем и выйдем. Найдем книгу.

Зайдем и выйдем.

Сегодня.

Глава пятнадцатая

Итак, план был таков: собрать оружие, нанять экипаж у гостиницы, добраться до места назначения, проинструктировать возницу проехать *мимо* поместья на Эндсли-Парк-Роуд и подождать их пару часов за достойную плату. Затем нужно было пройти мимо охранника у ворот, предъявив приглашение пруссаков, попасть в дом и каким-то образом отыскать там книгу.

Если она действительно там.

И если это действительно нужный дом.

При этом Мэтью и Джулиан оба понимали, что выйти из дома с книгой — хорошее достижение, но оно не гарантирует, что они успеют целыми и невредимыми добраться до нанятого экипажа.

Весь этот план состоял из одного сплошного риска, и все же это был единственный путь.

***

На улицы Лондона опустилась вечерняя мгла. Впрочем, весь сегодняшний день и без того был таким мрачным, что, казалось, темнота даже не сумела прочертить четкую границу между днем и ночью.

Пока Мэтью старательно напудривал лицо, натягивал парик и перевоплощался в барона Брюкса — в ход пошел тот же диковинный костюм, что и вчера, — он чувствовал, как огромная ответственность предстоящей задачи всем своим весом давит ему на плечи. Это была ситуация из категории «*сделай или умри*»; без этой книги все будет кончено.

Утром Мэтью подумывал о том, чтобы попытаться связаться с Гарднером Лиллехорном и обратиться за помощью — возможно, попросить констеблей патрулировать окрестности дома или даже, если ситуация станет совсем отчаянной, совершить на этот дом вооруженный налет, однако в итоге Мэтью отринул эту идею, сочтя ее неосуществимой. Во-первых, время имело решающее значение, а на скорость Лиллехорна в таких вопросах полагаться было нельзя. Во-вторых, Мэтью прекрасно знал, что Лиллехорн и его начальство непременно захотят выяснить, чем эта книга так ценна. Мэтью сомневался, что законники Лондона будут послушно сидеть сложа руки и позволят преспокойно вернуть

книгу Дантону Идрису Фэллу, вне зависимости от того, *чей* разум нуждался в срочном лечении. Нет-нет, это был неоправданный риск.

Возможно, стоило послать весточку в лондонский отдел агентства «Герральд»? Однако Мэтью отринул и эту мысль — снова из-за нехватки времени. Они с Джулианом должны были уложиться в очень сжатые сроки, а если связаться с агентством, то сегодня в половине восьмого вечера Мэтью все еще будет растолковывать им суть сложившейся проблемы. Нет, в дело должны были вступить только они с Джулианом, явившись в тот злополучный дом разодетыми, как прусские клоуны. Мэтью очень жалел, что с ним не было Хадсона Грейтхауза. Он мог бы дать совет, предложить план получше… или хотя бы ослабить напряжение, которое затуманивало разум и делало ватными ноги. А у Мэтью было предчувствие, что сегодня в быстроте своих ног он будет нуждаться, как никогда прежде.

— Помни, — сказал Джулиан, набрасывая на себя шубу из шкуры белого медведя. Лицо его было разукрашено белилами до самой макушки, а щеки щедро нарумянены, — ты не говоришь по-английски. Не забыл?

— *Ja,* — ответил напудренный добела Мэтью, закрепляя над париком раскрашенную под синяк треуголку. Последним штрихом он натянул на руки перчатки из кожи крокодила, чтобы скрыть татуировку «Черноглазого Семейства». Под пальто из тюленьей кожи, в глубине жакета цвета грязной глины были спрятаны его пистолет и кинжал с рукоятью из слоновой кости, принадлежавший Альбиону. Под жакетом Джулиана на крючке покоился его четырехствольный пистолет.

Они были подготовлены и во всеоружии.

— Возьми с собой пудреницу, — посоветовал Джулиан. — Если вспотеешь, может показаться твой шрам, ты же не хочешь, чтобы Блэк увидел его, если он, конечно, там вообще будет.

Когда Мэтью послушно захватил с собой пудру, Джулиан поднял саквояж с золотыми слитками и планами адской машины в виде крылатого дракона.

— Готов? — спросил он.

Мэтью кивнул, и в тот же момент горло его так сильно сжалось, что он бы не смог вымолвить по-английски ни слова, даже если б захотел.

Они вышли из номера.

Спускаясь по лестнице, Джулиан ткнул Мэтью локтем в бок, и тот едва почувствовал этот тычок сквозь толстое пальто. Однако он понял, *что* хочет сказать ему Джулиан, потому что им навстречу поднимались лорд и леди Тарленторт. Они были одеты

в меха и шелка и щебетали, как счастливые покупатели, разжившиеся отличными товарами. Лица их раскраснелись от холода. Один взгляд, брошенный на двух джентльменов, идущих им навстречу, заставил Тарлентортов замолчать. Они выглядели ошеломленными, как моллюски, почувствовавшие пар из кастрюли. Мэтью увидел, как лорд Тарленторт картинно закатил глаза, взглянув на свою супругу, а та замаскировала смешок под легкий кашель. Затем они молча прошли мимо, и Мэтью понял, что супруги Тарленторт не признали в них с Джулианом зловещего преступника Шрама и невероятно обаятельного, но опасного рассказчика из раскачивающегося и скрипучего экипажа.

Когда они пересекли вестибюль, часы пробили семь. Ночь снаружи вновь встретила их холодом. Казалось, сугробы в этом году не растают до начала мая.

— Экипаж, сэр? — спросил швейцар на улице. Получив краткий кивок, он вышел к проезжей части, размахивая руками, чтобы к нему подъехала карета.

Экипаж прибыл, и возница посмотрел на Джулиана из-под шапки.

— Куда прикажете, сэр?

— Номер четырнадцать по Эндсли-Парк-Роуд, — ответил Джулиан, уже потянувшись к двери. — И поспеши, если ты…

— О, нам по пути! — произнес мужчина позади них. Мэтью обернулся, пораженный тем, как близко прозвучал голос — почти у него над ухом.

Говоривший был одет в серо-голубое утепленное пальто с флисовым воротником и серую треуголку, украшенную тонкой красной лентой. У этого высокого и худого незнакомца с массивным лбом и темными волосами были необычайно светлые голубые глаза — их цвет на фоне кожи оттенка какао приковывал к себе взгляд и буквально шокировал. При этом квадратный подбородок и аристократический профиль выдавали в этом человеке представителя высшего света. Нос выглядел так, словно был всегда немного оскорблен запахами низших сословий, с которыми он вынужден был сосуществовать на одной земле. Тем не менее, мужчина улыбался, и от него не исходило ни угрозы, ни снобизма.

— Прошу прощения за вторжение, — сказал он с легким иностранным акцентом, который Мэтью распознать не сумел, — но могу ли я разделить с вами эту поездку, граф Пеллегар?

Мэтью одновременно пребывал в панике и под впечатлением. Его искренне напугало, что этот человек знал титул Пеллегара, однако он был впечатлен тем, с каким хладнокровием Джулиан отошел от двери и приглашающим жестом дал незнакомцу

понять, что тот может к ним присоединиться.

Мужчина ступил своим черным полированным ботинком на пассажирскую ступеньку. Мэтью заметил у него похожий кожаный саквояж. Незнакомец залез в карету, и Джулиан переглянулся с Мэтью. Его взгляд — даже сквозь всю эту клоунскую раскраску — читался безошибочно, он говорил: «*Будь настороже*».

Мэтью и Джулиан расположились напротив незнакомца, и экипаж тронулся. Масляная лампа качалась на подвесе, отбрасывая причудливые тени.

— Это честь для меня, сэр, — сказал мужчина, все еще улыбаясь. — А это барон Брюкс, я полагаю?

— Вы правы. Но он не говорит по-английски. А с кем я имею честь беседовать, скажите на милость?

— Хм… можете называть меня Виктором.

— Однако это не ваше настоящее имя?

— Нет, — он пожал плечами. — Но что есть имя? Всего лишь сопутствующий атрибут, никак не относящийся к впечатлению.

— Но вы же как-то нас узнали.

Мэтью подумал, что Джулиан раскрыл парус в опасных водах, однако ничего не мог сказать, чтобы предостеречь его.

— По вашей *репутации*, разумеется, — ответил Виктор. — И вашей одежде. Позвольте перефразировать: по вашему *стилю*. То, как вы справились с ситуацией, касающейся принца Поваласки — когда это было? Года три назад? — было верхом мастерства. Смею сказать, я не могу представить никого другого, кто смог бы проникнуть туда так, как вы, при всей выставленной там охране.

— Хм, — с ноткой довольства выдал Джулиан.

— Ну, — протянул Виктор, слегка пожав плечами, — еще это было под силу *мне*. — Его улыбка теперь казалась Мэтью, скорее гримасой хищного зверя, а в бледно-голубых глазах горел пугающе яркий огонь.

Это очень опасный человек, — настороженно подумал Мэтью.

Гнетущая тишина продолжалась до тех пор, пока Виктор не поднял руки в черных перчатках, словно капитулируя и намекая на мир между народами, стоящими на грани войны.

— Но в любом случае, — примирительно сказал он, пока Мэтью все пытался определить его акцент, — это была хорошо проделанная работа.

— Признателен за ваш отзыв о моих талантах, — сказал Джулиан. Он держался так естественно, что его мастерству позавидовали бы лучшие актеры Шекспировского театра. Впрочем, вряд ли хоть кому-то из этих актеров приходилось играть роль в столь опасной постановке. Сегодняшнее представление было настолько страшным, что Мэтью почти

постоянно чувствовал острую потребность опорожнить мочевой пузырь.

Виктор продолжал улыбаться. Затем он нырнул рукой под пальто, и оттуда показался пистолет. Мэтью напрягся, Джулиан изменил свое положение всего на долю дюйма, однако Виктор лишь опустил на оружие взгляд и принялся изучать его — устройство взвода, курок, рукоять — как будто только что купил.

— Виктор — не мое настоящее имя, нет, — сказал он. — Но я счел его уместным в данной ситуации, потому что из этого мероприятия я планирую выйти победителем[28].

— Хм, — только и выдал Джулиан, демонстрируя свою искусность в уклончивых высказываниях.

— В некотором смысле мы все братья. Вы согласны? — Виктор не стал дожидаться ответа, потому что, очевидно, мнение графа Пеллегара было ему без надобности. — И здесь нас ждет что-то вроде междоусобной борьбы. Это не связано с нашими *обычными* талантами. Это относится к силе наших *кошельков*, и я могу вас заверить, что сила моего кошелька весьма внушительна.

— Ясно, — слегка кивнул Джулиан. Он улыбнулся, и на его раскрашенном лице эта улыбка выглядела до ужаса нелепо. — Рад узнать, что это не касается размера оружия. — Сказав это, он извлек из-под шубы свой страшный пистолет и принялся изучать его, как Виктор недавно изучал свой. Мэтью заметил, как глаза Виктора сузились, и, проворчав нечто невнятное, он быстро убрал пистолет.

Оставшаяся часть поездки прошла в напряженном молчании. Когда экипаж остановился, Виктор вышел первым. За воротами возвышался дом с привратником на посту. В каждом окне горел свет, словно намечалась грандиозная вечеринка. Виктор стоял у кареты, ожидая пока Мэтью и Джулиан выйдут. Они же в свою очередь поняли, что никоим образом не смогут попросить возницу подождать их два часа неподалеку от дома.

Возница спустился, чтобы получить плату. Джулиан потянулся за кошельком, но Виктор опередил его.

— Позвольте мне, — и вручил монеты вознице, щедро ему переплатив. — Нам понадобится вернуться в «Герб Мейфэра». Я полагаю, дело решится к полуночи.

— Да, сэр, как прикажете. Покорнейше благодарю. — Возница кивнул в знак признательности, занял свое место и щелкнул поводьями. Виктор же достал свое приглашение, приготовившись показать его привратнику.

— *Боже,* — услышал Мэтью напряженный шепот Джулиана. Вместе с экипажем исчез и их отходной путь. Похоже, они оказались в ловушке здесь до полуночи, и трудно было сказать, к

лучшему это или к худшему.

В компании своего опасного попутчика они прошествовали к воротам.

Джулиан показал приглашение. Оно было точно таким же, как у Виктора, но привратник изучил его с поразительной тщательностью. Затем, кивнув, он пропустил их. Пройдя через ворота, Мэтью и Джулиан предпочли держаться на несколько шагов позади Виктора. Приблизившись к внушительной парадной лестнице дома, они вдруг услышали громкий металлический лязг закрывающихся ворот, и Мэтью подумал, что теперь они действительно находятся в заточении. Его не покидала уверенность, что это место куда опаснее Ньюгейта со всеми его призраками…

Ступени лестницы, с обеих сторон окаймленной толстыми перилами, вели к входной двери. Виктор уже добрался до нее и воспользовался дверным молоточком, который, как отметил Мэтью, имел форму корабельной пушки. Дверь открылась почти сразу. За ней показался человек в темно-синей униформе с белыми эполетами на плечах. Лицо его было мрачным, как склеп. Он взглянул на протянутое Виктором приглашение, затем на приглашение Джулиана, и впустил всю троицу в дом. Дверь за ними сразу же закрылась. Сердце Мэтью стучало, как бешеное, и он обрадовался, что взял с собой пудреницу, потому что теперь не сомневался, что она ему понадобится.

У Мэтью было достаточно времени, чтобы бегло изучить фойе. Половицы были сделаны из шикарного темного дерева, стены выкрашены в небесно-голубой цвет, а в воздухе витал сладковато-горький аромат благовоний. Изучая помещение, Мэтью вдруг увидел прямо перед собой Филина в белом костюме, стоявшего рядом с массивным дубовым столом, на котором возвышалась большая плетеная корзина. Позади него стояли двое мужчин в темных костюмах, и оба они выглядели так, будто отведали на ужин гремучих змей.

— Оружие в корзину, пожалуйста, — сказал Филин Виктору, и тот отдал ему не только пистолет, продемонстрированный в экипаже, но и еще один, чуть меньшего размера, а также изогнутый кинжал. Мэтью обратил внимание на последнее оружие. Ему показалось, что оно могло быть восточноевропейского происхождения. Возможно, оно служило подсказкой к тому, из какой же страны явился этот человек.

Но, отобрав оружие, люди Филина Виктора не отпустили. Один из мужчин в темном костюме вышел вперед и строго скомандовал:

— Снимите пальто и шляпу, повесьте их вон там и поднимите

руки. — Кивком он указал на крюки, висевшие на стене. На них уже покоились две треуголки, чья-то остроконечная красная шляпа и три пальто, одно из которых выделялось длиной до пола, и было сделано из желтовато-коричневой шкуры какого-то животного. Второй мужчина взял сумку Виктора, принял из его рук любезно предложенный ключ и заглянул внутрь.

Виктор беспрекословно подчинился всем указаниям: снял треуголку, под которой показались эбеново-черные волосы, и пальто. Мужчина обыскал его, двигаясь от затылка до задней части ботинок, прежде чем ему вернули сумку.

К этому времени Джулиан положил свой пистолет в корзину, и настал черед Мэтью. Отдав свои пистолет и кинжал, он заметил, что в корзине лежат уже несколько пистолетов и ножей, а также предмет, напоминающий кастет, усеянный маленькими гвоздями.

— Один момент, — сказал Филин, положив свою бледную руку на грудь Мэтью.

Мэтью попытался замереть, хотя колени его задрожали. Выпученные глаза Филина буравили его, не мигая. Он изучающе смотрел прямо в лицо Мэтью, вглядываясь, казалось, в каждую пору его кожи.

— Я знаю вас, — сказал Филин. — Не так ли?

— Простите, — вмешался Джулиан. — Барон Брюкс не говорит по-английски.

— Тогда спросите его, где я мог раньше его видеть. Его лицо… почему-то кажется мне знакомым.

Джулиан мешкал всего мгновение. Затем он заговорил с резким акцентом, напоминавшим тот, что он демонстрировал при разговоре с ночным управляющим гостиницы:

— *Хаммер эстад угла каляйн, йа?*

— Nein, — ответил Мэтью, борясь с комом в горле.

— Он сказал: «Нет», — пожал плечами Джулиан, обращаясь к Филину елейным голосом. — Я спросил его, встречались ли вы прежде. Но я и сам знаю, что это невозможно, так как мы с бароном все время провели в «Гербе Мейфэра». Возможно, вы когда-нибудь бывали в Пруссии?

Филин бросил краткий взгляд на Джулиана, но тут же вновь сосредоточился на Мэтью, который не мог отделаться от воспоминания о том, как эти самые золотистые глаза навыкате уставились на него в «Зеленом Пятне».

— Проходите, — сказал Филин. Однако в его тоне угадывалась угроза: *Я буду следить за тобой*.

Мэтью постарался совладать с дрожью в коленях, качнулся вперед и взмолился Богу, чтобы эта голова не совершила тот

пугающий поворот и не стала следить за ними, пока они с Джулианом будут вешать на крюки верхнюю одежу.

— Ключ, — скомандовал человек, взявший саквояж и увидевший замочные скважины. Похоже, предполагалось, что все подобные саквояжи сегодня вечером будут заперты. Джулиан извлек ключик из внутреннего кармана своего жакета, прежде чем его обыскали от ушей до пят. Саквояж был изучен и вскоре возвращен владельцу, после чего они смогли свободно проследовать за Виктором в недра особняка.

— Снимите пальто, шляпу и парик, — уважительно обратился мужчина в черном, приблизившись к Мэтью, который в своем облачении не мог даже плечами пожать.

Пока его обыскивали, он чувствовал на себе взгляд Филина.

Черт возьми!

Если бы у него с собой были барабанные палочки, он с удовольствием воткнул бы их в эти жуткие глаза. Он вновь почувствовал, как на него опускается какой-то гипнотический морок, идя рука об руку с волной ужаса. Мэтью понял, что если б хоть кто-то в этом фойе знал прусский язык, они с Джулианом уже отправились бы на корм собакам.

Но вот, новый посетитель объявил о себе стуком в дверь, и Филин отвлекся на него. Мэтью оглянулся и увидел, как в дом заходит совсем юный мальчик, предъявляя свое приглашение. На вид ему было не больше двенадцати. Он был щуплым, стройным, остроносым и темноглазым. Смотрелся он здесь, мягко сказать, не к месту. При этом на нем был дорогой черный плащ, серые перчатки и серая треуголка с одним белым пером, торчавшим из-под ленты. Под мышкой он сжимал сумку из воловьей кожи. Пока Мэтью наблюдал за ним, это юное создание, достигавшее ростом всего пяти футов и трех дюймов, вытащило из-под плаща сначала один пистолет, затем еще один, поменьше, и третий — из левого сапога. Следом в корзину отправился короткий клинок в кожаных ножнах, закрепленных на спине, между лопатками.

Человек, что обыскивал Мэтью, жестом показал, что он может снова надеть парик, который теперь напоминал ему какое-то раздавленное мертвое животное.

Тем не менее, он снова водрузил его на голову, поправил и возблагодарил Бога за то, что его не заставили снимать перчатки. Он двинулся вперед, чтобы нагнать Джулиана.

Сначала мы лишились экипажа, теперь оружия… прекрасный план разлетается на куски, как трухлявый мешок с зерном во время урагана! — думал он.

Однако волнение его чуть притупилось от созерцания красот этого дома. Даже в нынешнем опасном положении Мэтью не мог

не удивляться всепоглощающей элегантности особняка. Светлое дерево изумительно сочеталось с темным, каждая деталь была отточена до совершенства. Прекрасный многоцветный ковер украшал пол сразу за фойе, а ковровая дорожка тех же расцветок покрывала высокую и широкую лестницу. С большой люстры свисало множество зажженных корабельных фонарей. На небесно-голубых стенах красовалась россыпь работ профессиональных маринистов, а над всем этим возвышался огромный флаг Королевского флота. Его красный крест невольно напомнил Мэтью фирменную *подпись* Кардинала Блэка, а также тот факт, что вся эта красота была лишь слоем белой пудры на лице убийцы.

— Сюда, господа, — сказал седовласый пожилой мужчина в такой же темно-синей униформе, что и человек, встретивший их. Он указал Джулиану и Мэтью в нужном направлении, и они приметили Виктора. — Позвольте мне, — продолжил мужчина с коротким поклоном, предложив свою кандидатуру в качестве эскорта до следующего пункта назначения. Он открыл раздвижную дверь справа, и Мэтью с Джулианом отвели в большую гостиную, расположенную на три ступени ниже.

В этой комнате потолок был разрисован в тон вечернему небу — подобный вид открывается ночью с корабля. Поленья в камине из сверкающего белого мрамора источали свет и тепло. Здесь, похоже, в самом разгаре была вечеринка, хотя настроение, как показалось Мэтью, было больше деловым, нежели расслабленным. Он заметил Виктора, который уже пересек комнату и взял с подноса, предложенного слугой, бокал красного вина. Остальные собравшиеся, коих было пять, либо сидели в коричневых кожаных креслах, либо стояли. Все, как один, попивали красное вино. И все, как один, уставились на Мэтью и Джулиана, когда те вошли. Кроме Виктора.

Мэтью обратил внимание на стройную и довольно красивую темнокожую женщину ростом не менее шести футов и трех дюймов. В ее длинные черные волосы были вплетены маленькие кости животных, и Мэтью подумал, что то странное пальто в пол, скорее всего, принадлежало ей.

Следующим его взгляд привлек коренастый лысый мужчина с крупным рябым лицом бандита. Он холодно посмотрел на лжепруссаков, однако быстро отвел взгляд, продолжив потягивать вино. На нем был поношенный пыльно-серый костюм и ботинки с металлическими носами. Ноги он закинул на небольшой пуф, удобно расположенный прямо перед его креслом. Мэтью предположил, что это и есть владелец кастета, усеянного гвоздями.

Следующий мужчина был высоким и худым, с длинным и мертвенно бледным лицом. Он был одет в темно-синий костюм с белым жилетом и белым галстуком. Голову его покрывала копна рыжевато-каштановых волос… скорее, даже, рыжих, чем каштановых. Он поднял бокал, поприветствовав Мэтью и Джулиана.

Четвертый мужчина, стоявший рядом с темнокожей женщиной, носил парик — почти такой же высокий и сложный, как у Мэтью. На нем ладно сидел серый костюм с жилетом в синюю клетку. Он был среднего роста, коренастый. Пухлое лицо разрумянилось от тепла или вина, а глаза напоминали небольшие черные дыры. Манжеты его серой сорочки украшали вычурные, почти безумные кружева. Он взглянул на Мэтью и Джулиана, не скрывая неприязни, которая, казалось, заполнила собой всю комнату.

Пятым оказался мужчина в привычной для этого дома униформе. Он стоял в углу рядом со столом, на котором лежали сумки остальных участников встречи. Эскорт Мэтью и Джулиана двинулся как раз к этому столу.

— Можете быть уверены, что за вашими *подношениями* внимательно следят, — сказал он, как только Джулиан опустил саквояж на пол. Специально выделенный для этого смотритель поднял его, положил на стол и поставил на него карточку с номером «5». Мэтью отметил, что остальные — с первого по четвертый — также пронумерованы карточками. Кейс из темной кожи был увенчан карточкой с номером «2». Саквояж Виктора помечала четверка. Мэтью подумал, что ноше странного вооруженного до зубов мальчика будет присвоен номер «6».

Итак… кто в этой комнате не принес с собой *подношение*?

Слуга подошел к Джулиану с двумя бокалами вина на серебряном подносе. Джулиан взял один, как и Мэтью, который все еще раздумывал над «подношениями».

Затем вошел двенадцатилетний мальчик со своим сопровождающим — им оказался сам Филин, и Мэтью тут же бросило в пот: волосы под париком, казалось, намокли почти мгновенно. Вьющаяся светло-каштановая шевелюра мальчика была напомажена[29] до блеска и перехвачена сзади двойной лентой. На нем был костюм янтарного цвета с кремовой сорочкой и желтым галстуком, ярко желтыми чулками и сапогами, похоже, из кожи змеи. Свою сумку из воловьей кожи он удерживал одной рукой.

Глаза мальчика вспыхнули, когда он оглядел собравшихся. Остановившись в дверях, он усмехнулся, обнажив передние зубы, казавшиеся слишком большими для детского рта.

— Это, что, гребаные похороны? — грубо спросил он высоким голосом, под стать его возрасту. — В таком случае, кто умер?

Часть третья. Зловещая семерка

Глава шестнадцатая

Двенадцатилетний мальчик с лексикой тридцатилетнего матроса поставил на стол свою сумку, взял с серебряного подноса бокал красного вина и одним глотком осушил его. Затем он положил руки на свои крошечные бедра и снова оглядел остальных обитателей комнаты.

— Похоже, здесь *все* сдохли, — саркастично заметил он. — Почему бы нам не оживить обстановку?

— Есть предложения? — поинтересовался мужчина во втором витиеватом парике. Речь его оказалась невнятной и окрашенной акцентом, который Мэтью также не смог распознать.

— Познакомимся для начала! Я начну. Меня зовут Майлз Мэрда. Мэрда через «Э». Представляю интересы Франции[30]. — Он прошел мимо человека в парике и высокой негритянки, чтобы погреть свои маленькие ручки перед камином. — Мне тридцать три года, и при рождении я заболел болезнью, которая, казалось бы, обречет меня на гибель, но каким-то образом она идеально подошла для избранного мною поприща[31]. Или, скажем так, *избравшего меня* поприща. Я эксперт в том, чтобы казаться тем, кем я не являюсь. К сожалению, я не могу сказать то же самое о некоторых из вас. — Он бросил многозначительный взгляд на рябого бандита. — На этом все. Кто следующий?

Никто не проронил ни слова. Филин сел в свободное кресло, и Мэтью краем глаза заметил, что он за ним наблюдает. Он явно пытался рассмотреть его лицо под гримом.

— Ну же, не стесняйтесь! — упрекнул Мэрда. — Высокая леди! Вы не выглядите застенчивой.

Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой и невеселой.

— Что ж, — сказала она слегка хриплым, хорошо поставленным голосом на внятном английском языке с глубоким певучим акцентом. У Мэтью создалось впечатление, что такой голос может звучать весьма соблазнительно. — Меня зовут Львица Соваж[32], — продолжила она. — Представляю консорциум африканских интересов. Я свободная женщина и намерена оставаться такой и впредь. Оговорю сразу, что убила нескольких мужчин, чтобы получить этот статус.

— Браво вам! — Мэрда снова усмехнулся. — Боже, какая вы большая! Как думаете, вам бы понравился маленький и быстрый?

— Ты слишком мал для меня, — скривилась Львица.

— Никогда не узнаете, пока не попробуете.

— О, — протянула она, — *я знаю*.

— Перехожу от этого сокрушительного отказа к вам, сэр! — Мэрда дернул подбородком в сторону Виктора. — Ваше имя и место работы?

— Виктор. Просто Виктор, — последовал ответ. — Предпочитаю, чтобы сфера деятельности моих нанимателей осталась в тени.

— Таинственный человек, — хмыкнул Мэрда и пожал плечами. — Как вам будет угодно. Вы двое! Я вижу, вы разоделись в свои лучшие вещи. Простите, если я выколю себе глаза, чтобы защитить их от исходящего от вас сияния. Но я должен знать, кто вы! Граф… как вас зовут?

— Пеллегар, — отозвался Джулиан.

— О, давайте будем обращаться друг к другу по именам, как добрые друзья! Можете называть меня Майлзом, а как я могу называть вас? — Он выжидающе склонил голову.

Мэтью вздрогнул. Он лихорадочно соображал. Там, в Гранд-Люксе… упоминалось ли имя Пеллегара?…

— Карло, — сказал Джулиан, и только Мэтью услышал в его голосе облегчение от того, что он вспомнил, как Брюкс воскликнул: «*Karlo! Sie haben unsere fehlenden Falle gefunden*?», что бы это ни значило.

— Но вы можете обращаться ко мне Ваше Сиятельство, — добавил Джулиан. — Барон Брюкс не говорит по-английски, только по-прусски.

— Но имя у него же есть?

— *Барон*, — ответил Джулиан, чем обозначил свое надменное отношение ко всем этим нелюдям, собравшимся с ним в одной комнате. Майлз Мэрда махнул на него своей маленькой ручкой, давая понять, что разговаривать с ним больше не о чем.

— А вы, сэр? — обратился Мэрда к рыжебородому.

— Я? О… ну… мое имя Лазарус Файрбоу. — Мужчина сделал еще один глоток вина, прежде чем продолжить. Он переминался с ноги на ногу, как будто стоял на углях. — Доктор Лазарус Файрбоу, — пояснил он, опуская бокал. — Химик по профессии и по призванию. Я просто… иду в довесок победителю.

Джулиан бросил быстрый взгляд на Мэтью, который в ответ едва заметно кивнул. У Файрбоу не было при себе подношения, потому что он был частью приза.

— Великолепно! — Мэрда повернулся к мужчине бандитского вида. — Сэр?

— Сандор Краковски. — У него был сильный акцент. — Интересы Польши. Я изучаю политику.

— Да, я наслышан, что вы провели много исследований. Я бы даже рискнул предположить, что политическая школа в Польше

довольно жесткая. А Вы, последний по порядку, но не по значению?

Последняя фраза относилась к господину в парике. Он допил вино и не спеша ответил:

— Я Бертран Монтегю. — Его голос был похож на первый хрип аккордеона перед тем, как из него польются ноты. — Кого я представляю, это мое личное дело.

— Ладно, Берти, как хочешь. Ну вот! Разве мы все не чувствуем себя лучше, зная, с кем имеем дело?

Мэтью чувствовал себя ничуть не лучше. На самом деле, он с каждой утекающей минутой чувствовал, как ситуация выходит из-под контроля. Очевидно, за книгу Джонатана Джентри в дом безумного адмирала пришли поторговаться самые отъявленные злодеи всего мира. Второй частью лота являлся доктор Лазарус Файрбоу. Мэтью подумал, что если бы он мог прямо сейчас сесть на пол и начать оплакивать Берри Григсби, он бы именно так и сделал, потому что дело было безнадежное.

И все же… *незримый шанс еще оставался.*

Золотые слитки и чертежи крылатого дракона в сумке… Возможно ли — хоть на секунду! — что такое подношение могло бы составить выигрышную ставку?

Его сердце, ушедшее в подвал во время этого обмена мрачными любезностями, теперь приподнялось до уровня лампы на чердаке.

Да, — подумал он, — *могло бы.*

Его разум быстро сформировал новый план: сыграть в эту игру, предложить цену и, если все пройдет хорошо, уйти отсюда с книгой и химиком, который послужит к ней идеальным инструментом.

А если что-то пойдет не так? В ту же ночь последовать за тем, кто победит, убить его — или ее — и, выхватив книгу из мертвых пальцев, завершить миссию. Мэтью был уверен, что единственный способ забрать книгу у победителя аукциона — это пролить кровь.

Боже мой, — беззвучно причитал он. Прежде он никогда бы не стал так мыслить. Эта миссия начинала превращать его в *плохого человека*. Впрочем… был ли сейчас толк хоть от чего-то *хорошего*?

Он гадал, когда же появятся адмирал и Кардинал Блэк. В этот момент он подумал о том, как звучит имя этого жуткого человека. Черный — самый темный цвет, без оттенков, без света и тени. На нем, по сути, базируются все остальные цвета. Размышляя об этом, Мэтьб решил, что если черный можно назвать главным цветом, то он безоговорочно правит в этой комнате среди

собравшихся. Черный — *главный*[33] цвет смерти.

Мысли Мэтью прервал некто, вошедший в комнату. Этот некто не был похож ни на грузного адмирала с огненной бородой, ни на Темного Кардинала зла. Это была гибкая натренированная молодая женщина с коротко подстриженными каштановыми волосами, миловидным лицом в форме сердечка, выразительными карими глазами и теплой улыбкой. Мэтью предположил, что ей чуть больше двадцати лет. На ней было темно-пурпурное шелковое платье с вышивкой в виде ярко-желтых цветов. Ее руки и предплечья до локтей украшали шелковые перчатки того же цвета, что и платье, и было трудно не заметить поразительно развитую мускулатуру ее предплечий — не вычурную, но определенно закаленную физическими упражнениями.

— Добрый вечер всем, — сказала она. — Меня зовут Элизабет Маллой. Вице-адмирал Лэш высказал пожелание, чтобы я поприветствовала вас в его доме.

Вице-адмирал Лэш, — повторил про себя Мэтью. Он взглянул на Джулиана, чье загримированное лицо было неподвижным, словно у истукана.

Девушка продолжила:

— В свое время Самсон присоединится к вам в обеденном зале. А пока я хотела бы объявить, что ужин подан.

Теперь они знали имя: *Самсон Лэш*.

Мэтью снова взглянул на Джулиана, пытаясь понять, знал он этого человека или нет. Но если его напарник и знал адмирала, то виду не подал. Потом Мэтью случайно взглянул на Филина и увидел, что его проклятые странные золотые глаза снова пытаются пробуравить в нем дыру.

Филин резко встал.

— Прошу всех следовать за мисс Маллой в обеденный зал. — Это была не столько просьба, сколько приказ.

Обеденный зал был украшен зеленью, свисавшей с дубовых балок потолка, а также множеством фонарей и морских сигнальных флагов. В мраморном камине — так же, как и в гостиной — горели поленья. Длинный стол был уставлен тарелками и столовым серебром, но еду еще не подали.

Войдя в комнату, Мэрда встал рядом с Львицей, которая по сравнению с ним казалась настоящей великаншей, и указал вверх.

— Кажется, это омела, — сказал он, улыбнувшись с надеждой.

— В моей стране, — ответила она без улыбки, — мы под ней обычно убиваем.

На это Мэрда лишь пожал плечами. Очередной отказ ни на

йоту не уменьшил его хорошего расположения духа, это было видно по тому, как он сел рядом с Львицей и выпятил грудь, словно был первым претендентом на мировое господство.

— Места не распределены. Садитесь, где пожелаете, — сказала мисс Маллой. К тому моменту Виктор уже сел напротив Мэрды. Мэтью и Джулиан сели рядом. Мэтью оказался лицом к Монтегю, Джулиан — к Львице. Краковски же выбрал место напротив Виктора, лицом к доктору Файрбоу. К большому облегчению Мэтью, Филин не последовал за ними в обеденный зал.

Мисс Маллой подождала, пока все рассядутся по местам, а затем оповестила:

— Мы начнем через минуту, — после чего вышла из комнаты через другую дверь в дальнем ее конце.

Почти сразу же появились двое слуг, чтобы наполнить красным вином бокалы, стоявшие рядом с каждой тарелкой. Внезапно Джулиан поднял бокал.

— Хочу предложить тост. За наш с бароном Брюксом большой успех.

— Я выпью за вашу неудачу, — сказал Мэрда, поднимая бокал. Остальные предпочли воздержаться от комментариев.

Вдруг Львица Соваж устремила на Джулиана изучающий, пронзительный взгляд.

— Как получилось, что пруссак так свободно говорит по-английски?

— Родился англичанином. Вырос и получил образование в Пруссии, — ответил Джулиан, повторив то, что рассказал настоящий граф Пеллегар в Гранд-Люксе. — Могу сказать то же и о вас: у вас, вероятно, был прекрасный учитель?

— Я убила человека, который обучил меня английскому, — ответила она. — Это единственное, на что он был годен. Он был жесток. Позвольте мне исправиться… я *казнила* его за преступления против меня, о которых я бы не хотела распространяться за этим столом.

— Кстати, о *преступлениях* против самого себя! — ворвался в беседу Монтегю, заговорив с присвистом. — Вы сидите напротив… осмелюсь употребить это слово, не будучи убитым… *джентльмена*, который хорошо знает, что такое поведение грубияна. Невежественного грубияна, если быть точным. Не так ли, Пеллегар?

Джулиан вкрадчиво улыбнулся, а Мэтью захотелось забраться под стол.

— Вам видней, — ответил Джулиан.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю! Дело Холленштайна

в 1698 году! Расскажите им всем, как вы и Брюкс провернули то очаровательное дельце!

Джулиан сохранил улыбку, но слегка поерзал на стуле.

— Я нахожу — и, вероятно, со мной все согласятся, — что в решении любого дельца есть свои прелести. Расскажите им сами, Монтегю, раз уж вы такой эксперт.

Напряженную атмосферу комнаты огласил звон вилки о бокал.

— Господа… пожалуйста, — сказал явно нервничающий доктор Файрбоу, — сейчас не время и не место для…

— Они с Брюксом убили моего *нанимателя!* — прохрипел Монтегю, глядя на Львицу так, словно она могла стать плечом к плечу рядом с ним и сразить графа. — Задушил его в спальне! Моего Золотого гуся[34]! И из-за этого я был не у дел — можно сказать, в черном списке — два года, пока не искупил свой грех!

— Прискорбно это слышать, — сказал Джулиан с характерной для него ухмылкой. — Кстати, о золотом гусе!

В этот момент слуги вкатили в комнату три роликовые тележки, на первой из которых стояло зеленое блюдо с очень большим приготовленным гусем — его шкура была зажарена до такого состояния, что действительно напоминала расплавленное золото. Мэтью вздохнул с облегчением, когда внимание Монтегю переключилось с так называемых преступлений графа Пеллегара на пир, катящийся к ним по серому каменному полу. Он заметил также, что Джулиан на несколько секунд закрыл глаза, словно готовясь к следующей стычке, из которой ему придется выкручиваться.

К счастью, пока все конфронтации отступили на второй план.

Вскоре на столе наряду с жареным гусем стояли тарелки с тушеной морковью и турнепсом, жареным картофелем, кукурузой, бататом и спаржей. Тарелки поменьше презентовали копченый лосось, жареную цветную капусту в горчичном соусе, тушеные мидии и нарезанную буханку свежеиспеченного черного хлеба с кунжутом. Слуги стояли по стойке смирно, готовые в любой момент налить еще вина, а также сделать другие необходимые приготовления.

Насколько неудобным ни было бы облачение и насколько удручающими ни казались бы обстоятельства, Мэтью решил не отказывать себе в трапезе и наполнить сжавшийся в узел желудок настолько, насколько тот позволит. Остальные, по-видимому, пришли к такому же решению, потому что пир разгорелся вовсю — застучали ножи и вилки — и лишь изредка голос Майлза Мэрды вмешивался в звуки обжорства, самые отвратительные из которых, как заметил Мэтью, исходили от Монтегю и Краковски.

Затем послышался еще один звук — тяжелые шаги в коридоре, что вел из гостиной в обеденный зал. И внезапно в поле зрения гостей появился *он*.

Сказать, что вице-адмирал Самсон Лэш был похож на медведя, значило бы сказать, что Львица Соваж была по колено щенку. При росте шесть футов четыре дюйма и бочкообразной фигуре мужчина заполнял собой все пространство дверного проема. Но дело было не только в его внушительных габаритах: Мэтью еще никогда не встречал человека, в котором было бы столько внутреннего огня. У пылкого Хадсона Грейтхауза его и то было меньше. Острые голубые глаза этого человека, казалось, метали искры, когда он остановился перед столом и оглядел собравшихся. Его нос, большой и крючковатый, как ни странно, вполне гармонично уравновешивал широкий лоб, напоминавший таран. Черная борода, спускавшаяся на грудь, была росчерками выкрашена под оранжевые и красные языки пламени. Масса вьющихся черных волос доходила до монументальных плеч, а на руках с толстыми венами выступали костяшки пальцев, которые, по мнению Мэтью, могли бы выбить кусок мрамора из камина. Вне всякого сомнения, этот человек выглядел устрашающе.

Уперев огромные руки в бока, он простоял безмолвно довольно долго, в то время как его огненные глаза останавливались то на одном, то на другом госте. Наконец его широкий рот изогнулся в ухмылке, и зубы, отразив пляшущие отблески камина, тоже, казалось, воспламенились.

— Гости! — прогремел он. — Почетные гости! Добро пожаловать всем вам!

— Ах, черт! — услышал Мэтью бормотание Джулиана. Помимо легкой опаски в этом возгласе слышалась некоторая доля благоговения: похоже, Джулиан не мог не оценить по достоинству грозную силу, воплощение которой представлял собой адмирал Лэш.

— Пожалуйста, — сказал Лэш более сдержанным тоном, — продолжайте пировать. — Он вынул из кармана мундира золотые карманные часы и положил их на стол между Мэтью и Монтегю, рядом с костями, что остались от уже съеденного гуся. — Пользуясь моментом, напомню, что мне известно, какой долгий путь пришлось проделать каждому из вас, чтобы оказаться здесь сегодня вечером. Я весьма рад, что вы и те, кого вы представляете, проявили такой интерес к сегодняшнему мероприятию.

Пока Лэш говорил, Филин и Элизабет Маллой тихонько вошли вслед за ним в обеденный зал, и Мэтью почувствовал, как его желудок сжался вокруг только что съеденных яств в надежде

удержать их внутри.

— Это знаменательное событие! — вещал Лэш. — Пришлось затратить огромные средства и тщательно все спланировать, но я с самого начала знал, что это дело обречено на успех. Признаюсь честно: мне и моим компаньонам…

О, я знаю, о ком он говорит, — подумал Мэтью. — *О, к счастью, покойной Матушке Диар и, к несчастью, живом Кардинале.*

— … пришлось дважды отступать в этой операции. Планы шли прахом в самый решающий момент, поэтому мы снова и снова вынуждены были ждать подходящего случая. И, разумеется, воспользовались им сразу же, как он выдался. Результат того стоил: теперь я обладаю книгой, способной изменить мир. Всем вам известно, что это книга химических и ботанических ядов, которая когда-то принадлежала англичанину из свиты Профессора Фэлла — вес этого имени говорит сам за себя. — Он сделал паузу. Одна его бровь слегка дернулась, но так и не приподнялась. — Точнее, это имя *имело вес*. В прошлом. Но время не стоит на месте, дамы и господа! Власть не может быть всегда сосредоточена в одних и тех же руках. Настало время перемен! Эта книга стоила усилий, которые были потрачены на ее поиски. Формулы, содержащиеся в ней — вот то, что сейчас способно говорить само за себя!

Лэш начал медленно прохаживаться от одного конца стола к другому.

— Я расскажу, как все будет проходить дальше. — Его сапоги мерно стучали по каменному полу. — Подготовка к этому мероприятию была долгой и тщательной. Следовательно, нет необходимости торопиться и теперь. Каждый из вас по очереди — в соответствии с номером, который вы получили по прибытии — проследует в мой кабинет, где мы *побеседуем*. Там я услышу сумму, которую вы решили предложить за…

— Одну минуту, сэр!

Все вздрогнули от этого восклицания, поскольку до этого гости были сосредоточены на речи — и на внушительном виде — Самсона Лэша.

Говорившим оказался Виктор:

— Я протестую против подобной процедуры! Почему бы не провести открытые торги?

Лэш замер на полушаге и уставился на него.

Время словно застыло.

Лэш улыбнулся, но в его улыбке не было ни намека на веселья, зато угрозы в ней было с избытком…

— Мой дом, — тихо сказал Лэш, — мои правила.

Виктор промолчал.

— Позвольте заверить вас всех, что вы *уже* сделали выигрышную ставку. — Лэш подошел к Файрбоу и положил свои огромные руки на его худые плечи. Мэтью решил, что, чтобы переломить ключицы Файрбоу, Лэшу понадобится не больше пары секунд. — Победитель получает не только книгу, но и услуги доктора Файрбоу — ровно на год, начиная с сегодняшнего вечера. Этот выдающийся человек успел изучить формулы, содержащиеся в книге, и расшифровать некоторые из них. Он гарантирует, что расшифрует остальное еще до того, как победитель вернется с ним домой. Доктор Файрбоу обучался химическим наукам в Королевском колледже врачей у двух самых известных докторов Лондона — Люциана Криппена и Уилфреда Джекила. Если эти имена вам ничего не говорят, это можно назвать упущением с вашей стороны. — Лэш ободряюще похлопал доктора по плечу и отошел к другому концу стола, где взял карманные часы, посмотрел на них и быстро убрал.

— Кроме того, — продолжил он, — победитель аукциона получит двух телохранителей, выбранных из команды этого человека. — Он указал на Филина, который подтвердил его слова коротким кивком. — Телохранители останутся на страже до тех пор, пока ваш корабль не покинет Лондон, чтобы помешать любому из опечаленных и разочарованных неудачников попытаться забрать то, что не принадлежит ему — или ей — или *им*. — Он пристально посмотрел на Мэтью и Джулиана. — Телохранители будут вооружены и готовы убивать с моего благословения. Доктор, время близится?

— Да, пожалуй, — ответил Файрбоу.

— Я предвидел, — сказал вице-адмирал, — что все вы можете усомниться в силе воздействия ядов. Поэтому я взял на себя смелость устроить наглядную демонстрацию. Один из ядов, расшифрованных доктором Файрбоу, был добавлен в случайный бокал вина. Эффект должен наступить незамедлительно.

Если раньше сердце Мэтью билось часто, то теперь оно понеслось галопом, как скаковая лошадь. Его руки в перчатках вцепились в подлокотники кресла. Что, если он или Джулиан проглотили сыворотку правды?

Господи! — подумал он. Вдруг все откроется прямо здесь, за обеденным столом… катастрофа за катастрофой!

— Уже скоро, — возвестил Лэш, снова взглянув на часы.

— Я все еще протестую против оговоренной процедуры! — настаивал Виктор. — Это несправедливо — не слышать, что мои конкуренты…

Внезапно Сандор Краковски расхохотался.

Все взгляды обратились к нему.

Краковски, все еще смеясь, приложил руку к горлу, как будто пытаясь сдержать смех, но тот не прекращался. Его рябое грубое лицо покраснело. Он продолжал смеяться, звук становился все громче и пронзительнее, а он меж тем оглядывал остальных, как будто верил, что дикий смех исходит не от него, а от кого-то другого. Он начал было вставать, но вдруг расхохотался так сильно, что не смог подняться со стула. А смех меж тем все продолжался и продолжался, пока не оборвался…

… и не перешел в слезы.

— А, — закивал Лэш. Его глаза радостно блеснули. — Следующая фаза.

Краковски уже не просто плакал, а рыдал, как маленький мальчик, потерявший последнюю конфету. Потом он заплакал, как ребенок, увидевший обезглавленную мать, и Мэтью съежился, потому что видеть человека, доведенного до состояния такой отчаянной боли, было невыносимо.

Лэш щелкнул пальцами, и к нему подскочил один из слуг с бокалом белого вина на серебряном подносе.

— Кто-то должен подержать его, пока я буду заливать это ему в глотку.

Мэтью начал было встать, но Джулиан предвидел это и схватил его за руку, чтобы предотвратить движение, которое выдало бы, что «Брюкс» понимает английский.

Львица поднялась со своего места, обошла вокруг стола и обхватила руками Краковски и его стул. Одной рукой Лэш откинул голову жертвы назад, приговаривая:

— Выпей это, Сандор. Давай, будь хорошим мальчиком. — Он поднес бокал к его губам и начал вливать вино ему в рот. Краковски, охваченный химическим горем, понял, что противоядие у него во рту, и высунул язык, желая проглотить как можно больше. После того, как бокал опустел, он продолжал плакать еще несколько мгновений, пока Львица удерживала его, а Лэш гладил его лысую голову, пытаясь успокоить. Наконец, Краковски вздрогнул, испустил последний жуткий всхлип и с хриплым звуком опустил на стол вспотевшее лицо.

— Вот и все, — развел руками Лэш. — Через несколько минут он будет в полном порядке.

Глава семнадцатая

Мэтью стоял перед камином в гостиной Самсона Лэша. Все вернулись из обеденного зала после тревожной — по крайней мере, для него — демонстрации, и первым, кого Филин сопроводил в кабинет Лэша с саквояжем, был Бертран Монтегю. Остальные остались в гостиной, сохраняя молчание.

Сидевший в противоположном углу от Мэтью Сандор Краковски все еще приходил в себя. Время от времени он невольно вздрагивал и прикрывал руками лицо, будто силился избавиться от какого-то страшного кошмара. В качестве награды за его *участие* ему дали бокал с напитком, который вице-адмирал Лэш окрестил двадцатилетним французским арманьяком. Краковски принял бокал с благодарностью, однако не понял, почему ему оказывают такую честь. По его словам, он помнил лишь, как за столом кто-то смеялся, а после его память словно стерлась. Он пришел в себя, когда уже очутился в гостиной, где и получил бокал арманьяка.

Пока бледный, как известка, Краковски сидел, уткнувшись лицом в стол в обеденном зале, Лэш обратился к остальным собравшимся:

— Господа, вы наблюдали эффект лишь *одного из многих* ядов из книги Профессора Фэлла. Доктор Файрбоу сказал мне, что конкретно эта формула крайне проста в применении, а результат можно легко рассчитать по времени.

— Все это, конечно, хорошо, сэр, — вмешался Виктор с насмешкой. — Но каков толк от такой формулы? Смеяться и плакать… это не смертельно, не так ли?

Со своего места Лэш внушительно посмотрел прямо в глаза Виктора.

— Да, не смертельно. У кого-нибудь есть ответ на вопрос Виктора? — Его взгляд блуждал среди присутствующих, пока, наконец, не выбрал жертву: — Граф Пеллегар? Ваша репутация бежит впереди вас. Может, *вы* отгадаете эту загадку?

Джулиан несколько раз постучал пальцем по столу, собираясь с мыслями. Мэтью молча ожидал, что произойдет дальше, взмолившись о том, чтобы у Джулиана получилось быть убедительным.

— Я полагаю, — сказал Джулиан, — что это зелье вызывает временное безумие. Иногда бывает полезнее не убить, а *сокрушить*. Разрушить репутацию, заставить человека потерять почву под ногами… особенно человека, советы которого прежде

ценились. На поле битвы офицер, находящийся под действием такого зелья, не сможет руководить и отдавать приказы. Нет, оно не смертельно физически. Его эффект губителен в ином смысле, и при правильном использовании он может привести, скажем, к *тысячам* смертей.

— Тысячам, — повторил Лэш. Он улыбнулся и кивнул. — Совершенно верно.

Теперь же, в гостиной, Джулиан сидел в кресле между Мэрдой и Виктором, задумчиво нахмурив напудренный белилами лоб и сложив перед собой пальцы домиком. Львица заняла место как можно дальше от остальных. Она оказалась достаточно смелой, чтобы попросить еще бокал вина у Элизабет Маллой, которая, казалось, в процессе ожидания играла роль любезной хозяйки. Файрбоу, надвинув на переносицу очки в проволочной оправе, читал какой-то увесистый медицинский труд, который он принес с собой из другой комнаты. Мэтью подумал, что Файрбоу, должно быть, остановился прямо здесь, в доме, под присмотром Лэша.

Как ни старался, Мэтью не мог удержаться и время от времени поглядывал на Джулиана. То, как запросто его напарник придумал пример применения зелья безумия, вызывало беспокойство. Джулиан хорошо знал свое дело, в этом не было сомнений…

До Мэтью вдруг дошло, какое огромное состояние может стоить книга ядов Джонатана Джентри — особенно в преступном мире. Именно поэтому все эти убийцы и представители противозаконных структур, объединенные одной целью, собрались здесь. Эти люди сеяли разруху и смерть — по воле судьбы, либо по собственной. Либо из-за денег, которые им платили коррумпированные правители или те, кто желал дорваться до подлинной власти. Эта книга была сродни «Малому Ключу Соломона», только являла собой не перечень демонов ада, а сборник способов, как освободить этих демонов и призвать их на Землю.

Речь шла о демонах химических ядов — на любой вкус и цвет — и о докторе Лазарусе Файрбоу, который за целый год сотрудничества может легко выпустить всех этих смертельных джиннов из бутылок. Мэтью полагал, что Файрбоу по окончании этого года службы будет вправе свободно выдвигать свои условия и требования. Можно сказать, что жизнь этого химика была заранее устроена.

Мэтью изнутри сжигали вопросы, он мечтал выяснить, как Файрбоу связался со всем этим. Впрочем, он горел желанием задать подобные вопросы всем присутствующим, но прекрасно

знал, что это невозможно, и от бессилия готов был подойти к стене и начать отчаянно сгрызать с нее краску.

Однако нечто в мозгу Мэтью начало формировать гипотезы вокруг мистера Джулиана Девейна, и ему совсем не нравилось, куда они вели.

Разумеется, Джулиан осознавал ценность книги. А кто бы не осознал? И ведь с такой книгой Джулиан не обязан был хранить верность кому бы то ни было. Он сам мог творить свою судьбу. Мог исчезнуть в мгновение ока и рвануть по только ему известному пути, скрыться в неизвестном направлении, и, будь он проклят, тогда Берри обречена! На самом деле, возможно, в пистолете Джулиана уже припасена пуля, на которой высечено имя Мэтью. Возможно, он захочет пустить ее в ход, как только они выйдут победителями с этого аукциона.

Каждый вопрос, что всплывал в голове Мэтью, вызывал у него ужас.

Неужели ему придется убить Джулиана, чтобы излечить душу женщины, которую он любит… чтобы молить ее выйти за него замуж, если она — дай Бог! — выздоровеет?

Может, он будет вынужден убить Джулиана, для того чтобы спасти собственную жизнь?

Джулиан внезапно вздернул подбородок и воззрился на Мэтью так, словно прочел его мысли. Затем, не меняя выражения лица, он отвернулся и снова углубился в созерцание.

Позади Мэтью в камине потрескивали поленья, однако он вдруг ощутил страшный холод.

— Кто-нибудь может мне сказать, кто смеялся? — вдруг спросил Краковски. Похоже, он все еще пребывал в замешательстве. Чуть раньше он уже задавал этот вопрос, но так и не получил ответа. Мэтью размышлял, достаточно ли этот человек уже пришел в себя, чтобы обдумать и сделать ставку. — Я запутался! — выкрикнул Краковски.

Файрбоу оторвался взгляд от своей книги.

— Сделайте несколько глубоких вздохов, Сандор. Это должно помочь.

— Помочь? Помочь от чего?

— Просто дышите и расслабьтесь.

Краковски пробормотал что-то на родном языке. Слова были неразборчивы, распознать их не представлялось никакой возможности, однако пару мгновений спустя он последовал совету доктора и закрыл глаза.

— А ты, должно быть, чертовски башковитый, да? — обратился Мэрда к Файрбоу. — Чертов гений, не так ли?

— Создатель книги доктор Джонатан Джентри был

настоящим гением, — спокойно ответил Файрбоу. — Стараюсь не отставать.

— Вам придется не просто стараться, а выжимать из своих способностей лучшее, когда окажетесь в моей стране, — заметил Виктор. — Мои работодатели ожидают не застольных трюков, им нужно гораздо больше.

— И я это устрою, — ответил Файрбоу с царственным достоинством. — Но могу заверить вас, сэр, что вот такие «застольные трюки», как вы их назвали, вполне способны сокрушить любого врага, коего ваши работодатели сочтут нужным уничтожить.

Джулиан внезапно выскользнул из своей созерцательной задумчивости.

— Прекрасные слова, — заметил он. — Но мне хотелось бы узнать подробности, которые вице-адмирал Лэш не раскрыл. Например, сколько зелий в этой книге? Или хотя бы… сколько в ней страниц?

— Вы сами сможете это увидеть, граф Пеллегар. — В комнату вошла Элизабет Маллой, вернув в число ожидающих Монтегю. Мэтью приметил, что она передвигается тихо, как кошка. — Мадам Соваж. Полагаю, вы следующая.

Львица взяла свой саквояж и последовала за мисс Маллой, а хмурый Монтегю опустился в кресло. Похоже, все прошло не так, как он планировал. Мэрда бросил в его адрес какой-то неразборчивый комментарий — забавный, на его взгляд, — однако Монтегю не отреагировал. Напряженный, как натянутая струна, он продолжал сидеть, нервно переплетая пальцы.

— Доктор Файрбоу, — продолжил Джулиан тихим ровным голосом, — как человек вашей профессии и вашего положения оказался вовлеченным в это дело? Я полагаю, что с вашей квалификацией вы могли бы жить в этом городе в спокойствии и достатке. А этот аукцион… как знать, куда он вас приведет?

— Да, — поддержал его Монтегю. — Например, в ту дыру, что называется Берлин.

— Или куда-нибудь в Африку, — хмыкнул Мэрда. — Хороший вопрос, Ваше Сиятельство! Давайте послушаем дока.

Мэтью сделал вид, что намерен хорошо обогреться у камина, однако весь обратился в слух.

Файрбоу отложил свою книгу и снял очки. Он потер лоб, вглядевшись в потолок цвета ночного неба, и сказал:

— Это правда, что я с отличием окончил Королевский колледж врачей. Я изучал медицину и химию б***о***льшую часть своей жизни. Мне сорок два, и последние шесть лет я практикую в больнице Хайклиффа, что находится в полумиле отсюда. На

самом деле, именно там я и познакомился с вице-адмиралом четыре года назад, когда он пришел, чтобы… — Он сделал паузу, явно размышляя, следует ли разглашать эту информацию.

— Чтобы ты проверил его мешочек с шарами? — осклабился Мэрда.

— Вскрыть фурункул. Мелочь, конечно, но она зачастую грозит осложнениями, — продолжил Файрбоу. — В медицине так и бывает, незначительный пустяк может привести к непредсказуемым последствиям. Как-то само собой получилось, что мы с ним стали обсуждать различные вопросы. Жизнь в целом. Состояние мира. И я поведал ему свой секрет. Я много лет хранил его и даже себе порой не решался в нем признаться.

— Не томите, продолжайте, — подтолкнул Джулиан, когда пауза начала затягиваться.

— Я ненавижу людей, — признался Файрбоу, и глаза его заметно сузились. — Я никогда не был женат, у меня нет детей, мои родители умерли, а мой единственный живой родственник — сестра — замужем и живет в Бостоне. Мне никогда не следовало становиться врачом… и лечить людей. Так мне часто говаривал один из моих наставников много лет назад. Он как-то сказал, что моя так называемая «врачебная этика»[35] находится на грани между отвратительной и полностью отсутствующей. О, да, человеческий фактор в медицине — это именно та область, где я потерпел неудачу. Моя природа и мой характер жаждут одиночества. Я нахожу в нем непередаваемое утешение и комфорт… но для того, чтобы продолжать карьеру врача в этом городе, нужно хотя бы притворяться, что ты заботишься о своих пациентах и сопереживаешь им. — Он пожал плечами. — А я не могу. Да, мой ум заточен под медицину, но я не хочу, чтобы меня беспокоили болтовня, горе и развращенность больных.

— Занимательно, — хмыкнул Джулиан. — Доктор, который презирает идею наличия живых пациентов!

Мэтью подумал, что сам не сформулировал бы это лучше.

— Почему вы просто не занялись исследованиями? — поинтересовался Виктор, явно находя какую-то ценность в этом диалоге. — Тогда общения с пациентами можно было бы избежать.

— А проблем с деньгами — нет, — усмехнулся Файрбоу. — Скажем так, я привык к определенному уровню жизни. Лабораторные исследователи весьма стеснены в средствах. Как и в возможностях карьерного продвижения. В какой-то момент я и эти свои опасения высказал вице-адмиралу, чем, очевидно, и произвел на него впечатление. Поэтому вскоре он пригласил меня отобедать в его клубе и затронул тему одной *книги*, которую он

намеревался кое у кого *отобрать*. В ближайшем будущем это могло сулить мне огромные деньги, посему вы понимаете, как я развесил уши. И вот я здесь, джентльмены, готовый направить свой острый медицинский ум на исследования, выходящие за рамки самых смелых моих мечтаний — на исследования тех вещей, что, как сказал вице-адмирал, способны изменить мир.

Да, но стоит ли жить в таком мире? — хотел спросить Мэтью. Ответ он мог озвучить и сам: — *Определенно, нет.*

Мэрда засмеялся.

— Ну вы даете, док! Будь я проклят, если когда-нибудь встречал врача, который хотел убивать людей, а не лечить их.

— Во время исследований, — продолжил Файрбоу, — я вижу себя в уединенном месте. В какой-то другой стране. В окружении моих бумаг, моих книг и моего… моего *покоя*. Драгоценное одиночество даст мне возможность развиваться. И, кто знает, какие еще яды и зелья припрятаны в этой книге? По моей оценке, формулы выглядят весьма интригующими и, по крайней мере, на бумаге они обещают быть крайне эффективными. Однако также… я хочу использовать их в качестве отправной точки для *больших* экспериментов.

Мэтью не понравилось, как это прозвучало. Больших экспериментов? Насколько больших? И каких именно? Отравление систем водоснабжения целых городов? Ему казалось, что Файрбоу не будет удовлетворен в своем стремлении к одиночеству, пока не перебьет половину этого «перенаселенного мира».

— Такова моя история. — Файрбоу встал. — А теперь прошу простить, но я продолжу чтение в своей комнате. Как вы уже поняли, уединение мне ближе.

С этими словами он откланялся.

Мисс Маллой вернулась со Львицей примерно через четверть часа. Монтегю провел у Лэша столько же времени. Оба они оставили у него свои сумки.

— Следующим будет мистер Краковски, — объявила Элизабет. — Сэр, вы готовы?

— Да, готов! — Он встал, сделал шаг, споткнулся, но быстро обрел равновесие. Взяв свой саквояж, он направился прочь из комнаты следом за мисс Маллой.

— Его точно можно не принимать в расчет, — пренебрежительно бросил Мэрда. — Этот хер гроша ломаного не стоит. — Он встал и потянулся во весь свой не очень внушительный рост. Затем прошагал к камину и замер рядом с Мэтью.

Мэрда протянул руки к огню, и его маленькие темные глаза

смерили Мэтью взглядом с головы до пят.

— А барон хоть когда-нибудь рот раскрывает? — обратился он к Джулиану.

— Когда ему есть, что сказать, — ответил Джулиан. — И только на нашем языке.

— Он похож на раскрашенный манекен. — Мэрда протянул руку и тронул Мэтью за подбородок. — Без обид, но так и есть.

Мэтью просто уставился на него, а затем с отвращением фыркнул, одновременно играя роль и выражая свое истинное отношение. Затем он высокомерно отвернулся и направился к креслу, которое Мэрда только что освободил.

Краковски вернулся в гостиную примерно минут через десять. Мисс Маллой увела с собой Виктора, Краковски почти рухнул в кресло, закрыл глаза и, казалось, уснул. Через несколько минут со своего места поднялась Львица и обошла комнату, рассматривая морские сюжеты на картинах… или, по крайней мере, притворялась, что рассматривает их. Когда она приблизилась к тому месту, где растянулся в кресле Джулиан, она сначала повела себя так, будто его не существует. А затем как бы невзначай обронила:

— Я много слышала о вас с бароном, — сказала она.

— Правда? Надеюсь, только хорошее, — саркастически усмехнулся Джулиан.

— Ха! — горько хохотнул Монтегю.

— Я слышала… *интересное*, — продолжала Львица. — Вы с бароном недавно вернулись с одного португальского дела, не так ли?

— Хм, — выдал Джулиан. — Вы слышали об этом в Африке?

— Во Франции, где я останавливалась по делам. Я так поняла, ваша вылазка была связана с герцогом де Валаско. — Это было утверждением, а не вопросом.

— Мадам, — Джулиан выдал презрительную легкую улыбочку, — я *никогда* не обсуждаю вопросы, не относящиеся к текущему делу. И эта игра в ожидание — наше *единственное* текущее дело. Для меня.

Львица кивнула, но Мэтью заметил сияние в ее глазах и понял, что нечто пробудило ее животную жажду.

— Я так понимаю, что герцог де Валаско заключил с вами и бароном контракт на убийство его старшего брата. И вы были вознаграждены за это неким раритетом, скажем так, исключительной важности.

— Важность — в глазах смотрящего.

— Вы *знаете*, что я имею в виду, — надавила Львица.

— А я знаю, что здесь происходит! — воскликнул Мэрда. —

Высокая дамочка хочет немного прусских сливок в свою кастрюльку! Ха! Я всегда слышал, что чернокожие…

Он замолчал, когда Львица налетела на него, как вихрь, схватила его за лацканы жакета и подняла над полом одной рукой, подтянув его к своему лицу, на котором показался звериный оскал.

Мэрда широко раскрыл рот.

Он потянулся, чтобы ухватиться за свои зубы, которые неспроста казались слишком большими. С хлопком весь набор верхних зубных протезов и блестящее красное нёбо оказались у него в руке, и он направил всю эту конструкцию на Львицу. Раздался еще один щелчок, и из ее скрытых отсеков выскользнули два маленьких уродливых лезвия. Мэрда держал их на уровне глаз женщины, и Мэтью заметил, что их острия расположены так, чтобы в одно движение на всю жизнь погасить свет для мадам Соваж.

— Тише, тише, — сказал Мэрда. Речь его звучала немного невнятно. Настоящие зубы выглядели крошечными колышками под твердыми отполированными протезами. Львица не сразу отпустила его. Она улыбнулась — если эту отвратительную гримасу можно было назвать улыбкой. Монтегю в это время захохотал и захлопал в ладоши, как пьяная обезьяна, а Краковски проснулся и растерянно пытался понять, что происходит.

Мэтью с удивлением поймал себя на мысли, что если эти двое сейчас поубивают друг друга, у него будет на два повода для беспокойства меньше. Эта мысль повергла его в ужас. Притворством это было или нет, но он чувствовал, как становится *слишком плохим* человеком.

И все же, трудно было не видеть выгоду в этой стычке.

— Может, помиримся, высокая леди? — спросил Мэрда. — А иначе неловко выйдет. — Неясно было, что именно он полагает неловкостью: то, что запросто может ослепить ее, или то, что она может бросить его в камин, как ненужную собачью кость.

В этот момент в гостиную вернулись мисс Маллой и Виктор. В мгновение ока сапоги Мэрды снова коснулись земли. Львица отвернулась, словно ничего не произошло. Лезвия же втянулись обратно в причудливое стоматологическое устройство, после чего Мэрда вернул протезы себе в рот.

Мисс Маллой приподняла подбородок, словно принюхивалась к запаху надвигавшегося насилия.

— У вас какие-то проблемы? — спросила она.

— Просто небольшое представление, — ответил Монтегю. — Весьма занимательное, надо сказать.

— Ничего особенного, — буркнула Львица. — Ничего такого,

с чем бы я сама не справилась.

— Понятно, — ответила мисс Маллой после короткой паузы, и Мэтью предположил, что ей действительно было все понятно. Ее карие проницательные глаза сосредоточились на Джулиане. — Граф Пеллегар? Вы и барон — следующие.

Глава восемнадцатая

С саквояжем Пеллегара в руке Джулиан шел рядом с мисс Маллой по длинному коридору, уходящему в заднюю часть дома. Мэтью следовал за ними, держась на несколько шагов позади. Его внимание привлекла странная особенность: когда их с Джулианом вывели из обеденного зала, стены коридора были светло-голубыми, как водная мель, однако по мере продвижения, цвет стен постепенно темнел, как при постепенном погружении в морские глубины. Канделябры со свечами, установленные тут и там, не справлялись с тем, чтобы разогнать темноту. Казалось, коридор действительно превращался в море — Мэтью с каждым шагом становилось все тяжелее дышать. Он чувствовал, как обливается потом, и пожалел, что не может прямо сейчас воспользоваться белилами и пудрой. На лбу под тяжелым париком появилась испарина. Мэтью молился лишь о том, чтобы капли пота не начали стекать по лбу и по вискам, рискуя открыть его шрам. Если только ему удастся этого избежать, все будет в порядке.

Все будет в порядке. Сейчас, в этом коридоре, который, казалось, был глубиной в двадцать саженей[36], эта мысль выглядела просто нелепой.

— Каково ваше положение в этом доме? — обратился Джулиан к мисс Маллой, когда они подошли к большой дубовой двери в конце коридора, где стены были почти черными, как морское дно, на котором покоились кости сотен утопленников.

— Мое положение? — переспросила она.

— Да. Ваши элегантные перчатки, очень красивое платье… вы — если позволите мне, невежественному пруссаку, так выразиться — полноправная хозяйка в доме вице-адмирала Лэша?

Она едва заметно улыбнулась, но улыбка вышла опасливой и осторожной.

— Перчатки — это элемент моего стиля. Я всегда их ношу. И спасибо за комплимент моему платью. Да, я хозяйка на этом мероприятии, но я также деловой советник вице-адмирала.

— Вот как.

— У меня есть способности к вычислениям, — пояснила она. — Он доверяет моим суждениям и взамен обеспечивает мне очень богатую жизнь. Вот мы и пришли. — Она открыла дверь. — Джентльмены, пожалуйста, после вас.

Джулиан и Мэтью вошли в комнату. Ее стены были выкрашены в темный цвет, как и последние несколько футов

коридора, однако здесь все же разливались лужицы света от расположенных в стратегических местах фонарей. Большое овальное окно выходило на заснеженный двор. На темно-синем ковре, отделанном алой каймой, за внушительным письменным столом сидел Самсон Лэш. Один из фонарей заливал своим светом стол и лицо вице-адмирала с его пламенной бородой. А перед Лэшем — прямо на столе — лежала книга в красном кожаном переплете, та самая, в которой хранились зелья, созданные Джонатаном Джентри. Только руку протяни… так близко и в то же время так далеко! Когда взгляд Мэтью упал на книгу, Лэш погладил ее своей огромной левой рукой.

На полу рядом со столом стояла корзина с саквояжами тех, кто приходил сюда прежде. В кресле по другую сторону стола сидел Филин в своем неизменном белом костюме. Взгляд его золотистых глаз вновь устремился к Мэтью, и тому потребовалось несколько секунд, чтобы отрешиться от этого пристального взора и заметить, что чуть дальше от стола, в углу, куда не дотягивался свет, находился кто-то еще. Сердце Мэтью пустилось вскачь так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди.

Это был Кардинал Блэк. Вытянув свои длинные ноги и скрестив их в зоне лодыжек, он сидел, словно паук, ожидающий свою добычу в центре сплетенной сети. Его худощавое угловатое тело казалось совершенно неподвижным, на бледных руках с необычайно длинными пальцами поблескивало множество серебряных колец с изображениями черепов и демонов. Грива гладких черных волос, рассыпавшаяся по плечам, делала и без того бледное вытянутое лицо Блэка почти призрачным — словно это было вовсе не лицо, а сгусток дыма, обретший форму и зависший в воздухе, изучая пространство черными провалами глаз. Его кожа так плотно облегала скулы, что Мэтью невольно чувствовал тянущую боль от одного взгляда на лицо Кардинала. Ему казалось, что кости в любую секунду могут прорваться наружу. Однако не только эта призрачная боль заставляла Мэтью сжиматься в комок напряжения — гораздо сильнее он чувствовал мрачный морок зла, окутывающий Черного Кардинала, и именно этот морок пугал сильнее всего. Казалось, Блэк и впрямь был посланцем сатаны, молчаливо наблюдающим демоном, пауком в человеческом обличье, вышедшим на охоту за мухами.

Мисс Маллой закрыла за ними дверь, после чего пересекла комнату и встала по правую руку от Лэша. В этом тусклом свете даже ее ангельское личико затянули тени, придав ее облику угрожающей мрачности. Мэтью почувствовал, как по спине пробежала волна дрожи. Тем временем Филин все не сводил с него своего пристального взгляда, и Мэтью гадал, сколько

времени потребуется этому человеку, чтобы мысленно сорвать с «барона Брюкса» маску и вспомнить, что они действительно встречались прежде — в таверне «Зеленое Пятно».

— Перед тем, как мы начнем, — заговорил Джулиан, голос которого прозвучал удивительно спокойно в этом адском логове, — хочу поставить вас кое о чем в известность. — Он говорил с Лэшем, но слова его предназначались Филину. — Остальные ваши гости становятся несколько беспокойными. Начались споры. Замечу, что ни у кого не хватило ума убрать из комнаты набор каминных инструментов. С их помощью любое существо, запертое там, в гостиной, может устроить резню.

Лэш кивнул.

— Проследи за этим, — распорядился он, ни к кому конкретно не обращаясь, и Филин немедленно покинул комнату, притворив за собой дверь.

Мэтью вздохнул бы с облегчением, но теперь за каждым его движением наблюдал Кардинал Блэк… а ведь с ним они тоже сталкивались лицом к лицу. В логове Фэлла. В «Прекрасной Могиле». Да, та встреча была недолгой, однако ее могло вполне хватить, чтобы Черный Кардинал запомнил лицо Мэтью и с легкостью разоблачил его под маской.

Мистер Корбетт, — сказал ему Блэк той ночью в деревенской больнице, — *я наслышан о вас*.

— Джентльмены, — елейно произнес Лэш, — я с нетерпением ждал этой встречи.

— Для нас с бароном это большая честь, — ответил Джулиан.

— Покажите мне, что у вас есть.

Джулиан достал из кармана ключ и открыл саквояж. Руки его при этом не дрожали, каждое движение было уверенным. Мэтью не мог не оценить по достоинству стальные нервы своего напарника — если бы саквояж пришлось открывать ему самому, он то и дело ронял бы ключ из дрожащих рук и возился бы до самой полуночи.

Джулиан открыл сумку, перевернул и потряс ее, пока все десять золотых слитков не выпали из карманов и не легли желтоватой грудой на стол рядом с книгой.

Золото отбросило блики на лицо Лэша. Он протянул руку, чтобы провести пальцами по одному из слитков, а затем тихо спросил:

— Где вторая половина вашего предложения?

— Хм, здесь. — Джулиан открыл внутреннее отделение и вытащил пять листов пергамента.

Мэтью напрягся всем телом. Если Лэш под «второй половиной предложения» имел в виду нечто другое, они оба

покойники. Джулиан тем временем с театральной медлительностью раскладывал на столе перед вице-адмиралом лист за листом. Лишь когда он закончил, выпрямился и с вызовом приподнял подбородок, Мэтью заметил, что на его лбу выступили бисеринки пота.

Лэш ничего не сказал, все его внимание было обращено к чертежам. Он протянул руку и отодвинул в сторону золотые слитки и книгу, чтобы разложить листы по своему вкусу. Мисс Маллой поглядывала на схемы поверх его массивного плеча. Кардинал Блэк в углу сдвинулся всего на несколько дюймов, словно паук готовящийся нанести удар.

Наконец, Лэш заговорил:

— Отлично! — сказал он. А затем добавил с заметным волнением в голосе: — *Превосходно*! Я знал, что вы меня не подведете! Хотя… после вашего последнего сообщения я больше ничего от вас не слышал. — Он поднял глаза на Джулиана и одарил его таким хмурым взглядом, что, будь Мэтью на его месте, у него тут же подкосились бы ноги. — Вам следовало написать мне, что они у вас. Вы непозволительно долго держали меня в неведении.

— Примите мои извинения. Я… чувствовал, что посылать письмо небезопасно.

Лэш снова воззрился на чертежи. Его хмурый взгляд смягчился, а уголки губ начали постепенно растягиваться в победной улыбке.

— Я принимаю ваши извинения. И то, что вы говорите, имеет смысл. Что ты думаешь, Элизабет?

— Они великолепны, — заключила она.

— Более чем великолепны! Они… для меня *самое главное*.

— *Ваше* счастье, сэр, — сказал Джулиан, — это *наше* счастье. Значит ли это, что мы выигрываем торги?

— Это значит, что вы вырвались вперед, — сухо ответила мисс Маллой. — Вице-адмирал Лэш примет решение без спешки. Кроме того, Майлз Мэрда еще не огласил свою…

— Элизабет, давай не будем слишком туманными в наших оценках, чтобы граф Пеллегар не подумал, что мы низко оценили его предложение, — перебил ее Лэш. — Насколько я понимаю, победителями будете вы. И все же, — его рука снова погладила красную книгу, — я могу позволить себе такую роскошь, как время на раздумья. Как бы там ни было, чуть позже я распорядился провести прием, который, думаю, понравится вам, джентльмены. Поэтому давайте не будем спешить с заявлениями о завершении торгов.

— Как я уже сказал, ваше счастье…

Лэш рассмеялся. Он улыбнулся Джулиану, но улыбка его была не веселой, а, скорее, свирепой.

— Вы хоть знаете, *что* принесли мне? Вы хотя бы догадываетесь, почему я пошел на все эти хлопоты, чтобы герцог де Валаско воспользовался вашими услугами и заключил с вами контракт?

Джулиан помедлил с ответом — возможно, дольше, чем следовало, — однако все же нашел нужные слова:

— Конечно. Планы перед вами.

Мэтью вспомнил, что сказала Львица в гостиной: *Я так понимаю, что герцог де Валаско заключил с вами и бароном контракт на убийство его старшего брата. И вы были вознаграждены за это неким раритетом, скажем так, исключительной важности.*

Похоже, Пеллегар и Брюкс привезли слитки не из своих личных запасов — велика вероятность, что слитки им передала некая прусская преступная группировка, пожелавшая заполучить книгу Джентри. Истинную же ценность на этих торгах для Лэша представляли именно чертежи. Если это так, то, выходит, Лэш протянул руку почти на тысячу четыреста миль, чтобы достать листы пергамента, которые он теперь рассматривал чуть ли не с благоговением.

Мэтью попытался подсчитать, сколько времени ушло на такой многоступенчатый план, и подумал, что вице-адмиралу потребовалось не меньше года.

— Вы ничего не знаете! — возвестил Лэш с оттенком жалости к неосведомленным и глупым пруссакам, находящимся в комнате. — Это *будущее* войн, джентльмены. Вы принесли мне чертежи, созданные в 1664 году испанским изобретателем Феррисом Мальдонадо. К несчастью, он также был беспробудным пьяницей, от чего и умер в 1670 году. Труд всей его жизни был развеян по ветру, часть его сгорела дотла в огне. Вы знаете, в чем заключался труд всей жизни Мальдонадо, граф Пеллегар?

— Боюсь, что нет.

— Мечта, над которой все смеялись, что лишь ускорило его упадок. Это планы воздушного корабля.

— *Что*, сэр?

— *Воздушный корабль*, — пророкотал Лэш с расстановкой. — В виде дракона с четырьмя крыльями, питающегося от системы паровых труб, расходящихся от центрального котла. Мальдонадо верил, что в пасти дракона можно будет установить огнеметное устройство — очень похожее на минометы, что в настоящее время используются на нескольких кораблях Королевского флота — и тем самым превратить его в самое страшное оружие в мире:

машину, способную обрушить смерть с небес.

Мэтью с огромным трудом заставил себя держать рот на замке, хотя его мучили вопросы и возражения. Никогда прежде он не слышал ничего подобного, и, положа руку на сердце, изложенную Лэшем идею он считал сущим безумием. *Воздушный корабль*? Дракон, летающий над полем боя и изрыгающий пламя? О, да… Мэтью уже представил, как это может изменить весь военный мир. Ему легко представилось, как корабли вражеского флота — вне зависимости от их размеров и оснащения — будут терпеть неумолимое поражение под огнем этой механической твари. Ни одна крепость не устоит перед таким оружием. А если вообразить, что подобных машин на чьем-либо вооружении будет *несколько?* Мэтью содрогнулся от мысли о том, как пехота спасается бегством, лишь завидев тень дракона. Но… разве это не безумие? Чистой воды безумие!

— Я собираюсь построить его, — провозгласил Лэш.

Неужели это Кардинал Блэк тихо рассмеялся в своем темном углу? Или это был смех самого сатаны, проснувшегося и услышавшего в ночи эту чудеснейшую весть?

— Скажите барону, — воодушевленно пробасил Лэш.

Джулиан чуть повернулся к Мэтью и почти без паузы сказал:

— *Эиршиппен, эм бильден.*

На что Мэтью воскликнул:

— *Jaaaaa*, — с такой интонацией, как будто это была самая интересная идея в мире.

Лэш еще раз изучил чертежи, явно очарованный этими пятью листами пергамента.

— Когда я был маленьким… *мальчишкой* — начал он, тут же исправившись, потому что, видимо, всегда обладал внушительными габаритами и использовать слово «маленький» по отношению к себе не мог даже сам, — я заболел лихорадкой и много дней находился на грани жизни и смерти. Но во время той лихорадки меня посещали видения — я видел удивительные вещи… гм… *объекты,* подобные тому, чертежи которого лежат передо мной сейчас. Огромные воздушные корабли, господствующие в небе! Я видел бессчетные флотилии, плывущие сквозь облака и низвергающие огненный дождь на суетящихся на земле беззащитных врагов. — Лэш перевел дух и вновь заговорил с мечтательным воодушевлением: — Стоило мне оправиться от той лихорадки, как меня поглотила другая: я хотел воплотить свои видения *в реальность*. Уже в детстве, играя со своими игрушечными корабликами, я понимал, какую власть могут принести воздушные корабли тому, кто ими владеет. Я рос, а вместе со мной росла уверенность, что именно за воздушными

кораблями — военное будущее. И я буду тем, кто создаст их!

— Действительно, достойное дело, — сказал Джулиан, бросив быстрый взгляд на Кардинала Блэка, прежде чем снова сосредоточить все свое внимание на Лэше.

— Да, — согласился Лэш. — Достойное. Но крайне дорогостоящее, и с этим необходимо считаться. — Он вздохнул. Взгляд его говорил о том, что он погрузился в воспоминания. — Я происхожу из состоятельного рода. Видите ли, Ярроу Хаксли — тот самый, с верфи Хаксли — был моим дедушкой. Он посвятил свою жизнь кораблестроению, и под его контролем были построены величайшие корабли флота. — Он качнул головой. — Фактически мой путь к посту вице-адмирала был смазан маслом его труда. Но я не желаю греться в лучах чужой славы! Я жажду, чтобы мое имя осталось в веках! — Он вновь опустил взгляд на чертежи. — То, что сейчас лежит передо мной… это моя судьба.

— И я уверен, что судьба вам улыбнется, — кивнул Джулиан.

Лэш неожиданно уставился на него. Его рот скривился, а в глазах, казалось, вспыхнуло голубое пламя.

— Здесь нужно нечто большее, чем улыбка фортуны! — с жаром возразил он. — До тех пор, пока воздушный корабль не будет закончен и оснащен вооружением, мне придется работать втайне, и я не смогу продемонстрировать его… — Он замолчал, и пламя в его глазах сменилось льдом.

— Кому, сэр? — осторожно поинтересовался Джулиан.

Когда Лэш заговорил снова, его голос звучал приглушенно, как будто он разговаривал с легионом призраков, заполонивших комнату.

— *Им*, — сказал он, и в глазах его мелькнул какой-то странный болезненный блеск. — Высшим чинам флота. Они… — он поморщился, словно от боли, — просто *не верят* в мою идею. О, я презентовал ее им! Сказал, что однажды воздушные корабли затмят морские. Изложил им доводы, подробно описал видение, которые посещали меня, но *они* не желали слушать! — Лэш усмехнулся. — Они просто не способны заглянуть в будущее! Видели бы вы, как они смотрели на меня, Пеллегар! Так, будто я *предал* флот… или, в лучшем случае, просто обезумел. Они утверждают, что морской корабль *не может быть* превзойден даже через тысячу лет! — Лэш поднял толстый указательный палец и постучал им по своей лохматой голове. — Но что они понимают? Мне лучше знать, не просто же так у меня были эти видения. — Болезненный блеск его глаз стал заметно сильнее. — Я был *избран* построить этот корабль! Я, а не кто угодно другой из ныне живущих в этом мире! Вы хоть представляете себе, какая ответственность возложена на меня?

Джулиан молча кивнул. Мэтью подумал, что если на данный момент Самсон Лэш еще и не сошел с ума, то уж точно находится в нескольких шагах от Бедлама. Видения, о которых он говорил, явно развили его воображение, но в то же время с самого раннего возраста они постепенно сжигали его разум.

Мэтью недоумевал: с чего Лэш взял, что этот воздушный дракон вообще полетит? Даже если по этим чертежам и впрямь можно построить такую адскую машину, она ведь может не оттолкнуться от земли! Впрочем, похоже, Лэшу отчаянно хотелось верить в саму возможность создания действующего воздушного корабля — пусть даже и только для того, чтобы доказать флоту свою правоту и здравость своего рассудка. А после — выйти из тени Хаксли.

Мэтью перемялся с ноги на ногу.

Он с трудом мог совладать с собой, едва сосредотачиваясь на словах Лэша и лишь мельком задумываясь о его мотивации. В этой комнате было то, что заботило его гораздо сильнее.

Книга. Книга ядов в красном кожаном переплете все также лежала на столе всего в нескольких футах от Мэтью. Ни пистолетов, ни кинжалов поблизости не наблюдалось. Идея завладеть книгой прямо сейчас пьянила, но Мэтью заставлял себя слушаться гласа рассудка. В этой комнате и без оружия было, кого опасаться: Кардинал Блэк не сводил с него глаз, Самсон Лэш был достаточно велик, чтобы задушить лошадь голыми руками, и даже мисс Маллой теперь выглядела зловеще в этом тусклом рассеянном свете фонарей.

Выход был только один: доиграть эту игру до конца.

— Спасибо за ваше предложение, — сказала мисс Маллой, когда Лэш снова углубился в изучение чертежей. Золотые слитки так и остались лежать на столе, обделенные вниманием и нетронутые. — Я провожу вас в гостиную.

— Хорошо, — ответил Джулиан. — Но я…

— Пойдемте, пожалуйста. — Мисс Маллой уже стояла у двери. По коже Мэтью пробежали мурашки, когда он повернулся спиной к Черному Кардиналу, неподвижно сидевшему в углу.

Вернувшись в гостиную, они обнаружили, что Филин сидит среди собравшихся — видимо для того, чтобы предотвратить возникновение новых ссор.

Теперь в кабинет Лэша в сопровождении мисс Маллой отправился Мэрда. Остальным оставалось только ждать.

Пока Лэш рассматривал предложение последнего покупателя, Мэтью старался держаться как можно дальше от Филина.

Мэрда и мисс Маллой вернулись минут через десять. Когда они вошли в гостиную, Виктор, почти что вскочив с кресла,

спросил:

— Ну и что дальше?

— А дальше, — сказала мисс Маллой, — вы будете ждать решения вице-адмирала. А мне меж тем нужно организовать кое-какое развлечение, так что прошу меня извинить. Сейчас вам подадут еще вина.

— Но осмелимся ли мы его выпить? — Монтегю тоже поднялся на ноги. — Думаю, не мне одному пришла в голову мысль, что Лэш мог просто прибрать наши деньги к рукам, а нас самих — отравить и покончить с этим. Тогда он сможет выставить эту проклятую книгу на торги снова.

— Хм, — протянул Джулиан, и далее озвучил слова, что крутились у Мэтью в голове: — Дельная мысль. Какие у нас гарантии, что мы покинем этот дом живыми? В конце концов, как сказал вице-адмирал… его дом — его правила.

Филин поднялся.

— Ваша осторожность оправдана, но в ней нет необходимости. Мисс Маллой может подтвердить мои слова: *вице-адмирал Лэш — человек чести*. Он организовал это мероприятие не для того, чтобы оскорбить или поссорить гильдии и организации, которые вы представляете. Осмелюсь предположить, что если никто из вас не вернется на свои базы для проведения новых операций, то ваши объединения и филиалы смогут связаться друг с другом и установить, что вице-адмирал сотворил с их лучшими представителями. Уверен, с их стороны последует весомый ответный удар, а такие последствия вице-адмиралу не нужны. Как видите, это событие — законный аукцион, а не прелюдия к убийству, и победитель действительно уйдет отсюда с книгой и парой телохранителей.

— Приятно это слышать, — тихо сказала Львица со своего места в дальнем углу. — Мне бы не очень хотелось сегодня вечером лишать вице-адмирала жизни.

После этого заявления никто не проронил ни слова. Мэтью подумал, что из всех убийц, собравшихся здесь в этот снежный вечер, Львица Соваж и Майлз Мэрда, вероятно, самые грозные, Виктор следующий по степени опасности, затем Монтегю и, наконец, Краковски — его смертоносность была сильно снижена действием зелья из книги.

Если б здесь присутствовали настоящие Пеллегар и Брюкс, это сборище можно было бы назвать зловещей семеркой. Впрочем… если считать Лэша и Кардинала Блэка, зловещая семерка и так была в полном составе. В любом случае, на вкус Мэтью, в этой комнате собралось слишком много убийц.

— Филин прав, — сказала мисс Маллой, обращаясь к Львице.

— Вице-адмирал — человек чести. Простите, вынуждена покинуть вас. — На этом она повернулась и вышла из комнаты.

Мэтью, как и Джулиан, откинулся на спинку кресла. Филин подошел к камину, чтобы погреть бледные руки, и Мэтью вздрогнул, опасаясь, что Филин свяжет его с воспоминанием о камине в «Зеленом Пятне».

Но пока этого не произошло.

Нервы Мэтью были натянуты до предела, и, чтобы хоть как-то унять тревогу, он отвернулся от Филина и уставился в пол, постаравшись подумать о чем-то другом. Его искренне удивило, что о Лэше отзываются, как о «человеке чести». Что могло побудить истинного *человека чести* связаться с Кардиналом Блэком? Фанатичная идея… захват книги ядов… операция по получению планов воздушного корабля… налет на Прекрасный Бедд — все это попахивало отчаянием, безумием, но никак не честью.

Мэтью задался вопросом, уж не Филин ли был тем самым звеном, что связывало Лэша с Блэком? Он производил впечатление человека, которому могло прийти в голову направить ресурсы и идеи Лэша так, чтобы они обрели поддержку у Кардинала и его шайки головорезов — той самой шайки, что убила «Черноглазое Семейство» за распространение «Белого Бархата».

Оставались и другие вопросы. Мэтью понял, что захват книги и сам этот аукцион планировался почти год, однако то, *как* Лэш связался с первыми величинами международного преступного мира, оставалось загадкой. Возможно, это тоже было делом рук Филина? Мэтью вдруг понял, что, если б Лэшу не удалось заполучить книгу той ночью, властители преступного мира казнили бы его на месте за то, что зря потратили время и силы на отправку сюда своих представителей. Так что Лэш шел на огромный риск.

Нельзя было оставлять без внимания еще одну деталь: *вторая книга*. Та, за которой охотился Блэк — экземпляр «Малого Ключа Соломона», хранившийся в библиотеке Фэлла. Его должна была выкрасть Матушка Диар, но ей это не удалось. В башню близ Аддерлейна она не явилась, и Блэк, разумеется, понял, что она либо угодила в плен, либо погибла. Итак… хотя цель налета Лэша была достигнута, неудача с получением второй книги должна была стать источником раздражения — возможно, даже гнева — для Кардинала.

Вырвав Мэтью из раздумий, появился слуга с бокалами красного вина на одном из бесчисленных серебряных подносов и принялся обходить гостей, но вино взяли только Мэрда и

Краковски, которые, очевидно, из всего увиденного и услышанного не сделали никаких выводов. Несколько секунд спустя пришел второй слуга и торжественно воскликнул:

— Дамы и господа! Следуйте за мной, пожалуйста.

— Будь готов ко всему, — шепнул Джулиан Мэтью, пока они шли, замыкая караван убийц. Слуга открыл дверь в другой коридор, и процессия начала спускаться по освещенным фонарями каменным ступеням. У самого подножья качество камня изменилось — он стал казаться по-настоящему древним, как будто лежал здесь с начала времен. Лестница оканчивалась арочным проходом, за которым Джулиан и Мэтью увидели ряды каменных скамеек, расположенных над и вокруг круглой ямы с земляным полом.

Мэтью заметил свисающие с потолка цепи, оканчивающиеся кандалами, и нечто похожее на ножные оковы, вбитые в землю прямо под раскаивающимися цепями. Что бы это ни было, оно не предвещало ничего хорошего.

На одной из скамеек верхнего ряда сидел Лэш, а в нескольких футах от него Кардинал Блэк. Лэш чуть подался вперед, наблюдая за процессией, Блэк же остался неподвижным. Его паучьи глаза буравили яму, не замечая никого и ничего вокруг.

— Располагайтесь, где пожелаете. Здесь всем места хватит, — возвестил Лэш.

Мэтью и Джулиан сели позади и чуть правее от Львицы. Слева от них на некотором расстоянии расположился Виктор. Остальные расселись по кругу.

— Это что, долбаная темница? — спросил Мэрда, и его детский голос эхом отразился от каменных стен.

— Мой дом построен над римской медвежьей ямой, — пояснил Лэш. — Я не знал об этом, пока строители на нее не наткнулись. На самом деле, все окрестности этого дома пронизаны римскими катакомбами, в том числе и парк.

Мэтью заметил дубовую дверь в стене ямы. Пока он смотрел на нее, послышался звук отодвигаемого засова, и двое охранников втащили внутрь обнаженного мужчину. За ними следовал третий охранник. Мужчины быстро заковали запястья несчастного в кандалы, а лодыжки — в ножные оковы. Жертва пыталась сопротивляться, но, очевидно, у нее не было сил вырваться — бледное и худое тело уже покрылось уродливым рисунком синяков от предыдущих побоев. Когда охранники закончили работу, обнаженный человек оказался поднят в полный рост туго натянутыми цепями, его руки были задраны над головой, а тело изогнуто в форме полумесяца так, что грудь

выпячивалась вперед.

На взгляд Мэтью, что эта поза буквально кричала о полной беспомощности. Что бы ни последовало за этим, человек мог только метаться из стороны в сторону, но он не мог защитить ни одной части своего тела.

— Я ничего не сделал! — крикнул мужчина, его голос звучал искажено, должно быть, из-за распухших губ и сломанных зубов. — Слышите меня? — Он звякнул цепями, и тело его слегка покачнулось. Его руки выглядели такими напряженными, что вот-вот должны были выскочить из плеч. Он поднял голову и стал осматривать галерею испуганными глазами, вокруг которых чернели синяки. — Послушайте… пожалуйста… я ничего не сделал!

— Что это за развлечение? — спросил Монтегю, когда охранники отступили, чтобы занять позиции у круглых стен ямы. — Пока я уверен лишь в том, что оно агрессивное…

Мэтью полностью разделял это убеждение. Он постарался собраться с духом и приготовиться к тому, что должно было произойти, ведь все, что он мог сделать, это сидеть и смотреть.

— О, именно так! — ответил Лэш. — Я взял на себя смелость убрать с улиц двух констеблей. Двух незначительных людей, чье исчезновение вряд ли будет замечено. — Пока Лэш говорил, вошли Филин и двое слуг: один держал барабан, а другой свирель. Мэтью проследил, как Филин занимает место между Лэшем и Кардиналом Блэком, слуги же остались стоять почти бок о бок на самом верху галереи.

— Я давно стал презирать тупую власть, — продолжил Лэш. — В течение многих лет я наблюдал, как жалкие мелкие людишки разрушают большие — и даже великие — идеи. Будь моя воля, я бы всех их бросил в эту яму, и, уверен, тем самым сделал бы одолжение и Лондону, и всему миру. От препятствий на пути прогресса нужно нещадно избавляться! — Он сделал небольшую паузу, прежде чем заговорить вновь. — Как я понимаю, каждый из вас, дамы и господа, в какой-то момент сталкивался с представителями *тупой власти*. Это могли быть как порочные законники, так и порочная знать. Можете вложить свой гнев в предстоящее зрелище. Знайте, мы мстим за всех вас! К тому же… — он чуть помедлил, — у меня есть компаньон, которому нужно… скажем так… время от времени *выражать себя*, поэтому вот уже несколько лет эта яма *пользуется спросом*. Для моего компаньона это возможность выпустить пар, и я уверен, что все вы насладитесь этим зрелищем. — Он махнул рукой в сторону слуг. Тот, что с барабаном, начал отбивать ровный ритм ладонью, а другой заиграл на свирели странную

мелодию.

— Я отдаю тебя животному, таящемуся внутри Элизабет Маллой, — церемониально произнес Лэш, — на этой арене известной как Дикарка Лиззи.

Один из охранников, как по команде, открыл дверь в яму.

Прошло несколько секунд под аккомпанемент барабанного боя и странной мелодии. Внезапно перед зрителями предстала совершенно обнаженная Элизабет Маллой. В свете фонарей ее гибкое пропитанное маслом тело блестело и переливалось, подчеркивая изгибы. Ее глаза утопали в лужицах темно-фиолетового грима, черные линии очерчивали контуры ее лица, создавая иллюзию раскрашенной куклы. Когда она оценивающе посмотрела на подвешенного пленника, ошеломленному Мэтью показалось, что в ее глазах вспыхнула красная искра, словно трутница, готовая вот-вот вспыхнуть.

Она сняла элегантные перчатки, которые, как она пояснила чуть ранее, были ее модным аксессуаром, но заменила их перчатками до локтей другого рода.

Они были сделаны из черной кожи и оканчивались длинными изогнутыми когтями из отливающей синим стали.

Дикарка Лиззи двинулась к беспомощному констеблю, и Мэтью понял, что сейчас станет свидетелем убийства в масштабах, превосходящих все мыслимые ужасы.

Глава девятнадцатая

Существо, притворявшееся скромной хозяйкой вечера, исчезло. На ее месте появилась еще одна убийца, которую можно было добавить в тот зловещий список. Не теряя времени, Дикарка Лиззи приступила к демонстрации своих талантов.

Когда барабанная дробь и свист возобновились, проигрывая свою странную карнавальную песнь, Дикарка Лиззи начала скользящей походкой вышагивать вокруг закованного констебля, и каждое ее движение, казалось, попадало в ритм барабана. Затем, когда круг был завершен — словно дикое животное, выискавшее лучшее место для атаки, — она прыгнула на свою жертву и обвилась вокруг нее узлом. Ее маленькие груди прижались к мужской груди с поседевшими волосами, и она принялась лизать ему лицо, пока ее ноги, подобно смертельным тискам, сжимали его бедра. Смертельные когти на ее руках нашли свою цель и вцепились в его плечи, царапая их, но пока не очень глубоко. Цепи нещадно громыхали, пока жертва молила о пощаде. Кто-то на галерее рассмеялся. Мэтью решил не смотреть, кто это был, потому что чувствовал, что каждый из присутствующих едва сдерживает свое садистское ликование, рождающееся в черном сердце. Каждый из этих людей был не менее жестоким, чем Самсон Лэш или Кардинал Блэк.

Дикарка Лиззи взобралась на пленника, подтянувшись на цепях, и ее острые когти на перчатках ударом высекли искры из железа. Она стояла прямо на плечах констебля и раскачивала его тело из стороны в сторону в ритм барабана. Снова спустившись, она несколько секунд вглядывалась в лицо жертвы, что, как понял Мэтью, было демонстрацией мрачного триумфа демонов, которые сейчас руководили Элизабет Маллой.

Мужчина застонал:

— Нет… прошу… нет…

А затем с драматическим взмахом рук ее лезвия на всю длину впились в плечи жертвы.

Мэтью не имел права зажать уши, чтобы не слышать жуткого крика боли. Объятый ужасом он понимал, что Дикарка Лиззи пока только играет с мужчиной, поэтому порезы были не смертельными и почти не кровоточили. Клинки ласкали его лицо, бродили по его лбу и расчесывали поседевшие волосы. Мэтью бросил быстрый взгляд на Джулиана, но выражение его лица было непроницаемым. Мэтью невольно задумался, не был ли *плохой человек* хоть немного заинтригован этим жутким танцем

смерти.

Дикарка продолжала извиваться на констебле в уродливой пародии на сексуальную близость. Когти касались его то тут, то там, не нанося смертельных ран, а лишь выбивая из жертвы беспомощные крики. Мэтью подумал, что, может, стоит попытаться спасти жизнь констебля… но как? Это было невозможно! Нет, у него не было иного выхода, кроме как просто смотреть на это зверство. Остальные зрители в свою очередь наклонялись вперед, поближе к яме, чтобы разглядеть все подробности.

Вдруг Дикарка Лиззи, оправдывая свое имя, подобно кровожадному зверю, вонзила когти в бока мужчины, а затем потянула свои смертоносные перчатки вверх, к его подмышкам. Ей оказалось этого мало, и она проделала это снова — медленно и методично. Наконец, когти оставили бока констебля в покое… и метнулись к его лицу. За две секунды они оторвали несколько кусков плоти, и алая кровь под аккомпанемент уже даже не криков, а беспомощного скулежа, начала ручьями змеиться по его коже. Лиззи прижалась к кровоточащему телу, снова обхватив ногами бедра констебля, и — в такт барабану и жуткой мелодии свирели — она начала сдирать кожу со спины несчастного длинными медленными движениями.

Сходя с ума от боли, скованный констебль попытался укусить ее за нос или щеку, но Дикарка была слишком быстра для него, ее голова легко уходила от его атак в сторону, и в какой-то момент Мэтью разглядел жуткую улыбку на ее искривленных губах.

Наигравшись, когти в полной мере принялись за работу. Дикарка Лиззи была настолько быстра, что движения ее казались размытыми. Теперь Мэтью понял, почему ее предплечья были такими мускулистыми: если вдуматься, подобное убийство было тяжким трудом, однако Лиззи умудрялась проделывать всё так, что оно выглядело *легко*.

Прямо на глазах Мэтью констебля разрывали на куски. И хотя тело его яростно сопротивлялось, гремя цепями, сбросить с себя Дикарку у него никак не получалось. Его рваные крики заполнили комнату, но пощады ждать было неоткуда. Он был обречен. Кровь смешивалась с землей под его ногами и превращалась в грязь, а сам констебль был всего в нескольких минутах от того, чтобы стать призраком.

Несколько минут? Нет, вряд ли так долго.

Когти пересекли грудь мужчины, проникая глубоко в плоть. В воздухе клубился кровавый туман. От запаха пота и разорванной плоти Мэтью ощутил пульсацию в висках, а живот его скрутили спазмы. Должно быть, он вздрогнул, борясь с дурнотой, потому

что внезапно рука Джулиана сжала его предплечье железной хваткой, и пока он вглядывался в раскрашенное лицо *плохого человека*, Джулиан одними губами произнес:

— *Нет*.

Дикарка Лиззи оттолкнула умирающего. Она отступила от него на несколько шагов, чтобы полюбоваться своей работой. Голова ее склонилась набок в жутком созерцании.

А затем — как художник, стремящийся добавить завершающий штрих к своей работе, — она бросилась обратно. Удары обрушились на жертву дождем, куски мяса и струи крови взмывали в воздух, пока Дикарка не вскрыла своей жертве живот, обнажив все оттеки синего, красного и розового, которые скрывало тело. В процессе кто-то — Монтегю? — несдержанно вскрикнул от восторга, выражая благодарность и восхищение художнице. Выпотрошенное тело констебля продолжало биться и извиваться, рот его раскрылся, а глаза непонимающе уставились на полость, зиявшую в животе. На Мэтью обрушилось осознание, что сейчас сердце этого человека совершает последние удары. Он перевел взгляд на пол, сфокусировавшись на своих сапогах. Под прусскими белилами его лицо пылало от стыда.

— Браво! — воскликнул Мэрда, сопроводив свой выкрик аплодисментами. Затем он обратился к Лэшу: — Я восхищаюсь точностью описания, что вы дали *мелким* людишкам, сэр!

Это вызвало смех даже у Львицы.

Музыка смолкла.

Мэтью не хотел смотреть, но он слышал, как гремели цепи, пока трое мужчин, которые ранее приковали констебля, уносили его тело с этой страшной арены.

— Ваше Сиятельство! — обратился Лэш. — А разве барон не из тех, кто получает наслаждение от подобных зрелищ? Его это не развлекает?

Мэтью посмотрел на вице-адмирала и заметил, как к его уху наклонился Филин и что-то прошептал. Вероятно, он как раз сообщал, что наблюдал за «бароном» в течение всего действа, и тот отводил глаза, не желая видеть кровопролитие.

— Вовсе нет! — ответил Джулиан, толкнув локтем Мэтью под ребра. — Он, как и я, в изумлении от мастерства леди. Нам обоим кажется, что она — достойнейший представитель нашей профессии. За пределами Пруссии, разумеется.

Лэш рассмеялся над этим одиозным — по мнению Мэтью — остроумием, но ни Филин, ни Кардинал Блэк и не думали улыбаться. Они угрожающе смотрели на Мэтью, пока тот не кивнул и не заставил себя посмотреть на результат резни.

Мертвого констебля оттащили в сторону и оставили лежать.

Охранники пропали из виду, а дверь, ведущая в яму, была все еще открыта. Дикарка Лиззи растянулась на спине, лежа прямо в грязи. Глаза ее были закрыты, будто она пребывала в состоянии покоя… но для Мэтью стало ясно, что ничего еще не кончилось.

Внезапно через дверь в яму втолкнули еще одного обнаженного мужчину. Он яростно пытался сопротивляться своим трем конвоирам, но, похоже, был ослаблен побоями — все его лицо было избито.

Мэтью потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он *знает* этого человека. Когда пришло осознание, он едва не ахнул, тело невольно содрогнулось, и его первым порывом было вскочить на ноги. Лишь железная хватка Джулиана удержала его от этого.

— Спокойно, — прошипел Джулиан, усилив хватку. — Ты, что, его знаешь?

— Ja, — ответил Мэтью, не веря своим глазам. Затем он перестал изображать пруссака и ответил: — Да.

Тем временем внизу, в окровавленной яме мужчины приковывали Диппена Нэка.

— Господи, помилуй меня, я никогда больше не осмелюсь сделать ничего плохого… — лепетал Нэк. Губы его распухли от ударов, явно нанесенных крепкими костяшками пальцев. Правый глаз полностью заплыл, а лоб «украшала» шишка размером с гусиное яйцо. — Ничего, клянусь Христом! — продолжал кричать он. Он разрыдался, а из носа у него текло так, что безволосая белая грудь успела порядком намокнуть.

— Заставь его умолять! — крикнул Виктор. — Первый слишком легко отделался!

С жалким вскриком Нэк все же вырвался из лап своих конвоиров, но ненадолго — одна нога его уже была скована, и все, чего он добился этим отчаянным поступком — рухнул прямо в кровь и потроха предыдущей жертвы. Его снова подняли на ноги, заставили вытянуться и надели на запястья кандалы, что свисали с цепей у него над головой. Затем обездвижили вторую ногу, и теперь Нэк оказался полностью во власти лезвий Лиззи. Конвоиры же поспешили снова занять свои посты в яме.

Мэтью прерывисто вздохнул. Он терпеть не мог Диппена Нэка. Да и кто мог? Разве что Гарднер Лиллехорн, связавшийся с ним по глупости. И все же… Боже, ни один человек не заслуживал того, чтобы умереть на подобной бойне, рыдая, пока его внутренности стекали по ногам, словно какой-то мокрый мусор!

Мэтью приложил руку ко лбу, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать. Потому что ему казалось, что если он останется и будет молча наблюдать за этим зверством, то станет

настолько *плохим человеком*, что уже не сможет жить на этой земле.

— Послушай меня, — шепнул Джулиан, наклонившись к уху Мэтью. — Я неплохо тебя изучил и знаю, о чем ты сейчас думаешь. Во-первых, опусти руку, пока не стер пудру со шрама. Во-вторых… ты ничего не можешь сделать. Слышишь? *Ничего*. Кивни, если понял.

Мэтью опустил руку, но не кивнул. Он вдруг осознал, что и сам получил глубокую душевную рану, пока наблюдал, как Дикарка Лиззи убивала первого невинного констебля. И теперь… неужели он снова будет просто сидеть здесь и ждать того, что должно произойти? Диппен Нэк это или нет — Мэтью не мог позволить Кардиналу Блэку оставить черную метку на его душе.

Барабанная дробь зазвучала снова — медленно и размеренно.

Свирель начала наигрывать новую мелодию, которая, как и предыдущая, навевала лишь жуть.

Мэтью заметил, как Дикарка Лиззи перевернулась на живот и начала ползти к Диппену Нэку. Тот, гремя цепями, завопил, как маленький ребенок, его пухлое тело словно манило убийцу атаковать.

— Пойми, — прошептал Джулиан, и голос его посуровел, — если ты хоть что-нибудь скажешь, мы покойники. Оба. Твоя подруга будет обречена. Поэтому, что бы ты там себе ни нафантазировал, вернись в реальность. Слышишь?

Дикарка Лиззи встала на одно колено. Она протянула свои смертоносные перчатки к Нэку и демонстративно постучала лезвиями. *Клац… клац… клац… клац…*

— Потанцуй на нем! — крикнул Мэрда. — Давай, дорогуша!

Она поднялась с окровавленной земли и принялась кружить вокруг него так же, как вокруг первой жертвы. Нэк истошно захныкал и тщетно попытался вырваться из цепей.

Затем она прыгнула на него.

Лиззи взобралась на свою жертву и извернулась так, чтобы заглянуть в его опухшие от слез и побоев глаза. Ноги ее сомкнулись вокруг его бедер, когти же лаской скользнули по его щекам. И на этот раз она решила поцеловать свою жертву в лоб в качестве прелюдии к убийству.

Мэтью понял, что вот-вот потеряет сознание. Комната сделала крутой оборот у него перед глазами. Мэрда хлопал в ладоши в такт барабанной дроби, и Краковски решил последовать его примеру. Мэтью посмотрел на Лэша, Кардинала Блэка и Филина — все они слегка подались вперед, обуреваемые предвкушением.

Нэк закричал, потому что один из когтей Лиззи заскользил

вниз по его груди — медленно, очень медленно, — оставляя за собой кровавый след.

— Сиди смирно, — шикнул Джулиан.

Лицо Мэтью обливалось потом.

Плохой человек или хороший? Вмешаться? Но к чему это приведет? Ситуация безнадежна, совершенно безнадежна… Нэк обречен… Но, может, что-то сказать? Нет, это не выход. Тогда мы с Джулианом погибнем… и Берри навсегда останется в тисках безумия… безнадежно…

— Пожалуйста… пожалуйста… я ничего не сделал! — умолял Нэк. Его мольбы сорвались на крик, когда другая перчатка Лиззи прошлась по его груди.

Безнадежно.

Но разве безнадежность хоть когда-нибудь останавливала Мэтью от того, чтобы поступать правильно?

Когти вырисовали круги на животе Нэка. В считанные секунды Диппен Нэк — в противовес всем годам своего хулиганства и хвастовства — должен был обратиться в окровавленную кучу отбросов.

Нет, — подумал Мэтью.

Он встал. Джулиан попытался схватить его за руку, но Мэтью стряхнул его ладонь и оттолкнул ее прочь.

— Прекратите! — воскликнул Мэтью.

Барабан и свирель резко смолкли. Все — даже Дикарка Лиззи — уставились на него.

— О, боже… — пробормотал Джулиан, опуская голову и прикрывая глаза рукой.

— Мое имя Мэтью Корбетт. — Эти слова прозвучали необычайно громко в притихшем зале, эхом отразившись от стен. Мэтью на мгновение решил, что он попросту выжил из ума, но затем, встряхнувшись, взял себя в руки и продолжил: — Я сотрудник агентства «Герральд». Прямо сейчас этот дом окружен вооруженными людьми. Бесполезно продолжать все это…. Если мне и человеку перед вами не позволят уйти — *вместе* с книгой ядов — дом возьмут штурмом и…

Кардинал Блэк поднялся на ноги. Он двинулся к Мэтью с грозностью надвигающегося шторма.

Джулиан встал.

— Этот человек убил барона Брюкса и занял его место! Он *заставил* меня ввязаться в это! — Даже несмотря на то, каким он был хорошим актером, отчаяние в его голосе скрыть не удалось. — Но то, что он говорит, правда! Дом окружен!

Когда Черный Кардинал уже замер рядом с Мэтью, Лэш и Филин только поднялись на ноги. Лэш постучал Филина ладонью

по плечу, и тот поспешно покинул зал через арочный проход — скорее всего, чтобы проверить, действительно ли снаружи засада.

Блэк изучающе взирал на Мэтью. Через секунду он сорвал с него высокий парик, плюнул на свою руку и размазал плевок по лбу Мэтью. Пудра стерлась, обнажив под собой шрам, который Черный Кардинал видел во время их встречи в «Прекрасной Могиле» Профессора Фэлла.

Кардинал Блэк улыбнулся. На его странно вытянутом лице улыбка смотрелась совершенно безумной.

— И в самом деле, это мистер Корбетт, — прошелестел Блэк. Его взгляд остановился на Джулиане. — А это у нас, должно быть… Джулиан Девейн, я полагаю. Новая стрижка? — усмехнулся он. — Мы навели справки у Джеффри Бритта. Он рассказал нам, что ты снуешь по Лондону. *Вынюхиваешь* что-то. И вот, вы оба здесь.

Угодили в мою паутину, — как будто не договорил он. По крайней мере, Мэтью так показалось.

Теперь все были на ногах и смотрели на развернувшееся перед ними зрелище в замешательстве, причем на некоторых лицах читалось явное беспокойство.

Лэш вновь уселся на скамью.

— Будь я проклят! — сказал он с громким вздохом, больше похожим на рык. — Да у них не яйца в штанах, а пушечные ядра! Только взгляните на них, друзья! Прийти сюда под ложной личиной, чтобы принять участие в нашем аукционе! А что случилось с настоящими пруссаками?

Джулиан с вызовом вздернул подбородок. Его улыбка ни на грош не походила на улыбку обреченного — скорее, наоборот.

— Мы выпотрошили их и бросили в канаву с дерьмом, где им самое место. Кстати, у них был отвратительный вкус в одежде.

— Мэтью? — раздался слабый голос. — Мэтью… где ты?

Это был Нэк, скулящий в яме, пока Дикарка Лиззи все еще обвивала его тело.

— Здесь, — отозвался Мэтью, продолжая смотреть в беспощадные глаза Черного Кардинала. — Мы собираемся выйти из этого дома, чтобы его не атаковало тридцать человек…

— А чего же только тридцать? — перебил Лэш с коротким резким смешком. — Почему не пятьдесят? Дьявол, чего сразу не сотня?

— Он ведь лжет, да? — забеспокоился Монтегю. — Я на такое не подписывался!

Львица протянула вперед свою длинную руку, грубо схватила Мэтью за подбородок и развернула его лицом к себе. Ее ноздри ходили ходуном, пока она принюхивалась к воздуху.

— Он лжет, — заключила она, — я это чувствую.

— Серьезно? — Мэтью вложил в этот вопрос весь доступный ему сарказм. Накрашенные брови приподнялись, словно в недоумении. Всем своим видом он показывал, что разочарован глупостью Львицы, хотя внутренности его скручивались узлом от страха. — Неужели мы настолько глупы, чтобы заявиться сюда без подмоги?

Рядом с ним Джулиан издал кашляющий звук — скорее всего, он так старался замаскировать, что задыхается от страха.

— Они пришли сюда — *одни* — чтобы вернуть книгу Профессору Фэллу, — сказал Блэк, обращаясь ко всем собравшимся, но особенно к Лэшу. — Скажите мне, мистер Девейн: что случилось с Матушкой Диар?

— Безвременно скончалась, — был ответ.

— Я так и думал. Она не встретилась со мной в оговоренном месте. Получается, книга, которую я искал, до сих пор у Фэлла… Эта книга — большой позор. Она чрезвычайно злит меня и моего Повелителя. — Его тонкий палец начертил на лбу Джулиана две линии, сформировавшие сатанинский крест. — Скоро и ты *скончаешься*.

— Что ж, — пожал плечами Джулиан, — каждому псу нужен хозяин. И, кстати, видел я, как ты поработал над тем маленьким мальчиком в башне. Хотел бы я провести с тобой в той комнате минут пять, чтобы показать, как сражается большой мальчик.

Лэш снова рассмеялся.

— Он забавный, только послушайте, что он говорит! Хотя у тебя и этих пяти минут нет. Потому что часики твои стремительно тикают, и время истекает.

— Мэтью! — позвал Нэк. — Пожалуйста! Умоляю! Вытащи меня отсюда!

— Убейте их всех, и покончим с этим! — выкрикнул Мэрда. — Будь моя воля, я сожрал бы их на десерт!

— Да, — поддержал Виктор, снова сев на скамью, — прикончите их.

— Терпение, — сказал Лэш. — Дождемся, пока вернется Филин. Оставайся на месте, Лиззи. Я сомневаюсь, что твой танец придется прервать.

Джулиан сел и вытянул ноги на скамье.

— Вы же понимаете, Лэш, что Мэтью и я принесли сюда то, что вы хотели. Разве это не значит, что мы выиграли аукцион?

— Но вас на него не приглашали, — ответил вице-адмирал. — Вы лишь принесли сюда то, что предлагали пруссаки. И я заберу ваше подношение, благодарю. Далее я продолжу аукцион среди тех, кто *заслужил* право быть здесь. Услуги доктора

Файрбоу и книга еще ждут своего обладателя. Вот и все.

— Это конец для вас обоих, — прошелестел Блэк.

Через несколько минут, в течение которых Нэк продолжал слабо сопротивляться Дикарке Лиззи, которая вцепилась в него, как пиявка, вернулся Филин.

— Я отправил нескольких человек в парк, — отчитался он Лэшу. Голова его повернулась через плечо, и взгляд выпученных глаз нашел Мэтью и Джулиана. — Первое сообщение: на снегу следов нет. Если там и есть их сообщники, то они прячутся на деревьях.

— Полагаю, это невидимые сообщники, — усмехнулся Лэш. Он погладил свою пламенную бороду. — Мы только зря прервали наше развлечение. Музыканты, начинайте! Лиззи, продолжай.

Когда барабан и свирель вновь зазвучали, когти Дикарки Лиззи продолжили работать над грудью Диппена Нэка. Нэк выкрикнул имя Мэтью, затем еще раз… на третий раз его голос от ужаса прозвучал очень высоко. Крики продолжались, пока лезвия не рассекли ему горло, и кровь не заглушила их, потоком хлынув на грудь и в грязь.

Мэтью отвел взгляд, но Кардинал Блэк схватил его за подбородок и развернул его голову в сторону кровавого зрелища. Тело Диппена Нэка разрывали когти, с которых капала кровь. Наконец, когда внутренности констебля выпали из дымящейся полости в грязь, окровавленная Дикарка Лиззи спрыгнула со своей жертвы и села на колени на некотором расстоянии от трупа. Ее голова чуть склонилась вперед, спина блестела от пота. Нэк был уже мертв, но его тело продолжало содрогаться, заставляя цепи греметь и напевать свою собственную странную мелодию.

Вдобавок ко всему этому ужасу, Мэтью понял, что последним, что произнес Диппен Нэк во время этой страшной казни, было его имя. Нэк просил у него помощи, которая никогда не будет оказана.

— Прекрасно, — сказал Лэш. Он жестом попросил музыкантов остановиться, и на последней ноте убийцы разразились аплодисментами. Дикарка Лиззи оставалась на коленях — очевидно, одурманенная кровью. — Дорогая? — обратился Лэш. — Ты сможешь станцевать еще с двумя?

Она несколько раз вдохнула и выдохнула, а затем ответила:

— Только с одним.

— Все равно хорошо, — согласился Лэш. Он снова погладил бороду, глядя на лжепруссаков. — Ну что ж, — кивнул он, придя к решению. — Давайте подготовим мистера Корбетта.

Глава двадцатая

Придя в себя, Мэтью тут же понял, что руки его схвачены кандалами и вытянуты над головой. Стены ямы делали перед глазами тошнотворные обороты, взгляд не фокусировался, а мозг работал рассеяно после сильного удара по затылку. Однако даже в таком плачевном состоянии Мэтью понял, что трое мужчин — трудно было сказать наверняка, работали они на Лэша или на Филина — еще не успели надеть оковы на его лодыжки.

Уловив призрачную надежду на спасение, Мэтью начал брыкаться, но все его попытки были заранее обречены на провал. Один из мужчин ударил его в грудь той же самой короткой деревянной дубинкой, которой прежде нанес ему удар по голове. От боли у Мэтью перехватило дыхание, а второй удар — кулаком в челюсть — и вовсе сотряс его голову и снова затуманил сознание. Следующее, что он почувствовал, это как оковы сомкнулись вокруг его лодыжек. Его спина болезненно растянулась, а обнаженное тело слегка подалось вперед, как и у двух других жертв, разорванных на части этой ночью.

— Подождите, пока он придет в себя! — прозвучал приказ. Это был голос Лэша, казалось, доносившийся откуда-то издалека. — Мы хотим, чтобы он был свеженьким.

Это вызвало взрыв садистского смеха у собравшихся убийц, и Мэтью невольно вообразил себя низко висящим на дереве яблоком, из которого вот-вот сделают пюре.

Он помнил, как трое охранников забрали его из галереи и заставили спуститься по каменным ступеням, после чего провели через кровавую яму. Дикарка Лиззи, сидевшая на корточках, проводила его жадным плотоядным взглядом, ее натренированное обнаженное тело блестело от крови и пота.

Охранники протолкнули Мэтью через дверь, и он оказался в коридоре с каменным полом и низким потолком, начинавшимся чуть выше его головы. Миновав коридор, они завели его в другую маленькую комнату, освещенную фонарями. Судя по разбросанной по полу одежде, двух предыдущих жертв Дикарки Лиззи держали здесь же. В этой самой комнате деревянная дубинка обрушилась сначала на лопатки Мэтью, затем кто-то — он уже не разбирал, кто именно — нанес ему удар в живот, от которого у него подогнулись колени. Приструнив свою жертву, трое охранников принялись срывать с него перчатки, жакет, блузу, бриджи, чулки и сапоги. Насколько мог, Мэтью попытался сопротивляться, но его тут же оглушили ударом дубинки по

затылку, и это было последнее, что он запомнил, прежде чем понял, что его руки заковали в кандалы и растянули, словно на дыбе.

Теперь, повиснув на цепях, Мэтью Корбетт посмотрел вверх, на галерею, и увидел Джулиана, по одну сторону которого сидела Львица, по другую — Виктор, а позади — Кардинал Блэк. Кардинал обвязал шею Джулиана веревкой и устроился так, чтобы усилить давление, если подбородок Джулиана опустится хоть на долю дюйма.

— Он пришел в себя! — воскликнул Мэрда. — Приступай, дорогая!

— Здесь командую я, сэр, — возразил Лэш. Он наклонился вперед, упершись ладонями в колени. — Ну, мистер Корбетт! Вы станете последним актом нашего вечернего развлечения. Я уверен, что это доставит вам удовольствие.

Какой смысл бороться? — думал Мэтью. Пот стекал по его лицу, то и дело обжигая глаза. Растянутый позвоночник полосовала жгучая боль. Как ни странно, его вдруг посетила мысль, что перед самой смертью он, должно быть, станет выше на пару дюймов.

Есть ли у него какой-нибудь туз в рукаве, чтобы выбраться из этой передряги? Какая-то шутка, которая задержит натиск смертоносных клинков? Что-то? *Хоть что-нибудь*? Нет. Ничего подобного у него не было.

Лэш дал знак музыкантам.

Начался барабанный бой.

Зазвучала свирель, и следующая жутковато странная мелодия повела Мэтью к могиле.

Дикарка Лиззи встала, потянулась и наклонилась вперед, коснувшись лезвиями земли, чтобы размять мышцы. Плавно выпрямившись и поведя плечами, она двинулась на Мэтью с грацией кошки.

— Взять его! — крикнул Монтегю. — Выпусти ему кишки!

Но Лиззи не спешила. Это было *ее* представление, *ее* последний танец на сегодняшний вечер, и она собиралась растянуть удовольствие. Мэтью понял, что не стоит надеяться на быструю смерть: Лиззи не собиралась облегчать его участь.

Пока она обходила его по кругу, Мэтью бросил еще один взгляд на Джулиана. Казалось, еще немного, и Блэк попросту задушит его своей веревкой — настолько туго она была натянута. *Плохой человек* мог только сидеть и созерцать финальное действо вместе с остальными.

Надежды нет, — подумал Мэтью, и на этот раз он знал, что это правда. Но, может, ему удастся отбиться, когда Дикарка

Лиззи набросится на него? Может, получится вцепиться в нее зубами?

Она прыгнула. Движения ее были быстры и отточены.

Лиззи обвилась вокруг него и, несмотря на ее гибкость и тонкое телосложение, ее вес заставил спину Мэтью растянуться сильнее, и он едва не завопил от боли, но заставил себя стиснуть зубы и промолчать. Она заглянула ему в глаза, словно ожидая, что он начнет умолять ее о пощаде. Казалось, она истово этого хотела, и Мэтью был полон решимости не доставлять ей такого удовольствия. Ведь чего он добьется своими мольбами? Лишь потешит самолюбие Дикарки и остальных убийц, собравшихся в галерее.

Смерти он не боялся… по крайней мере, не очень сильно, однако слезы все равно обжигали ему глаза, а горло сдавливали бессильные рыдания. Он хотел плакать не о себе, нет! Его горечь была вызвана судьбой прекрасной Берри Григсби, которая теперь была обречена навеки потерять разум.

Не дождавшись молящих стенаний, Лиззи впилась когтями ему в бока, прощупывая ребра, но не спеша пустить кровь. Мэтью закрыл глаза и закусил губу. Он мог раскачиваться всем телом из стороны в сторону, но это только усилило бы его боль и, конечно, не сбросило бы с него кровожадную бестию. Он почувствовал на своем лице ее дыхание… а затем ее язык, когда она лизнула его щеки.

Лиззи вскарабкалась на него, чтобы лизнуть руки своей добычи. Она прошлась по плечам, а затем добралась и до скованных кандалами запястий. Мэтью зажмурился. Когти вот-вот примутся за дело — это было лишь вопросом времени. Он сокрушенно задумывался о том, чего добился своей отчаянной попыткой спасти Диппена Нэка. По всему выходило, что хороший человек допустил ошибку, а плохой был прав.

Время неумолимо истекало, счет ему вел бой барабана и пронзительный свист свирели.

Дикарка Лиззи спустилась вниз. Ее когти впивались в его бока, но кровь еще не потекла.

Мэтью сжался, приготовившись к ужасной боли.

Но внезапно он почувствовал, что давление клинков ослабло.

Он открыл глаза.

Дикарка Лиззи все еще смотрела ему в лицо, но что-то в ней изменилось. Он не знал, что именно и почему, но это нечто *смягчило* ее лицо… рассеяло желание убивать — вот так просто, в одно мгновение!

Внезапно обнаженная девушка слезла с него и оставила его раскачиваться на цепях.

— Самсон! — обратилась она к галерее. — Прошу прощения, но мне кажется, что ты совершаешь деловую ошибку.

Музыка смолкла, не доиграв последнюю ноту.

— Хм? Что за ошибку? — задумчиво прогремел в ответ вице-адмирал.

Лиззи отошла от Мэтью, вышагивая по крови и внутренностям двух убитых мужчин, посмотрела на Лэша, скрестив на груди руки в перчатках с когтями, и ответила:

— Они пришли сюда, чтобы вернуть книгу Профессору Фэллу. Профессор, должно быть, очень этого хочет. Почему бы не дать ему шанс сделать ставку?

— *Что*? — вскричал Виктор. — Это возмутительно!

— Я протестую против подобной задержки! — сказал Краковски, вскакивая. — Убейте этого человека и продолжим наш аукцион!

— Чертовски верно! — вмешался в разговор Мэрда. Он тоже был уже на ногах, но при его невнушительном росте это особой роли не играло. — Лэш, вы уже получили все предложения!

Лэш помедлил с ответом и обратился к Лиззи:

— Продолжай, — сказал он.

— Ты получил, что хотел, — ответила она, очевидно, имея в виду планы воздушного корабля. — Но… есть же вторая книга, которую хочет *он*. — Она пальцем указала на Кардинала Блэка. Произнося «он», она скривилась так, словно это слово оставило неприятный привкус у нее во рту. — Почему бы не оставить одного из них здесь, а другого не послать к Профессору? Пусть Фэлл предложит цену, и пусть он включит ту, *вторую* книгу в предложение.

— Это *неприемлемо*! — зарычала Львица, тоже вставая. — Я пришла сюда и добросовестно сделала подношение! Вы не можете сейчас изменить правила!

— Согласен! — Желтоватое лицо Монтегю исказила гримаса. — Правила этого аукциона были установлены давным-давно!

— Один момент. — Кардинал Блэк выпустил веревку, что стягивала горло Джулиана. На его лице застыла жуткая улыбка. — Это предложение заслуживает внимания.

— Нет, нет, *нет*! — завопил Виктор. — Я этого не потерплю! Правила есть правила!

Лэш оглядел присутствующих, затем погладил бороду и остановил взгляд на Дикарке Лиззи, которая, казалось, наполовину вернулась к своей менее агрессивной личности Элизабет Маллой.

— Мой дом, — тихо, но твердо сказал он, — мои правила.

— Хорошо сказано, сэр! — поддержал его Джулиан, потирая

горло.

— *Заткнись!* — рявкнул на него Лэш. Он снова повернулся к Элизабет, в то время как Мэрда бормотал проклятия, а Виктор периодически издавал протестующие вскрики. — И кого же ты предлагаешь послать, дорогая? Я думаю, нам лучше выбрать Корбетта. Если отправить Девейна, мы никогда его больше не увидим.

— Да. Мы пошлем Корбетта, — согласилась Элизабет.

— *Безумие*! — неистовствовал Монтегю. — Вы сошли с ума, Лэш!

— Это возмутительно! — кипела Львица. — Я протестую против подобного акта неуважения!

— *Всем заткнуться!* — Лэш встал. Он упер руки в бока и принял такую позу, словно был капитаном корабля, а остальные — неуправляемыми матросами, готовыми взбунтоваться. Мэтью, несмотря на боль в изогнутой спине, счел это сравнение невероятно точным. — Слушайте меня внимательно! — Голос Лэша не был ревом, но в нем было достаточно силы, чтобы заглушить бормотание, яростные выкрики, возмущения и проклятия. — Я хочу сказать, что собираюсь дать Корбетту неделю, чтобы добраться до Фэлла, получить предложение и вернуться обратно. По крайней мере, таковы мои намерения. Я также предоставлю ему один из моих личных экипажей, двух кучеров и телохранителя. Он сможет выехать еще до рассвета. Остальные вольны принять решение прямо сейчас: если вы хотите, забрать ваши предложения и отправиться в путь, милости прошу. Как сказала Элизабет, я уже заполучил то, что хотел от пруссаков. Поэтому победителем станет следующая самая высокая ставка. Я все еще рассматриваю предложения. Если Фэлл сделает ставку, и я…

— Это нарушение договоренности, черт побери! — крикнул Виктор. — Если вы намерены нажить себе врагов, то движетесь в правильном направлении! Я позабочусь о том, чтобы моя гильдия получила за это полную компенсацию!

— … и я сочту ее недостойной, — продолжил Лэш, как ни в чем не бывало, — она будет отвергнута. Даже с учетом пожеланий Кардинала. — Он зашагал к Виктору среди каменных скамей. Подойдя к мужчине, он достал из-за пазухи маленький пистолет и взвел курок.

Дуло устремилось к голове Виктора. Глаза его расширились, но он не успел отреагировать.

Выстрел отколол от черепа Виктора приличный кусок. Кровь брызнула Джулиану на лицо. В одно мгновение тело безвольно рухнуло на пол, словно кости в нем превратились в желе.

— Похоже, одним соперником меньше, — огласил Самсон Лэш, когда стихло эхо выстрела. Он поводил дулом пистолета перед своим носом, вдыхая резкий запах голубоватого дыма. — Я не люблю, когда мне угрожают. С этого момента наш друг Виктор больше не является действующим участником этого аукциона. Есть еще вопросы или комментарии?

— Мне нужна салфетка, — заметил Джулиан нетипично дрожащим для него голосом.

— Вы собираетесь убить нас всех? — Взгляд Львицы был прикован к пистолету. — Если да, то я предупреждаю — без намека на угрозу, сэр, — что наши гильдии, скорее всего, пожелают возместить свои потери.

— Убить вас всех? Конечно, нет! Я вижу, что остальные — трезвомыслящие деловые люди, которые понимают *мое* положение и… которые понимают *свое* положение. Никаких угроз, мадам. Кроме того, Виктор предложил ужасную ставку. Я чуть не прикончил его прямо у себя в кабинете.

Послышался детский голос Майлза Мэрды:

— Мне плевать. Моя ставка устоит против чьей угодно.

— Правильно ли я понял, — заговорил Краковски, голова которого, казалось, еще не до конца очистилась от наркотической дымки, — что вы просите нас прождать в Лондоне *неделю*, пока не вернется этот *мальчик?* И только тогда вы решите, кто выиграл книгу? Но… сэр… что если мальчик *не* вернется? Что если, когда вы отпустите его, он просто *сбежит*?

Лэш потратил мгновение, чтобы спрятать пистолет в кобуру под пиджаком.

— Ответ прост, — отозвался он. — Если Корбетт не вернется, книга достанется победителю среди присутствующих. Мистер Девейн станет еще одним партнером в танцах на этой арене, а я устрою пир, чтобы мы запомнили это событие. Затем я провожу вас по домам, и все закончится с миром.

— Мне это все не нравится, — сказала Львица. Она подняла руку, почти такую же большую, как у Лэша, и показала открытую ладонь, чтобы предотвратить появление пистолета. — Но я хорошо понимаю тот факт, что вы хотите получить как можно больше за свою собственность. Поэтому свои протесты я оставлю при себе.

— И я благодарю вас за это, — сказал Лэш с легким поклоном. Он оглядел остальных. — Больше никаких возражений?

— У меня есть комментарий, — раздался напряженный голос Мэтью. По ощущениям, у него вот-вот могли выскочить плечи из суставов, либо сломаться позвоночник… либо и то, и другое.

Помимо того ему мучил тошнотворный запах, исходящий от крови и внутренностей выпотрошенных жертв Лиззи. — Если мне суждено отправиться в путешествие, — продолжил он с болью в голосе, — то первым делом мне хотелось бы, чтобы меня сняли отсюда.

— О! — Лэш наигранно вздрогнул, сделав вид, что забыл. — Простите, молодой человек! Где же мои манеры? Отпустите его! — дал он распоряжение охране. — Корбетт, мы предоставим вам возможность умыться, а также бокал прекрасного арманьяка, чтобы успокоить нервы. Вы сможете отдохнуть и привести себя в порядок. Вас это устроит?

— Конечно, — был ответ. В последние две секунды у Мэтью создалось впечатление, что все происходящее — это просто разговор двух джентльменов, начавшийся в крайне непривычной обстановке. При этом первый из этих джентльменов был гол, близок к обмороку и не мог смотреть на растерзанные трупы, что лежали в грязи неподалеку от него.

Когда охранники отперли кандалы и ножные оковы, Мэтью обнаружил, что ноги его не держат. Он рухнул прямо в кровавое месиво, где его тело стали терзать судороги, а из желудка вернулась б***о***льшая часть ужина, в частности тушеные мидии и жареная цветная капуста.

Охранники подхватили его под руки и поволокли к выходу из ямы. По дороге, в полубессознательном состоянии, он наступил на лицо Диппена Нэка и снова упал. Рвотные спазмы опять обрушились на него под аккомпанемент смеха Лэша с галереи — видимо, для него это зрелище было похоже на шекспировскую комедию.

Наконец, немного придя в себя, Мэтью добрался до пустой комнаты, где на камнях валялась одежда прусского барона и двух трупов. Через пару мгновений после того, как дверь закрылась и в замке повернулся ключ, он опустился на пол. При свете фонаря, висевшего на крюке под потолком, Мэтью подтянул колени к подбородку и стал оплакивать горе собственной трагедии.

Глава двадцать первая

Неужели с того момента, как Мэтью услышал первый щелчок ключа, открывающего замок двери маленькой комнатки, прошел уже час? В первый раз дверь открывалась, когда один из охранников принес ему ведро воды и тряпку, чтобы он смысл с себя кровь мертвецов. А затем время потеряло всякий смысл. Мэтью помнил, что Виктор просил возницу нанятого экипажа вернуться в полночь, чтобы забрать его из этого дома, но миновал ли уже назначенный момент?

Так или иначе, каждый час теперь был для Мэтью роковым, ведь он не мог провести его рядом с Берри, пока в ней еще теплились остатки разума. Надежда на ее выздоровление этим вечером была окончательно утеряна: Профессор Фэлл ни за что не отдаст даже *один* из содержавшихся у него экземпляров «Малого Ключа Соломона». А уж Лэшу или Кардиналу Блэку — подавно. Мэтью заключил с Фэллом сделку и должен был отыскать Бразио Валериани в обмен на шанс вернуть книгу и найти химика, который мог бы спасти Берри жизнь. И это был только шанс, не гарантия! Итак, Фэлл выполнил свою часть сделки, поэтому, вероятно, когда Мэтью вернется в Прекрасный Бедд, телохранитель и возницы экипажа, на котором он приедет, будут жестоко казнены, а история с книгой ядов будет отложена на неопределенный срок, а то и вовсе забыта. Приоритет будет отдан поездке в Италию. Фэлла благополучие Берри не волновало, как и игра этих головорезов.

Звук открывающейся двери прервал мысли Мэтью.

Он не боялся. Кто бы это ни был, причин для страха у него больше не было. Он вымылся, как смог, оставив окрасившуюся в красный воду в ведре, а затем вновь облачился в ненавистный клоунский наряд прусского барона. По крайней мере, теперь ему не нужны были ни парик, ни уродливые белила.

Вошла Элизабет Маллой, держа в руках серебряный поднос, на котором стоял бокал с мерцающей внутри янтарной жидкостью — французским арманьяком, который был ему обещан.

Элизабет вернула себе свой цивилизованный облик. Она явно приняла ванну, от нее пахло корицей, а одета она была в платье цвета морской волны, украшенное вокруг декольте розовым кружевом. На руках ее красовались перчатки до локтей в тон платью.

Мэтью невольно отступил от нее. В камере не было ничего,

чем можно было бы защититься — ни мебели, ни оружия. И если из Элизабет Маллой вновь выпрыгнет кровожадная Дикарка Лиззи, Мэтью окажется беззащитен.

— Твой арманьяк. — Она протянула поднос и держала его на вытянутых руках, пока он не взял бокал. — Как ты? — спросила она.

— Хороший вопрос. Я точно не знаю. — Мэтью поднял бокал и постарался просветить жидкость настенным фонарем, чтобы распознать, есть ли в ней какие-либо подозрительные примеси.

— Там нет яда, — сказала Элизабет. — Он не хочет, чтобы ты был вялым.

— Который сейчас час?

— Два часа ночи. На улице снова сильный снегопад. Остальные ждут в гостиной. Самсон пообещал, что на рассвете накормит всех хорошим завтраком, дабы скрасить впечатления от неприятного вечера. Некоторые, похоже, окончательно расслабились и спокойно играют в карты.

— Восхитительная картина, — с кислой улыбкой буркнул Мэтью. — А что насчет Джулиана?

— Его отвели наверх. Думаю, его поселили в комнате рядом с доктором. И заперли, разумеется.

— Разумеется, — эхом повторил Мэтью и нахмурился. — Итак… зачем ты здесь? Почему арманьяк принесла ты, а не один из охранников?

— Хотела с тобой поговорить. — Она перевернула поднос и прислонила его к животу, словно он был ее щитом. Мэтью напрягся, подумав, что узким краем она легко могла перерезать ему горло, если б захотела.

— Что ж, разговоры мне нравятся больше, чем убийства. — Он сделал глоток арманьяка, найдя его вкус ярким и крепким. Именно то, что ему было нужно для придания себе дополнительного мужества. Тем не менее, он вновь попятился от Элизабет. Он отступал, пока не уперся спиной в угол комнаты. — Говори, — сказал он. — Похоже, я в твоем распоряжении. — Он тут же пожалел о сказанном, потому что в контексте недавних событий выбор слов казался ему явно неудачным.

Она кивнула и какое-то время молча смотрела на него. Взгляд ее карих глаз, которые недавно выглядели одурманенными жаждой убийства, сейчас казался мягким.

— Ты, — начала она, — непроходимый дурак.

— Склоняюсь перед твоей оценкой.

— Я серьезно. Ты хоть представляешь, скольких я убила — точнее, выпотрошила — в этой яме?

— Я не уверен, что хочу это знать, спасибо.

— Ты был бы восьмым.

— Наверное, это мое счастливое число, — хмыкнул Мэтью и, сделав глоток, так стиснул бокал, что тот едва не треснул. Он понял, что если продолжит вжиматься в угол, то попросту врастет в стену.

— Оно… *находит* на меня, — продолжила она. — И мне приходится мириться с этим, как и любой другой женщине пришлось бы… ну, в смысле, как другие мирятся со своими… особенностями. В любом случае, я живу в мире, непохожем на твой, Мэтью. Мой мир… — Она покачала головой. — Мало кто способен меня понять.

— Хорошо. Раз ты так говоришь, значит, так оно и есть.

Его привлекло то, как она произнесла его имя. В Элизабет Маллой было что-то странно знакомое. И, нет, Мэтью не решил, что за время того, как она выпотрошила на его глазах двух человек, а потом чуть не убила его самого, между ними возникла какая-то мистическая связь. О, нет, он так не думал! Дело было в чем-то еще…

— Сегодня вечером меня выбило из колеи, — сказала Элизабет. — Настолько, что это заставило меня очнуться от моего *особого* состояния. Я была потрясена, и мне пришлось думать, как спасти тебя… *от меня*. И от Самсона. И от того существа, которое называет себя Кардиналом.

Мэтью был озадачен. Обычно находчивый, сейчас он сумел произнести только:

— Э?

Она приблизилась к нему.

Мэтью и впрямь съежился и будто уменьшился в росте, или ему показалось?

Так или иначе, Элизабет подходила все ближе, и когда их лица почти ничего не разделяло, она вдруг сняла перчатку с правой руки и показала ему татуировку. Невероятно знакомый глаз в черном круге, выбитый между большим и указательным пальцами.

— Когда я взобралась на тебя, — кивнула Элизабет, — я увидела метку на твоей руке. Ты член «Черноглазого Семейства». Как и я.

Мэтью сжал челюсти так, что у него едва не треснули зубы, иначе от изумления его рот открылся бы настолько широко, что туда могла влететь целая армия мух, разбить там лагерь и счастливо гудеть до самого рассвета.

Мэтью понадобилось несколько секунд, чтобы оправиться от шока. Он вспомнил клятву, которую дал Рори Кину. Эта клятва была подтверждена плевками, которые он получил в лицо от

каждого члена «Черноглазого Семейства».

Я торжественно клянусь быть верным и преданным членом «Черноглазого Семейства» и оберегать своих братьев и сестер, уважать и ценить их, не проявлять милосердия к врагам и не причинять вреда никому, кто когда-либо вступил в «Черноглазое Семейство». И если я не исполню клятву, я ясно приму, что я хуже любого собачьего дерьма, и позволю своим братьям и сестрам очистить меня с лица этой земли без сопротивления. Я клянусь сто раз по сто.

Мэтью ахнул.

Не причинять вреда никому, кто когда-либо вступил в «Черноглазое Семейство».

Он вдруг понял, что с тех пор, как Матушка Диар убила Рори Кина, он считал, что является последним живым членом «Черноглазого Семейства». Он свято верил в это… до последней минуты. Но нет! Нет, Элизабет Маллой была… его «*сестрой*». И вот она стояла перед ним — молодая женщина, которая убила Диппена Нэка у него на глазах и чуть было не выпустила его собственные внутренности наружу.

Его «сестра» Элизабет Маллой. Дикарка Лиззи.

Она снова надела перчатку.

— Ну ты и вытаращился! — хмыкнула она.

Он тупо кивнул и прикончил остатки арманьяка.

— А теперь тебе нужно убираться отсюда, — сказала она наставническим тоном.

— Прости, что? — Ему показалось, что он ослышался. Слишком много навалилось на него в этот злосчастный вечер.

— Ты должен бежать, — повторила Элизабет, продемонстрировав большой медный ключ, которым она воспользовалась, чтобы открыть дверь. — Этот ключ открывает еще одну дверь, дальше по коридору. Она ведет в туннели, которые проходят под парком. Самсон говорит, это старые римские катакомбы. Ты подойдешь к комнате, в которую обычно оттаскивают тел***а***, но постарайся… гм… не задерживаться там надолго. Продолжай двигаться прямо. Я никогда не забредала туда слишком далеко, но знаю, что выход там точно есть, потому что через эти туннели они доставляют сюда людей. — Она указала пальцем в перчатке на фонарь. — Подсади меня, и я сниму его. Свет тебе понадобится.

Мэтью снова был поражен.

— Ну, не трать же время! — возмутилась она. — За тобой скоро придут. Послушай, тебе придется ударить меня чем-нибудь. Нужно, чтобы это выглядело достоверно, как будто ты застал меня врасплох… — Она оглядела комнату, наклонилась и

подняла сапог одного из мертвецов. — Вот. Ударишь этим. По затылку. Силы не жалей, я выдержу. Надо, чтобы шишка была. Давай, скорее!

— Я… я…

Что он пытался сказать? Он, что, лишился рассудка?

Но Мэтью чувствовал себя так, словно язык его погряз в какой-то каше, а мозг полностью лишился способности соображать.

— Я… — с трудом выдавил он. — Я не могу уйти.

— *Что?!*

— Я не могу уйти, — повторил он, на этот раз тверже. — Не могу без книги ядов и без доктора Файрбоу. — Он понял, что что-то упускает, но тут же вспомнил: — О… и без Джулиана! Я не могу уйти отсюда, не забрав с собой Джулиана, Файрбоу и книгу.

Настала очередь Элизабет таращиться. Она несколько секунд ошеломленно взирала на Мэтью, пытаясь понять, не ослышалась ли. Видимо, она прочла ответ по его лицу.

— Ты из ума выжил? Я предлагаю тебе *выход!*

— Через туннели, в которых я легко могу заблудиться, оказавшись в лабиринте без выхода? Нет, я не могу так рисковать только ради спасения *собственной жизни*. Спасибо, но… нет.

Она покачала головой и глубоко вздохнула от разочарования.

— Они там говорят о тебе. Самсон и тот так называемый кардинал. Блэк сказал Самсону, что ты действительно работаешь на агентство «Герральд» в колонии Нью-Йорк. Он сказал, что узнал об этом от женщины, которая называет себя Матушкой Диар. Точнее, *называла*, — исправилась она. — Я так понимаю, она мертва.

— Правильно понимаешь, — сказал Мэтью.

— Но суть не в том. Я знаю об агентстве «Герральд». Понятия не имею, как ты во все это впутался, но сомневаюсь, что с Профессором Фэллом ты связался по доброй воле. Разве ты не хочешь получить шанс скрыться от него и спасти свою шкуру?

Мэтью решил, что может довериться Элизабет Маллой, даже несмотря на смертоносные состояния, которые на нее — как она сама выразилась — порой находят.

— Я был бы рад *никогда* не встречаться с Профессором Фэллом, — кивнул он. — И, тем не менее, я здесь, чтобы найти книгу и отвезти ее ему вместе с Файрбоу. Предыдущий химик Фэлла приготовил наркотик по одной из формул. Он применил его к женщине, которую я люблю, и превратил ее… лишь в тень себя прежней. Если я не верну книгу и не приведу нового химика, чтобы он разобрался с формулами, она продолжит умственно деградировать, пока безвозвратно не потеряет разум. — Он

поморщился, словно от боли. — Фэлл согласился отправить меня и Джулиана за книгой, потому что в ней можно найти противоядие. Но… поверь, его самого потеря книги заботит не так сильно — у него на крючке рыба покрупнее.

На некоторое время Мэтью замолчал, давая Элизабет возможность все осмыслить и наблюдая за выражением ее лица. Она, похоже, силилась понять его, но даже ее «сестринской» заботы было для этого недостаточно. Поэтому он решил забросить еще одну наживку:

— Ты в курсе, что Кардинал Блэк и его банда убили всех членов «Семейства», кроме Рори Кина и меня? А потом Матушка Диар застрелила Рори в голову. Я был там, я все видел, но меня связали, и я не мог ничего сделать, чтобы этому помешать.

— Погоди… погоди… — покачала головой Элизабет. — Убили всех членов «Семейства»? Когда?

— Месяца не прошло. По правде говоря, мы с Рори не угодили в эту резню, только потому что отлучались по делам, а остальные… — Он покачал головой. — Никто не выжил.

Элизабет молчала. Казалось, она с трудом могла поверить своим ушам.

— Я был свидетелем и того, как Блэк с помощью Лэша совершил набег на деревню Фэлла в Уэльсе и забрал книгу ядов, — продолжил Мэтью. — К тому моменту Берри — женщина, которую я люблю и на которой хочу жениться, если смогу ее спасти, — уже находилась под влиянием наркотика, но готовить противоядие химик Фэлла не спешил. Наверное, не думал, что придется… — Он опустил голову и тяжело вздохнул. — Я так понял, книга ядов была целью Лэша. Блэка же интересовала другая книга, которая имеет отношение к его увлечению… точнее, *одержимости* демонологией. Он поручил Матушке Диар выкрасть ее, но ничего не вышло.

Мэтью вновь замолчал. Элизабет ошеломленно глядела на него: весть о смерти «Черноглазого Семейства» стала для нее настолько тяжелой, что она даже не могла ее осмыслить.

— Послушай, я очень благодарен за то, что ты спасла меня от… себя самой, но, боюсь, я не могу принять твое предложение и сбежать. Действовать по указке Лэша я тоже не могу: Фэлл не позволит мне сделать ставку на аукционе от его имени, чтобы вернуть книгу ядов. Он не хочет, чтобы Блэк заполучил ту, вторую книгу, понимаешь?

Некоторое время Элизабет молчала, и Мэтью уже не был уверен, что она следит за его мыслью.

— Я… я не могу… *почему?!* Почему Блэк всех их убил? — выдавила она.

Как Мэтью и предполагал, она все еще была шокирована. Похоже, сейчас ее волновала лишь эта история. Что ж, стоит рассказать все, что она хочет знать — хотя бы в уплату за спасение.

— Он охотился за «Белым Бархатом», который «Семейство» держало для Матушки Диар. Матушка Диар же была частью преступной шайки Фэлла.

— «Белый Бархат»?

— Наркотический джин, который создал Фэлл на основе одной из формул книги. Матушка Диар в то время уже начала работать на Блэка и попутно сходила с ума. Как эти двое спелись — я понятия не имею. Но подозреваю, что Блэк изначально намеревался убить все «Семейство», чтобы вывести ящики с «Бархатом» с их склада. Матушка Диар, вероятно, тоже была в курсе дела. Не уверен, что Лэш в этом участвовал, не знаю я и того, чем закончилась история с «Бархатом». — Он решительно заглянул Элизабет в глаза. — Я знаю только одно: я никак не могу уйти отсюда без книги и Файрбоу.

А мог ли он оставить Джулиана на растерзание Блэку и Лэшу? Ясно ведь, что в случае кражи книги и химика его ждет жестокая расправа.

— И не могу оставить Джулиана, — добавил Мэтью.

— Неужели все «Семейство» убито? — тихо произнесла Элизабет, словно не слыша его. — Убили всех? Всех до единого?

— Всех, — с горечью повторил Мэтью. — Не буду вдаваться в подробности, но умирали они… нелегко.

Элизабет вновь замолчала. Мэтью качнул головой и сказал:

— Я понимаю, каково тебе это слышать. Знаешь, меня самого «Семейство» подобрало на улице, когда я нуждался в убежище больше всего. Они были добры ко мне… по-своему. Могу даже сказать, что Рори стал мне настоящим братом. Я искренне горевал о его смерти, и ты должна знать, что за этим всем стоит Блэк. — Он чуть помедлил. — Послушай, сотрудничество с ним крайне опасно для Лэша.

— Самсон не такой, как Блэк! — с жаром заявила Элизабет.

— Я понимаю, — примирительно кивнул Мэтью. — Его интересует постройка воздушного корабля. Он хочет доказать Королевскому флоту свою правоту и преданность, чтобы те, кто его осмеял, пожалели, что когда-то не предоставили его идее финансирование. Я все понимаю. — Он вновь кивнул, многозначительно взглянув в глаза Элизабет. — Но, послушай, влияние Блэка — это разъедающее зло, и, пока Лэш будет строить свою машину, Блэк втянет его во что-то жуткое, утащит его в темные глубины, выбраться из которых уже не удастся.

Мэтью воздержался от комментария, что Лэш, вероятно, *уже* погружается в эти темные глубины, а демоническая рука Блэка лишь помогает ему опуститься на самое дно. Черному Кардиналу очень импонировала одержимость Лэша: ему не составляло труда верно направлять человека, который считает, что ради интересов Англии и во имя будущих военных побед можно пойти на любое преступление.

Некоторое время Элизабет невидящим взором смотрела на разбросанную по полу одежду. Лицо ее ничего не выражало, будто она рассматривала одежду тряпичных кукол, а не разорванных ею же людей.

— Я не хотела, чтобы Самсон связывался с Блэком, — сказала она. — Я пыталась отговорить его, когда Филин пришел условиться с ним о сотрудничестве. Да, именно Филин их свел. Для него это было выгодной сделкой, очередным пером в его, — она помедлила, — *хвост*.

Она замолчала, и Мэтью решил подтолкнуть ее. Помимо свойственного ему любопытства, его снедало желание вызнать как можно больше полезной информации, которую впоследствии можно будет использовать.

— С чего все началось?

— Это было несколько лет назад, — кивнула Элизабет. — Я на тот момент жила здесь всего год. Самсон услышал о чертежах воздушного корабля от капитана одного португальского судна, потерпевшего крушение у Канарских островов. Это было мечтой его жизни… его целью и его *одержимостью*. Он стал расспрашивать сведущих людей, искал любую информацию, и вот… к нему явился Филин. За определенную плату Филин выяснил, что теми чертежами владел герцог де Валаско. Он готов был отдать их в обмен на убийство своего старшего брата. Итак — снова с помощью Филина — Самсон связался с пруссаками, репутация которых бежала вперед них. Герцог не хотел, чтобы убийцами были португальцы, он желал, чтобы осталось как можно меньше следов. Самсон же не хотел привлекать кого-то, имевшего отношение к Англии. Поэтому Филин — или кто-то, кому он доверял, — нашел пруссаков. Следующим встал вопрос об оплате Пеллегару и Брюксу. Нужно было найти что-то, что могло их заинтересовать и имело бы исключительную ценность. Вот тут и появился Блэк. Филин познакомил их с Самсоном. Планирование операции заняло больше года, дело периодически стопорилось из-за каких-то подводных камней. Я с самого начала говорила Самсону, чтобы он не слишком доверял Блэку. Это был единственный раз, когда он проигнорировал мой совет, и я чувствую, что за это он жестоко поплатится.

— Да, непростая схема с множеством рычагов, — заключил Мэтью. — Но расскажи мне вот, что: если Лэш действительно просто жаждал получить чертежи воздушного корабля, зачем он включил остальных в этот аукцион?

— Он не был уверен, что пруссакам удастся раздобыть планы. Они могли потерпеть неудачу, их могли поймать. Много чего могло случиться. Поэтому мы с ним приняли решение, что будет лучше включить в борьбу и других. И снова — об этом позаботился Филин через свои контакты. Можешь быть уверен, этот человек — столь же амбициозен и влиятелен, каким когда-то был Профессор Фэлл. Но его настоящий талант — дипломатия. Он умеет договариваться. Есть еще деталь: когда Самсон достроит корабль, он хочет быть уверен, что, если Королевский флот откажется покупать его, то для него можно будет найти *другой* рынок сбыта. Так что этим аукционом он заявляет о себе гильдиям, чьи представители сейчас собрались наверху.

— Не думаю, что гильдия Виктора выкажет много радости, — скривился Мэтью.

Элизабет пожала плечами.

— Все здесь понимают, что это суровый бизнес. И все же Самсон четко проводит черту под личными угрозами. Я считаю, было мудро показать всем им, чем чревато пересечение этой черты.

Мэтью безучастно кивнул. Он решил, что пришла пора и ему пересечь некую черту.

— Кем ты приходишься Лэшу? Помимо его делового советника и источника довольно… жестоких развлечений?

Элизабет вздернула подбородок.

— Я его доверенное лицо, — ответила она. — Я живу в огромном богатстве и роскоши, чтобы быть…

— Его игрушкой? — перебил Мэтью. — И это все?

— Ему нравится моя компания, он ценит мои советы.

— Больше он в твоем обществе ничем не наслаждается?

— Ничем, — сказала она, прищурившись. Мэтью почувствовал, что в комнате начинает витать дух опасности. — Никому из мужчин не дозволено ко мне прикасаться. А я — отказываюсь касаться мужчин, за исключением… гм… того способа, который ты видел. Самсон никогда не видел мою метку, потому что я всегда ношу шелковые перчатки. Если, конечно, не надеваю *другие*. Если хочешь узнать больше, то предупреждаю: ты рискуешь пробудить мое *особое* состояние.

— Хорошо, тогда давай на этом остановимся, — быстро пошел на попятную Мэтью.

— Согласна. — Она протянула руку и забрала у него пустой

бокал. — А теперь… раз уж ты настолько глуп, чтобы остаться здесь, когда я даю тебе шанс на спасение, больше мне нечего тебе предложить.

— Не совсем так, — возразил Мэтью, прежде чем она повернулась к двери. — Как ты сказала, Лэш уже заполучил свой объект желания, ему не нужна книга ядов. И Блэку она тоже не нужна — он жаждет обладать той, другой. Только Богу известно, что он намеревается сотворить с ее помощью. Поэтому я прошу тебя помочь мне. Как мою *сестру*.

— Ты уже отказался от моей помощи.

— Нет. Помоги мне заполучить книгу и Файрбоу, забрать Джулиана и сбежать отсюда, чтобы я мог добраться до деревни Фэлла.

Она недоверчиво улыбнулась.

— Но это невозможно. Как бы мне ни хотелось разорвать отношения между Самсоном и Блэком, я не могу действовать против Самсона. Он планирует до рассвета отправить тебя в экипаже…

Мэтью хмыкнул. Его разум работал настолько ясно и яростно, что ему казалось, будто от трения извилин сейчас воспламенятся волосы.

Туннели… она сказала, что через них они приводят мужчин, которых она убивает. Где тогда ближайший вход и выход?

У него возникла мысль наклониться и проверить разбросанную одежду. Он так и сделал, залез в карманы и обыскал все, не зная толком, что ищет. Искру идеи… клочок подсказки… все, что могло бы…

Он вдруг почувствовал что-то зернистое на пальцах. Дальнейшая проверка выявила, что этим веществом испачкано оба комплекта одежды. Он встал, подсветив руку фонарем.

— Угольная пыль, — констатировал он. — На одежде. Тебе доставляют жертв через угольный желоб?

— Самсон жжет в каминах дрова, а не уголь. Как я уже говорила, их приводят через туннели. И мои «жертвы», как ты их называешь, до этого были пьяницами или отбросами из самых низов Лондона. *Мелкие людишки*, как любит говорить Самсон. Их доставляют только ночью, и я уверена, что Самсон принимает все меры предосторожности, чтобы их никто не заметил.

— Не сомневаюсь, что он хороший поставщик, — скривился Мэтью и растер зернистую угольную пыль между пальцами. — Но эта пыль — на обоих комплектах одежды.

— Это тебе о чем-то говорит? — спросила Элизабет.

— Возможно, констеблей доставили сюда в угольной телеге. Сомневаюсь, что они пришли сюда по доброй воле: их, видимо,

оглушили и спрятали. Потому что для Лэша это был риск. Стоило кому-то поднять тревогу, и этот тихий привилегированный район был бы наводнен законниками в мгновение ока. Спокойствие вице-адмирала было бы нарушено, а репутация бы пострадала. Если констеблей действительно привезли на угольной телеге, оглушили их где-то явно неподалеку — чтобы не пришлось везти их через весь город. — Мэтью осознал, что фактически думает вслух, строит догадки, подтвердить которые ему было нечем. — Я сомневаюсь, что Лэш хочет, чтобы его соседи узнали обо всем, что здесь творится, — заключил он. — Он же не может принимать эти… «посылки» через парк?

— Вполне может, — возразила Элизабет с надменным видом. — Этот парк — его собственность. Так что я не уверена, что смогу помочь тебе. То, о чем ты просишь, даже не обсуждается.

— Есть две вещи, с которыми ты *можешь* мне помочь, — качнул головой Мэтью. Его разум продолжал лихорадочно работать, выискивая решения проблем, что возникали по мере формирования в его голове плана. Казалось, Джулиан был прав, когда говорил о Судьбе и ее прихотях. — Во-первых, никому не рассказывай о нашем разговоре. Во-вторых, — и в этом он шел на настоящий риск, — убедись, что когда меня увезут на экипаже, дверь, которая открывается этим ключом, будет не заперта.

В задумчивости Элизабет нахмурилась и скривила губы. Что бы она ни собиралась сказать, ей пришлось оставить это при себе, потому что дверь в комнату резко открылась, и в проеме показались двое подручных Филина.

— Идем, — обратился один из них к Мэтью. — Он ждет тебя.

— А я достаточно презентабелен для встречи с вице-адмиралом? — усмехнулся Мэтью, глядя на Элизабет. Затем, улыбнувшись, он картинно отряхнулся, чтобы никто не заметил, как он стряхивает угольную пыль с пальцев.

— Тебя хочет видеть не Лэш, — сказал охранник. — Тебя ждет Кардинал Блэк. Идем.

Глава двадцать вторая

— Вы меня заинтересовали, — сказал Кардинал Блэк, когда охранники привели к нему Мэтью.

Помещение, в котором они находились, по-видимому, служило библиотекой и таилось в задней части дома. Впрочем, если это и была библиотека, то явно не самая обычная — все вокруг буквально кричало о роскоши. Вдоль стен на искусно выточенных дубовых полках стояло множество книг, но взгляд приковывали две большие деревянные модели морских фрегатов, установленные на пьедесталах. Дрова мерно потрескивали в грубоватом серокаменном камине. Пол покрывал темно-синий ковер с золотым узором по краям. Справа от Мэтью располагалось овальное окно, за которым можно было разглядеть уютно кружащие на ветру снежинки.

Блэк сидел в красном кожаном кресле, вытянув свои длинные ноги и положив их прямо в сапогах на оттоманку. Рядом с ним на небольшом низком столике стоял бокал красного вина. Над его головой в замысловатой медной люстре горело полдюжины свечей.

Как только охранники привели Мэтью, Блэк изрек свое замечание и небрежным жестом велел им выйти вон, и те молча удалились, закрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с этим паукообразным злодеем, Мэтью напряженно застыл, ожидая, что же последует теперь, однако ничего не происходило, а молчание затягивалось.

Не говоря ни слова, Блэк неспешно набил табаком глиняную трубку, поджег трутницу, поднес ее пламя к углублению и начал выдувать сгустки голубоватого дыма, которые, медленно меняя форму, дрейфовали к лицу Мэтью.

Трудно было не отметить, что трубка Черного Кардинала носила название «церковный староста» — за ее длинный изогнутый мундштук. Мэтью нашел это особенно ироничным, однако предпочел не высказывать свои мысли вслух. Он вообще предпочитал не спешить с действиями: не двигался, не предпринимал попыток сесть… Впрочем, и Блэк ничего ему не предлагал, хотя пара свободных кресел призывно стояла неподалеку.

После единственного изречения длинное бледное лицо Черного Кардинала довольно долго оставалось непроницаемым. При этом его глаза, в глубине которых пылал адский огонь, буравили Мэтью, и, казалось, Блэк получал истинное

удовольствие от одного лишь процесса созерцания. Все это время он не выпускал трубку изо рта.

Молчать больше не было сил, и Мэтью, вознамерившись разрушить эту тишину, сказал:

— Что ж, а *меня интересует*, почему вы решили сообщить мне об этом в библиотеке. Должно быть, вы думаете о кое-какой книге?

— Само собой, — обстоятельно протянул Блэк.

— Положим, я представляю, как ценны бывают книги. И что бы вы сделали с ней, если б она у вас была? — нахмурился Мэтью. — Она ведь нужна вам не для того, чтобы читать ее перед сном.

— Это вы так думаете, — ответил Блэк с легкой улыбкой.

— Я просмотрел один ее экземпляр. Точнее, несколько. Один в Нью-Йорке, еще один на острове Фэлла и последний в его деревне.

— Вы неплохо осведомлены, — кивнул Блэк. — Должно быть, вы знаете и то, что Фэлл скупил все существующие экземпляры. По крайней мере, я не смог найти ни одного… можете быть уверены, я буквально рыл носом землю.

— Жаль, что попутно не вырыли себе могилу, — буркнул Мэтью и направился мимо Блэка к очагу, желая согреться. Попутно он подумал, не соблаговолит ли судьба вовремя вложить ему в руки какое-нибудь оружие. Сошли бы и каминные принадлежности, кочерга или щипцы. Нет, судьба осталась глуха… вероятно, все опасные предметы предусмотрительно убрали перед этой встречей.

Разочарованно вздохнув, Мэтью протянул руки к огню. Он продолжать делать вид, что совершенно не боится Блэка. Может, от этой бравады и не было толку, но сейчас она служила ему одновременно и щитом, и выпускным клапаном, помогающим ослаблять давление. Он не мог не думать о том, что в любой момент может присоединиться к своим братьям и сестрам по «Черноглазому Семейству» на том свете, и услужливая память настойчиво подсовывала ему картины той бойни. Обезображенные лица людей, глаза которых были вырваны из глазниц и помещены в пустую бутылку из-под «Белого Бархата» в подвале склада… перерезанные глотки… кровавые дьявольские кресты на лбу… А ведь эти кресты вырезало то самое чудовище, что сидело сейчас рядом с Мэтью, курило трубку под названием «церковный староста» и выдавало короткие восклицания, чем-то напоминавшие проклятья на древнем тайном языке.

— Причина, по которой вы меня интересуете, — продолжил Блэк после короткой паузы, во время которой Мэтью слушал, как

за стеклом бьется и завывает ветер, — заключается в самом факте вашего появления здесь. Я могу понять, почему Фэлл послал за книгой Девейна… но почему он послал *вас*? О чем он только думал?

— О том, что я обладаю способностями вернуть книгу назад, я полагаю.

— О, *нет-нет!* — Блэк выпустил еще одно голубоватое облачко дыма и погрозил Мэтью тонким пальцем. — Дело не только в этом. Ведь так? Знаете, Матушка Диар доверила мне то, что вам, возможно, будет интересно услышать: вы *нравитесь* Профессору, несмотря на все проблемы, что вы ему доставили. Кажется… как же она выразилась? Хм… Ах да! Кажется, вы напоминаете ему его покойного сына. Или… того, кем бы он мог стать, если б его не забили до смерти в юном возрасте. — Он небрежно махнул рукой. — Но, Мэтью, будем честны, вы нравитесь ему *не настолько*, чтобы выпустить вас из своей деревни — даже с Девейном в качестве сопровождающего. Так, в чем же правда?

Мэтью продолжал греть руки, по которым никак не желало разливаться тепло. Ему невольно казалось, что само присутствие Блэка распространяет по этой комнате замогильный холод.

— О, если вы не в настроении говорить, мы можем *расположить* к разговору Девейна, — буднично обронил Черный Кардинал. — Полагаю, несколько порезов будет ему к лицу.

Они собрались пытать Джулиана?

Мэтью невольно обернулся и увидел, как Блэк откладывает трубку на низкий столик, а затем достает из кармана пиджака кривой кинжал со странными отметинами на лезвии. Оставаясь невозмутимым, он принялся методично вычищать грязь из-под своих заостренных ногтей с помощью этого ритуального оружия.

— Ну же, — удивительно мягко подтолкнул он. — Признавайтесь.

Мэтью по-прежнему молчал.

— Позвольте мне поиграть в решателя проблем, — не унимался Блэк, продолжая расспрос. — Так ведь звучит ваша профессия, верно? Матушка Диар рассказала мне о том эпизоде на острове Фэлла. Он же нанимал вас играть роль, так? А теперь вы здесь… снова играете роль, но я подозреваю, что на этот раз это не было запланировано. — Он прервал чистку ногтей, чтобы еще раз затянуться трубкой. — Ваше агентство преуспевает в работе такого рода. Я имею в виду работу по решению проблем ваших клиентов. Например… хм… поиск вещей, которые были потеряны. Или… поиск людей, которые по той или иной причине исчезли. — Он нехорошо ухмыльнулся. — Я ведь много

размышлял об этом, Мэтью. И, похоже, я понял, почему Фэлл отправил за книгой именно вас. Эта версия звучит ошеломляюще, но я считаю, что вы согласились на это *добровольно*. — Он выждал несколько секунд, наблюдая за реакцией Мэтью. — Не могу сказать того же насчет Девейна: думаю, он не был в восторге от этой затеи, но, будучи верным псом Фэлла, все же отправился с вами.

Мэтью молчал. Блэк чуть подался вперед, изучающе уставившись на него своими паучьими глазами.

— У вас очень красноречивое молчание, Мэтью. Судя по всему, я прав, — заключил он. — Теперь я хочу знать, *почему* вы вызвались добровольцем. Неужели для того, чтобы выторговать свободу для двух ваших друзей — мужчины и девушки — которых привезла в деревню Матушка Диар? Она упоминала о них. — Блэк изучающе посмотрел на него, затем едва заметно качнул головой. — Нет, — протянул он, — на кону явно что-то другое. Этот вопрос жизненно важен для вас, но не важен для Фэлла, ведь так?

И снова ответом ему было молчание. Блэк хмыкнул.

— Полагаю, Фэлл не так гонится за книгой, как *вы*. Она нужна *вам*. И за возможность вернуть ее вы пообещали Фэллу нечто еще более ценное — для него. Настолько ценное, что он даже расщедрился даровать вашим друзьям свободу в случае успешного завершения задания. — Блэк кивнул, соглашаясь с собственными мыслями. — Вижу, что не ошибся. Знаете, ведь с Фэллом не так-то легко договориться. Ему нужно больше, чем просто книга. — Кардинал прищурился. — Он… огласит вам свой запрос позже, или вы уже знаете?

Мэтью нервно хмыкнул.

— У меня мурашки по коже от вашего голоса или от завывания ветра? — спросил он.

— Вы уже знаете, — констатировал Блэк с ноткой самодовольства и выпустил в воздух кольцо дыма. — Он хочет найти Бразио Валериани. И, по-видимому, искренне верит, что вы поможете ему в этом после того, как вернетесь с книгой. Надо же, — он усмехнулся, — а ведь Фэлл даже не сомневается, что вы выберетесь из этого дома живым! — Блэк поднял кинжал и направил его острие на Мэтью. — И не нужно пытаться юлить и отрицать очевидное. Я раскусил и вас, и Фэлла. — Он несколько секунд подождал возможных возражений, но, не услышав их, продолжил: — Ваше агентство мастерски разыскивает пропавших без вести. Должен сказать, если б вы не искали Валериани для Фэлла, я был бы рад заплатить вам требуемую цену, чтобы найти его *для себя*. Так какова будет цена, Мэтью?

— Ваша голова на шесте, — последовал ответ.

— Ах, Мэтью, Мэтью… Ярость затуманивает ваш разум. Вам это не идет. — Блэк вернулся к чистке ногтей. — Вы хоть знаете, почему Профессор так хочет найти Валериани?

Мэтью понял, что молчание и угрюмость в данной ситуации не принесут ему никакой пользы. Вдруг Блэк сообщит ему нечто важное? Мэтью сказал:

— Я знаю, что это связано с книгой по демонологии и отцом Валериани, Киро.

— Хм, с книгой по демонологии. — Блэк снисходительно ухмыльнулся. — А что, если я скажу вам, что «Малый Ключ Соломона» можно рассматривать как *каталог*?

— Каталог чего? — нахмурился Мэтью.

— Демонов, конечно. Они все там, отпечатаны на страницах со своими именами, титулами и полномочиями. Каталог, Мэтью, для того, чтобы можно было выбрать какого демона призвать для той или иной *работы* в земном мире.

Мэтью потребовалось время, чтобы сформулировать, что на это сказать.

— Вы ведь не верите в это, правда? — Не успел он закончить вопрос, как его разум уже дал ему ответ: *Да, само собой, Кардинал Блэк в это верит… и Профессор Фэлл тоже.*

Блэк рассмеялся. Все началось с радостного смешка, а закончилось чуть ли не скрежетом зубов по обглоданной кости.

— Согласен, это был глупый вопрос, — сам себе ответил Мэтью.

Дым от трубки Кардинала плыл по воздуху, направляясь к дымоходу камина. Когда завитки приблизились, Мэтью увидел, что они принимают форму гротескных лиц и существ с когтями и рогами. Одно из них скользнуло по его щеке, словно даря грубое подобие призрачного поцелуя, и тут же было подхвачено восходящей тягой.

— До меня дошли слухи, — сказал Черный Кардинал, — что отец Бразио — к вашему сведению, он был ученым — перенес психическое расстройство в связи со смертью своей жены. В этом состоянии Киро Валериани обрел просветление: для него все ложные верования потеряли смысл. Он познал истинного Повелителя этого мира, проникся к нему уважением и возжелал власти.

— Полагаю, вы имеете в виду нечто сатанинское…

— Его очень заинтересовал «Малый Ключ Соломона», да и другие подобные книги тоже — они хоть и были более обширными по содержанию, но в тоже время их было куда сложнее заполучить. Насколько я знаю, Киро связался в Риме с

человеком, который не только мог снабдить его некоторыми из них — за солидную цену — но и познакомить с Сенной Саластр*е*.

— Это что, новый сорт чая? — прищурился Мэтью.

— Сенна Саластре, которому в августе прошлого года исполнилось девяносто четыре, *написал* несколько книг, которыми интересовался Валериани. Мэтью, вы *такой* необразованный! Вы понятия не имеете, сколько Маэстро Саластре работал на благо истинно верующих, что он сделал, чтобы опровергнуть выдумки, которые вы и вам подобные повсеместно распространяют! Вы слепы и не видите, что путь Повелителя — это *свобода*. Полная, неподдельная свобода, подобную которой вы никогда не знали!

Он заговорил с удивительным, почти пасторским воодушевлением.

— Вы имеете в виду свободу вырез*а*ть сердца у детей? — спросил Мэтью, неуютно поежившись. — И свободу выколоть столько глаз, чтобы хватило на бутылку из-под «Белого Бархата»? — Жар прилил к его лицу, подпитывая ярость. Он отмахнулся от очередного парящего призрака, который, казалось, сплошь состоял из царапающих когтей и синего языка длиной в фут. — И, о да, свободу перерез*а*ть как можно больше глоток и оставлять этот нелепый символ на лбах, как будто это действительно делает вас обладателем хоть какой-то силы?! Ваша свобода, сэр, закончится, когда на вас набросят петлю, и я буду там, чтобы…

— На основе одной книги Маэстро Саластре, — продолжал Блэк, не обращая на обличительные речи Мэтью никакого внимаия, — Киро Валериани создал в своей мастерской ростовое зеркало. Валериани как ученый много лет интересовался зеркалами, поэтому этот проект заинтриговал его. Маэстро Саластре помог ему с конструированием и добавил в отражающее покрытие зеркала вещество, произведенное в его собственной мастерской. Я знаю, что очень скоро стекло потемнело, как и ожидалось.

— Черное зеркало? Но для чего?

— Под руководством Маэстро Саластре Валериани создал зеркало, которое было не просто зеркалом. Это был *портал*. Можете ли вы хотя бы представить своим земным ограниченным умом, какие уровни мироздания связывал тот проход?

— Даже не хочу представлять, — быстро ответил Мэтью, хотя прекрасно понимал, к чему клонит Блэк.

— Любое демоническое существо может пройти сквозь него из потустороннего мира! — Блэк зажал трубку между своими заостренными зубами. — И только вызывающий может избрать, *кого именно* призывать. Я уверен, ля Киро это был риск:

существовали временны**е** ограничения, возможность получить травмы и прочее, но…

— Господи, да вы же с ума сошли! — Мэтью был готов взорваться. — Демоны, выходящие из черных зеркал! Это чистое безумие!

— Ах! — воскликнул Блэк, слегка кивнув. — Вы бы сказали то же самое Профессору Фэллу?

Мэтью осекся. Позади него ярко горел огонь, а перед ним ветер предрассветной бури гнал снежные потоки мимо овального окна.

— Фэлл хочет иметь возможность вызывать демонов так же сильно, как и я, — сказал Блэк. — Причины этого *его* стремления туманны. Для меня же это олицетворение высшей силы! — Он почти мечтательно вздохнул. — Держать такую власть в своих руках… Вызванное существо придет и убедится, что я верен и предан Повелителю, которому мы оба служим. И тогда… — Он помедлил. — Каким будет мой приказ, я еще не решил, но запомните: это потрясет мир, Мэтью. В этом я могу вам поклясться.

Мэтью потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя.

— *Безумие*, — выдохнул он, но боялся, что дело обстоит куда серьезнее. — Даже если хоть на минуту представить, что это вообще возможно, вы понимаете, что Киро Валериани одумался и попытался уничтожить эту штуку?

Блэк осклабился.

— У него не получилось это сделать. Насколько я знаю, в последний момент, когда вызванное им существо уже находилось в портале, он, должно быть, потерял самообладание — понял, что недостоин, — и разбил стекло. Некоторое время спустя он был вынужден его отремонтировать.

Более уместно будет сказать, что его заставили, — подумал Мэтью, и далее у него в голове всплыли слова Фэлла: — *То, что создал Валериани, не позволило ему уничтожить его*.

— А потом он повесился? — спросил Мэтью.

— Да, вскорости. С его смертью, зеркало исчезло. Его сын должен знать, что с ним случилось, и — если оно все еще существует, — где оно спрятано. Именно поэтому Дантон Идрис так хочет найти Бразио. Найдешь сына — найдешь зеркало. Все достаточно просто.

— Италия — большая страна, — уклончиво сказал Мэтью.

— О, не такая уж она и большая для такого великого решателя проблем, как вы. — Кардинал Блэк встал и плавной скользящей походкой направился к Мэтью. Он был страшно высок, и при свете камина его угловатое лицо казалось

воплощением демонических «добродетелей». Мэтью подумал, не это ли зрелище последним видел маленький мальчик в Аддерлейнской башне: Черный Кардинал наступает на него, словно длинноногий паук, с кинжалом в руке.

Когда Блэк остановился перед ним, Мэтью почувствовал, как он проводит лезвием по его подбородку.

— Скоро вы отправитесь в деревню Фэлла, — сказал Блэк. — Слуги уже запрягают лошадей. Я хочу, чтобы вы знали: если вы не вернетесь с книгой, которая мне нужна, я лично вырежу сердце мистера Девейна. Повелитель требует, чтобы я делал это, пока жертвы еще живы. — Он вновь вперился взглядом в Мэтью, пытаясь прочитать что-то в его душе. — Возможно, судьба Девейна волнует вас не так сильно? Думаете, сможете забыть о нем и попытаться сбежать? — Он покачал головой. — Спешу заверить: вы ошибаетесь.

— Что, заставите Лэша отправить «Вулкан» обратно и снова обстрелять Бедд?

Кинжал перестал двигаться. Блэк наклонил его так, что острие оказалось как раз под нижней губой Мэтью.

— А вы осведомлены еще больше, чем я думал, — прошипел Кардинал, и в его голосе было столько угрозы, что у Мэтью едва не подкосились ноги. — Что ж, тогда нет смысла скрывать: Лэш поставил «Вулкан» на якорь у Ньюквей, как мы с ним и планировали. — В его глазах заблестел нехороший огонек. — Я говорю это, чтобы вы знали: когда я приду за вами, я устрою не просто обстрел. Это будет… — он сделал паузу, подыскивая слова, — явление вестников смерти в ночи. — Его губы исказила ухмылка, продемонстрировавшая заостренные зубы. — Принесите мне книгу, Мэтью. Этого требует от *вас* мой Повелитель. — Кончик кинжала усилил нажим, готовый пустить каплю крови, но Мэтью собрался с духом и не дрогнул.

В дверь постучали.

— Да? — отозвался Блэк.

— Экипаж готов. — Это был голос Филина. — Приведите Корбетта в обеденный зал.

Блэк отвел клинок от лица Мэтью и сделал пригласительный жест рукой.

— После вас.

По дороге из библиотеки в обеденный зал Мэтью изучал дом, запоминая малейшие детали: где была центральная лестница… как далеко она находилась от лестницы, ведущей в гостиную… как далеко от обеденного зала была дверь, ведущая в медвежью яму… расстояние от обеденного зала до гостиной и остальные подобные метки — всевозможные, какие только приходили ему в

голову. Ему понадобится вся доступная информация для того, что он планировал совершить.

Конечно, это был отчаянный план, и все могло пойти не так уже с первых минут. Мэтью даже не был уверен в том, когда и как *начнется* его спонтанная операция, но понимал, что другого варианта у него нет. Ему придется рискнуть, а иначе Прекрасный Бедд и впрямь станет для него прекрасной могилой…

— А вот и наш утренний путешественник! — радостно прогудел Самсон Лэш, когда Мэтью вошел в обеденный зал. Остальные сидевшие за столом и наслаждавшиеся обещанным Лэшем завтраком, воззрились на Мэтью с меньшим энтузиазмом и с б*о*льшим презрением. Элизабет Маллой, занимавшая дальний конец стола, так и не оторвала взгляда от своей тарелки с яичницей, ветчиной и кукурузными лепешками. Мэтью заметил, что Лазарус Файрбоу отсутствует — вероятно, спит или предпочел позавтракать в своих покоях.

— Надеюсь, вы готовы к путешествию? — поинтересовался Лэш.

— Вот тебе завтрак, паскуда! — огрызнулся Мэрда и швырнул в Мэтью бисквит, который угодил ему прямо в лоб. — Хочешь еще? — Он потянулся к подносу, на котором лежало еще несколько бисквитов.

— Ну хватит! — упрекнул его Лэш. — Давайте не будем враждовать. Вам есть чему радоваться: у вас впереди целая неделя, чтобы побыть совершенно обычными гражданами и насладиться всеми прелестями Лондона.

— Я далеко не обычная гражданка, благодарю вас, — отозвалась Львица. Она откусила от сосиски половину и перевела свой темный, угрюмый взгляд с Лэша на объект презрения.

— Я уже скучаю по прелестям своей страны, — кисло заметил Краковски. — Я и не предполагал, что стану здесь заложником!

Прежде чем Монтегю успел высказать свои горькие чувства, Мэтью взял инициативу в свои руки.

— Я сожалею, что вы все чувствуете себя настолько плохо. Я хотел бы изменить ситуацию, но, к сожалению, это не в моей власти. — Он на мгновение напрягся, когда Кардинал прошел мимо него и погладил его по щеке своими отвратительными кровожадными пальцами, прежде чем сесть напротив Элизабет. — Тем не менее, я голоден, — продолжил Мэтью. — Куда мне сесть?

— В экипаж, который ждет вас снаружи, — ответил Лэш. — Там вы найдете корзину со съестными припасами и сможете позавтракать. Но имейте в виду, что еду вам придется разделить с отписанным вам телохранителем Филина. Его зовут Боген. Он сейчас прибудет, чтобы сопроводить вас.

— Путешествовать в такой снегопад? — удивился Мэтью. — Но от этого будет мало толку, много мы не проедем.

— Вы отправитесь как можно скорее, потому что мой морской опыт подсказывает мне, что погода будет только ухудшаться. Нет смысла медлить. Я велел кучеру останавливаться на постоялых дворах только для того, чтобы дать отдохнуть лошадям и поесть. Он знает дорогу, можете на него положиться.

— Вот тебе масло для твоего бисквита, говнюк! — снова подал голос Мэрда. За этим последовал кусочек масла размером с большой палец, угодивший Мэтью в лицо.

Прежде чем продолжить, Лэш хлебнул из кружки эля.

— Наденьте ту хорошую теплую шубу графа Пеллегара. Утро обещает быть холодным. Кстати, на всякий случай — во избежание возможных инцидентов с вашей стороны — сообщаю, что Боген будет хорошо вооружен. Филин заверил меня, что Боген способен на крайние меры, если до этого дойдет. Кроме того, ему приказано выстрелить вам в голову, если его внимательному глазу покажется, что там, в маленьком уголке Уэльса, что-то пойдет не так.

— Передайте, что ему лучше приберечь пулю для себя лично, потому что после того, как он в меня выстрелит, они сперва отрубят ему ноги, а потом то, что болтается в нескольких дюймах выше.

— Я уверен, что напряженность возникнет в любом случае. — Лэш вытер влажный рот белой салфеткой, осторожно промокнув уголки. — В ваших же интересах свести ее к минимуму и не допустить ни смертей, ни расчленения. Приложите максимум усилий, чтобы довести все дела до счастливого завершения.

— Счастливого *для кого*? — Монтегю швырнул на тарелку свою салфетку. — Мне это все не нравится до мозга костей, сэр! Знайте, что я вынужден представить полный отчет обо всем этом моей гильдии!

— Как вам будет угодно, — легко ответил Лэш. — Я совершил ошибку, не пригласив Профессора Фэлла принять участие в торгах, поэтому беру всю ответственность на себя. Но давайте не будем спешить с суждениями, поскольку мы должны смотреть на этот вопрос дальновидным взглядом.

— Ваш дальновидный взгляд явно *слеп*, сэр! — рявкнул Монтегю, не желая испивать чашу гнева.

— Вчера вечером он проиграл в карты, — доверительно сообщил Лэш Мэтью. — Это обычно приводит в прескверное настроение тех, кто думает, что блефует лучше, чем есть на самом деле. А вот и ваш эскорт!

В комнату вошел Филин. Его сопровождал широкоплечий

мужчина среднего роста, коренастый, с толстой бычьей шеей. На Богене был темно-синий плотный плащ поверх серого костюма. Под серой треуголкой виднелось лицо, словно высеченное из гранитной глыбы и обработанное под давлением. Мэтью подумал, что если не приглядываться, то внушительный нос Богена можно принять за третий локоть, а подбородок — за дополнительный кулак с шестью костяшками. Пара «поросячьих» глаз почти терялась в отверстиях «камня», что служили глазницами, но когда они остановили свой взгляд на Мэтью, сердце его подскочило к горлу, а колени подогнулись, словно от удара в спину.

Этот человек был монстром. Сладить с ним с помощью физической силы — гиблое дело.

Все пропало…

— Все готово, — доложил Филин.

— Дайте ему шубу, которую носил Девейн, — распорядился Лэш. — И найдите ему шляпу. Мы же не хотим, чтобы он умер преждевременно? Потом обыщите его еще раз, прежде чем посадить в экипаж. — Он криво усмехнулся. — Счастливого пути, Мэтью! — Неопределенный взмах рукой дал понять, что разговор окончен, и Лэш вернулся к потреблению завтрака.

Мэтью снова взглянул на Элизабет, но та не посмотрела на него в ответ. Мысль «все пропало» снова застучала у него в висках, а в груди будто что-то оборвалось. Ему было не обойтись без помощи Элизабет, если он хочет, чтобы его план сработал. Впрочем, назвать это *планом* было равносильно тому, чтобы назвать Кардинала Блэка самым красивым ангелом. Все и так может пойти наперекосяк с первой минуты, а если еще и Элизабет не станет помогать… что же делать тогда?

Он боялся даже подумать об этом.

Боген взял Мэтью за руку.

— *Шевелись*, — сказал он. Голос его был похож на звук резца, которым как раз было вылеплено его лицо.

Черт побери, — подумал Мэтью.

— Возвращайся быстрее! — пропищал ему вслед Мэрда своим детским голоском, когда Мэтью вышел из обеденного зала с Богеном по одну сторону и Филином по другую. Они миновали центральную лестницу и вошли в фойе, где на крюках все еще висели пальто и шляпы участников аукциона. Пока Филин осматривал шубу из шкуры белого медведя, Мэтью заметил, что изъятое оружие все еще лежит в корзине на столе.

Несколько секунд он стоял неподвижно, судорожно пытаясь составить хоть какой-то дополнительный план. Филин тем временем решил его обыскать. Не найдя ничего опасного, он кивнул и отступил. Они с Богеном заставили Мэтью влезть в шубу

из шкуры белого медведя, а на голову ему нахлобучили раскрашенную под синяк треуголку барона Брюкса. Когда все подготовительные процедуры были завершены, входная дверь открылась, и предрассветный холод ударил Мэтью в лицо, словно кувалда.

Под конвоем Филина и Богена он направился к воротам, где его уже ждал экипаж. Едва завидев его, Мэтью оторопел.

Какой там, к черту, воздушный корабль! — подумал он.

Экипаж был настоящим «Левиафаном», гигантским сухопутным кораблем в два раза больше обычной кареты — видимо, под стать габаритам самого Самсона Лэша. Формой этот монстр тоже напоминал корабль с острым носом и плоской кормой. Основная часть его корпуса была выкрашена в кремовый с дверцами темно-синего и алого цветов, по две с каждой стороны, а багажный отсек представлял собой не обычный брезент, а еще одну пару дверей. Четыре лошади, которым предстояло тащить эту махину, тоже были крупнее и косматее обычных. Мэтью не знал их породы, но решил, что викинги привезли их предков с заледенелого севера. Двое мужчин в плотных пальто и шляпах сидели на обитых кожей облучках, чтобы сменять друг друга в случае необходимости. При свете фонарей, свисавших с декоративных креплений по обе стороны от возниц, Мэтью разглядел сквозь падающий снег, что сменщик мог легко выхватить мушкет, лежащий в кожаном футляре, закрепленном рядом с его правой ногой.

Вот, черт, — снова выругался про себя Мэтью.Пока что весь его жалкий план прокладывал ему путь прямиком во владения Повелителя Черного Кардинала.

— Залезай, — скомандовал Филин, потянув за рычаг, который опустил несколько складных деревянных ступенек под дверью со стороны возницы. Мэтью увидел, что привратник открывает ворота. Теперь, что бы ни случилось, назад пути не было. Он поднялся по ступенькам, и, как только повернул медную ручку, Боген грубо втолкнул его в салон экипажа.

— Счастливого пути! — услышал Мэтью крик Филина. Раздался щелчок хлыста и подгоняющий лошадей вскрик возницы. Экипаж вздрогнул и медленно выехал через ворота на Эндсли-Парк-Роуд.

— Располагайся, — буркнул Боген, усаживаясь напротив Мэтью. Он отодвинул свой плащ ровно настолько, чтобы Мэтью на глаза попалась рукоять пистолета за его поясом. Видимо, желая подчеркнуть угрозу, Боген полез в карман плаща и достал пороховницу на кожаном ремешке, который как бы невзначай перекинул через свое массивное плечо.

Мэтью быстро огляделся по сторонам. Темно-синий салон был рассчитан на шестерых пассажиров, сидящих лицом друг к другу на скамейках, обтянутых красной кожей. Сиденья разделяло необычайно обширное пространство для ног. Белые льняные занавески закрывали маленькие круглые окна-иллюминаторы по обеим сторонам салона. Пара ламп, вмонтированных в стены, давала столько света, что его бы хватило на небольшую часовню, но неприятный рыбный запах китового жира все равно витал вокруг, и даже Лэш со всеми своими деньгами был против этого бессилен.

Опустив взгляд, Мэтью увидел на полу у своих ног плетеную корзину — обещанный завтрак, на который он возлагал надежды.

Экипаж по-прежнему ехал не очень быстро из-за того, что лошади с трудом пробирались по пятидюймовому слою снега. В голове Мэтью билась мысль, что время действовать быстро истекает. И все же, если он отважится что-то предпринять, то должен был дождаться, пока экипаж отъедет на некоторое расстояние от дома Лэша и охранника у ворот.

Он понял, что у него есть только один шанс воплотить в жизнь свой «чудесный» план, сочиненный, когда он обнаружил угольную пыль на одежде мертвых констеблей.

Ему было необходимо вернуться в дом.

Но сначала… нужно было позаботиться об этом чудовище — телохранителе.

Мэтью взял корзину и открыл ее. Боген своими «поросячьими» глазками неотрывно следил за каждым его движением. В корзине обнаружилось несколько кусочков ветчины и сосиски, завернутые в вощеную бумагу, пакет с бисквитами, несколько ломтиков яблока и деревянная фляга, в которой, как предположил Мэтью, была вода.

— Бисквит? — спросил он Богена, протягивая ему пакет.

Боген взял один и тут же почти целиком засунул его в рот, интенсивно задвигав челюстями.

Мэтью откупорил флягу и сделал глоток.

Да, это была вода.

Он выпил еще немного, чувствуя, как учащается пульс.

Лошади шли ровно, хотя и не быстро, и в понукании явно не нуждались. Как далеко они уже от дома? Трудно было сказать, но…

— Дай воды, — скомандовал Боген, протянув руку. Крошки от бисквита посыпались у него изо рта.

Мэтью протянул ему флягу.

Сейчас или никогда.

Когда Боген поднес флягу к губам и слегка откинул голову

назад, Мэтью глубоко вздохнул. Он ухватился руками за край сиденья, чтобы обрести опору, и обеими ногами пихнул флягу прямо промеж зубов телохранителя.

Глава двадцать третья

Может, дело было в прочности сапог из слоновьей кожи.

Может, дело было в почти зверином отчаянии. А может, в простом страхе.

Как бы то ни было, сила двойного удара Мэтью по фляге, когда Боген поднес ее ко рту, сломала телохранителю зубы и вогнала флягу глубоко ему в рот. Пока фляга падала, голова Богена запрокинулась назад и с треском врезалась в стену кареты. Мэтью пронзила мысль, что возницы наверняка это слышали… но затем все его внимание снова переключилось на Богена, который с ошалевшим взглядом вдруг выпрямился и потянулся за пистолетом.

Мэтью схватился за ствол, стараясь помешать выстрелу. Он был готов до последнего бороться за жизнь. Боген издал жуткий хрипящий звук, но с его губ не сорвалось ни слова, лишь хлынула красная пена.

Твердый кулак ударил Мэтью в левое плечо и едва не сломал ему ключицу, но тяжелая шуба из шкуры белого медведя приняла на себя б*о*льшую часть его разрушительной силы. Второй удар, поразивший Мэтью в челюсть, заставил разноцветные звездочки заплясать у него перед глазами. Однако Мэтью упорно держался за пистолет Богена, словно цепкая кобра, по-змеиному раскачиваясь из стороны в сторону и готовясь совершить бросок. Пистолет тоже раскачивался, и Боген безуспешно нашаривал пальцем спусковой крючок, чтобы из телохранителя превратиться в убийцу.

Это был ближний бой, учитывая сковывающее их пространство салона кареты. Боген нанес удар в челюсть Мэтью снизу и отбросил его голову с такой силой, что весь череп молодого решателя проблем пронзили копья боли. Однако Мэтью сумел развернуться и ударить Богена локтем в лицо. Пистолет упал на пол. Мэтью рванул к нему, но Боген взял его шею в удушающий захват. Все время схватки он и сам продолжал лихорадочно хватать ртом воздух, будто некая призрачная сила душила его.

Мэтью попытался ударить Богена локтем в ребра, но это не помогло. Он ударил снова, но угодил в пустоту. Яростным движением ноги он оттолкнулся от сидения напротив, опрокинув и себя, и телохранителя на спину.

— Что у вас там происходит? — услышал Мэтью крик одного из возниц, приглушенный ветром. Боген протянул руку, чтобы

открыть раздвижное смотровое окно между возницами и салоном, но его рука остановилась, когда Мэтью свирепо ударил его по лицу — сначала один раз, затем еще два для верности.

Весь в крови, Боген с неукротимой злостью обрушился на Мэтью и повалил его на пол. Его руки обхватили горло жертвы и начали сжиматься, словно тиски. Мэтью лупил Богена по бокам, но это было все равно, что колотить по твердому камню.

Вдруг смотровое окно отъехало в сторону. До Мэтью снова донесся голос возницы:

— Твою мать, они там дерутся! — закричал один из мужчин. — Останавливай!

Боген продолжал душить Мэтью, который уже чувствовал яростную пульсацию крови у себя в висках. Жизненные силы покидали его. Мэтью поднял руку и попытался толкнуть Богена в грудь, но снова будто врезался в каменную стену.

Затем хрипение Богена превратилось в булькающий звук, его руки внезапно отпустили горло Мэтью, чтобы схватить свое собственное. Его маленькие «поросячьи» глаза налились кровью, на губах выступила красная пена. Он начал биться в безумном припадке: молотил воздух и царапал свое горло. Даже сквозь туман собственной боли Мэтью понял, что Боген задыхается из-за выбитых зубов — скорее всего, они повредили ему трахею.

Экипаж остановился. Через несколько секунд один или даже оба возницы предстанут перед ним, и один из них наверняка будет держать в руках мушкет.

Мэтью нашел пистолет, пока Боген катался между сидениями, задыхаясь, словно рыба, выброшенная на сушу. Стоило Мэтью поднять оружие, как дверь справа от него распахнулась.

Он направил пистолет прямо в лица двух мужчин, удерживая на прицеле того, который и вправду держал в руке мушкет, но еще не успел прицелиться.

— Брось! — скомандовал Мэтью.

То ли свирепость его выкрика, то ли текущая из его носа кровь, то ли нечто иное заставило возниц немедленно исполнить приказание. Мушкет рухнул в снег.

— Не стреляйте, сэр, — попросил второй возница, поднимая руки. Он бросил быстрый взгляд на задыхающегося Богена, а затем добавил: — Я простой наемник, меня не интересуют ваши дела.

— Отойдите назад. И оба заложите руки за голову. — Когда они снова повиновались, Мэтью вышел из кареты, спустившись по маленьким деревянным ступенькам, которые выдвинул один из возниц. Мэтью держал пистолет, направив его на точку между

ними. Если б они только знали, как плохо он себя чувствовал, то не стали бы так с ним осторожничать. Даже с такого расстояния он мог промахнуться. К тому же, пуля могла поразить только одного человека, и будь они преданными псами, положение было бы не столь для него выгодным. Однако, похоже, ни один из них не хотел получить пулю ради вице-адмирала. И уж точно не горел желанием получать ее ради Богена.

Где же они находятся? Мэтью попытался сориентироваться. Слабый пурпурный румянец рассвета начал окрашивать темноту облаков. Сквозь падающий снег Мэтью увидел, что они все еще на Эндсли-Парк-Роуд, хотя освещенные окна особняка горели, по меньшей мере, в ста ярдах отсюда.

Был ли привратник все еще на посту? Видел ли он, как остановился экипаж? Возможно, он зашел в дом, чтобы обогреться, после того, как экипаж отъехал?

Мэтью решил, что ему не резон сейчас беспокоиться об этом. Ему нужно было двигаться — и двигаться быстро, пока сборище убийц, ничего не подозревая, продолжало свое пиршество.

— Вы оба, бегите отсюда, — скомандовал Мэтью. Он держал пистолет настолько ровно и устойчиво, насколько позволяла бьющая его тело дрожь. Свободной рукой он указал в направлении, противоположном тому, где находился дом Лэша. — В ту сторону. Если увижу хоть кого-нибудь из вас снова, клянусь Богом, что выстрелю, не задумываясь. И зарубите на носу, что буду стрелять на поражение.

Возницы, может, и опасались гнева Самсона Лэша, но Лэша сейчас здесь не было, а Мэтью Корбетт был, и его гнева они опасались гораздо больше. Особенно в этот момент, когда он целился в них с горящими от безумия глазами, плевался кровью и говорил хрипло, как мог бы говорить только истинно *плохой человек*.

— Вперед! — гаркнул Мэтью. — И радуйтесь, что не станете пищей для акул!

Они убежали, так и не поняв, что Мэтью, вероятно, спас их от ужасной участи, которую уготовил бы для них Профессор Фэлл. Через несколько секунд оба их силуэта скрылись в снегопаде.

Однако Мэтью сомневался, что они уйдут слишком далеко и некоторое время спустя не попытаются вернуться в дом. Нет, они затаятся где-то поблизости — вероятно, в парке — и будут выжидать, пока к ним не вернется мужество…

Боген вдруг вывалился на него из экипажа.

Ноги Мэтью подогнулись под тяжестью этого человека, но он отчаянно продолжал держаться за пистолет, параллельно стараясь выбраться из-под телохранителя-убийцы.

Придя в себя, он понял, что на него упал покойник: лицо Богена безжизненно застыло, руки его все еще сжимали горло, глаза и обезображенный рот были широко раскрыты. Падающие снежинки издавали тихое шипение, тая на его еще теплой плоти. Вскоре она станет такой же холодной, как зимний ветер...

Мэтью не знал, делает ли это его убийцей, или нет, но сомневался, что из-за фляги с водой погибло много людей. Он быстро принял решение снять шубу из шкуры белого медведя, потому что ее вес был слишком большим и служил ему помехой. Не раздумывая, он бросил ее в салон экипажа. Быстрый обыск жакета Богена под плащом позволил нашарить небольшую сумку с бахромой, в которой Мэтью нашел боеприпасы и запасные кремни. Он переложил находку в карман своего жакета. Пороховница соскользнула с плеча Богена и упала на пол кареты рядом с флягой. Мэтью достал ее и перебросил ремешок через плечо. То и дело всматриваясь в темноту, он не замечал никаких признаков возвращения возниц. Решив перестраховаться, он толкнул мушкет ногой, зарывая его поглубже в снег, чтобы тот достаточно намок и не смог стрелять. Его собственный пистолет, вероятно, тоже промок в такую-то погоду, однако он по опыту знал, что кремниевые ружья были куда более привередливыми.

После того, как Мэтью закончил возиться с мушкетом, он обратил свой взор в сторону парка, в самом центре которого он сумел разглядеть беседку сквозь заснеженные деревья. Разноцветные фонарики на ней были погашены.

Мэтью счел, что, будучи владельцем парка, Лэш велел своим слугам следить за тем, чтобы праздничные фонарики горели в течение всего рождественского периода. Он явно хотел быть вестником Рождества для жителей этого элитного района. *Мелких людишек* Лэш, может, и презирал, а вот со стороны тех, кого считал себе ровней, желал заслужить благосклонность.

В любом случае, — решил Мэтью, — *если угольная телега подъезжает к парку и доставляет Дикарке Лиззи тепленьких жертв, вход в туннели должен находиться где-то поблизости.*

Беседка идеально подходила для этой цели: она находилась достаточно близко к дому, но и достаточно далеко, чтобы не привлекать ненужного внимания. К тому же ее конструкция даже на первый взгляд была достаточно прочной, чтобы скрыть люк, ведущий в катакомбы.

Он взобрался на козлы возницы, открепил один из фонарей и начал пробираться по глубокому снегу к беседке, остроконечная крыша которой возвышалась над землей на несколько футов. Мэтью взошел по четырем ступеням и при скудном освещении осмотрел ее пол. Вся постройка выглядела явно ухоженной, и,

похоже, ее переделывали не очень давно — вероятно, всего несколько лет назад. Половицы беседки сейчас были припорошены снегом, но крыша не позволяла накопиться слишком большому слою.

Мэтью поискал кусочки угля, которые могли упасть здесь с одежды констеблей, но ничего не нашел. Он даже опустился на колени, чтобы обыскать все более тщательно, но не сумел обнаружить даже намека на какой-либо люк или что-то подобное в полу беседки.

Внутри него начала зарождаться паника. Если он ошибся, все было напрасно. У него не было времени рыскать вслепую в попытках отыскать вход в туннель — при условии, что он действительно был где-то здесь. Но… где же еще ему быть? Это место казалось самым логичным.

Свет фонаря безуспешно блуждал по половицам и не выхватывал из мрака ни кусочков угля, ни чего бы то ни было другого…

Мэтью вдруг вспомнил о рычаге, который управлял складными ступенями экипажа. Хорошее изобретение. Может, Самсон Лэш с его техническим складом ума применил эту идею и в других целях?

Мэтью спустился по ступеням и обыскал их. Свет фонаря вновь ничего не обнаружил. Мэтью заставил себя не отчаиваться и ощупал края ступеней. Ничего, кроме шероховатой древесины. Чувство паники — а вместе с тем и неминуемой гибели — вспыхнуло с новой силой. У подножия лестницы он снова встал на колени, смахнул столько снега, сколько смог, и ощупал землю.

В центре, прямо под самой низкой ступенькой — совершенно невидимый для невнимательного глаза того, кто ничего бы не додумался здесь искать, — прятался засов. Мэтью сдвинул его. Ничего не произошло. Что теперь?

Он отложил фонарь в сторону, убрал пистолет за пояс и обеими руками подтолкнул последнюю ступеньку вверх, решив, что она может каким-то образом сложиться.

Послышался звук, похожий на скрип несмазанных петель, и все четыре ступеньки начали подниматься. Под ними обнаружилась темная полость, из которой отчетливо доносился сырой запах старых камней. Мэтью продолжил толкать ступеньки вверх, пока они не уперлись в пол беседки. Он посветил фонарем под землю, на другой набор ступеней — также деревянных и, разумеется, построенных через много лет после прихода римлян. Эти ступени вели вниз, во тьму, и света его фонаря не хватало, чтобы оценить все пространство под ними.

Мэтью решительно шагнул в темноту.

Лестница спускалась примерно на двадцать футов, и Мэтью искренне обрадовался наличию перил. Пол внизу был устлан, похоже, старыми каменными плитами — изношенными и, возможно, даже римскими. Проход был шириной не менее десяти футов, а стены его были облицованы грубыми камнями, часть которых осыпалась грудами щебня, обнажив под собой сырую темную землю. Мэтью прикинул, в какую сторону нужно двигаться, чтобы попасть в особняк. Дом Лэша стоял к северо-западу отсюда.

Кивнув в знак согласия с собственными мыслями, Мэтью двинулся в нужном направлении, подсвечивая себе дорогу. На полу он наткнулся на три маленьких кусочка угля, которые, должно быть, осыпались с одежды констеблей. Пока все шло хорошо, но об успехе было рано говорить.

Вскоре Мэтью стало ясно, что он движется не по римской дороге, а по коридорам, которые могли принадлежать древней крепости. Кое-где свет его фонаря выхватывал каменные колонны, поднимавшиеся до самого потолка. Мэтью слышал писки и шорохи, издаваемые крысами, которые то и дело проскальзывали по его сапогам. Ему почему-то пришла в голову мысль, что грызунам нет никакого дела до былой славы и величия Рима.

Он достиг развилки и свернул налево, решив, что так сможет придерживаться северо-западного направления. Через полминуты на его пути встала глухая твердокаменная стена. Пришлось вернуться и выбрать другой проход, а вместе с тем ускориться, потому что, если возницы надумают вернуться к экипажу или придут в особняк раньше него, все будет кончено. Помимо того он задавался вопросом, не воспользуется ли Лэш своим вторым личным экипажем, чтобы в скором времени отвезти Львицу, Мэрду, Краковски и Монтегю обратно в их гостиницы. Если так, им на пути встретится брошенный экипаж, а вдобавок они обнаружат тело Богена…

Все говорило об одном: нужно спешить.

Проход сузился, а потолок опустился ниже — теперь Мэтью едва не касался его макушкой. Крысы заметно осмелели и теперь гневно шипели, натыкаясь на его сапоги. Мэтью пересек маленький зал, встретившийся на пути. Крысы здесь были как будто одурманены чем-то и буквально мчались, чтобы спуститься в яму у противоположной стены, напоминавшую старый заброшенный колодец. Мэтью рассудил, что именно туда сбросили тела неизвестного констебля, Диппена Нэка — *Господи, упокой душу этого непроходимого задиры!* — и Виктора. Видимо, всех жертв сбрасывали сюда на корм грызунам…

Принюхиваться к запаху тлена или крови Мэтью не решился,

а, наоборот, попытался дышать ртом, пока приближался к двери.

Теперь ему предстояло настоящее испытание.

Он поставил фонарь и взялся за ручку.

Он повернул ее.

Ничего не вышло.

Дверь была заперта.

Казалось, это вышибло из него дух. Разум его пылал в агонии от мысли о поражении. А ведь он возлагал столько надежд на узы «Черноглазого Семейства»!

Что теперь? — стал отчаянно размышлять он, и как раз в этот момент какой-то тревожный звук достиг его ушей.

Точнее, это был тихий щелчок.

Дверь открылась, и перед Мэтью предстала Элизабет Маллой. Губы ее изгибались в мрачной ухмылке. Она бегло оценила побои Мэтью, догадавшись, что это дело рук Богена.

— Я тебя ждала, — сказала она. Позади нее, где-то в тридцати футах, из открытой двери лился поток света. Этот путь вел в яму. — Завтрак почти закончился. Потом Самсон развезет всех по гостиницам. Примерно через полчаса. Что ты сделал с экипажем?

— Стоит на дороге. Недалеко.

— Тебе пришлось убить телохранителя, — констатировала она, заметив пистолет.

— Не совсем своими руками, но… с ним покончено. — Даже не забрав свой фонарь, стоявший на земле, и миновав Элизабет, Мэтью направился к яме. — Возницы убежали. — Он остановился совсем рядом с ямой и, обернувшись, спросил. — Где держат Джулиана?

— На втором этаже, третья дверь справа. Охраны нет, но дверь заперта. С этим я тебе помочь не могу.

— А Файрбоу?

— Первая дверь слева.

— Отлично. Спасибо. Ты… могла бы сделать для меня еще кое-что? — Прежде, чем она дала ответ, он поспешил озвучить просьбу: — Принеси мне книгу ядов. Прошу тебя.

Она покачала головой.

— Нет. Извини, но я и так достаточно помогла тебе. Мне еще предстоит доказать, что дверь оставили открытой по недосмотру. А ключ надо будет вернуть в кабинет. Так что дальше — сам, я умываю руки.

Мэтью огляделся. Он сомневался, что хоть что-то сможет вытравить отсюда кровавые следы.

— Что ж, хорошо. Тогда просто не мешай мне.

Она вдруг схватила его за руку.

— Об одном прошу: не вреди Самсону! — В глазах ее стояла мольба. — Он — все, что у меня есть.

Какова бы ни была глубина их странных отношений, у Мэтью не было времени раздумывать над этим. Он вздохнул и сказал:

— Надеюсь, больше насилия не будет. Возвращайся к остальным.

Она отвернулась и ушла, не сказав больше ни слова. Мэтью воспользовался пороховницей, чтобы зарядить пистолет сухим порохом, затем пересек яму, поднялся по каменным ступеням, миновал галерею и продолжил двигаться наверх, пока не уперся в закрытую дверь, что вела в коридор. Справа будет лестница и фойе, слева — обеденный зал и гостиная. Где будут люди Филина? Все так же у ворот и двери? Или же рассредоточены по первому этажу? А, может, они будут в гостиной, греться у камина? Сколько их?

Мэтью не мог ответить ни на один вопрос, но знал, что обязан рискнуть.

Он открыл дверь. В коридоре было чисто. Он быстро вышел туда и сразу услышал голос Лэша, доносившийся из обеденного зала позади него. Вероятно, завтрак и впрямь подходил к концу. Мэтью прошел мимо гостиной и вздрогнул, заметив двух мужчин, стоявших у камина к нему спиной. Они о чем-то тихо переговаривались.

Фойе и входная дверь были оставлены без охраны, а прямо у входа стоял стол с корзиной, куда все участники аукциона сложили свое оружие. Мэтью осторожно прошмыгнул в фойе, забрал свой кинжал с рукоятью из слоновой кости и сунул его за пояс. Затем он ухватился за четырехствольное чудо Джулиана. Чудом он счел его потому, что при всей его тяжести Мэтью почувствовал, что вполне сладит с ним в случае чего.

Он положил оба пистолета на стол и открыл входную дверь. Привратник все еще дежурил на своем посту, но сейчас рассеянно покуривал трубку, глядя на парк. Очевидно, из-за снегопада он не заметил, как остановился отъехавший экипаж.Мэтью вернулся к столу, поднял корзину с оружием и почувствовал ее тяжесть. Мышцы его плеч натужно затрещали от такой ноши.

Двигаясь так быстро, как только позволяли силы, он вышел за дверь и вывалил все содержимое корзины в заросли заснеженного кустарника сбоку от лестницы. В этот момент обернулся привратник. Увидев его, он ошеломленно вытаращился, но зашелся в приступе кашля, подавившись дымом.

Мэтью отбросил корзину в сторону, вернулся и запер за собой дверь.

— Эй, там! Ты что делаешь? — крикнул кто-то.

Мэтью обернулся. Человек, который только что спустился по лестнице, был одним из тех, кто отволок его в комнату за ямой и избил его, прежде чем раздеть догола. Сначала мужчина не узнал Мэтью. Он приблизился, не заподозрив неладное. В это время Мэтью подошел к столу и поднял пистолет Богена. Человек резко остановился и завопил, понимая тревогу. Рука его скользнула под жакет, потянувшись за пистолетом.

У Мэтью не оставалось выбора, кроме как выстрелить.

Звук походил на небольшой взрыв. Сквозь завесу сизого дыма Мэтью увидел, как мужчина схватился за грудь и упал. Его пистолет тоже успел выстрелить, но пуля угодила в потолок. Поднятый здесь шум мог запросто воскресить Диппена Нэка из мертвых.

Мэтью схватил пистолет Джулиана и помчался мимо раненого вверх по лестнице.

Третья дверь справа. Нет нужды пробовать ручку — наверняка заперто. Мэтью ударил ногой в дверь и почувствовал боль в коленной чашечке. Но выбора не было.

Когда он собрался нанести второй удар, открылась первая дверь слева, и из комнаты вышел Лазарус Файрбоу, одетый в серую шелковую ночную сорочку. Взгляд его был заспанным и рассеянным.

— Стойте, не двигайтесь! — выкрикнул Мэтью, направив на него пистолет Джулиана. Доктор тут же замер, рот его распахнулся от изумления.

— Мэтью? — послышался из-за двери голос Джулиана. — Какого черта?..

— Отойди! — велел ему Мэтью и снова пнул дверь. Она треснула, но замок так и не поддался. Снизу послышались встревоженные голоса, кто-то быстро поднимался по лестнице.

— На помощь! — закричал Файрбоу. Бежать он побоялся, но вот силы позвать на помощь он в себе нашел. — Здесь человек, он вооружен!

Ситуация балансировала на грани катастрофы. Мэтью снова ударил в дверь — так сильно, как только мог, игнорируя вопящую от боли коленную чашечку. Дверь распахнулась, повиснув на одной петле. В тот же момент Файрбоу все же попытался бежать. Мэтью бросился следом, налетел на него, ухватил его за ворот ночной сорочки и приставил пистолет к его виску.

Тот, кто первым показался на лестнице, работал на Филина. Мэтью вспомнил его — это был провожатый, который отвел его к Кардиналу Блэку. Поднимаясь на второй этаж, мужчина держал наготове пистолет, а его пристальный взгляд сразу приметил оружие, прижатое к виску Файрбоу.

— Отпус… — начал он, но не договорил, потому что прямо над левым плечом Мэтью просвистела цветочная ваза, угодившая аккурат в лицо наемнику. Не удержавшись на ногах, он кубарем покатился с лестницы.

— Давай-ка я. Мне привычнее, — ухмыльнулся Джулиан, положив одну руку на четырехствольный пистолет, а другую — на шею рыжеволосого химика. Мэтью отступил в сторону. Он быстро изучил Джулиана взглядом: похоже, охранники успели поразвлечься. Левый глаз Джулиана посинел и заплыл, а опухшую нижнюю губу покрывала корка запекшейся крови. И хотя ярко-желтый жакет с него сняли, он все еще был частично облачен в клоунский наряд графа Пеллегара — серые штаны с красными полосками, серые чулки и лавандовую сорочку, теперь покрытую кровавыми пятнами. Сапоги тоже остались при нем.

Джулиан переместил пистолет, прижав его к затылку Файрбоу, и надавил на оружие так сильно, что у химика глаза на лоб полезли.

— Слушайте меня! — крикнул он, обращаясь к людям на лестнице за углом. — Если нам не позволят свободно уйти, мы узнаем, оправдает ли доктор свое имя[37]!

Лазарус, — подумал Мэтью. — *Способный воскреснуть из мертвых? Это он имеет в виду?* Похоже, у Джулиана еще оставались силы на то, чтобы шутить.

— От него не будет толку никому из вас, если я вышибу ему мозги! — продолжал Джулиан. — Вы слышите?!

— Слышим! — это был голос Лэша. — Ты сказал, «нам»? Кому? О господи, неужели Корбетт там с тобой? Я думал, ты выбрался сам, но… эй, Корбетт, ты там?

— Во плоти, — отозвался Мэтью.

— Что ж, впечатляет! Спустись сюда, давай поговорим! Может, расскажешь, как ты проник в мой дом, и тогда мы, возможно…

— В задницу болтовню, Лэш! — перебил его Джулиан. — Мы уходим. Если мне не понравится хоть одно чье-то движение, Файрбоу превратится в бесполезный мешок с костями. — Он повернулся к Мэтью и тихо шепнул: — Держись позади меня.

— Убьете его, и вы оба — покойники! — пригрозил Лэш. Его голос звучал ровно и не выдавал никаких признаков беспокойства. — Неужели вы об этом не подумали?

— Вам, может, и плевать на доктора, но спросите остальных, согласятся ли они продолжить аукцион, если химика не будет!

Повисла долгая тишина, хотя в ней угадывалось чье-то перешептывание. Мэтью и Джулиан переглянулись.

— Нам нужно идти, — сказал Мэтью, прежде чем Лэш

сообразил послать своих людей занять огневые позиции в парке или на поиски экипажа.

— Шагай! — скомандовал Джулиан доктору.

— Прошу… можно я хоть плащ возьму?

— Нет. — Джулиан сильнее надавил пистолетом на голову заложника и толкнул его в сторону лестницы.

Следуя за Файрбоу, Джулиан и Мэтью повернули за угол. Двое приспешников Филина держали их на прицеле. Сам Филин стоял между ними и с ненавистью взирал на налетчиков. Входная дверь была распахнута: кто-то явно открыл ее, чтобы впустить привратника.

Все заняли позиции под лестницей, включая Кардинала Блэка. Он держался позади остальных, сразу за Монтегю. Мэтью заметил в предпоследнем ряду Элизабет Маллой. Их глаза встретились, и она покачала головой, призывая не причинять вреда Лэшу, но в данный момент Мэтью и так был, как никогда, далек от мысли причинить ему вред. Его первоочередными задачами было заполучить книгу и выбраться из дома.

— Отошли в сторону! Все! — скомандовал Джулиан.

Человек, в которого угодила ваза, находился у подножья лестницы рядом с тем, кого подстрелил Мэтью. Первый сидел, потирая ушибленное лицо с несколькими кровоподтеками, второй лежал и стонал, зажимая рану в верхней части груди обеими руками. Спускаясь по ступенькам, Мэтью проследил, как несколько человек в нерешительности поднимали и опускали пистолеты.

— Продолжай идти, — прошипел Джулиан доктору. Пока они спускались, Мэтью поднял замеченный им оброненный пистолет охранника и взвел курок.— Давайте все успокоимся, — сказал Лэш. Выражение его лица казалось озадаченным. — Разумеется, вы, джентльмены, далеко не уйдете. Вы же это понимаете?

— Да пристрелите их уже! — призывал Мэрда людей Филина. — Давайте, чего встали?

— Держи зубки при себе, коротышка, — фыркнул Джулиан. — Послушайте вице-адмирала и успокойтесь. И продолжайте отступать в сторону.

— Вам не выбраться отсюда живыми, — пообещала Львица, стоя между Лэшем и Мэрдой. Позади нее маячил Краковски. В глазах темнокожей женщины пылало обещание скорой расправы.

— Тогда не выживет и доктор. К тому же мы успеем отправить на тот свет, по крайней мере, одного из вас. Ты! Иди сюда! — Мэтью понятия не имел, к кому обращается Джулиан, пока он этого не озвучил: — Да, ты! Дикарка Лиззи — или как ты там себя называешь! Сюда! Живо!

— Стой, где стоишь, Элизабет, — приказал Лэш. В его голосе послышалась едва уловимая дрожь.

— Мэтью, — обратился Джулиан, — выстрели ей в голову, если она не подойдет через три секунды.

Мэтью осознал, что не может не подчиниться. По крайней мере, его причину не понял бы ни Джулиан, ни остальные присутствующие. И действительно, на основании чего он мог отказаться? Лишь того, что он не был *плохим человеком*? Нет, если он даст слабину, то кто-то — например, Филин или Черный Кардинал — может догадаться, что именно с помощью Элизабет он проник в дом. Она могла быть сколь угодно дорог***а*** Лэшу, но если Мэтью не наведет на нее пистолет, в итоге — после того, как они с Джулианом и доктором уйдут — она окажется под еще большей угрозой.

Он нацелил пистолет ей в голову.

— Раз, — сказал Мэтью.

— Позвольте пройти, — спокойно попросила Элизабет. Похоже, она и сама осознавала грозившую ей опасность и выбрала меньшее из двух зол. Она не боялась, потому что знала, что ее «брат» по «Черноглазому Семейству» дал клятву ей не вредить. — Все в порядке, — успокоила она Лэша, когда тот попытался схватить ее за руку. — Никто не должен пострадать из-за этих двоих. Уж точно не доктор… и не он. — Она дернула подбородком в сторону Кардинала Блэка, но в глазах ее читалось презрение.

— Два, — категорично произнес Мэтью.

Лэш отпустил руку Элизабет и воззрился на своих врагов с холодной чистой яростью.

Когда Элизабет подошла к Джулиану, тот схватился за декольте платья и рывком развернул ее так, чтобы стволы пистолета разместились между ней и Файрбоу.

— Все в гостиную, — скомандовал Джулиан. — Идите и закройте дверь. Мэтью будет стоять здесь и держать пистолет у головы Файрбоу. А мы с Лиззи пройдемся и заберем книгу. После этого мы уйдем.

Смелые слова, — подумал Мэтью. Ведь Джулиан понятия не имел, что в ста ярдах отсюда их ждет брошенная карета.

— Вам далеко не уйти, — прошипел Лэш. Глаза его источали мертвенную холодность. — Пусть пистолетов у вас два, но, похоже, с выстрелами-то негусто.— Достаточно. И, надеюсь, что вы не вынудите нас стрелять. Файрбоу будет стоять напротив двери. Это я на случай, если у кого-то из вас возникнет мысль через нее выстрелить.

— А что нам за дело до этого ублюдка, если не будет книги?

— спросил Монтегю у порога гостиной. — Он ведь станет не так ценен…

— Легче вернуть книгу, чем найти замену доктору, — возразил Лэш, все еще глядя испепеляющим взглядом на Мэтью и Джулиана. — Я знаю, куда они направятся, и знаю, как туда добраться. Так что, если они бегут в поисках безопасности, то лучше им убить меня прямо сейчас. Иначе мне понадобится всего день, чтобы вернуть книгу.

— Не искушай меня, — криво ухмыльнулся Джулиан.

— Давай! — с вызовом воскликнул Лэш. — Потрать свой выстрел на меня и посмотри, что получится.

— Пожалуйста, — умоляюще произнесла Элизабет, — Самсон, просто сделай, как он говорит!

Мэтью понял, что Элизабет пытается защитить Лэша — равно как и своего брата по «Черноглазому Семейству». Кроме того, сейчас, когда Лэш заполучил планы воздушного корабля, на книгу фактически ему стало плевать, хотя собравшимся он этого сказать не мог. Весь этот аукцион затевался ради золота пруссаков и чертежей — и эта основная цель была достигнута.

— Хорошо, — ответил Лэш. — Давайте уйдем в гостиную. Филин, ты и твои люди пойдут первыми.

Блэк подался вперед так быстро, что Мэтью едва успел направить на него пистолет. Когда их с Черным Кардиналом разделяло всего несколько футов, уродливая вытянутая голова с паучьими глазами склонилась, а губы искривились в мрачной улыбке.

— Вы и ваш друг объявляете войну не только мне, но и всем, кто здесь собрался. Девейн убийца. Но вы — нет. И это уничтожит вас. Вы оба можете быть уверены: я последую за вами хоть на край света, чтобы…

Не совладав с гневом, Мэтью вдруг ударил его по лицу стволом пистолета. Нос Блэка хрустнул, а из ноздрей хлынула кровь. Он отшатнулся назад к Львице, которая молниеносно отступила в сторону, держась от Блэка подальше, словно от прокаженного. Краковски же сделал шаг, чтобы броситься на Мэтью во всей этой суматохе, но черноглазый провал дула пистолета усмирил его энтузиазм.

— Успокойтесь! Все! — приказал Лэш. — У нас будет время исправить эту ситуацию.

Элизабет тоже попыталась хоть немного разрядить обстановку.

— Не беспокойся, Самсон, — сказала она. — Мы переживем эту незначительную неудачу. Я уверена, что мистер Девейн не будет груб с дамой.

— В гостиную, — мрачно скомандовал Джулиан.

Все повиновались — включая Блэка со сломанным носом. Замыкающим шел Лэш, который и закрыл за собой дверь. Верный своему слову, Джулиан подтолкнул Файрбоу вслед за ними к проему.

— Встань за ним, — обратился он к Мэтью. — Они не станут стрелять через дверь… но даже если окажутся настолько глупы, пуля тебя не достанет. Сначала его.

К ужасу Мэтью, Джулиан с легкостью перехватил руку Элизабет и заломил ее ей за спину.

— В кабинет, — скомандовал он, направив ее вперед по коридору.

В кабинете Лэша Джулиан отпустил Элизабет и взял книгу в красном кожаном переплете, которую вице-адмирал даже не потрудился убрать со стола. Он быстро пролистал ее при свете настольного фонаря, дабы убедиться в подлинности труда Джонатана Джентри. В химических формулах он ничего не смыслил, но выглядели они натуралистично. Он захлопнул книгу и сунул ее за пазуху.

— Теперь доволен? — огрызнулась Элизабет. — Просто забирай ее и уходи.

— Пока не доволен, — отозвался Джулиан. Он заметил на столе чертежи воздушного корабля, выглядывающие из-под журнала записей, куда Лэш, должно быть, положил их перед визитом Мэрды. Джулиан вытащил все пять листов пергамента и, пододвинув фонарь, снял с него защитный колпак, явив перед собой открытое пламя.

— *Что ты делаешь?* — воскликнула Элизабет. В голосе ее зазвучала тревога.

— Мне не нравится, когда меня избивают, знаешь ли. Вот, как я за это отплачиваю. — С этими словами он поднес к огню первый лист.

Она бросилась на него, но не с яростью Дикарки Лиззи, а с отчаянием Элизабет Маллой. Она схватила его рукой за горло и сжала, но в своем нынешнем состоянии мало что могла противопоставить Джулиану. Он же в ответ ударил ее локтем в челюсть, чем почти лишил ее чувств, а затем, словно мешок с тряпьем, оттолкнул ее к стене.

Методично и с большим удовольствием Джулиан сжег все листы, кроме одного, бросив обугленные остатки на стол Лэша. Когда Элизабет попыталась подняться с пола, он снова пнул ее. *Плохой человек* блистал в зените своей славы. Он поджег пятый лист и, когда тот сгорел почти до пальцев, задул его так, что остался только обугленный уголок.

— Вставай, — холодно скомандовал он.

— Ты не представляешь, что натворил! — прохрипела она, пока, пошатываясь, обретала равновесие. Глаза ее блестели от ярости и боли.

— О, я *представляю*. — Он вытолкнул ее из кабинета. — Шевелись!

Мэтью тут же понял, что Джулиан что-то сотворил с Элизабет. Его глаза округлились.

— Джулиан! Что ты…

— Он сжег чертежи! — воскликнула она, почти рыдая. — Этот идиот обезумел! Он сжег все!

— Ну не совсем все. — Джулиан оттолкнул Файрбоу от двери, двинув ему локтем в ребра, и уронил оставшийся обугленный фрагмент на пол. — А теперь, — торжествующе сказал он, — у нас есть книга, химик и, предполагаю, экипаж, из которого ты, очевидно, сбежал. Он ведь где-то поблизости?

— В ста ярдах вверх по дороге, — сказал Мэтью.

— Хорошо. Значит, нашей заложнице не придется слишком долго идти по снегу, не так ли?

— Нашей… заложнице?

— Мы забираем мисс Маллой с собой, — возвестил Джулиан. — Не сопротивляйся, пожалуйста. — Он вновь нацелил пистолет ей в голову. Элизабет с мольбой посмотрела на Мэтью, но он ничем не мог ей помочь. Джулиан уже подталкивал ее и Файрбоу через фойе к открытой парадной двери.

Мэтью двинулся было за ними, но остановился, чтобы взглянуть на кусок чертежа, валявшийся на полу у двери.

Все, что осталось, не превышало в размерах его большой палец. У Мэтью было плохое предчувствие, что Джулиан только что объявил войну Самсону Лэшу, не говоря уже о Кардинале Блэке и других убийцах, которые жаждут заполучить книгу и отомстить…

Путь в «Прекрасную Могилу» будет долог.

Кто-то начал медленно, дюйм за дюймом, открывать изнутри дверь гостиной.

— Элизабет? — крикнул Лэш. И снова, почти в панике: — *Элизабет!*

Мэтью повернулся и побежал.

Часть четвертая. Кошки-мышки.

Глава двадцать четвертая

— Что будем делать?

Самсон Лэш не ответил. Он уже довольно давно сидел за столом в своем кабинете, гипнотизируя взглядом стоявшую перед ним глиняную белую чашу, в которой покоилась горстка коричневого пепла, собранного со стола. Под огромными, слегка подрагивающими от смятения пальцами правой руки вице-адмирала лежал найденный им обгоревший кусок пергамента…

— Что мы будем делать? — повторил свой вопрос Кардинал Блэк, зажимая разбитый нос пропитавшейся кровью тряпицей. Вокруг его глаз постепенно расплывался уродливый ярко-пурпурный синяк.

Еще несколько секунд Лэш молчал, затем тихо выдохнул:

— Делать… — Его голос звучал едва слышно и отстраненно, взгляд был рассеянным. — Да. Мы должны что-то предпринять.

— Остальные жаждут действий! — воодушевленно воскликнул Блэк. — Мы должны немедленно отправиться в погоню! Каждая минута нашего промедления дает беглецам…

— Хватит, — перебил Лэш, и хотя это был всего лишь шепот, его оказалось достаточно, чтобы Блэк послушно закрыл рот. Скрытая ярость вице-адмирала пробивалась даже сквозь его полушепот звуком скрежета лезвия о шлифовальный станок. — Приведи ко мне Филина, — сдержанно произнес он.

Несколько мгновений Блэк медлил, а затем все же вышел из кабинета, оставив своего собеседника в одиночестве. Лэш продолжал задумчиво сидеть, периодически приподнимая чашку с пеплом со стола и вертя ее в руках. Вместе с этими листами пергамента сгорели его мечты, которые он лелеял столько лет.

И ведь у него отобрали не только это!

Лэш вновь и вновь возвращался к воспоминаниям о том, что произошло.

Когда звуки за дверью окончательно смолкли, Лэш первым осмелился покинуть комнату, в которую загнали их Корбетт и Девейн.

— Элизабет? — позвал он. Ответа не последовало, и он предположил самое худшее, в панике позвав ее снова. Сердце заколотилось в груди, и Лэшу с трудом удалось взять себя в руки. Секунду поразмыслив, он догадался, что Элизабет жива — она стала заложницей Девейна и Корбетта.

Не успев выдохнуть с облегчением, он опустил взгляд и увидел на полу нечто ужасное… то, что вмиг лишило его голоса,

заставило сердце вновь пуститься в галоп и убило что-то в его душе. Сомнений в том, *что* это такое, быть не могло. Побледнев, Лэш опрометью бросился в свой кабинет и обнаружил, что весь его стол усеивают жалкие хлопья пепла — все, что осталось от чертежей воздушного корабля.

Его тело вдруг охватила леденящая резкая боль — словно что-то резко вырвало его из привычного мира, где он все держал под контролем, и перенесло на порог иной реальности, где бал правили хаос и безумие. Пожалуй, впервые в жизни Самсон Лэш почувствовал себя почти невесомым — маленьким и дрожащим — глядя сверху вниз на то, что было оставлено ему в качестве жесточайшей насмешки. Время для него будто замерло и потеряло всякий смысл. Суета, начавшаяся в доме, сейчас совершенно не волновала его.

Филин тем временем отправил четверых своих людей в парк. От Перри с пулевым ранением груди теперь не было никакого толку, и Филин сразу списал его со счетов. Поисковая группа обшарила парк и быстро наткнулась на тело Богена. Вскоре из своего укрытия к ним вышел один из возниц экипажа и, не таясь, рассказал, что произошло.

К моменту, когда тело Богена внесли в дом и положили в гостиную, Лэш — потерянный и посеревший — вернулся из своего кабинета. Он выслушал доклад людей Филина и отправил в яму человека, который обнаружил, что дверь в туннели по какой-то причине открыта.

Как Корбетту удалось обнаружить вход под ступенями беседки? Кто оставил дверь незапертой? Неужели кто-то нарочно отпер ее?

В голове Лэша возникали вопросы, но ни над одним из них он не был готов размышлять — разум застилало небывалое чувство утраты. И вот теперь он старался обуздать это чувство, сидя за столом в своем кабинете и продолжая вертеть в руках чашку с пеплом.

Через несколько минут, в течение которых Лэша одолевали горькие размышления о превратностях судьбы, вернулся Кардинал Блэк в сопровождении Филина.

— Закройте дверь, — бросил им Лэш все тем же тихим и слабым голосом. Затем он перевел взгляд на Филина и кивнул. — Твои люди уже уехали?

— Только что. Я распорядился, чтобы Перри отвезли в больницу Хайклиффа.

Лэш вновь опустил взгляд на чашку.

Накануне аукциона Филин договорился, что в шесть часов прибудут два экипажа и развезут шестерых его людей по домам.

Далее Лэш должен был заплатить Филину за услуги, а затем один из его экипажей должен был доставить его домой, в Саутворк. Теперь, когда все мероприятие покатилось в тартарары, оставалось лишь довольствоваться жалкими остатками изначального плана.

— Садитесь, — сказал Лэш.

Филин пододвинул стул к столу вице-адмирала, а Блэк устроился в темном углу, осторожно ощупывая ноздри с запекшейся кровью и время от времени издавая звуки, напоминавшие нечто среднее между рычанием и сплевыванием.

Филин заговорил:

— Сэр, я сожалею…

— Замолчи, — оборвал его Лэш. Еще несколько секунд покрутив в руках чашку с пеплом, он, наконец, нашел в себе силы отставить ее в сторону. — Ну, что ж, — буркнул он, — вот, до чего мы докатились.

— И все же позвольте кое-что сказать, — вновь отважился Филин. Он выждал несколько мгновений, и, не услышав от Лэша возражений, продолжил: — В такую погоду передвигаться быстро они не смогут. Уверен, вы знаете, по какому маршруту они поедут, и…

— По северо-западной дороге, — сказал Лэш. — Да, знаю.

— … и я сомневаюсь, что у Девейна или Корбетта за плечами большой опыт в обращении с экипажем такого размера или упряжкой из четырех лошадей. Они будут стеснены обстоятельствами, — продолжил Филин. — У вас же, напротив, есть неоспоримые преимущества: вам не надо будет беспокоиться о том, чтобы охранять двух заложников, и, я полагаю, у вас есть еще один опытный кучер.

Эта речь была встречена сдержанным коротким кивком Лэша, во взгляде которого сквозило безразличие.

— Допускаю, что, каким-то чудом, им даже удастся добраться до первого постоялого двора, — продолжил Филин, — хотя я в этом сильно сомневаюсь. В любом случае им придется дать лошадям отдых, а в такой снегопад, это случится скорее рано, чем поздно. Полагаю, мы мыслим одинаково: на их поимку уйдет всего день.

— Спасибо за твое мнение, — сухо ответил вице-адмирал.

Повисло молчание.

Филин нервно поерзал на стуле.

— Самсон… — Голос его слегка дрогнул. — Мы работали вместе… на благо страны последние три года. Я служил вам в меру своих возможностей и уверен, что доказал свою ценность, поставляя… гм… *сырье* для эпизодов мисс Маллой. И я буду

продолжать служить вам впредь. А из-за случившегося прошлой ночью я даже… готов урезать вполовину сумму, которую вы обещали мне — в знак *уважения* и *доверия* к вам. — Он замолчал и несколько раз моргнул. Вид у него был растерянный, так как эта новость не вызвала должной реакции со стороны Лэша. Более того: она не вызвала *никакой* реакции.

Филин прочистил горло.

— Думаю, это будет справедливо, вы согласны?

Лэш откинулся на спинку кресла и сказал:

— Я хочу знать, кто оставил дверь незапертой. Когда твои люди уносили тела, им выдали ключ, который был возвращен и сейчас лежит в верхнем ящике стола. Тот, кто не запер дверь, позволил Корбетту войти. — Вице-адмирал угрожающе сощурился. — Кто это был?

— Нужно время на то, чтобы провести расследование, — осторожно сказал Филин. — Но, поверьте, я непременно это сделаю.

— Не нужно никаких расследований, — отмахнулся Лэш. — Я считаю, что ответственность за случившееся лежит исключительно на тебе — *вот*, что справедливо.

Филин напрягся.

— Да, конечно, я не слагаю с себя ответственности, но… поймите, Самсон, для вчерашнего вечера я выбрал только проверенных людей. *Лучших* людей, если хотите. Они не раз зарекомендовали себя на подобного рода мероприятиях и такой оплошности допустить не могли! — Филин быстро повернул голову, опасливо взглянув на притаившегося в темном углу Кардинала Блэка, затем снова обратил взгляд на вице-адмирала. — Я… кое-что заметил. Кое-что *странное*… касательно Корбетта и мисс Маллой. — Увидев, что Лэш багровеет, он поспешил продолжить: — Это длилось всего мгновение, и все же… у меня сложилось впечатление, что, когда Девейн приказал застрелить ее на счет «три», Корбетт… *замешкался*. И выражение его лица было… не знаю, какое-то… смущенное, или протестующее... Но он точно не хотел этого делать! Я *вижу* такие вещи, Самсон! *Чувствую* их. Вы знаете, что это так — частично именно из-за этого вы платите мне.

— Корбетт не хотел убивать женщину, — хмыкнул Блэк. — В этом есть нечто забавное.

— Более того, — продолжал Филин, — подозрения у меня возникли, еще когда мисс Маллой… гм… слезла с него в яме и захотела, чтобы вы отправили его обратно к Профессору Фэллу. В тот момент это показалось мне… предлогом не убивать его. Я ничего не сказал, потому что знаю, что вы безоговорочно

доверяете ей как своему советнику, и это вполне обоснованно. Но… там, когда Корбетт нацелил на нее пистолет… между ними что-то произошло! Я прочел это по их лицам. Он не собирался стрелять в нее, Самсон… и она *знала*, что он не собирался! Сразу после этого *она* сказала, что *никто не должен пострадать из-за этих двоих*! — Его губы саркастично изогнулись, выпученные золотистые глаза словно сделались еще больше. — И это сказала она! *Она*… которая сама стольких собственноручно убила!

Серьезное лицо Лэша, казалось, застыло.

— И… и, — не унимался Филин, — только задумайтесь об этом! Она вышла из-за стола, попросив прощения. А потом не прошло и десяти минут после ее возвращения, как мы услышали первый выстрел!

— Он несет околесицу, Лэш, — сказал Кардинал Блэк. — Кажется, сейчас разрыдается.

— Нет, послушайте меня! Возможно… я говорю, только *возможно*… что это она спустилась вниз и открыла ему дверь. Что это она рассказала ему, что в беседке есть потайной вход. Может, у нее есть некая связь с ним, о которой мы не знаем?

Лэш заговорил лишь через пару мгновений, при этом его рука снова потянулась к чашке и осторожно помешала пепел указательным пальцем.

— Один из твоих людей совершил ошибку, — сказал он. — И ты только позоришь себя этими выгораживаниями, пытаясь замарать мою Элизабет. Она даже не знала о беседке. Я построил ее за несколько месяцев до того, как привез ее домой, и она ни при каких обстоятельствах не могла об этом узнать.

— И я знаю почему! — нервно воскликнул Филин, лицо которого заблестело от выступившей испарины. — Вы не хотели, чтобы она сбежала в город и убила кого-то, чья смерть привлечет внимание констеблей! Потому что вы едва могли контролировать ее, когда она сходила с ума!

— Попридержи язык, — мягко укорил Лэш. Он встал, что заставило Филина почти подскочить, но Лэш остановил его: — Не вставай. У меня есть жалоба на твою службу, которую ты, вероятно, захочешь принять к сведению на будущее. — Он подошел к Филину со спины и положил свои огромные руки на его хрупкие плечи. Филин повернул голову под немыслимым углом и испуганно воззрился снизу вверх на гиганта, возвышавшегося позади него.

Лэш наклонился и тихо шепнул Филину на ухо:

— Несмотря на твою хваленую службу и *чутье*, ты позволил двум самозванцам войти в мой дом в самую важную ночь в моей жизни. Ты позволил им забрать мою Элизабет и книгу. Из-за тебя

мой воздушный корабль потерян… *навсегда* потерян…

— Я честно выполнял свой долг, клянусь, откуда мне было знать…

— *Шшшшш*… — прошипел Лэш. — Тебе платят за то, чтобы ты знал. И вот ты здесь, урезаешь свою плату вдвое, чтобы компенсировать ущерб, который, — его руки обхватили голову Филина, — *невозможно восполнить ничем!* — закончил Лэш.

Внезапно лицо вице-адмирала вспыхнуло, глаза широко распахнулись и в одно мгновение налились кровью, словно у разъяренного быка. Челюсти сомкнулись так сильно, что у него едва не раскрошились зубы. Мускулы на руках под украшенным медалями пиджаком взбугрились и скрутились в тугие узлы, когда смертоносные ладони начали, словно тиски, сжиматься.

Филин зашелся криком и попытался вырваться, однако Лэш продолжал давить, деформируя его череп с чудовищной силой. Всего через четыре секунды тело Филина, извиваясь, забилось в конвульсиях. Золотистые глаза закатились, явив наружу чистые белки. Зубы застучали, начав отбивать ритм смертельной симфонии костей, в то время как руки метались по сторонам, будто в попытке найти опору в воздухе.

Лэш издал животный рык, от которого по стене за спиной Блэка пошла вибрация, а выходившее во двор окно задрожало. Лицо великана набухло от прилившей к нему крови. Продолжая сжимать череп Филина, он вновь зарычал, и этот жуткий звук напоминал боевой клич во славу мстительного бога. Из ноздрей несчастной жертвы хлынул алый поток. Это жуткое зрелище заставило видавшего виды Черного Кардинала, пролившего немало крови во славу темного существа, которого он называл «Повелителем», вжаться глубже в свой темный угол в попытке сделаться невидимым — он понимал, что гнев Самсона Лэша вырвался наружу, а вместе с ним вырвалась и неуправляемая сила его безумия.

Синие вены все сильнее вздувались на руках Лэша, шея побагровела и, казалась, вот-вот лопнет от напряжения. Внезапно раздался громкий треск ломающихся костей, за которым последовали более слабые потрескивания рвущихся сухожилий и мускулов — словно стоны бревен дома во время урагана.

Лицо Филина деформировалось и обмякло, левый глаз вывалился из глазницы и повис над впалой щекой на жиле устричного цвета, однако руки Лэша продолжали сдавливать изуродованную голову жертвы, делая ее все более уродливой и менее похожей на человеческую.

Из открытого рта Филина вырвался судорожный стон. Тело продолжало биться и корчиться в кресле, будто в причудливом

танце: руки и ноги дергались, поворачиваясь в одну сторону, а меняющая форму голова смотрела в другую. Из ушей, ноздрей и рта лилась кровь.

Наконец, перестав сжимать свои чудовищные тиски, Лэш поднял Филина и с разворота швырнул его в сторону, словно тряпичную куклу. Изуродованная жертва врезалась в стену в пяти футах от Кардинала Блэка, а затем обмякшей кучей повалилось на пол. Лэш не остановился и на этом. Словно разъяренный зверь, он подскочил к окровавленному телу, схватил его и вновь швырнул в стену, которая с тихим стоном треснула — как и большинство костей Филина, которые до этого момента умудрялись оставаться целыми.

Издав еще один рык, Лэш поднял тело и приложил его об стену в третий раз, словно его ненасытная ярость никак не могла утихнуть. Разбитая голова Филина тихо стукнулась о пол при падении, и Лэш принялся бить ее тяжелыми сапогами, словно окончательно обезумев.

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Львица Соваж. За ней стоял швейцар в униформе по имени Мичем. Увидев чудовищную картину, развернувшуюся в стенах комнаты, оба отпрянули, не сумев скрыть выражения шока на лицах.

— *Убирайтесь!* — взревел Лэш, продолжая топтать и избивать ногами бесформенные останки.

Львица и Мичем послушно отступили.

Через несколько мгновений Лэш в последний раз пнул тело, а затем, хрипло дыша, шаткой походкой отошел от своей жертвы и оперся на стол, чтобы не упасть. Лицо его блестело от пота. Сделав несколько вздохов, он сфокусировал взгляд на белой чаше с пеплом, и глаза его вновь загорелись огнем ярости. Скрипнув зубами, он с остервенением подхватил чашку с коричневым пеплом и запустил ее в то, что некогда было лицом Филина, а теперь превратилось в алеющий кратер с отвисшей нижней челюстью и единственной оставшейся глазницей где-то на месте лба.

Повисла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием вице-адмирала.

Наконец, Лэш повернулся, чтобы посмотреть на дело своих рук.

— Могу ли я кое-что сказать? — тихо произнес Кардинал Блэк, все еще вжимаясь в стену.

— Говори. — Голос Лэша все еще напоминал рык опасного зверя.

— При всей своей небрежности он высказал несколько

дельных доводов. Девейна и Корбетта надлежит выследить и схватить. Нельзя допустить, чтобы они нанесли урон твоей чести. У тебя есть второй экипаж и кучер. Ты должен — *мы* должны — завершить аукцион.

— Продолжай, — кивнул Лэш, все еще тяжело дыша.

— В этом доме, — сказал Блэк, отважившись сделать шаг вперед, — собрались величайшие убийцы, которых когда-либо носила Земля. Скажи им, что аукцион завершится, когда книга будет возвращена. Что, как только это будет сделано, ты сразу же объявишь победителя. Я уверен, что они, скорее, присоединятся к охоте, чем проведут бесплодное время в своих комнатах. Что скажешь?

Лэш некоторое время молча обдумывал предложение.

— Это же настроит их друг против друга. Сделает из них соперников, разве не так?

— Мы все поедем в одной карете, и ты будешь судьей этого состязания. Казнив Виктора, ты продемонстрировал свою готовность создавать порядок из хаоса. Я, конечно, тоже буду там, чтобы, если можно так выразиться, прикрывать тебе спину. — Блэк приблизился к вице-адмиралу, осторожно ступая через кровавое месиво на полу. — Используй то, что есть под рукой, — увещевал он. — Четверо всемирно известных убийц — плюс ты и я — против Девейна и Корбетта. У них нет ни единого шанса! Но мы должны выехать как можно скорее.

Лэш проследил за тем, как последние хлопья пепла растворяются в кровавом болоте, которое когда-то было человеческим лицом.

Он выпрямился.

— Скажи Мичему, чтобы разбудил Ходдера, если он спит.

Блэк кивнул. Ходдер был вторым кучером, снимавшим комнату в каретном сарае рядом с конюшней.

— Скажи Ходдеру, чтобы запрягал вторую упряжку и готовил экипаж. Я рассчитываю выехать в течение часа. И еще скажи Мичему собрать пустые винные бутылки, наполнить их порохом и… — Он вдруг осекся и нахмурился. — Нет. Не хочу, чтобы Элизабет или Файрбоу разорвало на куски. Пусть Мичем наполнит бутылки ламповым маслом, закупорит и поставит вертикально в коробку. Проследи, чтобы для надежности он переложил их небольшим количеством ваты. А еще, — добавил он, прежде чем Блэк успел выйти из комнаты, — передай остальным, что я вернусь к ним, как только приведу себя в порядок после того, что устроил Филин.

— Я все сделаю, — сказал Блэк и вышел.

В кабинете вновь наступила тишина, в которой неслышно

бился пульс гнева Лэша — так до конца и не стихшего. Стоило вице-адмиралу остаться в одиночестве, как лицо его исказилось гримасой ярости. Зарычав, он опрокинул стол и отбросил его в сторону, словно тот был тюком соломы. Затем Лэш схватил корзину с подношениями и запустил ею в окровавленную стену — ему не было дела до треклятого золота.

Стоя в развалинах кабинета с трупом у ног, Лэш обхватил свою голову руками, зажмурился и исторг отчаянный поток проклятий.

Похитить Элизабет — одно дело, но уничтожить планы воздушного корабля… Девейн и Корбетт подписали себе смертный приговор, и к черту книгу ядов! Все, чего сейчас хотел Лэш, это отмщение — только так можно было остановить неиссякаемые потоки злобы, уносившие его в глубины темных вод безумия. Он хотел разорвать Корбетта и Девейна на куски, а после станцевать на их изломанных костях.

Но чтобы добиться этого, сначала нужно было выйти к остальным.

Они отправятся с ним, это точно! Такая охота доставила бы им удовольствие сама по себе, а с книгой на кону… о, да, они точно пойдут!

Была и еще одна деталь, о которой, похоже, не подумал ни Корбетт, ни Девейн — и именно из-за нее экипаж мог далеко не уехать. На деле их путешествие могло завершиться еще до того, как они доберутся до северо-западной дороги: если у Элизабет случится один из ее эпизодов, и она сможет достать клинок, то она убьет их обоих. Досадно лишь, что в таком состоянии она может убить и Файрбоу.

Лэш улыбнулся, несмотря на злость.

Прежде чем поговорить с остальными, он собирался отмыть с рук кровь Филина и переодеться. Поэтому, сдерживая обуревавшую его жажду мести и убийства, он вышел из кабинета и зашагал по коридору, оставляя за собой кровавые следы.

Глава двадцать пятая

— Кстати, нас официально не представили, — сказал Мэтью, держа пистолет нацеленным на Лазаруса Файрбоу. — Меня зовут Мэтью Корбетт. Этим экипажем правит Джулиан Девейн, и сейчас мы с ним везем вас в деревню Профессора Фэлла в Уэльсе, где вы все же *сможете* поработать с книгой, на которой я сейчас сижу. Вам нужно будет приготовить одно зелье по рецепту из нее. После этого, можете делать все, что пожелаете — хоть спрыгнуть со скалы, мне все равно.

Файрбоу, дрожа от холода в одной ночной сорочке, до этого момента держался затравлено, однако теперь позволил себе легкую улыбку.

— Приготовить зелье? Зачем?

— Сейчас это не должно вас заботить. Просто успокойтесь и наслаждайтесь… — Вдруг из-за потери сцепления колес с дорогой экипаж качнулся, и его сильно занесло вправо. Но прежде чем Мэтью успел по-настоящему ощутить страх надвигающегося крушения, экипаж выровнялся. — Наслаждайтесь поездкой, — закончил он.

Элизабет смотрела на него так, словно намеревалась прожечь в нем взглядом дыру. На ней была шуба из шкуры белого медведя — она завернулась в нее, как в одеяло, так, что из-под громоздких складок меха выглядывала только ее голова.

Она прошипела:

— Этот идиот уничтожил чертежи! Ты должен был сказать ему, чтобы он взял книгу, доктора… даже меня, если уж так приспичило, но чертежи трогать было нельзя!

— Я не знал, что он собирался сделать. А даже если б и знал, остановить его я бы не смог.

— Поверь, ты будешь об этом жалеть, — ответила она.

— Вы пожалеете о том, что вообще родились, когда вице-адмирал доберется до вас, — сказал Файрбоу, закидывая одну худую ногу на другую. — Уверен, он уже отправился в погоню. Вы не доберетесь и до Аксбриджа, как он схватит вас.

— Посмотрим, — отозвался Мэтью.

Джулиан гнал лошадей изо всех сил, хотя в условиях такого снегопада это было слишком громко сказано — упряжка не могла скакать во весь опор, и ей пришлось перейти на легкий галоп, но даже несмотря на это послабление, коням приходилось нелегко. Мэтью, и Джулиан понимали, что в таком темпе они продержатся не больше нескольких часов — о целом же дне даже мечтать не

приходилось. Мэтью задался вопросом, сможет ли Джулиан выжать из лошадей и экипажа максимум. Сложно было сказать, потому что перед тем, как сесть на козлы, он признался Мэтью, что опыта в управлении четверкой лошадей у него немного, а править каретой таких габаритов ему и вовсе никогда не приходилось. Со всеми этими заверениями будущее казалось туманным, мрачным и беспокойным.

— Все это фарс, — фыркнул Файрбоу. Глаза его блеснули чем-то, что Мэтью счел хитростью загнанного зверя, вдобавок дрожащего от холода. — Если я нужен для того, чтобы приготовить что-то по рецепту из книги, вряд ли вы используете на мне этот пистолет. Я также не думаю, что вы застрелите мисс Маллой — вы явно не из такого теста. Так что же может помешать одному из нас прямо сейчас выскочить на ходу из этой кареты? Да, приземление может выйти жестким, но, думаю, мы останемся целыми.

— Но вряд ли невредимыми. Со снегом или без — травмы вы получите, — спокойно ответил Мэтью. — Согласитесь, вы едва ли сможете успешно добраться до убежища, скажем, со сломанной ногой, да еще и без верхней одежды. Джулиан поймает вас и, готов поспорить, даже подлатает, хотя лечение его будет настолько жестким, что вряд ли вам доводилось ранее испытывать на себе нечто подобное. Поэтому я снова советую вам расслабиться и не делать глупостей.

— Глупостей? Весь ваш побег — сплошная глупость. — Верхняя губа Файрбоу изогнулась в отвратительной усмешке. — Думаете, вам все это сойдет с рук? — Он слегка наклонился вперед. — Вы играете в кошки-мышки с очень опасными людьми. И, поверьте, в роли кошек явно выступаете не вы. Можете бежать сколь угодно, но кошки уже вышли на охоту, и когда они сцапают вас, вы будете молить о смерти. Хотя… возможно, вице-адмирал припасет вас и вашего друга для своей ямы. — Он пожал плечами и снова откинулся на сиденье. — Разве вы забыли, какое прекрасное представление нам устроила Дикарка Лиззи?

— Прошу, доктор, — обратилась Элизабет. Лицо ее помрачнело, — не надо.

— О, но я просто обязан! — осклабился Файрбоу. — Мой долг — объяснить этому дураку, что он сидит в замкнутом пространстве с гораздо более опасным убийцей, чем все те, кто остался сейчас в особняке. Мистер Корбетт, вы слышали о Спайтефилдской Убийце?

— Пожалуйста, — с нажимом повторила Элизабет.

— Спайтефилдская Убийца, — покачал головой Файрбоу, продолжая говорить с выражением нескрываемого садистского

восторга, — ныне известная как Дикарка Лиззи, урожденная Элизабет Маллой. Да, она здесь, прямо перед вами. — Он нахмурился, видя, что Мэтью его тирада совсем не впечатлила. — Разве вы не читали «Булавку Лорда Паффери»? Это была очень популярная история месяца четыре тому назад!

— Меня нельзя назвать постоянным читателем «Булавки».

— Тогда вы многое упустили! Все ужасающие подробности того, как молодая женщина, которая годами подвергалась преследованиям и надругательствам со стороны недобросовестных и коварных… я бы даже сказал, *жестоких* мужчин, в конце концов, погрузилась в омут безумия и сшила себе кожаные перчатки с острыми, как бритва, лезвиями. Надо признать, на деле она оказалась весьма талантливой швеей! Ночами она начала ходить по улицам в самом центре Спайтефилдса и заманивать мужчин в переулки, после чего они оттуда уже не возвращались. Я ведь ничего не путаю, дорогая Элизабет?

— Я хочу, — процедила она сквозь зубы, — чтобы вы замолчали.

— Но мистеру Корбетту необходимо знать еще кое-что, разве нет? У нас с вами была долгая история знакомства, прежде чем Самсон Лэш забрал вас у меня. О, да! По правде говоря, — Файрбоу холодно улыбнулся Мэтью, — я немного солгал, когда рассказывал, как мы познакомились с Самсоном Лэшем. Видите ли, он приехал в больницу Хайклиффа не для того, чтобы вскрыть фурункул. Он приехал, чтобы договориться поместить его безумную жену в специальный приют. Я помог ему с этим и — о, чудо! — в стенах Бедлама он обрел своего ангела.

— Полагаю, этого достаточно, — сказала Элизабет, но голос ее прозвучал слабо, потому что она понимала: на этом история не закончится.

— Он встретил ее в тот день, когда пришел ко мне в кабинет, — продолжил Файрбоу. — После лечения она начала хорошо разбираться в цифрах, и я позволил ей немного посчитать. Такого рода работа, казалось, успокаивала ее, а я во что бы то ни стало намеревался сохранять ее спокойствие, потому, что, как вы уже знаете, она бывает *чрезвычайно активной*. — Файрбоу чуть помедлил, слушая, как экипаж проезжает по заснеженным дорогам западной части Лондона. Стук лошадиных копыт по замерзшей земле походил на приглушенный бой барабанов. Его глаза сузились. — Погодите… Мэтью Корбетт? А я ведь где-то слышал это имя. Только не могу вспомнить… О, сделайте одолжение, уберите палец со спускового крючка. Если наедем на кочку, и вы случайно выстрелите, я уже не смогу быть вам столь

полезен.

Мэтью нехотя послушался Файрбоу. Он опустил пистолет, хотя продолжал держать его на коленях. Разумеется, доктор был прав: пистолет был всего лишь пустой угрозой. Мэтью вытащил из-за пояса кинжал с рукоятью из слоновой кости, принадлежавший Альбиону, и притворился, что изучает лезвие, чтобы Файрбоу смог получше его рассмотреть. Этот кинжал представлял собой более реальную угрозу, чем пистолет, потому что он был не столь смертоносен, как случайная пуля, но при этом был способен причинить достаточно вреда и оставить в живых.

— О, глядите, мисс Лиззи, — елейным голосом произнес Файрбоу, — у него есть для вас отличная острая игрушка!

— Я знаю, что вы пытаетесь сделать, — сказала она. — Вы пытаетесь пробудить *это*.

Мэтью определенно не нравился ход беседы. Он подумал, что ему, вероятно, следует убрать кинжал, но прежде чем он успел это сделать, экипаж вдруг начал замедляться. Он ехал все медленнее… медленнее… и, наконец, остановился.

— Оставайтесь на месте, — приказал Мэтью обоим заложникам, отодвигая белую занавеску с окна слева от себя. Снаружи продолжался нескончаемый снегопад, сквозь пелену которого он с трудом различил серые магазинные вывески на безликой улице. День был мрачным — казалось, даже рассвет еще не наступил.

Дверь справа открылась. Джулиан заглянул в карету с пистолетом наготове. Лицо его переливалось всеми оттенками синего от побоев и холода. Снег покрыл грубой коркой его треуголку и плащ, снятые с тела Богена. При обыске они нашли в его карманах четыре кроны, шестнадцать шиллингов и несколько пенсов — неплохие деньги, хотя им и не сравнится с золотыми слитками пруссаков.

— Я там скоро в ледышку превращусь, — с трудом выговорил Джулиан, едва ворочая языком от холода. — Мне нужно пальто потеплее и шерстяная шапка. И перчатки бы не помешали. Мы остановились рядом с магазином. Я собираюсь вломиться туда. Тебе что-нибудь нужно?

— Мне не помешало бы пальто, сэр, — сказал доктор. — И зимние чулки тоже. И, будьте так любезны, найдите мне кувшин горячего сидра…

— Я не с тобой разговариваю, кусок дерьма.

— О, а следовало бы! Мистер Корбетт сказал, что я должен приготовить какое-то зелье из книги в конце этого восхитительного путешествия. А как я это сделаю, если замерзну

до смерти, так и не добравшись до места?

Посиневшие губы Джулиана сложились в подергивающуюся тонкую линию. Они с Мэтью явно думали об одном и том же: доктор из жертвы стал превращаться в шантажиста. И теперь, помимо того, что его надо было охранять, его еще требовалось в некотором роде ублажать, чтобы доставить в деревню Фэлла в рабочем состоянии.

На Элизабет Джулиан даже не взглянул, он молча закрыл дверь и скрылся. Мэтью увидел, как он подошел к одной из витрин, взмахнул пистолетом и разбил стекло. Затем, нанеся еще несколько ударов оружием по торчащим осколкам, он расширил отверстие настолько, что смог легко в него пролезть. Как только Джулиан скрылся внутри, наступила тишина, нарушаемая лишь завываниями ветра вокруг экипажа.

Внезапно Файрбоу пошевелился.

Все произошло так быстро, что он открыл дверь и вырвался из салона экипажа прежде, чем Мэтью успел среагировать. Мэтью резко выбросил руку вперед, чтобы ухватиться за ночную сорочку, но Файрбоу уже спрыгнул на мостовую и несся по снегу.

— Эй! — крикнул Мэтью, как будто это могло остановить доктора. У него было всего мгновение на сомнение: оставить Элизабет и книгу без присмотра? Оставить кинжал на сиденье?

— Джулиан! — закричал он, но Джулиан был занят похищением товаров из магазина. Похоже, Файрбоу именно на это и рассчитывал. Мэтью должен был принять решение сам и сделать это за долю секунды.

Держа пистолет в одной руке, второй рукой он схватил кинжал и бросился в погоню. Его сапоги утопали в снегу, но доктору снег мешал ничуть не меньше. Ночная сорочка обвивалась вокруг щуплого тела беглеца, словно флаг бедствия. Мэтью понял, что улица пустынна. Рассвет только едва озарил края облаков.

Файрбоу несся вверх по улице в обратном направлении. Внезапно он оскользнулся и упал, но встал и побежал снова. Секунду спустя Мэтью постигла та же участь. Рухнув в снег, он увидел, что доктор был уже в нескольких ярдах от переулка. Если он попадет туда и шмыгнет в лабиринт улиц за его пределами, то…

… мог бы сбежать, но тут прямо из-за угла выскочил Джулиан и врезался в Файрбоу, словно таран, вложив в это движение всю инерцию своего тела.

Файрбоу вскрикнул и повалился наземь. Когда Мэтью подоспел к ним, Джулиан стоял над доктором, свободной рукой держа его за ворот ночной сорочки, а второй прижимая к его лбу

пистолет.

— Ну, давайте! — с вызовом крикнул Файрбоу. Снег припорошил его рыжую бороду и брови. На губах его заиграла злорадная улыбка. — Вы не посмеете.

Джулиан бросил взгляд на Мэтью, после чего отпустил Файрбоу и сказал:

— Подержи-ка. — Отдав Мэтью пистолет, он вместо него вооружился кинжалом. Недолго думая, он оттянул правое ухо Файрбоу и проткнул его им.

Крик эхом разнесся по улице. Где-то неподалеку залаяли собаки. Джулиан потянул за кинжал. Это оружие предназначалось, скорее, для колющих ударов, однако с тем, чтобы отнять б*о*льшую часть уха Файрбоу, оно отлично справилось. Химик истошно закричал, снег возле него окрасился багрянцем крови. Джулиан вновь схватил его за ворот ночной сорочки, притянул к себе его лицо, искаженное гримасой ужаса, и произнес будничным, спокойным голосом:

— Вы больше не попытаетесь сбежать. В противном случае у вас есть еще одно ухо и нос. Уяснили?

Файрбоу кивнул, но Джулиан не закончил. Он провел кинжалом по лбу доктора, оставив на нем кровавую полосу, пересекавшую его правую бровь.

— Это, — вкрадчиво сказал *плохой человек* рыдающему химику, — чтоб вы лучше запомнили.

— Да! Да, я понял! Клянусь!

Джулиан поймал взгляд Мэтью, который говорил: *ты заходишь слишком далеко.*

— Завтра начну с чистого листа, — буркнул он. — Так что заткнись.

После этих слов Мэтью повернулся к экипажу, и его сердце окатила новая волна ужаса. В тот же самый момент Джулиан вскрикнул:

— Черт, женщина!

Дело было не столько в потере Элизабет — она была весьма опасным и сомнительным заложником — дело было в возможной потере книги. Тем не менее, дверь экипажа оставалась открытой, и ни Мэтью, ни Джулиан никакого движения не заметили. Но ведь она могла выскользнуть и убежать с другой стороны…

Мэтью бросился обратно и заглянул в салон экипажа, готовясь к чему угодно, но с удивлением обнаружил, что Спайтефилдская Убийца откинула тяжелую шубу и открыла корзину для завтрака, стоявшую на полу между сиденьями. Она мирно ела бисквит с ломтиком ветчины. Похоже, она и не планировала сбегать.

При виде Мэтью ее брови приподнялись.

— Я так понимаю, вы его поймали.

Мэтью кивнул. Книга в красном кожаном переплете оставалась на том же месте, где и лежала до того, как Файрбоу решился бежать. Уже в следующий миг прибыл Джулиан, тащивший за собой доктора. Он втолкнул хныкающего раненого химика внутрь экипажа. Файрбоу свернулся калачиком на сиденье, зажимая одной рукой кровоточащий обрубок своего уха, а второй — рану на лбу.

— Вот, возьми. — Джулиан вернул Мэтью кинжал и забрал свой пистолет. — Двое сейчас наблюдают за нами из окон. Еще трое замерли на другой стороне улицы. Я вернусь и возьму все, что смогу. — Он заметил, что Элизабет спокойно сидит и ест ветчину с бисквитом. — А ты — даже не пытайся сглупить, — предупредил он ее. Хотя Мэтью подумал, что Джулиан сказал это, скорее, для собственного успокоения. Затем он закрыл дверцу кареты и вернулся в магазин.

— Запах крови… — шепнула Элизабет, — слишком сильный…

То, как она это произнесла, заставило внутренности Мэтью сжаться. Она продолжила неторопливо есть, а закончив, стряхнула крошки со своих перчаток цвета морской волны и сказала:

— Тебе лучше убрать этот кинжал.

Случалось ли кому-нибудь прежде повиноваться приказам так быстро? Кинжал, который Джулиан предусмотрительно вытер о снег, скользнул за пояс Мэтью и скрылся из виду.

— Монстры! — простонал Файрбоу. — Вы оба… о, боже! — Он попытался сесть и едва не рухнул между сидений. Глаза на измазанном кровью лице были устремлены на Мэтью. — Ты! — вдруг прохрипел он. — Мэтью Корбетт! О, боже! Плимутский Монстр! Это о тебе писали в «Булавке»! Я знал, что мне знакомо твое имя… — Он вновь застонал и схватился за остаток своего уха, после чего съежился на сиденье и, казалось, впал в бредовое оцепенение от испуга и боли.

— Похоже, у него поехала крыша, — сказал Мэтью, не желая отвечать на вопросы, касающиеся его кровавой и заведомо ложной репутации, которой его наградила «Булавка Лорда Паффери». Вместо этого он просто забрался в экипаж и попытался унять все еще колотящееся сердце.

— Занимательно, учитывая, что он зарабатывал на жизнь, занимаясь лечением тех, у кого, как ты выразился, *поехала крыша*. Остается надеяться, что он рано или поздно придет в себя и хотя бы не обмочит штаны.

— Эй! Эй, там, в карете! — позвал какой-то мужчина. — У вас кто-то ранен?

Люди начали собираться на улице после криков Файрбоу. Мэтью выглянул в окно и увидел четверых мужчин, стоявших на правой стороне мостовой. Если они и видели, как Джулиан грабил магазин, то никаких решительных действий пока не предпринимали. Впрочем… если среди них не было владельца этого самого магазина, вряд ли кому-то было дело до происходящего.

— У вас кто-нибудь пострадал? — снова крикнул мужчина.

Ему ответил голос Джулиана:

— Стойте, где стоите, джентльмены! — Это было сказано будничным тоном, в котором сквозила неприкрытая угроза.

— Нет проблем, сэр. Мы… не хотим проблем.

— Вот и не забывайте об этом. — Дверца открылась, и Джулиан, позаботившийся о том, чтобы добрые самаритяне увидели его внушительное оружие, забросил в карету два одеяла, стеганый красно-желтый клетчатый халат и синюю шерстяную шапку. Сам он надел перчатки из оленьей кожи и шерстяную шапку, которую прикрыл треуголкой.

— А эту шубу я заберу, мадам, — обратился он к Элизабет. — Вы отлично согреетесь и под одеялом. — Он уловил во взгляде Мэтью неодобрение и закатил глаза, насколько позволяли ушибы. — Что? У них были только детские пальто. Остальные, видимо, распродали в преддверии этого чертового снегопада. Итак, мадам, вашу шубу, пожалуйста. — Он еще раз продемонстрировал зевакам, толпящимся через дорогу, свой устрашающий четырехствольный пистолет. — Едет телега, — сказал он, забирая у Элизабет шубу из шкуры белого медведя. — Пора уходить.

Он снова закрыл дверь, и через пару секунд Мэтью и заложники услышали его призывный клич, сопровождаемый щелчком поводьев. Ему пришлось крикнуть еще дважды, чтобы заставить четверку лошадей сдвинуться с места — очевидно, они привыкли к голосу прежнего возницы.

Экипаж, успевший заледенеть во время стоянки, протестующе заскрипел, когда колеса сдвиулись. Элизабет по самую шею закуталась в одно из одеял. Мэтью надел синюю шапку и укрылся под вторым. Когда Файрбоу придет в себя, он сможет надеть клетчатый халат поверх своей ночной сорочки, а вот его голым ногам как-нибудь придется обойтись без зимних чулок.

Мэтью положил книгу рядом с собой, а сверху водрузил пистолет, затем взял из корзины бисквит и ломтик ветчины и принялся жевать. Через несколько минут Джулиан сумел

заставить лошадей перейти на галоп. Это явно были сильные скакуны, хотя при таких погодных условиях даже они не выдержат многочасовую скачку. Так или иначе, второму экипажу Лэша придется столкнуться с теми же проблемами — хотя править им наверняка будет более опытный возница, чем Джулиан.

Покончив с едой, Мэтью обратился к Элизабет с вопросом, снедавшим его с момента остановки:

— Почему ты не сбежала? — спросил он.

— Мне не нравится холод, — отозвалась она.

— Не самая веская причина. Любой из тех, кто был на улице, помог бы тебе.

— Помощь от мужчин — не то, чего я хочу. К тому же, твой подельничек наверняка догнал бы меня и покалечил, а мне это совсем ни к чему. И есть еще одна причина, которую тебе стоит принимать во внимание.

— И что бы это могло быть?

— Я остаюсь с тобой, чтобы сдержать обет, данный «Семейству». Знай, когда Самсон поймает тебя, я ничего не смогу сделать, чтобы спасти твою жизнь. Но я останусь с тобой до конца, не попытаюсь сбежать, и буду умолять Самсона даровать вам обоим быструю смерть.

— О, как приятно это слышать, — скривился Мэтью.

— Я говорю серьезно. — Ее спокойный взгляд подтверждал ее слова. — Он тебя убьет. Ему придется. Не только потому, что ты забрал меня и книгу, но и потому, что ты расстроил его планы. Твой приятель уничтожил его чертежи. За это он, скорее всего, окажется в яме с Дикаркой Лиззи. Если же я добьюсь успеха, все может закончиться простой пулей в голову.

— Что ж, если б у меня была кружка эля, — кивнул Мэтью, — я предложил бы тост за твой успех.

— Шути, если хочешь. Но это лучшее, что я могу для тебя сделать. Я бы извинилась за свои слова, если б нашелся другой путь, но у тебя его нет. *Больше* — нет.

— Не нужны мне твои извинения. Я планирую добраться до деревни Фэлла живым, вместе с доктором и книгой. И с тобой в придачу, потому что, ты права, Джулиан покалечит тебя, если попытаешься сбежать. Это поставило бы меня в очень трудное положение.

Она кивнула, молча глядя на него.

— Будь ты на моем месте, ты сделал бы для меня то же, что я для тебя?

Это был хороший вопрос, на который Мэтью не мог честно ответить утвердительно. То, что она открыла ему ту дверь в

туннелях, было настоящим проявлением уз «Черноглазого Семейства». Если бы Лэш узнал, кто помог расстроить его планы, это стоило бы Элизабет жизни.

— Я… *ценю* все то, что ты для меня сделала, — сказал Мэтью. — А особенно то, что ты меня не убила.

— Убьют меня… монстры… они оба… монстры… — пробормотал Файрбоу, вновь начав бредить. Глаза его открылись, и он сел, в растерянности озираясь по сторонам, словно не понимая, где находится. Затем к нему вернулась боль, он зарыдал и снова свернулся калачиком. Мэтью заботливо прикрыл его халатом и, доктор натянул его на себя, словно саван… хотя это клетчатое безумие было настолько безвкусным, что не подошло бы даже для шотландских похорон.

— А что это за история с Плимутским Монстром? — спросила Элизабет, взяв еще один бисквит из корзины для завтраков.

— Без понятия. Я думаю, что он имел в виду какого-то другого Мэтью Корбетта. Уверен, в Лондоне у меня есть тезки.

— Наверняка, — ответила она, продолжая маленькими кусочками поглощать бисквит. — Для человека, который кажется таким, скажем… робким, ты неплохо расправился с тем телохранителем. И ты уж точно не похож на тех, кого обычно принимали в «Семейство». Когда я увидела эту метку на твоей руке, это стало для меня шоком.

— Для меня та история почти ознаменовала конец всего, — сказал Мэтью.

Элизабет некоторое время молчала. Она прикончила бисквит и съела несколько ломтиков яблока. Затем она отвернулась и задумчиво вгляделась в проплывающий мимо заснеженный пейзаж. К этому моменту они покинули пределы Лондона и двигались по небольшим деревням, которые были рассеяны к западу от большого города.

— Ты боишься меня? — внезапно спросила Элизабет.

— Да, — ответил Мэтью. Не существовало слов, которые могли как-то смягчить эту правду.

— Я чувствую это. Я всегда могла чувствовать страх. Мне показалось, что я почувствовала его и в гостиной, но, полагаю, это скорее было общее напряжение собравшихся там людей. Причем б*о*льшая часть этого напряжения исходила от твоего подельника.

— И от меня тоже. — Он слабо улыбнулся ей, но она не ответила ему тем же.

— Тебя страшит Спайтефилдская Убийца?

— Меня больше беспокоит, что снова может появиться Дикарка Лиззи.

— Ах, — кивнула она, — вот оно что. Я ненавижу ее и люблю одновременно. Она — мой злейший враг и лучший друг. Она…

— Другая часть тебя? — предположил Мэтью.

— Такая часть таится в большинстве людей. Моя просто время от времени выходит на поверхность и берет верх. — Она мотнула подбородком в сторону спящего Файрбоу. — Он пытался лечить меня от этого.

— Лечить? Каким же образом?

— В Бедламе. Он привел меня туда, когда вызволил из тюрьмы. Дал лекарство, чтобы заставить Лиззи умолкнуть, но оно не сработало так, как он хотел. Или, возможно, все же сработало, потому что я видела, что результат ему понравился. Вскоре Самсон забрал меня оттуда, но он знал, что мне придется принимать лекарство, иначе Лиззи будет появляться, когда ей заблагорассудится. И, конечно, Самсону пришлось немало платить за то лекарство.

— Ясно. — Мэтью понял, почему Лэш решил включить Файрбоу в эту сделку. — Но… это лекарство. Как часто ты его принимаешь?

— Я пью его два раза в день, — ответила она. — Рано утром, перед тем, как впустить тебя в ту дверь, я выпила дозу. Следующая должна быть около шести часов вечера. Хотя неизвестно, удастся ли мне ее принять.

— И это помогает держать Лиззи в узде?

Она улыбнулась, и улыбка эта была похожа на оскал.

— Ее ничто не может удержать в узде. Просто иногда она сидит молча и выжидает. С лекарством — после одного или двух убийств, в которых она нуждается, как другие нуждаются в воздухе — она прячется, словно джинн, в свою бутылку. Без лекарств… я даже не смею предположить количество ее жертв, потому что прошло слишком много времени с тех пор, как ее последний раз… — она помедлила, подбирая слова, — *спускали с цепи.*

— Хм, — выдохнул Мэтью, чувствуя себя довольно неловко. Эта женщина сидела так близко к нему и — сестра по «Черноглазому Семейству» или нет — она источала опасность, которая прошивала его до самого позвоночника. Мэтью беспокойно поерзал на сиденье, и Элизабет Маллой мягко рассмеялась.

— Страх, — кивнула она. — Я чувствую его затылком. — Она наклонилась вперед, и Мэтью заметил, что ее карие глаза потемнели, а в глубине их появились красные блики, как у Кардинала Блэка. — Но у нас есть еще время, дорогой брат. Хотя я думаю, что ты прожил жизнь, настолько отличную от моей, что

в нашем случае брат никогда не сможет постичь сестру. И все же мы попробуем. Хочешь услышать мою историю?

Первым желанием Мэтью было сказать «нет», приправив это сердечным «черт возьми», но он обдумал предложение и понял, что его сестра хочет поделиться с ним чем-то важным и сокровенным. И, поскольку они путешествовали в одном экипаже и должны были провести вместе еще не один час, было бы разумно выслушать Элизабет и запомнить все предупреждения, которые наверняка проскользнут в ее истории.

Поэтому Мэтью откинулся на сиденье и приготовился слушать под аккомпанемент стука копыт и скрипа колес по заснеженной дороге. Ветер заунывно выл вокруг стен экипажа, пронося снежные вихри мимо его окон. Элизабет одарила его улыбкой, больше походящей на гримасу. Казалось, она собиралась открыть дверь, ведущую в комнату, где гротескные фигуры проклятых грешников танцевали свои заколдованные танцы, выходящие за пределы понимания Мэтью и за грань добра и зла.

Улыбка Элизабет угасла. Ее лицо стало пустым и непроницаемым, и хотя она все еще была красивой молодой женщиной, Мэтью показалось, что в этом ее остекленевшем взгляде притаилось нечто ужасное. Ему хотелось отвести глаза, но он не смог, потому что подозревал, что это — часть ритуала, которым она заманивала мужчин в переулки, а после разрывала их на части. Она казалась такой потерянной, такой невинной и столь нуждающейся в помощи…

— Что ж, я начну, — сказала она ему. И Спайтефилдская Убийца открыла свою ужасную дверь и пригласила Мэтью Корбетта на ту проклятую вечеринку, хотел он того или нет.

Глава двадцать шестая

Первый, кого я убила, был удивительно похож на человека, убившего единственную мать, которую я знала, и изнасиловавшего меня в возрасте десяти лет.

Но… я забегаю вперед. Позволь мне начать сначала.

Кем мы были до рождения?

Я задаю себе этот вопрос, но не нахожу на него ответа. Возможно, в нас заложено что-то… некое семя, посеянное при зачатии, которое может однажды пробиться наружу, если попадет в определенные обстоятельства? И, если оно пробьется, может ли оно стать для человека такой же насущной потребностью, как потребность в еде и воде? Мне кажется, Мэтью, я касаюсь аспектов добра и зла, которые никто не может полностью постичь.

Злая ли я?

Я позволю решать тебе.

В детстве меня отдали в сиротский приют Спайтефилдса… знаешь, в этом даже есть своя ирония. Возможно, мое возвращение туда было предрешено естественным ходом вещей.

Ни настоящего отца, ни настоящей матери я не знала. Свое имя — Элизабет — я получила от женщины, которая нашла меня завернутой в одеяло в своем амбаре. Из детства я помню, как росла в приюте, окруженная такими же детьми, как я, под опекой нескольких добрых людей, которые о нас заботились. Детские игры, светлые деньки… о, это яркие, хорошие воспоминания! Я бы даже могла назвать по-своему счастливым то время, которое провела в приюте.

Когда мне было восемь, меня удочерила одна пожилая женщина — ей тогда было уже под пятьдесят. Она забрала меня в свой пансионат в Уолхэм-Грин, к юго-западу от города. Ее звали Нора Маллой, она овдовела за несколько лет до нашей встречи, а ее единственная дочь вышла замуж за торговца табаком и переехала с ним в колонии. Знаешь, мне очень нравилось, что в моей жизни появилась женщина, которую я могла звать мамой.

Да, Мэтью, когда-то я знавала любовь. И это было чудесное время! Пансионат стал мне настоящим домом, там было уютно и всегда безупречно чисто. Моя мама была великолепной поварихой — ее супы и похлебка славились на весь район. Благодаря ее талантам дела у нас шли хорошо, вдобавок наш дом стоял недалеко от Сэндс-Энда и гавани, так что у нас останавливалось много путешественников.

В молодости мама состояла в группе уличных танцовщиц. Это наложило на нее неизгладимый отпечаток и привило ей безупречное чувство стиля. Она всегда одевалась со вкусом, любила разнообразные перчатки — вроде тех, что сейчас на мне. Пожалуй, именно у нее я переняла эту привычку. Она научила меня танцевать, выражать себя через движения ног, рук, головы — всего… вплоть до пальцев. У нее был настоящий дар! Как безупречно она двигалась… с такой легкостью! Но могу сказать тебе, что научиться этому было очень непросто. Тем не менее, мама неустанно повторяла мне, что я рождена для танцев, и со временем я стала устраивать для некоторых наших постояльцев небольшие представления, в ходе которых она аккомпанировала мне на флейте, а иногда и на барабане…

Год спустя мама объявила, что я готова к выступлениям, как она выразилась, для *широкой* публики — и отправила меня в гавань танцевать и раздавать листовки с рекламой нашего пансионата. О, это было абсолютно безопасно, Мэтью! Она всегда сопровождала меня, и, надо сказать, ее идея действительно пошла на пользу нашему бизнесу. Если б мы только могли знать, к чему это в скором времени приведет!

Да, именно к тому, о чем ты подумал.

Однажды утром с корабля сошел человек с мешком вещей, перекинутым через плечо. Увидев меня, он остановился и решил посмотреть, как я танцую. Мне очень хорошо запомнилось его лицо, хотя в тот момент он был для меня не более чем потенциальным новым постояльцем. Позже — во время того… инцидента… — его лицо словно намертво выжгли в моей памяти: длинный нос… чуть кривоватый, как будто сломанный не единожды; высокий лоб с множеством морщин, массивный подбородок, заросший каштановой бородкой, короткие темные волосы и бледно-зеленые глаза. Хотя бледными они показались мне позже, а поначалу я подумала, что у него *кошачьи* глаза. Знаешь, как у тех диких кошек, что бродят по гавани, неслышно подкрадываются к птицам и мышам, а после разрывают их в клочья. А иногда эти кошки даже не думали съедать своих жертв, им доставляла удовольствие сама охота. Убийство ради убийства и больше ничего.

Его звали Бродерик Робсон… по крайней мере, такое имя он назвал, когда регистрировался у нас. Думаешь, имя было фальшивым? Да. Констебль, расследовавший происшествие, позже разузнал, что так назывался корабль, на котором он прибыл из Ньюкасла. Надо признать, это имя подходило ему, как никакое другое, потому что он ограбил[38] меня и мою маму: у нее он забрал жизнь, а у меня — все, кроме жизни… хотя, можно

сказать, и ее тоже.

Но я прервусь ненадолго, мне нужно отвлечься. Я говорила, что не люблю холод, но мне нравится шум ветра. Он чем-то напоминает музыку, не находишь?

Так вот. Этот человек… Робсон. Заселяясь к нам, он говорил, что пробудет в Лондоне где-то с неделю. Ему нужно было, как он сказал, встретиться с адвокатом и свести счеты. Больше мы ничего не знали, и что-то подсказало нам, что лучше его ни о чем не расспрашивать — мы сразу подумали, что этот человек замешан в каких-то мутных делишках. Робсон держался особняком, ел в своей комнате, где-то гулял по ночам и долго спал после завтрака. Однажды днем он попросил у моей матери разрешения, чтобы я потанцевала для него после ужина в его комнате. Тогда-то он и признался, что выбрал наш пансионат только из-за моих танцев. *Такая прекрасная маленькая девочка,* говорил он. А потом добавил, что *я освещаю собой мир, а наш мир нуждается в освещении, потому что сам по себе он — невероятно темное место.* Он назвал меня маленькой Свечкой. Я очень хорошо помню, как он это произнес…

И мама согласилась, чтобы я станцевала — но не для него одного, а еще и для мистера Патрика… и для четы Карнахан тоже. Все они были нашими постояльцами. Выступление должно было состояться вечером в гостиной, и когда пришло время, явились все, кроме Робсона. Мама поднялась к нему в комнату, чтобы пригласить его, но вернулась одна. Я до сих пор помню ее лицо в тот вечер: оно было пепельно-серым. Я не сразу спросила, в чем дело — сначала станцевала для постояльцев, как обещала. Позже мама рассказала, что Робсон не открыл дверь на ее стук, но она слышала, как он с кем-то разговаривал. Кто-то один говорил грубым голосом и постоянно ругался, а кто-то другой рыдал. Это сильно напугало маму, и она попросила меня держаться подальше от этого человека: ему оставалось прожить у нас всего две ночи, он ведь заплатил за неделю…

Помню, я тоже испугалась.

Ночью я лежала в своей комнате — той, что располагалась рядом с маминой, — и слышала, как Робсон расхаживает по своему номеру. Туда-сюда, туда-сюда… помню, как его тяжелые сапоги стучали по деревянным половицам. Потом он останавливался, на несколько минут замирал, а потом снова: туда-сюда, туда сюда… как будто он собирался дойти пешком до самого Лондона. Утром последнего дня его пребывания мама приготовила ему поесть и оставила поднос у его двери. Еда осталась нетронутой.

Что превращает человека в животное, Мэтью? Что заставляет

зверя, скрывающегося внутри нас, вставать на дыбы и нападать на весь мир?

Кто мог ответить на такие вопросы?

Ни я, ни моя мама — не могли. Мы мало что знали…

Настала последняя ночь.

Он должен был уехать на следующее утро, оставалось лишь пережить ночь, когда в пансионате оставались только мы с мамой и Робсон: Канраханы отбыли как раз в тот вечер.

Знаешь, я так хорошо это помню… шел дождь, был конец октября. Этот чертов дождь, Мэтью, он лил, не переставая! Его стук иногда до сих пор слышится мне, и кажется, что в нем снова зазвучат его шаги, как тогда. Те самые шаги, что разбудили меня той ночью.

А потом я услышала его крик. Никогда в жизни я не слышала ничего подобного — этот крик напугал меня до глубины души. Так может вопить зверь, рвущийся из оков, не иначе. Или же… так может вопить *человек*, который отчаянно пытается этого зверя сдержать… вернуть его в клетку.

Но в ту ночь… в ту последнюю ночь… зверь не повиновался и стал хозяином.

Ко мне в комнату вдруг вошла мама, держа в руке фонарь. Она выглядела напуганной, но спокойным голосом попросила меня не бояться. Сказала, что тоже слышала крик — да разве мог его хоть кто-нибудь не услышать? — и хочет подняться наверх, чтобы постучать в дверь мистера Робсона. Я должна была сидеть тихо, оставаться в своей комнате и запереть дверь, как только мама выйдет.

Мне было десять лет, Мэтью. Можешь представить себе, каково это было? Мама ушла с фонарем, а я заперла дверь и забралась в угол, где чувствовала себя хоть немного в безопасности. Слыша скрип ступеней, когда мама поднималась по лестнице, я отчаянно молилась Богу.

Я услышала, как она стучит в его дверь.

— Мистер Робсон! — донесся до меня ее зов. — Мистер Робсон, откройте, пожалуйста.

Сквозь барабанящий по окну дождь я прислушивалась к голосам, и не узнавала один из них. Низкий, резкий… я даже не могла разобрать слова, которые он произносит, но мне казалось, что от них содрогается весь дом.

А потом… проклятье, я и не думала, что будет так тяжело об этом…

Потом я услышала звук, который безошибочно определила: такой стук раздается, когда на пол падает чье-то тело. Но не последовало ни воплей, ни крика о помощи… он просто не дал ей

на это времени! Все произошло так быстро, что у мамы не было даже шанса защититься — да и кто мог бы защититься от бритвы, которая несется к тебе без предупреждения, а убийца стоит так близко, что ты чувствуешь на себе жар его дыхания?

Мама упала, и я помню, как сжалась от страха. Я очень хотела, чтобы она поднялась, чтобы Бог помог ей, но услышала только… глухие удары. Робсон избивал маму ногами, пока она лежала на полу в коридоре второго этажа. Я будто слышу эти удары прямо сейчас. *Тук… тук…* Снова и снова. Он все продолжал и продолжал, казалось, он никогда не остановится, но потом… почему-то прекратил.

Что с мамой? Можно ли ей помочь? — думала я. Тогда я по-настоящему испугалась и не могла больше ждать.

Я помню, как звала ее: «Мама! *Мама!*», пока бежала к двери и собиралась броситься на второй этаж. В тот момент я услышала, как он спускается по лестнице, и моя рука замерла на щеколде. Знаешь, есть какая-то неуловимая разница в том, как ходит хозяин дома, и как перемещаются его гости. Так вот, Мэтью, Робсон шел… как хозяин. Медленно, размеренно. Он насвистывал какую-то мелодию… совершенно жуткий мотив: дисгармоничный, нестройный, хаотичный. Такую мелодию мог сочинить лишь разум чудовища.

Наконец он взялся за ручку моей двери, повернул и повращал ее. А потом раздался стук.

— Элизабет? — прошептал он. И это был… даже не совсем его голос. То есть, частично он был, конечно, похож на голос мистера Робсона, но вместе с тем в нем звучали грубые, *звериные* нотки… я бы даже сказала, *демонические*. — Маленькая Свечка, открой дверь и посвети мне, — попросил он тогда.

… Что? Не обязательно продолжать? Но, Мэтью, прерваться на полпути не получится! О том, как это случилось, нужно рассказать до конца, но я… знаешь, я благодарна тебе за заботу.

Так вот, я не собиралась открывать ту дверь. Я собиралась вылезти из окна и побежать за помощью, потому что этого хотела бы мама. А она… даже если она была еще жива, она не смогла бы меня спасти.

Когда я уже попятилась к окну, он пинком открыл дверь и вошел в комнату. У него в руках был мамин фонарь, он держал его высоко над головой. В другой руке у него была окровавленная бритва, капли крови испачкали ему рубашку. А лицо… оно было какое-то искаженное, это была гримаса, обнажавшая звериный оскал. И глаза — кошачьи глаза — поблескивали на свету радостью хищника, ибо они нашли мышку, с которой можно поиграть.

Он осторожно поставил фонарь на стол. Очень мягко. Настолько мягко, что не раздалось даже шороха. Шагнув ко мне, он запустил руку мне в волосы — тогда они были длинными, ниже плеч. Так вот, он запустил руку мне в волосы и потянул за них.

Я пролепетала:

— Пожалуйста…

Почему-то я очень хорошо это помню. Зрение у меня плыло от слез, потому что я знала: он задумал нечто ужасное… возможно, что-то *более ужасное* для меня, чем то, что он *уже* сотворил.

Наклонившись, он поцеловал меня в лоб, а потом провел бритвой вверх и вниз по обеим сторонам моего лица, как будто точил ее о камень… но осторожно, чтобы не порезать. Неспешно он склонился к моему уху.

— Потанцуй для меня, — прошептал он. — И улыбайся, маленькая Свечка. Улыбайся!

Я не могла пошевелиться. Мои ноги словно приросли к полу. Закрыв бритву и сунув ее в карман брюк, он начал ритмично хлопать в ладоши. Его улыбка при этом обнажила зубы, а бледно-зеленые глаза блестели на свету.

Я не помню, как начала танцевать. Я только помню, как переставляла ноги… покачивалась… всхлипывала…

— Нет, нет, не плачь! Вот так, любовь моя, — сказал он, — позволь мне с тобой потанцевать.

Я до сих пор помню, как рушилось чувство безопасности, которое я всегда испытывала, находясь в той комнате. Робсон… он рушил его своим присутствием, хлопал мне в ладоши и все приближался ко мне, чтобы… потереться своим телом о мое. Я пыталась отойти, но он шагал ближе. Я попыталась отойти снова, и он вдруг закричал. Это снова был наполовину крик, а наполовину звериный рев — как тот, который я слышала из его комнаты. Его лицо исказилось так, как будто ему было *больно*. Он схватил меня обеими руками, швырнул на кровать, а потом набросился на меня…

… Не надо? Почему, Мэтью? Потому что ты не хочешь, чтобы я вспоминала об этом? Или ты просто не хочешь этого слышать? Ха! А это ведь *главное* в моей истории. Нет-нет, Мэтью, это *нужно* рассказать.

Он придавил меня. Хуже боли было только ощущение бессилия. У меня перехватывало дыхание. Я думала, что умру, потому что не могла дышать. Боль… меня будто разрывало на части. Впрочем, возможно, так оно и было — я как будто понимала, что больше никогда не смогу стать целой. Его руки…

огрубевшая плоть, острые ногти, его зеленые кошачьи глаза, смотревшие мне в лицо, когда он отрывал похотливые губы от моего тела… он испытывал — как я позже поняла — извращенную охотничью радость. Вот, что это было.

А за окном все барабанил дождь. Это был конец октября, я уже говорила?

Этот непрекращающийся дождь…

В ту ночь оборвалась жизнь моей любимой мамы… ее последняя ночь…

Ах, но я отвлеклась!

Покончив со мной, Робсон натянул штаны, взял фонарь и вышел из комнаты, не сказав ни слова и даже не взглянув на меня. Но, знаешь, когда он кончил, *меня* — уже не было. То, что от меня осталось, вылезло из постели и свернулось калачиком на полу. Было слышно, как он возвращается в свою комнату… а потом все стихло. Кроме чертового дождя.

Робсон решил вернуться в номер и собрать вещи, так как его пребывание в пансионате Норы Маллой и ее приемной дочери Элизабет подходило к концу. Позже я услышала, как он спускается по лестнице. Слышала, как открылась и закрылась входная дверь. Потом был только шум дождя и хриплое дыхание, вырывающееся сквозь мои зубы.

И знаешь, что я тогда подумала? После всего этого в моем ошеломленном десятилетнем мозгу мелькнула мысль: *этот человек, должно быть, сошел с ума, если вышел под такой проливной дождь.*

Я слышала, что во время тяжелых жизненных потрясений люди задумываются о невероятно бессмысленных вещах — вероятно, так они защищают свой разум от разрушения. Доктор Файрбоу тоже говорил мне об этом.

Убедившись, что Робсон ушел, я зажгла свечу и поднялась наверх.

То, что я увидела в коридоре, было хуже всего, Мэтью.

Хуже всего…

Думаю, что именно в тот момент мой разум разрушился окончательно. Мне кажется, я буквально почувствовала, как он разваливается на куски — как дом, который попал под слишком сильный удар шторма… слишком сильный, чтобы выдержали стены и фундамент.

Я почувствовала, как мой мозг кровоточит, разрываясь на части. Голова и лицо горели.

Сбежав вниз по лестнице, я выскочила под дождь, крича о помощи, и мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем кто-то ответил на мой зов.

Как итог этой главы моей жизни, бедная девочка осталась без дома и без мамы. Бедная девочка стала свидетельницей убийства и была изнасилована сумасшедшим. Но, знаешь, что было особенно забавно? Сердобольные люди из низкосортных грязных притонов предположили, что бедная девочка, скорее всего, сама напросилась. Прелестная малышка ведь танцевала в гавани, чтобы завлечь постояльцев в пансионат вдовы Маллой! И неважно, что сама вдова Маллой всегда была с ней и следила, чтобы все было безопасно — этот танец привлек убийцу, убийца повелся на *танец хорошенькой бедной девочки*, вот и все.

После всего этого бедной девочке пришлось вернуться в приют.

Я говорила, что детство в приюте было счастливым… но, вернувшись туда, я поняла, что больше… гм… не соответствую установленному стандарту качества. Ребенок, который был изнасилован и слышал, как произошло самое гнусное из убийств, являл собой лишь *видимость* невинности. Я видела это во взглядах и иногда даже слышала в чужих перешептываниях.

А самое интересное, что эти люди были правы, ведь внутри меня и вправду поселилась тьма. Остальные дети из приюта чувствовали это. Я не могла больше играть в детские игры — для меня это было равносильно тому, чтобы полетать на Луну на спине свиньи. Мой разрушенный разум кое-как исцелился, но на нем остались уродливые шрамы.

По сути, я стала такой же, как Робсон: одинокое существо, испытывающее внутренние муки, о которых никому не могло рассказать. Результатом всего этого стало то, что когда люди со стороны захаживали, чтобы взглянуть на сирот с намерением усыновить кого-либо, они не могли даже смотреть на меня и проходили мимо. Я была темным пятном на белом листе бумаги. Я была уродливой ухмылкой среди улыбок. В двенадцать лет я ощущала себя на все тридцать.

Помню, как в качестве своеобразного вызова, меня выбрали благонамеренный преподобный и его жена. Не прошло и двух недель, как они вернули меня обратно. Когда священник сказал мне, что Бог любит меня и у него есть планы на мою жизнь, я рассмеялась ему в лицо, обозвала его жену жирной старой коровой, каковой она и являлась, и выбросила в окно миску с супом.

Так прошло два года. Затем меня выпустили из приюта под опеку одного любителя молодых девушек. Дамам из приюта следовало бы обеспокоиться — не несет ли этот человек для меня опасности, учитывая то, что со мной произошло, но они слишком хотели от меня избавиться, и им было без разницы, что меня

ждет.

А ждало меня вот, что: мало того, что этот человек обожал молоденьких девушек, ему еще и нравилось охаживать их хлыстом. Меня это его увлечение тоже не обошло стороной. Тогда-то он и раскрыл мне свой прелестный маленький план: если я хотела избежать наказания, мне следовало стать послушной, изображать невинную девочку, гулять по городским паркам и детским площадкам и завлекать других девочек, обещая им сладости. Он увидел во мне тьму и решил, что я смогу завлекать к нему других жертв.

Я нашла способ убежать от него в ту же ночь, и так я оказалась на улице.

Что я могла сделать, чтобы выжить? Мне было четырнадцать, и единственное, что я хорошо умела, это то, чему научила меня мама — танцевать. Я приняла немыслимое решение: стать уличной танцовщицей и зарабатывать деньги на прохожих. Так я и поступала, пока тянулись весна и лето. Жила я на заброшенном складе в Уайтчепеле с несколькими другими беспризорниками, вроде меня самой. Ты знал их как «Черноглазое Семейство», хотя, полагаю, моя банда состояла из других людей. При знакомстве они пригрозили мне расправой, потому что я танцевала на их территории, и они хотели получать половину моего заработка. Со временем мы смогли договориться: я обещала танцевать *только* на их территории и делиться деньгами, но получать покровительство банды. Для этого мне надлежало в нее вступить. Так у меня появилась татуировка, и я прошла через ту же церемонию, что и ты.

А теперь, Мэтью, мы подошли к той части моей жизни, когда начала просыпаться Дикарка Лиззи. Впрочем, может, она уже давно проснулась на тот момент — просто выжидала? Как знать.

Нас было четверо, и на нас напало шестеро бандитов из группы «Могавков». Возможно, ты и сам с ними сталкивался? Они просто бесы во плоти! Стояла поздняя ночь, мы возвращались из таверны, что находилась на нашей территории, где «Семейство» могло подкрепиться. «Могавки» вывалились на нас из проезжавшей мимо телеги, раскрашенные, как дикари из колоний. Как я уже сказала, их было шестеро — все мужчины, а нас четверо — двое парней, я и моя подруга Одри. У «Могавков» были кинжалы и сабли, и они зарубили наших мальчишек прежде, чем хоть один из них успел дунуть в предупреждающий свисток. А потом они набросились на нас. Мы пытались сражаться, но у них были сильные руки и хорошо поставленные удары. Они забросили нас в телегу и увезли — вся схватка, вероятно, заняла не больше минуты.

Нам завязали глаза и отвезли нас куда-то, где пахло застарелой сыростью. Я решила, что это какой-то подвал, и мысленно приготовилась, что меня снова изнасилуют, а потом еще и убьют, но этого не произошло — ограничилось побоями. Чуть позже я узнала, что они слишком сильно ударили Одри, и она умерла рано утром, а это, как выяснилось, было плохо, потому что им заплатили за то, чтобы они доставили *двух* девушек в дом, находившийся в Шордиче, недалеко от тюрьмы. Я узнала это, потому что именно туда они отвезли меня на следующую ночь. И там я познакомилась с госпожой Спаннер — хозяйкой дома — и остальными девочками в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Мне на тот момент было уже шестнадцать, но я всегда выглядела младше, и госпожа Спаннер решила, что я могу сойти за четырнадцатилетнюю.

Пыталась ли я сбежать?

Конечно! Несколько раз!

Но у госпожи Спаннер было двое арабов, которые работали охранниками, так что все было тщетно. Охранникам не разрешалось развлекаться с девочками, это удовольствие было… только для денди, которые платили большие деньги за такие привилегии. После неудачных попыток к бегству мне пришлось остаться. До меня быстро донесли, что если я не буду работать, то не буду и есть. Какое-то время я и вправду не ела… но, знаешь, рано или поздно голод становится таким невыносимым, что все остальное перестает иметь значение. И я сделала немыслимое, чтобы выжить…

А госпожа Спаннер оказалась не такой уж и плохой. Она была деловой женщиной и тоже зарабатывала себе на кусок хлеба, как умела. Много лет назад она работала швеей, но со временем руки перестали ее слушаться, да и зрение перестало быть таким острым, как прежде. Как-то раз госпожа Спаннер попросила меня помочь заштопать одежду девочек и украсить ее кружевами, цветами и прочим. Она сказала, что если у меня получится, она будет со мной помягче и не будет заставлять меня работать ночи напролет. Она осталась верна своему слову.

Однажды я встретила хозяина дома. Не только этого дома, как выяснилось, но и нескольких других таких же, разбросанных по городу. Госпожа Спаннер сказала мне, что этот человек замешан во многих темных делах, но лучше мне не знать слишком много, а иначе кто-то может перерезать мне горло.

Его звали Маккавей ДиКей. Он приехал в экипаже, который будто был частью элитного кортежа. И, знаешь, если б сам дьявол решил явиться на эту землю в человеческом обличье, он, определенно, предпочел бы внешность этого мужчины. ДиКей

вошел в дом в сопровождении двух своих телохранителей. Ох, Мэтью, он был нечеловечески красивым! А еще ему было невозможно что-то запретить или в чем-то отказать. Самое страшное, что он об этом знал. А прибыл он для того, чтобы осмотреть свой «товар». Нас всех заставили нарядиться в самые красивые платья, выйти к нему, присесть в реверансе, как будто ДиКей был членом королевской семьи. Впрочем, он так и выглядел: честное слово, костюм, в который он был одет, был лучшим нарядом, что я видела в своей жизни!

Мы выстроились в ряд, и он прошествовал мимо нас, попутно проверяя наши зубы, оценивая лица, фигуру и все остальное. Подойдя ко мне, он провел рукой по моей щеке, и я помню, как вздрогнула, потому что его прикосновение было ледяным.

Именно там на меня снизошло осознание, что зло существует для того, чтобы развращать невинность. Превращать ее в нечто уродливое — что можно купить и продать, как и любой другой товар. Такова была цель ДиКея. Знаешь, в ту минуту я всем сердцем желала убить его, разорвать на куски — как и всех злодеев, которые охотились на слабых и беззащитных людей, неспособных за себя постоять. Тогда и проснулась Дикарка Лиззи — проснулась и начала думать об убийстве, как о средстве… если и не от всего мирового зла, то хотя бы от его части в том маленьком мире, который меня окружал.

Но на время я затаилась и прожила в том доме почти год, дожидаясь, пока госпожа Спаннер начнет достаточно доверять мне. Она позволяла сопровождать ее во время походов за покупками, мы часто покупали ткани, и все омрачалось лишь тем, что с нами неизменно был один из ее арабов. Я старалась быть кроткой и послушной, выискивая подходящий момент.

И вот, он настал.

Как-то раз, когда они отвлеклись, я бросилась прочь, затерялась в толпе людей и бежала, бежала и бежала — пока не очутрилась в переулке.

Надеюсь, с госпожой Спаннер все было в порядке, потому что за одно то, что она потеряла меня, ДиКей мог убить ее, ведь каждую из девочек в том доме он считал своей собственностью. Тем не менее, как бы я ни переживала за госпожу Спаннер, я знала, что должна сбежать. Правда, на этом мой план заканчивался. Куда мне было идти?

Судорожно размышляя, я вспомнила, что в Спайтефилдсе — где мы находились — производилась б***о***льшая часть текстильных работ, а шить и ткать я умела. Да, может, я и не была профессиональной швеей, но на фабриках частенько использовали детский труд, так что я легко находила работу за

несколько пенсов в день. При этом мне уже исполнилось семнадцать, и я была намного старше большинства других рабочих. Немного времени занял и поиск жилья: я без труда нашла маленькую лачугу рядом с мельницей.

Все могло наладиться.

Но однажды вечером, возвращаясь с работы, я увидела, как какой-то мужчина схватил за шею маленькую девочку и потащил ее в переулок. Тогда я — и Дикарка Лиззи тоже — поняла, что в Спайтефилдсе был настоящий рассадник зла! Хищники стекались сюда отовсюду, чтобы добраться до детей, большинство из которых были сиротами и жили группами в маленьких лачугах, как и я.

Это должно было измениться!

По ночам я начала бродить по улицам, высматривая хищников, забравшихся в наш район, чтобы развратить еще больше невинности, искалечить еще больше детей, которые и так натерпелись от мира. Поэтому я — *она* — купила нож.

Это стало моей навязчивой идеей… я чувствовала непреодолимую потребность нанести ответный удар всем Робсонам и ДиКеям. Дикарка Лиззи всегда жаждала этого, и в какой-то момент мы обе поняли, что для нас это единственный способ не сойти сума от обуревавшего нас гнева.

Она одевалась так, чтобы выглядеть как можно моложе и беззащитнее. Мы старались вести себя, как ребенок…

Первый, кто бросился на нее, в страхе умчался прочь, потому что она замахнулась на него ножом, но промахнулась. Второму она порезала только руку. Тогда она поняла, что ей нужно что-то более эффективное, поэтому я купила для нее десять лезвий, украла кусок кожи и сшила для нее перчатки.

Поначалу у нее возникали неприятности — с перчатками было непросто справляться. Несколько раз она и сама порезалась, торопливо извлекая их из сумки. Ей предстояло научиться искусству убивать и оставаться при этом невредимой, а это требовало практики. Итак, пока Элизабет Маллой днем жила при мельнице и работала на ткацкой фабрике, по ночам Дикарка Лиззи бродила по улицам и вершила правосудие. Общественность наградила ее другим титулом — Спайтефилдская убийца, но на это нам обеим было плевать.

Кажется, я уже говорила, что первая ее жертва среди мужчин была сильно похожа на Бродерика Робсона. Она с радостью превратила его в изумительный фарш! Вскоре она научилась перерезать им глотки прежде, чем они успевали закричать, а еще чуть позже научилась определять, из каких мест сильнее всего брызжет кровь, чтобы избегать пятен на своей одежде. Это далось

ей с трудом, поначалу пришлось своровать много одежды с бельевых веревок, но, в конце концов… она приноровилась.

Так она убила шестерых. С седьмым она повела себя слишком самоуверенно и слегка замешкалась. Она порезала ему лицо, но он успел сбежать и позвал на помощь. Именно из-за него констебли получили наше описание, и через три месяца Дикарку Лиззи поймали. На нее устроили облаву целых четыре констебля — видимо, отправить за Лиззи кого-то одного законникам было слишком страшно. Можно даже счесть, что мне это польстило.

Так или иначе, ее посадили в камеру, затем были суд и тюрьма.

После двух лет за решеткой о нас узнал доктор Файрбоу и перевез нас в психиатрическую лечебницу Хайклиффа, где он проводил экспериментальное лечение так называемых «криминальных умов». Ему даже продали оригинальные перчатки, чтобы он смог поместить их в музей, который планировалось открыть при лечебнице.

Я была не единственной его подопечной в Хайклиффе, но несколько других умерли от передозировки лекарствами. Я выжила, и Лиззи тоже. И хоть она оказалась надежно связана, она никуда не исчезла.

А однажды в лечебницу приехал Самсон и привез туда свою жену. Она потеряла всякую связь с реальностью, забыла, кто она такая, и не узнавала мужа. Она не могла ни самостоятельно одеваться, ни есть, ни пить, ни ходить по нужде. Иногда она что-то лепетала и плакала, но в ее словах не было никакого смысла. Доктор объявил ее безнадежно больной, но Самсон навещал ее почти каждый день.

Мне в то время было разрешено проделывать кое-какую канцелярскую работу в кабинете доктора — это успокаивало меня, и в один прекрасный день Самсон заговорил со мной. Я была поражена не меньше остальных, когда через несколько недель он заплатил доктору за то, чтобы меня перевезли к нему домой, а также заплатил за регулярное снабжение лекарством.

Лиззи почти все время спала. Но когда она вдруг проснулась, Самсон устроил все так, чтобы ее жажда насилия получила выход. Без жертв она могла погибнуть, и я сказала Самсону, что могу умереть вместе с ней. Похоже, он боялся, что я ослабну умом и духом — как его жена — и он больше не сможет наслаждаться моим обществом. Знаешь, он всегда был добр и любезен со мной, считал меня маленькой прекрасной леди, но никогда не прикасался. Он называл меня своим доверенным лицом на своем личном большом корабле.

Вскоре мы поняли, что жертвы Лиззи не обязательно должны

были быть растлителями детей. Это как… если любишь ростбиф, можешь довольствоваться и говяжьим рагу. Лиззи — со своей непреодолимой тягой к крови — согласилась на разнообразие и принимала тех жертв, которых ей могли доставить без проблем. Так, например, мы пришли к соглашению, что Лиззи сможет устроить достойное представление для участников аукциона. Беспомощность тех констеблей должна была продемонстрировать, насколько Самсон презирает мелких людишек и их законы, а еще — показать, насколько его честолюбие заходит за рамки привычных масштабов. Учитывая, что Лиззи нуждалась в самореализации, это была хорошая задумка.

Самсон научился распознавать признаки беспокойства, которые появлялись у меня незадолго до того, как проснется Лиззи. Препарат — как я позже поняла — позволял ей просыпаться, когда это необходимо, а затем — с небольшим усилием — снова засыпать. Лиззи это не нравится, но она вынуждена с этим жить. Потому я и сказала тебе: я не знаю, каков будет эффект без лекарства.

Так мы подходим к концу моей истории.

Лично я — считаю, что Лиззи убила шестерых мужчин, которые охотились на детей в Спайтефилдсе. Они наверняка вернулись бы туда за новыми жертвами. Лиззи, к сожалению, была не в силах спасти всю невинность этих детей, потому что б***о***льшая ее часть была уже потеряна к тому моменту. Но она могла *сдержать* распространение разложения — того разложения, что неминуемо привело бы к смерти большинства детей, их тел и душ; того разложения, что почти разрушило и уничтожило меня саму.

Вот — моя история.

Глава двадцать седьмая

Вот — моя история.

Стоило Элизабет произнести эти слова, как Мэтью почувствовал, что экипаж замедляется. Файрбоу, свернувшийся страдающим комком на сиденье напротив него, застонал и пробормотал нечто бессвязное.

— Мы останавливаемся, — нахмурилась Элизабет. — Зачем?

Мэтью выглянул в окно слева и тут же отругал себя за подобную неосмотрительность, досадливо поморщившись. После рассказа Элизабет он зарекся поворачиваться к ней спиной и тут же ослушался самого себя, а она — затылком, как и говорила, — наверняка ощутила страх, всколыхнувшийся в нем.

Стараясь не думать об этом, Мэтью вгляделся в устланный снегом пейзаж в попытке сориентироваться на местности, но разглядел лишь тусклый серый свет и длинную синюю тень лесополосы.

Воистину, тут незачем было останавливаться! И, тем не менее, скрипнув колесами, экипаж замер.

— Похоже, мы заехали в какую-то глушь, — покачал головой Мэтью. — Ты там что-нибудь видишь?

Элизабет выглянула в окно со своей стороны и пожала плечами.

— Лес, — безразлично отозвалась она, — и ничего больше.

Дверь справа открылась, и перед пассажирами предстал насквозь продрогший Джулиан.

— Подмени меня на козлах, Мэтью. Я совсем замерз, и спина у меня сейчас просто отвалится. Одному Богу известно, как возницы выдерживают так долгие часы!

— Я? Подменить тебя? Я никогда прежде не правил экипажами такого размера, не говоря уже о четверке лошадей! — ужаснулся Мэтью.

— Понятно. Значит, пришло время учиться. — Джулиан жестом дал Мэтью знак выбираться из салона. Ни на какие уговоры он сейчас поддаваться не собирался.

— Что? В чем дело? Где мы? — встрепенулся Файрбоу, поежившись при звуке голоса человека, отрезавшего ему ухо. При виде же обидчика глаза химика в ужасе распахнулись на опухшем от слез лице, и он попытался вжаться в стену, насколько это было возможно.

— Успокойся, — бросил Джулиан, словно приказывая собаке вести себя прилично. — Вот. Возьми шубу и перчатки, —

обратился он к Мэтью. Но прежде чем отдать ему их, он махнул пистолетом в сторону Элизабет. — И чтобы никаких фокусов от вас, мисс убийца!

— Я ничего и не делаю, просто наблюдаю, — прохладно ответила она, и у Мэтью вдруг появилось жуткое чувство, что сейчас она говорит от имени своей *темной* половины.

Но выбирать не приходилось. Мэтью накинул шубу из шкуры белого медведя и надел перчатки. Воздух был ужасно холодным, а ветер сносил с громоздящихся вокруг сугробов целые снежные комья и горстями швырял их в лица путешественников, с недовольным воем уносясь прочь. Мэтью плотнее надвинул шерстяную шапку. Перед тем, как взобраться на козлы, он помедлил и повернулся к Джулиану, который уже готовился забраться в салон кареты.

— Не вреди Элизабет. Слышишь меня? — строго сказал он.

— Мне и не придется, если она сама меня не вынудит. — Он нахмурился. — А с чего это ты так о ней печешься?

— Мы с ней оба — члены «Черноглазого Семейства». Я дал клятву не…

— В чем дело? — вновь воскликнул Файрбоу, наклонившись так, чтобы слышать здоровым ухом.

— Я дал клятву не причинять вреда своим братьям и сестрам по «Семейству», — продолжил Мэтью. — И она принесла точно такую же. Вот, почему она не…

— Будь я проклят! — воскликнул Джулиан. Он задумчиво постучал по подбородку стволами своего пистолета. — Но мне-то она не сестра, Мэтью. Поэтому, если она сделает хоть что-то, что мне не понравится… — Он предпочел не договаривать, а поймав на себе предупреждающий взгляд Мэтью, лишь тяжело вздохнул. — Я же говорил тебе: я плохой человек. Чего еще ты от меня ждешь?

— Немного чести…

Джулиан хмыкнул.

— Ты, кажется, еще не осознал, Мэтью, что быть плохим человеком — значит делать очень много такого, что сделать *необходимо*. Даже если не хочется. Подумай сам, зашли бы мы так далеко, если б нашей главной заботой была честь?

— Я дал клятву. И сдержу ее, несмотря ни на что.

— Да пусть заходит, — вмешалась Элизабет со сладковатой улыбкой. — *Она* его не укусит. *Пока*. И, пожалуйста, закройте уже дверь, пока я тут в ледышку не превратилась.

У Джулиана было такое выражение лица, словно он всерьез взвешивает аргументы в пользу того, чтобы окончательно простудиться на козлах возницы и перетерпеть боль в спине. Это

было явно более мудрым решением, чем провести хоть несколько минут в замкнутом пространстве с Дикаркой Лиззи. Однако он решил отринуть мудрость и в угоду пульсирующей болью спине забрался в карету.

— Просто держи колеса на дороге, — мрачно сказал он, прежде чем закрыть дверь и оставить нью-йоркского решателя проблем наедине со снежной круговертью.

Мэтью убрал пистолет за пояс бриджей и схватился за ручку, чтобы подняться на место возницы. Отсюда пейзаж казался совершенно бескрайним, а четверка коней, готовых тянуть карету, отчего-то внушала страх. Джулиан оставил поводья привязанными к ручке рядом с сиденьем. Морщась от снега, летящего в лицо, Мэтью взял поводья и устремил взгляд вперед, на дорогу, изгибающуюся вправо и тянущуюся меж лесными насаждениями. Он понятия не имел, как далеко им удалось отъехать от Лондона, но размышлять было бесполезно — как и сидеть без дела. Чем дальше им удастся убраться от этого города, тем лучше.

Он щелкнул поводьями, издав неуверенное:

— Гип-гип!

Лошади не сдвинулись с места. Он попробовал снова:

— Гип-гип!

Два скакуна фыркнули, выпустив в воздух насмешливые облачка пара. Один встряхнул головой, словно говоря «нет», а четвертый просто стоял без движения, как огромная статуя каштанового цвета. Мэтью вспомнил, что говорили некоторые возницы, потянул за поводья сильнее и закричал:

— Нннннно!

Кони издали раздраженный фыркающий звук и рывком дернули экипаж с места. Почувствовав, с какой силой натянулись поводья, Мэтью вообразил, как будут болеть его спина и руки после нескольких часов такой езды. Тем не менее, экипаж тронулся. Он двигался не очень быстро, но все же *двигался*, и Мэтью попытался по возможности расслабиться на задеревеневшей от холода подушке. Миг спустя он понял, что натяжение поводьев не позволит ему этого сделать ни на минуту. Казалось, не возница, а кони управляли экипажем — и, похоже, они прекрасно об этом знали.

Позволив себе повиноваться воле ретивых животных, Мэтью погрузился в размышления об истории Элизабет Маллой — и обо всем, что подвело их с Джулианом к этому моменту. Он вспомнил, как Элизабет сказала, что случившееся с нею едва не уничтожило и не разрушило ее, и решил, что если и встречал в своей жизни людей с разрушенной судьбой, то это была именно

она.

На ум пришел комментарий Джулиана: *быть плохим человеком — значит делать очень много такого, что сделать необходимо. Даже если не хочется.* И ведь в чем-то он был прав. Если бы не качества, которыми жизнь наделила Джулиана, им ни за что не удалось бы завладеть книгой ядов Джонатана Джентри, не говоря уже о том, чтобы захватить Лазаруса Файрбоу. Разумеется, то, как Джулиан решил наказать доктора за побег, не делало ему чести, и все же… нельзя было отрицать, что эта попытка побега — после такого жесткого пресечения — была первой и последней. Больше химик не сбежит. Не посмеет.

И если говорить о побеге…

Мэтью вздохнул, понимая, что ничто не гарантирует им успешного возвращения в деревню Фэлла, несмотря на то, что им удалось сбежать из особняка. Мэтью был уверен, что Лэш уже отправился за ними в погоню в другом экипаже, и то, когда он их настигнет, было лишь вопросом времени. Этот вопрос Дамокловым мечом навис над Мэтью — он буквально видел, как парящие в воздухе снежинки складывались в угрожающий вопросительный знак и тут же распадались.

Был и другой вопрос: сможет ли Файрбоу вернуть Берри в нормальное состояние — с угрозами со стороны Джулиана и Мэтью или без?

А что насчет черного зеркала, предположительно созданного Киро Валериани с помощью итальянского колдуна? Зеркала, через которое можно призвать демона из глубин ада… Раз уж Мэтью поклялся Фэллу разыскать сына Валериани, чтобы добраться до этого зеркала, делает ли это его соучастником в ритуале по проникновению демонов в этот мир? Если предположить на миг, что это возможно, такая история навсегда оставит черное клеймо на душе Мэтью.

Он потряс головой. Это не могло быть правдой. Такие вещи — невозможны, это миф. Ведь так?

Как бы то ни было, Мэтью успокаивал себя тем, что до этого момента еще нужно дожить. Путь от Бристоля до Лондона занял тридцать восемь часов, но погода тогда была гораздо лучше, да и лошадей можно было гнать практически без остановки. Мэтью припомнил, что в Уэльсе состояние дорог для быстрого путешествия в экипаже было далеко не идеальным. Впрочем, какие там дороги? Будет правильнее сказать, ухабы от телег. В окрестностях «Прекрасной Могилы» Профессора Фэлла дела обстояли и того хуже. В общей сложности можно смело считать, что добраться до места займет сорок восемь часов, плюс еще, как минимум, двенадцать. И это, по подсчетам Мэтью, был еще

оптимистичный прогноз — без учета силы ветра и без возможных накладок с экипажем.

Навязчивая мысль стучала у него в голове: а удастся ли добраться от Лондона до деревни Фэлла за семьдесят два часа? Да, это возможно, если по пути не останавливаться ни в одной гостинице, за исключением тех случаев, когда необходимо будет дать отдых лошадям и закупить — или украсть — предметы первой необходимости. Гнать лошадей придется так же, как они с Джулианом приказали гнать их из Бристоля до Лондона.

Мэтью нахмурился. Ему ничего не оставалось делать, кроме как время от времени щелкать поводьями и тщетно пытаться убедить четверку лошадей, что правит здесь все-таки возница. Стараясь хоть чем-то себя отвлечь, он подсчитывал пройденные мили и плотнее кутался в шубу из шкуры белого медведя — благослови Боже покойного графа Пеллегара и барона Брюкса, чьи тела уже наверняка обнаружили в гардеробной гостиницы. Мэтью готов был биться об заклад, что эта громкая история займет первые страницы «Булавки Лорда Паффери» — разумеется, когда леди Паффери узнает все подробности.

Миля шла за милей, а снегопад все продолжался. Экипаж миновал несколько небольших деревень, когда начало смеркаться. Мир вокруг казался вымершим — в такую погоду не наблюдалось почти никакой активности. Мэтью заметил несколько лошадей на пастбищах: они проводили четверку своих собратьев, запряженных в экипаж, грустными глазами. Внимание привлекло несколько местных жителей, занимавшихся хозяйством: похоже, им пришлось выбраться из домов из-за каких-то неотложных дел — никому ведь не хотелось выходить на улицу в такой снегопад.

Затем по обеим сторонам дороги снова вырос лес. Этой же дорогой Джулиан и Мэтью ехали из Бристоля — это был центральный тракт, тянущийся с северо-запада на юго-восток. Мэтью знал и то, что именно по этой дороге Матушка Диар везла его в деревню Фэлла... по крайней мере, по логике вещей *должна была везти* — потому что сейчас Мэтью вовсе не узнавал эту дорогу и от этого чувствовал себя все более неуверенно.

Сколько времени прошло, прежде чем Мэтью почувствовал, что лицо его совсем окоченело, а мышцы протестующе ноют при каждом движении? Он полагал, что примерно часа три. Лошади периодически фыркали, выдыхая облачка пара. Даже с наличием плотного снежного покрова на дорогах экипаж периодически угрожающе качался и кренился, грозясь соскользнуть с тракта.

Мэтью понял, что находится на пределе, поэтому, когда через двадцать минут впереди замаячил каменный дом, из трубы

которого уютно поднимался дым, он принял решение дать коням отдохнуть, а также подкрепиться горячей едой самому. Рядом с домом, над порогом которого при ближнем рассмотрении обнаружилась вывеска, гласящая: «*Добро пожаловать, путники!*», стоял амбар. Мэтью кивнул, соглашаясь с собственным решением, и начал предпринимать попытки замедлить лошадей и увести их с тракта.

Смотровое окно открылось.

— Что ты делаешь? — прозвучал изнутри голос Джулиана. В его словах чувствовалось, скорее, требование, нежели вопрос.

— Я собираюсь остановиться вон в той гостинице. Мне нужно согреться, поесть и… сделать все то, что я сдерживаю уже больше часа. Полагаю, наши попутчики хотят того же.

Джулиан несколько секунд поразмышлял.

— Хорошо. Согласен. Возможно, мы останавливаемся слишком рано, но подкрепиться и выпить кружечку горячего эля явно не помешает. Только учти, что мы здесь надолго не задержимся.

Он закрыл смотровое окно. Мэтью выкрикнул:

— Тпру! Тпру!

Безрезультатно. Мэтью с тоской понял, что ему потребуется сила трех Хадсонов Грейтхаузов, чтобы заставить эту треклятую четверку остановиться перед гостиницей.

Наконец, он сумел сладить с лошадьми — те остановились примерно в пятидесяти футах от заснеженного зеленого навеса над входной дверью. Когда Мэтью в последний раз натянул поводья, дверь открылась, и полный человек в шерстяной шапке и коричневом пальто с овечьим воротником поспешил им навстречу.

— Приветствую, путники! — окликнул он. Голос его звучал грубовато, как теперешняя погода, однако настроение явно было хорошим. — Добро пожаловать! Вас сколько будет-то?

— Четверо, — ответил Джулиан, выходя из кареты. Он убрал пистолет с глаз долой, чтобы ненароком не напугать хозяина до полусмерти. — Все голодные, как черти, и жутко уставшие. Лошади тоже. Ты же с ними справишься, приятель?

— Глядите-ка, вот это четверочка! — Мужчина отступил назад, водрузив руки на широкие бедра, чтобы как следует рассмотреть упряжку и экипаж, пока Мэтью, мучительно скрипя суставами, сполз с места возницы. — Никогда не видывал таких карет! Держите меня трое — она слишком красивая для этого захолустья! — Он потер руки, а глаза его загорелись азартом. — Ну… справлюсь, как не справиться-то! Заведу их в амбар, накормлю, напою и обогрею. Устроит?

— Устроит, — устало ответил Мэтью.

— Добрый день, леди, — поздоровался мужчина с Элизабет, отвесив ей небольшой вежливый поклон. — Хотя какой уж тут день: темно, хоть глаз коли, не так ли! — Затем вышел Файрбоу, закутанный в клетчатый халат, и хозяин удивленно присвистнул. — Батюшки! Не холодновато тебе в ночной сорочке-то? И… что у тебя с лицом, приятель? Эй, да неужто разбойники?

— Бритвой поранился, — осклабился Джулиан.

— Это ж надо так порезаться! Ладно-ладно, идите в дом, там моя Грета вас подлатает немного. Я Оливер Отри, кстати.

— Очень приятно, — кивнул Джулиан, хотя своего имени называть не спешил. — На всякий случай: больше часа мы здесь провести не можем. Вы понимаете?

— А, понятно, спешите, значит. Ну… сомневаюсь, что лошадкам вашим часа хватит.

— Придется этим довольствоваться. — Джулиан произнес это настолько бескомпромиссно, что отбил всякое желание спорить.

— Сложновато быть одновременно и конюхом, и трактирщиком, — хмыкнул Отри, — но сделаю все возможное, чтоб уложиться. Лошадям это не понравится, но они хоть обогреются, так что…

Джулиан уже повернулся к Отри спиной и толкнул Файрбоу в сторону дома. Мэтью последовал за Элизабет, уловив, как Отри успокаивающим голосом разговаривает с лошадьми.

По дороге из Бристоля в обществе Тарлентортов они не останавливались в этой гостинице — предпочли другую, милях в пятнадцати к северо-западу отсюда. Такие гостиницы были настоящим пристанищем для усталых путников. В них можно было обогреться, поесть, выпить и даже отдохнуть, потому что каждая гостиница — в зависимости от размеров и респектабельности — предлагала путникам в качестве места для сна отдельную комнату, кровать или тюфяк в углу.

Мэтью был рад хоть на время скрыться от непогоды, так как ветер набирал силу, и снег комьями валился с ветвей деревьев, нависавших над трактом.

Внезапно его поразила мысль, от которой у него чуть не подогнулись колени.

— Книга! — севшим голосом выкрикнул он, но испытал мгновенное облегчение, когда Джулиан, не дойдя до двери, обернулся и коснулся застегнутого нагрудного кармана плаща Богена, по размерам не уступавшего небольшой сумке, куда он сумел спрятать книгу.

Зеленая штора на одном из двух окон дома отодвинулась, и из-за нее показалось чье-то лицо, но оно скрылось раньше, чем

Джулиан успел его хорошенько рассмотреть. Навстречу путникам распахнулась дверь.

— Заходите, заходите и willcommen bei dir[39]! — затараторила низкорослая пухлая женщина, стоявшая на пороге с широкой улыбкой. Мэтью уловил, что в ее речи проскальзывают прусские слова, и акцент тоже был, определенно, прусский. Что ж, прежде с пруссаками Мэтью не везло, но если эта женщина сможет предоставить ему хоть на час тепло домашнего очага, еду и питье, то да здравствует Пруссия! Мэтью проследовал внутрь вместе с остальными, с наслаждением оказавшись в комнате залитой желтым светом масляных ламп и горящего камина. Самым прекрасным было то, что в доме было тепло. Мэтью казалось, что ему никогда прежде не доводилось так замерзать. Он готов был залезть прямо в очаг, чтобы отогреться.

Камин привлек их всех, даже Файрбоу, который начал дрожать крупной дрожью, по мере того, как гостеприимное тепло начало прогонять холод из его тела.

Грета Отри закрыла дверь, чтобы ветер не задувал в дом, и дружественно оглядела своих гостей.

— Oh, mein Stern[40]! — воскликнула она, заметив травмы доктора. — Что с тобой случилось, mein herr[41]?

— Несчастный случай, — отозвался за него Джулиан. — Ничего, жить будет.

— Я таких несчастных случаев не видела! У меня иметься бальзам, который облегчить боль. Но тебе нужно обратиться к врачу, дорогой! И ты, что же, так и путешествовать? В такой одежде? — Мэтью заметил, как румяное морщинистое лицо женщины побледнело, а выражение на нем сменилось с беспокойного на подозрительное. — Was ist das?[42] Никто не путешествовать в такую погоду в такой одежде! — Она отступила к дальней стене, на которой висел мушкет.

— Мэм, — обратился к ней Мэтью, пока ситуация не вышла из-под контроля, — этот человек — наш пленник. Мы везем его в специальную тюрьму в Уэльсе.

Файрбоу издал звук, оказавшийся чем-то средним между смешком и кашлем.

— Меня зовут Мэтью. Это мой помощник Джулиан. Мы — констебли.

Теперь уже Джулиан едва не поперхнулся.

— Нам пришлось забрать этого человека прямиком из постели, возможности переодеться у него не было. К тому же, к сожалению, нам пришлось его усмирять, так как он оказал сопротивление. Мы собирались отыскать ему одежду в пути, но пока случая не представилось. Возможно, у вас найдется что-

нибудь? Хотя бы пара зимних чулок, которые вы могли бы нам продать?

— Этот человек — чертов лжец! — воскликнул Файрбоу. — Я уважаемый лондонский врач, а эти два преступника меня похитили! Посмотрите, что они сделали с моим ухом! Неужели два констебля, два представителя *закона* могут совершить такое зверство по отношению к человеку? — Он указал на мушкет. — Если он заряжен, я был бы очень благодарен, если б вы…

— Мэтью говорит вам правду, — вмешалась Элизабет. — Человек, стоящий перед вами, действительно доктор, но это не мешает ему быть низкосортным преступником. Он совершил несколько убийств в лондонском районе Спайтефилдс пару лет назад. Одной из жертв была моя сестра, и я сопровождаю этих людей, чтобы убедиться в торжестве справедливости. Я хочу видеть, как двери тюрьмы захлопнутся за этим монстром.

Файрбоу понял, что вряд ли ему что-то поможет, и истерически рассмеялся.

Грета Отри стояла с открытым ртом. Она дважды моргнула, но не осмелилась сдвинуться с места.

Оправившись от приступа нервного хохота, Файрбоу, возможно, продолжил бы защищаться, но тут он почувствовал, как рука Джулиана схватила его сзади за халат и слегка потянула его вниз к раскаленным поленьям камина, охваченным пламенем. Доктор задрожал и окончательно притих.

— Tar und Feder mich[43], — сказала Грета, пожав плечами. — Я думаю, что мой Оливер лучше во всем этом *разбираться*, потому что я verdutzt[44]!

— А я — голоден, — возвестил Мэтью, радуясь, что через этот перевал им удалось перебраться. — Как и мы все, я уверен. Можем ли мы попросить у вас немного супа или хотя бы немного хлеба?

— Все, что угодно, лишь бы быстро, — сказал Джулиан. — Мы можем пробыть здесь не больше часа. Чем раньше мы тронемся в путь, тем лучше.

Грета Отри — старушка с щербатой улыбкой и копной седых волос — возможно, и была простой деревенской женщиной, готовой разменять седьмой десяток, но Мэтью понимал, что она вовсе не глупа. Комментарий Джулиана заставил ее усомниться в том, что хотя бы один из путников говорил правду.

Впрочем, она могла подозревать их в чем угодно, но и что с того? Что она могла с этим поделать?

— У меня есть горшок куриного супа с ячменем и достаточно хлеба, чтобы каждому доставаться хотя бы по кусочек, — сообщила она, иногда коверкая окончания слов. — Горшок на

кухне. Если хотеть, вы можете поесть там за столом.

— Отлично! — воскликнул Мэтью. — И… к слову о горшках. Не подскажете, есть ли у вас уборная?

— Там, *взаду*. — Она небрежно указала на прихожую. — Один горшок подходить всем. И я прошу вас вынести его на улицу после того, как использовать. И почистить снегом, ja?

— Да, разумеется.

— Что это? — внезапно спросила Элизабет.

Мэтью и остальные повернулись, чтобы узнать, что ее так заинтересовало. Элизабет сделала несколько шагов в сторону другого угла комнаты, где в темно-зеленом горшке с землей была посажена небольшая ель. Дерево было украшено небольшими бумажными розочками, а с ее ветвей каскадами свисали нити разноцветных бусин. Зрелище — при всей своей простоте — было довольно красивым.

— О, — проворковала Грета. — Это есть tannenbaum[45]. Это традиция в стране, где я родилась. Там принято приносить в дом и украшать ель в это время года. Здесь вы называете это рождественская ель.

— Дерево… в доме? — удивилась Элизабет. — Как необычно. И при этом очень мило.

— Я любить хороший настроение, которое оно приносит, — сказала Грета. — А теперь… вы хотеть есть суп? И те, кому надо на горшок, тоже могут это сделать. — Она жестом позвала гостей следовать за ней.

Джулиан отодвинул одну из штор, проверяя, что творится снаружи, и увидел, как Оливер пробирается сквозь снежные вихри. Мэтью заметил, как лицо Файрбоу скривилось, когда он встал рядом с Элизабет и уставился на ель.

— Это самое жалкое зрелище, что я когда-либо видел, — фыркнул он. — Дерево в доме! К чему это уродство? Это так же нелепо, как то, что вы, Элизабет, выступаете на стороне этих двоих — против меня. Вы полностью выжили из ума?

— Вы напрашиваетесь на еще один порез, доктор, — тихо отозвалась Элизабет. Она старалась не поднимать шума, поскольку кухня, куда ушла Грета, была совсем рядом. — И куда бы вы пошли, даже если б вам удалось сбежать? Замечу, что на это у вас не было ни единого шанса. Ждите своего часа, доктор. Вот и все, что я могу вам сказать.

— И вы затеяли это предательство, потому что когда-то состояли в одной банде с Корбеттом? Уверен, когда Самсон найдет вас, ему будет интересно об этом услышать.

— Это не предательство, а здравый смысл. Впрочем, вряд ли вы понимаете — ваш здравый смысл остался в Лондоне на снегу.

Вместе с вашим ухом.

Дверь в дом открылась, и вошел Оливер Отри.

— Ффух! — выдохнул он, прошествовав мимо остальных к очагу, чтобы согреться. — Впереди холодная ночь, имейте в виду! Ну, о ваших лошадках я позаботился, так что беспокоиться не о чем. — Он разделся, сняв шапку и пальто и попутно отряхивая их от снега. Мэтью подумал, что Оливер Отри, вероятно, на несколько лет старше своей жены, и улыбка у него была щербатой, ей под стать. Но у него было широкое дружелюбное лицо с массивной челюстью, а волосы у самого лба чуть вились. Именно на этом участке его шевелюру тронула седина, что придавало ему необычное сходство с ангелом.

Оливер Отри вновь покосился на раны Файрбоу.

— И все-таки! Так обрезаться бритвой, надо же! — сказал он, прищурив серые глаза. — Махать ею где ни попадя — не самое умное решение.

Грета вернулась в комнату, лицо ее ничего не выражало.

— Олли, они рассказывать мне историю о pferdefedern. Лучше не задавать этим людям вопросы. Мы не хотеть знать их планы, это нас не касаться. Пойдемте, суп готов. — Она отвернулась и величественно удалилась из маленькой комнаты.

— А что значит это слово? — поинтересовался Мэтью, нахмурив брови. Отри вторил ему, и седая курчавая прядь его волос покачнулась.

Он ответил:

— Конские перья, если дословно.

Так и не уловив смысла сказанного, Мэтью отправился в комнату с горшком, а затем, повинуясь приказу хозяйки, вышел через заднюю дверь дома, прошел мимо поленницы и небольшого сарайчика и отважился даже углубиться в лес, прежде чем опустошить и вычистить за собой горшок. Элизабет вышла следующей, и Джулиан ждал ее у черного входа, несмотря на то, что бежать она не собиралась. Далее пришел черед Файрбоу. Он отказался вычистить за собой горшок, поэтому Джулиану пришлось сделать эту работу за него. Он не побрезговал грязной обязанностью, однако выражение его лица говорило о том, что за это унижение доктор еще поплатится.

Пальто и шапки отправились на настенные крюки, и, наконец, пришло время усмирить недовольное бурчание желудков.

В маленькой, но ухоженной и чистой кухне, где горел еще один очаг, все собрались за крепким дубовым столом, чтобы отведать куриного супа и черного хлеба, который — как счел Мэтью — был приготовлен по прусскому рецепту.

Прежде чем приступить к еде, Джулиан и Оливер умудрились вступить в какую-то перепалку по поводу цены пребывания здесь путников. Отри сказал, что за все восемь лет работы гостиницы никто не останавливался здесь всего на час, поэтому он не знает, какую плату установить. Пришлось вступить в переговоры. В итоге Джулиан сторговался с хозяином до четырех шиллингов.

Суп и хлеб быстро отправились в изголодавшиеся животы, а за ними последовал горячий крепкий чай.

Грета села на стул рядом с Файрбоу, чтобы нанести ему на раны мазь из маленькой зеленой баночки. Средство сильно пахло имбирем и явно жгло. Не стерпев боли, Файрбоу закричал, но Грета успокаивающе заверила его, что имбирь сотворит чудеса исцеления. *Если,* — добавила она, переглянувшись с мужем, — *на пути в Уэльс не будет новых несчастных случаев.*

— Это будет зависеть от поведения узника, — сказал Джулиан, макая в остатки супа кусок хлеба. Он явно не собирался оставлять ни крошки. — Мэтью и я благодарим вас за гостеприимство, но, боюсь, нам пора уходить.

— Но ваша четверка не готова снова отправиться в путь! — возмутился Оливер. — Лошадки сильные, но нельзя ж гнать их без продыху!

— Они справятся. Им придется. Иного не дано. И еще, если ты сжалишься над этим джентльменом, — Джулиан покосился на Файрбоу, — и продашь ему пару чулок, будем рады. Кажется, он жаловался, что у него мерзнут ноги.

— У меня всего две пары, и я их не продам, — последовал ответ. — В наших краях шерсть найти непросто. Да и дорого.

У Мэтью мелькнула мысль, и он понял, что должен был додуматься до этого раньше.

— Багажное отделение экипажа, — шепнул он Джулиану. — Мой… гм… эскорт, наверное, взял с собой вещи. Там могут быть теплые чулки.

— Твой эскорт? — переспросила Грета, но осеклась. — Никаких вопросов от меня. — И она демонстративно начала убирать посуду.

— Прошу, проверьте карету! — почти умоляюще заныл Файрбоу. — Если хотите, чтобы я живым добрался до той чертовой деревни, ради Бога, проявите милость!

— Я тоже не буду задавать вопросов, — нахмурился Оливер, допив чай одним глотком и выходя из-за стола. — Принесу еще поленьев! — предупредил он жену, обернувшись через плечо.

— Сходи, проверь карету, — решился Джулиан. — А потом нам надо будет ехать дальше, независимо от того, готовы к этому лошади или нет.

Прежде чем выйти на улицу Мэтью надел шубу из шкуры белого медведя и перчатки, укутавшись в свое одеяние как можно плотнее. Ветер хлестнул его по лицу с такой силой, что он на миг растерялся. Несмотря на то, что на часах было около трех дня, небо из светло-серого уже превратилось в темно-синее. Начались сумерки.

Спасаясь от непогоды, Мэтью пригнул голову и не без труда доплелся до кареты. Проверив багажное отделение, он с удовлетворением отметил, что там и вправду хранятся вещи: он обнаружил коричневую холщовую сумку.

Взяв вещи и закрыв багажный отсек, он заспешил обратно, в тепло, но его остановило лошадиное ржание.

Мэтью замер.

Неужели ему послышалось? Ветер порой играл с воображением злую шутку, но сейчас Мэтью мог поклясться, что из амбара донесся какой-то звук. Амбар стоял чуть левее, примерно в тридцати ярдах от его нынешнего местоположения. И звук… действительно ли он донесся оттуда, или с дороги, что огибала постройку позади и сворачивала в лес?

Нет, нет, это беспокойные кони в амбаре, — увещевал себя Мэтью. *— И еще проделки ветра. У меня разыгралось воображение. В такую погоду невозможно точно определить, откуда исходит звук…*

Мэтью понимал: дело в усталости. Вот и все.

И все же…

Краем левого глаза он заметил какое-то движение — от дерева к дереву. Темная фигура мелькнула между темными стволами. Мэтью стал пристально вглядываться в полосу леса, но ничего странного больше не увидел. Просто снег и ветер… шутят с его зрением и слухом.

Лучше вернуться в дом, — подумал он. *— Лучше как можно быстрее проверить эту сумку и убраться отсюда.*

Войдя в дом, Мэтью стал разбирать сумку прямо на столе, а остальные молча наблюдали за ним — особенно Файрбоу, его глаза светились надеждой. Мэтью поочередно извлек несколько сорочек, две пары бриджей, пару потертых черных сапог и… пару шерстяных чулок.

— Слава Богу! — воскликнул Файрбоу, хватая чулки, сорочку, бриджи и сапоги. — Я примерю их прямо сейчас! — И, не соблюдая приличий и не обращая внимания на хозяев, он встал перед очагом, сбросил халат и — совершенно нагой — расселся на полу, принявшись натягивать чулки, которые оказались ему впору. Следом пришел черед бриджей, которые были велики в талии, и сапог, давящих на пальцы так, что, едва

примерив их, Файрбоу скривился. Сорочка же села хорошо, хотя и чуть болталась на плечах.

Стоило Файрбоу подняться, как его бриджи свалились до колен.

— Хм… — задумчиво протянул Отри, заметив, что его супруга с удовольствием созерцает сие зрелище. — У меня есть тонкая веревка, которая как раз сможет удержать штаны на месте. Это будет стоить вам шиллинг.

Джулиан без комментариев протянул ему монету, и Отри вручил ее Грете с победной улыбкой процветающего дельца. Не мешкая, он отправился за веревкой, а Файрбоу остался стоять, старательно поддерживая мешковатые бриджи руками. Элизабет не могла не усмехнуться, наблюдая доктора в столь печальном амплуа.

Мэтью подошел к одному из окон и осторожно отодвинул штору.

— Что там? — резко спросил Джулиан, подходя к нему.

— Ничего особенного. Но, ты прав, пора отправляться в путь. — Напряжение в собственном голосе удивило и даже обеспокоило Мэтью. Неужели он все-таки видел кого-то там, в сумерках?

— Уже давно пора. Отри! — раздраженно воскликнул Джулиан. — Поспеши, ладно? — Он тоже выглянул в окно, но темнота и снег ухудшали видимость, не давая ничего разглядеть дальше нескольких ярдов.

Отри вернулся с длинной веревкой и небольшим ножом. Пока Джулиан караулил Файрбоу, чтобы тот не вздумал перехватить нож, Отри сделал на бриджах несколько оскорбительных надрезов и продел через них веревку, создав тем самым импровизированный пояс.

— Затяни ее хорошенько и завяжи на узел, — приказал он. Когда доктор повиновался, Отри удовлетворенно кивнул и отошел на несколько шагов, любуясь своей хорошо проделанной работой. — Вот, пожалуйста, — сказал он. — Красиво, словно оленья шкура на заднице бобра!

Файрбоу вновь облачился в халат. Он ему не нравился, но был теплым, так что выбирать не приходилось. Когда путники уже вознамерились покинуть гостиницу, Отри вдруг замер посреди комнаты.

— Слышите? — спросил он.

Мэтью слышал только свист ветра за окном и треск поленьев в очаге.

— Вот! Снова! Слышите? Это лошадь кричит! — Отри пронесся мимо Мэтью и Джулиана к окну. Очевидно, за восемь лет работы в этой гостинице любой нехарактерный звук тут же

привлекал его внимание. Отри оттолкнул штору в сторону, и стоило ему это сделать, как его лицо озарилось оранжевым светом.

— О, мой Бог! — прошептал он с широко распахнутыми от ужаса глазами. — Амбар горит!

Глава двадцать восьмая

Мэтью и Джулиан в одно мгновение оказались рядом с Отри, прильнув к окну, Грета же бросилась ко второму и нервно оттолкнула прочь занавеску. Испуганное лошадиное ржание вновь болезненно прорезало воздух. Мэтью увидел в окне, как в щелях меж стеновыми досками амбара пляшут отблески огня.

— Ха! — безучастно хмыкнул Файрбоу. — Вот кошки и поймали мышек.

Не сказав ни слова, Джулиан отвернулся от окна, преодолел в два шага расстояние, разделявшее его с Файрбоу, и уложил доктора на пол одним мощным ударом в челюсть.

— Я должен пойти туда! — тревожно выкрикнул Отри, решительно зашагав к двери.

— Нет! — командным голосом остановил его Джулиан, и, похоже, в одном этом слове прозвучало достаточно бескомпромиссной настойчивости, чтобы остановить хозяина придорожной гостиницы. — Они будут поджидать выходящих!

У Отри было много вопросов к своим постояльцам, но он понимал, что сейчас явно не подходящий момент для того, чтобы расспрашивать их.

— Но я… я *должен,* — с нажимом ответил Отри, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Лицо его заметно побледнело, губы сделались серыми, как воск. Он простонал почти с мольбой: — Лошади! Они же там сгорят заживо! Так нельзя…

Это замечание было встречено напряженным молчанием.

Мэтью почувствовал, как страх сжимает ему горло и заполняет все его нутро, но заставил себя проглотить тяжелый ком и поступить *правильно*.

— Я пойду с вами, — с мрачной решимостью заявил он, извлекая из кармана шубы пистолет.

Глаза Отри изумленно округлились, но прежде чем он успел что-то сказать, зазвучал голос Элизабет:

— Мэтью, позволь *мне* выйти к нему! Я могу…

— Верно. Отпустите ее! — проскрипел Файрбоу, не поднимаясь с пола. — А потом я сообщу Лэшу, что она предательница, и он сразу же…

Джулиан безжалостно надавил сапогом прямо на горло доктора. Речь его сразу же оборвалась, превратившись в сдавленное бульканье.

— Что-то не припомню, чтобы кто-то здесь интересовался

мнением ночного горшка, — процедил он.

— Слушайте, как хотите, но я выхожу! — заявил Отри. Он открыл дверь, Мэтью тут же взвел курок и последовал за ним. Джулиан попытался остановить их, закричав что-то им вслед, но Мэтью, оказавшись во власти зимнего ветра и снегопада, слов не разобрал, он лишь сумел уловить страх, звучавший в голосе напарника. Они с Отри бросились к амбару почти наперегонки. По мере приближения к пожару оранжевый свет пламени, извивавшегося меж досками стен, становился все ярче; показались завитки дыма, что сочились из всех щелей амбара и разносились по ветру.

Они отошли от дома примерно футов на двадцать, когда Мэтью заметил белую вспышку выстрела в лесу через дорогу, а миг спустя услышал странный треск. Отри резко вскрикнул от боли, схватился за правое бедро, пошатнулся и упал. Мэтью рухнул на колени рядом с ним, уже набрав в рот ледяного воздуха, чтобы заговорить, но Отри опередил его:

— Лошади! — со взглядом, полным отчаяния, прохрипел он, ухватив Мэтью за шубу окровавленной рукой. — Не дай им сгореть!

Времени на то, чтобы оценивать риск, не оставалось — как и на то, чтобы прикинуть, найдет ли следующая пуля свою истинную цель. Времени не было вообще ни на что…

Мэтью кивнул, вскочил и опрометью бросился к амбару, ожидая еще одного выстрела, но его не последовало. Кто бы ни стрелял несколько секунд назад, сейчас он явно не собирался делать это снова — возможно, искал более выгодную огневую позицию или подбирался ближе. Мэтью подумал, что Лэш наверняка пришел не один, он мог взять с собой своих наемников или даже заручиться помощью всей банды убийц, явившейся на его аукцион. Если это так, шансов у них с Джулианом, почти не осталось.

Когда он добрался до амбара и сбросил тяжелый запорный брус, мимо его правого уха просвистела еще одна пуля и яростно вонзилась в дерево. Сквозь взметнувшуюся внутри панику Мэтью понял, что стрелок занял позицию, с которой мог запросто обстреливать амбар, хотя и находился со стороны менее широкой его стены. Дожидаться третьего выстрела Мэтью совершенно не хотел, поэтому, не мешкая, распахнул дверь и всем телом подался внутрь амбара, почти мгновенно отпрянув, потому что навстречу ему бросились нестерпимый жар и ревущее пламя. В голове пронеслась мысль о том, что силуэт, подсвеченный огнем, представляет собой отчетливую мишень. Пришлось, отринув страх, броситься прямо навстречу пожару.

Вопреки ожиданиям, помещение еще не превратилось в кромешный ад, однако одна из лежавших внутри куч сена, была охвачена яростным пламенем, напоминая хорошо промасленный факел.

Повсюду витали запахи горящего сена и дерева, перемежавшиеся вонью китового жира. Мэтью невольно закашлялся, вдохнув едкую смесь, наполнявшую воздух. В следующий миг ему пришлось уворачиваться от несущегося на него огромного силуэта: одна из тяжеловозных лошадей Лэша сумела освободиться от привязи и понеслась прямо на Мэтью, едва не затоптав его. Еще одна лошадь — должно быть, принадлежавшая чете Отри, — тоже успела высвободиться и проскакала мимо Мэтью с перепуганным ржанием.

Чудом избежав столкновения со спасавшимися от пожара животными, Мэтью начал растерянно озираться по сторонам, высматривая оставшихся коней и пытаясь разведать обстановку. Приходилось попутно думать о том, чтобы вдыхать как можно реже, потому что каждый глубокий вдох грозился вызвать приступ надсадного кашля.

Куча сена, охваченная пламенем, с каждой секундой разгоралась все сильнее. Огню было недостаточно поглотить только верхний слой — он жадно проникал глубже, разъедая сухую траву, словно кислота, и постепенно добираясь до самого пола, попутно разрастаясь вширь. Казалось, пламя было ненасытным неистовым зверем, которого всю жизнь морили голодом, и теперь, обретя свободу, он намеревался во что бы то ни стало наполнить свое прожорливое брюхо. Добравшись до края кучи сена, огонь уже начал облизывать деревянные доски креплений амбара. На этих участках сила его заметно ослабевала — дерево оказалось не таким податливым, как сухая трава, и нужно было время, чтобы заставить его как следует разгореться. Однако рано или поздно крепление падет перед неубывающим напором огненной стихии — это было неизбежно.

В условиях напористого пламени Мэтью казалось, что дыма должно быть больше. Он догадался, что сено было достаточно сухим и лишь немного отсырело за счет повысившейся в последние дни влажности. По мере того, как накопившаяся влага испарялась белыми мазками, пламя становилось почти бесцветным, напоминая чистое огненное марево. Хлопья пепла и искры, то и дело взлетавшие к самому потолку, тихо дрейфовали под ним, а попадая в более холодные слои воздуха, стремительно теряли подъемную силу и опускались вниз. Отовсюду раздавались щелчки, когда на пути огня попадались особенно твердые или крупные стебли растений.

Температура заметно повышалась. У Мэтью резко пересохло во рту, удушливый, полный порхающего пепла, дыма и вони воздух, вызывал в легких панические спазмы. Со слезящимися от вездесущего жара глазами Мэтью уткнулся ртом и носом в собственное предплечье, стараясь раздобыть хоть глоток более-менее чистого воздуха. Шуба, похоже, задерживала б*о*льшую часть едких примесей и позволяла немного нормализовать дыхание. Следующая мысль заставила Мэтью ужаснуться сильнее прежнего: мех ведь может гореть не хуже сена, поэтому, если он сам не хочет превратиться в пылающий факел, придется быть максимально осторожным с кружащими повсюду фрагментами горящей травы и искрами. Стоит шубе загореться, спасать ее будет бессмысленно — придется тотчас же избавляться от нее.

Пока Мэтью осматривался, несколько тлеющих травинок, не успевших потухнуть за время своего кратковременного полета, опустились на пол и стали новыми очагами возгорания.

Нужно было спешить.

Оставшиеся лошади из упряжки Лэша отчаянно ржали и рвались с привязей. Еще одна мечущаяся в панике кобыла — чуть меньших размеров — оказалась в ловушке, когда пламя охватило новую кучу сена в задней части амбара.

На глаза попалась лопата, прислоненная к стене у двери. Мэтью сунул пистолет за пояс, схватил лопату и бросился в дальний конец амбара, чтобы освободить лошадь Отри. По пути ему пришлось обогнуть несколько лужиц огня, жадно пожиравшего разбросанное сено. Он думал о том, чтобы попытаться полностью сдвинуть стог, поймавший в ловушку кобылу, но вынужден был отринуть эту идею, потому что наткнулся даже не на остатки высушенной горящей травы, а на островок чистейшего пламени. Казалось, оно обрушится на любого, кто попытается его тронуть, и погребет смельчака под собой в считанные мгновения.

Глаза Мэтью заслезились от нестерпимого жара: казалось, даже воздух приобрел угрожающе красный оттенок. Опустив взгляд, Мэтью с ужасом понял, что и пол здесь устлан сухим сеном — вероятно, изначально этот настил был сделан для удобства обслуживания лошадей, но в условиях пожара сухая трава стала проторенной тропой для всепоглощающего огня. Спасало лишь то, что слой сена был неплотным, и пламя не успело разгуляться во весь опор. Мэтью понял, что, возможно, сумеет совладать со стихией на этом коротком участке, если поторопится. С трудом вынося жар и то и дело заходясь в приступах кашля, он вытянул лопату на максимально возможное расстояние, отодвинул достаточно горящего сена, чтобы кобыла

сумела увидеть выход. Пламя бросилось навстречу Мэтью, раскрывая свои смертоносные объятия.

Лошадь, по счастью, оказалась понятливой, и, как только в стене огня обнаружился просвет, пронеслась мимо своего спасителя, почти сразу исчезнув за пределами амбара. В этот момент вторая куча сена — видимо, значительно прогорев и потеряв способность сохранять изначальную форму, — начала проседать, высота ее уменьшилась почти вдвое, в воздух полетели угрожающие снопы искр.

Мэтью отпрянул подальше от этого обвала, опасаясь, что шуба все же загорится. От бушевавшего повсюду жара тело его обливалось потом, панические мысли подстегивали убираться отсюда как можно скорее, но в беде оставалось еще три лошади, и Мэтью не мог бросить их. Снова сделав глубокий вдох через рукав, он сосредоточился на попавших в беду животных.

Тем временем дыма становилось все больше: пламя постепенно добиралось до более глубоких слоев сена, пропитавшихся влагой. Белые едкие клубы заполняли амбар, и лишь незначительную их часть утягивало сквозь щели в стенах и потолке.

Затуманенным от жара взглядом Мэтью разглядел, как сквозь огонь к нему направляется чья-то фигура.

— Ах! — торжественно воскликнул Бертран Монтегю. — Самозваный барон Брюкс заявился сюда собственной персоной, чтобы умереть. — Он поднял пистолет, который, Мэтью не сомневался, был перезаряжен и готов прикончить его.

Но прежде, чем Монтегю успел нажать на спусковой крючок, раздался еще один выстрел. Убийца странно дернулся, качнулся вперед и повернулся, словно танцуя странный менуэт. Пистолет в его руке с грохотом выстрелил, и пуля угодила в горящее сено, взметнув в воздух еще один сноп искр. Монтегю упал на колени, издав тихий стон, затем повалился на живот, и Мэтью увидел кровоточащую рану у него на спине. Он поднял взгляд, чтобы рассмотреть своего спасителя.

— Тот, кто стрелять в моего мужа и пытаться сжечь лошадей, не достоин жить — с мрачной торжественностью произнесла Грета Отри, прижимая к себе дымящийся мушкет. Затем она рассеянно моргнула, ошеломленная тем, что только что совершила, но быстро взяла себя в руки и добавила: — Ничего не спрашивать.

— Помогите мне, — попросил Мэтью, придя в себя.

В меру возможностей защищаясь от расползавшегося пламени, они бросились на помощь перепуганным животным, рискуя угодить под их копыта. Двоих удалось освободить

довольно быстро — лошади стояли чуть дальше от основного очага возгорания, однако третья кобыла обезумела, начав брыкаться и подпрыгивать так яростно, что ни Мэтью, ни Грета не могли к ней подобраться.

Условия все ухудшались: огонь становился жарче по мере того, как занималось остальное сено. Амбар заполнял едкий дым, затуманивая взор и не позволяя толком дышать. Жар обжигал открытые участки тела: руки, лицо и шею. Глаза пересохли и болели, и с каждой секундой все труднее становилось бороться с желанием закрыть их и не открывать. Мэтью подумал, что, должно быть, именно так чувствуют себя запертые в аду грешники.

Не теряя бдительности, он поглядывал на открытую дверь амбара, ожидая новых выстрелов от команды убийц Лэша. Вместе с тем они с Гретой вознамерились снова подобраться к лошади, однако та в панике сумела оторвать перекладину, к которой ее привязали, и рвануть с места. Лишь чудом не зацепив своих несостоявшихся спасителей, кобыла галопом пронеслась мимо них, волоча за собой массивный кусок дерева на веревке. На пути ей попалась охваченная огнем кормушка соседнего стойла с ворохом сена. Лошадь без труда перепрыгнула ее, однако деревянный брус зацепился за нее и повлек горящую кормушку вслед за животным, которое теперь словно было запряжено в адскую колесницу. Огненный шлейф и бушующий дождь из искр понеслись наружу.

Мэтью и Грета ошеломленно огляделись. Шансов на то, что огонь удастся потушить, не оставалось — похоже, амбар был обречен. Оставаться здесь было больше нельзя: горящий дым обжигал гортань и легкие, вызывал удушливые спазмы, разъедал глаза, отчего они болели и нещадно чесались. Мэтью и Грета чувствовали, как с каждой секундой им обоим становится все хуже.

Они должны были вернуться в дом, а для этого предстояло преодолеть расстояние в тридцать ярдов. Мэтью прикинул, что на месте стрелка занял бы позицию, с которой лучше всего просматривался дверной проем амбара. Только где этот стрелок может прятаться? Через дорогу в лесу? Нет, за такое время он наверняка подобрался ближе. Где же тогда? В укрытии за экипажем?

Кто-то снаружи окликнул Монтегю, и по акценту Мэтью сквозь потрескивание и гул пламени узнал акцент Сандора Краковски. Похоже, самое худшее предположение оказалось верным: Лэш привел с собой всю банду. Кардинал Блэк и Филин тоже здесь?

Вспомнив, какое количество оружия из корзины в доме Лэша было выброшено в кусты в порыве эмоционального протеста, Мэтью едва не стукнул себя по лбу от досады: если убийцы принесли все это с собой, то вскоре им с Джулианом предстоит иметь дело с маленькой армией. Можно было воспользоваться пороховницей Богена, но для этого нужно было добраться до экипажа — при себе, в кармане жакета, Мэтью имел только сумку с кремниями и патронами. Стоило ли попытаться добыть до пороха? Вероятно, да, потому что у Джулиана его точно нет.

Все это промелькнуло у него в голове за считанные секунды, и Мэтью понял: других вариантов нет, нужно идти к экипажу. Понимая, что в собственном пистолете у него всего одна пуля, Мэтью поморщился, но вытащил оружие из-под шубы и приготовился. Бесстрашная Грета Отри в это время смотрела в окно, выискивая врагов и прислоняя к боку мушкет.

Дым становился все гуще, рваными клоками клубясь вокруг, усугубляя и без того напряженную обстановку. Усеивающий воздух пепел оседал на плечи и головы Мэтью и Греты, создавая впечатление, что они угодили под серовато-черный снегопад.

— Грета! — окликнул Мэтью, подходя к ней сзади. Голос его приглушал рукав, через который он дышал. — У вас остались еще пули для мушкета?

— Упаковка, — обронила она, все еще настороженно глядя на зловещую полосу леса через дорогу.

— А порох?

— Полмешка.

— Хорошо, — с облегчением сказал Мэтью. Выходит, к карете, становясь удобной мишенью для стрелка, бежать не придется. Мэтью выглянул в окно поверх плеча Греты и заметил, что к дому ползет Оливер Отри. — Послушайте, я пойду вперед и выстрелю. Как только я это сделаю, вам нужно бежать к дому. Вы готовы?

Она решительно кивнула.

Мэтью сделал глубокий вдох через рукав, с трудом не закашлявшись, и вышел на улицу.

Оказавшись во власти зимнего холода, Мэтью едва не потерял сознание — ему показалось, что его окатили студеной водой. Вдыхать морозный воздух было больно, потому что он тоже обжигал — но не жаром, а холодом.

Собрав волю в кулак, Мэтью решил выстрелить в направлении экипажа. Под аккомпанемент оглушительного грохота Грета побежала. В этот момент Мэтью заметил, что под каретой кто-то прячется, лежа на животе.

Бежать! — подсказал ему страх. Едва он попытался

последовать этому совету, как раздался выстрел, и Мэтью почувствовал, как пуля с силой рванула его левый рукав чуть выше локтя. Кто-то еще выстрелил в него — на этот раз из леса… но из-за намокшего пороха выла осечка.

Грета к этому моменту успела добраться до своего мужа и помогла ему подняться. Со своего места Мэтью понял, что передвигаться сам Отри был не в состоянии. Грета обхватила его, став ему опорой, и вместе они направились к дому. Входная дверь была предусмотрительно распахнута, в дверном проеме стоял Джулиан, призывно подгоняя хозяев гостиницы и своего дрожащего напарника, который уже, спотыкаясь, несся к дому. В ошеломленном разуме Мэтью бешено стучали мысли, как близок он был к тому, чтобы словить две пули.

Стоило всем переступить порог, Джулиан тут же захлопнул и запер дверь. Элизабет стояла, прислонившись к дальней стене, словно та могла дать ей укрытие. Файрбоу держался на удивление самоуверенно, несмотря на отрезанное ухо, порез на лбу и недавно рассеченную губу — своим видом он буквально напрашивался на еще один удар Джулиана.

Грета помогла мужу опуститься на пол.

— Проклятье! — со злостью простонал он. Дыхание было тяжелым, лицо кривилось от сильной боли. Судя по всему, пуля повредила ему бедренную кость. — Отличный выстрел в спину, леди! — проскрипел он, натянув на лицо нервную улыбку. — Кажись, у меня что-то сломано.

Грета обеспокоенно посмотрела на присутствующих. Взгляд ее замер на Джулиане, который достал свой пистолет и отодвинул шторы на окне, чтобы разведать обстановку.

— Кто они? — спросила Грета.

— Плохие люди, — ответил ей плохой человек.

— Лошадям удалось спастись, — сообщил Мэтью, рассматривая входное и выходное отверстия от пули на левом рукаве своей шубы.

— Я видел, — мрачно сказал Джулиан.

— За мной пришел Монтегю, — продолжил Мэтью свой рассказ. — Грета застрелила его и спасла мне жизнь.

— Монтегю, — эхом повторил Джулиан, до рези в глазах всматриваясь в снежную тьму. — Значит, Лэш привел остальных…

— Позволь мне поговорить с ним! — настаивала Элизабет. — *Пожалуйста*, Мэтью!

— И что ты ему скажешь? — спросил Джулиан. Несмотря на напряженную обстановку, голос его звучал ровно и спокойно, как если бы он вел тихую светскую беседу в вестибюле «Герба

Мейфэра». — Попробуешь с ним поторговаться? И что поставишь на кон? Нам нужны книга и доктор, и, Богом клянусь, мы не отдадим ни то, ни…

Из-под экипажа снова грянул пистолетный выстрел, и Джулиан едва успел отклониться. Пуля влетела в окно, по которому мгновенно расползлась паутина трещин, и ударилась о камни камина, срикошетив от них.

— … ни другое, — спокойно закончил Джулиан, даже не изменив тон. — Лэш все равно собирается нас убить, даже если мы отдадим ему книгу, доктора и тебя, так какой смысл вести переговоры?

— Я попробовала бы выторговать для вас быструю смерть, — ответила Элизабет. — Ты же понимаешь, что вы в меньшинстве. Вам не уйти, это место окружено!

— Что вы навлекли на нас? — спросила Грета со слезами на глазах. — *Mein Gott*, мы здесь *умирать*?

— Все рано или поздно умрут, мадам, — ответил Джулиан, не глядя на нее. — К сожалению, это правда жизни: в большинстве случаев мы не властны вершить свою судьбу. Я скажу, что если бы моей последней трапезой был ваш прекрасный куриный суп, я не стал бы и мечтать о лучшей еде. — Наконец, он взглянул на нее, и, возможно, только Мэтью заметил мимолетное выражение печали, промелькнувшее на его лице. — Приношу вам свои извинения за все происходящее, — сказал он. — Но мы еще не умерли. Пожалуйста, перезарядите мушкет и дайте мне немного пороха и патронов, если у вас есть запас. Вероятно, здесь очень скоро станет жарко.

— У меня есть патроны и кремни. — Мэтью достал из кармана жакета сумку с бахромой, принадлежавшую Богену.

— Я видел, как ты выстрелил, — кивнул Джулиан. — Так что перезарядись и иди к задней двери. — Он перевел взгляд на Грету Отри. — Мадам, мушкет и порох?

Грета колебалась, на ее лице все еще лежала тень отвлеченности. Из этого состояния ее вывел голос мужа, который попросил ее поторопиться. Послушавшись Оливера, она вышла из комнаты и вскоре вернулась с порохом. Мэтью к этому моменту успел перезарядить пистолет пулей и кусочком хлопкового пыжа из сумки. Когда Грета протянула ему пороховницу, он засыпал нужное количество пороха и утрамбовал все маленьким шомполом, который был закреплен под стволом.

Закончив с пистолетом, Мэтью сделал шаг в сторону задней части дома, но его остановил голос, донесшийся с улицы.

— Господа, ваша позиция весьма невыгодная! — насмешливо выкрикнул Лэш из своего укрытия. Голос его звучал немного

искаженно из-за разбитого окна. — Сдавайтесь, положим конец этому абсурду!

Файрбоу вскочил с пола и закричал:

— Лэш! Вытащи меня отсюда!

— Иди к черному входу, Мэтью, — тихо скомандовал Джулиан. — Будь готов перезарядить оружие.

— Лэш! — снова возопил Файрбоу, повернувшись ко второму окну. — Помоги мне!

— Терпение, доктор! — отозвался вице-адмирал. — Всему свое время.

— Они посылают Корбетта к…

Договорить Файрбоу не успел: Джулиан набросился на него, схватил за ворот халата и крутанул с такой силой, что доктор чуть не угодил прямиком в огонь камина. Под аккомпанемент его крика Мэтью скрылся в коридоре… и тут же понял, что опоздал, почувствовав порыв холодного ветра. Сандор Краковски, одетый в коричневое вельветовое пальто и шерстяную шапку, прикрывавшую его лысую голосу, только что проник в дом через черный вход.

Они заметили друг друга одновременно, оба вскинули оружие и выстрелили с расстояния двенадцати футов, и каждый попытался увернуться от пули противника.

В грохоте пальбы и клубах голубого дыма Мэтью почувствовал, как пуля обожгла ему правую щеку, к тому же сила выстрела отбросила его назад. Перед глазами у него заплясали разноцветные звездочки, на мгновение все вокруг сделалось кроваво-красным, а сам коридор, казалось, начал пульсировать, как надрывающееся сердце.

Мэтью знал, что в него попали, но попал ли он в Краковски?

Ответ обрушился на него, словно разъяренный бык.

Краковски ударил Мэтью пустым пистолетом по левому плечу и сбил его с ног. Мэтью потерял оружие, но у него хватило ума откатиться от ботинка со стальным мысом, который целился в его голову. Он все еще был ошеломлен выстрелом, но не настолько, чтобы не понимать, что пришло время в очередной раз побороться за свою жизнь. Кричать было бесполезно — Джулиан не сможет помочь, потому что, стоит оставить Файрбоу без присмотра, как тот сразу выбежит за дверь, а в дом ворвется остальная банда убийц.

Кровь струилась из раны на пылающей болью щеке. В отчаянии Мэтью вытащил из-за пояса кинжал Альбиона с рукоятью из слоновой кости и вонзил его в клубящийся воздух — туда, где секунду назад находился Краковски. Бандиту удалось избежать удара, а затем… взмах пустого пистолета,

взметнувшееся колено, тяжелый кулак — и вот Мэтью уже лежал, распластанный на полу и дезориентированный. Кинжал выпал из его онемевших пальцев. Мэтью попытался отползти в сторону, но рука противника ухватила его за шубу, а затем зажала горло в удушающем захвате так, что глаза едва не вылетели из орбит.

Постепенно тухнувшим взглядом Мэтью смотрел на переднюю часть дома, и вдруг сквозь дым, пелену боли и нехватку воздуха он увидел, как кинжал поднимает *она*.

Он увидел ее взгляд, направленный на клинок, и заметил произошедшую с нею перемену. Элизабет будила Дикарку Лиззи, покоившуюся на дне ее души. Она делала это, чтобы спасти брата по «Семейству», а Сандор Краковски даже не догадывался, какая над ним нависла опасность. О, если б он знал, то в тот же миг отпустил бы Мэтью и помчался прочь, спасая свою жизнь.

Но было уже поздно.

Лицо Элизабет превратилось в восковую маску, как будто скрывавшееся под ней существо решило проявить собственную личину. Ее глаза — обычно такие теплые — приобрели холодный, жесткий черный блеск. Рот искривился, словно у жаждущего крови зверя. Тело ее напряглось, как пружина, готовая вот-вот распрямиться. Ее снедало неведомое Мэтью желание, которое могло быть утолено только кровью.

Элизабет двинулась на Краковски, как безмолвный дух, плывущий сквозь пороховой дым. Глаза ее, подернутые поволокой, казались пепельно-серыми, слегка искривленный рот обнажал оскал, а кинжал в ее руке был высоко поднят.

Она была так быстра, что ее движения сливались в единое размытое пятно.

Уследить, куда именно она поразила Краковски, было невозможно, но он взвыл от боли, и Мэтью, хватая ртом воздух, безвольно повалился на пол. Споткнувшись об него, Краковски пошатнулся и упал, и Дикарка Лиззи вновь метнулась к нему, проведя ножом кровавый росчерк по его щеке и превратив глаз в белые сочащиеся ошметки. Краковски издал животный вопль, в котором смешались страх и ярость, а затем вскочил с пола.

Мэтью старался как можно быстрее прийти в себя, но нормализовать дыхание ему пока не удавалось. Он заметил, как Краковски скользнул рукой в карман пальто, и на его правой руке появился кастет, усеянный гвоздями.

Если Дикарка Лиззи и заметила это, то не подала вида. А возможно, это придало ей еще больше ярости, потому что она бросилась на Краковски с криком искаженного радостного самозабвения. Кинжал Альбиона вонзался в лицо, шею и грудь бандита.

В попытке помочь Элизабет, Мэтью ухватил Краковски за ноги. Тот пошатнулся, но сумел устоять, таща Мэтью за собой. Зарычав, как дикий зверь, Краковски начал наносить удар за ударом. Попытки Мэтью лишить его равновесия не приносили никакого результата. Дикарка Лиззи при этом вцепилась в Краковски, словно усеянная шипами дикая роза, наслаждаясь каждым звериным воплем своего противника, который держался на ногах лишь благодаря силе воли.

… И вдруг Краковски рухнул, словно огромное толстое дерево, получившее последний удар топора. Мэтью едва успел отползти в сторону. Дрожа всем телом, он нашел взглядом Дикарку Лиззи. Она тоже сидела на полу, прислонившись к стене, и отрешенно смотрела на кинжал в своей руке, а из ран, разорвавших ей горло, стремительно вытекала жизнь.

В коридоре явно был кто-то еще — Грета Отри стояла в шаге от этого человека, нацелив на него мушкет. Мэтью с трудом поднялся и, все еще двигаясь медленно, будто в полусне, проследил за взглядом Греты. Она напряженно смотрела на заднюю дверь, через которую в дом входила Львица Соваж, одетая в пальто из львиной шкуры, с пистолетом в каждой руке.

Мэтью отдался на милость своей судьбы.

Несмотря на ужас, творящийся вокруг, ему вдруг показалось, что пространство окутано зловещим спокойствием. Даже его сердце и легкие впитали этот покой — словно сам хаос достиг своего апогея и рухнул, и за его разорванной в клочья завесой возник проблеск другого мира, где жизнь и смерть слились в странном и величественном танце.

Мэтью взял у Греты мушкет.

Он шагнул — вернее, подплыл, словно все в том же сне — к Львице Соваж, которая тем временем медленно подняла один из пистолетов и нажала на спусковой крючок. Со свистом из ее кремневого оружия вылетело три искры и облачко дыма… но не пуля. Лицо Львицы исказилось, она стиснула зубы и начала поднимать второй пистолет.

Мэтью нажал на спусковой крючок мушкета, хоть и не помнил, как прицелился. Ему пришло в голову, что если Грета еще не перезарядила оружие, то ему конец.

Порох Греты оказался сухим.

Мушкет был заряжен и отлично сработал.

Львица, окруженная клубами голубого дыма, вылетела за дверь и исчезла, словно ее и не было. Мэтью заставил свои непослушные ноги выйти за ней на улицу, но Львицы и след простыл. Опустив взгляд, Мэтью заметил темные полосы на снегу и понял, что мадам Соваж, как минимум, ранена. Он тихонько

закрыл дверь, словно не желая тревожить мертвых, и искренне пожалел, что на черном входе нет засова.

На некоторое время Мэтью показалось, что он провалился в забытье, однако, как выяснилось, он не терял сознания. Что-то повлекло его к стене, на которую опиралась Элизабет. Попутно он успел вернуть Грете мушкет и даже обратить внимание на то, как от ужаса посерело ее лицо.

— Спасибо, — тихо произнес он и добавил: — Я бы не отказался от чашки чая.

Мэтью казалось, что вместо него к Грете Отри обращался кто-то другой. Никакого чая ему не хотелось, единственное, о чем он мечтал, это найти место, где люди не убивают друг друга ради выгоды и развлечения, и затеряться там навсегда.

Грета попятилась от него, очевидно, решив, что он находится на грани безумия. Мэтью не обратил на это внимания.

Лишь оказавшись подле Дикарки Лиззи, он начал постепенно чувствовать связь с реальностью. Устало вздохнув, он опустился рядом с Элизабет и положил свою братскую руку на плечо сестры. Краковски нанес ей несколько глубоких ран, и, если б не рана на горле, у нее был бы шанс оправиться, но… жестокая судьба решила оставить Элизабет Маллой еще лишь несколько минут.

Мэтью просто сидел рядом с ней в коридоре и обнимал ее за плечи, пока она, продолжая истекать кровью, прижималась к нему головой. Вдруг она чуть наклонилась к его уху и что-то прошептала. Разобрать ее речь было почти невозможно, хотя Мэтью отчаянно пытался.

Элизабет собрала остатки сил, и на этот раз Мэтью удалось уловить первое слово:

— *Спаси*, — сказала она.

Он молча кивнул в знак понимания.

— *Спаси ее*, — закончила Элизабет.

Наконец он понял, что она имела в виду.

Она говорила о Берри. *Берри — женщина, которую я люблю и на которой хочу жениться, если смогу ее спасти,* — сказал он тогда в комнате у ямы.

Похоже, весь аукцион Лэша произвел на Элизабет меньшее впечатление, чем отчаянная попытка Мэтью спасти Берри. Вероятно, даже Дикарка Лиззи сочла этот поступок благородным, потому что ни один мужчина не стал бы так рисковать *ради нее*. И вправду, разве хоть один мужчина согласился бы умереть ради нее?

Вряд ли. На деле она была лишь марионеткой Лэша, не властная решать, в какую сторону направить свой корабль.

Когда Элизабет сделала свой последний вздох, Мэтью отчего-

то показалось, что она устала… смертельно устала быть двумя людьми одновременно и тянуть за собой груз той истории, что она рассказала ему в экипаже.

С грустью Мэтью осознал, что смерть Элизабет освобождает его от необходимости не причинять вреда Самсону Лэшу. Да, в прошлом вице-адмирал спас ее от Бедлама и сделал своей компаньонкой, поэтому она не могла позволить кому-либо навредить ему, пока ее сердце билось. Желание помочь Мэтью и уберечь Лэша разрывало ее на части, утягивало ее корабль в жуткий шторм. Теперь — настал штиль.

— Покойся с миром, — сказал Мэтью, но Элизабет не слышала его. Она была мертва.

Он попытался забрать у нее свой кинжал, но не справился с тем, чтобы разжать ее пальцы, поэтому решил оставить все, как есть. В какой-то мере она тоже была Альбионом — сражалась в битве, которую не могла выиграть. Но того, что она делала, было достаточно, чтобы изменить к лучшему судьбы нескольких людей. К сожалению, они, вероятно, никогда об этом не узнают. Да, этот кинжал должен был остаться с ней.

Когда Мэтью, пошатываясь, вернулся в гостиную с пистолетом в руке, Джулиан окинул взглядом его окровавленное тело, его промокшую насквозь шубу и его щеку со свежей раной от пули, и на его лице промелькнуло выражение болезненности и облегчения.

— Я не мог прийти к тебе на выручку, — сказал он, как будто оправдываясь. — Но она сказала, что поможет.

Мэтью только кивнул. Он видел, как Отри жмутся друг к другу на полу, и недоумевал, как они снова смогут видеть мир в том же свете, что и раньше.

Джулиан выглянул в окно и быстро отдернул голову обратно. Ему потребовалось набраться смелости, чтобы начать задавать мучивший его вопрос:

— Она…

— Мертва, — закончил за него Мэтью.

В тот же миг Файрбоу бросился к разбитому стеклу и закричал:

— Лэш! Они убили Элизабет! Ты слышишь? Они…

Джулиан снова заставил его рухнуть на пол, ударив ногой в пах, после чего доктор заполз в угол, всхлипывая от боли.

— Кто это был? — спросил Джулиан.

— Краковски. И Львица. Я попал в нее, но ей удалось скрыться где-то на заднем дворе.

Джулиан криво ухмыльнулся одними губами — взгляд его остался ледяным.

— Ну, это оставляет нам…

Что-то горящее влетело в покрытое паутиной трещин окно и окончательно разнесло его вдребезги. Мэтью и Джулиан пригляделись: это оказалась бутылка из-под вина с горящим фитилем. Приземлившись, она разбилась о пол, по которому тут же побежал голубой огонь. Секундой позже во второе окно влетела еще одна бутылка, тоже разлетевшаяся на осколки и разлившая горящее масло во все стороны.

Джулиан заметил, как в густом облаке дыма, валившего из амбара, мелькнула чья-то фигура, намеревавшаяся метнуть третью бутылку. Судя по габаритам, это был Лэш. У Джулиана не было времени прицелиться в него, да и выстрел вряд ли помог бы.

Когда третья бутылка влетела в окно и разбилась о подоконник, горящее масло забрызгало штору и прожгло в ней несколько дыр размером с шиллинг.

Дым все продолжал валить из амбара, создавая плотную завесу. Из темноты вдруг вылетела четвертая бутылка и разлетелась вдребезги, угодив на пол. В этот момент раздался выстрел, и осколки камня с подоконника, разлетаясь во все стороны, зазвенели по комнате.

Найдя укрытие подальше от горящего масла, Мэтью сел принялся перезаряжать пистолет дрожащими пальцами. У него с трудом выходило сфокусироваться на происходящем. Прогремел еще один выстрел, и пуля вонзилась в стену прямо над его головой.

— Эй! Ты в курсе, что зарядил пистолет уже тремя зарядами? — спросил Джулиан.

Даже в состоянии, близком к обмороку, с дюжиной саднящих и горящих точек на теле, Мэтью осознал, что их положение ухудшается с каждой минутой. Оставаться здесь было бессмысленно. С огромным трудом он заставил себя подняться.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказал он со слезящимися от дыма глазами. — Мы должны скрыться в лесу и найти второй экипаж.

— Согласен, — отозвался Джулиан почти мгновенно. — Ты! Подбери свои яйца и встань! — скомандовал он Файрбоу.

— Выходите! — откуда-то из клубов дыма до них долетел замогильный голос Кардинала Блэка. — Девейн, у вас с Корбеттом *нет никаких шансов*! Не создавайте себе сложностей!

— Он говорит, *не создавать сложностей*. Да пошел он! Я же сказал, *встань*, или я потащу тебя за яйца! — Джулиан перевел взгляд на Отри. — Вам двоим нужно убираться отсюда!

— И куда? — спросил Оливер с искаженным от боли лицом. Он был в шоке, как и его жена… и Мэтью.

— Куда угодно, только здесь не оставайтесь, — ответил Джулиан.

— Со сломанной ногой далеко не уйдешь, вы же понимаете? — простонал Отри.

— Но можно сделать хоть что-то, ведь от этого зависит твоя жизнь. — Джулиан подошел к доктору, и тот в страхе отпрянул. — Одно слово, и, клянусь Богом, твои зубы окажутся у тебя в глотке! Мэтью, хватит заряжать этот чертов пистолет! Возьми себя в руки!

— Да, — отозвался Мэтью.

Миг спустя он засомневался, сказал он это на самом деле, или ему померещилось.

— Конечно, — добавил он для пущей уверенности.

— Если вы все же решите остаться здесь, — Джулиан снова обратился к Отри, — перезарядите мушкет и пристрелите первого, кто ворвется в эту дверь… — Он тяжело вздохнул и захлебнулся кашлем, потому что дым, валивший из пылающего амбара, заполнял комнату сквозь разбитые окна.

— Убирайтесь, пока можете, — сказал он Оливеру и Грете, а затем указал пистолетом на Файрбоу: — Ты первый. Через черный вход! Мэтью, ты за мной! Смотри в оба. Готов?

— Да.

— Спасибо за гостеприимство, — кивнул Джулиан хозяину гостиницы и его жене.

Говорить что-либо еще было бессмысленно, поэтому, бросив мрачно-торжественный взгляд на занявшиеся пламенем бумажные розы, развешенные по ветвям рождественской ели, он приставил четырехствольный пистолет к спине Файрбоу и подтолкнул его к залитому кровью коридору.

Глава двадцать девятая

— Ушли, — прошелестел Кардинал Блэк.

Лэш не ответил. Блэк бросил презрительный взгляд на старика и его жену, жмущихся к друг другу на полу. Он вытер свои слезящиеся глаза тыльной стороной ладони с уродливыми длинными пальцами, несколько раз кашлянул, чтобы очистить легкие от дыма, а затем поднял мушкет, который придавливал сапогом. Помедлив пару секунд, он вышел в коридор, куда только что ступил вице-адмирал, и замер. По коридору стелился дым, исходящий от горящего амбара и от одной из пылающих штор.

Лэш опустился на колени рядом с телом Элизабет Маллой. Одной рукой он придерживал ее голову, другой поглаживал ее по щеке.

— Жуткий беспорядок, — фыркнул Блэк.

Лэш молчал. Его огромное тело сотрясалось от боли и ярости.

— Они попытаются добраться до второго экипажа, — сказал Блэк. Не увидев никакой реакции со стороны вице-адмирала, он продолжил: — Соберись. Время уходит.

Снова никакой реакции не последовало. Блэк попытался снова:

— Послушай, того, что произошло, уже нельзя изменить. — Он подождал, но Лэш так и не ответил, поэтому Черный Кардинал решил надавить на него еще раз. — Но отомстить у нас получится. Возможно, Львице и Мэрде удастся перехватить их в лесу, но если они ускользнут, Ходдер — не ровня Девейну.

Лэш мягко опустил голову покойницы на пол. Затем поднял пистолет, который до этого отложил в сторону, выпрямился и уставился на открытую заднюю дверь. Когда он снова перевел взгляд на Блэка, его лицо представляло собой непроницаемую маску, однако в глазах его Черный Кардинал увидел клубящееся пламя ада.

Лэш вошел в гостиную. Супруги Отри жались друг к другу, окруженные лужицами разлитого по полу масла, горевшего синим пламенем. Когда Лэш бросил последнюю бутылку и вслед за ней влетел в дом сам, сорвав дверь с петель, он наткнулся на нацеленный на него мушкет. Ему пришлось замереть и заорать, что он вице-адмирал Королевского флота. Это заявление заставило Грету растеряться, и прежде, чем она сообразила, что к чему, в комнату ворвался Кардинал Блэк, выбил из ее рук мушкет и придавил его сапогом к полу.

Лэш с бородой, пылавшей не хуже настоящего пламени, пугающей громадой возвышался над супругами Отри с пистолетом наготове.

— Пожалуйста, сэр, — проскрипел Оливер, — мы ничего такого не хотели… — Его голос сорвался. — Прошу вас, сэр…

— Позволь мне, — перебил его Кардинал Блэк.

Голос Лэша прозвучал, как похоронный колокол:

— Не тяни с этим.

Блэк извлек из эбеново-черного одеяния свой церемониальный нож, крючковатое лезвие которого было усеяно символами и письменами, дающими ему абсолютную свободу действий именем сатаны. Для обычного человека это означало бы нечто самое темное, самое жестокое и злое — при полном отсутствии угрызений совести и учета последствий.

Блэк приблизился к Оливеру Отри, и его нисколько не смутили тщетные попытки старика прикрыть собой жену. Лезвие пронзило его горло одним отточенным движением, за которым стояли годы и годы практики.

Когда окровавленный клинок направился к Грете Отри, она вдруг встала на колени и с яростью плюнула в Черного Кардинала. По щекам ее текли слезы, голос срывался от гнева:

— Rot in der Holle, du Schwein[46]!

После того, как с нею было покончено — быстро и эффективно, как Блэк и привык, — Кардинал вырезал знак дьявольского креста на лбах обоих покойников и сказал:

— Я завещаю ваши души своему Повелителю. — Затем он повернулся к Лэшу: — Как ты и просил, я не затягивал. Повелитель благоволит нам в нашем деле.

— Хорошо, — прогрохотал Лэш, мрачно взирая на ужас, в который превратилась уютная гостиница. — Только держи своего проклятого Повелителя подальше от меня.

****

Они продирались сквозь лес по восьмидюймовому слою снега. По-прежнему дул сильный ветер, который порывисто срывал с ветвей деревьев снег и швырял его в лица путников, однако сам снегопад прекратился. За их спинами низкое облачное небо было окрашено заревом пожара — амбар продолжал гореть, словно маяк в ночи. Впереди же их ждала лишь непроглядная тьма.

Выбравшись из дома, они наткнулись на Дикую Львицу, лежавшую рядом с поленницей. Кровь пропитывала ее одежду с левой стороны, в области ключицы. Поняв, кого перед собой видит, она попыталась поднять один из пистолетов, которые держала — тот самый, который, как понял Мэтью, не дал осечки, — но не смогла. В любом случае, снег уже промочил оружие, сделав его бесполезным. Он припорошил и саму Львицу, застыв заиндевевшей коркой на гриве ее волос и ресницах.

Мэтью остановился, чтобы посмотреть на нее сверху вниз, и его вдруг охватило чувство непередаваемой жалости. Впрочем, он понимал, что до сих пор потрясен тем, что случилось, и не может до конца разобраться в своих эмоциях. Пока он стоял над Львицей, топор, который Джулиан подобрал рядом с поленницей, опустился ей на голову и оборвал ее жизнь.

Джулиан выдохнул и приказал:

— Не трать время! Шевелись!

Он толкнул доктора вперед, и Мэтью последовал за ним прочь от дома.

Пару мгновений спустя Мэтью спросил:

— Как думаешь, с Отри будет все в порядке?

Джулиан не ответил.

— Отри, — повторил Мэтью. — Как думаешь, они…

— Они уже мертвы, ясно? — рявкнул Джулиан. — А теперь заткнись, будь добр.

Конечно же, они были мертвы. Мэтью знал это. Лэш и Блэк не стали бы никого щадить — тем более тех, кто мог бы стать ненужными свидетелями. Вероятно, оба Отри сейчас лежат с перерезанными глотками, а на их лбах красуется сатанинский символ…

Мэтью оступился и едва не упал. Ночь и лес сомкнулись над ним темным капканом. Ему пришлось ухватиться за тонкую сосну, чтобы не завязнуть в снегу окончательно, и он вдруг понял, что заслуживает того, чтобы его здесь бросили. Он должен понести наказание, потому что это он повинен в гибели Оливера и Греты Отри. И Элизабет тоже погибла из-за него. Спрашивается — чего ради? Потому что он *хороший человек*? А что дает ему право считать себя таковым? Желание спасти Диппена Нэка? Но ведь он его не спас. Даже когда он выдал себя, это ничем не помогло Нэку.

Мэтью осознал, что если бы тогда смолчал и остался в роли барона Брюкса, он и лжеграф Пеллегар вполне могли бы выйти из того дома с книгой ядов и доктором, и за это не пришлось бы проливать ни капли крови. У Лэша остались бы его золотые слитки и чертежи воздушного корабля, которым он был одержим.

Эта история бы закончилась — хоть на какое-то время. А дальше Джулиан и Мэтью вынуждены были бы растолковать Файрбоу, куда и к кому он направляется.

Так или иначе, никто не должен был погибнуть — особенно Отри. Мэтью понял, что понятия о добре и зле так сильно смешались в его разуме, что он уже с трудом отличал одно от другого. Правильной ли была его попытка спасти Нэка? Возможно, но она привела к ужасным последствиям. Плохо ли было убивать Брюкса и Пеллегара в гостиничном номере? Да, но ведь этот поступок позволил проникнуть в дом, где хранилась книга, способная спасти Берри.

А сейчас… топор оборвал жизнь беззащитной женщины, лежавшей на снегу. Что это было? Добро? Зло? Простое хладнокровное убийство? Или превентивная мера, потому что рано или поздно Львица пришла бы в себя, и тогда она стала бы для них угрозой?

Мэтью настолько погряз в размышлениях, что для него стало полной неожиданностью, когда из темноты вынырнула чья-то рука и схватила его за окровавленную шубу.

— Послушай меня, — прошипел Джулиан, приблизившись к Мэтью настолько, что их лица разделяло всего несколько дюймов, — я знаю, что у тебя сейчас на уме, и мне это совсем не нравится. Поверь, я тоже не в восторге от того, что случилось, но тут ничего уже не поделаешь. Что с тобой? Ты ведь уже не новичок в вопросах кровопролития! И времени на переживания у тебя нет. — Джулиан нахмурился. — О, я понимаю! Отри. Ты не можешь так просто принять их смерть, не так ли? Я тоже не могу, поверь, но с этим надо как-то жить дальше. Нашей задачей было добыть книгу и доктора. Мы это сделали, как смогли. Теперь задача в том, чтобы доставить их туда, где они принесут пользу твоей женщине. А если ты сейчас развалишься на части, все будет напрасно. — Он внушительно посмотрел на него. — Скажи, что понимаешь. — Мэтью медленно кивнул, и Джулиан встряхнул его, чтобы привести в чувства. — *Скажи* это!

— Я… понимаю, — ответил Мэтью. Он не знал, действительно ли все понимал. Он знал лишь одно: ему приходится играть смертельную шахматную партию между добром и злом под строгим надзором Судьбы. Все остальное не имело значения.

Джулиан был прав. Все эти смерти, вся эта жестокость… все будет напрасно, если Мэтью не удастся доставить книгу и Файрбоу в деревню Фэлла и спасти Берри. Вот, что по-настоящему важно.

— Давай, двигайся, — напутственно сказал Джулиан. Мэтью

отпустил тонкий ствол дерева, который удержал его от падения, и сумел восстановить равновесие. Он последовал за Джулианом и Файрбоу по заснеженному лесу, вспомнив, что в доме, будучи в бреду, зарядил свой пистолет тремя зарядами: одним поверх другого, и подумал, что теперь как пистолет его оружие бесполезно. Оно больше сгодится в качестве бомбы, и, если об этом забыть, оно может оторвать ему руку при выстреле. Выходит, четырехствольный пистолет Джулиана был их единственным оружием в следующей схватке. Лэш, Блэк и Майлз Мэрда все еще преследовали их. И они не собирались позволить им сесть в экипаж без боя.

Джулиан толкнул Файрбоу вправо, в направлении, которое должно было вывести их через лес обратно к дороге. Когда голова Мэтью прояснилась — сильный мороз тому способствовал — он решил, что второй экипаж наткнулся на гостиницу Отри, и возница заметил перед ней лошадей первого экипажа, после чего проехал чуть дальше по дороге, чтобы остановиться вне поля зрения. Вероятно, Монтегю устроил пожар, чтобы разогнать или сжечь — в случае, если они не смогут сбежать — лошадей. Другие, вероятно, разработали план нападения. Не исключено, что операцией руководил вице-адмирал лично. В любом случае, теперь им предстояло иметь дело с нечестивой троицей. Остались самые стойкие и самые худшие, хотя Краковски и так почти удалось прикончить Мэтью.

— Стойте! — вдруг шикнул Джулиан.

Сквозь деревья мелькали желтые огоньки фонарей экипажа — по одному с каждой стороны от места возницы. Самого возницы на козлах не наблюдалось.

— Возница внутри, греется, если у него есть хоть зачатки здравого смысла, — сказал Джулиан. Он извлек из-под пальто свой пистолет, который старательно пытался держать в сухости с момента побега из гостиницы. — Если у тебя появится хоть одна мысль закричать, — предупреждающе обратился он к Файрбоу, — учти, что я еще не заставлял тебя страдать по-настоящему.

— Нет, пожалуйста! — испуганно пробормотал доктор. — Пожалуйста, я… я не буду кричать, клянусь.

— Шагай. — Джулиан подтолкнул Файрбоу вперед.

Они вышли из леса на дорогу, которая, как и везде, была устлана толстым слоем снега. Оранжевое свечение горящего амбара освещало облака. Мэтью оглянулся и увидел, как ветер разносит по округе тысячи искр. Четверка, запряженная в экипаж Лэша, нервно фырчала и переступала с ноги на ногу, чувствуя запах дыма.

Наконец, беглецы приблизились к карете и распахнули дверь.

Сидящий внутри человек был одет в плотное коричневое пальто и шерстяную коричневую шапку с белой кисточкой. Он вздрогнул и тут же поднял руки, увидев четыре ствола, глядевших прямо в его остроносое лицо.

— Снимай пальто и шапку, выходи с другой стороны и беги, — приказал Джулиан.

Указания были выполнены в полном объеме, сразу и без протеста. Как только возница исчез, Джулиан облачился в его одежду и обратился к Мэтью.

— А вы полезайте внутрь. Я вытащу нас отсюда.

Как только они забрались в салон, Мэтью положил бесполезный пистолет на сиденье рядом с собой, а Файрбоу безвольно обмяк напротив. Джулиан закрыл двери и вскочил на место возницы. Его привлекло какое-то движение справа: небольшая фигура, пригибаясь, старалась как можно быстрее перебежать дорогу позади экипажа. У Джулиана не было времени отвлекаться на Майлза Мэрду, так что он щелкнул поводьями и закричал:

— Гип-гип!

Но лошади не пошевелились.

Джулиан увидел стоящий рядом кнут. Отложив свой пистолет в сторону, он взял его, чтобы расшевелить непослушных животных.

— Гип-гип, черт бы вас побрал! — закричал он. Недовольная четверка получила дополнительный стимул к движению и рванулась вперед. Колеса экипажа начали быстро вращаться.

Вдруг раздался выстрел, и фонарь справа от Джулиана взорвался осколками. Джулиан инстинктивно пригнулся и заметил Самсона Лэша, идущего прямо по дороге навстречу четверке лошадей, словно массивная угрожающая гора ярости. Вслед за ним неслышно перемещался Кардинал Блэк. Прежде чем четверка умудрилась набрать достаточную скорость, Лэш бросился на лошадей и начал тянуть за уздцы, принуждая их остановиться. Джулиан было попытался взять пистолет, но Лэш находился слишком близко к лошадям, выстрел мог легко убить животных — в чем явно не было пользы.

Экипаж остановился. Джулиан взмахнул кнутом и успел дважды ударить им Самсона Лэша до того, как тот перехватил его. Прежде чем Джулиан отпустил ручку кнута, Лэш рванул его на себя и буквально сдернул с места возницы, заставив пролететь по воздуху и рухнуть на дорогу.

Дыхание словно выбило из легких. Джулиан застонал и закашлялся, пытаясь подняться, но Лэш не позволил ему этого сделать — приблизившись, он и с силой пнул его в бок. Жгучая

боль дала понять: ребра, скорее всего, сломаны. Джулиан сдавленно вскрикнул, отчаянно схватился за пистолет, перекатился, уходя от следующего пинка, который должен был прийтись ему в плечо, и услышал крик Лэша:

— Кончай с ним, Блэк!

Вице-адмирал двинулся в сторону кареты. Ему хватило двух шагов, чтобы преодолеть расстояние до двери. Он дернул за ручку так, что сорвал дверь с петель. Внутри кареты показались перепуганные Файрбоу и Мэтью, первым побуждением которого было ударить Лэша прямо в лицо.

Пистолет Блэка выскользнул из-под вороного одеяния. Черный Кардинал торжественно навис над Джулианом и прицелился. Скривившись от боли, Джулиан извернулся и нажал на один из спусковых крючков своего пистолета. Вспыхнули искры, показался небольшой язычок пламени, что-то зашипело, и Джулиан испугался, что сейчас будет осечка… а затем пистолет выстрелил. Ослепительная вспышка, сопровождавшаяся грохотом небольшого взрыва, тут же повлекла за собой клубы голубоватого дыма.

Лэш ухватил Мэтью за ногу и начал вытягивать его из кареты.

— Да! Задай ему! Бей его! Бей! — завопил Файрбоу, и голос его звучал визгливо, как у перепуганной дамочки. Мэтью ударил Лэша свободной ногой и угодил ему в лоб, однако для огромного вице-адмирала этот удар был, как пощечина для быка.

Мэтью потянулся к сиденью за пистолетом, лежавшим рядом с ним, чтобы использовать его вместо дубинки, но пока он возился, Лэш почти забрался в экипаж и первым схватился за оружие.

— Получи! — воскликнул Лэш. В глазах его стоял триумф, а в глубине зрачков плясали красные искорки безумия. Он поднял пистолет и нажал на курок.

Мэтью предрек, что произойдет после выстрела. Он поднял обе руки в перчатках, чтобы защитить лицо, и повернулся набок, хотя даже в таком положении едва не ослеп от яркой вспышки. Выстрел был похож на взорвавшееся солнце. В ушах у Мэтью зазвенело, словно в них визжали тысячи демонов Кардинала Блэка.

Когда он опустил руки и развернулся, первым, что он увидел сквозь клубящийся дым, была рука Самсона Лэша. Точнее, то, что от нее осталось после выстрела — она превратилась в сплошную кровавую массу с двумя ошметками подергивающихся пальцев вокруг деформированного предмета, который когда-то был пистолетом.

Лэш уставился на свою изуродованную руку. Его правый глаз

представлял собой окровавленную впалую дыру. Кости черепа вокруг нее прогнулись и вдавились. Из правой щеки и лба над изувеченным глазом торчали куски металла от взорвавшегося пистолета, заряженного трижды — свинцом и порохом. По бороде вверх ползло голубое пламя. Несколько металлических частей пистолета разбросало по сторонам, часть их отлетела и впилась в стены кареты. Они светились так, словно кузнец только что выковал их в горне. В воздухе мерцали искры, и витал запах не зимней стужи, а летней грозы.

Вдобавок пахло кровью, горелой плотью и опаленными волосами.

В следующее мгновение изувеченное лицо вице-адмирала превратилось в искаженную гримасой кровавую маску. Он отступил от экипажа, но не упал и не издал ни звука. Тело его пошатнулось. Он так и остался подле кареты, баюкая ошметок руки, с которым спаялась пистолетная бомба. Мэтью наблюдал за ним, не в силах оторвать глаз. Вдруг Лэш схватился за покалеченную руку здоровой и яростно дернул, как будто хотел ее оторвать. Затем он упал на колени, и его окровавленное лицо повернулось, чтобы увидеть человека, который надвигался на него призраком неминуемой смерти.

Джулиан Девейн замер над ним.

Рот Лэша раскрылся, но оттуда не прорвалось ни звука. Оставшийся глаз все еще пылал огнем ненависти. В нем сияла воля к жизни. Лэш выпятил грудь, и в прыгающих по воздуху искрах пламени засияли его медали.

Джулиан поднял пистолет и приставил его к голове Лэша. Тот оттолкнул его здоровой рукой. Вице-адмирал ухмылялся, а тем временем обильные ручейки крови, вытекавшие из носа, пропитывали его бороду.

Джулиан снова приставил к его голове пистолет. Лэш плюнул в него кровью и издал звук, отдаленно напоминавший смех.

Мэтью заметил, что Джулиан колеблется. Он медлил… медлил… а затем *плохой человек* отступил. Вмиг обессилев и схватившись за левый бок так, будто старался удержать внутренности на месте, Джулиан застонал, скривился от боли и прислонился к экипажу, чтобы не упасть.

— Ты поведешь… Увези нас отсюда, — выдохнул он.

— А что с Блэком? — спросил Мэтью.

— Ушел. Кажется, я… ранил его. Но когда дым рассеялся… его уже не было. — Он вновь поморщился. — Давай, Мэтью, берись за поводья. Черт. — Он перевел дух. — Эй, Файрбоу! Я все еще могу заставить тебя страдать, слышишь? — Джулиан крепко держал свой грозный пистолет. И хотя его голос был слабым от

боли, а лицо белым, как полотно, он все же умудрялся выглядеть угрожающе.

Когда Мэтью мобилизовал оставшиеся силы, отринув одолевавшие его звон в ушах, усталость и холод, он влез на место возницы и заставил четверку лошадей тронуться в путь. Миг спустя он оглянулся на Самсона Лэша, все еще стоявшего на коленях в снегу. Возможно, к тому моменту когда экипаж повернул на извилистую дорогу, чтобы снова проехать мимо пылающего амбара и дома, где остались погибшие Отри, вице-адмирал, наконец, упал.

Но Мэтью не знал этого наверняка, а обернуться он не решился.

Глава тридцатая

Ветер беспрестанно выл в ночи. Измученные и обессиленные лошади давно перешли на шаг, но никто и не думал их подгонять, потому что возница пребывал не в лучшем состоянии. Остатки сил уходили на то, чтобы крепко вцепляться в вожжи — казалось, сейчас они были единственной опорой, которая не позволяла кучеру свалиться с облучка. По крайней мере, он сам был уверен, что так и есть.

Прошло два часа с тех пор, как Мэтью провел упряжку мимо горящего дома Отри. У него не осталось сомнений, что выживших там не было.

Временами Мэтью поглядывал на звезды, мелькавшие меж облаками, проплывавшими по небу, словно серые призраки. Сейчас он почти завидовал их бестелесности, потому что его собственное тело казалось сплошным сгустком пульсирующей боли. Может, что-то сломано? В этом он сильно сомневался. Боль в плече, куда Краковски ударил его пистолетом, была сильной, но терпимой; самая сильная боль засела в сердце, и, скорее всего, она останется там навсегда.

Как только ужас недавнего столкновения с бандой Лэша стих, на Мэтью навалилась тяжелая сонливость. Как долго он уже не спал? Долго. Чертовски долго!

Как мог, Мэтью боролся со сном. Морозный ветер бодрил, однако его ледяные порывы заставляли так сильно щурить глаза, что в какой-то момент Мэтью опасался, что уже не сможет их открыть.

Вдруг он услышал, как открылось раздвижное смотровое окно.

— Останови экипаж, — попросил Джулиан. Его голос звучал еще более хрипло и болезненно, чем раньше.

— В чем дело?

— Просто останови. Прямо здесь, прямо сейчас.

Мэтью натянул поводья.

— Тпру… *тпру!* — крикнул он.

Кони не нуждались в уговорах. Когда колеса перестали вращаться, Мэтью увидел, что они выехали на пустынную дорогу, по обеим сторонам которой лежали выстланные ровным слоем снега пустоши. Света нигде поблизости не наблюдалось, единственными его источниками были одинокий фонарь слева от возницы, фонари внутри салона кареты и звезды.

— Иди сюда, — позвал Джулиан и закрыл окно.

Мэтью спустился на землю, и его спина при этом выказала бурный протест. Он боялся того, что скажет ему зеркало. Скорее всего, в отражении он увидит какого-то безобразного демона — после всего, что Мэтью пришлось пережить, он сомневался, что в его облике осталось много человеческого. Он думал, что сейчас выглядит едва ли не страшнее самого дьявола, покрытый ушибами и кровоподтеками с головы до пят.

Пулевая рана сатанинским скорпионьим жалом жгла плоть. Мэтью устало зачерпнул пригоршню снега рукой и прижал ее к лицу, надеясь хоть немного унять боль. Лишь после этого он устало заковылял к салону, в котором дрожали пассажиры — после атаки Лэша осталась лишь одна дверь, что грозило Джулиану и Файрбоу опасностью обморожения в дороге.

Джулиан пытался вылезти из кареты, но давалось ему это с трудом восьмидесятилетнего старца. Изможденное лицо кривилось от мучительной боли, он держался за левый бок и, казалось, готов был потерять сознание от каждого движения.

— Вот. — Он протянул Мэтью пистолет. — Подержи этого зверя вместо меня и присмотри за этим ублюдком. — Он указал на Файрбоу, который сидел и дрожал в своем объемном одеянии. — Пойду посмотрю, нет ли в багажнике одеял. Хотя сгодится и лошадиная попона. Мне еще понадобится веревка, чтобы связать его, потому что я вот-вот упаду в обморок. Следи за ним, — устало повторил Джулиан и направился к задней части экипажа, багажное отделение которого представляло собой отсек, закрывавшийся двумя дверями.

Обойдя экипаж, Джулиан заметил, что одна из дверей приоткрыта — вероятно, виной тому было слишком интенсивное движение. Он взялся за обе ручки и потянул, невольно застонав от боли в боку. Когда двери распахнулись настежь, в свете звезд блеснуло дуло пистолета, направленное Джулиану прямо в лицо.

— Чертенок из табакерки! — триумфально возвестил Майлз Мэрда с кривой усмешкой. Мужчина, похожий на двенадцатилетнего мальчика, был закутан в плотное пальто и одеяло. При виде растерянного Джулиана его ухмылка стала шире. — Мне кажется, я победил…

Три вещи произошли почти одновременно.

Джулиан захлопнул дверцу, обрушив ее прямо на запястье Мэрды, пистолет выстрелил, но Джулиан успел отдернуть голову, и пуля просвистела мимо его левого уха. От этого движения его раненый бок пронзила мучительная боль, заставившая его вскрикнуть.

Оказалось, маленький убийца успел забраться в багажное отделение во время столкновения с Лэшем и Блэком и затаиться

там, выжидая момент, когда бдительность беглецов ослабнет.

Зашипев от боли в ушибленном запястье, Мэрда потянулся за вторым пистолетом, но Джулиан, игнорируя сводящий его с ума бок, успел схватить низкорослого убийцу за пальто и потянуть так, чтобы тот вывалился в снег. Мэрда упал на землю, но проворно вскочил на ноги. В его маленькой ручке вдруг появился нож, острому блеску которого позавидовал бы любой мясник. Замахнувшись клинком, Мэрда бросился в атаку. Джулиан сумел уйти от одного удара… затем увернулся и от второго, а третий рассек ему пальто. Клинок зацепился за ткань, и Джулиан успел выбить оружие из руки Мэрды, после чего нанес удар кулаком в челюсть противника. Мэрда не остался в долгу и ударил в больной бок Джулиана — Боль оказалась такой сильной, что едва не заставила Джулиана потерять сознание. Но если связь с реальностью и удалось сохранить, но равновесие покинуло его. Джулиан со стоном упал, мгновенно почувствовав нехватку воздуха в легких. Затуманенным болью взором он увидел, как Мэрда скользнул рукой себе в рот и извлек оттуда вставные зубы — те самые, что превращались в пару смертоносных лезвий. Злобно хихикнув, он прыгнул в сторону своего противника. Джулиан попытался отползти и подняться, но не успел: Мэрда уселся верхом ему на грудь, одной рукой упершись ему в подбородок, а другой вдавив клинки в его горло, вознамерившись проткнуть плоть.

— *Нет!* — послышался резкий выкрик Мэтью. Он взвел второй курок пистолета Джулиана и нацелил его прямо в лоб Мэрды под копной напомаженных волос, причем поднял руку с оружием так уверенно, словно ему было привычно целиться в живого человека.

Взгляд Мэрды замер на Мэтью. В ту же секунду распахнулась дверь экипажа, и Файрбоу бросился бежать по заснеженной дороге.

Мэрда все еще прижимал лезвия к горлу Джулиана. Стоило лишь надавить чуть сильнее — и артерия будет проткнута… но, казалось, Джулиана так измучила боль, что, даже когда его противник отвлекся на Мэтью, он не сумел воспользоваться моментом и попытаться оказать сопротивление.

Улыбка застыла на губах Мэрды, но глаза его оставались темными и мертвыми: безжалостные, бессовестные глаза раскрашенной куклы. Было ясно, что он намеревается убить Джулиана, а затем попытать удачу с решателем проблем агентства «Геррaльд». Он уже усвоил, что Мэтью — человек сострадательной натуры, и эту его *слабость* можно было легко использовать против него.

— Корбетт, — тихо и успокаивающе произнес Мэрда, как ребенок, уговаривающий кого-то поделиться с ним конфетами, — мы оба знаем, что ты не убийца. Ты человек закона. — Из его уст это слово звучало как ругательство. — *Правосудия*. Ты же не запятнаешь себя…

Мэтью нажал на курок.

Двойной выстрел снес б*о*льшую часть черепа Мэрды. Маленький человечек, казалось, сложился пополам, словно лист бумаги, согнувшийся от порыва ветра, его глаза под изрешеченным черепом стали по-настоящему темными и мертвыми.

Оттолкнув с себя тело Мэрды, Джулиан тяжело застонал и попытался сесть, тут же зайдясь в приступе кашля. Сжавшись, словно в попытке удержать свое тело в целости, Джулиан продолжал кашлять, держась за травмированный бок. Вторую руку он приложил руку ко рту и отер с нее кровь.

Плохо дело.

Мэтью попытался не думать о том, насколько опасно состояние напарника — в любом случае, сейчас он ничем не мог ему помочь. Стараясь сохранить лицо ровным, он подошел к Джулиану и протянул ему пистолет.

— Возьми, — сказал он бесстрастным голосом. Когда же Джулиан взял оружие, он развернулся и пошел от него прочь.

— Эй… ты куда? — обессиленно спросил Джулиан. Он выглядел так, как будто действительно сейчас потеряет сознание, мысли его путались, боль отнимала последние силы.

— За доктором, — ответил Мэтью.

Файрбоу не успел уйти далеко — пробежал ярдов сто, не больше — когда его позаимствованные сапоги с треском провалились сквозь тонкую корку льда в болотистую почву, которая надежно сковала его, словно пара кандалов.

— Вставай, — скомандовал Мэтью, легко отыскав по его следам.

Доктор посмотрел на него. Что-то в облике и голосе Мэтью за последние несколько минут изменилось… что-то неуловимое, но, определенно, пугающее. Были эти изменения во благо или во вред? На данный момент нельзя было сказать наверняка.

— Вот ты и попался, — зачем-то добавил Мэтью. Отчего-то ему хотелось сильнее припугнуть пленника, он поймал себя на мысли, что даже получил бы удовольствие, если б Файрбоу ее немного побегал, а после можно было бы настичь его и сбить с ног, как мешок с грязным бельем. Склонившись к доктору, Мэтью угрожающе посмотрел на него и заговорил пугающе тихо: — Заруби себе на носу, меня не просто так называют Плимутским

Монстром.

****

Веревка, которой за спиной, в чрезвычайно неудобном положении, связали руки Файрбоу, была той самой, что раньше поддерживала его бриджи. Связав Файрбоу и заткнув ему рот желтым галстуком недавно почившего Майлза Мэрды, Мэтью превратил пленника в совершенно безобидного пассажира, дав Джулиану возможность хоть немного поспать в пути. Файрбоу при этом не решался перечить Плимутскому Монстру и вел себя покладисто.

Застрелить Мэрду, до смерти перепугать доктора, связать его и заткнуть ему рот кляпом… — вспоминал Мэтью свои недавние поступки. — *Хадсон и Джулиан, похоже, могут быть спокойны: сомневаться в том, что у меня есть яйца, им больше не придется.*

Джулиан устроился в салоне и попытался найти положение, в котором боль не донимала бы его так сильно. Относительное удобство и тепло ему обеспечивало одеяло, которым до этого в багажном отделении согревался Мэрда. Мэтью же вернулся на место возницы и продолжил путь. Когда прошло еще два часа, и дорога, стелившаяся по вересковым пустошам, стала казаться бесконечной, он понял, что вот-вот провалится в сон, поэтому полчаса спустя он с огромным облегчением направил упряжку к огням гостиницы из белого камня. Этот дом был, по меньшей мере, раза в два больше дома Отри, что, как Мэтью надеялся, сулило мягкие перины и возможность искупаться. По пути в Лондон они ненадолго останавливались здесь с Тарлентортами, но тогда они едва успели выйти из экипажа.

Подъезжая к гостинице, Мэтью задумался, как объясняться с владельцами гостиницы — Эдмондом Варни и его супругой Энн — когда те выйдут из гостиницы в пальто поверх ночных сорочек и осветят фонарями избитые лица новых постояльцев.

Действительно, *как*?

Прежде чем Мэтью остановил экипаж перед гостиницей, он снял с себя шубу из шкуры белого медведя, которая была слишком уж сильно перемазана кровью — не стоит пугать Варни до полусмерти прежде, чем они успеют сказать хоть слово. Он выбросил шубу в сугроб с правой стороны от кареты, ярдах в тридцати от гостиницы, и понадеялся, что ее не обнаружат, по крайней мере, сегодня.

Натянув поводья, чтобы остановить экипаж, он слез с места извозчика и позвонил в колокольчик, болтавшийся рядом с парадной дверью. Над входом висела вывеска, которую он приметил еще в первый раз, но только теперь уловил всю скрытую в ней иронию: на ней значилось название гостиницы — «Летящий Дракон».

— Мы констебли и сопровождаем жестокого преступника в Бристоль, где он предстанет перед судом, — выдал Мэтью прежнюю легенду, когда перед ним предстали владельцы гостиницы. Как и ожидалось, они были одеты в пальто поверх ночных сорочек и держали в руках по фонарю. — Да, мы проезжали здесь совсем недавно, по пути из Бристоля, как вам известно. Так вот, этот негодяй заставил меня и моего напарника побегать за ним! Как видите, нам самим крепко досталось, но, в конце концов, мы приперли его к стенке. Теперь он связан, и лучше бы ему оставаться таковым. К тому же, рот ему тоже лучше не открывать, потому что, хочу предостеречь вас, сэр и мадам, что он тот еще хитрый сукин сын. А теперь скажите, можем мы получить комнату на ночь и что-нибудь поесть? Кроме того, лошадям очень нужен отдых.

— Конечно! — отозвался Варни и поспешил отрапортовать, что у них имеются три свободные комнаты и вдоволь еды, так как близится Рождество, и все сидят по домам со своими семьями, никто не ездит по дорогам, кроме почтовых карет.

Радушное и гостеприимное отношение Варни к гостям заметно изменилось, когда хрипящий Джулиан с посеревшим лицом вывел из экипажа Файрбоу, связанного, словно зверя. Хозяин гостиницы и его дородная жена попятились от доктора, как от чумы, а у дверей гостиницы Варни схватил Мэтью за рукав и нервно спросил:

— Сэр? Нам с женой ведь ничего не угрожает, правда?

Мэтью ответил:

— Абсолютно ничего. — Он верил, что его утверждение истинно, разве что Самсон Лэш все еще жив и сможет пройти много миль с почти оторванным лицом, а Кардинал Блэк сможет распахнуть свой плащ цвета воронова крыла и пролететь на нем сквозь ночь. — И спасибо за вашу помощь, — сказал Мэтью, ощущая, как усталость захватывает его и тянет ко дну. — Мы вам щедро заплатим, уверяю вас. — Слава Богу, что у Джулиана осталось еще много от денег Богена, они придутся здесь как нельзя кстати.

Оказавшись в тепле гостиницы, Джулиан выпил кружку горячего яблочного сидра, после чего помог Мэтью привязать Файрбоу к деревянной кровати в комнате, которую выделили

«преступнику». Галстук у него изо рта пока не вынимали, а все естественные нужды доктора решили отложить до тех пор, пока Варни не закончат подготавливать остальные комнаты.

Вид Джулиана вызвал опасения у хозяев гостиницы, и они спросили, не нужна ли помощь, но Джулиан заявил, что сейчас его волнует только удобство перины. С серым изможденным лицом он шаткой походкой добрался до комнаты, постарался устроиться поудобнее в кровати и тут же заснул, оставив Мэтью объяснять Энн Варни, почему они путешествуют без багажа. Пришлось додумать легенду и сообщить, что чемоданы были брошены в спешке, когда «напарники-констебли» спасались от сообщников «преступника». Ни на что большее у Мэтью не хватило воображения, и он сразу понял, что Энн Варни отнеслась к нему с подозрением. Она была не настолько доверчивой и обладала определенной интуицией, позволявшей ей отделять зерна от плевел в витиеватых историях путешественников. Но что она могла сделать? Потребовать, чтобы муж вышвырнул этих сомнительных постояльцев прочь в ночной студеный час? Настолько жестокой Энн Варни тоже не была. Однако — на всякий случай — она выложила на стол небольшой пистолет, который оставался у нее под рукой, пока она готовила суп из репы, а ее муж занимался лошадьми.

Мэтью не винил ее за подозрительность. Да и кто бы мог? Канва его рассказа трещала по швам, а на то, чтобы соткать ее из более плотного волокна, не было ни сил, ни времени. Еще немного прорех, и Варни запросто могли бы привлечь к делу местного шерифа. Впрочем, Мэтью решил разбираться с проблемами по мере их поступления, и сейчас у него было неотложное дело к доктору.

Пока Энн Варни стряпала на кухне, Мэтью вошел в комнату Файрбоу с кружкой горячего сидра в руках и присел на стул рядом с кроватью. Глаза пленника были закрыты.

Мэтью зажег фитиль лампы и легонько ткнул доктора в бок, отчего Файрбоу рывком проснулся. Увидев подле себя Мэтью, он невольно сжался, подтянув колени к подбородку, и словно сделался меньше в размерах. В глазах его стояла мольба: *пожалуйста, не причиняйте мне больше боли!*

— Не бойтесь, — спокойно заговорил Мэтью. Тон его вновь сделался уважительным и спокойным. — Я просто хочу, чтобы вы меня выслушали.

Дождавшись, пока пленник успокоится, Мэтью сделал глоток сидра, который показался ему лучшим напитком из всех, что он когда-либо пил. Скорее всего, дело было не в сидре, а в том, что он помог ему ощутить себя живым.

— Доктор Файрбоу, за последние несколько дней ваше положение сильно изменилось. Сейчас вам, по сути, некуда идти. Вы же это понимаете, не так ли?

Ответа не последовало. Доктор продолжал смотреть затравленно, словно запертый в клетку зверь.

— Видите ли, то место, куда мы так стремимся вас доставить, — продолжил Мэтью, — вполне может помочь вам воплотить ваши смелые мечтания. Профессору Фэллу нужен химик, — внушительно произнес он. — И я не сомневаюсь, что он заплатит вам столько, сколько вы запросите. Его деревня — не самое худшее место в мире. И я уверен… — Мэтью нахмурился, осекшись. — Доктор, поверьте, игнорировать меня сейчас не в ваших интересах. — Он дождался, пока взгляд Файрбоу сосредоточится на нем, и продолжил: — Так вот, я уверен, что если вы будете исполнять свои обязанности в соответствии с ожиданиями Профессора, у вас будет все, чего вы так хотели. Столь необходимое вам уединение, материалы для исследований и нужные вещества — все, какие вы только пожелаете. Вдобавок у вас будут… — Он прервался в нерешительности, но понял, что должен озвучить и это условие. — Вдобавок у вас будут *подопытные*. Если прикинуть, вся та деревня — один большой химический эксперимент. Что может быть лучше для вас? Долгое морское путешествие в какую-нибудь далекую страну, где интриги могут убить вас еще до того, как вы устроитесь? Что ж, ничто не помешает вам отправиться в Лондон или куда угодно, как только вы докажете Профессору свою ценность. Вы *не будете* там пленником, если вы об этом беспокоитесь.

Ответа от доктора по-прежнему не было, разве что сердитый блеск в его глазах смягчился.

— Все, что нужно от вас для начала — это приготовить противоядие к наркотику, который на данный момент разрушает личность моей любимой женщины, — признался Мэтью. — Все, что мы с Джулианом проделали, все, через что прошли… все было ради этого. — Он тяжело вздохнул. — Мне лишь известно, что формула противоядия содержится на страницах книги. Я не знаю, где именно. Но я верю в вас не меньше, чем Лэш, слышите? — В его голосе зазвучал особый жар надежды. — Я верю, что вы сможете воспроизвести и применить это противоядие — и это положит конец нашим с вами встречам. Больше вы меня не увидите. Но это может помочь вам начать блистательную карьеру под покровительством Профессора Фэлла, если только вы этого *захотите*. — Мэтью с трудом верил в то, что действительно это произносит. Мэтью Корбетт, говорящий от имени Профессора Фэлла? Описывающий радостные перспективы пребывания в

Прекрасном Бедде? Радеющий за сохранность этого жуткого химического эксперимента? Рассматривающий жителей в качестве подопытных? Это было за гранью его воображения!

А я ведь обещал мадам Алисии Кандольери, что попытаюсь освободить ее и остальных из «Прекрасной Могилы»! А теперь — посмотрите на меня — включаю этих людей в число подопытных Файрбоу. Впрочем… разве могу я что-то сделать с тем, что эти люди и являются подопытными?

Он представил себе, как рассмеялся бы Джулиан, если бы услышал эти его речи.

Добро пожаловать в клуб, — сказал бы он. — *Мы никогда не откажемся от еще одного плохого человека*.

Мэтью сделал большой глоток сидра, потому что во рту появился привкус горечи.

— Просто подумайте об этом, — увещевал он. — Деньги… свобода… уединение… исследования… и *уважение* со стороны Профессора. Доктор, вы нужны ему. Вы нужны *мне*. — Он подождал реакции, но ее не последовало, поэтому он вздохнул. — Но до этого момента еще нужно дожить. А пока… все, о чем я вас прошу — это чтобы, когда владелец этой гостиницы войдет в эту дверь, и я выну кляп из вашего рта, вы поддержали историю, которую мы сочинили.

Глаза Файрбоу подернулись поволокой? Неужели под его рыжей бородой дернулся мускул? Трудно было сказать наверняка.

Через несколько минут, когда Мэтью допил сидр, дверь открылась, и в комнату заглянул Варни.

— Энн сказала, что вы, скорее всего, здесь. У вас… гм… все в порядке?

— Да. — Очевидно, Энн сказала мужу, что этим людям нельзя доверять. Но некоторым людям приходится доверять, хочется вам этого или нет. Мэтью встал и вытащил кляп изо рта Файрбоу. — Расскажите мистеру Варни, что именно вы натворили, Мистер Убийца, — сказал он, — и почему вам предстоит предстать перед судом в Бристоле.

Файрбоу не отвечал.

Момент затягивался.

Вдруг Файрбоу коротко и резко рассмеялся.

— Выкладывайте, сэр, — упорствовал Мэтью, чувствуя, как сердце его медленно опускается от волнения. — А после мы предоставим вам миску супа, кружку сидра, ночной горшок и желанный сон. Я даже буду спать здесь, на полу рядом с вами. Буду сторожить вас, чтобы можно было на ночь ослабить ваши путы. Но только немного, — уточнил он, бросив успокаивающий взгляд на Варни, — потому что на вашем счету три убийства. Ведь

так?

Файрбоу снова рассмеялся. Через пару мгновений его смех превратился в хрип, а затем в хныканье — так звучала покорность судьбе.

— *Трое*… это только те, о ком вы знаете, — сказал доктор, выдав кривоватую ухмылку.

Глава тридцать первая

Рано утром в канун Рождества Мэтью взял тонкий томик с книжной полки в гостинице «Летящий Дракон». Название не имело для него никакого значения — равно как и содержание книги. На мгновение он замер, наблюдая, как за окном, выходящим на дорогу, проносятся снежинки, а затем отправился на кухню, где Эдмонд Варни и Энн готовили праздничный ужин. Сегодня утром Варни специально к рождеству подстрелил на болотах фазана.

— Вы не могли бы помочь? — обратился Мэтью к хозяевам, демонстративно подняв книгу. — Файрбоу хотел бы немного почитать, но у него нет очков. У вас не найдется чего-то, что подошло бы ему?

— Ни слова больше. — Варни полез в шкаф и достал оттуда небольшой холщовый мешок. Он расстегнул его и широко раскрыл, показывая Мэтью содержимое: набор ключей, двое карманных часов, три маленьких ножа, компас, небольшая черная книжка и четыре пары очков. — Люди постоянно забывают у нас свои вещи, — объяснил он. — Может, когда-нибудь мы найдем в шкафу чью-нибудь отрезанную голову. Или две. — Энн ткнула его в бок здоровенным локтем, а Мэтью вздрогнул. Это было крайне неразумное замечание с учетом того, что в их доме находился убийца трех бристольцев.

— Выбирайте, — подтолкнул Варни, восстанавливая самообладание.

— Пусть выбирает сам. — Мэтью взял все очки. — Большое спасибо.

— Ужин в шесть, — напомнила Энн. Лицо ее помрачнело. — Как думаете, *он* будет что-нибудь есть? Может, немного говяжьего бульона?

— Я спрошу. Еще раз спасибо. — Мэтью вышел из кухни с книгой и очками в руках. Он прошел мимо комнаты, в которой вот уже два дня, почти не выходя, лежал Джулиан, и вошел в комнату Файрбоу. Доктор сидел в кресле в своем халате, закинув ногу на оттоманку, а книга ядов в красном кожаном переплете покоилась у него на коленях. На случай, если бы зашли хозяева гостиницы — чего они, разумеется, делать бы не стали, — Файрбоу для вида набросил на руки свободную петлю веревки, второй конец которой привязал к столбу кровати.

Мэтью закрыл за собой дверь.

— Есть четыре пары. Можете попробовать все.

— Ах! — Примерив первую пару, доктор вздрогнул и поморщился. — Этот человек, что, рожден летучей мышью? — Затем он примерил вторую. — Не так уж плохо. — Третья и четвертая не подошли, поэтому Файрбоу остановился на второй. Надвинув очки на переносицу, он открыл книгу ядов. Томик, взятый с полки в качестве приманки, Мэтью положил на стол.

— А этот Джонатан Джентри был талантливым химиком, — заметил Файрбоу, пролистав около сорока страниц книги. — Некоторые из этих формул дьявольски сложны. Что с ним стало?

Мэтью знал, что рано или поздно этот вопрос прозвучит.

— Он скончался. После этого его место занял химик по имени Густав Риббенхофф. К сожалению, его убили по приказу Кардинала Блэка.

Файрбоу посмотрел на него поверх очков.

— Надеюсь, в этом не стоит прослеживать *тенденцию*. Похоже, химики Профессора долго не живут.

Мэтью слабо улыбнулся, но уверять доктора в обратном не стал.

В первый день после их прибытия вся троица спала как убитая. Мэтью сдержал обещание и уснул у изножья кровати убийцы, держа для успокоения при себе пистолет Джулиана, хотя тот и не был заряжен. На второй день Файрбоу сказал Мэтью, что хочет начать изучать книгу ядов, чтобы как можно лучше понимать, с чем ему придется иметь дело, когда они доберутся до деревни Профессора Фэлла. Однако разум его все еще был затуманен после случившегося, и пришлось дождаться следующего дня.

Причина, по которой они не покинули «Летящего Дракона» сразу, заключалась в том, что накануне утром Джулиана начало рвать кровью. Варни отправился на лошади в Уистлер-Грин — в ближайшую деревню милях в шести к западу — и вернулся оттуда с худым, сухопарым седобородым доктором по имени Адам Кларк. Врач следовал за его лошадью в небольшой одноместной коляске.

Его тут же отвели к Джулиану, у кровати которого дежурил Мэтью. В комнате сразу же стало тесновато, когда в нее втиснулись врач, Варни и его жена. Бледный и едва живой Джулиан метался по кровати от жуткой боли, все его лицо было покрыто испариной, а его травмы явно несли угрозу жизни.

— Четыре ребра слева сломано, — констатировал Кларк, как только провел осмотр и вышел в гостиную. — И, похоже, открылось внутреннее кровотечение. Скорее всего, осколки костей нанесли дополнительные повреждения. Он весь избит. Что с ним случилось? А вы? — Он обратил внимание на Мэтью. — Это

вам пуля оцарапала щеку, не так ли? К тому же я вижу, что и вы тоже довольно сильно пострадали…

— Они констебли и находятся при исполнении, — объяснил Варни, прежде чем Мэтью успел заговорить. — Буквально вчера они поймали убийцу трех человек и везут его в Бристоль на суд. Очевидно, встреча выдалась… нелегкой.

— О? — Седые брови доктора приподнялись. — Ну, тогда… кажется, ваш убийца чуть не отправил на тот свет четвертого человека. Вынужден предупредить, — его голос понизился до шепота, — что могут быть новые приступы.

Это заявление заставило тревогу, тлевшую внутри Мэтью, взметнуться пламенем.

— Что? Нет! Джулиану нужен отдых, вот и все! — запротестовал он.

— Я могу туго перебинтовать ребра, чтобы уменьшить боль, но она не исчезнет волшебным образом, да и сама перевязка будет очень болезненной… мягко говоря. У меня с собой есть лауданум[47], который успокоит его и поможет ему заснуть. Хотя я и не большой сторонник этого лекарства, но, вынужден признать, оно работает. Что касается внутренних повреждений, то тут совсем другая история. Может так случиться, что поможет кровопускание, но гарантий никаких… в общем, чтобы ускорить процесс, мне нужен ланцет.

— Что? — Мэтью ощутил дрожь. — Господи! Я знаю, что может сделать с пациентом кровопускание, доктор, и я совсем не уверен, что оно вообще помогает!

— Молодой человек, у меня просто нет других предложений. У него жар и учащенное сердцебиение. Обычно сломанные ребра заживают сами собой примерно за пару месяцев. А у нас здесь случай с осложнениями. Ваш напарник вполне может скончаться прямо в этой постели, а если распространится инфекция, это произойдет и того быстрее.

— Никакого кровопускания, — отрезал Мэтью. Он приложил руку ко лбу, вспоминая, как несколько лет назад скончался его наставник и друг магистрат Айзек Вудворд. По мнению Мэтью, отвратительный процесс кровопускания лишь усугубил болезнь магистрата и, вероятно, убил его. — Пожалуйста, — дрогнувшим голосом обратился Мэтью к доктору, — не надо кровопусканий. По крайней мере, пока.

— Ну, хорошо. Я подожду. Но это на вашей совести, не на моей. Уяснили?

— Да.

Наконец, пытка перевязкой закончилась. Джулиану дали лауданум, и он, слава богу, уснул. Мэтью вышел из комнаты,

потому что больше ничего не мог для него сделать. Кларк оставил небольшой пузырек с лекарством и точные инструкции о том, в каких дозах его принимать, если Джулиан вдруг проснется и снова будет мучиться от боли. Затем доктор потратил несколько минут, вычищая рану Мэтью и промывая ее жгучим красным раствором, после того, как была наложена повязка, он попросил пять шиллингов за работу. Когда монеты были отданы, доктор пожелал хозяевам и постояльцам гостиницы счастливого Рождества и отправился домой…

— Некоторые формулы чертовски запутанные, — повторил Файрбоу, продолжая изучать книгу ядов и останавливаясь на некоторых записях, которые находил особо интригующими. — Хотя есть и достаточно простые. Все основано на силе растительных экстрактов.

Мэтью пришлось задать мучивший его вопрос:

— Как вы думаете, вы сможете помочь Берри?

— Честно говоря, ничего не могу сказать, пока не увижу ее. Здесь есть три формулы, которые потенциально подходят под ту, что использовал Риббенхофф. Для начала мне нужно изучить субъект, это все, что я могу сказать.

«Субъект» вместо «пациентки», — подумал Мэтью. Типичный Файрбоу, чья врачебная этика находится где-то на уровне бесчувственного бревна.

Мэтью оставил Файрбоу наедине с чтением и тихо проскользнул в комнату Джулиана. Беспокойство о нем не утихало с момента отъезда доктора Кларка.

Кожа Джулиана была почти серой, веки остались опущенными, даже когда Мэтью закрыл за собой дверь. Если б не хриплое тяжелое дыхание и едва вздымавшаяся грудь, можно было бы подумать, что мистер Девейн отошел в мир иной.

Постояв несколько секунд и не дождавшись никакой реакции, Мэтью подумал, что ему стоит уйти и не беспокоить раненого. Однако когда он уже повернулся к двери, до него донесся тихий измученный голос Джулиана:

— Какой сегодня день?..

— Двадцать четвертое.

— А… время?

— Около двух.

— Доктор ушел?

— Он был здесь вчера, — покачал головой Мэтью.

— Он меня бинтовал… — прошептал Джулиан, поморщившись. — Черт, как в тиски загнал. Я едва могу дышать…

— Тебе больно?

Джулиан посмотрел на него, как на умалишенного.

— Ха, — тихо выдавил он.

— Могу дать лауданум. Доктор оставил…

— Нет. Черт возьми, нет. — Он слегка пошевелился под одеялом и болезненно сморщился. Затем вымученно ухмыльнулся. — Со мной совсем все плохо, да?

— Не стану скрывать: ты знал времена и получше, — кисло усмехнулся Мэтью.

Джулиан попытался посмеяться, но вновь скривился от боли и попытался восстановить дыхание, на что, казалось, ушли последние силы.

— А ты?.. — едва слышно прошептал он. — Как… ты? Выглядишь паршиво.

— Просто не выспался. Прошлой ночью проспал, может, часа два. Мне снилось, что Лэш и Блэк преследуют меня на каком-то странном корабле, который и не был толком кораблем. Его тянули огромные морские коньки, а оба борта щетинились множеством пушек.

— Они тебя поймали? — устало спросил Джулиан.

— Нет. Они собирались, но я успел добраться до земли и наблюдал, как они подплывают ко мне все ближе, ближе… а потом они растаяли.

— Может, это тебе нужен лауданум? Мозги прочистить, — тихо произнес Джулиан.

Мэтью пододвинул стул к его кровати и сел. Лицо Джулиана блестело от пота, а под глазами пролегали темные круги. Мэтью казалось, что даже со своего места он чувствует, как сильно лихорадит Джулиана.

— Хозяйка спрашивала меня, — заговорил Мэтью, — не хочешь ли ты чего-нибудь. Может, хоть говяжьего бульона?

— Я бы не отказался от кусочка говядины, но, боюсь, внутри его не удержу. Вывернет, как было с завтраком, а это чертовски больно. Чертов Лэш! Хорошо он меня отделал, Мэтью. Этот гигантский ботинок… я до сих пор чувствую, как он бьет меня по ребрам, чтоб ему пусто было. — Джулиан несколько раз моргнул и отер пот со лба. — Какой сегодня день? — спросил он. — Сейчас ведь август…

— Завтра Рождество, — ответил Мэтью. — Ничего, скоро ты поправишься, и мы сможем завершить наше задание. Осталось совсем немного.

— Как минимум, два дня пути. Боюсь, я… какое-то время не смогу вставать…

— Рано или поздно встанешь.

— Время покажет. Как там Файрбоу? Паинька?

— Мы… пришли к взаимопониманию, — кивнул Мэтью.

— Молодец. Но если он будет тебе докучать, стукни его хорошенько. Можешь даже дать ему по шарам вместо меня.

— Буду иметь в виду.

Джулиан несколько минут молчал. Затем он снова попытался пошевелиться, но вздрогнул от боли.

— Ты можешь… возможно, тебе придется… идти дальше без меня, — с трудом выдавил он. — Ты думал об этом?

— Нет.

— Тогда ты чертов придурок. Теряешь драгоценное время.

— Время еще есть. У нас книга и химик. А еще у нас есть экипаж. Время терпит.

Мэтью услышал стук в парадную дверь. Посетитель? Возможно, вернулся доктор Кларк?

Джулиан насторожился и попытался резко сесть, но тут же мучительно вскрикнул и безвольно рухнул на подушку.

— Не могу даже сесть на постели! — выдохнул он, восстановив дыхание. — Жалкое зрелище.

— На твоем месте со сломанными ребрами я бы так не вертелся.

— Ха! — только и ответил Джулиан. Затем он снова замолчал, уставившись в потолок. От боли глаза его казались совсем запавшими. Наконец, он спросил: — Я умру, Мэтью?

— Скажу тебе, что я думаю, — ответил Мэтью. — Я думаю, что ты слишком горд, чтобы умереть в постели, забинтованный, как в тисках. Я думаю, что у тебя впереди долгая жизнь, и когда ты умрешь — а случится это через очень много лет — причиной этому будет то, что ты слишком много раз обгонял луну или слишком часто смотрел на солнце или слишком близко подошел к разрушающемуся утесу. Но умереть в постели? Нет, это не твоя судьба, Джулиан. Ты не умрешь тихо. Не твой стиль. У тебя впереди еще слишком много пропастей, над которыми тебе предстоит пройти. Так что… как ты сказал Грете Отри, все умирают, это правда. Но здесь и сейчас ты — не умрешь.

— Хорошая речь, — сказал Джулиан. — Я знаю, ты просто… ты просто не хочешь управлять той чертовой колымагой без меня.

— Это тоже правда, — натянуто улыбнулся Мэтью.

В дверь постучали. В комнату заглянул Варни.

— Мэтью? Здесь кое-кто хочет поговорить с вами.

— Со мной? Поговорить? Кто?

— Шериф Лэнсер. Из Уистлер-Грин. Он ждет в гостиной.

Мэтью встал. Сердце его забилось чаще. Зачем сюда заявился шериф? Вероятно, чтобы задать вопросы. Но кто ему рассказал? Доктор Кларк, разумеется! Два констебля сопровождают убийцу

на суд в Бристоль.

Вот дерьмо! — выругался про себя Мэтью.

— Мэтью? — позвал Джулиан, когда тот последовал за Варни. Он обернулся. — Спасибо…

— Просто держи в голове, что кровать в гостинице — не самое походящее место смерти для человека твоих талантов, — сказал Мэтью ему напоследок. — А теперь успокойся и отдохни.

Он вышел из комнаты, тихо притворил за собой дверь и направился вслед за Варни в гостиную, где перед ним предстал широкоплечий мужчина в голубовато-сером пальто и черной треуголке с малиновой полосой. Он курил трубку размером с кулак Самсона Лэша.

— Мэтью Корбетт — Шериф Гидеон Лэнсер, — представил их друг другу Варни. Шериф пожал Мэтью руку, и Мэтью подумал, что до самого нового года будет ощущать силу этого рукопожатия.

— У вас вкусно пахнет, что бы Энн ни готовила, — сказал Лэнсер, обращаясь к Варни.

— Можете остаться на ужин.

— О, Бекка меня за это по голове не погладит. Она уже поставила котелок на огонь и была в ярости, что я направился сюда, чтобы встретиться с этим молодым… констеблем, — ответил он, намеренно сделав паузу. Он улыбнулся, обнажив зубы, которые чем-то напомнили Мэтью медвежий капкан. — Так что лучше в другой раз.

— Конечно.

— Ну, хорошо. А теперь… вы позволите мне побеседовать наедине с этим мистером Корбеттом?

Варни оставил Мэтью на растерзание человеку, который — как показалось нью-йоркскому решателю проблем — мог разглядеть любой его обман прежде, чем он произнесет хоть слово.

Гидеон Лэнсер снял свою треуголку и плащ и повесил их возле двери. На нем был серый пиджак с потертостями на локтях, черные бриджи, белые чулки и простая белая сорочка. Ничего такого, что можно было бы назвать показным — разве что чаша трубки казалась непомерно огромной. Мэтью подумал, что этому человеку, должно быть, слегка за сорок. Он был среднего роста, коренастый, а его довольно короткие волосы были припорошены сединой. Пара глубоко посаженных карих глаз, казалось, пронзала Мэтью насквозь и могла распознать ложь за версту. По крайней мере, Мэтью не мог избавиться от этого ощущения. Нос же был грубым и искривленным — похоже, ему не раз приходилось участвовать в уличных драках. А на шее около

подбородка изгибался небольшой шрам.

Строго говоря, этот человек пугал Мэтью до полусмерти.

— Присядьте, — попросил Лэнсер, указав на одно из двух коричневых кожаных кресел, что стояли по обе стороны небольшого стола перед очагом. Мэтью послушался, и Лэнсер занял второе кресло. Он с минуту раскуривал свою трубку, и, наконец, выдохнув облако дымы, спросил: — Итак? Какова история?

— Простите?

— История, — повторил Лэнсер. — Вчера днем ко мне явился доктор Кларк. Сказал, что здесь два констебля из Бристоля, оба избиты и изранены, а один почти при смерти. Сказал, что у одного из них сломаны ребра, а у другого — след от пули на правой щеке. Я так понимаю, это вы. — Шериф кивнул. — Доктор Кларк сказал, что эти два констебля сопровождают в Бристоль из Лондона человека, который совершил три убийства. Вот я и спрашиваю: какова история?

Мэтью замялся.

— Ну… сэр… это и есть вся история.

— Только часть, — поправил его Лэнсер. Он отправил трубку в рот и пожевал ее кончик. Карие глаза сделались холодными и бесстрастными. — Экипаж, на котором вы — *констебли* — прибыли, чертовски хорош. Уверен, что за *этим* — тоже стоит своя история.

— Боюсь, что мы были вынуждены реквизировать экипаж. Нам пришлось спешно увозить нашего преступника из дома, где…

Думай, думай! — приказал себе Мэтью.

— … где скрывалась его *банда*. У нас просто не было выбора.

— И где же находился этот дом?

— Эээ… в Лондоне, конечно же.

— А район? Какой?

— Хм… Эндсли-Парк-Роуд.

— Угу. — Шериф снова затянулся. Дым, пахнущий пряным табаком, неспешно проплывал мимо лица Мэтью. — Я знаю этот район. Я, знаете ли, много лет прожил в Лондоне. Мои двое сыновей сейчас там живут. Это *хороший* район. И это не то место, где обычно можно встретить банду убийц.

— Тем не менее, — покачал головой Мэтью, — все случилось именно там.

— Получается, вы и ваш… напарник… были направлены в Лондон постановлением Бристольского суда, чтобы пробраться в дом на Эндсли-Парк-Роуд и арестовать этого убийцу? А как насчет остальных членов его, — он снова затянулся и выдохнул, — *банды*?

— Они… плохо кончили, — ответил Мэтью.

— Прошу прощения, но мне слабо верится, что вы — можете обезвредить банду головорезов.

— Ну, — пожал плечами Мэтью, грустно усмехнувшись, — полагаю, это и делает меня таким ценным сотрудником. — Прежде чем шериф что-то ответил, Мэтью выпалил: — На самом деле, сэр, я не просто констебль. На самом деле я сотрудник агентства «Герральд». Может, вы когда-нибудь слышали о нем?

Лэнсер продолжал молча курить трубку, наблюдая, как дым дрейфует к камину, где его вытягивает в трубу.

— Конечно, — сказал он. Выражение его лица сделалось пустым. — Когда я жил в Лондоне, я тоже работал в агентстве «Герральд» — сколько? — пять лет. Нет, шесть. Шесть лет. И четыре месяца. Да, почти ровно четыре.

Мэтью сидел неподвижно, рот его раскрылся от изумления.

— Полагаю, как сотрудник агентства «Герральд», — сказал Лэнсер, — вы знаете и имя его основателя.

Мэтью заставил голос обрести силу. Вышло не без труда:

— Ричард. К сожалению, он… скончался.

— И вы, разумеется, должны знать его очаровательную вдову Кэролайн.

— Да, только очаровательную вдову зовут Кэтрин, — поправил Мэтью.

— Ах, да! — Лэнсер кивнул. — Так и есть.

Мэтью не знал, что еще может сказать, поэтому просто сидел, как лягушка на бревне, и ждал, что будет дальше, боясь квакнуть.

— Вот это были деньки! — произнес шериф Уистлер-Грин. — Опасные, надо сказать, деньки. Я тогда еще не был женат. Ни за что не заставил бы жену проходить через все это. Как только мы с Беккой поженились, я уволился. На самом деле, я начинал юристом в Лондоне. Но мне хотелось действия, хотелось быть адвокатом, — он помедлил. — Надо сказать, действий оказалось настолько много, что для меня это было уже слишком. Это интригует, о, да, но хотел я не этого. Интересно вот что, Мэтью — вы же не против, что я буду называть вас Мэтью? — будучи шерифом маленького городка, я не испытываю недостатка ни в интригах, ни в активных действиях. Не представляете себе, сколько всего творится в маленьком городке!

— Вообще-то, представляю, — возразил Мэтью. — Я живу в Нью-Йорке. Это в колониях.

— Да, — ответил Лэнсер. Взгляд его в этот момент стал холоднее декабрьской ночи. — Я знаю, где Нью-Йорк, сынок.

— Я не хотел вас обидеть…

— А никто и не в обиде. — Он пожал плечами и вернулся к

трубке. — Быть шерифом — это очень интересная работа. Крик в пустом доме, пронзающий ночь. Сбежавшая лошадь с привязанным к ней мертвецом. Человек, потерявший память, одетый в костюм шута и неспособный перестать смеяться. Женщина, которой постоянно снится колдун, приказывающий ей убить шерифа Уистлер-Грин, а иначе вся ее семья погибнет. — Он покачал головой. — Очень интересная работа. Но поговорим о *вашей* работе, Мэтью. И вашем пребывании здесь вместе с напарником, у которого сломаны ребра, при том, что у вас самого — след от пули на щеке. Вы прибыли в богатом экипаже — самом богатом, что я когда-либо видел. Но, вот незадача, у него оторвана одна дверца. В багажном отделении валяется заряженный пистолет, а сам отсек измазан запекшейся кровью, и что-то похожее на мозговое вещество забрызгало заднюю стенку экипажа. В свете этого вся история с убийцей из Бристоля кажется мне — как бы это вежливо сказать? — малость неправдоподобной. Вроде бы именно так выразился во время визита доктор Кларк, и я разделяю его позицию. Думаю, вы понимаете, почему.

Мэтью сглотнул тяжелый ком, подступивший к горлу. Неужели они забыли второй пистолет Мэрды в багажном отделении? А мозговое вещество осталось после выстрела Мэтью?

— Скажете что-нибудь? — просочился из облака дыма вопрос шерифа.

Мэтью растерялся, и выпалил первое, что пришло на ум:

— Хадсон Грейтхауз — мой друг.

Дым медленно кружил вокруг головы Лэнсера.

— И если я — *мы* — не попадем туда, куда едем, Хадсону грозит опасность. Он прямо сейчас в опасности. Поэтому я не могу… и не стану больше ничего вам говорить, простите, сэр.

Повисло напряженное молчание, затем прозвучало тихое:

— Хадсон в Бристоле?

— Нет, — выдохнул Мэтью. — Не в Бристоле. На самом деле мы направляемся не туда.

Последовала новая, более длительная пауза.

— Помощь нужна?

Мэтью на миг задумался и сказал:

— Я хотел бы получить от вас сопроводительную грамоту о том, что мы с моим другом — констебли и направляемся в Бристоль, конвоируя убийцу. Скорее всего, нам еще, как минимум, дважды придется останавливаться в гостиницах. И не факт, что и там мы не привлечем внимание местных шерифов.

— Для такой грамоты понадобится больше, чем моя подпись. Для этого понадобится официальная восковая печать. — Лэнсер

опустил трубку. — А иначе такие грамоты подделывали бы все, кому не лень.

Мэтью молчал, ожидая продолжения. Однако казалось, Лэнсер тоже чего-то ждал. Не выдержав, Мэтью вздохнул и спросил:

— Значит, с этим вы нам помочь не сможете?

Удерживая трубку зубами, шериф сложил руки на груди и посмотрел на костяшки своих пальцев. Мэтью невольно отметил, что эти руки — своими шрамами и отметинами — безумно напоминают ему руки Хадсона Грейтхауза. Как он там говорил? *Опасные были деньки?*

— Я помню свои дни в агентстве, — заговорил, наконец, Лэнсер. — Мне посчастливилось выбраться из множества передряг. О многих из них я никогда не смогу рассказать Бекке. — Он криво улыбнулся. — Вообще-то, таких историй большинство. Потому что… иногда мне приходилось делать нечто такое, из-за чего я мог бы запросто угодить за решетку. И Хадсону тоже приходилось. В конечном итоге все это было к лучшему. Думаю, благодаря именно этому я теперь стал тем, кого вы перед собой видите.

— Понимаю, сэр, — отозвался Мэтью.

— Да, — протянул Лэнсер. Он так и не сказал, сможет ли выполнить просьбу Мэтью, похоже, что сейчас он вообще не намеревался об этом говорить.

Внезапно Лэнсер встал.

— Эдмонд! — окликнул он. — Я отчаливаю!

Супруги Варни вышли из кухни. Они перемолвились парой слов о рождественском сезоне, упомянули праздничный пир Бекки Лэнсер, после чего шериф снял с крюков пальто и треуголку и надел их.

— Рад познакомиться с вами, мистер Корбетт, — сказал он, и еще раз обменялся с мужчинами рукопожатием, сила которого, как казалось Мэтью, легко могла сломать кости. Покончив с церемонией, он добавил: — Наслаждайтесь компанией этих прекрасных людей. Надеюсь, что второй констебль скоро поправится, и вы сможете успешно доставить свою… *добычу* в Бристоль. Хорошего дня!

С этими словами, выпустив последнее облако дыма, шериф Уистлер-Грин вышел из дома и направился туда, где была привязана его лошадь. Мэтью наблюдал из окна, как он поднялся в седло и уехал.

— Как прошла встреча? — спросил Варни. — Продуктивно?

— Посмотрим, — туманно отозвался Мэтью.

Глава тридцать вторая

Рождественский рассвет озарил свежевыпавший снег солнцем. Это ясное утро подарило уставшему от серости миру ослепительно голубое небо без единого облачка. Эдмонд и Энн Варни сидели у камина. Мэтью расположился рядом с ними и с чашкой горячего чая, приправленного корицей, слушал, как хозяин гостиницы читает вслух библейскую историю о рождении Христа. Создавалось впечатление, что Варни проводят каждое Рождество в столь уютной обстановке.

Накануне вечером Мэтью и Файрбоу насладились праздничной трапезой — фазанами, бататом и жареными кукурузными лепешками. Наутро, явившись в комнату доктора с миской овсянки, Мэтью застал Файрбоу за изучением книги ядов. Для обычного человека разобраться в ее хитросплетениях было попросту невозможно, но, похоже, для талантливого химика это была книга, полная интригующих записей, которые могли всерьез увлечь.

Тем лучше, — подумал молодой решатель проблем, оставляя Файрбоу наедине с чтением.

Следом Мэтью решил проведать Джулиана. Раненый спал и, похоже, состояние его не изменилось — по крайней мере, не наблюдалось никаких заметных улучшений, которые бросались бы в глаза. В надежде на лучшее Мэтью осторожно прикоснулся ко лбу Джулиана, но лишь убедился в том, что лихорадка не отступила. От прикосновения Джулиан зашевелился и болезненно застонал, но не проснулся. За весь вчерашний день он так ничего и не съел, сумел лишь выпить полстакана чая. Единственным хорошим знаком было то, что кровью Джулиана больше не тошнило.

Мэтью оставил напарника отдыхать, надел шерстяную шапочку и одно из пальто Варни с теплой флисовой подкладкой и отправился на прогулку по заснеженному полю. Он побрел туда, где недавно оставил окровавленную шубу из шкуры белого медведя — лишь чтобы обнаружить, что она исчезла, а все возможные следы скрыл свежий снег, выпавший за минувшие дни.

Удивительно, что шериф Лэнсер ничего не обнаружил, — подумал Мэтью, тут же поставив это предположение под сомнение: *— Впрочем, возможно, именно он-то и нашел эту шубу…*

Возвращаться в гостиницу не хотелось, и Мэтью, спрятав руки

в карманы от холода, поплелся дальше. Он надеялся, что свежий морозный воздух очистит его сознания от образов, что являлись к нему в кошмарных снах. Ночами, стоило закрыть глаза, его преследовали не только Лэш и Блэк, но и остальные бандиты: Мэрда, Львица Соваж, Краковски, Монтегю и даже Виктор и Боген. Не обходились его кошмары и без убитых пруссаков — Пеллегара и Брюкса — которые монотонно стучали в дверь гостиничной гардеробной. И хотя они никогда не представали перед ним во всей своей ужасающей мертвецкой красе, Мэтью раз за разом цепенел от страха, что они, пошатываясь, покинут место своего временного упокоения и потребуют назад свои парики.

Ему снилось, как он сидит в карете с Элизабет Маллой, и она рассказывает ему историю своей жизни, и с каждым ее словом Мэтью все явственнее ощущал, что помимо них в экипаже есть кто-то еще. Посмотрев направо, он встречался взглядом с Дикаркой Лиззи с ее устрашающими острыми когтями, восковым лицом и блестящими темными глазами. Внезапно, под аккомпанемент голоса Элизабет, Дикарка Лиззи начинала царапать себя, разрезать свою плоть на окровавленные ленты, которые развевались, словно подхваченные демоническим ветром. И когда она, наконец, прорезала себя достаточно глубоко, из ее нутра показывалась маленькая девочка с испуганными глазами, которая всхлипывала и сжималась в комок в попытке защитить себя. Было горько осознавать, что эту девочку уже никто никогда не утешит.

А еще ему снилась Берри.

Она была такой, какой он знал ее до наркотика: прекрасной, энергичной… немного упрямой… нет, *очень* упрямой… но это была она, та самая, во всей своей красе. Они гуляли в парке и, судя по окружающей обстановке, на дворе стояла ранняя осень. Легкий ветерок, пронизывающий кроны деревьев, сдувал с них красные и желтые листья.

Вдруг Берри положила руку на плечо Мэтью и произнесла:

— *Спаси меня*.

— *Да*, — ответил он. — *Я спасу тебя, обещаю*.

И там, в его сне, перед ними простирался маленький пруд, сверкающий серебром, который оставался спокойным и невозмутимым даже когда ветер проносился над его поверхностью. Мэтью взял Берри за руку, и они остановились у воды, созерцая ее красоту. Вдруг пруд начал подниматься над землей, деформируясь и принимая вертикальное положение. В толще воды показались отражения Мэтью и Берри. Они всмотрелись в них, и тогда нечто темное, жуткое, мерзкое и отвратительное зашевелилось по ту сторону зеркала, которое

начало стремительно чернеть. Прямо на глазах монстр увеличивался в размерах, расправлял крылья и отращивал уродливую голову, покрытую бородавками. Среди росчерков молний, которые пробивались сквозь стекло и обвивали отражения Мэтью и его возлюбленной, словно щупальца осьминога-людоеда Профессора Фэлла, Мэтью рассмотрел, что гротескная тварь была одета в плащ цвета воронова крыла и имела лицо Кардинала Блэка.

Кошмары толком не давали Мэтью спать, и сейчас, бредя по снегу, он чувствовал себя совершенно измотанным. Продолжая брести под слепящим зимним солнцем, он прикрывал глаза, позволяя морозному ветру обдувать его лицо, потому что каждый порыв приносил хоть немного бодрости.

Казалось, лишь теперь Мэтью сумел оценить, как сильно ему повезло: он остался в живых после всех злоключений! Ему словно улыбнулась сама Судьба. Или, по крайней мере, предоставила шанс на успех, которым Мэтью не преминул воспользоваться. А ведь в самом начале миссии сама идея о том, чтобы вернуться в Прекрасный Бедд с книгой и химиком, казалась невозможный.

Впрочем, будь Мэтью один, это *и было бы* невозможно. Без Джулиана. Без плохого человека, проложившего им весь этот путь. Поэтому, замерев посреди заснеженного поля, по которому протягивалась цепочка свежих следов, Мэтью вознес молитву за Джулиана Девейна. Просить слишком долго и навязчиво он не стал, решив, что если кто-то и слушал его мольбы, то уже, должно быть, принял их к сведению. Для себя Мэтью и вовсе не стал ничего просить — ему казалось, что плохой человек нуждается в молитве больше, чем хороший.

Постояв немного под лучами солнца, дающими обманчивое, почти летнее тепло, в то время как в тени все еще лютовала зима, Мэтью повернулся и зашагал по своим же следам назад, к гостинице.

Ближе к вечеру перед «Летящим Драконом» спешился всадник и привязал коня к коновязи. Это был молодой человек, закутанный в новое шерстяное пальто и такую же новую шерстяную шапочку — рождественские подарки от матери и отца из Уистлер-Грин. Он достал из седельной сумки кожаный цилиндр, подошел к парадной двери и позвонил в колокольчик.

— Привет, Билли! — поприветствовал его Варни, открыв дверь. — Заходи, выпьешь чашечку чаю!

— Не могу, сэр, но спасибо за предложение, — ответил молодой человек. — Надо возвращаться. Меня прислал шериф Лэнсер, он велел передать это мистеру Корбетту. — Юноша открыл цилиндр, извлек из него сверток пергамента и протянул

его Варни, который знал, что Мэтью в данный момент сидит у постели своего товарища констебля. — Официальное дело, знаете ли, — пояснил Билли.

— Я прослежу, чтобы он это получил. Надеюсь, у тебя все хорошо?

— Прекрасно, сэр. А как у вас с женой успехи?

— Тоже все в порядке. Как всегда. Уверен, что не хочешь выпить чаю перед обратной дорогой?

— Уверен, сэр. Мне пора возвращаться домой, меня ждут родители.

— Тогда ладно. Передай им от меня привет.

— Обязательно, сэр, передам. — Билли отправился в обратный путь, но, прежде чем Варни закрыл дверь, он обернулся и воскликнул: — О… сэр… я чуть было не забыл передать сообщение мистеру Корбетту от шерифа Лэнсера.

— И что же он просил передать?

— Счастливого Рождества, — отрапортовал Билли и зашагал к своей лошади.

****

Следующим утром Мэтью проснулся от очередного кошмара. На этот раз его преследовало ощущение неминуемой гибели и мучили образы неясных лиц, двигающихся из стороны в сторону, словно чернильные пятна на темном фоне.

Стремясь побыстрее стряхнуть с себя остатки сна, он поднялся со своего тюфяка, что лежал на полу у изножья кровати Файрбоу и взглянул на доктора. Тот спал сном младенца, его, похоже, ничто не тревожило.

Тяжело вздохнув, Мэтью облачился в просторный халат, принадлежавший Эдмонду Варни — собственная его одежда, как и одежда Джулиана, еще не просохла после стирки, любезно устроенной миссис Энн. Хозяйка гостиницы была добра и участлива к остановившимся у нее «констеблям», однако в отношении «тройного убийцы» держалась подчеркнуто холодно и надеялась, что Мэтью хорошо его охраняет. Стирать одежду Файрбоу она не предлагала, поэтому доктору приходилось довольствоваться только теплом, едой и крышей над головой — что после его злоключений уже было немало.

Тихо выскользнув из комнаты, Мэтью отправился подышать зимним воздухом, чтобы очистить разум от призраков, мучивших

его во снах. Сразу за порогом он остановился, чтобы взять слабо горящий фонарь с ближайшего стола. Едва потянувшись к нему, Мэтью заметил, что дверь в комнату Джулиана приоткрыта. Ощутив легкую тревогу, он тихо вошел в комнату и, осветив помещение фонарем, обнаружил, что кровать пуста.

Его внимание привлек какой-то шум. Он прошел в гостиную, где обнаружил, что завернутый в одеяло Джулиан помешивает кочергой в камине угли.

— Мне казалось, доктор не рекомендовал тебе вставать с кровати, — заметил Мэтью, несказанно обрадовавшись, что напарник, похоже, идет на поправку.

— А что делать, если я проснулся от холода? — буркнул Джулиан, бросив на Мэтью быстрый взгляд через плечо. — В той проклятой комнате сквозит, — продолжил он, отвернувшись. Несколько секунд он молчал, и Мэтью не спешил ничего говорить, пытаясь оценить его состояние. Затем Джулиан все же нарушил тишину: — Я пропустил Рождество, да?

— Всего на несколько часов, — ответил Мэтью.

— Мне всегда нравилось Рождество. — Джулиан продолжал осторожно ворошить угли. Было заметно, что каждое движение все еще причиняет ему боль, но, похоже, опасности для жизни его травма больше не представляла.

Мэтью перевел взгляд на камин, где несколько язычков пламени лениво лизнули обугленный кусок дерева.

— Знаешь, мне кажется, можно наслаждаться Рождеством даже без веры в Бога, — тихо сказал Джулиан.

— Думаю, я с тобой соглашусь.

Джулиан перестал орудовать кочергой, отложил ее в сторону и, поморщившись, протянул ладони к теплу.

— Мы все еще в той же гостинице? — спросил он. Голос его звучал по-прежнему слабо и устало.

— Да, в той же.

— Полагаю, из-за меня. — Одной рукой он осторожно коснулся повязки, которая предохраняла его ребра от слишком интенсивных движений. — А этот доктор… парень не промах, поработал на совесть — стянул крепче некуда. Я на всю жизнь запомню ту экзекуцию. — Он бросил на Мэтью суровый взгляд. — Но почему, черт возьми, ты не уехал? Будь я на твоем месте, меня бы уже и след простыл.

— Если верить расчетам Фэлла, — ответил Мэтью, — у нас еще есть время. К тому же Файрбоу согласился больше не доставлять нам хлопот. На самом деле, я все ему растолковал, и теперь он с нетерпением ждет встречи с Профессором.

— Ясно. Знаешь, ты упустил свое призвание. Тебе надо было

стать политиком. Или *священником*.

— Сомнительный выбор, — хмыкнул Мэтью.

— Мне… нужно присесть, — выдохнул Джулиан и очень медленно опустился в кресло. Его лицо все еще было серым и по нему периодически пробегали тени боли.

— У тебя был жар.

Джулиан провел рукой по своей бритой голове.

— Ну, теперь у меня озноб, так что, очевидно, меня больше не лихорадит. Но я чертовски *голоден*. Мой желудок — бездонная яма. Можешь мне что-нибудь принести?

— Сейчас посмотрю. — Мэтью не хотел будить Варни, которые спали в дальней комнате, поэтому, освещая себе путь фонарем, тихонько прокрался мимо их двери на кухню, где обнаружил на блюде две кукурузные лепешки, оставшиеся от последней трапезы. Он отнес блюдо Джулиану, который прикончил скучную снедь за несколько секунд и попросил что-нибудь попить. Мэтью вернулся на кухню и нашел в кладовке глиняный кувшин с яблочным сидром. Он отмерил кружку, и Джулиан выпил сидр так, словно это был напиток богов.

— Уже лучше, — сказал Джулиан. — Не идеально, — он качнул головой, — но определенно лучше. Мы должны отправиться в путь с первыми лучами солнца.

— Не думаю, что ты уже к этому готов, — нахмурился Мэтью.

Джулиан ответил не сразу:

— Может быть, и так. Управлять экипажем я точно не смогу.

— Остаток пути я поведу сам. Думаю, у нас будет еще две остановки, прежде чем мы доберемся до места.

— Хорошо. — Джулиан закрыл глаза и замолчал. Мэтью подумал, что он уснул сидя, но Джулиан, не открывая глаз, сказал: — Я убил много людей. *Много*. Я даже сбился со счета. Это ведь ужасно, правда?

— Честно? Да.

— Некоторые заслуживали смерти. Другие — нет. — Он открыл глаза. — Я же должен чувствовать себя виноватым, ведь так?

Мэтью не знал, что отвечать. Ему казалось, что настоящую вину Джулиан чувствует за смерть мальчика, угодившего под копыта его лошади на той лондонской улице, на напоминать ему о том случае он не стал.

— А я не чувствую вины. — Плохой человек сам ответил на свой вопрос. — В моей профессии… моем *призвании* вина ведет к самоанализу, самоанализ — к колебаниям, а колебания — к смерти. Я не боюсь ее, просто пока не хочу с ней встречаться. Тебе это кажется разумным?

— Ты не прикончил Лэша, — сказал Мэтью. — У тебя был шанс. Почему ты этого не сделал?

— Лэш уже был на полпути к смерти. Я не хотел терять время. Ты думаешь, я должен был проявить милосердие и не позволить ему лежать в снегу и доживать свой век? Его час пробил. Я не хотел терять время, — повторил он и замолчал, наблюдая, как танцует маленький костерок в камине. Затем он сделал короткий, но болезненный вдох и медленно выдохнул. — По правде говоря… в некотором смысле… я им восхищался. Я думаю… несмотря на то, кем он был… Лэш во что-то верил. У него было в*и*дение… план… *надежда*. У меня никогда не было ничего подобного. Каждый последующий день для меня не отличается от предыдущего. Однотипные задания снова и снова. Однотипные убийства снова и снова. О, без сомнения, я *хорош* в том, что я делаю.

— Не буду спорить, — отозвался Мэтью.

— *Мастер* своего дела, — продолжил Джулиан. — Профессионал, упорно трудящийся ради строительства… чего? Будущего? Мое будущее состоит из времени, которое у меня осталось до того момента, когда кто-то более опытный — или более удачливый — прикончит меня. Более молодой пистолет, так сказать. Хотя я и *не стар*. Совсем не стар. По крайней мере, пока. Но… мне бы хотелось во *что-то* верить, Мэтью. Хотел бы я иметь то, чем обладал Лэш. Я забрал это у него, потому что понял, что мне не на что надеяться. — Джулиан болезненно хохотнул. — У меня не было своей надежды, поэтому я решил сжечь чужую. Он был плохим человеком, Мэтью?

— Я бы не назвал его методы безупречными.

— Но его мотивы… был ли он поистине плохим? — спросил Джулиан, и по его виду казалось, что ответ ему хочется услышать больше всего на свете. — Ну же… ответь… был ли он плохим?

Мэтью не знал, что на это сказать.

Самсон Лэш мечтал построить воздушный корабль — не только чтобы потешить свое самолюбие, но и во имя укрепления военной мощи Англии перед лицом будущих врагов. Само собой, это была безумная идея, но кто знает, что может принести с собой время?

Кем еще был Самсон Лэш? Человеком, который позволил Элизабет вырасти за пределами психиатрической лечебницы Хайклиффа. Также из-за его странной — можно сказать, извращенной — любви к ней он давал контролируемый выход Дикарке Лиззи, обезопасив тем самым улицы Лондона.

Его доверенное лицо, — подумал Мэтью. Лэш никогда не прикасался к ней, ибо не испытывал такого желания. Но *почему?*

Потому что оставался верен жене, которая сошла с ума? Трудно было сказать наверняка.

Так все-таки: плохой или хороший?

Мэтью осознал, что однозначного ответа на этот вопрос не существует. В Лэше было перемешано и то, и другое. Как, быть может, и в каждом человеке, ходившем по этой Земле.

Кроме одного.

Того, кто носил титул Черного Кардинала. В нем Мэтью не видел ничего, кроме рвения к власти… к *демонической* власти. И он очень сомневался, что у Блэка были хоть насколько-то гуманные мотивы для его связи с *Повелителем*. Страшно представить, что сделает Блэк, заполучив то зеркало…

Скорее всего, просто разочаруется, потому что творение Киро Валериани должно было быть простым куском черного стекла. Сама идея о том, что существует зеркало, созданное колдуном, чтобы вызывать демонов ада, была *абсурдом*.

— Блэк, — сказал Мэтью. — Думаешь, он выжил?

Джулиан был явно разочарован, не получив ответа, но вопрос Мэтью все же завладел его вниманием, и он крепко задумался.

— Если нет, то всегда найдется кто-то подобный ему, кто займет его место.

Казалось, эти слова выбили из него остатки сил. Он попытался встать, но самостоятельно этого сделать не смог, и Мэтью пришлось помочь ему добраться до комнаты. С его же помощью Джулиан опустился в кровать и проспал до полудня.

На следующий день, заметно прихрамывая и придерживая больной бок, Джулиан явился на кухню и спросил у Энн Варни, не найдется ли чего-нибудь поесть, добавив, что, если ему предложат говядину, он будет счастлив, как Ребенок в канун Рождества. Миске говяжьего супа удалось его осчастливить.

Следующий день выдался очень солнечным, и Мэтью решил вывести Файрбоу подышать свежим воздухом. Чтобы не беспокоить Варни, он показательно связал запястья доктора и держался с ним подчеркнуто строго.

На следующее утро приехал доктор Кларк, чтобы осмотреть своего пациента, который в тот момент был одет в халат и сидел в гостиной, играя в вист с Варни и Мэтью. Отругав Джулиана за чрезмерную активность, Кларк оценил его состояние как тяжелое, но не мог не отметить, что пациент семимильными шагами движется к выздоровлению.

Примерно через три часа после ухода доктора перед домом остановилась карета, из которой вышли хорошо одетые мужчина и женщина, их дочь лет четырнадцати и два бизнесмена, направлявшиеся из Плимута в Лондон. Было очевидно, что этой

группе вновь прибывших путешественников необходимо отдохнуть и остаться на ночь. Это означало, что Мэтью и Джулиану настало время распрощаться с Варни и отправиться в путь, облачившись в свежевыстиранную одежду.

Перед тем как покинуть гостиницу, Мэтью приобрел у Варни пальто и шапку — хозяин гостиницы не отказался их продать, потому что мог легко купить им замену в Уистлер-Грин. К покупке добавились два добротных шерстяных одеяла, чтобы обеспечить комфорт пассажирам в полуоткрытом сухопутном корабле. Похоже, Варни сейчас был готов продать «констеблям» что угодно, лишь бы они поскорее увезли из его дома «мерзкого убийцу» Файрбоу, неприязнь к которому уже было бесполезно скрывать.

Подкрепившись перед отъездом, выспавшись, захватив с собой сопроводительную грамоту и книгу ядов, Мэтью, Джулиан и Файрбоу отправились в путь под бескрайним голубым небом. Вожжи были в руках Мэтью, и гоня упряжку быстрым галопом прочь от «Летящего Дракона», он надеялся, что кровавая бойня у дороги, что вела на юго-восток, уже была обнаружена каким-нибудь экипажем, направлявшимся на северо-запад, и что очередной прелестной четырнадцатилетней дочери никогда не придется видеть таких сцен насилия.

Часть пятая. Откровение

Глава тридцать третья

Подзорная труба была установлена на штатив и обращена на северо-запад, куда уходила дорога, по которой уехали Мэтью и Джулиан Девейн. У подзорной трубы стоял Хадсон Грейтхауз, и перед его взором стелилась пустынная лента тракта, тянущаяся вдоль плоской равнины валлийского пейзажа. Хотя дневное небо было синим, а облака плыли высоко, над крышами «Прекрасной Могилы» то и дело проносились сильные порывы сурового ветра, дующего с моря.

Хадсон стоял у парапета крепости Фэлла, прямо над телегой, блокировавшей проход в стене из серого камня. Дубовые ворота, которые были разворошены взрывом во время нападения почти две недели назад, все еще находились в процессе восстановления.

По обе стороны от Хадсона по крепостным валам прохаживались два охранника с мушкетами, и когда Грейтхауз снова посмотрел в подзорную трубу, один из них направился к нему.

— Что-нибудь видно? — спросил он. Хадсон узнал его, этого человека звали Дэн Грейвлинг.

— Ничего, — ответил Хадсон. Он отошел от трубы, поправил воротник своего коричневого вельветового пальто и натянул его повыше. Из-под черной шапки выглядывали его массивные уши. — Но он вернется, я знаю.

— Хочешь сказать, *они оба* вернутся.

Хадсон мрачно улыбнулся. В эту игру слов они уже играли на прошлой неделе.

— Конечно, Дэн. Я это и хотел сказать.

Грейвлинг оперся на свой мушкет.

— Я уже давно об этом думаю и решил спросить. Ты такой верзила, — пожал плечами он. — Как им удалось тебя сюда затащить?

— Секрет прост: женское колено бьет тебя в лицо, а три бандита с пистолетами помогают, — ответил Хадсон, вспоминая здоровенное колено Матушки Диар, которое отправило его в страну грез, и то, что прийти в себя он смог только в охраняемом экипаже, уже везущем его вместе с Берри Григсби в деревню Фэлла. В «Прекрасную Могилу», являвшуюся, по сути, тюрьмой для всех ее жителей и расположенную на продуваемом всеми ветрами побережье Уэльса.

— Она была красоткой?

— О, да, еще какой. Настоящая бестия. Уложила меня, как

мальчишку. — Хадсон понимал, что этому человеку было знакомо как имя Матушки Диар, так и ее отвратительная внешность с лягушачьим лицом. Он решил умолчать о ней, потому что меньше всего на свете любил разрушать чужие фантазии.

— Бывает же, — ответил Грейвлинг. Хадсон симпатизировал ему. Грейвлинг был простым разнорабочим, угодившим сюда не потому, что хотел служить злому гению Профессора Фэлла, а потому, что в умудрился запятнать свое доброе имя и теперь вынужден был скрываться от закона, бежав из Ньюпорта. Деревня Фэлла давала ему убежище и защиту. Там, в Ньюпорте, Грейвлинг был осужден за нападение на судью. Сторожем он оказался умелым, но мозгами природа его явно обделила — по крайней мере, Хадсону так казалось.

Грейвлинг извлек из небольшого мешочка, вынутого из кармана пальто, маленькую щепотку табака, вдохнул ее и предложил Хадсону. Тот покачал головой и снова обратился к подзорной трубе.

— И так каждый день. Я тебя здесь даже ночью видел, — заметил Грейвлинг. — Стоишь тут и в холод, и в снег. Как будто за этим снегопадом можно что-то разглядеть. Этот парень — Корбетт — похоже, задолжал тебе кучу денег, раз ты так его выжидаешь.

— Тысячи фунтов, — буркнул Хадсон, перемещая подзорную трубу в попытке разглядеть что-то в далеких лесах.

— Серьезно?

— Чистая правда.

— Ну, тогда не удивительно, что ты так часто сюда приходишь и ждешь, что он вернется. Я хотел сказать, что *они вернутся*. С мистером Девейном меня… как бы это сказать… ничего не связывает, но он, вроде, неплохой парень. Ну, или изображает неплохого парня — как знать. Он хотя бы заговорит с тобой в ответ, если к нему обратиться.

— Говоришь о нем так, как будто он особа королевских кровей.

— Королевских? Нет, он не из родовитых. Обычный парень.

Хадсон хмыкнул и продолжил наблюдать за пустой дорогой.

— А ведь не только ты заинтересован в том, чтобы они поскорее вернулись, — обронил Грейвлинг. Когда Хадсон посмотрел на него и вопрошающе изогнул бровь, Грейвлинг кивнул головой с седоватой бородой в сторону самого сердца поселения под названием Прекрасный Бедд.

Поверх почерневших руин нескольких разрушенных зданий, над восстановлением которых неустанно трудились рабочие, Хадсон увидел человека, стоявшего на верхнем этаже своего

похожего на замок логова и также прильнувшего к подзорной трубе, которая была повернута к дороге.

— Я слышал разговоры, — прошептал Грейвлинг. — Поговаривают, что вы с ним сдружились.

— Преувеличивают. — Хадсон прислонился к стене крепостного вала и пожалел, что не догадался взять с собой бутылку чего-нибудь горячительного и очень крепкого.

— Я слышал, ты с ним ужинал.

— Было такое. Некоторое время назад.

— Ну, пусть так, и все же… — Он пожал плечами. — Лично мне даже *видеть* его так близко не доводилось. Ну, я имею в виду… я, конечно, видел его в ту ночь на площади, когда мы отплатили захватчикам. Но ближе — никогда. — Глаза Грейвлинга прищурились. — А вот теперь он снова заходит внутрь. Такому тщедушному человеку, как он, должно быть, непросто выносить зимний холод, но не пройдет и часа, как он снова выйдет к трубе. Сам, наверное, замечал. Может, кто-то из этих ребят задолжал и *ему*?

Хадсон понял, что Грейвлинг просто пытается выспросить у него, что происходит. Видимо, местные охранники выстроили свои причинно-следственные связи происходящего и стали раздувать вокруг них слухи, в которых Грейвлинг увяз по уши. Он явно ощущал недостаток информации и просто хотел разобраться, что же происходит на самом деле.

— Может, и задолжал, — отозвался Хадсон.

— Я видел, как они уезжали. Этот парень, Корбетт, с мистером Девейном. Не очень они подходят друг другу в напарники. Пожалуй, совсем не подходят, как по мне.

— Согласен, — кивнул Хадсон. — Но я надеюсь, что сильные стороны одного помогут выжить другому.

Хотя его надежды больше сводились к тому, что Джулиан Девейн каким-то чудом сможет уберечь Мэтью от смерти. Но познав на собственной шкуре натуру приспешников Профессора, Хадсон склонялся к мысли, что куда с большей вероятностью Девейн попросту убьет Мэтью… если *еще* не убил. Если так, то взбираться на этот парапет, ежедневно вытаптывать здесь снег и вглядываться в окуляр подзорной трубы, было просто бессмысленно.

— Экипаж едет! — крикнул второй охранник. Это был МакБрей, невысокий худощавый мужчина, который в прошлом убил свою свекровь.

Хадсон инстинктивно посмотрел на северо-запад, но дорога на Аддерлейн оставалась пустой. Тогда он повернулся на юго-восток…

… и увидел *это*.

Далеко, на расстоянии в пару миль…

Хадсон перенаправил подзорную трубу и приник к ней.

— Экипаж едет! — снова закричал МакБрей, на случай, если люди на других участках крепостного вала не расслышали с первого раза. Его крик эхом разнесся по деревне.

Хадсон разглядел странного вида карету. Она была *огромной*. Ей бы больше подошло название «корабль», чем карета, а тащила ее четверка гигантских лошадей. И… кто же сидит на месте возницы? Пальто, шапка надвинута так, что закрывает часть лица… Разглядеть что-либо трудно.

— А вот и он, снова вышел посмотреть, — возвестил Грейвлинг. Хадсон не обернулся, но знал, что охранник говорит о Профессоре Фэлле.

Хадсон, не отрываясь, смотрел в подзорную трубу. Четверка лошадей двигалась шагом. Очевидно, они уже преодолели большое расстояние и выбились из сил, но возница упрямо продолжал гнать их вперед. Экипаж подъехал ближе… еще ближе… и тогда Хадсону, наконец, удалось разглядеть лицо возницы.

Он даже не осознавал, какое сильное напряжение испытывал, ожидая этого момента. Бессонными ночами, когда он прикладывался к бутылке в своем гостевом домике, который ему выделил Фэлл, он ведь искренне опасался, что Мэтью не вернется с этой убийственной миссии, что мальчик погиб — или от руки Девейна, или от руки кого-то другого. А это значило, что здравомыслие Берри потеряно навсегда. Хадсон почти не верил, что Мэтью вернется. Много раз, потеряв всякую надежду и терпение, он продумывал план, в котором собирался украсть лошадь и отправиться в Аддерлейн, но одна мысль о том, чтобы оставить Берри в лапах Фредерика и Памелы Нэш заставляла его отступить.

Поэтому он оказался не готов к тому потоку чувств, что нахлынули на него и тараном снесли все его душевные барьеры, когда экипаж приблизился к деревне.

Хадсон Грейтхауз покачнулся. Ни один удар кулаком никогда так не ошеломлял его, как вид Мэтью Корбетта за поводьями этой огромной кареты, движущейся в сторону «Прекрасной Могилы»; ни один крепкий спиртной напиток никогда не заставлял столь яркое и горячее пламя вспыхивать в его душе.

— Боже правый! — удивленно воскликнул Грейвлинг. — Неужели это они?

— Черт возьми, да! — прорычал Хадсон. Едва не сбив по пути Грейвлинга, он перегнулся через парапет и крикнул людям внизу:

— Уберите телегу! Сейчас же! — Не став ждать, когда кто-то исполнит его приказание, он сам сбежал по четырем каменным ступеням, а оставшуюся часть лестницы миновал одним прыжком. Хадсон навалился на телегу плечом. К нему присоединилось еще три человека, и вместе они оттолкнули ее с дороги.

Огромные кони въехали в деревню, втянув за собой экипаж в форме корабля. На площади Мэтью заставил четверку лошадей остановиться:

— Тпру! Тпру! — крикнул он. Ему пришлось изо всех сил натянуть поводья, потому что кони противились любой команде своего возницы — даже после стольких пройденных миль.

Колеса перестали вращаться. Издав последний скрип, экипаж остановился.

Мэтью огляделся, обвел взглядом дома Прекрасного Бедда и лица собравшихся вокруг него людей. Кто бы мог подумать, что он будет рад — и это еще мягко сказано! — вернуться в это место?

— А ты не торопился, да, черт тебя подери? — спросил Хадсон, уперев руки в бока. — Почти две недели прошло.

— Лучше поздно, чем никогда, — ответил Мэтью. Голос его звучал устало. Он был совершенно измотан заключительным этапом поездки, но последней вещью, о которой он сейчас думал, был сон. Лекарство, способное помочь Берри, было уже почти в его руках, и это приносило неимоверное облегчение. Вдобавок Мэтью был счастлив снова видеть Хадсона — крепкого и здравомыслящего, а не тот сжатый от ужаса комок нервов, в который его превратил наркотик. В том состоянии Хадсон пребывал до самого отъезда Мэтью и Джулиана.

Когда Мэтью спустился с места возницы, из салона экипажа вышли Джулиан и доктор. Файрбоу оглядел свое новое пристанище с интересом. Джулиан же перевел дух, мучительно приложив руку к повязке на груди. Для неверующего человека, в нем сейчас светилось слишком много желания рухнуть на колени и возблагодарить Небеса за то, что ему удалось выбраться живым из этой передряги. Боль мучила его — сколь крепким бы ни был экипаж, дорога далась Джулиану тяжело, и он чувствовал каждую кочку.

— Ты, — обратился Джулиан к Хадсону. Губы его растянулись в слабой вымученной улыбке. Под глазами все еще пролегали темные круги. — Гляжу, все хорошо?

Мэтью напрягся, понимая, что Джулиан сейчас ходит по очень тонкому льду. После всех полученных травм он мог бы скончаться от одного удара Хадсона Грейтхауза.

— Да, все хорошо, — сухо ответил Хадсон. В эту минуту он

был слишком рад видеть Мэтью, поэтому решил не тратить силы на этого напыщенного шута. Во всяком случае, раз им обоим удалось вернуться, Хадсон пришел к выводу, что навыки Девейна оказались чрезвычайно полезными для Мэтью. Так стоило ли сердиться?

Он собрался было похлопать юного решателя проблем по плечу, но Мэтью устало поднял руку в останавливающем жесте.

— Мои кости еще недостаточно окрепли для твоих приветствий, если ты не против.

— Что случилось с твоим лицом?

— Лучше спроси, чего с ним *не* случилось.

— Я про твою щеку.

— Да так. Просто шальная пуля, — ответил Мэтью.

— Да, — ответил Джулиан. — У него может остаться еще один шрам в дополнение к тому, что появился после встречи с медведем. Эй, кто-нибудь принесите мне что-нибудь выпить? И чем крепче, тем лучше! — крикнул он собравшимся, не обращаясь ни к кому конкретно. Попытка повысить голос заставила его содрогнуться от боли, но он продолжил: — Черт возьми! Мне это сейчас очень нужно!

— А это кто? — Хадсон показал пальцем на Файрбоу, который прогуливался по площади, осматриваясь. — По-моему, у него штаны вот-вот свалятся…

— Это химик по имени Лазарус Файрбоу, — кивнул Мэтью. — А что касается его бриджей… долгая история.

— И, уверен, увлекательная. — Хадсон оценил манеру поведения и состояние Мэтью, и взгляд его стал более колким. — Как прошло?

— Тяжело, — был ответ. — Как… Берри?

— Все меньше похожа на себя.

Мэтью не понравилось, как это прозвучало. Он ощутил острую потребность увидеть Берри сейчас же.

— Доктор? Вы пойдете с…

— Тебя хочет видеть Профессор, — произнес мужчина по имени Сталкер. Он пробился сквозь толпу собравшихся людей, большинство из которых были заняты созерцанием кареты и лошадей. Выражение лиц многих из них было пустым, другие же выглядели потрясенными, что, скорее всего, говорило о том, что действие наркотиков начало ослабевать. — Тебя, Джулиана и того, из экипажа. Сейчас же, — добавил Сталкер. Он и другие охранники были вооружены пистолетами и ножами, поблескивавшими за их поясами на зимнем солнце.

— Сначала я пойду к Берри, — возразил Мэтью. — Доктор, пожалуйста…

— Профессор сказал «сейчас», и это значит *сейчас*. — Сталкер взглянул на Хадсона. — Но не ты. Ты должен остаться…

Не сказав ни слова, Хадсон ударил его апперкотом в челюсть.

Сталкер взмыл в воздух, черную шапку сорвало с его головы, и она упорхнула, как перепуганная ворона. Когда он с глухим ударом упал на землю, тело его содрогнулось, и он потерял сознание — погас, как масляная лампа. Другой человек — охранник по фамилии Гинесси — выхватил пистолет и прицелился.

— Ради бога, Хью! — закатил глаза Хадсон. — Ты же не собираешься стрелять в меня! Я задолжал тебе слишком много денег в кости!

Пистолет Гинесси опустился.

— Ну и что ты предлагаешь мне делать? Стоять здесь, как последний слюнтяй, пока Профессор наблюдает за нами с балкона?

— Пусть смотрит. — Хадсон потер костяшки пальцев. — Сталкер сам напросился, ты это знаешь.

— Грандиозное шоу, потянет на полпенса! — Джулиан поднес к губам глиняный кувшин, который кто-то притащил ему из деревенской таверны под названием «Знак Вопроса?», и сделал глоток. Эль оказался слишком крепким и заставил его закашляться, за что сломанные ребра не преминули ему отомстить и отозвались протестующей болью.

— Я иду к Берри, — сказал Мэтью. — Что до вас… можете делать все, что заблагорассудится.

Прежде чем Мэтью направился к дому семейства Нэш на Конгер-Стрит, Хадсон схватил его за руку.

— Мэтью, послушай… — Он замялся. — Возможно… тебе не стоит встречаться с ней прямо сейчас. Я хочу сказать… тебе, наверное, лучше немного отдохнуть, прежде чем ты увидишь ее. Еще один день не сыграет большой роли.

— Но какую-то роль все же сыграет, — покачал головой Мэтью, сбрасывая его руку.

— Я прошу тебя, как друга: отложи эту встречу. Прямо с дороги, вот так… Я знаю, ты хочешь увидеть ее как можно скорее, но она не узнает тебя, Мэтью. Бесполезно пытаться сидеть с ней и заставлять ее что-то вспомнить. Просто это… — он помедлил, — это ведь, прежде всего, ранит *тебя*. Подожди хотя бы до конца этого дня. Поешь, выспись. Я говорю это, потому что знаю, что к такой встрече тебе надо подготовиться морально. И, поверь, я прошу тебя из самых добрых побуждений. Хорошо?

Нет, — хотел ответить Мэтью, но разум его начал обдумывать слова Хадсона и обнаружил, что они полны здравого

смысла. *Подготовиться морально?* Он боялся за Берри, но также боялся того, что когда встретится с ней и увидит, насколько ухудшилось ее состояние, то попросту развалится на куски.

Подготовиться. Поесть, немного поспать, а после — навестить Берри. Возможно, в компании Файрбоу. Первым делом. С утра.

Сердце его продолжало голосовать за немедленную встречу, но разум снова и снова приводил доводы в пользу отсрочки.

— Хорошо, — сдался Мэтью. — Ладно.

И даже сказав это, он подумал, что для него будет трудной задачей пройти мимо дома Нэшей на пути к особняку Профессора Фэлла в конце Конгер-Стрит и не заглянуть внутрь.

— Правильный выбор, — поддержал его Джулиан.

— Захлопнись! — огрызнулся Хадсон. — Если б я не был уверен, что ты спас Мэтью жизнь примерно полдюжины раз, я бы хорошенько тебя отделал и уложил бы рядом с вот этим мелким ублюдком. — Хадсон кивнул на все еще не пришедшего в сознание Сталкера.

Джулиан фыркнул.

— Вспыльчивый парень, — ухмыльнулся он, обращаясь к Мэтью. — И яйца у него явно больше мозга.

Как будто услышав, что разговор зашел о нем, на земле зашевелился и застонал Сталкер, понемногу приходя в себя.

— Это все, конечно, хорошо, — снова подал голос Гинесси, — но Профессор ждет. Хадсон, тебя не приглашали, помнишь?

— Черт, ну без тебя бы я совсем забыл, — огрызнулся Хадсон. — И как ты собираешься мне помешать?

— Вот дерьмо! — закатил глаза Гинесси и убрал свой пистолет. — Тогда просто пойдем.

Глава тридцать четвертая

— Садитесь, — сказал Профессор Фэлл.

Черное кожаное кресло, на которое он указал, стояло в самом центре его кабинета на верхнем этаже перед письменным столом с резьбой в виде декоративных ромбиков. Профессор, одетый в великолепную алую тюбетейку и малиновый халат, украшенный золотыми фигурами, восседал за столом. Глубоко посаженные глаза мулата были того же дымчато-янтарного цвета, что и жидкость в банках с образцами морских обитателей на полках позади него. И эти глаза неотрывно смотрели на Лазаруса Файрбоу, к которому он только что обратился.

Мэтью, Хадсон, Джулиан и Гинесси тоже присутствовали в комнате. Но, несмотря на то, что там было еще одно свободное кресло, никто из них не получил приглашение присесть. Файрбоу — явно нервничая и чуть ли не дрожа при первой встрече с Профессором — направился к креслу, на которое указал Фэлл. Меж тем Мэтью осмотрел кабинет и пришел к выводу, что обстановка здесь осталась почти такой же, как он запомнил во время последнего посещения. Тогда он присутствовал здесь в момент смерти Матушки Диар от руки Джулиана…

Вот и сейчас все было на своих местах: полки с образцами и книгами, черная кованая люстра в форме осьминога, свисавшая с толстых стропил потолка и державшая по свече в каждом из восьми щупалец, и, наконец, гравюры фантастических морских существ из сказок и кошмаров на отполированных до блеска дубовых стенах. Дверь — та, что справа — вела на балкон, который опоясывал весь верхний этаж. За широким окном виднелись затянутое тучами небо и беспокойные волны с белыми пенными гребнями.

Единственное произошедшее изменение в кабинете заключалось в том, что красивый восточный ковер цвета морской волны сменился на простой темно-синий. Мэтью решил, что кровь и мозги Матушки Диар безвозвратно испортили предыдущий, и вспомнил, что ее мозговое вещество также забрызгало полки с образцами. Он с отвращением представил, каково уборщикам было оттирать профессорские владения, которые теперь пахли не порохом Джулиана и смертью Матушки Диар, а горьковато-сладким благовонием, тлевшим в маленькой черной курильнице на столике у лестницы.

Файрбоу сел и немного поерзал, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Фэлл перевел взгляд на Гинесси.

— Иди и передай Сталкеру, что я запрещаю любое преследование мистера Грейтхауза. Он здесь гость, и, хотя он не всегда дословно выполняет мои приказания, к нему следует относиться с уважением.

— Да, сэр. — Гинесси слегка поклонился, после чего развернулся, спустился по лестнице и покинул дом.

— Я не так уж и сильно ударил Сталкера, — сказал Хадсон. — У него, должно быть, просто стеклянная челюсть.

Фэлл проигнорировал его замечание и поверх головы Файрбоу обратил свое внимание на двух вернувшихся путешественников. Джулиан предусмотрительно снял шапку. Со щетиной из светлых волос на голове и с темными глазами на бледном лице он едва ли походил на того человека, который покинул деревню пару недель назад. Мэтью тоже выглядел иначе — не только из-за пулевой раны под повязкой на щеке и пятен от поблекших синяков, но и из-за появившейся в глазах жесткости. Хадсон подумал, что оба молодых человека пострадали намного сильнее, чем ему показалось на первый взгляд.

— Вы двое, — сказал Профессор, — вижу, вам пришлось несладко. Я настоятельно рекомендую вам пойти в больницу и показаться доктору Белиярду.

— Прошу прощения, сэр. — Голос Файрбоу дрогнул. — Но… мне казалось, что это я буду здесь врачом?

— Нет. Вы будете здесь *химиком*. Но вы будете им, *только если* я этого захочу. Николас Белиярд — деревенский врач. Вы с ним будете делить больницу. И, разумеется, доступа к лаборатории с химикатами, доверенными вам, у него не будет. Но опять же, *только если* я вам это позволю.

— Ах, понимаю. — Файрбоу беспокойно заерзал на кресле. — Хм… я, кажется, припоминаю имя Николаса Белиярда. Он…

— … два года назад оказался замешан в конфликте, причиной которого послужила женщина. Он застрелил другого врача, — перебил его Фэлл. — Видите ли, молодые люди, едва закончившие медицинскую школу, не всегда способны обуздать свой крутой нрав. — Профессор безразлично пожал плечами. — Год спустя доктор Белиярд вырвался из лап закона и попал ко мне на службу. Так или иначе, напрямую контактировать с ним вам не будет никакой нужды, как и с пациентами, которым требуется наложить швы или вскрыть фурункулы. Помимо этого Белиярд совершает поездки за пределы деревни, чтобы, по мере необходимости, восполнять запасы медикаментов, мазей и инструментов. Как видите, это тоже не будет вашей заботой.

— Хм, — повторил Файрбоу. — Тогда выходит, что… в

основном я буду заниматься исследованиями? Этот род занятий можно же назвать… уединенным?

— Можно и так сказать, — ответил Фэлл. Он посмотрел на Мэтью: — Где книга?

Она незамедлительно появилась из-под пальто Джулиана. Том в красном переплете лег на стол перед Профессором, и он провел по нему рукой, прежде чем открыть. Следующие пару минут он лишь молча перелистывал страницы.

— Я знаю, — сказал он, — что вас бы здесь не было, если бы Мэтью не удостоверился, что вы соответствуете моим требованиям. Я выслушаю всю историю от наших путешественников позже, но прямо сейчас я хочу услышать от вас самого, почему вы считаете, что в состоянии нести эту ответственность.

Ответственность, — мысленно повторил Мэтью, чуть не рассмеявшись. Краем глаза он заметил, что Хадсон тоже сдерживает улыбку. Даже Джулиан готов был расхохотаться, но он, пожалуй, сдерживался, чтобы не потревожить и без того мучившие его ребра. Ирония состояла в том, что большинство жителей Прекрасного Бедда по указке Профессора почти постоянно пребывали под воздействием одурманивающих веществ, поэтому торжественность, с которой он произнес слово «ответственность» — таким тоном сама Королева Анна могла бы отдать поручение своему верному вассалу — была просто нелепой.

Мэтью гадал, что произойдет, если действие наркотиков окончательно прекратится. Он уже видел в глазах некоторых жителей зачатки пробуждающегося разума, и задавал себе вопрос: если все жители-пленники Прекрасного Бедда вынырнут из своих наркотических глубин и вновь обретут собственные личности, хватит ли у кучки оставшихся стражей Фэлла сил сдержать восстание? Или без зелий Джонатана Джентри все рассыплется, словно карточный домик?

Как бы то ни было, «Прекрасная Могила» сильно изменится, а большинство пленников перестанут быть такими послушными и легкоуправляемыми.

Мэтью вспомнил о своем обещании оперной звезде мадам Алисии Кандольери. Он уверил диву, что сможет вызволить отсюда не только ее саму, но и ее управляющего Джанкарло Ди Петри и служанку Розабеллу и увезти их в безопасное место. Было ли это возможным? И, если да, то каким образом?

Пока Файрбоу нараспев рассказывал о своем медицинском образовании, бесценном опыте, приобретенном в Королевском колледже врачей под руководством уважаемых докторов

Крипенна и Джекила, о короткой врачебной практике и последовавшем за ней неугасаемом интересе к химическим исследованиям — что привело его на пост главного врача психиатрической лечебницы Хайклиффа — Мэтью думал о своей части сделки с Профессором Фэллом.

Отправиться в Италию и найти Бразио Валериани, чей отец Киро с помощью сверхъестественных сил создал зеркало, которое предположительно вызовет демона из глубин ада и подарит вызывающему возможность отдать этому существу некое заведомо опасное приказание.

Смехотворно!

В своей одержимости этим зеркалом Фэлл был похож на Кардинала Блэка, хотя последний, должно быть, родился на свет сумасшедшим. Мэтью понял, что не может поверить в здравость рассудка человека, занимающегося подобными поисками. А как еще объяснить стремление Профессора спустить целое состояние на поездку в Италию ради «демонического артефакта», если не безумием? И ведь Фэлл *уже* приложил немало усилий, чтобы найти зеркало. В частности, похищение оперной дивы было устроено потому, что ее служанка и визажистка Розабелла приходилась кузиной Бразио Валериани и обладала ценными сведениями о нем и его семье.

Мэтью вспомнил разговор с Розабеллой перед отъездом в Аддерлейн, когда она рассказала ему, что была на похоронах дяди Киро в Салерно и разговаривала там с Бразио.

Он спросил, сколько мне лет, и я сказала, что мне тринадцать, — сказала она тогда. — *А он ответил, что тринадцать — хороший возраст, особенно для Амароне.*

Амароне? Что это такое? — спросил ее Мэтью.

И получил ответ: *Красное вино. Очень крепкое.*

Бразио имеет какой-то особый интерес к вину?

Она пожала плечами: *Я просто помню, что он это сказал.*

Мэтью не мог выбросить это из головы. Похоже, в этих словах было нечто жизненно важное.

Бразио жил с отцом в ту пору, когда Киро повесился?

Нет. Я так понимаю, он где-то путешествовал.

Почему вы так думаете?

Он пришел через два дня, — ответила тогда Розабелла. — *Похороны задерживались, потому что Бразио не было.*

Вы это рассказали профессору?

Да. Он спрашивал, жил ли Бразио в Салерно или путешествовал и изредка приезжал туда. Я сказала то же, что и вам. А еще мои мать и отец не слышали о Бразио ничего в течение нескольких лет. Они даже не знают, где он живет.

Давайте угадаю, что случилось дальше, — сказал Мэтью. — *Профессор Фэлл попросил вас написать список людей, с которыми Бразио мог общаться на похоронах Киро?*

Верно. Это было пять человек, помимо меня и моих родителей.

Но он не знает, что Бразио упоминал Амароне? — Мэтью дождался ее отрицательного ответа. Она покачала головой. — *Почему вы думаете, что ваш кузен мог упомянуть из всех вещей именно вино?*

Я не имею понятия, — сказала она, пожав плечами. — *Если только… он не работает на каком-нибудь винограднике.*

Мэтью кивнул. *Какой-то виноградник. Работник виноградника или же его владелец?* Конечно, могло быть так, что Бразио просто любил Амароне и собирался напиться после похорон, но… *тринадцать лет — хороший возраст для Амароне*? Так мог сказать только человек, который понимает и ценит процесс старения вина.

Работник виноградника? Или *владелец* виноградника?

— Таковы мои профессиональные характеристики, — подвел итог Файрбоу. — Надеюсь, они подходят для этой цели?

Профессор Фэлл снова провел рукой по книге, как будто лаская ее. Мэтью припомнил, что Джулиан иногда прикасался к своему четырехствольному пистолету с такой же нежностью.

Прошло некоторое время, прежде чем Профессор снова заговорил:

— Я собираюсь отнести ее в больницу и запереть. Вам выдадут ключ. Обратите внимание, что здесь два разных почерка: Джонатана Джентри и Густава Риббенхоффа. Первый создал подавляющее большинство зелий, а второй — дополнения к ним. Наркотик, которым поражена мисс Григсби, был приготовлен по этим инструкциям, так что вы можете следовать указаниям Риббенхоффа для расшифровки формулы Джентри, если это будет необходимо. — Янтарные глаза пронзительно уставились на Файрбоу. — Вы справитесь с этой задачей, сэр?

— Думаю, что да.

— Я ждал не такого ответа. Так справитесь или *нет*?

Файрбоу вздернул свой рыжебородый подбородок.

— Да, сэр.

— Сходите в таверну, поешьте и выпейте. Затем вы встретитесь с Белиярдом, познакомитесь с ним, и он осмотрит ваши травмы. Ваше ухо явно просит обратить на него внимание. Я найду вам дом и одежду… если, конечно, вы не возражаете надеть одежду недавно умершего?

— Риббенхоффа, я полагаю?

— Думаю, она вам подойдет, — кивнул Фэлл. — У него был

очень изысканный гардероб. Это, видимо, заложено в самой природе пруссаков, что с них возьмешь.

Тьфу! — поморщился Мэтью, вспоминая гардероб Пеллегара и Брюкса.

Файрбоу поднялся.

— Хорошо, я не против *временно* носить одежду доктора Риббенхоффа. Но я все же надеюсь, что смогу обзавестись собственной. Желательно, костюмами, пошитыми на заказ. Это возможно?

— Возможно, — ответил Фэлл. — Покажите, чего вы стоите, на мисс Григсби, и мы все устроим. А теперь возвращайтесь на площадь и пообедайте. Я позову вас, когда ваш дом подготовят. Хадсон, не могли бы вы проводить его до…

— Он сам найдет дорогу, — буркнул Хадсон.

— Вот опять. — Фэлл холодно улыбнулся, в глазах блеснул нехороший огонек. — Гость вы или нет… мое терпение не безгранично.

— Я лучше пойду. Спасибо за все, сэр, — сказал Файрбоу, почувствовав, что обстановка накаляется. Ему вдруг захотелось поскорее покинуть этот кабинет и уйти как можно дальше от этого дома.

Когда доктор вышел, Фэлл сложил руки на столе и глубоко вздохнул.

— Кто стоял за минометным обстрелом? Кто-то другой — *не Блэк* — я знаю это.

— Вице-адмирал Королевского флота Самсон Лэш, — ответил Джулиан. — Именно он работал с Блэком.

— И они оба мертвы?

— Я не сомневаюсь, что Лэш мертв. Что касается Блэка… — Джулиан пожал плечами и поморщился.

— Ты оставил его *в живых*?

Неизвестно, отчего лицо Джулиана стало чуть бледнее — от угрожающего тона Профессора или от боли, прокатившейся по его телу от слишком резкого вдоха. Так или иначе, он походил на человека, которому требовалась защита, и Мэтью не преминул встать на его сторону:

— Джулиан выстрелил в него, — тут же сказал он. Насколько тяжелой была рана Блэка и пострадал ли он вообще, Мэтью не знал, но сейчас для него это не имело значения. — Трудно было оценить, насколько серьезную рану ему удалось нанести. Видите ли, в тот момент мы оба были несколько… заняты — нам нужно было охранять доктора и книгу, поэтому бежать за Блэком по лесу до горящего амбара было немного не… — Он оборвался на полуслове, заметив, как брови Фэлла ползут вверх, а на смену

жесткому выражению лица приходит веселое. — Там было очень холодно, — вздохнул Мэтью. — Блэк получил ранение и, вероятно, ослаб от потери крови. Я полагаю, он замерз насмерть.

Сказав это, Мэтью тут же подумал, что тепло пожара в амбаре, вообще-то, могло уберечь Блэка от такой участи. Прежде чем Профессор сам указал ему на эту ошибку, Мэтью решил сменить тему:

— Мне известно все о зеркале Киро Валериани! — выпалил он. — Вы *серьезно?* Как вы можете верить в нечто подобное?

— Что? — Хадсон весь обратился вслух. — Ты о чем?

— О, это должно быть интересно! — воскликнул Джулиан, усмехнувшись. Темные круги под его глазами, казалось, стали заметнее, лицо оставалось бледным. Он осторожно придержал повязку на груди, едва заметно покачнувшись. — Профессор, не сочтите за наглость, но мне очень нужно сесть. — Не дожидаясь разрешения, он осторожно опустился в кожаное кресло, стоявшее как раз рядом с ним.

Мэтью подошел к книжным полкам и начал искать. *Где же она была*? Либо у него ухудшилось зрение, либо…

— Я знаю, что вы ищете. — Фэлл выдвинул средний ящик стола и достал экземпляр «Малого Ключа Соломона». — Возьмите ее, Хадсон. Пролистайте, пока Мэтью будет приводить доводы, почему вы заслуживаете жить дальше.

Хадсон взял книгу и открыл ее.

— Какого черта?.. — воскликнул он почти сразу.

— Профессор, который когда-то казался мне здравомыслящим человеком, ищет зеркало, способное, по его мнению, вызвать из преисподней демона, — пояснил Мэтью, возвращаясь в центр комнаты. — Кардинал Блэк явился сюда, чтобы забрать книгу, которую ты сейчас держишь в руках. Как видишь, это каталог… впрочем, все понятно и без моих объяснений. Профессор скупил все существующие экземпляры этой книги, именно поэтому Блэк явился за ней сюда, а не просто приобрел себе другую копию. И, поправьте меня, если я неправ, но, похоже, Профессор еще не определился, какого именно… гм… обитателя глубин он будет…

Он осекся на полуслове, почувствовав, как на него сходит озарение.

Банки с образцами морских обитателей… гравюры ужасных морских чудовищ на стенах… огромный смертоносный осьминог, съевший голову Джонатана Джентри…

Мэтью осознал, что особый интерес Профессора к биологии и морской фауне не ограничивается *только океаном*. Да, все существа, которые пришли ему на память, поднялись *из глубин*.

Но в «Малом Ключе Соломона» описаны еще более — если так можно выразиться — необычные существа, обитавшие на еще б*о*льших глубинах! Мэтью вспомнил, как Фэлл говорил, что его интересуют «создания из другого мира».— Боже мой! — воскликнул Мэтью. — *Вы — заядлый рыбак*. И теперь… вы хотите поймать самое необычное и смертоносное существо, которого когда-либо видела Земля! Так в этом все дело? Вы просто хотите *посмотреть*, что вы поймаете, воспользовавшись зеркалом как *крючком*?

Фэлл слегка улыбнулся.

— Я никогда не думал об этом в таком ключе. Но в ваших словах есть смысл.

— Но это же безумие! — чуть ли не закричал Мэтью. — Зеркала не существует! Даже если действительно есть некое зеркало, которое создал Валериани… это просто зеркало, и ничего больше! Это не чертов портал в ад!

Выражение лица Профессора снова стало серьезным.

— И вы абсолютно в этом *уверены*? Настолько уверены, что бросите вызов многовековой вере в существование царства Аида? Вы бросите вызов самой Библии? Вы можете чем-то подтвердить, что описание семидесяти двух демонов в этой книге — простая глупость? Или чье-то безумие?

— Все это выглядит так, будто у автора возникли галлюцинации, когда он объелся испорченных устриц, — сказал Хадсон, продолжая листать книгу.

— Я не собираюсь спорить с вами о теологии, — ответил Мэтью. — Я говорю, что сама идея о волшебном зеркале, которое может вызывать демонов, чтобы выполнять приказы человека, безумна.

— Это ваше мнение. Я же считаю, что там, где есть дым, обычно есть и огонь, а там, где брошены сети, обычно есть рыба. Или, в данном случае… эти причудливые и по-своему красивые создания адских глубин. Если хотите знать, Хадсон, Мэтью заключил со мной сделку. Чтобы добиться помилования для вас и мисс Григсби, а также вернуть книгу ядов с формулами необходимого ей лекарства, он согласился отправиться в Италию и отыскать для меня человека по имени Бразио Валериани. Его отец Киро создал особое зеркало и, если оно не было уничтожено и все еще существует, Мэтью найдет его для меня. — Профессор окинул многозначительным взглядом всех присутствующих. — Поразмыслив, я подумал, что мне стоит отправиться в Италию вместе с ним.

— *Что*? — воскликнул Мэтью. — Я думал, вы пошлете со мной своих людей!

— Безусловно. Но я сам не хочу оставаться в стороне, когда наши поиски увенчаются успехом.

— Черт, ну и рожа у него! — буркнул Хадсон, рассматривая одного из самых злобных князей Ада. Он закрыл книгу и положил ее на стол Фэлла. — Я склонен согласиться с мнением Мэтью, но солнце Италии придется как нельзя кстати.

— Ха! — сказал Профессор. — Вы возвращаетесь в Нью-Йорк с мисс Григсби. Я хочу сказать, когда ее состояние улучшится.

— Нет. — Хадсон оперся руками на край стола Фэлла и навис над сидевшим Профессором. Его глаза потемнели. В одно мгновение он превратился в грозного людоеда. — Я две недели сидел, как на иголках, и ждал возвращения Мэтью. Каждый день и каждую ночь я терзался мыслью, что его убили. Не мог уснуть, напивался до бесчувствия. Еще я думал о том, как Берри там, в том доме, превращается в фальшивую дочь Нэшей и ничего не может с этим поделать. Возможно, у всех разное представление о том, что такое ад, сэр, но я могу сказать, что для меня ад — это сидеть сложа руки, в то время как над людьми, за которых я несу ответственность, нависает опасность. Так что… вам лучше зарядить мушкеты, наточить клинки, призвать акул — или кого вы там еще призываете, чтобы убивать людей в этих краях — потому что вам придется убить меня, чтобы я не отправился с Мэтью на это… предприятие, — сказал он, произнеся последнее слово с оттенком сарказма.

Профессор всмотрелся в глаза Хадсона, оценивая его решимость. Несколько секунд Мэтью казалось, что они вот-вот набросятся друг на друга и подерутся. Наконец Фэлл вышел из ступора и перевел взгляд на Джулиана.

— Только не я! — поспешил выразить протест Джулиан, поднимая руки и тут же кривясь от боли в потревоженных ребрах. Выдохнув, он положил одну руку на повязку и покачал головой. — Я ни за что не поеду ни в какую проклятую Италию, что бы вы там ни говорили.

Профессор Фэлл, казалось, поник. В считанные секунды он превратился из хозяина целого мира в хрупкого старика в малиновой тюбетейке и халате, которые слишком громко кричали о богатстве и важности. Он посмотрел на Мэтью так, словно все, о чем он мечтал, это вынуть вставную челюсть и попросить горячего пунша.

— Я еду, — повторил Хадсон, воспользовавшись моментом. — И точка.

Фэлл уставился на свои руки. Когда он снова заговорил, его голос был тихим, слабым и очень усталым:

— Вы все, убирайтесь. Идите в таверну или в больницу.

Делайте, что хотите. Мэтью, вы хотите ее увидеть?

— Я посоветовал ему не встречаться с ней, пока он не отдохнет, — вмешался Хадсон.

— Да. Понимаю. Хорошо, Мэтью. Тогда оставим это до завтрашнего утра. Я попрошу доктора Файрбоу встретиться с вами там, скажем, около девяти. Вы всё так же живете в доме на улице Лайонфиш-Стрит. Если вам что-нибудь понадобится, спросите в таверне. — Фэлл махнул рукой, отпуская собравшихся.

Джулиан попытался подняться сам, но боль заставила его издать отрывистый тихий стон. Мэтью помог ему встать и еще некоторое время поддерживал, пока не убедился, что Джулиан не упадет в обморок. Вид у него был измотанный, ему требовался отдых.

Все трое направились к лестнице, но прежде чем они начали спускаться, Фэлл вдруг сказал:

— Хочу, чтобы вы знали… Мэтью, Джулиан, я верил в вас. В вас обоих. Эта работа была почти что невыполнимой, но я верил, что вы двое с нею справитесь. Я рад, что не ошибся в вас.

Ничего не ответив, они спустились по лестнице и вышли из дома.

Шагая по Конгер-Стрит к площади, Мэтью недоумевал, почему испытывает жалость к старику, который совершил столько убийств и злодеяний, но который, по сути, оказался пойман в ловушку собственного творения и должен был играть свою роль до конца.

Глава тридцать пятая

Мэтью хорошо выспался, принял горячую ванну, побрился и переоделся в чистую одежду, включая поношенный, но добротный серый жакет, вероятно, оставшийся от одного из охранников, убитых во время налета Блэка. Утром ему предстояло, наконец, увидеться с Берри.

Как Хадсон и предупреждал, его ждало жестокое, *душераздирающее* зрелище, и сколько бы он к нему ни готовился, вынести его с должной стойкостью так и не сумел. Всё время этого визита ему казалось, что нечто жестокое и кровожадное разрывает в клочья его и без того истерзанное сердце.

Фредерик Нэш — назначенный мэр деревни Фэлла — сидел в кресле в гостиной и изучал развернувшуюся перед ним сцену ничего не выражающим взглядом. Лицо его казалось пустой каменной маской. Его жены Памелы здесь не было — Хадсон предупреждал Мэтью, что она не хочет встречаться ни с кем, кто знал Берри Григсби в ее прошлой жизни. Во время визитов этих людей она предпочитает прятаться в комнате в задней части дома и не вставать с постели. Одурманенная наркотиками и пребывающая в глубинах безумия, она не вынесла необходимости расстаться с куклой, которую раньше звали Берри Григсби и которая теперь играла роль их погибшей дочери Мэри Линн. Где-то на задворках своей души, в которых еще осталось что-то от хорошего человека, Мэтью даже сочувствовал этой бедной женщине: она, похоже, так и не сумела справиться с давней утратой и теперь не желала мириться с новой. Возможно, как и сам Нэш, который выглядел разбитым и потерянным. Волновали ли его только собственные чувства, или он переживал за состояние супруги? Трудно было утверждать наверняка. Мэтью казалось, что никого, кроме него самого, не интересуют переживания обезумевшей от горя матери, но он не был в этом уверен.

Только в случае одного человека можно было не сомневаться, что этическая сторона вопроса его не трогает. Мэтью сидел и неотрывно следил за тем, как Лазарус Файрбоу методично и бесстрастно изучает внешнюю оболочку, оставшуюся от Берри Григсби.

Они с доктором встретились у дома Нэшей ровно в девять часов. Мэтью тут же начал стучать в дверь, дивясь тому, с какой яростью наносит по ней удары. Как только Нэш выглянул в окно и увидел их, взгляд его заметно потускнел. Он впустил их в дом, и ему пришлось отшатнуться от Мэтью, который влетел внутрь

яростным вихрем. Не было ни приветствий, ни ненужных любезностей. Едва увидев мэра, Мэтью сказал: «Приведите ее», так и не сумев скрыть в голосе нетерпеливую дрожь.

Он не был готов к тому, что увидит.

Девушка, которая сидела на диване с пестрой обивкой, была слишком непохожа на ту, что прогуливалась когда-то по цветущим садам Нью-Йорка. Толстый слой белил и румян скрывал под собой все ее прелестные веснушки, а медные волосы с красноватым отливом прикрывал огромный каштановый парик, в локоны которого были вплетены детские ленточки. Но больше всего шокировал взгляд. Ее глаза казались *мертвыми.* Нет, даже *мертвее, чем просто мертвыми!* Это были две раскрасневшиеся бездны, в глубинах которых застыло наркотическое ничто. Тело Берри было втиснуто в фиолетовое платье с убийственно вычурным кружевным воротником с кучей белых и розовых оборок. А еще от нее исходил *запах*. Запах того, что Мэтью мог бы описать только словом «гниль». Пока он был еще неявным, скорее напоминавшим яблоко, которое разрезали и оставили высыхать на сильном солнцепеке, но уже уловимым и грозящим усилиться до жуткого сладковато-гнилостного смрада.

Все тело Берри, казалось, иссохло и сжалось. Как будто Нэши, так страстно желали обрядить ее в платья своей мертвой дочери, что заставили ее заплесневеть и усохнуть.

Мэтью чувствовал, как на глазах начинают наворачиваться слезы.

Все это было… неправильно. До ужаса неправильно.

Внутри Мэтью полыхала бешеная ярость, ему хотелось хорошенько врезать Нэшу, либо просто выйти за дверь и сбежать, чтобы больше не видеть этого кошмара, но он не сделал ни того, ни другого. Он просто сидел и смотрел, а тем временем Файрбоу достал небольшую кожаную сумку, которой разжился в больнице на Лайонфиш-Стрит, недалеко от дома, отведенного Мэтью.

Доктор расстегнул сумку и извлек из нее маленький коричневый пузырек с пипеткой. Как только он открыл его, Лжемэри-Линн-Нэш вдруг улыбнулась ему — видимо, в ее искаженном разуме пронеслась какая-то странная мысль — и соединила пальцы, принявшись перебирать ими, будто это была веселая детская игра. Файрбоу опустил пипетку в пузырек и набрал из него какую-то прозрачную жидкость, после чего обратился к девушке, больше напоминавшей потерянного ребенка:

— Открой рот, пожалуйста.

В ответ она только улыбнулась и продолжила играть пальцами. Ужасные мертвые глаза на кукольном раскрашенном

лице непонимающе уставились на доктора.

— Рот, пожалуйста. Открой, — повторил Файрбоу, постучав ей по подбородку. Она протянула руку к его подбородку и сделала то же самое, как будто это было занимательнейшей в мире игрой.

— Мэри Линн? — Голос Нэша звучал траурно, словно из могилы. — Открой рот, как тебе дядя сказал.

Она моргнула, открыла рот… и закрыла его. Открыла снова, и с ее губ свесились прозрачные ниточки слюны.

В этот момент Мэтью невольно опустил голову.

— Высунь язык, — сказал Файрбоу. Команда не была исполнена, и доктор обратился к мэру: — Скажите ей, пожалуйста.

Нэш послушался. Язык несколько раз высунулся и втянулся обратно. Но за это время Файрбоу смог капнуть на него несколько капель жидкости. Затем он откинулся на спинку стула и стал отслеживать реакции по нахмурившемуся напудренному лицу девушки.

Она недовольно скривила губы:

— Гаааааааадость, — протянула она. Только кто-то, кому воткнули в мозг раскаленный прут, мог произнести это столь же пугающе мерзко.

— Это лекарство? — спросил Мэтью.

— Пока нет, — покачал головой Файрбоу. — Тест. Чтобы понять, какое лечение ей необходимо. В книге несколько противоречивых формул. Я должен выбрать верную, прежде чем мы начнем.

****

Накануне вечером в таверне, когда Мэтью подали ужин, состоявший из овощного рагу, жареной кукурузы, репы и бисквита, Хадсон сел напротив него с кружкой крепкого эля и сказал:

— Интересная татуировка у тебя на руке. Похоже, я многое пропустил.

— Эта татуировка спасла мне жизнь. Я расскажу тебе все, как только это перестанет сниться мне в кошмарах. — Он сделал паузу, жадно накинувшись на еду. — Я, кстати, встретил кое-кого, кто тебя знает. Его зовут Гидеон Лэнсер.

— Гидди? Ты его видел? Ну, ничего себе! Как я слышал, он

стал шерифом в каком-то захолустье…

— Уистлер-Грин.

— Ах! Да, точно. — Губы Хадсона растянулись в ностальгической улыбке, и он чуть отклонился на спинку стула, позволяя себе придаться воспоминаниям. — Мы с Гидди когда-то были напарниками. Примерно в одно время вступили в агентство «Герральд». Знаешь, он был единственным человеком, способным уложить меня с одного удара. Кроме того, — Хадсон нахмурился, — он увел у меня единственную женщину, которую я по-настоящему любил. Ребекку Хуктон. Ах, какая это была женщина! Чертов старый проныра Гидди! — Он покачал головой и снова улыбнулся. — Надо будет отыскать его, повидаться.

— Если поедешь в Италию, этот визит придется отложить, — напомнил Мэтью, прищурившись. — Ты говорил серьезно насчет этой поездки? Действительно отправишься со мной?

— Тут даже думать не о чем. Все решено. Уистлер-Грин и старина Гидди меня дождутся.

— Пусть так, — развел руками Мэтью, — но разве у тебя нет других дел в Нью-Йорке?

— Нет, — отрезал Хадсон.

— Кажется, это стало традиционным рефреном, но спешу напомнить: я в состоянии сам о себе позаботиться.

— Конечно, в состоянии! — Хадсон потянулся к своей кружке эля и сделал глоток. — У меня нет никаких сомнений! Но… иметь дело с демонами… похоже, в таких делах тебе может понадобиться помощь.

— Это какой-то абсурд! — усмехнулся Мэтью. — Нужно быть отчаявшимся безумцем, чтобы всерьез в это верить. И отправиться за тридевять земель ради какого-то зеркала — это ли не безумие?

Хадсон сделал еще один глоток, прежде чем ответить:

— А что, если это реально?

Рука Мэтью с ложкой кукурузы замерла, не добравшись до рта.

— Прости… мне показалось, или откуда-то повеяло бредом?

— Нет, ты просто подумай об этом. Что, если это все действительно существует? Да погоди ты глаза закатывать! Мы оба знаем, что в мире есть множество вещей, которые нельзя поместить в аккуратные коробочки и перевязать ленточками. Не все поддается легкому объяснению. Кому, как не тебе знать об этом, после всех незаурядных историй, через которые ты прошел!

Мэтью знал, что Хадсон имеет в виду тот инцидент, когда умирающий богач нанял Мэтью, чтобы удержать саму Смерть, пока он не успеет примириться со своей дочерью[48].

— Да, некоторые вещи я объяснить не могу, — кивнул Мэтью.

— В моей жизни тоже случались кое-какие вещи, которые я не могу объяснить. Поэтому… прежде чем мы начнем говорить о безумии и невозможности, нам стоит принять во внимание тот самый — неоспоримый — факт, что мы знаем о мире далеко не так много, как нам кажется. Что уж говорить о том, что происходит *за пределами* мира! Никто не знает, что скрывается на той стороне, пока не умрет. Демоны, выходящие из заколдованного зеркала? Можно верить или не верить во что угодно, но, клянусь, я бы не поставил на кон свою жизнь, утверждая, что этого не…

— Мэтью?

Робкий голос донесся откуда-то справа. Мэтью обернулся и вгляделся в лицо щуплого мужчины, одетого в белую сорочку, черный костюм и жилет. Его седые волосы были перехвачены сзади красной лентой. Вся его одежда выглядела неопрятной и отчаянно нуждалась в чистке, а общий вид выдавал сильную нервозность. Лицо казалось бледным и изможденным, седоватые брови то и дело подергивалось, а острый нос нервно пошмыгивал, как от легкого насморка.

— Мэтью! — Он схватил его за плечо так, словно молодой решатель проблем был его последней надеждой. — Хвала Небесам! Все хорошо! Вы вернулись, чтобы вытащить нас отсюда!

— Я частенько видел этого джентльмена, — сказал Хадсон, глядя на него поверх своей кружки. — Кто это?

— Джанкарло Ди Петри, управляющий Алисии Кандольери.

— Кого?

— Великой оперной дивы! — Ди Петри вдруг вытянулся во весь рост. Впрочем, внушительности это ему не придало. — Разве вы не были на представлении тем ужасным вечером?

— Если это было оперное представление, тогда понимаю, почему это было ужасно, — ответил Хадсон.

Ди Петри ожег его взглядом, от которого запросто увяла бы даже каменная роза. Затем его внимание снова обратилось к Мэтью. Рука Ди Петри продолжала сжимать его плечо, впиваясь в него, словно пиявка.

— Пожалуйста, пожалуйста, скажите, что пришли помочь нам! Мадам Кандольери стала тенью самой себя, Розабелла едва держится. Мы все измучены, мы сходим здесь с ума в окружении этих странных людей! Когда мы сбежим?

— Да, кудесник, — хмыкнул Хадсон, — когда они сбегут?

— Ди Петри, — вздохнул Мэтью, — послушайте, я… не могу сейчас вас вытащить. Это не в моих силах.

Ди Петри, казалось, сейчас расплачется.

— Но перед тем как вы ушли, вы же сказали…

— Я помню, что я сказал, — с нажимом перебил Мэтью. — Но в настоящий момент, как и в обозримом будущем, я ничего не могу для вас сделать. Мне жаль. Я… может, в какой-то момент я и смогу убедить Профессора…

— Нет, не сможешь, — прервал его Хадсон. — Не обнадеживай его, потому что этому не бывать. — Он вгляделся в поникшее лицо Ди Петри. — Сэр, Мэтью только что вернулся из очень изнурительного путешествия. Он и я, если б мы только могли… мы бы с радостью вам помогли. Но правда в том, что никто из нас не в силах вытащить отсюда хоть кого-то. Несмотря на то, что недавний обстрел снес главные ворота деревни, все входы и выходы хорошо охраняются, а основной выезд блокирует тяжелая телега, за которой тоже ведется строгий надзор. Вам не прорваться через нее.

— Да, я… я понимаю, — пролепетал Ди Петри. — Конечно… — Он вновь поднял глаза на Мэтью и посмотрел на него с надеждой, как будто позабыл все, что сказал Грейтхауз секунду назад. — Но ведь должен быть способ…

— Его нет, — категорично заявил Хадсон.

— Но…

— Слушайте, мы были рады с вами поболтать, но теперь оставьте нас. — Он поднял свою кружку и осушил ее двумя глотками, после чего со стуком опустил ее на столешницу, ставя таким образом жирную точку в разговоре.

Мэтью прочел боль и разочарование в глазах Ди Петри и проклял себя за то, что зря его обнадежил — а ведь в тот момент он действительно верил, что сможет вытащить их отсюда.

— Хорошо, — тихо сказал Ди Петри. — Capisco. Si[49]. Я понимаю.

Как только Ди Петри отпустил его плечо и вознамерился сбежать, поджав хвост, как побитая собака, Мэтью протянул руку и схватил его за рукав, останавливая:

— Подождите!

— О, Господи, — закатил глаза Хадсон.

— У меня к вам вопрос, — обратился Мэтью к Ди Петри. — Вы хорошо разбираетесь в своих винах?

— Мои… vino?

— Да. Vino. Итальянские вина. Амароне. В каком регионе Италии его изготавливают?

— Амароне? Оно родом из провинции Верона. Регион Венето, недалеко от Венеции. А к чему вы спрашиваете?

— Просто… интересно, — сказал Мэтью, продолжая удерживать Ди Петри за манжету. — Послушайте, если у меня появится шанс сделать для вас хоть что-то, я обязательно

попробую. Но поймите, я не могу ничего обещать. И… не говорите об этом мадам Кандольери и Розабелле. Хорошо?

Ди Петри кивнул. Мэтью осторожно отпустил его. Лицо управляющего превратилось в непроницаемую маску.

— Было приятно повидать вас снова, — сказал Ди Петри, отрывисто поклонившись. Затем он обратился к Хадсону: — Пожалуйста, запомните, что опера способна сделать из варвара джентльмена. Possa tu camminare al sole tutti i tuoi giorni[50]. — С этими словами он гордо покинул таверну.

— Похоже, я только что получил итальянское проклятье, — хмыкнул Хадсон, но Мэтью знал, что Ди Петри истинный джентльмен, который не станет опускаться до такого. — А что это за вино?

— Оно указывает на место, с которого мы начнем поиски в Италии, — ответил Мэтью. — Венеция.

— Я не совсем понимаю, что к чему, но я тебе так скажу: давать здесь ложную надежду людям — все равно что отрез*а*ть им ноги по колено. Я знаю, что ты терпеть не можешь отступаться от своих слов, но факты есть факты. Никто в ближайшее время никуда отсюда не денется, кроме тебя, меня, Профессора и того, кого он возьмет с собой. В Италию.

Мэтью кивнул.

— Но для начала… есть еще Берри.

****

Впрочем, осталось ли в этой бренной оболочке что-то от прежней Берри? Существовал ли способ вернуть женщину, которую Мэтью любил, из ее личного ада? Пока он смотрел, как Файрбоу капает ей что-то на язык, внутри него бушевала буря всепоглощающего отчаяния. Неужели все было зря? Все смерти, вся эта жестокость… все — зря?

— Фредерик? — позвала Памела из задней части дома. Голос ее звучал надтреснуто и глухо. — Фредерик, как там наша девочка?

Нэш не ответил. Он просто смотрел в никуда, пока Файрбоу осматривал несколько небольших серых пятен, образовавшихся на языке Берри после идентифицирующего препарата.

— Ах, — вздохнул Файрбоу с удовлетворенным видом. — Теперь я знаю, что нужно делать.

Глава тридцать шестая

— Выпей все до дна, — приказал Файрбоу. Подобные указания он давал на протяжении последних девяти дней.

— Горько, — ответила Берри, нахмурившись. — А это обязательно, отец?

Нэш, сидящий в кресле у окна, за которым проносились вихри утреннего снегопада, ничего не ответил. Мэтью, расположившийся в кресле напротив, посмотрел на мэра с давящим ожиданием: ему не терпелось, чтобы Берри опустошила очередную чашку с темно-коричневой жидкостью, налитой из бутылки. Видя, что Нэш бездействует, Мэтью нахмурился и подтолкнул его:

— Ну же, ответьте ей, мэр. Иначе вам снова придется навестить Профессора.

Нэш пошевелился, провел рукой по губам, словно хотел расслышать слова прежде, чем они сорвутся с языка, и, наконец, выдавил из себя:

— Да, дочка, так надо.

— Эта гадость на вкус, как дохлые крысы! — возмутилась Берри, картинно сморщившись.

— Пей, — повторил Файрбоу.

Она выпила жидкость и зажмурилась от послевкусия. Это был седьмой день успеха из девяти минувших.

В первый день, когда Файрбоу принес лекарство, Берри капризно все выплюнула. На следующий день она поступила так же, и тогда не выдержавший этого Нэш вскочил со своего места, выхватил у доктора бутыль с противоядием и швырнул его в камин. За эту выходку Мэтью готов был собственноручно убить Нэша, но вместо того отправился к Профессору Фэллу и холодно доложил ему о случившемся. Профессор не преминул вызвать Нэша к себе домой, и тот вернулся побледневшим и присмиревшим.

На следующий день Файрбоу воспользовался воронкой, и свежеприготовленное противоядие — по крайней мере, б***о***льшая его часть — все же попала Берри в горло. Нэш больше не сопротивлялся. В тот день его жена Памела решилась присутствовать при процедуре и, видя, как Файрбоу мучает ее «дочь», зашлась безутешными рыданиями в дальнем углу комнаты. Нэш подошел к ней и попытался утешить ее, но его старания не принесли особых успехов.

По возвращении в больницу после первой более-менее

успешной попытки дать Берри лекарство Мэтью решил спросить Файрбоу, не лучше ли будет выделить его пациентке койку в больнице. Он был уверен, что Берри стоит находиться как можно дальше от Нэшей, ведь все время между приемами лекарства они будут стараться убедить ее, что она — их дочь, а ее разум оставался слишком восприимчивым к их уловкам. Файрбоу ответил, что лучше не перемещать Берри из дома, ставшего ей привычным, так как это лишь станет дополнительным стрессом — ведь пока она и сама верит, что является дочерью мэра.

— Почему вы в этом так уверены? — возмутился Мэтью.

— Я лишь основываюсь на опыте, приобретенном в больнице Хайклиффа.

— В лечебнице для умалишенных, — напомнил Мэтью.

— Да, именно об этом я и говорю. Уход за этой девушкой сейчас не слишком отличается от ухода за безумцами. Так что да, если забрать ее из привычных условий, это окажется для нее травмирующим опытом. Можете мне поверить, — исчерпывающе ответил Файрбоу.

Поразмыслив, Мэтью решил положиться на профессиональное мнение доктора — как и на власть Профессора Фэлла над Нэшами. Иного выхода не было.

Каждую ночь Мэтью просыпался от кошмаров и прислушивался к тишине за окном. Он опасался, что чета Нэш, окончательно обезумев от горя, решит попросту убить Берри, лишь бы не дать какому-то чужаку снова отобрать у них дочь. После этого они смогут покончить и с собой, и на этом все будет кончено.

Каждое утро ровно в девять часов Мэтью ждал доктора у двери дома мэра. Это был первый визит из четырех ежедневных: остальные проходили в три часа дня, в шесть и восемь часов вечера. Если б у Мэтью не было опасения, что ночью Памела Нэш может размозжить ему голову кочергой, он остался бы ночевать на коврике в прихожей в этом треклятом доме. Какое-то время он рассматривал это как реальный вариант, но, в конце концов, передумал.

Когда выдавалось свободное время, Мэтью, считая часы до нового визита к Берри, прогуливался по деревне. Несколько раз он встречал Джулиана и бывал сердечно рад его видеть, однако бывший напарник, похоже, не испытывал к нему взаимной приязни. После всего, через что они прошли, Джулиан Девейн решил вновь окружить себя аурой плохого человека, которому Фэлл платит жалованье. Дела Мэтью, самочувствие Берри, колдовское зеркало — ничто из этого его больше не волновало, и он недвусмысленно давал это понять. Теперь его основной сферой

интересов вновь сделалась лишь его собственная персона.

Мэтью не винил его за это, но не мог подавить собственную печаль. Джулиан прошел с ним через настоящий ад, чтобы привести сюда Файрбоу и книгу, и он был единственным, кто мог понять его сейчас, но отстранился, оставив Мэтью наедине с его тревогами.

И теперь эти тревоги сосредотачивались на лекарстве Файрбоу.

— Если… я хочу сказать… *когда* Берри поправится, — начал Мэтью, наконец отважившись задать доктору один из мучивших его вопросов, — как это произойдет? Я имею в виду, в чем это проявится? Это будет постепенно или внезапно?

— Хотел бы я знать, — ответил Файрбоу. — Я всего лишь следую описанной формуле, все это для меня в новинку.

— Ненавижу эту гадость, — буркнула Берри, возвращая пустую чашку доктору. — Отец? Сколько еще я должна ее пить?

— Ах! — Файрбоу улыбнулся ей. — И как долго, по-вашему, вы ее пьете?

— С позавчера, — ответила она. — Да, полагаю, что так. — Ее глаза, все еще напоминавшие темные провалы на напудренном лице, посмотрели мимо Файрбоу на Мэтью. — А вы, что, никогда не разговариваете?

Несмотря на недовольный капризный тон Берри, Мэтью просиял. Это был первый раз, когда она отметила его присутствие в комнате.

— Только когда мне есть что сказать.

— Кто вы?

Нэш встал и подошел к окну.

— Меня зовут Мэтью Корбетт. Я из Нью-Йорка, это в колониях. А как *тебя* зовут?

— Меня зовут Мэри Линн Григсби, — сказала она, и выражение ее лица вдруг переменилось. В глазах блеснуло смущение, а рот на миг недовольно изогнулся. Казалось, она собиралась издать какой-то звук, но передумала это делать. — Мое имя Мэри Линн *Нэш*, — исправилась она. — Я Мэри Линн *Нэш*. Отец? — В ее голосе послышалась мольба.

— Господа, вы вольны уйти в любое время, — надтреснуто напомнил мэр, не поворачиваясь.

— *Подумай*, — заговорщицким полушепотом сказал Мэтью, вновь обращая на себя внимание Берри. — Ты абсолютно уверена, что это твое имя?

— Полегче, — предупредил Файрбоу. — Мы не…

— Мое *имя?* — отозвалась Берри. — Я… я же назвала тебе свое имя. Почему ты спрашиваешь меня об этом, Мэтью? У меня

от вопросов голова… *болит*, — протянула она, негромко всхлипнув, однако, вопреки ожиданиям доктора и Мэтью, не разрыдалась. Вместо того она потянулась руками к вискам и нащупала каштановый парик с локонами и детскими ленточками. Вздрогнув и широко распахнув глаза, словно от неожиданности, Берри резко сняла его, позволив своим настоящим волосам рассыпаться волнами по плечам.

Все замерли в ожидании.

Берри недоуменно уставилась на парик, лежавший у нее на коленях, словно это была мертвая собака, однако с места не сдвинулась, так и оставшись сидеть на цветастом диване.

— Хватит! Убирайтесь! — развернувшись, отчаянно выкрикнул Фредерик Нэш, его массивный подбородок задрожал, зубы оскалились, лицо побагровело от злости. — Сейчас же! Можете доносить на меня Фэллу, если пожелаете, мне все равно, но немедленно покиньте мой дом! Пошли вон!

— Фредерик? *Фредерик*? — звала его Памела с нарастающей настойчивостью из задней части дома.

— Нам пора. — Файрбоу тронул Берри за руку, но она все еще пребывала в растерянности и не ответила. Взгляд ее был устремлен только на парик. — До завтра, — попрощался доктор.

Но «завтра» наступило раньше, чем ожидалось.

Около полуночи Мэтью разбудил стук в дверь. Взяв фонарь и бросившись в прихожую, он ожидал чего угодно. За дверью его ждал Файрбоу, одетый только в широкий халат, тапочки и шерстяной шарф поверх ночной сорочки. Все его тело дрожало от холода.

— Наденьте пальто и поторопитесь! — сказал доктор. — Она приходит в себя!

По дороге к дому мэра Файрбоу объяснил, что минут десять назад Нэш постучал к нему в дверь и в отчаянии попросил доктора навестить «Мэри Линн», так как его «дитя» мечется в постели и никак не желает успокаиваться.

— Будьте готовы, — предупредил Файрбоу, когда они подошли к дому мэра, хотя Мэтью счел это совершенно лишним: никакие слова не могли помочь ему подготовиться. Он был взволнован и напуган и не мог отделаться от мысли, что, если они все же начали слишком поздно давать Берри противоядие, она может не выдержать и умереть.

Нэш открыл дверь и сразу впустил их. В свете слабого каминного огня, двух масляных ламп и фонаря, который держал Мэтью, они увидели Памелу в одной ночной сорочке. Она стояла, прижав руки ко рту, словно в попытке подавить крик, глаза ее округлились от ужаса.

Мэтью проследовал за Файрбоу в спальню почти бегом.

Берри была там — металась в кровати и извивалась, словно одержимая. Простыня обернулась вокруг ее тела, подушки разметались в стороны, одеяло было сброшено на пол. Ее тело сотрясали жуткие судороги, и Мэтью всерьез испугался, что она вот-вот сломает позвоночник: Берри сгибалась и разгибалась так, что несколько раз врезалась коленями в собственный подбородок. Руки ее взлетали вверх и резко опускались снова, лицо блестело от пота, голова вертелась из стороны в сторону, а широко распахнутые глаза глядели в никуда, словно в приступе ужаса.

— Помогите ее удержать, — скомандовал Файрбоу.

Сказать было проще, чем сделать. В своем нынешнем состоянии Берри оказалась куда сильнее двух мужчин, пытавшихся утихомирить ее, чтобы она не причинила вред самой себе.

— Рот! — крикнул Файрбоу. — Откройте ей рот!

Он вытащил из кармана халата короткий кусок полированного дерева и не без усилия заставил девушку закусить его зубами, чтобы она не повредила себе язык. Метания все усиливались. Мэтью и Файрбоу продолжали сдерживать Берри, как могли. Вдруг послышался сильный треск: кровать рухнула, не выдержав нагрузки. Издав крик, Берри резко подняла ногу, та взлетела по широкой дуге и врезалась стопой в стену…

… и вдруг конвульсии прекратились.

— Боже милостивый, — выдохнул Нэш, стоявший в дверях. — Что мы наделали?

— Пойдите и заварите чаю, — распорядился доктор. — Крепкого. Чем крепче, тем лучше. Ну же, идите!

У Нэша не было никаких сил на споры, поэтому он молча кивнул и ушел. Несколько секунд спустя до Файрбоу и Мэтью донеслись громкие рыдания Памелы и тихий голос ее мужа, пытавшегося утешить ее.

— Теперь подождем, — сказал Файрбоу.

— Если ей нужен чай, они теряют драгоценное время! — возмутился Мэтью, подавшись прочь из комнаты. Доктор удержал его.

— Чай для меня, — осторожно улыбнулся он.

****

Снаружи поднялся шквальный ветер.

Мэтью сидел у камина в гостиной и слушал тиканье часов в одиночестве. Чета Нэш предпочитала держаться от него подальше.

Около шести часов утра в дверях спальни показался Файрбоу и посмотрел на Мэтью. Взгляд его не выражал ничего, кроме усталости. Он безразлично произнес:

— Идите к ней.

Мэтью встрепенулся и опрометью бросился в спальню. Файрбоу вышел и тихо притворил за собой дверь.

Берри была все еще завернута в простыню, словно в саван, но теперь она не металась по кровати, а сидела, прижимаясь спиной к стене. Поднятое с пола одеяло лежало рядом. Когда Мэтью приблизился, она заморгала, словно увидела призрак, явившийся к ней из сна.

— *Мэтью*, — прошептала она. Взгляд ее просиял. — *Мой Мэтью*.

Берри протянула к нему руки.

Мэтью потянулся к ней в ответ, и вдруг почувствовал, как болезненный тугой комок, который жил в его груди все это время, лопнул. С губ сорвался отчаянный стон, а после его захватили рыдания — судорожные, сдерживаемые столько дней. Мэтью испытал нестерпимую боль, как будто лишь теперь осознал, как близко был к тому, чтобы навсегда потерять Берри. Она буквально стояла на самом краю пропасти!

А если это еще не конец? Если мучения еще не окончены, и ее состояние может снова ухудшиться?

Мэтью не мог знать этого наверняка, но сейчас, видя ясный взгляд Берри, он просто мечтал разделить с ней этот миг, отдать ей свое сердце, которое постепенно начинало сиять радостью вместо того, чтобы истекать болью. Он потянулся к ней, ее руки жадно заключили его в объятья, и Мэтью возблагодарил Бога хотя бы за то, что на этот миг она вернулась из небытия.

Пожалуйста, не забирай ее снова! Молю тебя, Господи, пусть это длится всю жизнь!

Он поцеловал ее в губы. Она ответила на поцелуй и задрожала в его объятиях. Он снова поцеловал ее, поглаживая ее волосы, и, на миг отстранившись, сказал то, что так давно хотел сказать, но боялся:

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — ответила она и тоже заплакала.

Случалось ли в истории человечества, чтобы две души, воссоединившиеся с такой радостью, пролили в этот сладостный момент столько слез?

Вряд ли.

Через некоторое время Берри нашла его взгляд — глаза его были столь же раскрасневшимися и помутившимися, как и у нее, — и спросила:

— Мэтью, где мы? Где ты был? Где Хадсон? Он был со мной, я это помню, а потом… — Она покачала головой. — Почему мне кажется, что кто-то говорил со мной и называл меня другим именем? И почему у меня во рту привкус… *дохлых крыс?*

Мэтью нервно улыбнулся.

Подобных вопросов будет еще много, — подумал он, вспоминая ее пытливый ум. Но это неважно! Хвала доктору Файрбоу и противоядию, каким бы отвратительным оно ни было на вкус!

— Позже, — ответил он, снова обнимая ее и целуя. — Всё — позже.

Если б он не был связан путами джентльменского поведения, то накрылся бы вместе с нею одеялом и прижал ее тело к своему.

— Тебе, наверное, надо еще поспать, — нежно произнес Мэтью. — Я сяду вон там и буду просто смотреть на тебя. — Он кивнул на стул в углу. — Можно?

— Нельзя, — ответила она. — Залезай ко мне под одеяло.

****

Когда Берри узнала, что с нею произошло и для чего нужно противное на вкус противоядие, она без колебаний принимала его еще три дня — уже не в доме Нэшей, а в ее собственном коттедже на Рэдфин-Стрит. Файрбоу сказал Мэтью, что для надежности стоит принимать лекарство еще три дня. Берри соблюдала все, что было необходимо для лечения, и каким бы ужасным ни было на вкус противоядие, оно сделало свое дело, вернув ее к нормальной жизни.

На третью ночь после ее ухода из дома мэра на Конгер-Стрит раздались два выстрела.

В ходе местного расследования люди Фэлла установили, что Фредерик Нэш зарядил два пистолета: из первого он выстрелил с близкого расстояния в голову Памеле, а с помощью второго покончил с собой. Мэтью был свидетелем тому, как из их дома выносили тела. По бокам от него застыли Хадсон и Берри, провожая чету Нэшей мрачными взглядами.

Мэтью невольно ощутил жалость к этим людям: похоже, потеря второй дочери окончательно раздавила их, и справиться с

горем они уже не смогли.

****

Настало время затронуть заведомо сложную тему. Мэтью пришлось довольно долго собираться с силами, чтобы заговорить об этом.

— Ты возвращаешься в Нью-Йорк, — начал он.

— Конечно, — ответила Берри. — Как и все мы.

Мэтью вздохнул.

— Нет, — ответил он. — Только ты. Я, Хадсон, Профессор и еще несколько человек едем в Италию.

— *Что*?

Было около половины восьмого вечера, и они ужинали, расположившись за одним из столов в «Знаке Вопроса?». Мэтью заказал кружку крепкого сидра для себя и бокал вина для Берри, надеясь, что так беседа пойдет легче. Чуть поодаль в том же зале, где ужинали остальные обитатели «Прекрасной Могилы», Хадсон играл в кости с Хью Гинесси, а Ди Петри ел в одиночестве.

— Мне пришлось пообещать Профессору, что я отправлюсь с ним в Италию, и отказаться я не могу.

Берри решительно кивнула.

— Тогда я поеду с тобой.

— О нет! — поспешно ответил Мэтью, сделав глоток сидра и покачав головой. — С тебя хватит.

Она продолжала буравить его глазами. Выражение ее веснушчатого лица сделалось на удивление суровым. Мэтью с трудом подавил улыбку — как счастлив он был видеть ее прежней… но сейчас ему необходимо было сосредоточиться на разговоре и все же убедить Берри послушаться его.

— Послушай, я серьезно, — упорствовал он. — Ты должна вернуться в Нью-Йорк, а мне нужно отправиться в Италию, чтобы выполнить свое обещание Профессору. Когда все закончится, я как можно скорее вернусь домой и попрошу у твоего дедушки твоей руки.

Он надеялся, что этого было достаточно, чтобы пресечь спор.

Он ошибся.

— Мэтью Корбетт, — с нажимом заговорила Берри, — если ты думаешь, что я тебя отпущу, то ты просто сумасшедший! *Италия*? И что там, в этой Италии?

— Виноградник, — пожал плечами Мэтью.

— Дело в вине? Так выпей моего. — Она настойчиво пододвинула к нему свой бокал. Мэтью тяжело вздохнул и взял ее за руку.

— Меньше всего мне хочется снова расставаться с тобой, — покачал головой он. — Но… обещаю, это не займет много времени. Я…

— Не займет много времени? — возмущенно переспросила Берри. — Один путь до Италии растянется на несколько месяцев, не так ли? Может пройти целый год, прежде чем ты вернешься!

Она была права. Мэтью сокрушенно кивнул, ожидая, что Берри разозлится на него и попросту уйдет, но, к его облегчению, она не отняла руку.

— У меня нет выбора, — с мрачной решимостью и ощутимой силой в голосе произнес Мэтью. — Профессор сказал, что в ближайшие дни мы сядем в экипаж до Лондона. Оттуда один из кораблей доставит тебя домой, а мы сядем на другой и отправимся в Италию. В Венецию, если быть точным.

Мэтью не стал говорить, что у Профессора Фэлла есть дом в Лондоне, но остановиться он предпочел в гостинице — не хотел, чтобы кому-то из агентства «Герральд» стал известен его лондонский адрес. Из столичных гостиниц более всего Фэллу подходил «Герб Мейфэра», но после активных возражений Мэтью его выбор пал на не менее роскошную «Изумрудную гостиницу».

— Берри, послушай… — Мэтью сильнее сжал ее ладонь. — Ты можешь злиться на меня сколько угодно, можешь запустить в меня чем-нибудь тяжелым или как-то еще выразить свое негодование, но пойми, я просто стараюсь тебя защитить.

— Защитить? — Берри прищурилась. — Значит ли это, что ты сам в этой поездке снова будешь рисковать жизнью?

— Я дал клятву, — сказал Мэтью, тут же поморщившись, потому что взгляд его невольно обратился к Ди Петри. Управляющий итальянской оперной дивы не обращал внимания ни на кого и ни на что вокруг, продолжая поглощать жареную рыбу. Мэтью вздохнул, понимая, что одну свою клятву он уже нарушил, так много ли стоит его слово?

— Да, но Мэтью…

— Хадсон не допустит, чтобы со мной что-то случилось, — перебил он.

— А кто помешает тому, чтобы что-то случилось с ним? Это не гарант безопасности, ты же понимаешь…

— С нами все будет хорошо, — продолжал упорствовать Мэтью.

Она внушительно посмотрела на него, все еще не отнимая своей руки.

— О, Мэтью, — тихо произнесла она, — я ведь так тебя люблю. Уже давно. — Она печально улыбнулась. — И я знаю, ты прошел через ад, чтобы раздобыть книгу, спасшую мне жизнь. Доктор Файрбоу рассказал мне все, что знал сам… должно быть, многие детали ему были неизвестны, так что мне сложно даже вообразить, какой ужас ты преодолел. И поэтому, — Берри чуть сильнее сжала его руку, — я боюсь снова отпускать тебя. Я… всегда за тебя боюсь.

— Осталось лишь это, последнее дело. А потом я вернусь домой и останусь с тобой навсегда, — тяжело вздохнув, сказал Мэтью.

— Нет, — упрямо покачала головой Берри. — Нет, нет и нет!

Он умоляюще посмотрел на нее.

— Ты ведь доверяешь мне? — печально усмехнулся он. — Хоть кто-то еще верит моим обещаниям? — Он вновь бросил сокрушенный взгляд на Ди Петри.

— Я… — Она была ошеломлена отчаянием и болью, которые звучали в его словах. Сделав глубокий вздох, Берри Григсби поняла, что *обязана* довериться ему. — Конечно, я доверяю тебе. И… если ты говоришь, что другого выхода нет, я должна… — Она поморщилась. — Мне *придется* с этим смириться. — Взгляд ее вновь посуровел. — Но знай, что я ненавижу одну мысль о том, чтобы отпускать тебя в эту опасную поездку! Мэтью… Мэтью, Боже, ты ведь такой хороший человек! Ты не заслуживаешь всего, что на тебя свалилось!

— Хороший человек? — кисло усмехнулся он. — Может, когда-то так и было. Теперь я в этом совсем не уверен. — Он покачал головой. — Но… прошу, давай посмотрим на иные аспекты будущего, не только на мрачные. Когда мы приедем в Лондон, у нас будет неделя или около того, чтобы побыть вдвоем. Профессор не посадит нас на цепь, у него нет на это причин. — Мэтью натянуто улыбнулся. — Мы сможем пообедать в ресторане, осмотреться. Мне известно, что мы остановимся в роскошной гостинице, а значит, сможем насладиться всеми ее благами. Разве это не чудесно? Разве это хоть немного не скрасит ожидание?

Берри снова сжала его руку. Глаза ее заблестели от слез. Она все еще хотела протестовать, но Мэтью уже видел: она сдалась и смирилась с неизбежностью.

— Я буду счастлива, только когда ты сойдешь с корабля в нью-йоркском порту. С нетерпением буду ждать этого дня, — сказала она, покорно вздохнув. Выражение ее лица смягчилось, несмотря на то, что вкус новостей, которые ей пришлось переварить, был явно куда горше противоядия. — Что ж, — вздохнула она, — если отговорить тебя от этой поездки я не могу

и отправиться с тобой тоже, тогда… пойдем ко мне домой, я приготовлю чай.

****

Примерно через час, возвращаясь в свой коттедж под светом тысяч звезд, мерцающих в ночном небе, Мэтью, подгоняемый мягким холодным морским ветром, увидел в окнах больницы свет. Доктор все еще работал в своем новом убежище.

А ведь я так и не поблагодарил его за то, что она сделал, — подумал Мэтью, поэтому прошел мимо выделенного ему гостевого домика и постучал в дверь больницы.

Файрбоу открыл. На носу у него сидели недавно приобретенные очки.

— Мэтью! — воскликнул он. — Пожалуйста, входите!

— Я не отниму у вас много времени, — ответил Мэтью, переступая порог. — Я просто хотел поговорить с вами пару минут.

— Я работал. Хотя думаю, можно уже и отдохнуть. Проходите. — Он провел Мэтью через комнату, где стояло несколько коек. В данный момент все они пустовали: сегодня Белиярд выпустил пациента, занимавшего одну из них, это был мужчина, поступивший с острым приступом колик в животе.

Миновав еще одну дверь, они очутились в лаборатории. Первым на глаза Мэтью попался письменный стол, на котором стояли лампа, чернильница, подставка для пера и та самая книга в красном переплете. Чуть поодаль стоял еще один стол, но побольше, на котором громоздились какие-то стеклянные трубки, множество бутылок с жидкостями, маленькие почерневшие горелки и два медных микроскопа. На длинной полке над столом выстроились стеклянные флаконы с различными порошками и сушеными растениями и несколько подсвечников с жестяными отражателями и прикрепленными к ним оптическими линзами. Почти по всему периметру комнаты на полках стояли глиняные кувшины всевозможных форм и размеров. Большие меха были сооружены у камина, над которым на крючках, вбитых прямо в кирпичи, висели кувшины и банки. На высоком комоде красовалась дюжина тонких ящиков с застежками из слоновой кости. В глубине лаборатории находилась дверь, которая, как предположил Мэтью, вела в оранжерею.

— Разве она не прекрасна? — спросил доктор. В голосе его

звучала почти отеческая гордость. Мэтью непонимающе нахмурился.

— *Она?*

— Лаборатория, — пояснил Файрбоу, с гордостью зацепив большими пальцами лацканы своего пиджака. — Она прекраснее любой женщины из всех, что я когда-либо видел!

— Похоже, качество вашей выборки весьма сомнительное, — заметил Мэтью.— Но я серьезно! Только взгляните, как она прекрасна! Посмотрите: все это богатство — исключительно в моем распоряжении! И я волен работать всю ночь! Эту… или любую другую, если мне заблагорассудится. И никто, никто меня не побеспокоит! — Он любовно оглядел свои владения. — Я могу экспериментировать, исследовать… Ах! Это просто восхитительно! — Файрбоу отвлекся от восторгов, решив проявить гостеприимство. — Могу я предложить вам чаю? Я как раз заваривал его на одной из конфорок.

— Нет, спасибо, я только что выпил чашечку, — отказался Мэтью. — Как я уже сказал, я не отниму у вас много времени. Мне просто хотелось поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

— Поблагодарить меня? О, Мэтью, но это я должен благодарить вас! Моя мечта сбылась! Мечта каждого химика-исследователя! И Профессор сказал, что послезавтра я поеду с Белиярдом в медицинский центр в Суонси, чтобы запастись кое-какими веществами, которые здесь отсутствуют. Так что… это *вам* спасибо, сэр, за все, что вы сделали для…

Резкий стук открывающейся двери прервал речь Файрбоу.

В дверном проеме стоял Джулиан Девейн. На нем было длинное серое пальто и его верная спутница темно-зеленая треуголка, лихо сдвинутая набок, выставляя напоказ участок головы с заметно отросшими светлыми волосами. На руках сидели иссиня-черные перчатки. Уже занеся ногу для шага, он вдруг резко замер, словно наткнулся на стену.

— Мэтью? — досадливо спросил он. — Не знал, что ты здесь. Входная дверь была не заперта. — Он качнул головой. — Я лучше зайду позже.

— И вам доброго вечера, мистер Девейн, — холодно бросил Файрбоу. — И, кстати, лучше вам *вообще* не заходить ко мне, если только вы не хотите попробовать мое последнее творение.

— Последнее творение? — переспросил Мэтью.

— Со временем это будет настойка опия. Пока же она очень ядовита — легко убьет четырех лошадей, — с гордостью сообщил Файрбоу Мэтью, вновь переведя взгляд на Джулиана. — Ну же, мистер Девейн, мне нужен подопытный.

Джулиан улыбнулся.

Мэтью ощутил беспокойство, причину которого не понимал. Джулиан шагнул вперед.

— Надеюсь, Берри полностью пришла в себя? — тихо спросил он у Мэтью.

— Да, слава Богу. И доктору, конечно же.

— И никаких осложнений?

— Нет, — фыркнул Файрбоу. — Я знаю, как пользоваться химикатами, сэр!

— Отлично, — сказал Джулиан все так же тихо. — Оставь нас, Мэтью.

Теперь воздух буквально зазвенел от тревоги.

— Джулиан, что ты…

— Я хотел поблагодарить *вас*, Мэтью, — перебил его Файрбоу, — за то, что вы привезли меня сюда и щедро вознаградили. — Он ожег глазами Джулиана. — Но этот зверь благодарности не заслуживает. Если бы не он, Элизабет Маллой осталась бы в живых. Она погибла, потому что ему взбрело в голову захватить ее в заложники. — Файрбоу, презрительно фыркнув, отвернулся от Джулиана, полностью сосредоточив внимание на Мэтью. — Он прирожденный убийца. Такие звери бродят по ночам и убивают маленьких девочек и мальчиков…

Джулиан настиг его в три шага.

В свете лампы блеснул нож, проворно извлеченный из ножен. Его росчерк наградил Файрбоу еще одной улыбкой от уха до уха — ниже той, которую он не успел стереть с губ.

Джулиан толкнул Файрбоу на каменный пол и встал над ним, глядя, как потоки крови растекаются вокруг его тела.

— Господи! — вскрикнул Мэтью. — *Что ты натворил*?

— Подожди, — бросил Джулиан.

Тело Файрбоу изогнулось. Он попытался зажать рану на горле рукой, кровь брызнула из-под его пальцев, едва не попав на Мэтью. Глаза доктора вылезли из орбит, очки повисли на здоровом ухе. Издавая булькающие хрипы, Файрбоу попытался встать, но рука заскользила по крови, и он снова упал, ударившись подбородком о каменный пол.

— Жди, — повторил Джулиан.

Файрбоу содрогнулся. Из перерезанного горла донесся звук, похожий на шум ветра в сухих камышах. Наконец, тело его согнулось, лежа на боку, приняв форму, отдаленно напоминавшую вопросительный знак. Лишь когда Файрбоу замер, Джулиан осторожно присел возле него и отер лезвие ножа о его плечо.

— Я всегда знал, что у него дурной характер, — надтреснуто

произнес Джулиан, осторожно поднимаясь. В этот момент он поморщился от боли, рука легла на не успевший зажить бок.

— Ты с ума сошел? — Мэтью попятился. — *Зачем*?

Глаза Джулиана остались жесткими, но рот искривился в ухмылке.

— Никто, — процедил он, — не может заставить меня чистить за собой ночной горшок и уйти безнаказанным. — Он посмотрел на письменный стол и подошел к нему. Его взгляд был сосредоточен на книге ядов. Убрав нож в ножны под пальто, он снял стеклянный плафон с ближайшего фонаря и усилил пламя.

Мэтью смотрел на него со смесью ужаса и восхищения, а Джулиан меж тем, взяв в руки книгу, начал методично отрывать от нее страницы и подносить их к огню.

— Эта книга не должна существовать. Ты знаешь это не хуже меня, — строго сказал он, когда бумаги свернулись и почернели, испуская струи коптящего дыма. Джулиан выпустил тлеющие страницы из рук, прежде чем огонь успел лизнуть его пальцы, затянутые в иссиня-черные печатки. Пепел серыми снежинками ложился вокруг тела доктора. — Ничего не говори, Мэтью, просто стой, где стоишь. Будь паинькой, — хмыкнул он, сжигая остальные страницы.

Когда был сожжен последний лист и хлопья пепла присоединились к своим собратьям на полу, Джулиан раскрыл пустой переплет книги ядов и почти с благоговением положил его на обескровленное лицо Файрбоу.

— Вот и все, — торжественно возвестил он.

— Ты ведь затем и пришел? Чтобы убить его? — спросил Мэтью.

В ответ — еще одна усмешка.

— Виноват.

— Ты понимаешь, что Профессор разорвет тебя на куски?

— Нет, если не найдет меня. — Выражение глаз Джулиана чуть смягчилось, хотя и оставалось немного настороженным. — Я договорюсь с МакБреем у западных ворот, с ним это будет легче всего сделать. Потом нужно будет взять лодку — хорошую лодку, а не то позорище, которое мы реквизировали в Аддерлейне. — Он слабо улыбнулся. — Это на случай, если тебе интересны мои планы. Ты ведь любопытен, Мэтью, тебе все интересно.

Мэтью молчал.

Джулиан взглянул на него, и на миг его взгляд показался затравленным.

— Как странно, — задумчиво сказал он, покачав головой, но развивать эту мысль дальше не стал. Вместо того он внимательно вгляделся в лицо бывшего напарника. — Мэтью, ты… ты ведь

никому не скажешь, куда я направился?

— Нет. Конечно, нет.

— Я знал, что могу на тебя положиться. Потому что ты хороший человек, Мэтью. — Джулиан чуть вздернул подбородок, в глазах заплясали желтые огоньки. — Хотя, будем надеяться, что-то плохое тебе передалось. Оно понадобится тебе в твоем будущем деле. И, надеюсь, оно спасет тебе жизнь. Удачи!

Мэтью кивнул. Он был потрясен резней, свидетелем которой только что стал, поэтому не мог найти достаточно красноречивых слов для прощания. К тому же… в какой-то мере Файрбоу уже не казался ему таким бездушным человеком, он даже стал ему по-своему дорог.

Но Мэтью понимал, почему Джулиан так поступил. Спасение Берри было, несомненно, добрым делом Файрбоу. Но со временем с помощью книги ядов Джонатана Джентри он продолжил бы удерживать жителей Прекрасного Бедда в наркотической тюрьме, а возможно, взялся бы и за эксперименты похуже. Теперь же…

Теперь «Прекрасной Могиле» предстояло узнать, каково жить без ядов и наркотиков Джентри. А это, безусловно, сулило существенные перемены.

Да, Джулиан поступил жестоко, но верно. Особенно с книгой, потому что она действительно не должна была существовать. Действовал ли Джулиан во благо человечества или в угоду собственному эгоизму — оставалось вопросом, и вряд ли он когда-нибудь даст на него ответ.

— И тебе тоже, — выдавил Мэтью. — Удачи, я имею в виду. Куда ты отправишься?

Несколько секунд Джулиан размышлял, стоит ли рассказывать об этом. Затем кивнул и улыбнулся:

— Собираюсь отплыть в Бристоль. Как можно скорее.

Мэтью приподнял брови.

— Как ты собрался грести? Твои ребра…

— Выдержат, — Джулиан махнул рукой. — А если тебе вдруг станет интересно, как у меня дела, — он чуть помедлил, — будь уверен, что я всегда… *всегда* смогу начать все с чистого листа. Завтра.

С этими словами Джулиан Девейн повернулся и вышел за дверь, оставив Мэтью в одиночестве в прекрасной лаборатории «Прекрасной Могилы» с лужицей крови злосчастного Лазаруса Файрбоу, растекавшейся вокруг его ботинок.

Глава тридцать седьмая

— Давай зайдем в «Старую Клячу» и промочим горло, — предложил Хадсон.

Это предложение было встречено стоном.

— Я больше и шагу не могу ступить! Ты меня сегодня почти убил!

— Чепуха! Неужели тебе не хочется выпить перед сном?

— Нет. — Хью Гинесси переместился из своего полулежачего положения на софе. — И тебе тоже не следует.

— Да что ты знаешь о чужих нуждах? — усмехнулся он. — Давай же, парень! Вставай и пошли.

— Я не могу, Хадсон. Правда. Богом клянусь, я спекся.

Хадсон стоял перед ним в комнате с роскошными зелеными шторами, уперев руки в бока.

— Я собираюсь пойти выпить. Ты идешь, или нет?

— Нет. — Гинесси сел и потер свои гудящие ноги в черных чулках. — Черт, как ты столько выдерживаешь? Ох… Ладно, Бог тебе судья, иди и напивайся. Я точно остаюсь здесь.

— Не думаю, что Профессору это понравится. Разве ты не должен был прилипнуть ко мне, как перья к дегтю?

— Он уже давно спит в своей комнате. Да и в любом случае, куда ты денешься? Ты не собираешься сбегать, мы это знаем.

— Твоя правда, — вздохнул Хадсон. — И все же… знаешь, ты мне нравишься, поэтому я не хочу, чтобы у тебя возникли проблемы с боссом.

Гинесси нахмурился.

— Это же не ему приходилось таскаться за тобой хвостом целый день! Слушай, — он вздохнул, — иди, выпей и возвращайся. Если он не узнает, что ты отлучался, никаких проблем не будет.

— А как же остальные? — спросил Хадсон с искренней заботой о человеке, которому было поручено не только делить с ним эту комнату, но и присматривать за ним. Гинесси должен был проследить, чтобы все было в порядке до самого отбытия их корабля в четыре утра. — Я не хотел бы столкнуться с кем-то, кто может рассказать Профессору, что чрезвычайно опасный Хадсон Грейтхауз ушел куда-то и некоторое время бродил без присмотра.

— Да они все, поди, уже дрыхнут без задних ног! Черт… я не привык шататься так поздно ночью!

— Хм, — задумчиво протянул Хадсон. Он взглянул на худые ноги Гинесси. Да, на крепыша он никак не тянул, и специально

спланированный Хадсоном распорядок дня его вымотал. — Тогда, выходит, я заручился твоим разрешением сходить в «Старую Клячу» и выпить. После этого я вернусь. Клянусь, буду осторожен, как маленький ребенок в День Субботний[51].

— Да иди уже, хватит паясничать! Я сейчас усну.

— Ну, раз ты настаиваешь. Можно мне денег?

— Сколько?

— О, четырех шиллингов должно хватить.

— Четыре шиллинга?! Ты, что, решил выпить целую бутыль и еще говядинкой закусить? Черт! — Гинесси сполз с софы и, морщась от каждого шага, доковылял до стола, на котором лежал его кошелек с деньгами. Он развязал его и протянул Хадсону монеты. — Вот! Забирай и иди.

— Благодарю, сэр, — картинно скривился Хадсон. Он забрал деньги и передернул плечами, поправив новую кожаную куртку с флисовой подкладкой и капюшоном, которая досталась ему сегодня на средства из того же кошелька. Хадсон убрал свои монеты — точнее, монеты Профессора Фэлла, но кому есть до этого дело? — в карман куртки. Затем надел новенькие черные кожаные перчатки — их он тоже приобрел сегодня во время многочасового похода по магазинам и модным домам в окрестностях «Изумрудной Гостиницы». Этот поход должен был заставить ноги Хью Гинесси загудеть к вечеру, и план сработал: сторожевой пес Хадсона Грейтхауза взвыл еще в полдень. Гинесси хотел вернуться в гостиницу, но Хадсон был непреклонен: он твердо вознамерился приобрести себе новый гардероб перед поездкой в Италию. Ему вовсе не хотелось на борту корабля походить на обыкновенного уличного оборванца. К тому же… чем еще заниматься в Лондоне, если не есть, не пить и не покупать одежду в самых дорогих бутиках, которые только можно найти? И, разумеется, на все проезжающие мимо экипажи даже не стоило обращать внимания, потому что прогулки на таком бодрящем январском воздухе закаляли тело и дух!

Гинесси застонал, откинувшись на софу.

— Только сдачу верни, — сказал он.

— Само собой. Ключ мне не нужен. Я быстро: одна нога здесь, другая там.

— Слушай! — позвал его Гинесси, когда Хадсон вышел в освещенный лампами коридор. — Только до «Старой Клячи» и обратно. Я серьезно. Если он узнает, что я позволил тебе уйти, мне конец.

— Я об этом не забуду, — сказал Хадсон, накинув темный капюшон. — Поверь, если б я хотел от тебя сбежать, я сегодня мог уже тысячу раз это сделать. Ты, конечно, вооружен — хотя я

считаю, что пистолет тебе только пояс зазря оттягивает, — и мог бы пристрелить меня средь бела дня, но, если подумать, мне было бы нетрудно в любой момент вырвать у тебя этот пистолет и сбежать. Но я этого не сделал. Как я и сказал Профессору: зачем мне сбегать? Я еду, чтобы защитить Мэтью. Было бы глупо отвернуться от него и позволить ему действовать в одиночку. Так что… успокойся, Хью. Я выпью и вернусь. Могу и тебе чего-нибудь принести.

— Принеси мне новые ноги, — простонал Гинесси.

Хадсон хохотнул, вышел и закрыл за собой дверь.

Он спустился по длинной изогнутой лестнице, начинавшейся в конце коридора. На всем протяжении она была устлана изумрудно-зеленой ковровой дорожкой и вела прямиком в царство богачей. Огромный камин в фойе, окаймленный бело-зеленым кафельным узором, горел, одаривая своим теплом сидящих в роскошных креслах и мило беседующих женщин.

Хадсон окинул фойе взглядом и убедился, что ни одного из трех других охранников, которых Фэлл взял с собой, здесь нет: ни Кирби, ни Сандерсона, ни Доуса. Сладить с ними было бы намного сложнее, чем с Хью. За деревню остался отвечать этот ублюдок Сталкер, так что, бог в помощь «Прекрасной Могиле».

Если говорить о деревне, то Хадсон не мог не восхищаться мастерством, с которым удалось исчезнуть Джулиану Девейну после того, как он убил Лазаруса Файрбоу и уничтожил книгу ядов. Хадсон догадался, что Девейн договорился с МакБреем, чтобы тот открыл задние ворота и позволил ему спуститься в гавань. Что ж, почему бы и нет? Девейн не был узником Фэлла — скорее, для преступной империи Профессора он был ценным кадром. Хадсон слышал, что новость о его побеге Фэлл воспринял с мрачным молчанием. Никаких действий по поимке Девейна он не предпринял: предстоящая поездка в Италию явно заботила его больше.

Мэтью по поводу этого инцидента допрашивал Сталкер. Он пытался вызнать, знал ли бывший напарник Девейна что-нибудь о его планах. Мэтью ответил, что не знал. Он предположил, что все произошло, пока он пил чай с Берри.

Пил чай с Берри, — подумал Хадсон с досадливой улыбкой. — *Теперь это так называется?*

Надвинув на лицо капюшон, он прошел по мягкому ковру прямо к стойке клерка.

— Слушаю, сэр? — поднял голову тот.

— Мне нужен лист бумаги, письменные принадлежности и конверт.

— Одну секунду, сэр.

Когда служащий принес все необходимое на зеленом эмалированном подносе, Хадсон подумал, что эта гостиница превзошла саму себя, задействовав в каждом элементе своего убранства оттенки зеленого. На вопрос, где он мог бы присесть, чтобы написать письмо, клерк указал ему на письменный стол в хорошо освещенном алькове.

Хадсон сел за стол, разложил лист бумаги на промокашке — да, тоже зеленой — и подумал о том, что собирается написать. В бою он чувствовал себя более уверенным, чем в искусстве письма, но именно этот бой с бумагой он планировал весь сегодняшний день.

Итак, к поставленной задаче прилагались ручка и чернила.

Это заняло у него некоторое время.

Когда Хадсон закончил и поставил внизу свою подпись, он сложил лист и убрал его в конверт, на котором написал: «*Шерифу Гидеону Лэнсеру*», а под этим: «*Уистлер-Грин*».

Черт, — подумал он, — *и даже здесь никак не обойтись без этого зеленого*[52] — *хотя тут он, скорее, необходимая деталь, чем элемент роскоши, будь он неладен!*

Хадсон взял поднос с письменными принадлежностями и конвертом, после чего отнес весь набор обратно клерку.

— Не могли бы вы поставить свою печать, пожалуйста?

— Конечно, сэр.

Клерк отлучился за свечой из зеленого воска и официальной печатью «Изумрудной Гостиницы».

Когда дело было сделано, Хадсон сказал:

— Отправьте его экипажем экспресс-почты как можно скорее. Надеюсь, вы сделаете это первым делом утром? — Он полез в карман за деньгами, вытащил два шиллинга и положил их на стол клерка.

— Сэр, это слишком много за срочную почту!

— Первым делом. Утром, — повторил Хадсон. В голосе его звучала сталь, а в глазах не было ни тени сомнения.

Клерк кивнул и убрал конверт в кожаный мешочек вместе с несколькими другими письмами.

Хадсон снова надвинул капюшон поплотнее и вышел из гостиницы на холодный ночной воздух. Он перешел улицу и направился к таверне «Старая Кляча», где заказал эль и устроился за дальним столиком, чтобы хорошо слышать черноволосую женщину, игравшую на гитаре и исполнявшую песню о потерянной любви.

Хадсон подумал, что ей следовало петь песни о вновь обретенной любви — это больше соответствовало случаю. Прямо сейчас Мэтью, вероятно, был в комнате с Берри. Во время поездки

из деревни Фэлла они держались друг к другу так близко, как только могли. У Хадсона мелькнула мысль, что их не получится разлепить даже ломом. Впрочем, можно ли их винить? Они оба прошли через ад, поэтому вполне заслужили рай хоть на несколько часов.

Впереди было немало трудностей — и не только в отношении поездки в Италию. Утром в шесть часов Берри должна была отплыть в Нью-Йорк. В гавани будет много слез, всхлипов и объятий, и Хадсон подозревал, что Мэтью придется хорошенько встряхнуть, а то и дать пару пощечин, чтобы заставить его отпустить Берри.

Берри не одобряла его предстоящую поездку, но ей пришлось смириться. Хадсон пообещал ей, что присмотрит за мальчиком и глаз с него не спустит.

За мальчиком? Нет, пожалуй, это слово уже ему не походит. За мужчиной.

После того, как корабль Берри уйдет, Хадсон намеревался напоить Мэтью, потому что знал, что ему это будет необходимо — даже если он сам не осозн**а**ет этого. Хадсон тоже собирался напиться, потому что нуждался в этом столь же сильно.

Он не мог избавиться от ощущения, что в самом Мэтью что-то очень сильно изменилось с тех пор, как он видел его в последний раз. В выражении лица, в глазах, в манере держаться — проскальзывало что-то неуловимо другое. Разумеется, Мэтью прошел через тяготы — если это слово в достаточной мере описывает тот ад, в котором он побывал, — но все же… что-то в Мэтью начало напоминать ему…

… Его самого?

А еще это демоническое зеркало. Ждет ли оно их в Италии?

Что их вообще там ждет?

Может, что-то похуже демонического зеркала?

Никогда не угадаешь, что приготовила Судьба.

Но сейчас… стоило просто жить настоящим.

— Еще эля! — заказал Хадсон, когда к столу подошла подавальщица. — И еще одну песню. — Он поднял довольно высоко свою почти пустую кружку, выказывая уважение певице, и та одарила его милой улыбкой. Зазвучал приятный напев, струны гитары издали сладкую трель.

Принести сдачу из «Старой Клячи»? Черта с два!

****

— Я пришел сюда как торговец, чтобы продать вам идею, — сказал один человек другому.

Мужчина, сидящий в тени, какое-то время не отвечал. Затем раздался голос — низкий и сильный, но звучащий как-то странно. Отчего-то создалось впечатление, что с обладателем этого голоса что-то не так.

— Продолжайте.

— Уверен, вам известна моя репутация. А мне, разумеется, известна ваша. У вас есть то, в чем очень нуждаюсь я, а я, вероятно, обладаю знаниями, которые вы можете счесть бесценными.

— К делу, — сказал человек, сидящий в тени.

Длинные тонкие пальцы Черного Кардинала поигрывали перстнями с серебряным черепом и сатанинскими метками.

— У вас быстрый корабль. Кажется, он называется «Немезида». Мне нужно такое судно, не обремененное другими пассажирами.

— И зачем, позвольте узнать?

Блэк вгляделся в тень. Человек, сидевший перед ним, сознательно устроил встречу здесь, в этой роскошной комнате величественного белого особняка, раскинувшегося в лондонском районе Риджентс-Парк. Он держался так, чтобы тьма окутывала его. Мужчина сидел в белом кресле с медным навершием на спинке. Ноги его были скрещены, щеголяя бриджами, пошитыми из тончайшего бледно-серого шелка, и чулками, поражавшими белизной. Сапоги до щиколоток блестели черным деревом и отдавали пепельными переливами в свете лампы, которая была ориентирована так, что ни на йоту не разгоняла мрак около его лица, в основном она светила на Кардинала.

— Через четыре дня, — сказал Блэк, — корабль под названием «Тритон Эссекса» возьмет курс на порт Венеции. Я нанял людей для сбора информации в доках. Сделал несколько оправданных взносов — они и вправду того стоили. Выяснилось, что «Тритон Эссекса» — согласно гроссбуху компании «Ралей Глоуб» — повезет на борту человека, называющего себя Джоном Лампри[53], юношу по имени Мэтью Споттл, четверых человек, которые мне совершенно безразличны, и еще одного мужчину, настоящее имя которого — Хадсон Грейтхауз. Это имя известно мне, потому что его мне сообщила Матушка Диар перед тем, как похитить его.

— Матушка Диар, — протянул человек, державшийся в тени и говорящий странным голосом. — Как она поживает?

— Пребывает на глубине четырех саженей, я полагаю.

— Мертва?

— Несомненно.

— Хм, — задумчиво вздохнул человек из тени. — Я думал, эта старая сука никогда не сдохнет.

— Увы, но это случилось.

— Джон *Лампри*. Джон Минога. Минога — это, кажется, какая-то рыба?

— Насколько мне известно, это какой-то тип угря, который высасывает жизнь из всего, к чему прилипает. Это весьма уместно, учитывая, что «Джон Лампри» — это псевдоним, который использует Дантон Идрис Фэлл. Молодого человека по фамилии Споттл на самом деле зовут Мэтью Корбетт. С ним у меня также есть дела, которые необходимо разрешить.

— Профессор Фэлл, — произнес мужчина. — Зачем ему отправляться в Венецию?

Кардинал Блэк изменил свое положение в кресле, сместившись на несколько дюймов. Это движение заставило его странно вытянутое лицо сморщиться, а его левую руку потянуться к отозвавшемуся болью правому плечу.

— Вы ранены?

— Отравился свинцом не так давно. Рана еще заживает, но, будьте уверены, я достаточно окреп, чтобы выдержать путешествие.

— Расскажите мне все, — потребовал мужчина.

Кардинал Блэк оглядел стены гостиной, которые, казалось, были облицованы листами чистого золота. Потолок блестел, словно жемчуг, а сверху свисала удивительно роскошная люстра с дюжиной свечей. Стены украшали картины — по большей части угрюмые и мрачные пейзажи: одинокие долины; темные леса, залитые лунным светом; пустоши, куда, должно быть, не ступала нога человека.

Блэк сказал:

— Профессор Фэлл направляется в Италию, чтобы отыскать зеркало, способное вызывать демонов из глубин подземного мира. Это зеркало создано итальянским колдуном и человеком, который хоть и был одержим, не был полностью осведомлен о том, *что* создает и чем будет обладать впоследствии. Из этого зачарованного зеркала может выйти существо, которое выполнит любой приказ того, кто его вызвал. Естественно, процедура сопряжена с определенным риском. С тем же успехом можно прокатиться на спине дикого зверя. Однако выгоды могут быть огромными. Подумайте об этом, сэр. Существо, которое на короткое время будет вынуждено исполнять все ваши приказы. Чего бы вы хотели? Богатства? Большего, чем то, которым вы

обладаете сейчас? Власти? Большей, чем у вас уже есть? Или… красоты? В ваших силах будет заполучить даже это. Просто задумайтесь, сэр. Это существо сможет даровать вам что угодно — все, чего только пожелает ваш разум или сердце.

Повисло молчание.

— Профессор Фэлл считает, что это зеркало существует, и его можно отыскать, — продолжил Блэк. — Я тоже. Разумеется, я так считаю: мой Повелитель сказал мне об этом. Оно существует, его можно найти и использовать. Я жажду этого зеркала так же сильно, как Фэлл — и даже больше. Я сделаю все, чтобы до него добраться. Мой Повелитель сказал мне, что зеркало в пределах досягаемости. Но при этом Повелитель бросает мне вызов, сэр. Он не говорит мне, где именно искать зеркало. Это — мое испытание. И чтобы отыскать его, мне нужен быстрый корабль, не обремененный другими пассажирами. На нем я должен последовать за «Тритоном Эссекса».

Человек, сидящий в тени, не шевелился и ничего не говорил.

— От недавней продажи партии «Белого Бархата» у меня осталась солидная сумма, — сказал Блэк. — Но мои запасы не безграничны. Я мог бы зафрахтовать частный корабль, как это сделал Профессор Фэлл, но, как я уже сказал, мне нужен *быстрый* корабль, которым будет управлять человек вашего опыта, чтобы не проиграть в этой гонке. Поэтому я и явился к вам, сэр, чтобы зафрахтовать «Немезиду» и последовать за Профессором Фэллом на поиски зеркала. Операцию Фэлла возглавляет тот самый человек — Мэтью Корбетт. Он связан с агентством «Герральд». Как он сошелся с Фэллом — загадка, которую не может разгадать даже мой Повелитель, но это произошло. Мне нужна «Немезида», и я готов заплатить.

Человек, скрытый мраком, некоторое время не реагировал. Наконец он сказал:

— Вы говорите, что продаете идею. Это она? Зачарованное зеркало?

— Идея, которую я продаю, — кивнул Блэк, — заключается в том, что на борту «Немезиды» будут два партнера, обладающие равными правами в поисках зеркала — к слову, это будет задокументировано. И оба они получат все, чего захотят: богатство, власть, силу или красоту безо всякой меры.

— Это довольно долгое путешествие, — сказал мужчина. — А у меня есть дела, которые д***о***лжно контролировать.

— Насколько я знаю, сэр, ваши дела идут насколько хорошо, что работают сами собой. Кроме того, вы ведь не так часто покидаете эту роскошную обитель. Я также знаю и то, что некоторые из ваших предприятий являются, скажем так,

конкурентами предприятий Профессора. Я же упомянул, что в Италию отправляется Джон Лампри? Так вот, стоило добавить — *ослабленный* Джон Лампри.

— Я слышал об этом.

— Слухи не обманывают. Подумайте вот о чем, для чего Профессор Фэлл жаждет — *отчаянно* жаждет — раздобыть это зеркало, — вкрадчиво произнес Блэк, поигрывая своими перстнями на уродливых вытянутых пальцах. — Если Фэлл заполучит зеркало, что он станет с ним делать? Чего пожелает? Уничтожить вас и своего другого конкурента Файбса? О, он сможет сделать это по щелчку пальцев. Испепелить этот дом? Убить вас самого или пожелать, чтобы вы вообще никогда не существовали? Полагаю, в ваших же интересах сделать все возможное, чтобы Фэллу никогда не удалось заполучить контроль над этим зеркалом. И, — он помедлил, — есть еще одна причина, по которой поездка в Италию будет для вас крайне полезной.

Человек, сидевший в тени, не ответил, но Кардинал знал, что он внимательно слушает.

— Профессор Фэлл отправился в путешествие с охраной всего из четырех человек, преданных ему до мозга костей. Корбетт — человек, которого я назвал бы Джокером, если позволите использовать карточную терминологию. Грейтхауз — тоже. — Блэк кивнул. — Фэлл будет слишком далеко от той армии, которой привык командовать. Он будет вне своей стихии — вне своей деревни с ее крепостными стенами. Выйдя во внешний мир, он остался без защиты, и его можно убрать со сцены без особых усилий. Но сначала, — заговорил Блэк особенно вкрадчиво, — он приведет нас к зеркалу. Это станет терновым венцом на его пути к могиле.

— Он так сильно верит в мощь этого зеркала, что решил остаться без защиты? — спросил мужчина.

— Безусловно! Он в частном порядке зафрахтовал «Тритон Эссекса» и отплывает в Венецию в шесть утра. Корабль судоходной компании «Ралей Глоуб» покинет док номер восемь через четыре рассвета. Если бы профессор не верил в силу зеркала так истово, стал бы он предпринимать такое рискованное путешествие?

— Ваша информация точна?

— Ручаюсь за нее своей репутацией.

Мужчина тихо хмыкнул. Затем сказал:

— Тогда почему бы мне просто не убить вас прямо сейчас и не отыскать это зеркало самому?

— Сэр, — протянул Блэк с хитрой улыбкой, — если бы вы помешали мне найти зеркало, вы бы навлекли на себя гнев моего

Повелителя. Не представляете, какой вред это нанесло бы вам. Я верен Сатане, сэр, а он — верен мне. Уверен, что он будет благоволить нам в этом путешествии. К тому же вам ведь понадобится кто-то, кто сумеет сладить с демоном, чтобы он не разорвал вас на куски прежде, чем над ним удастся обрести власть. О, нет… я нужен вам. — Он подождал некоторое время, чтобы собеседник осознал его слова. — Подумайте вот еще, о чем, сэр: для вас получить зеркало важно так же сильно, как и для меня — чтобы помешать Фэллу завладеть им. И, смею напомнить еще раз, существо из этого зеркала исполнит *все* наши желания. Богатство, власть. И, разумеется, оно сможет *вернуть* красоту.

Мужчина молчал.

Дедушкины часы в комнате пробили одиннадцать.

С последним их ударом, мужчина сказал:

— Ваша репутация говорит за вас. А вы, полагаю, знаете мою историю. Знаете, как развивались события… Как я был вынужден наказать одну свою работницу за то, что она позволила одной из моих «вещиц» сбежать? И ведь были улики, говорящие, что она нанесла мне этот урон с полным осознанием этого факта. Ее звали… Я забыл ее имя. Надо же, как интересно! Я помню ее лицо так отчетливо, будто вижу его прямо перед собой, но не помню ее имя. После эта женщина погибла от наказания, которое было справедливым, а другая моя «вещица»… что ж… я думаю, вы знаете эту историю.

— До меня доходили лишь слухи, — признался Блэк.

— Другая моя «вещица», будучи так привязана к этой женщине, — продолжил мужчина, — напала на меня с бутылкой едкой жидкости, и потом… да как же ее звали?

— Моя идея, — надавил Блэк, — Что скажете насчет вас, меня и, возможно, *кого-то еще*, кто захочет присоединиться к нашим поискам? Нам остается лишь последовать за Профессором после того, как «Тритон Эссекса» отправится в Венецию через четыре дня. Там Мэтью Корбетт найдет для нас зеркало, а оно даст нам… *все*.

— Богатство и власть, — произнес мужчина. — Этого у меня в изобилии. Но красота… ах! Теперь я вспомнил имя предательницы! Спаннер!

— Я предлагаю идею, сэр, — напомнил Блэк. — Что вы решите?

Мужчина наклонился вперед.

Левая сторона его лица была чертовски красивой. Это было лицо прекрасного мужчины с темно-карими глазами, высоким аристократическим лбом, носом, как у статуи античного бога, и волевым подбородком. Густые волосы когда-то были эбеново-

черными, но теперь слегка поседели на виске.

Правая же половина лица была скрыта кожаной маской, привязанной к голове ремнями. На саму маску была нанесена восковая копия прекрасной половины его лица, украшенная по краям и вдоль линии роста волос сверкающими лунными камнями. Половина его рта также была искусно выточена, имитация губ отдавала белым восковым блеском.

Глаз с правой стороны был сделан из чистого золота.

В нем поблескивал рубиново-алый зрачок.

Когда мужчина заговорил, в движение пришла только левая половина его рта:

— Продано, — ответил Маккавей ДиКей.

От издательства

Книги Cemetery Dance

Обязательно посетите CemeteryDance.com для получения дополнительной информации обо всех наших книгах ужасов и романах, выходящих в свет в ближайшее время. Также вы можете найти на нашем сайте ограниченные серии и подписаться на наш журнал.

Наши авторы: Стивен Кинг, Гиллиан Флинн, Дин Кунц, Рэй Бредберри, Питер Страуб, Уильям Питер Блэтти, **Роберт МакКаммон**, Джастин Кронин, Бентли Литтл, Скотт Смит, Фрэнк Дарабонт, Мик Гаррис, Джо Р. Лэнсдейл, Норман Партридж, Ричард Лаймон, Майкл Слейд, Грэм Мастертон, Дуглас Клегг, Джек Кетчам, Уильям Ф. Нолан, Нэнси А.Коллинз, Аль Саррантонио, Джон Скипп и многие другие.

www.CemeteryDance.com

От переводчиков

Дорогие читатели!

Вот и подошел к концу седьмой роман серии «Мэтью Корбетт» «Кардинал Блэк». Над переводом трудились Натали Московских и Елена Беликова. Искренне надеемся, что вы оценили наш труд и насладились яркими событиями книги вместе с нами.

По традиции мы оставляем наше послесловие в конце романа. На этот раз мы устроили интерактив и решили ответить на те вопросы, которые вы задавали о книге и нашей работе. Благодарим каждого читателя, кто проявил активность и помог нам с этим интервью!

1) Как вам удается выполнять такой качественный художественный перевод, сохраняя при этом стиль авторов из книги в книгу и передавать чудесную атмосферу того времени?

Елена: Для начала спасибо за такие приятные слова! Мы действительно очень стараемся и вкладываем много сил, чтобы готовый продукт был отменного качества и радовал вас, наших читателей.

А насчет того, как мы сохраняем стиль автора и передаем атмосферу… я бы назвала это балансированием на грани. С одной стороны английский язык и МакКаммон с его в***и***дением персонажей, сюжета и особыми, присущими только ему оборотами речи, с другой — особенности русского языка и наиболее приятное для глаза художественное изложение, в рамки которых нам надо это самое в***и***дение автора уложить, сохранив при этом от него максимум. Как видите, у нас с Натали эта кропотливая работа хорошо получается.

Натали: Спасибо! То, как высоко вы оцениваете нашу работу, мотивирует нас совершенствоваться в нашем деле. Это бесконечно важно для нас.

Боюсь, мы не можем приписать себе заслуги по сохранению чудесной атмосферы начала 1700-х годов — все-таки это заслуга автора. Разве что мы кропотливо выискиваем нужные для контекста слова, читаем про описанные явления и наводим исторические справки, чтобы наш перевод выглядел достоверно.

Сохранять авторский стиль удается, увы, не всегда. Такие правила диктует нам само явление художественного перевода и

особенности русского языка. Некоторые фрагменты текста, если переводить их чисто технически, в финальном варианте выглядели бы рваными и заставляли бы читателя спотыкаться о них. Иногда приходилось менять фрагменты местами, добавлять или убавлять что-то в изначальных предложениях, перекраивать фразы, теряя заложенную в них игру слов во благо финального благозвучия текста. Поэтому вопрос о сохранении авторского стиля довольно спорный, но мы стараемся передать от него столько, сколько возможно.

2) Перед началом работы вы заглядываете в конец книги? Или в процессе работы? Неужели хватает терпения не узнать заранее концовку?

Елена: Никогда не заглядываю в эпилог.

Любопытство — одна из моих сильных черт характера. Если я утолю его сразу и узнаю, чем закончится книга, потеряется интрига и движущая сила перевода. Мою мотивацию можно выразить, примерно, так: «Ох, что же там дальше будет? Вот сейчас переведу с десяток страниц и узнаю». После этого обычно сон или другие дела откладываются в долгий ящик, а я сижу и кропотливо перевожу страницу за страницей, лишь бы узнать, чем дело закончилось.

Зачастую моя часть перевода обрывается на самом интересном месте, приходится держать себя в руках и не заглядывать в главы напарницы, потому что скоро мне предстоит еще вычитка, когда полный текст книги — обе части, ее и моя — редактируется. Тогда моей движущей силой станет желание узнать, что же сокрыто там, в ее главах.

Была у нас с Натали книга — правда, из серии «Пендергаст» Линкольна Чайлда и Дугласа Престона, — которую сначала мы не хотели переводить из-за планов издательства. Я, будучи давним фанатом этой серии, решила не лишать себя удовольствия и прочитала ее на английском, а буквально пару месяцев спустя, мы таки решили над ней поработать. Признаюсь, в процессе перевода мне было скучновато, ведь я уже знала, кто убийца и что случится в следующей главе. Интрига была потеряна, и работа шла без внутреннего пыла. А вот для Натали перевод шел в обычном режиме, и она периодически меня «пытала», обуреваемая нетерпением, что же там будет дальше и выживет ли ее любимый персонаж. К слову, он выжил!

Натали: Когда как. Иногда заглядываю, иногда нет. На самом деле, лично меня никогда не пугали так называемые спойлеры, я к ним нормально отношусь. Для меня важно не столько то, что

случится, сколько то, как это будет описано. Я любитель посмаковать детали. Иногда встречаются некоторые загадки, ответы на которые появятся лишь в поздних главах книги или в самом конце. Чтобы изначально не упустить важные элементы повествования, я могу заглянуть дальше в книгу и узнать, чем дело кончилось.

Так, например, я заглянула в одну из будущих глав Елены и слезно выпросила ее себе на перевод. Очень уж хотелось перевести эту историю из-за деталей, которые меня в ней зацепили. Напарница оказалась милосердной и пошла мне навстречу, за что я ей очень благодарна.

Могу сказать только, что заранее никогда не читаю всю книгу в оригинале целиком. Не только ради экономии времени: для меня искать верный вариант перевода в процессе первого же прочтения — своеобразное испытание и тренировка. Поэтому, так или иначе, часть книги всегда остается загадкой, пока не завершится перевод.

3) Хотелось ли вам когда-нибудь при переводе текста внести изменения, добавить от себя деталь, которой не было у автора, как иногда делают художники, копируя известные картины?

Елена: Если я что-то и вносила, то это были лишь мелкие незначительные детали, которые никоим образом не влияли на сюжет, а всего лишь помогали в полной мере раскрыть авторскую задумку, привносили «изюминку» в эпизод.

И дело здесь ни в моем желании что-то изменить в книге из-за несогласия с автором, а в том, чтобы сделать перевод книги «вкусным», раскрыть все грани повествования. Английский и русский слишком разные языки, обладающие многочисленными отличиями и нюансами, чтобы переводить слово в слово. То, что английский порой, в силу своей ущербности, не может раскрыть, русский описывает ярко и полно.

Мы, переводчики, всего лишь бойцы невидимого фронта, работающие с чужой фантазией, с автором, который видит истории героев так, а не иначе. Кто мы такие, чтобы переделывать задумки Маэстро?

Натали: Я как-то давно признавалась читателям, что в книге «Я путешествую по ночам» бесстыдно дописывала за автором рваные сцены и нещадно добавляла детали.

С серией о Мэтью Корбетте мы с Еленой этого старались не делать.

Ключевое слово «старались», потому что даже в

отредактированном издательском варианте изначального текста содержались откровенные ляпы, которые приходилось переделывать. Количество тапочек Брюкса, количество кораблей, атаковавших Прекрасный Бедд, особенности того, как горит сено, особенности реакций человеческого тела на травмы… приходилось добавлять и менять что-то с полным пониманием того, что за это читатели могут на нас ополчиться.

Здесь мы, переводчики, оказывались между молотом и наковальней. С одной стороны, мы могли осознанно оставить авторско-издательские ошибки и откреститься от них, списав их на качество изначального текста. С другой стороны, могли позволить себе вольности и что-то дописать. И в одном, и в другом случае мы рисковали нарваться на негативное отношение читателей — либо «схалтурили», либо «много на себя взяли». Как вы понимаете, стопроцентно верного варианта не существует, поэтому мы поступали так, как считали нужным. Лично нам, как читателям, было бы приятнее читать максимально исправленный и достоверный текст. Таким мы его и делали по мере своих сил и возможностей. Если ради этого приходилось что-то менять, c'est la vie.

Сюжетно мы никогда не исправляли ничего — это табу. Детали — да.

4) Переводческий дуэт — это, должно быть, непросто. Случались ли у вас творческие разногласия в процессе перевода? Если да, как вы их решали?

Елена: Не могу дать однозначный ответ на этот вопрос.

Что-то действительно дается нам непросто, ибо мы настолько разные и у нас настолько разные взгляды и жизненный опыт, что мы чуть ли не каждый день удивляемся, как нам вообще удалось сработаться и опубликовать переводы уже 12-ти книг.

А в чем-то мы на одной волне. Особенно это проявляется в отношении героев, сюжетов книг и несогласия с авторскими решениями.

Самое частое проявление нашего возмущения связано с тем, как авторы поступают с героями. Особенно когда в конце они их просто убивают. Вот так читаешь книгу, проникаешься характером персонажа, сопереживаешь ему, симпатизируешь, а потом автор быстренько его уничтожает. Мы с Натали, например, очень боялись, что под финал «Кардинала Блэка» МакКаммон убьет Джулиана. И с облегчением выдохнули, когда герой живой и здоровый упорхнул из-под носа Фэлла, оставив нашу растревоженную фантазию гадать, что же с ним случилось дальше и начал ли он жизнь с чистого листа?

Если же творческие разногласия у нас все же случаются, мы устраиваем мозговой штурм и тогда кому-то из нас приходится идти на уступки. В такие моменты думаешь не о том, чтобы настоять на своем мнении, а о том, что будет лучше для перевода, что лучше впишется в повествование.

Натали: Иногда разногласия случаются, да. Мне кажется, это неизбежно в любом деле, которое ведут между собой равноправные напарники. Иногда находит коса на камень, и приходится останавливаться и решать конфликт. Делаем мы это, как все нормальные люди — с помощью диалога. Проговариваем, что и почему не устроило, что было не так, предлагаем варианты выхода из конфликтной ситуации. Главным интересом для нас обеих выступает качество перевода, поэтому в угоду ему мы часто наступаем на горло собственной творческой песне.

В книгах МакКаммона у нас частенько возникают разные варианты имен персонажей. Так, например, в моем варианте Элизабет Маллой была «Демоницей Лиззи», а у Елены — «Дикаркой Лиззи». Посовещавшись, оставили «Дикарку», Елена нашла такой вариант перевода сочетания RakeHell Lizzie, которое я проглядела. Переводы Елены вообще точнее и техничнее моих, поэтому я во многом на нее ориентируюсь и заставляю себя притормозить полет фантазии. Все-таки, быть писателем и переводчиком одновременно непросто — иногда меня тянет на вольности. Лазарус Файрбоу в моем варианте был Лазарем, но тут я согласилась с напарницей — «Лазарус» звучит более… по-маккаммоновски. Все мы помним его любовь к помпезным именам — Ахиллес Годфри, Кристиан Мельхиор, Самсон Лэш…

5) Читаете ли вы свои переводы по окончании работы? Какой язык — английский или русский — более полно и красочно описывает то, что происходит в мире Мэтью?

Елена: Да, мы читаем свои переводы, но не для того, чтобы насладиться результатом, а в качестве очередного этапа работы — редактуры, в ходе которой исправляем ошибки, описки, выравниванием текст под единый стиль, проверяем орфографию и т.д.

Может быть через несколько лет, когда содержание переведенных нами книг подсотрется из моей памяти, я и прочитаю наши переводы, как простой читатель, не задумываясь, правильно ли вон там стоит запятая и не лучше ли здесь было использовать другой оборот.

Лично мне кажется, что английский язык немного угловатый и ограниченный, а вот с русским есть, где разгуляться: красок,

эпитетов и синонимов для того, чтобы достойно раскрыть и описать мир Мэтью хоть отбавляй!

Натали: Только в процессе вычитки!

Представьте себе, что один и тот же большой текст вы видите, как минимум, трижды. На третий раз он вызывает уже легкий нервный тик, а перед вами все еще стоит задача внимательно вчитываться в каждое слово. У нас так с каждым переводом.

Иногда эта задача превращается в невыполнимую, и какие-то опечатки все-таки ускользают от замыленного глаза. Как можем, мы пытаемся себя муштровать в этом вопросе, но получается, увы, с переменным успехом.

Читать тот же текст в четвертый раз нет уже никакого желания, так что читательское удовольствие от книги стирается из-за рабочих моментов. Но для нас важнее поделиться текстом с читателями.

По поводу богатства языка: русский действительно богаче английского — взять хотя бы количество слов в словаре. Однако сравнивать тексты я бы не рискнула. У английского языка свои особенности, у русского — свои, и своя мелодичность присутствует в них обоих. Каждому слуху просто ближе своя мелодия. Я в этом смысле меломан.

6) Известно ли Роберту МакКаммону о вашей переводческой инициативе? Если да, то как он к этому относится?

Елена: Насколько я знаю, не известно.

Хотя, думаю, что на этот вопрос лучше ответит моя напарница — из нас двоих она больше тяготеет к этому автору и дольше с ним работает. Не припоминаю, чтобы она упоминала, что связывалась с МакКаммоном, но мало ли.

Натали: Помнится, я писала Роберту письмо еще в начале своей деятельности, когда взялась за «Реку Духов». Ответа от автора я не получила и даже не могу судить, дошло ли до него письмо. Возможно, оно отправилось в спам — неизвестно. Во всяком случае, пока на этот счет в эфире гробовая тишина.

7) Как вы делите перевод? Кто начинает переводить, а кто заканчивает? Или вы делите по страницам? Есть ли у вас какой-то норматив, сколько страниц или глав вы переводите в день? И как потом работаете с переведенным материалом (есть ли этапы черновика и чистовика, например?)

Елена: Что до перевода «Кардинала Блэка», с ним моя напарница просто не оставила мне выбора. Я ей сбросила оригинал романа чисто для прочтения, написала что-то вроде: «Хоть переводить мы его и не будем, но это не помешает нам насладиться продолжением истории», а уже через неделю пришло сообщение, что она не смогла устоять перед соблазном и настолько сильно соскучилась по Мэтью, что ее пальцы сами собой застучали по клавиатуре и начали переводить. Вот такое у нас вышло начало.

Текст мы обычно делим по главам — от одной до четырех в зависимости от их объема и объема книги. Номера глав расписываем сразу, при первой дележке. В процессе перевода могут возникнуть ситуации, когда одна из нас слишком загружена и не успевает за напарницей, тогда вырвавшаяся вперед или берет на себя главы отстающей, или просто ждет, когда ее нагонят.

Нормы, сколько надо перевести в день, у меня нет. Скорость и объемы перевода зависят от многих факторов: наличия свободного времени, самочувствия, настроения. В один день получается перевести листов 15-20, а в другой — ни одного. Основной фактор — это, конечно, наличие свободного времени. Я обычный человек, у меня, как у всех, есть работа, семья, желание погулять, отдохнуть и выспаться. Среди этого всего и выкраивается время на перевод.

Сразу после перевода текст считается черновиком, который предстоит еще вычитать два раза. Так уж повелось в нашем дуэте, что первая редактура — черновая — за мной, а вот наведение лоска и контрольная вычитка, результат которой непосредственно предоставляется на ваш суд — за Натали.

Вкратце, процесс протекает так. После окончания перевода, Натали присылает мне свою часть, и я соединяю ее со своей. Далее приступаю к первой вычитке-редактуре. В ходе прочтения текста сверяю имена и названия, чтобы не было расхождений, выравниваю стиль повествования, убираю ошибки, описки, глюки авторов. По мере готовности — частями или целиком — текст отправляется к Натали на финальную обработку, где она проделывает то же, что и я, только своим свежим, незамыленным взглядом. Вуаля, перевод готов!

Натали: Не буду повторять за напарницей тонкости процесса. Уточню лишь, что при финальной редактуре все очень зависит от того, чья стилистика задала тон книге. Это решается первой главой (или главами — в зависимости от того, как мы поделили текст). У нас с Еленой стилистика очень разная, и подбивать

книгу нужно под тот стиль, с которого все началось. Над этим мы бьемся в процессе обеих редактур.

Есть ли норматив? Лично я человек-задача, поэтому стараюсь выполнять норму «глава в день» (но не в выходные, потому что отдыхать тоже надо). Если по какой-то причине эту норму мне выполнить не удается, приходится бороться с беспокойством, но это уже совсем другая история. Так нас, конечно, никто ни к чему не обязывает, и договоренностей о сроках у нас нет — работаем, как получится, и книгу выкладываем по готовности.

8) А с каких языков вы переводите в принципе? Например, в книгах о Мэтью встречаются реплики и на других языках. Бывали ли сложности с ними? Как вы их решали?

Елена: О, открою вам секрет: перевести можно с любого языка, был бы под рукой переводчик Google или Yandex.

А если что-то не получается или переводчик выдает нечто, совсем не вписывающееся в сюжет, то всегда можно устроить мозговой штурм с коллегой и общими усилиями решить, что лучше всего подойдет к данному эпизоду.

В «Кардинале Блэке» — по крайней мере, в моей части — сложностей с другими языками не было. А вот моя коллега очень чутко отнеслась к одному из иностранных персонажей, немке Грете Отри, которая встречается в 27 и 28-ой главах. Натали подала идею придать ее речи особую «изюминку», цитирую: «*Грета немка, она говорит с явным акцентом, поэтому ее фразы можно немножко строить через «я твой дом труба шатал». Даже в условиях экшна этой главы это будет колорит!*». Как вы заметили, эта идея отлично вписалась в повествование.

Если вас в целом интересует какими языками я владею, то помимо очевидного английского, неплохо знаю итальянский и украинский, незначительно французский, немецкий, испанский и японский. Так что, как видите, есть где разгуляться с переводами.

Натали: Перевожу в основном с английского, т.к. его знаю на очень хорошем уровне. Для своей исторической книги по истории инквизиции переводила несколько статей с французского, хотя его знаю хуже. Еще немного говорю по-немецки, совсем чуть-чуть по-итальянски и по-испански, немного (капельку) знаю латынь.

В процессе переводов частенько встречаются фразы на других языках. В основном пользуюсь собственными знаниями. Если задача выходит за эти рамки, использую электронный переводчик, обращаюсь к Елене или к знакомым, которые знают нужный язык. Как правило, перевести получается. Хотя, помнится

мне, в «Свободе Маски» встречались фразы на итальянском, которые так и остались загадкой. Даже мои знакомые, свободно говорящие по-итальянски, застопорились на этом вопросе.

9) Какие эмоции вы испытываете, когда перевод полностью готов? Радостно ли вам созерцать результат стольких трудов? Или, может, вам грустно, что книга закончилась? Вообще, насколько различаются ощущения переводчика и читателя?

Елена: Для меня это радость! И самое радостное — это видеть пост с готовым опубликованным переводом. А так как это всегда делает Натали, потому что за ней закреплена чистовая редактура и создание fb2-файла, для меня это становится небольшим сюрпризом. Хоть я и знаю, что книга уже почти готова, для меня остается загадкой, что же там моя коллега отредактировала за мной и как после этого «зазвучал» текст.

Люблю скачать готовый файл и побродить по тексу с этаким самодовольством и чувством выполненного долга. Глаз то там, то здесь, цепляется за интересующие меня нюансы. В голове мелькают мысли, например: «Ага, вот тут она исправила, вижу, согласна, виновата, просмотрела. Да, этот синоним сюда лучше вписывается. Хм, а вот насчет этого исправления я бы с ней поспорила, но ладно, и так сойдет».

И не то чтобы я свою напарницу проверяла или искала ошибки — вовсе нет — скорее, учусь, что-то запоминаю, чтобы совершенствоваться для будущих переводов.

А что до различия ощущений, к сожалению, вынуждена констатировать, что для переводчика теряется 60-70% удовольствия от прочтения по сравнению с обычным читателем. Это цена, которую приходится платить за то, что мое имя красуется во главе книги в качестве переводчика.

Натали: Я чувствую облегчение!

Как правило, читатели узнают о том, что ведется перевод, когда книга еще не выложена, и, разумеется, начинаются вопросы: «скоро ли?», «когда же уже?», «можно ли побыстрее, а то нет сил ждать?». Вполне могу понять это нетерпение и счастлива работать с серией, которой досталась такая любовь, но, не скрою, это тяжело. Я безумно не люблю подводить людей, и когда возникает необходимость ускоряться, работа превращается в сущую каторгу. Начинаются качели между «давай быстрее, люди ждут!» и «не смей спешить, пропустишь ошибку!».

Когда работа заканчивается, я чувствую себя так, будто пробежала марафон, и сейчас перед новым забегом у меня

образовалась короткая передышка.

Ощущения переводчика и читателя отличаются кардинально! Читатель не несет ответственности за текст, он — судья и рецензент, ради одобрения которого проводится колоссальная работа.

Переводчик за текст отвечает. Меньше, чем автор, но груз этой ответственности чувствуется, и отрешиться от него невозможно. При этом если переводчику не нравится какой-то сюжетный поворот книги, он не имеет никакой возможности его переделать, а вынужден с ним мириться, и это тоже может угнетать — особенно при трепетном отношении к собственным текстам. Б*о*льшая часть удовольствия от книги съедается рабочими моментами: необходимостью правильно интерпретировать и подать эпизод или фразу, невозможностью пропустить моменты, которые не нравятся и т.д. К примеру, лично мне крайне тяжело в книгах переводить или читать все сцены, связанные с буйством водной стихии, так как они нагоняют на меня почти животный ужас. Пропускать — не вариант, приходится работать.

10) Влияет ли Ваше настроение на качество перевода? Бывают ли такие периоды, в которые почему-то не получается переводить? Как справляетесь?

Елена: Нет, с моей стороны настроение на качество никак не влияет. Хотя допускаю, что возможны незначительные отклонения. Если бы я писала книгу, то оно наверняка бы сказывалось, а переводя, я всего лишь обрабатываю готовый текст, который не чувствителен к тому, что творится у меня на сердце.

Вот на объеме проделанной работы настроение сказывается, потому что я тоже живой человек и не могу делать что бы то ни было в режиме 24/7, иногда хочется тишины, покоя и ничегонеделания. Но обычно такое состояние долго не длится, максимум через неделю меня снова тянет за ноутбук переводить.

Другой вопрос, когда переводить хочется и надо, а свободного времени нет. В таких случаях остается только ждать, когда в жизни снова настанет белая полоса и появится время для любимого увлечения.

Натали: На качестве настроение не сказывается — разве что на скорости и объемах. Разумеется, на вдохновении работа идет быстрее, энтузиазм может выступать шикарным топливом. Мне повезло, что оно у меня есть почти всегда.

Но, да, случаются периоды, когда не получается переводить.

Как правило, они связаны либо с большой нагрузкой на основной работе, либо с состоянием здоровья. Тут ничего не поделаешь — приходится просто ждать, когда снова появится возможность заниматься книгой.

11) Если бы было возможно, что бы вы исправили в «Кардинале Блэке»? Может, внесли какой-то поворот сюжета? Или спасли какого-нибудь убитого персонажа?

Елена: К сюжету у меня претензий нет, все так, как и должно быть, МакКаммон держит марку: динамично, легко, местами немного сказочно. А что касается персонажей, я определенно спасла бы Элизабет. Или хотя бы дала ей шанс на спасение, оставила бы какую-то недосказанность относительно ее персонажа.

Натали: Перестала бы звать Джулиана плохим человеком. Этот момент лично мне постоянно резал глаз. Я вообще очень не люблю мыслить такими категориями, хотя понимаю, что МакКаммон таким образом заигрывал с читателями, заставляя их задуматься об извечном балансе добра и зла в этом мире.

Что до спасения персонажей — тут уж не мне судить. К персонажам в своих книгах я тоже довольно безжалостна.

12) Как думаете, ждет ли Мэтью Корбетта хэппи-энд? Или нам стоит ожидать драматического финала?

Елена: Трудно сказать.

МакКаммон намешал в сюжете слишком много всего: злодеи, головорезы, магические артефакты и демоны. Неизвестно, с какой стороны в голову нашему герою прилетит удар.

Хотя, за Мэтью я, пожалуй, спокойна, он и прежде чудом выбирался живым из многих передряг. Да и дома его ждет горячо любимая Берри. Только вот боюсь, как бы для нагнетания страстей МакКаммон не «принес в жертву» Хадсона Грейтхауза.

Натали: Я полагаю, Мэтью все-таки вернется домой. Насколько счастливой будет его жизнь после всех пережитых невзгод, судить трудно — все эти злоключения не смогут не оставить на нем отпечаток, излечить который вряд ли будет кому-то под силу. Лично я ему желаю благополучия. Но все, разумеется, в руках автора. Небезызвестный Джордж Мартин недавно сделал драматичные финалы модными. Кто знает, не пойдет ли Роберт МакКаммон по его стопам…

13) Что вас больше всего восхитило, и что больше всего

разочаровало в «Кардинале Блэке»?

Елена: Восхитил, бесспорно, Джулиан Девейн. Яркий, решительный, блистательный и глубокий персонаж. Примерно до 20-й главы его можно было смело назвать главным героем — Мэтью на его фоне терялся и выглядел мямлей.

Не понравилась почти маниакальная навязчивая манера МакКаммона упоминать, что Джулиан — плохой человек. Иногда — видимо, для пущего контраста — он там же упоминал, что Мэтью хороший. Причем хорошим он оставался несмотря на любые огрехи, проступки, омерзительные «убийственные» мысли по отношению к своему напарнику и даже пару убийств. К концу книги, как невероятно метко выразилась моя напарница, у меня «началась аллергия» на максималистичные ярлыки автора о добре и зле.

Натали: История Джулиана Девейна, как и он сам, бесспорно, зацепила. Точнее, не столько сама история, сколько моральные терзания Джулиана по ее поводу. Я вообще питаю слабость к психологическим драмам не только книжных героев, но и окружающих меня людей. Как по мне, Мэтью в момент откровений Джулиана совершенно не нашел нужных слов, чтобы помочь ему облегчить душу, и это меня расстроило.

Искренне сочувствовала Полу Девейну — даже не хочу воображать, на какую жуткую жизнь обрек его автор! Переживала за Элизабет, хотя смерти ее не удивилась.

Если рассматривать иных персонажей, непосредственно Кардинал Блэк показался мне недостаточно жутким, а образ его — недостаточно демоническим. В тексте МакКаммона он частенько выбивался из собственного образа, держась с откровенной потерянной неуверенностью, что мы с Еленой немного сгладили в процессе перевода. Скажу, что даже угасающий Профессор Фэлл кажется мне более опасным персонажем, чем Кардинал Блэк. Хотя, возможно, МакКаммон еще удивит читателей деятельностью Черного Кардинала. Для этого нужно дождаться «Колониальной Готики».

На этом наше интервью подошло к концу!

Еще раз благодарим всех читателей, кто принял в нем участие, и надеемся, вам было интересно услышать наши ответы и познакомиться с тонкостями нашей работы.

Увидимся с вами в новых переводах. Следите за новостями и до скорых встреч!

Искренне ваши
Натали Московских и Елена Беликова.

notes

1

Эсквайр — почетный титул в Великобритании. Присваивался чиновникам, занимавшим должности, наделенные доверием правительства. Термин «эсквайр» часто употреблялся как равнозначный термину «джентльмен».

2

Пегасы — крылатые кони из древнегреческой мифологии, любимцы муз.

3

Отсылка на роман «Свобода Маски». Доротея — мать Матушки Диар — рассказывала ей историю, будто ее истинным отцом был падший ангел. Он пообещал ей ребенка, богатство и славу, за которые нужно было заплатить. Позже Доротея заболела проказой и сошла с ума, растеряв и богатство, и почет. В тот период она и рассказала дочери эту историю.

4

Линейный корабль — класс парусных боевых кораблей, характеризующихся водоизмещением от 500 до 5500 тонн, вооружением от 30 до 135 орудий в бортовых портах, численность экипажа насчитывала от 300 до 800 человек.

5

Бомбардир, бомбардирский корабль — парусный двух- или трехмачтовый корабль конца XVII — начала XIX веков. Он предназначался для обстрела береговых укреплений и приморских крепостей, и в меньшей степени для артиллерийского боя с кораблями противника.

6

Событие, послужившее основой истории под названием «Рейд на Медуэй». Успешное голландское нападение на английские военные корабли, стоявшие на верфях Чатема, в период Второй англо-голландской войны (1665-1667). Рейд ускорил окончание войны и заключение мирного договора, благоприятного для голландской стороны.

7

Имеется в виду цвет мундира.

8

Кливер (нидерл. kluiver) — косой треугольный парус, прикрепленный к снасти, идущей от мачты к бушприту. На больших парусных кораблях может быть несколько кливеров.

9

Игра слов. «Июль» по-английски «July», «Джулиан» — «Julian». И название месяца, и имя являются производными от латинского имени Юлий.

10

В оригинальном варианте книги используется непереводимое выражение «Tally-Ho!», и «поехали» — его лучший аналог в русском языке. Изначально выражение родилось в Англии. Это был старинный боевой клич участников охоты на лис, который означает, что добыча была замечена. Лучшим аналогом в данном контексте было бы «От винта!», однако временные рамки книги не позволяют его использовать.

11

Джарви — водитель джонтинг-кара, ирландской прогулочной двухколесной коляски с четырьмя сиденьями, расположенными спинками друг к другу.

12

Огниво — приспособление для получения открытого огня. Имело широкое распространение до конца XVIII столетия, когда были изобретены спички. Сноп искр, высекаемых при ударе кремня о кресало, воспламеняет трут, и при хорошем качестве последнего, вспыхивает пламя. При плохом качестве, трут еще нужно раздуть.

13

Узор **пейсли** (турецкие или восточные огурцы, турецкий боб) — декоративный орнамент каплеобразной формы.

14

В чем дело? (нем.)

15

Они нашли наши пропавшие вещи? (нем.)

16

Да! Эти двое принесли их прямо сюда! (нем.)

17

Можешь поцеловать меня в задницу, ты, свинья! (нем.)

18

Не отвечай им, Джендрик. (нем.)

19

Оставь все, как есть. Ситуация уже под контролем (нем.)

20

Вайслаккер — немецкий полумягкий сыр из коровьего молока, производящийся в Германии. На вкус острый и солоноватый, по внешнему виду напоминает кирпич.

21

Он хочет ключ от нашего чемодана. (нем.)

22

Я подчинюсь. Будь готов. (нем.)

23

Непереводимый набор слов.

Да! Пожалуйста! (нем.)

25

Ночной ужас или **ночной страх** (от лат. Pavor nocturnus) — редкое расстройство сна парасомнического спектра, характеризующееся резким и недолгим пробуждением в состоянии сильного страха и иногда агрессии.

26

Осада Буды 1541 года — эпизод Малой войны в Венгрии.

27

Вечера (нем.)

28

Виктор — дословный перевод имени означает «победитель».

29

Помада (фр. pommade) — косметическое средство для ухода за волосами. Вышло из употребления к середине XX века.

30

Слово «merde» во французском языке дословно переводится как «дерьмо», однако из-за экспрессивно негативной окраски, его причисляют к грубой нецензурной брани.

31

Генетическое отклонение, описанное автором, имеет сходства с некоторыми симптомами болезни Фабри, при которой взрослый человек может выглядеть намного моложе своих лет. В настоящее время эта болезнь очень мало изучена, но ученые сходятся во мнении, что нарушения происходят на генетическом уровне.

32

«Lioness Sauvage» дословно переводится как «Дикая Львица».

33

Игра слов. «Cardinal» дословно переводится, как «главный, основной»; «Black» — «черный, темный».

34

Отсылка к сказке «Золотой гусь» братьев Гримм, повествующей о «глупом» младшем сыне, который сумел жениться на королевне при помощи лесного человечка и его золотого гуся.

35

Врачебная этика — сфера этического знания, предметом которого является исследование принципов взаимодействия врача и больного с целью возвращения человеку физического и психического здоровья

36

42,6 метра.

37

Отсылка к Библии. Согласно Евангелию от Иоанна, Лазарь — житель Вифании, которого Иисус Христос воскресил через четыре дня после смерти. Лазарус — латинский вариант написания имени Лазарь.

38

Игра слов. Робсон (Robson) от англ. «rob» — грабить, обкрадывать, разбойничать.

39

Добро пожаловать (нем.)

40

О, моя звезда! (нем.)

41

Обращение, дословно переводимое «господин».

Что это? (нем.)

43

Деготь и перья! (нем.) — возможно, отсылка к балаганной казни или некоей иллюстрации фарса.

44

Озадачена (нем.)

45

Рождественская ель (нем.)

46

Гнить тебе в аду, свинья! (нем.)

47

Лауданум — опиумная настойка на спирту. Применялся как универсальное лекарственное болеутоляющее и успокоительное средство.

48

Отсылка на рассказ «Смерть приходит за богачом».

Понятно. Да. (ит.)

50

И пусть солнце освещает твой путь каждый твой день (ит.)

51

День субботний — в христианской вере это день, завершающий каждую неделю. День должен быть посвящен Господу. После Воскресения Иисуса Христа [МР 16:2], ученики Господа начали соблюдать День Субботний в первый день недели, т.е., в воскресенье. Воскресенье на западе считается первым днем недели, суббота — последним.

52

Игра слов. Гостиница изобилует зелеными оттенками, и даже в письме Хадсон вынужден писать слово «green», что означает «зеленый».

53

Лампри — дословно переводится как «минога». **Миноги** — морские паразиты, водящиеся, по большей части, в пресных водоемах. Присасываются к более крупным рыбам, в том числе и к лососям.